АКАДЕМИЯ НАУК ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. Х.И. ИБРАГИМОВА РАН

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИИ НАУК ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

№ 8

**Посвящается 70-летию известного историка,
доктора исторических наук, профессора, академика АН ЧР,
российского и чеченского государственного деятеля
Ахмадова Явуса Зайндиевича**

Грозный - 2019

УДК 94 (47) +(100)
ББК 63.3 (2 Рос/Чеч) +8
С 23

Печатается по Постановлению Президиума
Академии наук Чеченской Республики
и
Решению Ученого совета Комплексного научно-исследовательского
института им. Х.И. Ибрагимова РАН

Главные редакторы: Ш.А. Гапуров, Д.К.-С. Батаев

Редакционная коллегия:
Гапуров Ш.А., Батаев Д.К.-С., Бугаев А.М., Ибрагимов Муса М.,
Магамадов С.С., Осмаев А.Д., Алхастова З.М.

Сборник научных трудов АН ЧР и КНИИ РАН, № 8 / Под ред. Ш.А. Гапурова, Д.К.-С. Батаева. – Грозный: Академия наук Чеченской Республики, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук. Грозный: Изд-во АН ЧР, 2019. 533 с.

Сборник научных статей, посвящен 70-летию со дня рождения известного ученого – доктора исторических наук, профессора, академика АН ЧР, Заслуженного деятеля науки Чеченской Республики, государственного и общественного деятеля Явуса Зайндиевича Ахмадова. Его научные интересы простираются от вопросов этногенеза народов Кавказа и Чечни в древности – до политической истории и вопросов этнологии горцев Северного Кавказа средневековья и нового времени. Включая вопросы взаимоотношений народов, источниковедения, историографии и современной геополитики.

Здесь представлено более 50 статей авторов из разных городов и научных учреждений России, стран СНГ, Северного Кавказа и Чечни распределенных по пяти разделам. Первый из них, следующий после развернутой статьи академика РАН В.А. Тишкова и профессора Х.В. Туркаева о научной деятельности юбиляра и его гражданской позиции в сложных условиях эпохи перемен, содержит статьи, посвященные вопросам историографии и источниковедения преимущественно Кавказа и Чечни. Второй раздел собрал статьи по российско-кавказским и международным отношениям, в третьем разделе размещены публикации по такому важному направлению современной исторической науки, как «история и историческая память народа». В четвертом разделе содержатся работы по общим проблемам отечественной истории – общественно-экономические и политические проблемы, вопросы религии и культуры. Пятый раздел отведен статьям, раскрывающим деятельность некоторых исторических деятелей Чечни и Кавказа. В «Приложении» приведены полный список научных трудов Я.З. Ахмадова, краткая справка о его деятельности и автобиография.

Издание представит интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Выводы и оценки авторов могут не совпадать с мнением редакционной коллегии.

ISBN 978-5-907060-99-9

©Академия наук Чеченской Республики, 2019.
© Комплексный научно-исследовательский институт
им. Х.И. Ибрагимова РАН, 2019.
© Коллектив авторов, 2019.
© Оформление. ИП Тагиев Р.Х., 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

1. **Тишков В.А., Туркаев Х.В**. К 70-летию профессора Явуса Ахмадова: историк и личность 6

Раздел I. Вопросы историографии и источниковедения
2. **Байдаев И.Ч., Хасмагомадов Э.Х.** К проблеме гуннов, хонов/хунну и других ранних этнонимов в истории народов Кавказа..... 24
3. **Гусейнов Г.-Р. А.-К.** О древней булгаро-тюркской основе этнического состава населения Северо-Западного Прикаспия в контексте сообщения Хоренаци о походе хазир и ба(р)сил 216 г.: историко-лингвистичсекий аспект 33
4. **Айтберов Т.М.** «История мусульманских переселенцев из Нахичевани», как источник по истории Чечни и Дагестана..... 47
5. **Джамирзаев С.М.** К этнотопонимии чеченцев (основные проблемы) 63
6. **Гарунова Н.Н.** «Об исследовании местности, где до октября 1735 года располагалась крепость Святого креста…» (история одного рапорта по материалам Центрального государственного архива Республики Дагестан) ... 66
7. **Демелханов С.М., Оздамирова Э.М.** Об укрепленных пунктах Имамата Шамиля на территории Чечни (к истории вопроса) 70
8. **Боголюбов А.А.** Чечня в первой половине XIX в. в произведениях польских мемуаристов и литераторов 74
9. **Бурыкина Л.В.** Вклад дореволюционных историков Северо-Западного Кавказа в формирование школы отечественного кавказоведения 80
10. **Алиев Б.Г., Иноземцева Е.И.** Екатерина Кушева – самобытный и видный российский ученый - к 120-летию со дня рождения (вклад в историческую науку народов Северо-Восточного Кавказа) 90
11. **Хабаев И.Д.** «Топонимия Чечни» Ахмеда Сулейманова как источник государственно-правовой терминологии чеченцев..... 99
12. **Османов А.И., Лысенко Ю.М.** Наука Дагестана в 90-е гг. XX в.: проблемы, успехи, особенности 107

Раздел II. Российско-кавказские и международные отношения
13. **Панеш А.Д.** Из истории политических взаимоотношений народов Северного Кавказа и России (вторая половина XVI – 70-е гг. XVIII в.)..... 120
14. **Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Гапурова М.Ш.** XVII век – важный этап в становлении российско-чеченских отношений 127
15. **Чекулаев Н.Д.** Значение Терского города как опоры Российского государства на Северном Кавказе в XVI – XVIII вв. 142
16. **Кидирниязов Д.С.** Северный Кавказ в международных отношениях в первой четверти XVIII века..... 151
17. **Гапуров Ш.А. Магамадов С.С., Саралиева Л.Ш.** Кавказский вопрос в российско-турецко-иранских взаимоотношениях в 20-е гг. XVIII века 162

18. **Хизриев Х.А.** Торговля чеченцев с казаками лесоматериалами и изделиями из дерева в период Кавказской войны 175
19. **Гарсаев Л.М., Гарасаев Х.-А.М.** К вопросу о переселении чеченцев в Османскую империю после окончания Кавказской войны 185
20. **Сафаров Р.Ф.** Общее и особенное в эмиграционных процессах чеченцев и северных азербайджанцев в соседние страны в XIX-начале XX в. 195
21. **Гайтамирова С.А.** Административно-территориальные рамки жизнедеятельности населения Терской области 207
22. **Холлиев А.Г.** Основные направления развития экономических связей России с зарубежными странами в конце XIX - начале XX века 217
23. **Гасанов М.А.** Экономические аспекты формирования и развития международных отношений в прикаспийском регионе 224
24. **Алиев А.Ш.** Советский НЭП и китайские аграрные реформы 80-90-х гг. XX в.: опыт сравнительного анализа 237

Раздел III. История и историческая память народа
25. **Шнирельман В.А.** Бунт социальной памяти: чеченцы и ингуши против советских историков 243
26. **Мусхаджиев С.-Х. Х.** Столетний юбилей русской революции и Горской республики в контексте политики памяти.....272
27. **Мамедова Назия.** Политика памяти в Азербайджане 280
28. **Алиева С.И.** Идеологические и социально-экономические аспекты репрессий и депортаций в Азербайджанской ССР 286
29. **Дендиев К.Г., Осмаев А.Д.** Судебные процессы в аграрной сфере Чечни во второй половине 1930-х гг. (по материалам региональной прессы) 296
30. **Гайлаев Р.М**. К вопросу о причинах депортации чеченцев и ингушей.....305
31. **Бегуев С.А., Бурзаканов Я.У., Гелиева М.Н.** Депортация чеченцев и ингушей в 1944 году: преступление века 321
32. **Ибрагимов Мовсур М., Садулаев М.Ю**. Патриотизм жителей Веденского района в период Великой Отечественной войны 328
33. **Ибрагимов Муса М.** Политическая реабилитация чеченского народа и его национально-государственное развитие во второй половине XX-XXI вв. 339

Раздел IV. Общественно-экономические и политические проблемы, вопросы религии и культуры
34. **Гапуров Ш.А., Саралиева Л.Ш., Гапурова М.Ш.** Бессмертные идеи в кавказских произведениях Л.Н.Толстого.....351
35. **Гаджиев А.Г.** Город Барда как один из культурных и экономических центров Кавказа эпохи средневековья 366
36. **Шамаев А.М.** Исламская культура северокавказских народов (XVIII в.) 375
37. **Месхидзе Джульетта.** Скульптурное искусство Чечни: возвращение к теме.....383

38. **Ахмадов Т.З.** Полиэтнические и региональные истоки формирования народной медицины чеченцев 391
39. **Демелханов С.М**. Воздействие экономических факторов на социально-политические процессы на Северо-Восточном Кавказе в историческом прошлом 397
40. **Блейх Н.О.** «Исламский ренессанс» в контексте российской конфессиональной политики (XIX в.) 403
41. **Хачидогов Р.А.** Историко-правовой анализ ислама на Северном Кавказе в XIX веке 411
42. **Курмансеитова А.Х.** Народы Северо-Западного Кавказа в просветительском движении российских мусульман (начало XX в.) 415
43. **Джамирзаев В.С.** Традиционные культурные реалии этноэкономики чеченцев (теоретические основы культурно-хозяйственного развития земледелия) 423
44. **Исакиева З.С**. Ликвидация неграмотности и культурно-просветительская работа в Чечне в 20-40-е гг. XX века 428
45. **Эльбуздукаева Т.У., Хазбулатов Ч.Л.** Подготовка рабочих кадров через систему профтехобразования в ЧИАССР в конце 50-70-х гг. XX века .. 436
46. **Осмаев М.К.** К вопросу о гендерном балансе в чеченском обществе 444
47. **Осмаев А.А.** «Чеченский кризис»: к вопросу о дефинициях 452
48. **Манкиев А.А.** Государственная национальная политика Российской Федерации как фактор формирования российской гражданской идентичности 462

Раздел V. Исторические личности Чечни и Кавказа
49. **Тесаев З.А.** Гарби, сын Сулы – легендарный предводитель из Нашхи (Горная Чечня) 472
50. **Халаев З.А.** «С ними я наживу здесь беду и народу» из донесений кн. Георгия Евсеевича Эристова 476
51. **Арсанукаева М.С.** Поручик Эксан-хан Алиев: страницы военной биографии (1883−1908 гг.) 482
52. **Бетильмерзаева М.М.** Роль Ахмат-Хаджи Кадырова в новейшей истории России (к вопросу о роли личности в истории) 493

Приложения
1. Список научных трудов главного научного сотрудника Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики и Комплексного научно-исследовательского института имени Х.И. Ибрагимова Росийской академии наук (г. Грозный), д.и.н., профессора, академика АН ЧР Я.З. Ахмадова (с 1974 г. по 2019 г.) 500
2. Краткая справка о деятельности академика АН ЧР Я.З. Ахмадова 524
3. Автобиография 526

Сведения об авторах публикаций 528

УДК 93/94; 929. 230

К 70-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА ЯВУСА АХМАДОВА: ИСТОРИК И ЛИЧНОСТЬ

Тишков Валерий Александрович.
доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии наук,
академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Заслуженный деятель науки Чеченской Республики
tishkov@iea.ras.ru

Туркаев Хасан Вахитович
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Чеченской Республики, Заслуженный деятель науки Российской Федерации
turkaev25@mail.ru

Аннотация. *Рассматриваются вопросы творческой биографии известного российского и чеченского историка, профессора Я.З. Ахмадова за более чем 40-летний период научной деятельности в связи с крутыми переломами в истории России и Чечни. Авторы считают, что все работы Я.З. Ахмадова тесно увязаны с запросами науки, страны и общества, но их главной отличительной чертой является честность и объективность, бескомпромиссная борьба с фальсификациями в истории и творческое новаторство. В настоящее время, накануне своего 70-летия, Ахмадов Я.З. не только не снизил, но и нарастил свой творческий потенциал. Его научные труды сопряжены с древней историей Передней Азии, Закавказья, Юга России и Северного Кавказа.*

Ключевые слова. *Я.З. Ахмадов, история России, история Чечни, борьба с фальсификации, историография, Кавказ, биографии ученых.*

Много общего находим мы в изнурительном и вдохновенном труде старателя-золотоискателя и ученого-историка: первый ищет в залежах земной тверди и добывает благородный металл, а второй – не менее, а то и более драгоценные факты и события, затерявшиеся в залежах прошедших эпох.

Но при этом только волнительное восприятие талантливым историком прошлого народа, взаимосвязанного и часто обусловленного всеобщей историей, может явиться для него мощным стимулом в его научных изысканиях. Разыскивать и находить в стремительных потоках времени весомые деяния своего народа, из которых и выстраивается в исследованиях законченный образ этноса – задача, которая под силу талантливому историку.

При этом только «чистые» и свободные от часто меняющейся конъюнктуры времен их создания труды исследователя дают цельное представление о пространственно-временном своеобразии и многообразии пройденного родным этносом исторического пути и формировании его национальной идентичности.

Историческая наука Чечни, хотя и зародилась в начале 70-х гг. XIX в. («Чеченское племя» У. Лаудаева) [1], по сегодняшний день остается молодой наукой: прошедшие после историка и этнографа У. Лаудаева десятилетия, вплоть до начала 30-х годов XX в. отмечены всего лишь эпизодическим обращением отдельных представителей чеченской интеллигенции к истории своего народа. Так, герой Гражданской войны на Северном Кавказе Асланбек Шерипов в предисловии к изданной им в Владикавказе в 1918 г. книге «Из чеченских народных песен» [2], кратко остановился на некоторых вопросах истории Чечни. Молодые чеченские просветители и ученые Ахметхан Мутушев, Исмаил Мутушев в своих дореволюционных публикациях также делали экскурсы в историю чеченского народа.

В послеоктябрьский период в советской историографии вопросы прошлого чеченцев освещалась, но крайне скупо, пристрастно и однобоко. Например, в исследованиях первых историков доминировали темы классовой борьбы и участия чеченцев в гражданской войне. Трагическая поступь истории чеченцев в тот же в том же XIX столетии затрагивалась пунктирно.

Хуже того, в «трудах», статьях, высказываниях представителей т.н. военно-дворянской историографии, обращавшихся к истории чеченцев в ходе Кавказской войны и после нее, преднамеренно искажались события и факты, в бедах и страданиях чеченского народа, прежде всего, обвинялся он сам. К сожалению, в таком ракурсе порой продолжилось освещение новой и новейшей истории чеченцев и в дальнейшем. Сама же Чечня, по сути, долгое время не имела образованных людей для научных дискуссий с теми, кто сознательно, неверно трактовал историю и военно-политические аспекты российско-чеченских отношений.

Это открывшееся для недобросовестных авторов раздолье – лепить из Чечни и чеченцев угодный им образ, глубоко задевало национальные чувства представителей народа, получивших наконец на рубеже 20-30-х гг. XX века прекрасное образование в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), в Институте красной профессуры и в других учебных заведениях молодого советского го-

сударства где преподавали самые выдающиеся русские историки того времени. Потому и появились тогда такие труды как: «Очерк начала революционного движения в Чечне» (1929) Халида Ошаева [3], «Очерк о Чечне» (1928) Денилбека Шерипова [4], первые страстные, дискуссионного характера публикации на страницах журналов «Революция и горец» и «На подъеме» (г. Ростов-на-Дону) статьи Магомета Мамакаева, Абдурахмана Авторханова. Это были, по сути, еще молодые 20-25-летние люди, для которых доброе имя и будущее своего народа в сообществе народов нарождающегося нового государства стало смыслом и целью жизни.

Абдурахман Авторханов, современник названных ученых, их ровесник, но его вклад в зарождение и развитие исторической научной мысли Чечни, литературной критики, берущей свое начало на рубеже XIX-XX вв., огромен. Первой крупной работой А. Авторханова по истории Чечни стала монография «К основным вопросам истории Чечни» от 1930 г. [5]. Уже во введении к ней автор говорит о причинах, побудивших его взяться за это исследование, о своих задачах и целях. «История Чечни еще не написана, а проделана, - отметил А. Авторханов в авторском слове. - Рутина исторической мысли в области кавказской историографии продолжает господствовать и поныне…» [5, с. 1, 30].

Именно А. Авторханову принадлежат первые серьезные исследования, посвященные проделанной Чечней истории нового времени, опирающиеся, естественно, на методологию молодой советской историографии. Выходившие в 30-е гг. из печати одна за другой книги А. Авторханова явились первыми и очень серьезными успехами зарождающейся, по сути, с нуля научной мысли Чечни в первые годы социалистических преобразований.

Это были на то время единственные серьезные исследования, посвященные истории Чечни. После них в этом жизненно важном для «просветления лица» народа направлении, наступила пауза длиной около 30 лет: авторы названных трудов были репрессированы во второй половине 30-х годов, затем и сам народ был депортирован в Среднюю Азию и Казахстан. И, конечно, в 40-50-е годы появлялись пседонаучные публикации, «вдогонку» очерняющие историю депортированных чеченцев и ингушей.

Только после восстановления Чечено-Ингушской автономной республики (1957) вновь образованный Чечено-Ингушский институт истории, языка и литературы начал подготовительную работу по на-

писанию очерков истории двух народов. Молодые ученые настойчиво и с большим желанием стремились быстрее донести до широкой общественности страны правду о истории чеченского и ингушского народов. В этих целях летом 1962 г. Абдул-Халим Саламов – директор института и выдающийся организатор науки – организовал проведение научной сессии, на которой определились концептуальные подходы к освещению процессов, происходивших на территории Чечни, начиная с глубокого прошлого и начала 60-х гг. XX в. [6].

Причем для выработки методологии освещения проблем, сокрытых в пределах указанной хронологии, национальных историков практически не было: только А.-Х.А. Саламов и М.А. Абазатов изложили на названной сессии свое видение своеобразия истории чеченцев и ингушей. Будущие профессиональные историки из числа чеченцев и ингушей пока еще учились в вузах. Это они, повзрослев, пройдя учебу в аспирантуре, в середине 70-х годов начали широко открывать двери в прошлое родного края.

Здесь уместно вспомнить, что после восстановления автономии ЧИАССР в 1957 г. и возвращения чеченцев и ингушей на свою историческую родину у них резко возрос интерес к своей истории, к своим корням. Люди, в большинстве своем необразованные, часто спрашивали тогда: кто мы, откуда мы? Такой пробудившийся интерес к прошлой истории, к своим корням и традициям во многом объяснялся и моральной травмой нанесенной народу сталинско-бериевской античеченской пропагандой за годы их пребывания на чужбине.

С другой стороны, интерес к своему прошлому объяснялся объективным процессом роста национального самосознания, находившегося долгие годы под идеологическим прессом. Вот в такой общественно-политической атмосфере особая миссия ложилась на растущее молодое поколение национальных ученых, в первую очередь историков; перед ними стояли архисложные задачи разгрести завалы, нагроможденные вольными и невольными хулителями истории народа, а также закрыть огромные лакуны и идти дальше в развитии исторической науки как таковой.

Явус Ахмадов, обучаясь на историческом факультете Чечено-Ингушского государственного педагогического института в 1967-1970 гг. рано проявил определенные научные задатки. Его первыми учителями в годы студенчества были талантливые и самоотверженные ученые-историки, такие как Н.П. Гриценко, Л.Н. Колосов, В.П. Крикунов, А.И. Хасбулатов, З.Г. Гойгова и др. Хорошая база позво-

лила Я. Ахмадову успешно поступить в 1972 г. в аспирантуру Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР (г. Махачкала), где под руководством крупного ученого, профессора В.Г. Гаджиева он прошел прекрасную научную исследовательскую школу. К слову сказать, наряду с Москвой и ее богатым научным миром, братский Дагестан, его ученые, интеллигенция сыграли в 60-70-е годы XX в. выдающуюся роль в воспитании целого поколения молодых ученых из числа чеченцев и ингушей.

Уже в первые годы обучения в аспирантуре четко и бесповоротно прояснились в сознании Явуса Ахмадова наиболее актуальные и совершенно не исследованные этапы истории чеченского народа – это XVI-XVIII века – время драматического развития межнациональных и внешнеполитических отношений на Северном Кавказе и интенсивно развивавшихся русско-чеченских связей. Формирующееся научное мышление Явуса, опирающееся на изучении трудов известных российских и кавказских ученых, подсказало ему, что именно в указанные века происходили решающие процессы в ходе столкновений интересов Востока, Запада и России на Кавказе.

В его ранних исследованиях 70-80-х гг. была поставлена проблема, а в написанных позже трудах углублена, что в этом горниле схваток российской, турецкой и иранской империй важным фактором борьбы за Кавказ, становилась прежде всего, Чечня и чеченский народ. Разумеется, непрестанная борьба за свою свободу способствовала началу процесса консолидации чеченского народа, роста его национального самосознания, выделения сильных исторических личностей. Указанные века – время формирования чеченского национального самосознания, что было связано со складыванием позднего героического эпоса («Илли»), в котором во всей полноте запечатлелся нравственно-этический кодекс народа и укреплением единой монотеистической религии – ислам.

В первых же публикациях молодого аспиранта были подняты такие вопросы, как: «К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии», «Вайнахи в кумыкских княжествах», «Из истории чечено-русских отношений» [7; 8; 9] и др. Здесь раскрывались узловые вопросы истории чеченского народа той эпохи, когда для их решения пробуждающееся сознание чеченцев ориентировалось на упрочение связей и дружеских отношений с Россией.

Сразу же после успешной защиты им кандидатской диссертации в 1978 г. [10] подтвердившей профессиональный статус историка, Я.

Ахмадов приступает к осмыслению совершенно не исследованной проблемы народных движений и общественно-политической обстановки в Чечне в XVI-XVIII вв.

Названные первые исследования и по новизне тематики, и по содержанию, являлись все же лишь заявкой молодого ученого на то, что он намерен сосредоточиться на наиболее актуальных проблемах из истории Чечни, население которой в XVI-XVIII в. мобилизовало свою энергию, чтобы занять надлежащее ему место в притягательном для многих государств регионе, подвергавшемся сложнейшей военно-политической «переделке».

Такие работы 80-х гг., как «К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии в XVIII в.», «Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII века», «Состояние изученности в исторической литературе русско-северокавказских политических отношений начало XVII в.» написанные Явусом Ахмадовым, во многом прояснили историческую обстановку, сложившуюся в Чечне и вокруг нее в исследуемую эпоху [11; 12; 13].

Самое главное, эти и другие его научные труды, отличаясь научной скрупулезностью в подходе к изучаемой проблеме, насыщенностью ее архивными документами, основательно развеивали также миф, на котором строилась в конце 70-х – начале 80-х гг. партийно-виноградовская «концепция» так называемого «200-летия добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России».

Один из авторов в те годы работал вместе с Явусом Ахмадовым в Научно-исследовательском институте истории, языка и литературы при Совете Министров ЧИАССР, поэтому очевидец того, как он быстро рос в качестве ученого и, как смело и ярко раскрывалась его гражданская позиция в отстаивании исторической правды, несмотря на суровое «партийно-советское» давление. Замечу, что критическое отношение Я. Ахмадова к «концепции» добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России в его трудах и в публичных выступлениях было обусловлено, прежде всего, неприятием им искажения исторической правды. Отметим, что честную и объективную позицию в трактовке «добровольности» заняли тогда, в конце 70-х годов XX в., и некоторые русские ученые республики, такие, как Н.П. Гриценко, В.П. Крикунов, Ф.П. Боков, и др. [14, с. 82].

В трудах Я. Ахмадова в тот период продолжал формироваться правдивый образ чеченского народа, проходившего через сложные и

драматические коллизии XVI-XVIII вв., проявлявшего недюжинные силы для защиты своей свободы, и в тоже время мужество и благородство по отношению и к своим соседям, и даже к тем, с кем ему приходилось не раз сражаться. Ярким примером к сказанному являются те же чеченские историко-эпические песни илли, в которых выведена галерея образов благородных героев иных национальностей. Сам Явус Ахмадов написал на эту тему ряд оригинальных статей: «Мир вещей и «хонс» в героико-исторических илли» (1984), «К вопросу о взаимосвязях героя с боевым скакуном «дин» в героико-исторических песнях илли» (1988) [15; 16].

С течением времени у Явуса Ахмадова расширялись горизонты видения им тектонических сдвигов, происходящих, в истории народов по обе стороны Кавказского хребта: он ставит в своих трудах такие крупные проблемы, как политика Османской империи, Ирана и России на Северном Кавказе в XVI – XVIII вв. в связи с чем публикуется цикл статей. Продолжает историк разрабатывать тему историографии и источниковедения горских народов и Чечни, а также российских и горских повстанческих движений на юге России и Северном Кавказе [17; 18].

Названные исследования легли в основу первой в северокавказской историографии монографической работы Явуса Ахмадова «Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв.» (1988) [18]. Ее значение для того времени, да и сейчас, трудно переоценить как с точки зрения дальнейшего расширения и углубления этой актуальной научной проблемы, так и востребованности ее результатов для развенчивания на Северном Кавказе зарождающейся в начале 90-х гг., идеологии национал-радикализма. Она кстати буквально распахнула историкам ворота перед аналогичными исследованиями истории горских народов Кавказа в международных отношениях.

Кстати, сам Явус Ахмадов первым и предостерег общество от попыток построить идеологическую национал-радикалистскую платформу на противоречивых оценках истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией. Весьма убедительно и на конкретных исторических реалиях он обосновал свою точку зрения как в научных так в популярных статьях – к примеру «Правовые аспекты взаимоотношений Чечни и России: история и современность», опубликованной для широкого читателя в чеченской еженедельной газете [19].

В 1990 г. Я.З. Ахмадов успешно защитил в г. Ростове-на-Дону, в Северо-Кавказском научном Центре высшей школы докторскую диссертацию «Народы Северного Кавказа во внешней политике России, Ирана и Османской империи в XVI – первой четверти XVIII века». Через два месяца она была утверждена Высшей аттестационной комиссией страны.

В этот период казалось, что горбачевская перестройка приведет страну и науку к новым высотам. Надежды нескольких чеченских гуманистов, защитивших докторские диссертации чуть ли не одновременно с Я. Ахмадовым или ненамного раньше него, преисполненных гордостью, что им удалось достичь такого почетного рубежа в науке, и надеявшихся с еще молодой энергией честно и преданно служить своей Отчизне, принести как можно больше пользы своему, в образовательном плане отставaвшему, народу, рухнули. Говоря словами А.С. Пушкина:

Любви, надежды тихой славы
Недолго нежил нас обман.
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман.

Распад СССР и начавшиеся вскоре в Чечено-Ингушской республике трагические события государственного переворота в августе-сентябре 1991 г., связанные с дальнейшим шквалом сепаратистской демагогии погребли и законную власть в республике, так и закоинные чаяния многонационального народа Чечни. «Революция» маргиналов 1991 г. привела к растерянности часть интеллигенции республики, тем более, что вчерашние партийно-советские работники, депутаты местного парламента в своем большинстве в одночасье превратились в безвольную массу, не готовую даже во имя своего собственного самосохранения взять на себя ответственность и власть [20].

Вместе с тем это было время выбора своей позиции всеми честными людьми. Они, исходя из своего понимания сути происходящего как великого разлома и нравственного долга перед народом, определялись со своей ролью и положением в этом сложном процессе.

В лихие 90-е годы, как их справедливо окрестили, направление, тональность и предназначение научных поисков Явуса Ахмадова несколько меняются. Вновь и вновь в своих публикациях он возвращается к проблеме взаимоотношений Чечни и России, акцентируя глав-

ное внимание на позитивных для чеченского народа реалиях в этих взаимоотношениях: «Проблема присоединения народов Чечено-Ингушетии к России» («История и историки…» (1995), «Взаимоотношения Чечни и России (вторая половина XVI – середина XIX вв.)» вышедшей в 1996 г. [21; 22].

Тогда же акцент в его исследованиях сосредотачивается и на Кавказской войне («Северный Кавказ и великие державы: прошлое и настоящее» (1998); «К истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с адыгами и Кабардой в XVI-XVIII в.». (1998); «Кавказская война; спорные вопросы и новые подходы». Доклад на международной конференции (1998); «Северный Кавказ в политике великих держав» (2000); «Сползание Российской Федерации и Чеченской Республики Ичкерия к конфликту» [23; 24; 25; 26; 27]. Эти и другие статьи были предназначены Я. Ахмадовым не только для решения некоторых научных проблем, связанных с Кавказской войной, но и, чтобы остудить горячие головы национал-радикалов, призывающих к мести и реваншу и, в то же время, изобличать во лжи зарвавшиеся СМИ страны, однобоко, а то и откровенно злонамеренно искажавших историю чеченского народа, натравливавших на него общественное мнение России.

90-е годы XX - начало XXI в. – время боевых действий в Чечне – оставили шрамы и рубцы не только на теле народа, но и в душах представителей интеллигенции, совесть и честь которых обязывали их противостоять и «своим» национал-радикалам и зачастившим в республику чужеземным эмиссарам, которые своими выступлениями на митингах пытались пробудить в народе радикалистские и сепаратистские настроения. Явус Ахмадов решил проблему для себя «за» или «против» в политике однозначно и последовательно: после расстрелов дудаевским режимом мирных демонстраций в г. Грозном и военных экспедиций на чеченские аулы и города в 1993-1994 гг. он ушел на войну в независимый от власти режима район и занимался в правительстве Чечни (председатель С.Н. Хаджиев) вопросами информационной борьбы и воссоздания телевидения, радио и печатных СМИ.

О деятельности Явуса Ахмадова на должности министра информации и печати Чеченской Республики в Правительстве Национального Возрождения ЧР в 1994-1996 гг. вспоминает известный журналист, общественный деятель, Почетный гражданин Чеченской Республики Мовла Камилович Осмаев: «Явус Зайндиевич был назна-

чен министром информации и печати республики в самое тяжелое время, когда всё еще продолжались боевые действия, передвижение было крайне ограничено, средства связи практически отсутствовали. Но тем не менее, в этих тяжких условиях, он сумел оперативно организовать работу средств массовой информации республики, выделить финансовые средства для улучшения материально-технического положения редакций газет и журналов. Заработало телевидение и радио.

Таким образом, за короткий период были задействованы мощные рычаги проведения пропагандистской и разъяснительной работы среди населения в условиях отсутствия объективной информации о событиях, происходящих в республике».

Но на информационном фронте Явусу Ахмадову пришлось вести войну на два направления. В условиях войны мизерные научные и журналистские силы Чечни были рассеяны и некому было на должном профессиональном уровне противостоять как радикалам дудаевского режима, так и надвигающемуся на Чечню и ее народ волну лжи и клеветы извне. Авторы различных античеченских пасквилей, нарядившись в одежды мнимого патриотизма, разжигали костер межнациональной розни в нашей стране.

Но, в конечном счете жонглеры идеологической демагогии и конъюнктурной историографии, уперлись лбами в фундаментальное исследование Я. Ахмадова «История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века» вышедшего в начале 2001 г. в Москве, в котором, к их огорчению, предстал образ народа, имеющего корни в древнейших переднеазиатских цивилизациях человечества и имевших позитивные взаимоотношения с Московским царством начиная с XVI в. В том же 2001 г. издательство «Наука» выпустило в свет монографию член-корреспондента РАН В.А. Тишкова «Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)» основанную на более чем 100 интервью с участниками «чеченских» событий из всех слоев чеченского общества. В атмосфере того безумия в отношении чеченского народа позиция В.А. Тишкова была обусловлена дальновидными и смелыми, честными государственными соображениями. Почти параллельно с указанными изданиями в 2002-2008 гг. под эгидой Института этнологии и этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН выйдут книги целого коллектива авторов - «Культура Чечни. История и современные проблемы», «Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России» (автор проектов и ответственный редактор изданий Х.В. Туркаев) [28; 29; 30; 34]. Заклятые «друзья» чеченского народа с

очень большой тоской восприняли эти издания, мешавшие им безнаказанно резвиться не только в массовых СМИ, но даже в сугубо научных изданиях.

Явус Ахмадов, как историк, виртуально «проживший» к тому времени около четырех веков в атмосфере интенсивных русско-чеченских отношений, всегда был убедителен в своих дискуссиях с хулителями истории чеченского народа и восприятия им русского народа. Так, в статье «Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты» (2003) он показал высокий российский патриотизм чеченских офицеров, служивших в царской армии, их выдающуюся роль в сближении русской и национальной художественных культур, ориентации общественного сознания чеченцев на передовую демократическую мысль России [31].

В начале 2000-х годов, в период нового обострения военно-политической обстановки в Чечне, в творчестве Я. Ахмадова параллельно с академическими исследованиями интенсивно развивается жанр научной публицистики, в которой история Чечни и чеченцев осмысляется в контексте новой и новейшей истории России. Наступает время убедительной дискуссии с теми, кто целенаправленно нивелирует историю Чечни и чеченцев, представляя их чуть ли не чужеродным элементом, невесть как затесавшимся в конгломерат народов Северного Кавказа («Чеченский вопрос в современной литературе и в средствах массовой информации», 2006; «Об освещении «кавказоведческой школой» В.Б. Виноградова вопросов истории народов Северного Кавказа», 2010) [14; 32].

И все это: написание серьезных классических монографий и учебных пособий для школ Чечни, ярких исследовательских и публицистических статей, совмещается у Явуса Ахмадова с выполнением крайне напряженной государственной работы в качестве министра республиканского правительства в 1994-1996 гг., начальника Территориального управления Минпечати России по Чечне (2000-2002 гг.), руководителя аппарата Комиссии Государственной Думы по Чечне (2002-2003 гг.), заместителя начальника департамента Администрации Президента Российской Федерации в 2004-2010 гг. Как говорит герой нашего очерка, он в течение 15 лет не знал выходных, праздничных дней и отпусков.

С выходом на пенсию в 2010 г. Явус Ахмадов полностью отдался научной работе, в этом ему помогла родная Академия наук Чечен-

ской Республики, действительным членом которой он является с 2001 г.

Прежде всего, выяснилось, что проблема «собирания» истории одного из крупнейших российских народов как чеченский остается по-прежнему актуальной, также, как и необходимость борьбы с злостными искажениями новой и новейшей истории чеченского народа. Явус Ахмадов, видя необходимость объективного освещения истории Чечни, еще в 2009 г. (к своему 60-летию) издал в Москве крупную монографию «Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках» [33].

С изданием «Очерка…» Я. Ахмадовым был окончательно утвержден концептуальный вывод «об особом значении XVI-XVIII вв. в истории Чечни, как периоде, когда произошло становление чеченской нации с единым языком и этническим типом, с единой религией и обществом с наличием основных черт национального самосознания», который был высказан еще в 2001 г. [33, с. 31]. «Очерк…» явился именно такой работой, в которой были освещены практически все стороны истории развития чеченского народа, в т.ч. - система управления в Чечне, исламизация Чечни как фактор этнической консолидации нахов-чеченцев, политическое положение Чечни и, наконец, взаимоотношения Чечни с Россией.

Важно, что в монографии, с привлечением большого числа исследований отечественных и зарубежных исследователей, а также архивных источников, были четко очерчены исторические и географические границы Чечни в указанные века, что объективно изобличили современные «концепции» некоторых фальсификаторов.

Между тем Я. Ахмадов еще в бурные дни 90-х годов увидел свой гражданский долг и в том, чтобы сформировать у подрастающего поколения толерантное мышление, которое опиралось бы на объективную и правдивую информацию об истории чеченского народа, всего Кавказа и России. Для этой цели он издал семь учебных пособий для школ и высших учебных заведений республики, в которых непременно отражалась история всего многонационального народа Чечни, а не только коренного.

Спустя шесть лет после издания последней академической работы в 2009 г. Я. Ахмадов в соавторстве с Д.Б. Абдурахмановым[1] изда-

[1] Дукуваха Баштаевич Абдурахманов – профессиональный ученый-историк, крупный государственный деятель Чеченской Республики. С 12 декабря 2005 г. по 29 июня 2015 г.

ет в 2015 г. новую крупную монографию «Битва за Чечню: «Война историографий», или информационная война» [36]. В аннотации к ней сказано: «Книга посвящена информационной войне, давно развязанной в части российской историографии, СМИ и интернете против одного из российских субъектов федерации – Чечни и чеченского народа. Это явление вызвано военно-политическим поражением определенных мировых сил в их попытке мятежом и войной отторгнуть Чечню и Северный Кавказ от России. Теперь информационная война в адрес тех же чеченцев должна, с одной стороны, привести к гражданскому отчуждению горцев от метрополии, а с другой стороны – к «цивилизационному» (следом – политическому) отторжению российского общества и России от Чечни, Кавказа и ислама.

Проблема изучается на анализе «подрывной» деятельности адресных лиц и конкретных работ с привлечением широкого исторического материала. Выявлено, что деятельность ряда псевдоисториков основана на тенденциозном подборе исторических фактов и их фальсификации, на приемах суггестии, серой и черной пропаганды, националистической риторике и коричнево окрашенных оценок» [36, с.4].

Чтобы, по сути, в одиночку противостоять нашествию псевдоисториков, националистов, шовинистов, «дипломированных скинхедов от науки» (слова Я. Ахмадова), на историю чеченского народа и его взаимоотношения с Россией, нужны были ученые яркие, смелые, глубоко образованные, чувствующие свою неразрывную слитность с этим народом, ученые, являющиеся подлинными патриотами Чечни и России. Именно такими предстают Явус Ахмадов и его соавтор Дукваха Абдурахманов в монографии «Битва за Чечню…».

Да, честные и преданные своему народу и государству сыновья должны защищать родину и народ от фальсификаторов и недругов, объявившим по словам Я. Ахмадова «Отечественную войну против чеченского народа». Вместе с тем авторы «Битвы за Чечню» показали себя искренними, убежденными патриотами России. «Авторы считают, - напишут они в аннотации,- что сегодня «битва за Чечню» - это виртуальное сражение за реальное сохранение и укрепление российской общности и государства» [36, с. 4].

Привлекательной и неоспоримо сильной стороной исследований Я. Ахмадова является их строго научная достоверность и, вместе с

являлся Председателем Парламента Чеченской Республики. Автор нескольких книг. Последняя его монография – «История моего народа» (М., 2015).

тем, неизбывное желание во чтобы то ни стало сохранить и преумножить устоявшиеся веками приязненные отношения между народами Чечни, России и Кавказа. В этом смысле совершенно оригинальной выглядит его точка зрения о необходимости по-новому посмотреть на историю Кавказской войны как своеобразное продолжение внутренней войны правящей верхушки Российской империи против русского народа, оказывавщего подспудное и прямое сопротивление крепостному рабству [36, с. 147].

В наших заметках, мы лишь пунктирно попытались обозначить этапы исследовательской деятельности выдающегося российского и чеченского ученого-историка Явуса Ахмадова. Чтобы с исчерпывающей полнотой проанализировать в пространственно-временном измерении все многообразие его деятельности, надо рассмотреть и его последнюю монографическую работу. Там, где должны были быть приложены усилия целых коллективов профессиональных ученых-историков, занимающихся историей Древнего Востока и Кавказа, Я. Ахмадов всего с тремя соавторами практически решил давно назревшую проблему в отечественной историографии – дать широкому читателю систематизированное, научно обоснованное изложение истории этногенеза нахских народов, в первую очередь, крупнейшего из них – чеченского (нахчой/нахче/нохчи) в древности и средние века.

Это глобальная и крайне актуальная для сегодняшней истории чеченского народа проблема, поставленная во множестве аспектов в предыдущих работах Я. Ахмадова, получила свое основательное решение в вышедшем в начале 2019 г. капитальном научном труде «История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до конца XV века» (Я.З. Ахмадов, Г.Д. Гумба, Д.С. Курумов, Э.Х. Хасмагомадов) [37]. В пятнадцати главах этого без преувеличения монументального труда, по существу решена проблема этногенеза нахов, начиная с древнего периода и до XV в. нашей эры на уровне современного состояния российской и мировой историографии.

В заключении этой знаковой работы в современном мировом кавказоведении, Явус Ахмадов написал: «Работая над «долгой» историей «нахской Атлантиды», ее авторы одновременно стремились привлечь внимание как к историческим, так и современным судьбам реликтовых народов Кавказа, сумевших пронести через тысячелетия по-своему уникальные языки и культуру, которые лежат также в основе кавказского цивилизованного феномена. Того самого культур-

ного кода, благодаря которому даже сегодня многоязычное и многоконфессиональное население Кавказа ощущает свою взаимную близость, а в глазах окружающего мира они воспринимаются как «кавказцы» - носители особой ментальности и мироощущения» [37, с.634].

Как мы уже отмечали, с самого начала гражданских потрясений в Чечне и России в целом, с первой чеченской войны и т.д. Явус Ахмадов самой сложной общественно-политической ситуацией в Чечне, был востребован для участия в практическом решении жизненно важных общественных и государственных задач. Сегодня, как мы видим, он вырос в крупного ученого, заслуженного государственного и общественного деятеля. Его монографии и статьи издавались за рубежом в Турции, США, Швеции и странах СНГ [38].

Неоценим его вклад в становлении и развитии молодой исторической науки Чеченской Республики на новом этапе. Он является ответственным редактором и автором двух томов из 4-х томной серии «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней» издаваемой АН ЧР. Сейчас находится в печати его авторский сборник материалов и документов «Чечено-русские отношения в XVIII веке». А на ближайшие годы замыслы и планы таковы, что хватило бы на десяток докторов наук, а между тем за его плечами 160 печатных работ, в т.ч. 20 монографий и учебных пособий.

Когда читаешь работы Явуса Ахмадова, восхищаясь блестящей формой его дискуссии с оппонентами, рассматриваешь ряд капитальных, классических монографий, закрывающих многие лакуны истории Юга России и Кавказа, невольно забываешь, что автору уже 70 лет.

…Но, так же как с судьбой и других ученых старшего поколения, в памяти невольно оживают слова царя Ростевана из бессмертной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», сказанные им своим визирям:

«Стар я стал, уходят годы…
Кто, скажи, теперь возьмется заменить меня в сраженье?
Кто сумеет в ратном деле перенять мое уменье?»

Действительно, кто?

Литература

1. Лаудаев Умалат. Чеченское племя //Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. - 55 с.
2. Шерипов А.Д. Из чеченских народных песен. Владикавказ, 1918.
3. Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне [Текст]. - [Грозный]: Чеч. ОДН, [1928] (тип. им. «11 августа 1918 г.»). - 26 с.
4. Шерипов, Д. Очерк о Чечне /Предисловие: А. Салухудинов. Грозный: изд-во Чечоблисполкома «Серло», 1929. - 56 с.
5. Авторханов А.Г. К основным вопросам истории Чечни: (к десятилетию Советской Чечни). Б. м: Чеч. изд-во «Серло», 1930. – 105 с.
6. Материалы Научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940). Грозный: [б. и.], 1964. - 223 с.
7. Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии// Вопросы истории Дагестана: досоветский период. Тем. сб. статей. Вып. 1. Махачкала: Изд-во Даг. Филиала АН СССР, 1974. С. 220-224.
8. Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах// Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. /Сб. статей. Вып. XI. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1975. С. 57-65.
9. Ахмадов Я.З. Из истории чечено-русских отношений // Вопросы истории Дагестана: досоветский период. /Сб. статей. – Махачкала: Изд-во. Даг. филиала АН СССР. Вып. 2. Махачкала, 1977. С. 297-300.
10. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в.: рук. дис. канд. истор. наук. Махачкала, 1978. - 180 с.
11. Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии XVIII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI-XX в.). //Сб. статей. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1980. С. 53-61.
12. Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в. //Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI -начале XX в. Тем. сб. статей. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1981. С. 57-69.
13. Ахмадов Я.З. Состояние изученности в исторической литературе русско-северокавказских политических отношений начала XVII в. // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 3. Грозный, 1983. С. 188-190.
14. Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. Об освещении «кавказоведческой школой» академика В.Б. Виноградова вопросов истории народов Северного Кавказа // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2010. № 2 (13). С. 78-84.
15. Ахмадов Я.З. Мир вещей и «хонс» в героико-исторических илли // Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических песен илли. //Сб. статей. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1984. С. 50-63.
16. Ахмадов Я.З. К вопросу о взаимосвязях героя с боевым скакуном «дин» в героико-исторических песнях илли // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. // Сб. статей. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1988. С. 123-124.
17. Ахмадов Я.З. Вопросы историографии средневековой Чечено-Ингушетии в трудах советских исследователей 80-х гг. // Вопросы историографии дореволюционной Чечено-Ингушетии. //Сб. статей. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1988. С. 68-79.
18. Ахмадов Я.З. Российское повстанческое движение конца XVII -начала XVIII в. и

народы Северного Кавказа // Известия СКНЦ ВШ. Серия: Общественные науки. № 1. Ростов-на-Дону: 1989. С. 81-92.
19. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. // Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1988. - 176 с.
20. Ахмадов Я.З. Правовые аспекты взаимоотношений Чечни и России: история и современность // «Справедливость» (еженедельник). Грозный: февраль 1994. №1.
21. Осмаев А.А. Волкодлаки. Тайна гибели Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики). М.: ООО «Изд-во МБА», 2019. – 264 с.
22. Проблема присоединения народов Чечено-Ингушетии к России // История и историки /Под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Наука, 1995. С.55-59.
23. Взаимоотношения Чечни и России (вторая половина XVI-середина XIX вв.) // Чеченцы: история и современность. Сост. и ред. Ю.А. Айдаева. М.: «Мир дому твоему», 1996. С. 145-150.
24. Северный Кавказ и великие державы: прошлое и настоящее // Мир, согласие и сотрудничество. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 60 - летию ЧГУ. Грозный: 1998. С. 198-200.
25. К истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с адыгами и Кабардой в XVI-XVIII вв. // Мир, согласие и сотрудничество. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 60 - летию ЧГУ. Грозный: 1998. С. 198-200.
26. Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы (Тезисы докладов Международной научной конференции. Махачкала, 1998)// Северо-Кавказский юридический вестник. Научно-практический журнал. №3. Ростов-на-Дону, 1998.
27. Северный Кавказ в политике великих держав: прошлое и настоящее // Донской юридический институт: ученые записки. Т. 14. – Ростов-на-Дону: Изд-во ДЮН, 2000. С. 147-150.
28. Сползание Российской Федерации и Чеченской Республики-Ичкерия к конфликту // Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции) / Под ред. Д.Д. Гакаева, А.Д. Яндарова. М.: ИЭА, 2001. С.112-125.
29. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Изд-во «Мир дому твоему», 2001. - 426 с.
30. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001. – 552 с. (Переиздана в 2003 г.).
31. Культура Чечни. История и современные проблемы /Отв. ред. Х.В. Туркаев. М.: Наука, 2002. – 380 с.
32. Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты // «Вестник ЛАМ». Грозный: 2003. №19.
33. Ахмадов Я.З. Чеченский вопрос в современной литературе и средствах массовой информации // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. М.: Наука, 2006. С. 116-120.
34. Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. М.: Молодая гвардия, 2009. - 423 с.
35. Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России. Отв. Ред. Х.В. Туркаев. М.: Наука, 2008.
36. Ахмадов Я.З., Абдурахманов Д.Б. Битва за Чечню: «Война историографий» или информационная война. Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий». 2015. – 432 с.
37. Ахмадов Я.З., Гумба Г.Д., Курумов Д.С., Хасмагомадов Э.Х. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни. М.: Изд-во Литера, 2019. – 686 с.

38. Ahmadov Yavus. Çeçen - İngusya Halkıyla Rusya Arasındaki İlişkiler / Translated by: Tarik Cemal Kutlu. Publisher: Sorun Yayınları. Istanbul, Eylül. 2000 (на тур. яз.) -148 с.; Его же: К взаимоотношениям России и Чечни: от феодального лена к субъекту Федерации. Центральная Азия и Кавказ. CA&CC Press AB (Швеция), 2003. №2 (26). С. 32-41; Akhmadov Yavus, Bowers, Stephen R.; Doss, Jr., Marion T.; and Kurnosov, Yulii. Islam in the North Caucasus: A People divided (2009) // Liberty University. Faculty Publications and Presentations. 20. Liberty Uvenersitiy Helms School of Govermment, January 2009. – 33 с.

РАЗДЕЛ I. ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

УДК 93/94(47). 930.2.

К ПРОБЛЕМЕ ГУННОВ, ХОНОВ/ХУННУ И ДРУГИХ РАННИХ ЭТНОНИМОВ В ИСТОРИИ НАРОДОВ КАВКАЗА

Байдаев Ислам Чихаевич
соискатель кафедры истории Чеченского государственного университета
Хасмагомадов Эдильбек Хамидович
кандидат исторических наук
khasmagomadov57@mail.ru

Аннотация. *Одна из черт римской историко-географической литературы первых веков нашей эры заключалась в том, что при составлении очерков собственно истории Рима стала включаться в числе прочих кавказская и причерноморская тематика. Кавказские народы включались в различные землеописания римских авторов (например, Дионисий Периогет, Клавдий Птолемей и Руфий Фест Авиен). Вскоре появляются первые армянские и грузинские письменные источники.*

Для современных исследователей это тем более важно, что объективное прочтение греческих, римских и кавказских источников позволяет отвергнуть фантазийный взгляд о пребывании в непосредственном соседстве горских народов (за исключением возможно предков адыгов в районах Приазовья и Причерноморья) значимых групп скифов, сарматов, алан, гуннов или неких булгаро-тюркских племен, вплоть до эпохи Великого переселения народов.

Ключевые слова. *Римские и греческие источники, история Кавказа, горские народы Кавказа, гунны и хуну/хоны, Северный Кавказ, Северо-Западный Прикаспий.*

Одна из черт римской историко-географической литературы первых веков нашей эры заключалась в том, что при составлении очерков собственно истории Рима стала включаться в числе прочих кавказская и причерноморская тематика. Кавказские народы включались в различные землеописания римских авторов (например, Клавдий Птолемей, Дионисий Периогет и Руфий Фест Авиен). Иногда выдавались и любопытные сюжеты, так Руфий Авиен (вторая половина IV в. н.э.) писал: «здесь (на Кавказе. –Авт.) живут суровые иберы: они, будучи некогда изгнаны с Пиренского (Пиренейский полуостров в

римскую эпоху назывался Иберией. – Авт.) побережья, заняли земли восточной страны, …». Там же Авиен заявляет, что «зиги» - зихи (адыги) это потомки пеласгов, а причерноморские колхи изгнанники из Египта, и т.д. [1]. Впрочем, и в сочинениях, современных дипломированных ученых мы от года в год читаем порой совсем не забавные вещи.

Исследуя вопрос о появлении гуннов на Северном Кавказе (вместе с покоренной частью алан) в конце IV в. на основе источников античного времени (здесь мы приносим огромную благодарность профессору Я.З. Ахмадову за предоставленные авторам материалы своих наработок), следует в порядке «чистоты опыта» указать на наличие некоторых моментов, исходно требующих объяснения. Так, неких «уннов» Прикаспия называет еще к 160 г. н.э. античный автор Дионисий Периегет/Периэгет живший во II в. н.э. Он пишет, что в северо-западной части Каспия находятся «скифы» (в данном контексте сарматы), а «потом унны …», после которых названы «каспийцы…, албаны и кадусии живущие в гористой стране, вблизи их марды, гирканы и тапиры…» [2]. Причем каспии у Периэгета перепутаны местами с албанами, т.к. они в реальности обитали южнее собственно албанских племен [3].

Отметим сразу, речь в данном случае идет о целой группе племен восточно-кавказского и закавказского географического региона. «Унны» данного античного автора и хоны-горцы Кавказа ранних армянских и грузинских авторов, это отнюдь не кочевники и совсем не центральноазиатское племя. Добавим также, что указанные в Северном Прикаспии скифы (сарматы) являлись представителями мощного кочевого объединения – Аорского союза сарматов/савроматов (имевшие прародиной Южный Урал), которое кочевало по Манычу и в собственно Северном Прикаспии (не южнее течения Кумы) [4].

Есть еще один античный автор Клавдий Птолемей (ок.100 - ок. 170 гг. н.э.), который также порой связывается любителями истории с ранним упоминанием якобы гуннов. В книге «Географическое руководство» Птолемея есть следующие строки: «25.Между бастернами и роксоланами живут хуны, а ниже соименных гор амадоки и навары…». Без особого труда выясняется, что «Амадокские горы» Птолемея это гористый кряж Днепра, якобы соседи «хунов» роксаланы обитают на северо-западном побережье Азовского моря, а другие – бастарны, на западном берегу Днепра. Более того сами «хуны», названные в другом месте Птолемеем

уже под именем «хайниды» (кн. V, гл. 8, § 17), включаются в группу племен «алано-скифы» [5].

В раннесредневековых армянских источниках таких авторов как Агафангел/Агатангелос (начало IV в.), Моисей Хоренский /Мовсес Хоренаци (ок. 410-490 гг.), Мовсес Каланкатуаци (VII в.) и Ухтанэс (ок. 935-1000 гг.) есть сообщения о ранних выступлениях неких «хонов» (трактуемых порой вольно в литературе как якобы хунны/гунны) против Албании и Армении в период правления армянских царей Хосрова I (217-253 гг.) и его внука Трдата III Великого (287-330 гг.) [6]. В целом речь как бы идет даже об установлении гуннской гегемонии в Причерноморье и Прикаспии задолго до конца IV в.

Исследователь Ю.Р. Джафаров датирует первое упоминание о прохождении некоего гуннского племени через Дербентский проход даже 215/6 г. По крайней мере в начале первого десятилетия III в. царь Трдат согласно Мовсесу Хоренаци не только разгромил в северной части Албании кочевников-«северян» убив «царя барсилов» но и вторгся в «Страну гуннов» где забрал заложников, что позволило ему якобы привлекать «гуннов» в борьбе с Ираном [7]. Но труд Мовсеса Хоренаци, как известно, дописывался до XV в. и никакой уверенности соответствии данных сообщений с реальностью при сравнении с другими источниками, нет. Тем более, что писателям того времени было свойственно переносить в прошлое известную им в период его жизни этническую номенклатуру.

По труду Агатенгехоса/Агатенгелос как бы выясняется, что когда армянский царь Хосров I (Аршакид, родственник свергнутой Сасанидами парфянской династии) выступил против новой правящей фамилии и между 224/225 – 240 гг. вошел в союз с народами Кавказа к северу от Армении, то он «…собрал алванское и иверское войска, открыл врата аланов (Дар и-Алан - букв. «Ворота против алан» – так назывался Дарьяльский проход с 136 гг. когда здесь единственный раз прошло на юг аланские ополчение из Северного Причерноморья. – Авт.) и Чора Пахака (или «Страж Чора», т.н. Албанские ворота - область Дербента. –Авт.), впустил войска гуннов и [стал] совершать набеги на Персию, …». В других вариантах труда Агатенгехоса (есть армянская и греческая версии) приведенного А.В. Гадло говорится, во-первых, что Хосров «вывел гуннов из прохода Албании», во-вторых, что он открыл «проходы алан и твердыню, называемую Зуаром (Дзор/Тзор, Чора. – Авт.) чтобы вывести войска гуннов» [8].

На помощь Хосрову пришли также «лбины (область Лбин – в последующем Ширван, расположенная на левобережье нижнего течения Куры, граничила с горами и горцами Дагестана в современных границах. – Авт.), чипхи, каспы и другие племена из этих краев (Восточный Кавказ. – Авт.) со множеством отважных и храбрых, хорошо снаряженных всадников». Эти, на первый взгляд, безупречные сообщения, были записаны Агатангелосом 100 лет спустя после описываемых событий, во-вторых его, как и последующего Фавстоса Бузанда, характеризует частое использование фольклорных сюжетов и смещение событий в ту или иную сторону[9]. В-третьих, каждое поколение переписчиков и средневековых авторов вписывало свою, знакомую им в то время, этнономенклатуру. Ведь если доверять приведенным выше интерпретациям, то гунны оперируют на Северном Кавказе и даже в Закавказье, задолго до своего «официально» признанного появления в регионе.

Попытаемся разобраться: например, в контексте тех же событий, в которых Агантагелос упоминает участие «хонов/гуннов» в действиях Трдата II еще более поздний Леонтий Мровели прямо говорит об участии «овсов, леков и хазар». На деле же, как предметно выяснит Г.Д. Гумба, речь шла везде об участии в указанных выше событиях закавказских и северовкавказских горцев, называемых в то время разными этнонимами включая и хоны/хунну [10].

Так, вооруженное выступление иберов/иверов и албанов на стороне Армении против Сасанидского Ирана по определению предполагало участие «варваров» - горских нахов (т.н. «кавкасианов» находившихся в политическом взаимодействии с иберами-картвелами) и, горцев Южного Дагестана (сфера влияния Албании). Есть также вопрос в том, не смешивают ли порой многочисленные переписчики события первой половины III в., едва ли не с зеркальной ситуацией 330-х гг. в Закавказье, когда против Армении выступил царь «маскутский» (албанский/алванский) Санесан, чье владение располагалось на то время по левобережью нижней части течения Куры (где наблюдается и область Лпинк). Фавстос Бузанд (живший в V в.) в контексте сообщения о событии отдаленного от него почти на 100 лет с участием маскуто-алванского правителя Санесана, как бы называет гуннов, но в форме «хоны» и в тесной связке с известными ему горскими племенами Северо-Восточного Кавказа и Албании: «…Похов, Таваспаров, Хечматаков, Ижмахов, Гатов и Глуаров, Гугаров, Шичбов и Чилбов…». Всех их в современной историографии твердо относят к

горцам Северо-Восточного Кавказа и Восточного Закавказья, и из них - те же гугары/гаргары и чилбы (силбы?) давно известны по ранним античным данным [11].

Известная исследовательница К.В. Тревер полагает, что собственно хоны занимали территорию от Самура на юге до Сулака на севере (Дагестан), притом сопоставление горских хонов с гуннами автор считает ошибочным. Тем более, что в армянских источниках хоны/хунну и собственно гунны, транскрибируются различно [12]

Мы также встретим у Бузанда Фавстоса при описании борьбы армянского царя Аршака (345 - 367) с иранским шахом Шапуром (Шапух) II (309 - 379) сочетание «алан» и «гуннов», которых якобы армяне использовали в войне с персами. У нас нет сомнения, что первоначальное написание было хоны/хунну и албаны/алваны. Добавим, что историк Ю.Р. Джафаров также высказал сомнения, полагая, что в данном контексте речь может идти не о гуннах и аланах как обитателях Северного Кавказа, а о неких тюркских племенах, живших куда более севернее [13].

Говоря о военных действиях 330-х гг. в Закавказье поздний автор Мовсес Каланкатуаци (VII в.) указывает на участие в них не только неких кочевых гуннов (чья племенная принадлежность даже уточняется – гунны-«баслы», видимо барсилы [14]) но и «алан». Однако удивляться здесь нечему, для авторов V-VII вв. естественно актуальны гунны и аланы, а не порядком забытые к тому времени «хоны/хунну» (этническая номенклатура горцев Северного Кавказа менялась часто). Весьма интересно и убедительно в плане нашей темы указание М. Каланкатуаци на то, что представители Северо-Восточного Кавказа в армянских войсках (включая как раз и хонов/хунну) являются «пешими горцами» вооруженными палицами [15], но отнюдь не всадниками с лучным боем, каковыми были реальные гунны.

Исторические загадки, связанные в т.ч. с использованием в некоторых русских переводах этнонимов «аланы» вместо «албаны», гуннов вместо хонов/хунну, и т.д. уже затронуты в исторической науке. Последнее по времени обращение к этой проблеме сделано Г.Д. Гумба, который в частности уверенно пишет, что многие «выводы, сформулированные некоторыми исследователями, зиждутся, к сожалению, на источниковедческих и текстологических ошибках» [16].

Как бы то ни было, Г.Д. Гумба удалось разъяснить полнее чем кому-либо ситуацию по поводу хоны, хунну и собственно гунны. Он

надежно установил, что известная часть нахского кавказского этноса, распространенного в тот период по обе стороны Кавказского хребта (в частности на территории современной Восточной Грузии и части Восточного Кавказа) именовалась в первые века новой эры «хоны/хунну», «масаха-хуну» «хунаги», и т.д. В той же «Ашхарацуйц» термины хоны и гунны, звучащие почти одинаково в произношении, при письменном написании, как уже отмечалось, различались заметно. Также, не осталось без внимания, что один из поздних грузинских переводчиков «Истории Армении» Агатангелоса поставил вместо «масаха-хун» грузино-армянское название нахов Закавказья – «дурдзукет (дурдзук/дзурдзук)». Более того, в армянской и грузинской средневековой литературе укрепления Дарьяла называются не только «Аланскими», но и «Хонскими» [17]. Речь идет, естественно, о нахских племенах Закавказья и шире Большого Кавказа, на которых какое-то время, распространился указанный этноним или экзоним.

Г.Д. Гумба, также справедливо напомнил, что тех же хонов, сопоставляемых с масахами, или указываемых их соседями, можно искать и в частности в нахской горной Тушетии где с Плиния Старшего и Помпония Мела (античных авторов начала I тыс. н.э.) до аваро-андийцев XVI-XIX вв., местных горцев называют масаха, масах, мосок [18].

Хоны были разбросаны на широкой территории от Дарьяла до Каспийского моря и вглубь кавказских гор до Дагестана. Хоны выявляются не только на Кавказе, но, также в верховьях Аракса, Чорохи и Куры, т.е. там же, где упоминаются цаны, макероны, гугары (древние нахские этнонимы). Хоны упоминаются также у Леонти Мровели как коренное, догрузинское население Картли, о чем убедительно говорят материалы, приводимые тем же Г.Д. Гумба [19].

Другой исследователь - С.А. Сулейманова, локализует «пахаак (укрепление) хонов» в северо-западной части Албании по течению р. Алазани где располагалась т.н. «стена лпинов» (позже называемая Цора/Чара/Джар) [20].

Одно из первых известных нам конкретных упоминаний о собственно гуннах, проживающих на территории северокавказского региона с последней четверти IV в., вероятно принадлежит грекосирийскому автору Захарию Ритору/Захария Митиленский (470 - не ранее 553 гг.). Он пишет, что (к северу) за «Каспийскими воротами (Дербент)» живут кочевники «бургары» (булгары?) при том есть и такие, которые уже живут в «городах» (скорее всего в укрепленных горо-

дищах, отнятых у местных племен). Правда оказалось, что «бургары» только часть гуннских племен – полный перечень составляет 13 «гуннских племен», в т.ч. живущих и в «палатках» (т.е. ведущих кочевой образ жизни) за Каспийскими воротами». Захарием названы даже ираноязычные «аланы» (вероятно группа, относящаяся к вассалам прикаспийских гуннов, а не к «стране алан» располагавшейся на нижней Куме). Список этих племен интересен и с точки зрения возможной «затронутости» горских племен в современных границах Нагорного Дагестана и Чечни, к примеру нахских/нахчойских аухар/аухов обитавших, с древнейших времен (по крайней мере с эпохи средней бронзы здесь бытовало земледельческое население сменявших друг друга северокавказской, присулакской, кобанской и зандакской культур), в части бассейна рек Аксай-Акташ-Сулак и Кумыкской плоскости. Захарий пишет: «Из пределов Даду (Дагестан. – Авт.) живут в горах, у них есть крепости. Ауангур (оногуры? – Авт.), народ, живущий в палатках, аугар (аухар/овхар/ауховцы? – Авт.), сабир, бургар, куртаргар, авар (овары/обры или дагестанские аварцы? – Авт.), хазар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит, эти тринадцать народов, живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» [21].

Встречается также мнение (которое на уровне сегодняшнего дня науки выглядит еще более спорно, чем ранее), что от впадения в Каспий р. Куры к югу до района Дербента сложилась якобы прикаспийская область, населенная некими индоарийскими массагетами-маскутами (едва ли не аланами) выходцев из Средней Азии. Впоследствии (не позже V в.) на них якобы и распространилось влияние «прикаспийских гунов» [22]. Между тем в раннесредневековой армянской литературе Маскут/Маскутское царство (как левобережная от Куры к горам область Закавказья) служила синонимом для обозначения Албанского царства, либо части его [23]. Кстати именно «с IV -V вв. в связи с изменившимися внешнеполитическими событиями — проникновением с севера кочевников (барсил, гуннов) — политико-культурный центр Албании перемещается с левого берега Куры на правый» [24].

Все изложенное показывает как важно знание исторического и географического контекста как вокруг Кавказа, так и в пределах самого региона. Очевидно, что горские народы покрываются под самыми различными названиями по всему периметру своего расположения, потому мы порой с трудом осмысливаем их нахождение в том

или ином районе Кавказа по косвенным и опосредованным данным.

Объективное прочтение греческих, римских и кавказских источников позволяет отвергнуть взгляд о пребывании в непосредственном соседстве горских народов (за исключением возможно предков адыгов в районах Приазовья и Причерноморья) значимых групп скифов, сарматов, алан и других кочевников вплоть до эпохи Великого переселения народов и зарождения в прикаспийских и равнинно-предгорных районах Северо-Восточного Кавказа большой, многоплеменной и густонаселенной «Страны гуннов» [25].

Литература

1. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост. В.Ф. Патракова, В.В. Черноус. Ростов-на-Дону: Русская энциклопедия, 1990. С. 366.
2. Там же. С. 304.
3. Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1993. С. 8.
4. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 78; Античные источники о Северном Кавказе /Сост. В.М. Аталиков. Нальчик, 1990. С.79; и др.
5. См.: Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Ч. 1. Греческие писатели (продолжение) // Вестник древней истории, 1948. № 2. Кн.V, гл.9.25. С. 238; Удальцов А. Д. Племена европейской Сарматии II в. н.э. // Советская этнография, 1946, №2, С. 42, 44-45; и др.
6. См., Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). Сухум, 2016.
7. См.: Хоренаци Мовсес. История Армении / Пер. Гагика Саркисяна. Ереван, 1990. С.143; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979; С. 43-44; Джафаров Ю.Р. Указ. соч. С.13.
8. Гадло А.В. Указ. соч. С. 32.
9. См.: Агатангелос. История Армении /Пер. с древнеарм. К.С. Тер-Давтяна и С.С. Аревшатяна. Ереван, 2004. С. 19; Тревер К.В. Очерки по истории и культуре кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.-Л., 1959. С. 132; Гадло А.В. Указ. соч. С. 31; Арутюнян Б.А. К вопросу о локализации страны Лпинк // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. Сб. статей Т. 1. Ереван, 1991. С. 111; и др.
10. Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 137; и др.
11. См.: История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. и коммент. М.А. Геворгяна. Ереван, 1953. С. 14-15; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 50-51; Тревер К.В. Указ. соч. С. 188-193; Семенов И.Г. Этнополитическая история Восточного Кавказа в III-VI вв. Дисс… канд. истор. наук. Махачкала, 2002. С. 63; Гаджимуратов М.Т. К вопросу о распространении христианства на Юго-Восточном Кавказе в IV-V вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11 (49). Тамбов 2014, часть 1: [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/10.html (Дата обращения 14. 08. 2019); и др.
12. Тревер К.В. Указ. соч. С. 191-193.

13. Джафаров Ю. Р. Указ. соч. С.15-16.
14. См.: Магомадов М.Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994. С. 24-39.
15. Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк: в 3-х кн. / Пер. с древнеармян. Ш. В. Смбатян. Ереван, 1984. С. 34.
16. См.: Арутюнян Б.А. Когда отсутствует научная добросовестность // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении /Сост. П. М. Мурадян. Ереван, 1991. С. 353-382; Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 140-142.
17. Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 124-135.
18. См.: Айтберов Т.М. Нахоязычный район Мосок в XVI - начале XIX в. (Локализация и политические связи) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 56-60; Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 130-131.
19. Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 124-152,134-135, 232-268, и др.
20. Сулейманова С.А. Этнополитическая история северо-западной Албании в свете архетипов в местных источниках // Известия Национальной АНА (серия истории, философии и права), 2004, № 4. С.56-63.
21. Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. СПБ., 2000. С. 568.
22. См.: Тревер К.В. Указ. соч. С.191-196; Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // Материалы археологии Дагестана. Т.1. Махачкала, 1959. С.154-156; Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986. С. 89-93; и др.
23. Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории… С. 129, 140-143.
24. Мамедова Ф. Дж. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III и. до и. э.—VIII в. и. э.). Баку: Элм, 1986. С.116.
25. См.: Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. - 228 с.; Ахмадов Я.З., Гумба Г.Д., Курумов Д.С., Хасмагомадов Э.Х. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни / отв. редактор Я.З. Ахмадов. М.,: Литера, 2019. С. 378-398.

УДК 05.61.21. 93. 81

О ДРЕВНЕЙ БУЛГАРО-ТЮРКСКОЙ ОСНОВЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ В КОНТЕКСТЕ СООБЩЕНИЯ ХОРЕНАЦИ О ПОХОДЕ ХАЗИР И БА(Р)СИЛ 216 г.: ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович
доктор филологических наук, профессор,
Дагестанский государственный университет
garun48@mail.ru

Аннотация: *В статье еще раз подтверждается булгарское происхождение хазир и ба(р)сил и их названий, а также аналогичный генезис имени их предводителя Внасепа Сурхапа. Изложены дополнительные доводы, включая рассмотрение топонимического и этнонимического материала, свидетельствующие о булгаро-тюркском характере этнической карты как Северо-Западного Прикаспия, так и Центрального Закавказья к позднесарматскому времени. Дополнительно обосновано булгарское происхождение этнонимов χοῦν-οι у Птолемея и θουννοι/θουνοι./ωνοι/ωοννοι – Дионисия Периегета, упоминаемых еще во II в. н.э. в Северо-Западном Прикаспии.*

Ключевые слова: *булгаро-тюркский, этнический состав, Северо-Западный Прикаспий.*

Общим местом абсолютного большинства исторических исследований, посвященных тюркам в истории этноязыковой ситуации Восточного Кавказа, стало положение о том, что наиболее ранние упоминания об их непосредственных предках - восточнокавказских «гуннах» - содержатся в армянских источниках лишь V века (Фавстос Бузанд, Агафангелос, Мовсес Хоренаци, Егише/Елише, Лазарь Парпеци). В них они обозначаются этнонимом *hon-kʻ* «гунны», якобы эквивалентным термину «гунн» греко- и латиноязычных источников (Ο□vvοι, Χουννί, *Hunn*), где *-kʻ* - показатель мн. ч.

Однако при этом вне поля зрения их апологетов остаются под предлогом анахронистичности не только античные (грекоязычные) источники II в. н.э. – Дионисия Периегета и Клавдия Птолемея, в которых также упоминаются гунны как на Восточном Кавказе, так и в ареально смежных этому региону областях, но и труды тех историков и лингвистов, которые принимают их во внимание. К их числу относится и автор данной публикации, неоднократно обращавшийся к данной проблеме, в т. ч. и в сравнительно недавнее время [19. С. 100-

101].

Так, еще четверть века тому назад Ю.Р. Джафаров, исходя из соответствующего сообщения Дионисия, пришел к выводу о том, что «к 160 г. (время написания труда) какая-то группа племен, ставшая известной под названием «гунны», уже перешла Волгу и обитала в степях северо-западного Прикаспия». Это дало ему основание полагать, что «уже со второй половины II в. вполне вероятными представляются сведения о гуннах в источниках V в., где первое упоминание о них восходит к первой половине III в. в труде Агафангела». Этот этнос – булгар по признаку этнической и языковой принадлежности - Ю.Р. Джафаров считал авангардной частью тюркоязычных, родственных между собою древнебулгарских племен (барсил, хазар), сформировавшихся как самостоятельное этническое целое внутри племенного союза, созданного центральноазиатскими гуннами (хуннами) в Зауралье, и потому ставших известным Дионисию Периегету под собирательным именем гунны. В отношении хуннов (гуннов) Клавдия Птолемея он полагает, что они под общим именем гуннов проникли из-за Волги с конца I в. н. э. гораздо дальше на запад, чем гунны Дионисия [23. С. 9, 12, 19].

В свою очередь, во второй половине II в. н. э. в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея (ок. 100-ок.170 г. н.э.), попавшем в Европу в XII в. и впервые изданном на греческом языке Эразмом Роттердамским в 1533г., в описании племен Европейской Сарматии впервые упоминаются *χοῦν-οι* «хуны» (гунны) [см.: 22. С. 77; 29]. Однако это название в соответствии с правилами эразмового произношения, отражающими античную норму, может читаться и как [хон]. И даже в византийском языке VI-XV вв., также ориентировавшемся на древнегреческие образцы [8], диграф *ου* обозначал как [u] (лишь в Капподокии – местности на востоке Малой Азии на территории современной Турции), которое употреблялось со времён античности вплоть до наших дней, так и более закрытое, глубокое [o̜][27. С. 4, 10, 11], т.е. допустимо и чтение [хон].

Вышеназванные европейские «хуны/хоны» помещаются исследователями в различных ареально смежных друг другу регионах, близких к Предкавказью и Северному Кавказу. При этом называются левобережье Днепра или Днестра, Северное Причерноморье, Кавказ, области между Манычем и низовьями Кубани, междуречье Урала и Волги к востоку от Дона [23. С. 12].

И в дальнейшем, на рубеже IV и V вв., европейские гунны-

χουνοι, упомянутые и в частном согдийском письме IV в. н. э. как *xwn* [22. С. 77] (с инлаутным [u], [ū] или [o], [ō] [31; С. 351, 372, 369]) до начала Великого переселения народов, начавшегося с перехода ок. 370 г. азиатскими гуннами Волги, локализуемых к востоку от Дона, еще известны по р. Днепр за аланами. Они отличаются современными им писателями от «гуннов» Предкавказья [11; С. 18].

Последние (народ *θουννοι*, *θουνοι*, *ωνοι*, *ωοννοι*), подобно исторически синхронным и ареально смежным *χοῦν-οι* Клавдия Птолемея, называются вышеупомянутым античным писателем Дионисий Периегетом в стихотвореном «Описании населенной земли» (ойкумены), созданном между 118 и 138 гг. н.э. в Александрии, в северо-западном Прикаспии вплоть до Дербентского прохода. Это произведение может отражать и более ранние географические сведения античной эпохи, так как в его основе лежат компилятивные и во многом не сохранившиеся до нашего времени сведения античных географов с IV в. до н.э. до I в. н.э. при том, что самая ранняя, дошедшая до нас копия из южной Италии относится к X в. Для всех этих вариантов традиционно восстанавливается чтение *Ουννοι* по византийскому тексту (между 1170-1175 гг.) комментатора Дионисия–Евстафия (Фессалоникского): «Унны, или θунны с буквой θ, каспийский народ, (который) суть скифский. Нужно следовать тем, которые пишут «унны» без θ», что было воспроизведено в «Сокращенной географии» Никифора Блеммида, который, повторяя данные Дионисия и следуя за правкой Евстафия, пишет *Οὔννοι* [10. С.16; 12. С. 47; 23. С.12, 14, 108 комм.1; 24. С. 214, 216, 217-218; 43. С.28, 47-48].

Однако ряд других исследователей, включая историка из Дагестана – И.Г. Семенова [10. С.45], считает вышеприведенное чтение неверным и предлагают видеть здесь звучание тинны/финны (?!), на основании чего в настоящее время одним из них, М. Гаджиевым, «с осторожностью предполагается» финно-угорское происхождение северо-каспийских и закавказских удиев и удин (на основе полуфантастической концепции В. П. Кобычева о пребывании финно-угров на Кавказе и иных подобных «доводов»). Он же полагает, что вслед признанием появления «гуннов» в Западном Прикаспии во II в. н.э. «следуют иные неверные мнения». К ним, по его мнению, относятся выводы Л.Б. Гмыри последних (2002 и 2006 гг.) лет о вытеснении или ассимиляции прежнего кавказского и ираноязычного (сарматского) населения этой зоны и признании гунно-тюркской доминанты в царстве маскутов (простиралось от устья Куры до реки Самур, а в неко-

торые эпохи – до Дербента, будучи известным с IV в. до н.э. до её завоеваниями арабами в 730-х гг.[33]), а также раннем проникновении тюрок в Закавказье и др. (последнее поддерживается установленным нами булгарским, т.е. пратюркским, происхождением названия его жителей-маскутов (массагетов), которое традиционно трактуется как иранское [20. С. 56 прим. 4]).

Наряду с этим варианты *ωνοι* [ōn-oj] и *ωοννοι* [ōnn-oj] с уверенностью указывают на корневое [o] в вышеупомянутом чтении, как, возможно, и у Птолемея (см. выше). Кроме того, анлаутное придыхательное *θ-* [th] в среднегреческом (византийском) языке рассматриваемого времени, сохранявшееся в классическом (античном) произношении, могло в дальнейшем вследствие утраты придыхания спирантизироваться и перейти в *φ* [f] [7. С. 118, 119; 27. С. 18].

Вышеназванное обстоятельство, видимо, и обусловило позднейшее, считающееся М. Гаджиевым ненадежным указание (см. выше) Евстафия Фессалоникского: «Нужно следовать тем, которые пишут «унны» без θ», хотя не исключено, что употребление придыхательного θ- могло быть вызвано стремлением автора передать придыхательный [h], неизвестный (древне)греческому языку. Об этом говорит то, что в *χοῦν-οι* Птолемея представлен анлаутный *χ-*, которому у Приска Панийского (Vв.н.э.) в названии т.н. азиатских гуннов - *hungnu*, традиционно считающихся сложившимися в Центральной Азии в начале I тыс. до н.э. [42 С. 52] и уже занявших к Vв. н. э. Паннонию в Европе, отвечает Οὐννοι [22. С.77], значок над буквой *υ* которого обозначает т.н. густое придыхание и передает придыхательный [h]. Вместе с тем отсутствие знака густого придыхания у Дионисия Периегета могло быть обусловлено компилятивным характером его работы, обусловившим допущение соответствующей ошибки.

Об т. н. азиатских гуннах говорит, возможно, и удвоенный *-vv-*, восходящий, вероятно, к *-ngn-* у Приска Панийского (ср. *hungnu* «название азиатских гуннов» [42. С. 52]), как и в лат. *Chunni/Hunni* [см. 42. С. 52], хотя в более ранней «Истории» (394/395-397гг.) Аммиана Марцеллина – *Huni* [4], возможно, из *Hunni*. Вместе с тем его вариативное отражение *ουννοι/ωοννι* у Дионисия Периегета может указывать на более позднюю традицию, связанную с т. н. азиатскими гуннами, хотя, в принципе, ауслаутный *–(a)n* в нескольких словах тюркских языков, обозначающих совокупности лиц, в т. ч. этнонимического характера, рассматривается как возможный показатель множественности [46. С. 88-89]. Кроме того, в енисейских сибирских язы-

ках, к числу древних носителей которых некоторые исследователи относят т.н. азиатских гуннов [22. С. 76-77], этот показатель обозначает множественное число существительных одушевленного [!] класса, но последнее однако принимается не всеми тюркологами и алтаистами [38. С. 15-16].

Вместе с тем следует отметить, что к настоящему времени традиционная локализация тюркской прародины в Саяно-Алтайском нагорье или даже более поздняя в Ордосе – в китайской провинции Шаньси, где она связывается с народностью сюнну, наименование которой считается китайским названием hungnu азиатских гуннов [40. С. 435], вызывает все большие сомнения. Так, еще в 1973 г. один из выдающихся европейских тюркологов – Г. Дёрфер – полагал, что «язык европейских гуннов отличался от языка сюнну, т.е. европейские гунны, по-видимому, не являлись потомками сюнну, во всяком случае не являлись их прямыми потомками» [22. С. 113]. И уже на сегодняшний день другой исследователь – специалист в области гуннских и сюннуских древностей – приходит к совершенно категорическому выводу о том, что «существующая «ордосская» гипотеза о ранней истории сюнну должна быть снята» [34. С. 208], что, с одной стороны, исключает какое-либо северный путь продвижение тюрок в Северо-Западный с традиционной алтайской или ордосской прародины, но, с другой представляет дополнительные аргументы в пользу иной, переднеазиатской.

По мнению И.Г. Семенова, восточнокавказские гунны (т.е., надо полагать, хоны) периферийно входили в состав государства европейских гуннов, о чем говорит, на его взгляд, идентичность имени *hEран* руководителя их набега на Закавказье в 441 г. имени младшего сына Аттилы – Эрнах (Ирник): *(h)er(a)n-ah* [37. С. 43, 50]. Однако подобная интерпретация представляется неубедительной как с фонетической точки зрения, так и в отношении возраста сопоставляемых морфем, ибо ввиду пратюрк. *hara* «муж»/обще-межтюрк. *eren* 1. «мужчина», 2. «герой», анлаутный *h-* в первом из которых сохранился в булгарских языках [26. С. 48; 36. С. 290; 39. С. 303], речь должна идти о соответствующей местной пратюркско-булгарской форме, которая коррелируется в отношении своего анлаута с названием хонов (см. в последующем изложении). Однако *Эрнах/Ирник* больше отвечает форме *erngek/erengek/ernek/erengek* «большой палец», отмеченной лишь в средневековых восточнотюркских языках [36. С. 299], носит тем самым более поздний, чем предполагалось И.Г. Семеновым, ха-

рактер и не может быть привлечен для отождествления с древним *(h)er(a)n-ah*.

Тем самым уже упоминавшийся этноним *hon-* (отсюда honoγur – самоназвание мигрировавших на Балканы булгар Аспаруха), являющийся одним из булгарских (с переходом**q-* > *h-* [16. С. 29]) вариантов пратюркского протоэндоэтнонима кумыков *qumuq* < *qomuq* < **qon-uq* ‘оседлый’ <**qon* «оседать», «поселение», что указывает на оседлый характер их проживания и где имел место соответствующий булгарский звукопереход -**n->-m-* при том, что протобулгары известны на Северном Кавказе уже во II в. до н. э., в т. ч. и армянской традиции [11. С. 19; 17. С. 21; 18. С. 66-68], оказывается письменно засвидетельствованным в связи с территорий Восточного Кавказа, по крайней мере, со II в. н. э. и, возможно, ранее. Он отразился в достаточно широком круге источников, как древнегреческих и армянских, так и в грузинских и других. Впервые «страна *hонов*» в Прикаспии упоминается Егише Вардапетом (V в. н.э.), который располагал ее севернее Дербента, именуемого им «воротами *hонов*», и западный предел этой страны составляли Аланские ворота. Рядом с хонами «Армянская география» VII в. помещает племена Центрального Кавказа – рачанов, двалов и цанаров, и, по мнению Н.Г. Волковой, «страна хонов, исходя из современных представлений, включала часть Дагестана, горные территории Тушетии, Хевсуретии, Чечни и Ингушетии» [9. С. 128; 12. С. 54; 13. С. 174-175].

Тем самым представляется возможным предполагать, что «страна hонов» простиралась, по данным вышеупомянутых источников и авторов, от «ворот hонов» (Дербент) в Прикаспии до Аланских ворот и восточнее на Центральном Кавказе, т. е., в принципе, включала практически весь Северо-Восточный Кавказ вместе с прилегающей частью Северо-Западного Прикаспия. Здесь хоны-протобулгары были известны еще со II в. н. э. и, возможно, ранее, т. е. ощутимо ранее рассматриваемого похода хазир и ба(р)сил 216 г. Тем более, что ее ареальные пределы уже становились предметом нашего рассмотрения [см. 14].

При этом следует отметить, что в ранней – конец V в. – грузинской агиографии гунны, т.е. хоны, также были известны и локализовались ею в Прикаспийской области в районе страны Чор (Дербент). Имя гуннов (хонни) сохранялись и в одной из грузинских хроник VII в. «Мокцевай Картлисай» («Обращение Картли»), и они приходят в Картли, согласно ей, с юга как народ, изгнанный вавилонянами

(«халдейцами»), что также относят к явлениям анахронистического порядка [11. С. 19-21]. Однако, как было установлено нами, речь может идти и о древнем пратюркском населении, если иметь в виду название еще одной его части – бун-турки, продвинувшиеся сюда не с Алтая, где обычно локализуют тюркскую прародину, а из Передней Азии в достаточно давнее время, откуда в последующем пратюрки двигаются как на север через Кавказ, так и на северо-восток, достигая Алтая и Ордоса [21. С. 54-59].

Причем и к концу VII в., как указывает Л.Б. Гмыря, «*страна гуннов*» имела стабильную оформившуюся территорию, простиравшуюся от низовий Волги на севере до укреплений Дербента на юге; сюда входили степные и равнинные территории, примыкающие к побережью Каспийского моря, а также предгорные районы [12. С. 53, 64]. И в дальнейшем она вновь приходит к выводу о том, что в «V-VII вв. с гуннами прочно связываются Дербентский проход…, а также приморская полоса, ограниченная с запада передовыми отрогами Кавказа» [13. С. 169].

Примерно в то же время, во внутреннем Нагорном Дагестане упоминается с VII в. как самостоятельная государственная единица область (хороним) Гумик (Гуми:к [γumīk]. Ее название является булгарским по звучанию и восходит к эндоэтнониму кумык, первичной формой которого является **qon(uq)* «оседлый» (см. в предшествующем изложении), что указывает на аналогичный этнический характер ее первоначального населения.

Равнинной, надо полагать, ареально смежной с горной областью проживания кумыков, как минимум, с VII по IX вв. была другая, но равнинная известная под наименованием Алал (*Алан) Гумик. Первая часть данного названия при неудовлетворительном характере его традиционной иранской этимологии имеет в тюркских языках значение ««равнина, лужайка, открытое пространство, площадь». Она располагалась границе Сарира, Гумика и Алании при том в дальнейшем, к X в., на севере и северо-западе Серир (о булгарском происхождении данного названия см. в последующем изложении) имел границу с аланами и хазарами (с последними, по всей вероятности, по р. Сулак) [см.15. С. 98-107].

В этом и вышеупомянутом контексте, связанном с исторически первичным, между 118 и 138 гг. н.э., упоминанием гуннов-хонов в западном Прикаспии у Дионисия Перигета, вполне убедительными следует считать и рассматриваемые сведения Мовсеса Хоренаци (V

в.), которые еще Ю.Р. Джафаров считал первым письменным упоминанием тюркских племен хазар и барсил в источниках [23. С. 16-18]. Согласно им, примерно в 216 г. «орды объединившихся горцев, а именно хазиры и басилы во главе со своим царем, неким Внасепом Сурхапом» (Vnasep Surhap), пройдя ворота Чора (Дербентский проход), вторглись в Армению [45. С. 65]. Вместе с тем ряд учёных относит годы жизни Мовсеса Хоренаци к периоду между VII-IX веками включительно и даже к IX веку, и, как полагал Яков Манандян, предложивший эту датировку, вышеупомянутые сведения II в. до н.э. могли быть известны автору из источников VI века [32. С. 135, 138].

Однако М.Г. Гаджиевым, несмотря на доступность изложенных выше сведений для их привлечения к квалифицированному анализу на тюркском материале, ибо мнение о тюркоязычности названных народов является практически общепринятым (на ираноязычность барсил из авторитетных ученых указывал вслед за А.П. Новосельцевым, пожалуй, лишь А.В. Гадло [11. С. 67-68] при том, что после выхода из печати работ названных исследователей тюркологами был выдвинут целый ряд дополнительных доводов в пользу их тюркоязычности, получивших отражение даже в Википедии), делается глобальный вывод: «Можно веско полагать, что в Терско-Сулакском междуречье в III-IV веках существовало крупное сармато-аланско-дагестанское военно-политическое объединение». Причем включение в название этого объединения компонента «дагестанский», который не имеет какого-либо отношения к рассматриваемой эпохе, явно противоречит (бритва Оккама?) предшествующему посылу вышеназванного исследователя, согласно которому тот факт, что древнеармянский историк называет участников похода «объединившимися горцами», не дает основания видеть в них горские племена Северо-Восточного Кавказа, но позволяет говорить об этом походе как о совместном выступлении автохтонного горского населения и кочевников»[10. С. 17-18] (?!).

Причем на сармато-аланскую дефиницию племен, «скрывавшихся» под названием хазир и барсил, подвергшихся в раннем средневековье тюркизации, может указывать, по мнению М.Г. Гаджиева [10. С.10], имя их правителя Внасеп Сурхаб. Его первая часть в предполагаемой армянской передаче считается им закономерной формой (средне)персидского (т.е. юго-западноиранского) имени Wināsp, возможно, восходящего к **Vanasp* «Победоконный». Однако в используемой ссылке на работу В.И. Абаева «Скифо-сарматские наречия» в

указанном значении приводится форма *vanat-aspa* [2. С. 307], представляющая собой искусственную и неизвестную осетинскому языку усеченную форму имени царя европейских сарматов-язигов (они расселились во II в. до н.э. в Северном Приазовье и ушли затем в Европу [48], хотя сам этноним, оставаясь известным и в позднее средневековье, превосходно этимологизируется, в отличие от иранского, на тюркском, включая кумыкский, языковом материале, означая здесь «равнина», «равнинный» [15. С.103]) *Vanadaspos* > **Vanasp* «Победоконный». Его мотивация посредством др.-иран. (авест.) *van* «побеждать» неправомерна: 1) язык Авесты, занимающий промежуточное положение между западно- и восточно-иранскими, не относится к числу юго-западных, каковыми являются персидские языки различной хронологии [2. С. 98, 127, 307]; 2) подобное (*a>i*) развитие вокализма иранским языкам неизвестно, чтобы говорить о родстве соответствующих имен.

Вторая часть *Сурхаб*, по М.Г. Гаджиеву, восходит к перс. *сурхаб* «рубин» (досл. «красная вода»), известным также правителям Табаристана VII-VIII вв. (хотя, по сведениям аль-Истахри (около 850-934), язык жителей Табаристана был не арабский и не персидский [41]) и сравниваемым с именем *Σόρχακος* в Танаисе (устье Дона, III в. до н.э.-начало V в. н.э.), оформленным (иранским [2. С. 341]) суффиксом *–ak* [10. С. 10]. Однако в качестве древней скифо-сарматской неправомочно восстанавливается форма *suxra* с тем же значением, аналогичная авест. *suxra*, непосредственно восходящая к праиран. **suxra* то же и противоречащая осет. (диг.) *surx* «красный» [1. С. 209], что указывает невозможность отражения в данном антропониме достаточно древнего, обычно связываемого с осетинским скифо-сарматского источника, также хронологически соответствующего рассматриваемой эпохе.

При этом следует отметить, что в последние десятилетия квалифицированные этимологи, как, например, Ю.В. Откупщиков, стали все чаще высказываться против весьма спорного положения В.И. Абаева: «Все, что не объяснено из иранского, в большинстве вообще не поддается объяснению» [1. С. 37]. И главный недостаток его трудов, как полагал Ю.В. Откупщиков, – неприемлемая методика этимологического анализа: «Анализируемое имя произвольно членится на компоненты, для каждого из которых в иранских языках (чаще всего в осетинском) отыскивается созвучное слово. Поскольку при этимологизации ономастического материала почти никаких семантических

ограничений у автора обычно нет, какие-то близко звучащие слова в иранских (и только ли в иранских?) всегда находятся» [35. С. 318-319]. Ср. выше в данном отношении, помимо вышеупомянутых этимологий В.И. Абаева, **Vanasp* «Победоконный».

Учитывая же рассмотренный древний тюркско-булгарский контекст этнического состава населения Северо-Западного Прикаспия, представляется достаточно убедительным отождествление компонента *Вна-* первой (*Внасеп*)
части с чув. *вуннӑ*, *вунӑ*, *вун*, восходящего к пратюрк. **он* «десять» с протетическим *в-*, известным также в булгаризмах языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана. У некоторых тюркских племен этот термин (*он*) употреблялся при обозначении отряда из десяти воинов [16. С. 43-44; 28. С. 67; 39. С. 573]. И написание Вна- объясняется тем, что в армянском языке звук [у] при освоении редуцируется в безударном положении и переходит в редуцированный (оглушенный) [ə], который в положении между двумя согласными на письме не обозначается [см. 5; 6].

Так как в пратюркской антропонимике, носившей описательный характер, в первой части использовались компоненты, выраженные числительными, во второй – могли отражаться также имена с предикатами [39. С. 621, 691, 716, 717], во второй части рассматриваемого компонента могли отразиться такие булгарские (чувашские) формы, как *су-/сав* «считать, почитать» [44. С. 53], т.е. *Внасеп* «десятикратно считаемый, почитаемый». О возможности бытования подобной формы в рассматриваемом регионе говорит старый кумыкский антропоним *Сам-бий* (*бий* «князь», подобный ст.-слав., русск.-цслав. булгаризму САМЪ-ЧИИ ‘управляющий хозяйством’), в которых отразился уже упоминавшийся переход **-n*>*-m*, имевший место и в др.-булг. **sām-čy* < *пратюрк. *sā-n* (< **sā-* ‘считать’) [16. С. 31], где *-n* – аффикс отглагольного имени [46. С. 188].

Первому компоненту второй части *Сурх-аб* могут отвечать исторически булгарские антропонимы Северо-Восточного Кавказа – чеч.-инг. *Sur-xo* в значении «воин», *Sur-*(*aka* < пратюрк. *aqa «старший» [см.: 36. С. 71, 120; 39. С. 291], т.е. глава) - правитель Авара в горном Дагестане (IX-X вв.) из пограничной (войсковой) области Хазарского каганата *Sar-ir*. Первые формы (sur-) отвечают крымско-булгарским булгаризмам в кириллической графике СОУР□НЕ, СУР-И (ст.-слав.) с тем же значением, а *Sar(-ir)* – дун.-булг. *sar-ak* (ср. чув. *s΄arъ* < ср.-чув. **s΄ɛr-üh*) < пратюрк. **čerig* ‘войско’ китайского

происхождения [см. 16. С. 41].

Рассмотренная булгарская лексема *Sur-/Sar* ввиду своего китайского происхождения носит восточнотюркский характер, и ее усвоение булгарами могло иметь после установления контроля Каганата, имевшего место, по крайней мере, с первой четверти VII в. над регионом Северо-Восточного Кавказа. Позднее оно в отмеченном булгарском облике получило отражение в местных горских языках (см.: выше), чем, в принципе, поддерживается отмеченное в предшествующем изложении пребывание хонов в этом регионе.

Конечное *-б*(*-b*) в данном антропониме может восходить к аффиксам на *-v* кумыкских (*aga-v* «дядя», *ini-v* «младший брат») и нижне-чувашских звательных форм (*attev* «отец», *annev* «мать»), считающихся близкими к кумыкским и имеющих исходное уменьшительно-ласкательное значение [30. С. 16-17], что также указывает на их булгарское происхождение и первоначальное распространение на Кавказе, имея в виду, что именно отсюда имело место продвижение будущих чувашей-булгар в Поволжье. Вследствие губно-губного характера конечного тюркского *–w* он мог быть передан через ближайшее армянское *-б*(*-b*), так как в древнеармянском грабаре графема, передававшая присущий ему *w*, в дифтонгах (ср. выше *Сурх-aw*) произносилась как полугласный *и* [6]. Появление же на месте *-b>-p* можно объяснить за счет оглушения звонких, которое имело место в средний период истории армянского языка – XI-XVII вв.[5].

Таким образом, анализ исторических и лингвистических сведений позволил еще раз подтвердить булгарское происхождение хазир и ба(р)сил и их названий, а также аналогичный генезис имени их предводителя *Внасепа Сурхапа*. Изложены дополнительные доводы, включая рассмотрение топонимического и этнонимического материала, свидетельствующие о булгаро-тюркском характере этнической карты как Северо-Западного и Юго-Восточного Прикаспия, так и Восточно-Центрального (ср. выше о кумыках, маскутах и бунтюрках) Закавказья к рассматриваемому времени. Кроме того, дополнительно обосновано булгарское происхождение этнонимов *χοῦν-οι* у Птолемея и *θουννοι/θουνοι/ωνοι/ωοννοι* – Дионисия Периегета, упоминаемых в ту же эпоху, еще во II в. н.э., в северо-западном Прикаспии.

Литература

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор/ В.И. Абаев. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1949. Т. I.– 608 с.
2. Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия//Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. – М.: Наука, 1979. – С. 272-365.
3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка/В.И. Абаев. – Л: Наука, 1979. Т. III. – 360 с
4. Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri. XXXI, III, 1, 3, 6, 8 //http. www // ru. wikipedia. org /wiki/Аммиан_Мар.
5. Армянский язык // URL: http. www// ru.wikipedia.org/wiki/Армянский_...
6. Армянское письмо // URL: http. www //ru.wikipedia.org/wiki/Армянское_...
7. Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 683 с.
8. Византийский язык // URL: http. www //ru.wikipedia.org/wiki/Византийск...
9. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа/ Н.Г. Волкова. – М.: Наука,1973. – 206 с.
10. Гаджиев М. Сообщение Хоренаци о походе хазир и барсил в 216г. и этнокарта Северо-Западного Прикаспия в позднесарматский период // Caucaso–Caspica. – Ереван, 2016. Вып. I.– С.7-24.
11. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв./А.В.Гадло.–Л.:Изд. ЛГУ,1979. – 238с.
12. Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот/ Л.Б. Гмыря.– Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. – 286 с.
13. Гмыря Л.Б. Политические образования Дагестана в эпоху Великого переселения народов //Дагестан в эпоху Великого переселения народов (этногенетические исследования). – Махачкала, 1998. – С. 164-175.
14. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К локализации Чунгарса и Вабандара, или еще раз о северо-западных и некоторых иных пределах «страны гуннов» (hонов)//Дагестанский этнографический сборник. – Махачкала, 2006. №2. – С.51-62.
15. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Ал-Ал (Алал?)-ва-Гумик восточных и ясы древнерусских и венгерских источников в контексте истории и лингвоэтногенеза кумыкского и других куманских народов Северного Кавказа, Дагестана и Восточной Европы// Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии». Т.I. – Карачаевск, 2010. – С. 98-107.
16. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана/ Г.-Р. А.-К. Гусейнов. – Махачкала: Алеф, 2010. – 214 с.
17. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана: автореф. дисс… докт. филол. наук. – М., 2011. –51 с.
18. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Об области первоначального расселения протоболгар и происхождении из названия по историко-лингвистическим данным // Palaeobulgarica/ Старобългаристика. - София, 2013. Т. XXXVII. Вып.3. – С. 3-15.
19. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Об этноязыковой принадлежности восточнокавказских гуннов (хонов)//Материалы Международной научной конференции «Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве. Махачкала: Изд. ДНЦ РАН. 2014.–

С. 100-101.
20. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Происхождение названий г. Дербента и топонимии его региона // Вопросы ономастики. – Екатеринбург, 2014. №2 (17). – С. 54-67.
21. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Еще одно свидетельство локализации прародины тюрок в Передней Азии: бун-турки и хон(н)ы грузинских раннесредневековых хроник // Труды и материалы международной конференции «Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы». - Казань. 2018. – С. 54-59.
22. Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. – М.: Восточная литература, 1986. Вып.1. – С. 71-135.
23. Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан/ Ю.Р Джафаров. – Баку: Азернешр, 1993. – 107 с. 24. Дионисий Александрийский (Периэгет). Описание ойкумены (Перевод, вступительная статья и комментарии Е.В. Илюшечкиной) // Вестник древней истории. 2005. №4. – С. 214–233.
24. Древнегреческий язык // URL: http. www // ru.history.wikia.com/wiki/Древне...
25. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков/А.В. Дыбо. – М.: Восточная литература, 2007. – 223 с.
26. Евдокимова А.А. Языковые особенности греческих граффити Софии Киевской: автореф. дисс… канд. филол. наук/ А.А. Евдокимова. СПб., 2008. – 24 с.
27. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка /В.Г. Егоров. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1964 – 355 с.
28. Клавдий Птолемей // URL: http. www //ru.wikipedia.org/wiki/Клавдий_Пт....
29. Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка/ Л.С Левитская. – М.: Наука, 1976. – 206 с.
30. Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. М.: Наука, 1981. – 544 с.
31. Манандян Я. А. Когда и кем была составлена «Армянская География, приписываемая Моисею Хоренскому» // Византийский Временник. – М.: Изд. АН СССР, 1947. Т. I. Вып. XXVI. – С.127-143.
32. Маскуты // URL: http. www //ru.wikipedia.org/wiki/Маскуты
33. Миняев С.С. Актуальные проблемы изучения сюнну // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. – С. 203-208.
34. Откупщиков Ю.В. Очерки по этимологии / Ю.В. Откупщиков.– СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.–480 с.
35. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1974. – 767 с.
36. Семенов И. Г. Место правителя восточнокавказских гуннов в иерархии государства европейских гуннов (по данным «Истории страны Алуанкʿ») // Краткие сообщения Института археологии. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. – С. 43-54.
37. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М.: Наука, 1988. – 560 с.
38. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М.: Наука, 2001. – 822 с.
39. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006. –

908 с.
40. Табаристан // URL: http. www //ru.wikipedia.org/wiki/Табаристан.
41. Тенишев Э. Р. Гуннов язык // Языки мира: Тюркские языки. - М.: Наука, 1997. – С. 52-53.
42. Федоров А.Я., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе/А.Я. Федоров, Г.С. Федоров. М.: Изд. МГУ, 1978. 296 с.
43. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка/ М.Р. Федотов. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. Т. II. – 509 с.
44. Хоренаци Мовсес. История Армении / Мовсес Хоренаци.– Ереван: Айастан, 1990. Т. II.– 348 с.
45. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя) / А.М. Щербак. Л: Наука, 1977. – 191 с.
46. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература, 2003. – 446 с.
47. Язьги // URL: http. www // ru.m.wikipedia.org>wiki/Язьги

УДК 93/94(47). 930.2.

«ИСТОРИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ НАХИЧЕВАНИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЧЕЧНИ И ДАГЕСТАНА

Айтберов Тимур Магомедович
кандидат исторических наук, профессор Дагестанского государственного университета
timirlan@mail.ru

***Аннотация**. Предметом нашего рассмотрения является арабоязычная рукопись XVII–XVIII вв. имеющая отношение к этнополитической истории Чечни и Дагестана. Начиная с XIX в. в Дагестане и Чечне уже были известны рукописные варианты исторической рукописи на арабском языке повествующие о переселении группы людей из Сирии на Северный Кавказ, затем в Чечню и Аргвани (Северный Дагестан). Один из вариантов издал в 1895 г. царский офицер Н. Семенов, а другой востоковед А.Р. Шихсаидов в начале 2000-х гг. Наш вариант сообщает ряд дополнительных этногенетических преданий и дает новые сведения о шейхе Мансуре. Более того, здесь используется редкое для того времени объединяющее понятие «Нахчу-мохк» (Чечня).*

***Ключевые слова.** Ближний Восток, Дагестан, Чечня, история чеченцев, аварцы, Аргвани, шейх Мансур*

На Северо-восточном Кавказе, особенно – в наши дни, на территории Гумбетовского района Республики Дагестан, прежде всего в аварском сел. Аргвани (*Аргъвани+б; эргъвен,* «аргванийцы»), встречаются *списки* одного исторического сочинения, написанного на арабском языке. О существовании его поведал российской науке офицер Н. Семенов, показавший себя, - во второй половине XIX в., активным собирателем материалов по истории Северного Кавказа. Он, например, разыскал в свое время, при помощи чиркеевца А.М. Бараева, текст *Истории Нахбака*, составленной в 1852 /53 г. в чеченском селении Дарго, причем по указанию самого «имама Шамиля» [1. С. 10-14, 114].

I. Известный кавказовед XX – начала XXI вв. Шихсаидов А.Р. предложил назвать заинтересовавшее нас сочинение *«Сказанием об основании аула Аргвани»* [2. С. 14,15,17-21]. Однако, в то же время, в большинстве списков (рукописных вариантов) говорится, что это – история выходцев из Нахичевани (*Нахшаван*), которые будучи уже мусульманами, переселились на Северный Кавказ: первоначально (якобы, примерно в начале VIII в. н.э.) в пределы нынешней Кабардино-Балкарии (на берега р. Баксан//*Басхан*); затем в нынешнюю

Чечню (якобы в первые десятилетия IX в. н.э., на берега «водного потока», который ныне именуют *Аргун*); затем, пройдя через чеченскую местность «Махкета», пришли они в современный Дагестан, а точнее, в местность «Аргвани», где сложилось – с течением времени, – «большое селение»; затем – после изложения авторского видения того, как протекала жизнь дагестанцев в XVII–XVIII вв. и раньше, – говорится опять о ситуации в Чечне [2. С. 17-21].

так в разбираемом нами историческом тексте сказано, что аргванийский аварец по имени Хасан, являвшийся сыном Хаджиали, «пришел» на должность «муллы» (*имам*) в чеченское сел. Алда, причем, имело место — это где-то после 1195/1780–81 г. Согласно рассказу муллы Хасана, в Алдах, находился тогда «высокий мужчина, на голове которого были длинные волосы», такие, что доходили они «до пояса». Хасан-мулла, которому было в то время около 60 лет, посетил обрисованного здесь мужчину, и пришел к выводу, что человек он «благочестивый». Далее пишет указанный в тексте Хасан, что тот человек выделялся на общем фоне. Дело в том, что он - согласно словам Хасана, - «ходил по водяной поверхности», что естественно должно было считаться признаком святости.

После этого, как сообщает излагаемый нами арабский текст, «произошла война между» обладателем длинных волос, упомянутым выше, и «между неверными», под которыми подразумеваются русские военные силы. Последние, причем, «взяли его» в конце концов, в плен. В результате «люди» Северного Кавказа «не знают» ныне о «местопребывании» этого святого, кроме того, что в каком-то месте представители враждебной стороны «уничтожили его», и, таким образом, «сокрыли с глаз людских». Подразумевается в тексте данной рукописи, понятно, чеченец Ушурма, больше известный как «шейх и имам Мансур», предводитель крупного национально-освободительного движения на Северном Кавказе в 1785-1791 гг.

Содержание исторической рукописи не позволяет нам принять для изучаемого здесь арабского текста наименование: «*Сказание об основании аула Аргвани*», предложенное предшественниками. Неприемлемым, с точки зрения содержания, видится нам и такой вариант названия текста, как «*Летопись племени Нахчу»*. Наиболее правильным будет назвать сочинение «*Историей мусульманских переселенцев из Нахичевани»*.

II. Названному выше российскому офицеру-кавказоведу Н. Семенову, доступны были 4 списка «*Истории мусульманских пересе-*

ленцев» (ауховский список, ножаюртовский, центароевский) к числу которых относился и список веденского кадия Шамиля Каратаева, озаглавленный как «*Предание о происхождении чеченцев*»). Ксерокопию арабского списка с таким же примерно названием предоставил, кстати, в наше распоряжение, - в конце советской эпохи, - профессор Я.З. Ахмадов, со ссылкой на еще одно лицо. Начинается данный список «*Истории…»* так: «История выхода из Нахичеванского округа (*махалла*) предков нохчиев (*нахчу)*», что произошло якобы 17-го числа месяца *раджаб* 60/680 г.

Н. Семенов опубликовал доступную ему рукопись в переводе на русский язык (выполнил офицер А.Я. Чернышев), причем с весьма убедительными комментариями [3, С. 209-222], в 1895 г. Позднее за работу над «*Историей мусульманских переселенцев…»* взялись в Дагестанском филиале АН СССР и тогда выяснилось, что существует еще один список «*Истории…»,* переписанный Али Каяевым, знаменитым дагестанским собирателем начала XX в., а также список, который принадлежал ранее аргванийцу Абдулатипу Шамхалову – знатоку восточных языков, получившему европейское образование. К настоящему времени, спустя почти столетие после первой публикации обнаружено, еще несколько арабских списков «*Истории…»* [2. С. 15, 16], в том числе тот, ксерокопия которого находится в наших руках (копия в собственноручной записи Темирбулата Мехельтинского), не зарегистрированный в государственных хранилищах.

Текст «*Истории мусульманских переселенцев…»* перевел в начале 2000-х гг. с арабского языка на русский А.Р. Шихсаидов, причем сделал он это с привлечением еще 6 списков. Но вышеупомянутый арабский список «*Истории…»*, ксерокопия которого находится в нашем распоряжении, содержит ценную информацию, отсутствующую в списках А.Р. Шихсаидова.

Отмечу здесь также и тот факт, что известный кавказовед П.И. Тахнаева, использовав существовавшие краткие замечания А.Р. Шихсаидова, написала довольно обширные и полезные комментарии к переводу «*Истории…»*. Сделала она это по 7-ми спискам, учитывая имеющиеся в них разночтения, с привлечением выявленного ею самой «Унцукульского» (арабо-аварского) списка «*Истории…»* [2. С. 17-23].

III. «*История мусульманских переселенцев из Нахичевани»*, чей текст известен кавказоведению с конца XIX в., является источником весьма сложным – для его даже поверхностного понимания, и тем бо-

лее для научного толкования. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в фундаментальной *«Истории нахов...»* там, где речь идет об эпохе чеченского средневековья, не заметна опора на данные «*Истории мусульманских переселенцев…»*, хотя в *Библиографии* к книге данный арабоязычный труд отмечен [4. С. 504,505, 544, 545, 551-554, 577-580, 582, 584, 585, 599-617, 675; 5].

Кавказоведы, которые занимались изучением прошлого, обращали свое внимание на текст «*Истории…»*, именуя ее, однако, *«Сказанием об Аргвани»* (вариант: «*Сказание об основании аула Аргвани*» и т.п.) [6. С. 135; 7. С. 202]. О данном сочинении писал и известный дагестанский исследователь А.Е. Криштопа, который особо отметил роль местных «преданий» в тексте «*Истории…»* (у него «*Сказание об Аргвани*» – Т.А.) [8. С. 28, 30, 31, 39, 43, 61, 71, 72]. Ряд страниц монографии об аварском сел. Аргвани посвятила «*Истории…»* уже упоминавшаяся выше П.И. Тахнаева [2. С. 23-40], специалист по истории Кавказской войны и русским архивным материалам XIX–XX вв., но не по кавказским арабоязычным текстам.

У нас в отношении «*Истории…»* подход другой, чем у предшественников. Мы убеждены, что на первом этапе следует делать исследование с позиций источниковедения, а уже затем переходить к выводам исторического характера.

IV. К какому же времени относится создание разбираемой здесь «*Истории…»*? В списке, который опубликовал в конце XIX в. Н. Семенов, текст ее завершается следующей фразой: «Эта летопись переписана в год появления» имама Газимухамада Гимринского, которое датировано в источнике 1244/1828–29 г., а затем говорится там о гибели последнего в 1248/1832 г., что случилось «в рукопашном бою... с неверными».

Интересны некоторые детали, связанные с возможными причинами написания «*Истории…*». Один из особо добротных списков (копия *«Истории…»*, снятая собственноручной с «записи» Темирбулата Мехельтинского) содержит абзац, в котором говорится, что танусинцы, жители Талуха (*ТIалухъ*) и хунзахцы начинали бывало «обращаться с тяжбами» и претензиями (на поземельный налог ?) к членам аргванийского судебного присутствия *(диван),* но каждый раз это «кончалось ничем». Дело в том, что аргванийцы: во-первых, имеют, согласно арабскому тексту, «чистую» родословную *(насаб);* во-вторых, являются «первопоселенцами» на аргванийских землях; в-третьих, принадлежат они к числу «знатоков» норм традиционного

права *(расм),* о чем имеются «свидетельства», исходящие от «султанов Аваристана». Это – начиная «от Сураката» и «вплоть до Ахмадхана», который правил с 1836 по 1843 год.

Отмечу, далее, еще один небезынтересный момент, который присутствует в разбираемой здесь «*Истории…»*. В ней говорится, что в регионе повсюду – с точки зрения аргванийских аварцев, – «гнездились», в прошлом, калмыки (*гъармукъ*), причем списки Семенова и Ахмадова датируют появление последних временем более ранним чем 430/1038-39 г. Правитель же их, являвшийся «обладателем» сильной «армии», имел свои военные лагеря: на берегах Терека, а также в пределах современного Хасавюртовского (?) района РД – на холме Табархан (?), который находится между такими северокавказскими речками, как Аксайка (*Ясси*) и Ямансу [2. С. 20, 21].

Согласно разбираемого здесь текста, калмыцкое владычество в равнинно-предгорной зоне Северо-восточного Кавказа было не кратковременным, а имело оно временную протяженность в 163 года. После же этого, «испугавшись» малочисленных, но «хитрых» воинов, которые были «горцами», ушли «калмыки» с территории современных Чечни и Дагестана. Они, причем, «убегая» оттуда, «оставили» – в обрисованных выше лагерях своих «падишахов» (?), то есть хунтайшиев и ханов, – «все свое имущество». Тогда же случилось так, что «горцы забрали» последнее «себе».

Понятно, что в анализируемой «*Истории…»* речь идет здесь в связи с калмыками - о событиях XVII–XVIII вв., но в том их виде, который сохранен для нас народной памятью. Зафиксировано же было это в письменной форме, причем на арабском языке, примерно в первой половине XIX в. Это, в свою очередь, важное подтверждение правомочности той датировки написания «*Истории мусульманских переселенцев из Нахичевани»*, которая указана выше: годы имамата Газимухаммада и «феодального» правления Ахмадхана Аварского, а, следовательно, 30-е годы XIX в.

V. Насколько же достоверны – с точки зрения кавказоведения, – моменты, зафиксированные в тексте «*Истории…»* включая и наш список?

а) При описании событий эпохи Омейядов, называется в тексте следующие лица: эмир «Саййидали Сирийский» и его сыновья *Абу-л-хан*, *Рашид-хан* и *Хамзат-хан*. Такие имена собственные – как, кстати, и имя *Фахр ад-Дин*, относимое текстом к Аббасидской эпохе, – появляются, однако, на Среднем Востоке, как и на Кавказе, не ранее

Сельджукской эпохи (XI–XII вв.), а скорее, имело место это при монголах-мусульманах, то есть в XIV в.

б) Утверждается, что мусульманские аристократы, носители арабской культурной традиции поселились в чеченской волости «*Нахчу-мохк*» (в 3-х списках: *Нашха*), примерно, на рубеже VIII–IX вв. После этого, население «*Нахчу-мохка*» – как видится из контекста, – живет уже по мусульмански, как, кстати, и махкетинские чеченцы, хотя последние встали якобы на путь ислама немного позднее. Такой важный исторический источник, как арабографическая эпиграфика, да и другие бесспорные материалы, не позволяют, однако, доверять данному положению, которое содержится в тексте анализируемой здесь «*Истории…*».

в) Распространение ислама в Аваристане, а также время жизни «неверного» – иудея (?) – хунзахского правителя *(амир)* по имени «*Сурака*т», как и миссионера Абумуслима, относит «*История…*» к 700/1300-301 г. (в некоторых работах исламизация Аваристана, а также деяния Сураката и Абумуслима датированы, возможно, 900/1494 г.) [2. С. 21]; это при том, однако, что в списках Семенова и Ахмадова, да и в некоторых других, появляется данный Суракат – на арене аварской истории – в 370/980-981 г. Другие исторические источники, однако, – такие, например, как куфические надписи на камнях [9. С. 38-40], монеты [10. С. 414, 415, 418-426; 11. С. 13-97], предания центральной части Аваристана, записанные по-арабски в XVIII в. [12. С. 63-70], – заставляют думать, что указанные лица жили в пределах XII–XIII вв. [13. С. 148, 149; 14. С. 68-75; 15. С. 176], то есть гораздо раньше, чем говорится в разбираемой здесь «*Истории…*».

г) При описании «*Историей…*» событий в аварских горах, которые происходили между 1000/1591-92 г. и 1110/1601-602 г. назван эмиром, который пребывал тогда в Хунзахе и разбирал тяжбы, – касающиеся аргванийских земель, – некий *Шахвали*. Данный период аварской истории, однако, известен кавказоведению относительно хорошо, причем по источникам различного вида и различного происхождения, составленным в пределах XVI–XVII вв. на восточных и европейских языках. В них эмир Шахвали Хунзахский не упоминается.

Получается, таким образом, что в тексте «*Истории…*» содержится достаточно много не достоверных сообщений, относящихся, причем, к весьма важным вопросам истории Северо-восточного Кавказа. Из этого факта вытекает, соответственно, что и к некоторым

другим сообщениям – прежде всего в аспектах датировки и звучания имен собственных, – нужно относиться осторожно. Касается эта наша позиция тех особенно моментов, которые относятся к истории Чечни и Аваристана ранее середины XVIII в., причем русские официальные документы, с которыми познакомил нас Я.З. Ахмадов, заставляют полагать, что отмеченные моменты породила не только малограмотность северокавказцев, но и сознательная работа османо-турецкой разведки.

VI. В конце анализируемой здесь арабоязычной «*Истории…*» говорит ее составитель как бы от имени аргванийца по имени Гулу (2-я половина XVIII в.), являвшегося сыном Хана, – сына Акая, сына Зирара, – что пошел тот однажды в сел. Мехельта (авар. *МелъетIа*, чечен. *Мелардо*) и посетил там князя Мусу – одного из Турловых (?), который показал посетителю: «тетрадь (*дафтар*)», где содержались тексты, «написанные» его (Гулу) «предками». Князь Муса, причем, зачитал Гулу Аргванийскому содержимое «тетради» и тот нанял для копирования переписчика – Али Мехельтинского. Уплачено же было тому за работу следующее: один рубль *(къуруш),* серебряное кольцо и плеть с серебряной рукояткой, причем сама «тетрадь», где находились «записи», касающиеся предков аргванийца Гулы, оставлена была в «руках князя».

В то самое время, как сообщает список *«Истории…»*, находились «повсюду русские войска». Мало того, «вокруг говорили» люди, что у «мужчин изымают» они «оружие, а у женщин берут длинные их платки». Продолжалось же все это целых 6 лет. Потом, однако, началась война между русскими и «чеченцами». Результат же ее был такой: войска «русских» убежали с тех земель, а произошло данное событие в 1195/1780-81 г., то есть в преддверии антиколониального восстания имама Мансура. Ниже следует изложенный выше текст, повествующий о длинноволосом мужчине из сел. Алда, который тождествен названному имаму - Мансуру.

Выше, описывая события от 1190/1776-77 г., говорит текст «*Истории…*» устами аргванийца Мухаммадхаджия, который являлся сыном Абдулкадира – сына Хаджимусы, сына Мусы, сына Муртазаали, сына Черкеса. Так вот, этот Мухаммадхаджи находился, – на пастбище (?)– вместе со стариком по имени *Булат*, который считался рабом князя Султанхана. В это время «захотели» вдруг князья «Авара», то есть Хунзаха, взять налог-*харадж* с горных пастбищ, которые находились тогда в распоряжении Аргвани. Жители данного селения, од-

нако, «не согласившись», не дали названным князьям обозначенный *харадж*, ибо «нашли они тетради» с записями соответствующего содержания – в руках упомянутого выше князя Султанхана. Аргванийцы – после того, как «увидели» названные тетради, приняли твердое решение *(икрар)* не давать *харадж* князьям «Авара», потому что аргванийцы являются населением «коренным» и, мало того, принадлежащим к категории «первопоселенцев». Об этом они дали «обещание» друг другу, и как результат, князья «Авара» не взяли с них тогда абсолютно ничего.

Перед изложением событий от 1776/77 г., идет рассказ – в тексте «*Истории…*» – от имени Саида, являвшегося сыном Саййида, сына Абдулвали Аргванийского. Так вот, этот Саид сообщает: «находился я» в местности Мичи-кайи, рядом с аргванийцем Лабу – сыном Абдулвали, то есть рядом со своим дядей (?). Затем, однако, между Лабу и Салатавией (*Салу*)* произошел спор из-за обозначенной местности, где расположились на тот момент Лабу и Саид – внук Абдулвали.

В такой ситуации пошли спорщики к князю, который сидел в Хунзахе. Поступили же они так для того, чтобы «завершил» бы князь тяжбу, и он принял здесь правильное решение: местность Мичи-кайи должна принадлежать Лабу Аргванийскому.

Затем возникла вторая тяжба между Лабу и Салатавией, но на этот раз по поводу горного пастбища Цанта. В данном случае, однако, «князь Хунзахский» заявил: «Местность Мичи-кал не принадлежит двум обозначенным здесь спорщикам, так же, как не принадлежат им обоим местность Лабу-ратлан и самая верхняя часть (букв. «головы» - Т.А.) горы Цанта». Затем князь продолжил: все это является «собственностью моих предков», а после, передал он Юсупу Аргванийскому: самую верхнюю часть Цанта, Мичикал и «местность Лабу».

По прошествии некоторого времени, однако, некий Саламхан купил (это - ?) у аргванийца Лабу за одного коня и три бурки. Как результат - осталась покупка в его руках.

Затем, впрочем, аргванийцы выкупили «ту местность» у названного выше Саламхана и «местность» стала принадлежать аргванийцам. Произошло же это в 1110/1698-99 г.

Ниже этого говорится в тексте «*Истории…*», - в качестве мо-

---

* *Салу* рассматриваем мы как графическое искажение от *Салатау*, то есть видим здесь просто орфографическую ошибку.

рального оправдания притязаний Аргванийской общины на близлежащие земли, - что горные пастбища «были» в распоряжении вышеупомянутого Аргуна, который являлся в давние времена князем Аргванийским. Через институт продажи, причем, «те горы» из рук эмира Аргуна никогда и никуда не уходили, о чем якобы известно людям из исторической – по содержанию – записи, находящейся ныне в руках Амирали Мехельтинского. На аргванийские горные пастбища – согласно анализируемому здесь тексту, - харадж не был якобы налагаем со «времен» Сураката, являвшегося эмиром Аваристана.

Что также представляет интерес: то как говорит текст «*Истории…»,* – после описания событий 1000/1591-92 г., – от имени аргванийца Абакара, являвшегося сыном Хасана, сына Махди, сына Хамзата, сына Али, сына Хангиши, сына Тавбия, сына Ханбулата, сына Умара, сына Шамсудина, сына Шахвали, сына Мухаммада Аргванийского. Так вот, согласно словам Абакара Аргванийского - личности XVII в., «со времен» нахичеванских «предков» сменилось уже 29 поколений. Следовательно, прошло примерно 750 лет.

Примерно в середине XV в. оказалось вдруг, что среди аргванийцев проживают два князя-эмира, которые имеют «мехельтинское», то есть гумбетовское происхождение и, при этом, относятся к роду Сураката Хунзахского. В тексте «*Истории…»* говорится далее, что обозначенных князей оскорбил, – как показало «расследование», – один «нечестивец», а точнее простой баламут. Князья же, принадлежавшие к роду Сураката, обитавшие тогда в Аргвани, убили его. То обстоятельство, однако, что они убили указанного баламута в его собственном «доме», вызвало в Аргвани общественное движение. Как результат, князья-убийцы «убежали» тогда из горного Аргвани, а почему это интересно, объясняет следующий рассказ, который содержит в себе «*Истории…».* Текст ее говорит, с опорой на слова Абакара Аргванийского (XVII в.), что убежали те князья, – как он слышал, – в Аймаки (аварское селение в Левашинском районе РД), где прожили они 15 лет. Затем пришли эти аристократы – хунзахского происхождения - в Тарки (*Азайну* – горское название), где провели три года, после чего пошли они якобы в «Али-юрт», который стоит в «Мичиковской» стороне, то есть в Чечне. Там, на чеченской земле, как бы во 2-й половине XV в., построили эти родичи Сураката, – убежавшие из горного Аргвани, – «усадьбы» и зажили после всего перенесенного нормальной жизнью.

Выше, то есть раньше 1776/77 г., идет речь в «*Истории…»* от

имени Али Аргванийского, являвшегося сыном Хасана, который был [тридцать - ?] седьмым поколением, если тут считать «от предков», вышедших из Нахичевани. Так вот, выясняется, что Али совершил *хаджж*, но после этого на Кавказ не пошел, а остался в Мекке, где прожил 6 лет, а на седьмом году возвратился он в Сирию, где провел один год. Время — это, причем, посвятил Али разысканию информации касательно обстоятельств и причин ухода «предков» нынешних «аргванийцев» из Сирии. Результатом же стало здесь то, что арабы утвердили Али в следующей мысли: ему «стало ясно», что сыновья князя Саййидали Сирийского выступили из Нахичевани по прошествии примерно «ста лет (после 718/19 г.)» от хиджры. Дело в том, согласно рассказу, названного аргванийца, что «испугались» они «насилий» со стороны эмиров, которые стояли тогда во главе каких-то «неверных».

Али Аргванийский, обретя названные выше знания, пошел теперь на Северный Кавказ по стопам сыновей князя Саййидали. В конце же концов добрался он «гор Бештау (*гора Бишду*)». Тут же, кстати, причем под 1000/1591-92 г., упоминается в тексте «*Истории…»* топоним «Нахчу-мохк *(Н-х-ш)*».

При описании ситуации, имевшей место после 700/1300-301 г. говорит нам «*История…»*, что «весь Дагестан» остался в «руках», принявших ислам «эмиров Хунзахских», происходящих из рода Сураката. Существовала, причем, такая ситуация «вплоть» до земли «нохчиев *(Н-х-ш)*». Говорится далее в тексте: в «руках эмиров Хунзахских» - уже являющихся на тот момент мусульманами, - находятся горные земли, которые тянутся в сторону р. Аксайки *(Ясси)*, а происходит данный топоним якобы от имени мужчины, – его звали Яси, – который «пришел из Нахчу-мохка *(Н-х-ш)*», двигаясь к морской (?) «воде», причем вместе со своими «овцами», скотом и «юношами *(гулам)»*. К этому «человеку», по имени Ясси (?), «пришла» тут, большая «масса людей». Как результат, сформировались там «многочисленные селения», жителей которых обложил он – Ясси (?) – «хараджем в пользу эмиров Хунзахских».

Отметим здесь тот, причем, момент, что в списке «*Истории…»*, который предоставил нам Я.З. Ахмадов, говорится обо всем этом также, как нам видно то по публикации Н. Семенова. А именно: «Весь Дагестан остался в руках», принявшей ислам «родни» эмиров «Хунзаха», а это – территория, которая тянется «вплоть до берега Аксайки (*Ясси)*». Датируется же все это «шестсот сорок пятым (1247/48)

годом».

VII. В определенной связке с событиями от 430/1038-39 г., говорит «*История…»* о Шамхане, который стал якобы жить в «Нахчумохк (*Нахшу*)», о чем, кстати, сделаны были - как утверждает текст (XIX в.), - «записи» в 213/ 828-29 г. Так вот, «после смерти» этого Шамхана сформировалось якобы там – в Нахчу-мохке (?), но в 3-х списках: «в Нашхе» – «тринадцать» достойных чеченских «родов (*кабила*)», как указано это якобы в «сочинениях» покойного Шамхана. Далее говорится в тексте «*Истории…»*, что внук мигранта-мусульманина из закавказской Нахичевани, носивший (якобы в середине VIII в.) имя «Аргун» поселился в чеченской местности «Махкета», причем вместе с Фахр ад-Дином, который являлся-де сыном Абул-хана, умершего якобы в 90 / 708-709 г. Больше этого, о «древних» (халифатском и до-монгольском) этапах в жизни чеченцев разбираемая «*История…»*, созданная в 1-й трети XIX в., - не говорит ничего.

Сообщения о прошлом чеченцев, которые приведены выше, имеют свою ценность. Заключается она в том, прежде всего, что нас знакомят с чеченскими этногенетическими преданиями, существовавшими в XVIII – начале XIX вв., но вероятно также и в предыдущие столетия. Даются, причем, такие предания в версиях жителей аварского селения Аргвани, особенно, тех из них, кто были потомками переселенцев из предгорной зоны Кабардино-Балкарии, Осетии и Чечни.

VIII. Наше толкование информации, которая представлена в тексте «*Истории…»* таково:

Современное аварское селение Аргвани возведено в труднодоступной, но благоприятной для жизни местности, на важном горном пути, который связывает Закавказье с равнинной зоной Северо-Восточного Кавказа. В монгольскую эпоху Аргвани вероятно превращено было монголами в центр обширной территории, соответствующей значительной части «Внешнего» Дагестана. Правителями Аргвани монголы возможно назначали, членов рода нуцалов Аварии, которым давали они титул «карачи» (от монг. *хъарачу* «аристократ, не принадлежащий к роду Чингиз-хана»; букв. «чернь») [16. С. 26; 17. С. 155, 156; 1. С. 189, 191].

Когда среднеазиатский правитель эмир Тимур, воюя с Золотой Ордой, подверг разгрому центральную часть Северного Кавказа, - обозначенную тимуридскими историками, как «Бораган (*Бурагъан*)» [18. С. 122; 1. С. 199,200], а на европейских картах XVII в., к приме-

ру, у Герритса и Пискатора - «Барагун», - то оттуда вероятно мигрировали в пределы Дагестана некоторые группы населения. Расселились они тогда преимущественно в предгорье; известно, например, что одно из поселений т.н. *борагъанов* - существовало в Южной Салаватии – над аварским сел. Чиркей [19. С. 699; 1. С. 129, 199, 200].

В рамках названного процесса, то есть ухода *бораганов* из родных мест, предположительно переселились группа лиц в восточном направлении, – с берегов р. Баксан, текущей по Центральному Кавказу, - возможно, под давлением адыгов (*абазак* «абадзехи»). Были эти люди, - передвинувшиеся в XV в. на Северо-восточный Кавказ, - скорее всего, тюркоязычными, давно уже вписанными в золотоордынскую государственную систему. Вот, у них, и могло иметься фамильное предание об арабском, причем якобы благородном происхождении, своих предков. Расселилась эта часть «бораганцев», первоначально, в XV в., на землях, которые принадлежат испокон веков чеченцам – в Приаргунье, а затем в округе «Нахчу-мохк», который тогда представлял собой, возможно, чеченские земли, лежавшие и западнее современной Ичкерии [21. С. 20]. Позднее возникнет - в чеченской уже этнической среде - особое этногенетическое предание, в котором «Нахчу-мохк» будет заменено на «Нашху» (в Галанчожском районе ЧР), думается, в связи с известным переходом отдельных групп горцев-переселенцев с запада на юго-восток, где в XVI – XVII вв. «золотоордынское» наследие еще сохранялось.

Из «Нахчу-мохка», где произошло, - в результате, видимо, этнических смешений и каких-то общественно-политических движений – формирование «тринадцати» нахских «родов» (*кабила*), то есть с чеченских земель перебралась часть *бораганцев* на земли современной Салатавии (Северный Дагестан). Здесь же отметим, что в списке Я.З. Ахмадова привязывается все изложенное выше – в том числе формирование 13 нахских «родов» - к горной «Нашхе» и, одновременно, к 213/828-29 г.

Как в Чечне, так и в той части Дагестана, где стоит сел. Аргвани, ислам вполне мог иметь некоторое распространение к концу XIV – началу XV вв. среди определенных слоев общества [4. С. 594]. Поэтому тюркоязычные (?) переселенцы из центральнокавказского «Борагана» (европейский вариант произношения: *Барагун*), - из зоны, прилегающей к мусульманским городам Золотой Орды, – афишировавшие себя в качестве потомства знатных арабов, могли видеть для себя перспективу. Дело в том, что в таких частях Северо-Восточного

Кавказа, где мусульманство и его культура стоят на примитивном еще уровне, для «авторитетов» от ислама открываются – как показывает жизненный опыт, - широкие возможности для их процветания в обществе.

После оседания в местности Аргвани – в ставке местных *карачи* (в пределах 1-й половины XV в.) бораганские претенденты на арабское происхождение не сидели спокойно на одном месте. Они время от времени пытались, видимо, поднимать там свой общественный статус – над малоуважаемым статусом «пришельцев» (авар. *апарагъ*). Это означало – вывести свою фамилию, мигрировавшую в горы Салатавии из тюркоязычного (?) Борагана, на ступень наследственной аристократии, обладающей правом на суд, военное командование и «феодальные» доходы.

После переселения предводителей рода *карачи* из аргванийской зоны в селение Каранай (нынешний Буйнакский район в РД) [21. С. 26; 1. С. 190, 245], – это было, причем, очевидным фактом уже во 2-й половине XVI в., хотя каранайская эпиграфика позволяет говорить здесь о первой половине XV в., - как и создания этими аргванийцами «Эрпелинского бейлика» [17. С. 155, 156; 22. С. 107, 108], пошли в горах своеобразные явления. Выходцы из Боргана//Барагуна начали распускать среди аргванийцев легенды о своем предке «Аргуне» (имя это является, как известно, монгольским – авт.) [23. С. 485, 486; 2. С. 19]. В легендах же этих рассказывалось, что князь-эмир Аргун являлся первооснователем селения Аргвани, давшем якобы этому населенному пункту имя свое – с точки зрения фонетики, это между прочим, более чем сомнительно, - и, соответственно, полноправным хозяином аргванийских горных пастбищ и прочих земель. Этого же Аргуна, - кстати привязываемого списками Семенова и Ахмадова к 370/980-81 г., – предка аргванийских «бораганцев», стали последние называть современником Сураката (XII – XIII вв.), хотя кавказец с монгольским именем «Аргун» не мог жить ранее конца XIII – XIV вв.

Как можно заключить, опираясь на текст «*Истории…*», пришельцы из Центральной части Северного Кавказа (из Борагана//Барагуна) – они, кстати, афишировали себя, при этом, в качестве знатных арабов – пытались становиться в первые ряды аргванийских борцов с хунзахским «феодализмом». Так, еще в середине XV в. они приняли участие в вытеснении из Аргвани последних родственников местных *карачи*. Их заставили тогда уйти, в конечном счете, якобы на чеченские земли, а точнее в Али-юрт (?).

Тот факт, что правители, сидевшие в Хунзахе, владели обширными горными пастбищами на границе Гумбета и Салаватии, толковался «бораганцами» как результат княжеских претензий. При этом, однако, к 1698/99 г. указанные горные пастбища – гласит текст «*Истории…*» – перешли якобы в собственность аргванийцев.

В 1776/77 г. на территорию сел. Аргвани прибыла из Хунзаха группа вооруженных родственников убитого недавно – в 1774 г., в Закавказье, - правителя Аваристана. Целью их прибытия было: собрать «налог» с горных пастбищ имеющихся вблизи сел. Аргвани, которые использовали аргванийцы в хозяйственных целях. Тут, однако, началось в Аргвани общественное движение, которое разжигали – как нам думается, - «потомки знатных арабов», а точнее местные «бораганцы».

Как сообщил очевидец тех событий, аргваниец - якобы «араб», - носивший имя «Мухаммадхаджи», произошло следующее:

Аргванийцы – разыскали в доме «князя» Султанхана (скорее всего, родственника Турловых. – Т.М.) [24] нужные в той ситуации материалы. Это были «тетради», содержание которых подрывало вроде бы законность требований хунзахских аристократов. Апеллируя к данным «тетрадям», которые соответствовали – как можно предположить, - арабским записям, использованным при составлении «*Истории…*», жители Аргвани отказались от уплаты «налога» в княжескую казну.

К этому времени, то есть во 2-й половине XVIII в., часть аргванийцев – как исконных аварцев, так и аваризированных (?) «бораганцев», афишировавших себя «арабами», - уже расселена была в пределах Чечни, где этому содействовали княжеские семьи «чеченских» Турловых.

Но нам же думается, что все эти миграционные процессы могли быть связаны борьбой горцев с Калмыкским ханством, контролировавшим в какой-то мере степные (затеречные) районы и, частично равнины Северо-Восточного Кавказа, а также часть Терско-Сулакского междуречья. Положение названной части западных монголов, калмыков - после ухода из жизни своего знаменитого хана Аюки (1672-1724 гг.) [20. С. 27, 31], - ухудшилось. Согласно рукописи, малочисленные, но умелые и «хитрые» воины, прибывшие из гор Чечни и Дагестана, вытеснили «калмыков» на север. Среди же этих «горцев», участвовавших якобы в вытеснении «буддистов», - как можно предположить, читая «*Историю…*» – были и аргванийцы.

Часть их, после погрома калмыков могла остаться в пределах Чечни. В их числе – как исконные аварцы (свободные воины – *озьден*), так и аваризированные ранее элементы (те же «бораганцы»), афишировавшие себя в качестве арабов, прибывших из закавказской Нахичевани - Т.А.), так и другие старые переселенцы с запада Северного Кавказа - в горы безопасной тогда Салатавии. Эти переселенцы и могли, перейдя вскоре на чеченский язык, составить ныне многочисленный чеченский тейп Эрганой (*АьргIаной*) Притеречья.

Изложенное выше является естественно сугубо авторским нарративом, однако составленным в попытке закрыть некоторые, хотя бы, лакуны в воссоздании истории Северо-Восточного Кавказа, где переплелись интересы и культуры ряда горских, в подавляющей массе своей автохтонных, – и пришлых народов. Дело за молодыми исследователями, которым мы даем самые новые, ранее недоступные данные источников.

Литература

1. Айтберов Т.М. К истории аварцев Терско-Сулакского междуречья. Махачкала, 2015.
2. Тахнаева П.И. Аргвани – мир ушедших столетий. М., 2012; См. также: Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Новый источник пог истории Дагестана и Чечни XVII-XVIII вв. // ACTA HISTORICA: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию № 2, 2018. С. 106-109.
3. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
4. Ахмадов Я.З., Гумба Г.Д., Курумов Д.С., Хасмагомадов Э.Х. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до конца XV века. М., 2019.
5. Баширов М.С.-Э., Хасмагомадов Э.Х. Этническая история Терско-Сулакского междуречья. Грозный, 2018.
6. Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.
7. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969.
8. Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV вв.: очерк политической истории. М., 2007.
9. Айтберов Т.М., Иванов А.А. Новые арабские надписи XIII-XIV вв. из Дагестана // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1981. Вып. XV. Ч. II.
10. Акопян А.В. Байар, нуцал Аварии и его монеты //Христианский Восток. СПб., 2017. Т. 8 (XIV).
11. Пагава И. Нумизматическое прошлое Дагестана и Грузии. Тбилиси, 2018.
12. Айтберов Т.М. Вопросы датировки «Тарих Дагестан» //Актуальные проблемы развития государственности народов Кавказа. Махачкала, 2013.
13. Айтберов Т.М. Материалы по хронологии и генеалогии правителей Аварии //Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1980.
14. Айтберов Т.М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1980.

15. Хапизов Ш.М. Ума-нуцал (Умахан) Великий. Махачкала, 2013.
16. Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М. К вопросу о происхождении аристократических фамилий в северной части горной Аварии / Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2017. № 67.
17. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957.
18. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Вып. II.
19. Саидов М. Аварско-русский словарь. М., 1967. (урочище Бурагъан щу «Хребет Бурагана»).
20. Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М. Эпиграфические источники по истории распространения ислама в Чечне // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2016. № 20 (проникновение выходцев из предгорной зоны Центрального Кавказа в юго-восточную Чечню и оседании их там говорит и эпиграфический материал).
21. Рук.фонд Института ИАЭ. Ф.5, оп.1, д. 72.
22. Алиев К.М. Шаухалы Тарковские. Махачкала, 2008.
23. Бартольд В.В. Сочинения. М., 1971. Т. VII.
24. О Турловых см.: Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. Махачкала, 2006.

УДК 316.74

К ЭТНОТОПОНИМИИ ЧЕЧЕНЦЕВ (ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ)

Джамирзаев Салман Мирзакаевич,
доктор исторических наук, г.н.с. ИГИ АН ЧР
mirzakaevich@mail.ru

Аннотация. *В данной статье рассматривается проблема некоторых древних этнотопонимов кавкаско-древнепереднеазиатского региона, которая связана с геоэтническим ареалом предков чеченцев. Проводится анализ изучения чеченских этнотопонимов через призму древних этнотопонимов названного региона. Основное внимание акцентируется на преемственный характер древних этнотопонимов региона, использовании методов исторического и лингвистического анализа. Данная работа носит междисциплинарный характер и написана на стыке этнологии, истории, географии и языкознания с целью научно-методологического толкования древних этнотопонимов чеченцев.*

Ключевые слова: *история, этноним, этнотопоним, чеченцы, этимология, Урарту, Чечня.*

В данной статье делается попытка концептуального решения исторических проблем этнотопонимов чеченцев в географическом пространстве древней Передней Азии и Кавказа на основе данных разных источников, соответственно, актуальность изучения данной темы (в таком формате) исследования очевидна.

Основная цель данной работы – это на основе междисциплинарных научных методов исследования дать общую характеристику чеченских этнотопонимов, которые непосредственно связаны с нахскими племенами (генетическими предками современных чеченцев и бацбийцев//цIова-тушин) в историческом прошлом. Несомненно, фрагментарно, без системного и комплексного анализа, эти вопросы рассмотрены многими учеными разных стран и в разные эпохи, за что мы им очень признательны.

Как известно, этнотопонимы чеченцев являются предметом междисциплинарного анализа. И вместе с тем, являясь языковым и культурным наследием предков чеченцев, они содержат в себе очень ценные исторические, этнологические, археологические, геолого-географические, ономастические, мифологические и другие важные сведения о прошлом нашего народа.

Как правило, собственные имена племен, народов и тайпов в диахронном плане играют важную роль в формировании историко-

этнографических, географических и иных сведений о территории, регионе, с которыми они генетически и этимологически связаны. Причем, исторически ойкумены непосредственно связаны с этнонациональным составом коренного населения. Причем, при миграционных процессах разных народов картина совсем иная (как отдельный вопрос, мы его опускаем). Многие исторические источники свидетельствуют о том, что геоэтничекскую картину распространения разных народов определяется на основе топонимов, в частности, по ойконимам. Более того, исконные имена автохтонных народов многими учеными признаны более устойчивыми единицами языка, соответственно, они являются предметом исторической лингвистики.

Этнотопонимы как этно-географическая категория ныне являются живыми свидетели названий древних родов, племен, народов, наций и иных этнических единиц, включая субкультуры. Исследуя географические названия, многие специалисты неизбежно входит в сферы этнографии, этнологии, лингвистики и этнической истории.

Как известно, еще в глубокой древности появилась необходимость использовать этнические названия в качестве территориальных обозначений у земледельческих племен, когда племенное название переходило в топонимическое. Вместе с тем, очень живуча традиция использования профессиональных номинаций в этнотопонимике чеченцев и Чечни, например, СоврагIа «место дубильной технологии» Пхьаьрча «союз ремесленников» и др. Как исторически категория, этнотопонимия связана с историко-географическими причинами, где основными составляющими являются территории расселения этносов контакты этносами, а также специфика культурно-хозяйственной деятельности местного населения с древнейших времен.

Не вызывает сомнения этимология единого происхождения следующих этнтопонимов Кавказа и древней Передней Азии, например: с. ЭгIашт1а (Шалинский р-н Чечни), с. ЭгIашт1а (Ачхой-Мартановкий р-н Чечни), с. Онгушта (фонетический вариант названия села ЭгIиш-тIе дореволюционной Северной Осетии, где исконно проживал чеченский тайпа арстхой//орстхой) и Аргишты (город в государстве Урарту и имя царя), которые на основе исторической лингвистики чеченцев восходят к праформе – ЭгIиш-тIе «на ЭгIиш». Причем, этот же корнеслов представлен и в чеченском тайповом названии ЭгIиш (<АгIош<агIо «склон…») + патой//<пхьа+тIе « на поселение ЭгIиш», соответственно, чеченская семантика этого слова расшифровывается как «поселение на склоне».

Вместе с тем, большое количество этнотопонимов, которые этимологизируются на основе данных исторической лингвистики чеченцев (с учетом диалектных данных) представлены в пределах древней Передней Азии, включая Палестину, например: Дзурдзукъи [1], Урарту (<Арен+тIе «на равнину»)//Биайнили (БIа+Iайн+ла «войска пристанище»; суффикс –ла встречается в чеберлойском диалекте, например, дже+ла…). Об этих и других ценных фактах для выяснения ключевых вопросов древней чеченской истории академик Меликишвили Г.А. утверждает следующее: «В древности адыгейско-чечено-лезгинские племена были распространены не только к северу от Главного Кавказского хребта, но, по-видимому, и к югу от него, в Закавказье и еще южнее. Характерно, что уже в древневосточных источниках (хеттские, ассирийские и урартские надписи) на территории к югу от Закавказья мы встречаем ряд названий, обнаруживающих поразительную близость к названиям, засвидетельствованным позднее в адыгейско-чечено-лезгинской среде» [2, с.120].

Дело в том, что в иберийско-кавказских языках и диалектах, в каждом в отдельности и в целом языковом массиве, сегодня представлен огромный пласт об историко-этнологическом прошлом автохтонов Кавказа, включая этнотопонимику. Более того, касательно данной проблемы известный кавказовед Услар П.К. еще в XIX веке писал: «Но ни языка, ни местности подделать нельзя. Это суть правдивые, неисчерпаемые выводами летописи; таковыми летописями обладают все Кавказские народы, как и все народы на земле. Из этих летописей можно создать настоящую народную историю» [3, с. 7].

Таким образом, объективная реконструкция исторического прошлого чеченцев невозможна без междисциплинарного исследования всего ареала распространения этнотопонимов Кавказа и его рудиментов - за пределами.

Литература

1. Джамирзаев С.М. Культурно-этнологический контент исторического прошлого чеченцев и проблемы развития этнотуризма./С.М. Джамирзаев // Культурная жизнь Юга России. № 3 (70). Краснодар, 2018.
2. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. /Г.А. Меликишвили. Тбилиси, 1959.
3. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык./ П.К. Услар. Тифлис, 1888.

УДК 93/94(4/9); 930.253

«ОБ ИССЛЕДОВАНИИ МЕСТНОСТИ, ГДЕ ДО ОКТЯБРЯ 1735 ГОДА РАСПОЛАГАЛАСЬ КРЕПОСТЬ СВЯТОГО КРЕСТА…» (история одного рапорта по материалам Центрального государственного архива Республики Дагестан)

Гарунова Нина Нурмагомедовна
доктор исторических наук, профессор,
Дагестанский государственный университет
garunovanina@mail.ru

***Аннотация**: Статья посвящена освещению итогов экспедиции во главе с инженером Квашниным, который по поручению кизлярского коменданта Н.А. Потапова, спустя 30 лет после ликвидации крепости Святой Крест, обследовал место, где находилась крепость и построенная плотина.*

***Ключевые слова**: крепость, Святой Крест, гарнизон, комендант, отчет, экспедиция*

Русские города-крепости Терский город, Святого Креста, Кизляр и другие, где размещались военные части, как опорные пункты правительственной политики на Кавказе в XVIII в., были не просто военными форпостами Империи, но и влияли на политические, торгово-экономические процессы в крае, осуществляли огромную роль в обеспечении социальной и культурной интеграции местных народов в Российское государство, а также являлись важным фактором в колонизационно-переселенческой политике Российского правительства. Они способствовали не только военному удержанию территории, но и ее культурному освоению, способствовали развитию различных форм сотрудничества и добрососедства.

Кизлярские коменданты с 1735 г. оставались главными военными и гражданскими начальниками этого края. Сам Кизляр, вплоть до первой трети XIX в., являлся политическим, экономическим и культурным центром большей части Северо-Восточного Кавказа. По меткому замечанию исследователя прошлого века, Кизляр являлся «своего рода русской столицей на Кавказе», а Северо-Восточный Кавказ часто назывался Кизлярским краем. И ни одно важное политическое событие в регионе, ни один вопрос, связанный с развитием торговли, экономики, крупными тяжбами и междоусобицами горских феодалов, предоставлением им царского жалованья и т.п., не решался без участия Кизлярской администрации.

Фонды «Кизлярского комендантского архива» содержат документы, иллюстрирующие обязанности Кизлярского коменданта, как военного руководителя гарнизона, которые непосредственно назначались императорскими указами из числа генералитета и штабофицеров и имели огромные полномочия [3, с.48].

Извлеченные исследователем Н.Чекулаевым не так давно два архивных документа, позволяют воссоздать картину итогов экспедиции во главе с инженером Квашниным, который по поручению кизлярского коменданта Н. А. Потапова, спустя 30 лет после ликвидации крепости Святой Крест, обследовал место в бассейне р. Сулак, где находилась крепость и построенная плотина.

В 1764 году комендант Н. А. Потапов заинтересовался местностью, где до октября 1735 года находилась крепость Святого Креста и была организована экспедиция во главе с инженером Квашниным, который обследовал место, где была эта крепость, а вот где был Аграханский ретраншемент инженер побоялся поехать, отметив, что от плотины на реке Аграхани ничего не осталось, кроме нескольких свай.

Сама крепость Святого Креста, строительство которой завершили в 1724 г, была заложена в 20 верстах от устья Сулака и в 67 от устья Аграхани, там, где река Койсу делится на два рукава: южный – Сулак, и северный - Аграхань (ныне, по данным Иноземцевой Е.И., аграханский рукав уже не существует) ниже нынешней железнодорожной станции Казиюрт [4, с.5]. На строительство крепости государство израсходовало немало сил и средств. Но зато это была мощная по тем временам шестибастионная крепость, в которой были сосредоточены значительные воинские силы с артиллерией (гарнизон в количестве 1384 чел. и 21 пушка). Это была солидная крепость, обращенная фронтом на юг, где горизонт замыкался скалистыми горами Дагестана. Поэтому вполне объяснимо, что в 1764 году комендант Н. А. Потапов проявил интерес к этой уничтоженной крепости.

В рапорте из Кизлярской комендантской канцелярии в иностранную коллегию Российской империи «Об исследовании местности, где до октября 1735 года располагалась крепость Святого Креста» от 22 мая 1764 год эта экспедиция описывается следующим образом: «Во исполнение Ея Императорского Величества из оной государственной коллегии иностранных дел от 11 декабря прошлого 1762 года под № 5 с разными приложениями указа для осмотра места, где крепость Святого Креста было и делал сделанная на реке Сулаке пло-

тина и прочего под видом находящихся там садовых деревьев, которые и до ныне находятся. [1,Л.29]

И многие здешние тем пользовались, послан был здесь находящейся инженер подпоручик Квашнин и с ним здешнего войска ротмистр Александр Киреев с пристойною командою, которой подпоручик сего мая 3 дня по возврате своем рапортом мне объявил, что по осмотру его нашлась означенная бывшая крепость Святого Креста, как в крепости, так и в равелинах брустверы и валганки разрыты до основания, а гласис и покрытой путь и рва находятся почти в целости, кроме что крутости от долговременности осыпались. Сделанная же на реке Сулаке плотина вся разрыта, почти и признаку нет, где она была, только, как бит были сваи, некоторые еще видны и река вся настоящая течение имеет до самого моря, а из оной в реку Аграхань никакого течения нет, а только есть не большой проток и тот не из Сулака, а в Сулак, в которую пришла повыше крепости на несколько верст вода из реки называемой Прорвы, а плана со всех тех мест ныне за опасностью от тамошнего шатающегося народа, так и за не проходимостью от камыша снять не можно.

Где был по реке Аграхани ретраншемент для складки провианта, туда он как по вышеписанной опасности, и что уже туда река Аграхань и течения не имеет, не ездил, да о по объявлению тамо бывавших здешнего Терского войска служилых ротмистров и дворян доведаны, что и оной совсем не в состоянии, но чтоб в том трудном случае обстоятельно донесено было государственной коллегии иностранных дел от меня при сдаче дел из команды Самарского полка господину полковнику Дебоксберху о посылке для осмотру при удобном случае объявлено именно. О чем государственной коллегии иностранных дел сим покорно доношу…» [2, Л. 3].

В документе упоминается так называемый Аграханский ретраншемент, в который инженер побоялся ехать. Речь идет о небольшом укреплении типа ретраншемент, который был обустроен в 1722 году там, где российский император высадился на Аграханском мысе, где в последующем был обустроен лагерь, укрепленный для «магазинов» и провиантских складов [5, с.45].

Аграханский ретраншемент наряду с военными задачами выполнял роль перевалочной базы, занимаясь снабжением всем необходимым Дербента и всех гарнизонов Низового Корпуса (в период Персидского похода Петра Первого в 1722-1723 гг. и позже), а также принимая на хранение мундирно-амуничные вещи из Дербента.

Отдаленность ретраншемента от места нахождения крепости Святой Крест, а соответственно и опасности набега горцев не позволило инженеру произвести осмотр этого сооружения, поэтому мы сегодня не имеем представления о том, насколько он был разрушен, когда его оставили солдаты.

Сложность при воспроизведении ряда архивных документов, иллюстрирующих всеобъемлющую роль комендантов заключается в том, что они написаны русской скорописью XVIII в., что затрудняет их использование лицом, не владеющим специальными навыками для их прочтения.

Уже только это обстоятельство делает значимым публикацию подобных документов, тем более, что эти ценные первоисточники XVIII в., привлечение которых позволяет осветить чрезвычайно важные проблемы кавказоведения, стали от времени, и возможно, от несоответствующего их хранения разрушаться.

Литература

1. ГУ «ЦГАРД» Ф. 379. Оп. 1. Д. 590. Л. 29 об. – 30
2. ЦГВИА РФ. Ф. 13834 Оп.1 Д.1.Л.3.
3. Garunova N.N. 'Tryokhstennyi gorodok' in the context of the history of lower reaches of the Terek till XVIII century / Былые годы. Российский исторический журнал. - 2015. - № 35 (1). С. 48-54.
4. Иноземцева Е.И. Русско-дагестанские торгово-экономические отношения в XVIII в.: Автореф. дисс … канд. ист. наук . Махачкала, 1996.
5. Чекулаев Н.Д., Даутов И.Н. Роль Кизлярского коменданта во взаимоотношениях России с северокавказскими народами в XVIII – XIX вв. //Астраханские краеведческие чтения. Материалы X Международной научно-практической конференции / под редакцией А.А. Курапова, Е.И. Герасимиди, А.Н. Алиевой. 2018. С. 111-119.

УДК 94(4/9); 930.253 (Чеч.)

ОБ УКРЕПЛЕННЫХ ПУНКТАХ ИМАМАТА ШАМИЛЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

Демелханов Сулейман Магомедович
старший научный сотрудник Центра нахских исследований ЧГПУ
Оздамирова Элиза Мусатовна
кандидат исторических наук, старший преподаватель ЧГУ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы, связанные с укреплением обороноспособности Имамата Чечни и Дагестана путем создания укрепленных пунктов в равнинных районах Чечни.*

Ключевые слова: *имамат, Кавказская война, гIап, капу, крепость, Шамиль, Чечня*

Чечня в период Кавказской войны, особенно в период Имамата Шамиля (1840-1859 гг.), играла ключевую роль как в военно-политических планах имперского кавказского командования, так и в системе созданного имамом Шамилем государственного образования. Известный историк Моше Гаммер пишет: «Чечня занимала важное стратегическое положение, и там больше думали о наступательной тактике. Долго воевавшие на Кавказе генералы считали Чечню одновременно бастионом Шамиля и его ахиллесовой пятой. На нее приходилась львиная доля поставлявшегося во владения Шамиля продовольствия, и оттуда же поступали лучшие бойцы армии имама. Кроме того, Чечня прикрывала «мягкое подбрюшье» Дагестана (хотя этот момент не был должным образом оценен русскими еще целое десятилетие). Лишить имама такой опоры означало больше чем наполовину обеспечить победу над ним» [1, с. 246].

По всей видимости Шамиль раньше русских генералов осознал значение Чечни и предпринимал необходимые меры для ее обороны. С этой целью в равнинных районах Чечни, не имевшей других естественных преград, кроме лесов, создавались укрепленные пункты, известные по русским источникам как «капу» (чеч. гIап - крепость). Как пишут И.Ю. Крачковский и А.Н. Генко, «искусственные укрепления, с валом и частоколом, назывались в Чечне в эпоху Кавказской войны «капу» (rsp. «копу»), что означает, собственно, «ворота». Смысловой переход от значения «ворота» к значению «укрепление», «редут» легко объясняется условиями местности: чеченские укрепления воздвигались почти исключительно в проходах, будь то на равнине (в лес-

ных просеках) или же в горах (в ущельях), и заменяли в известном смысле ворота» [2, с. 42].

Укрепленные пункты, являвшиеся сборными пунктами ополчения и заслонами на наиболее вероятных путях движения противника, в Чечне создавались еще задолго до Шамиля. Так, например, в 30-х гг. XIX в. при Ташу-хаджи такие пункты были известны в районе сел. Мескеты, Саясан, Зандак, Казбек-Юрт, Майртуп, Устар-Гардой и др. [3, с. 295, 300].

Наиболее деятельным строителем подобных укреплений при имаме Шамиле был Юсуп-хаджи Сапаров из сел. Алды, получивший даже прозвище Кала-хаджи, т. е. «хаджи крепостей» [4]. Как известно, Юсуп-хаджи получил в свое время хорошее образование в Египте и там же поступил на военную службу к правителю-реформатору Мухаммеду Али Египетскому. Уже будучи в возрасте он уехал на историческую родину и в 1843 г. он был назначен наибом Малой Чечни. Гаджи-Али писал о Юсупе-хаджи: «Он обладал знаниями, неизвестными до того времени никому в Дагестане. Он хорошо знал все науки и в особенности – математику и архитектуру. Когда Шамиль увидел его громадные знания, то приказал мне учиться у него математике и архитектуре…» [5, с. 35]. Юсуп-хаджи Сапаров был инициатором составления кодекса законов - т.н. «Низама Шамиля», а также составил карту Имамата.

Для обороны создаваемых укреплений назначались гарнизоны, которые по уставу были «обязаны держаться стойко и до последней крайности против неприятеля». Также «наибы не должны уходить из мест, которые охраняют, без разрешения имама или его векиля. – Виновный наиб записывается в низам (т. е. в рядовые)» [6, с. 10; 7]. Кроме того, с 1843 г. Шамиль руководствовался мыслью «вооружить артиллериею все сколько-нибудь важные пункты немирного края» [8]. «Гарнизон должен быть обеспечен всем продовольствием по числу людей. Для сего в каждом укреплении устроены магазины [склады] сбором десятой доли с запасами всякого рода» [7, с. 213].

Крепость ауховского наиба Гойтемира – Гойтемир-Капа – находилась выше сел. Ярык-Су-Аух. Крепость была окружена глубоким рвом, а подходы к нему были укреплены завалами и башней. Недалеко от с. Кишень-Аух, на правом берегу реки Яман-Су, располагалась также другая капу [9, с. 1038; 10]. Еще одна капу – ШоIайпан гIап – находилась восточнее современного с. Бачи-Юрт: «От Куринского [укрепления] до вершины хребта [Качкалыковского] была проложена

дорога и по сторонам вырублен лес. Этот проход постоянно наблюдали и сторожили чеченцы, а за Мичиком, против него, находилось капу, т. е. укрепление с небольшим гарнизоном и вооруженное одним орудием» [11, с. 160; 12]. После ее разрушения в 1855 г. в Майртупском лесу наибом Эски была построена другая капу – Кала-Юрт [13]. В 1850 г. на дороге, ведущей к Шали, было построено еще одно укрепление, известное по русским источникам как Шалинский окоп.

Кроме того, известны еще СаIдуллин гIап (в 2-3 км к юго-востоку от с. Мартанчу) и ТIелхиган гIап (недалеко от с. Сержень-Юрт) [14, с. 118]. Местопребывание Ахверды-Магомы в Закан-Юрте, судя по всему, также было укреплено.

Урочище южнее села Гехичу, известное как Тарам Iийна меттиг [15, с. 396], связано, по всей видимости, с наибом Тарамом, возглавившим в 1847 г. Сунженское наибство.

После гибели в июне 1843 г. Ахверды-Магомы находившееся в его оперативном управлении наибство Малой Чечни реорганизуется: «К наибству Малой Чечни при Ахверды-Магома причислены были и шатоевцы. Ныне шатоевцы отчислены от Малой Чечни и с чарбилоевцами составляют особый округ» [16, с. 402]. Возглавить новое наибство Шамиль поручил Дубе, который вскоре построил собственный капу – на северо-восточной стороне совр. с. Дуба-Юрт находится урочище Дубин гIап лаьттинчу [17, с. 130].

Впрочем, не все источники, связанные с деятельностью имама Шамиля в Чечне введены исследователями в научный оборот. Например, большая арабоязычная хроника современника Шамиля (с материалами по Чечне) издана востоковедом Т.М. Айтберовым и историком Кавказской войны Ю.У. Дадаевым [18].

Таковы вкратце имеющиеся на сегодняшний день данные о системе укреплений, созданной в Чечне в период имамата Чечни и Дагестана.

Литература

1. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.
2. Крачковский И.Ю., Генко А.Н. Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии // Советское востоковедение. Т. 3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945.
3. Гапуров Ш. А. Чечня в период Кавказской войны (1818-1859 гг.). Грозный, 2016.
4. См. замечание П. Пржецлавского в статье «Несколько слов о военном и гражданском устройстве, существовавшем в Чечне и Дагестане во время правления имама Шамиля // Газ. «Кавказ», 1863, № 6.

5. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990.
6. Низам Шамиля (Материал для истории Дагестана) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис, 1870.
7. О гражданских, военных и духовных постановлениях Шамиля // Военный сборник. 1900. № 3.
8. Руновский А. Шамиль. Биографический очерк // Кавказский календарь на 1861 год. Тифлис, 1860. Отд. IV. С. 57.
9. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. Тифлис, 1904.
10. Николаи Л.П. Материалы для истории Кавказской войны // Газ. «Кавказ», 1873, № 150.
11. Ольшевский М.Я. Записки. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Русская старина. 1894, № 1.
12. Николаи Л.П. Материалы для истории Кавказской войны // Газ. «Кавказ», 1873, № 93; 1874, № 101.
13. Николаи Л.П. Материалы для истории Кавказской войны // Газ. «Кавказ», 1874, № 129.
14. Хожаев Д. Чеченцы в Русско-Кавказской войне. Гр.: Седа, 1998.
15. Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. Нальчик: Эль-Фа, 1997.
16. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х годах XIX века. Сборник документов. Махачкала, 1959.
17. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. III. Гр., 1980.
18. Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У. Хроника Иманмухаммада Гигатлинского – текст XIX в. об истории Имамата. Махачкала, 2010. – 201 с.

УДК 93/94; 930 (Чеч.); 821.162.1

ЧЕЧНЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОЛЬСКИХ МЕМУАРИСТОВ И ЛИТЕРАТОРОВ

Боголюбов Александр Александрович
доктор гуманитарных наук в области новейшей истории (учёная степень Республики Польша), заведующий сектором ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей»
prayerlord@mail.ru

Аннотация: *В статье представлены ранее не публиковавшиеся в Российской Федерации материалы о литературной деятельности поляков, описывавших Чечню первой половины XIX в., в том числе своё пребывание в этом крае. Работы, представленные в статье, относятся к тем представителям польского народа, которые оказались в рядах Отдельного Кавказского корпуса российских войск не по своей воле, а как ссыльные сторонники возрождения независимой Польши. Тем большую ценность представляют, как для учёного, так и для широкого читателя их взгляды на Кавказскую войну и участие в ней с обеих сторон представителей чеченского народа.*

Ключевые слова*: Кавказская война, Чечня, польские ссыльные, Отдельный Кавказский корпус, польские литераторы, мемуары ссыльных поляков.*

Первая половина XIX века на Северном Кавказе – это разгар Кавказской войны (1817 – 1864), в которой принимали участие поляки, по разным причинам оказавшиеся на Кавказе в то время.

Накануне, в конце XVIII в., Речь Посполитая утратила свою независимость, и её территория была разделена между соседствовавшими с ней империями – Российской и Австро-Венгерской, а также Прусским королевством, превратившимся в дальнейшем в Германскую империю. Многие образованные поляки из числа польских дворян тяжело переживали утрату их родиной независимости и в меру своих сил боролись за возрождение независимости Польши. За такого рода деятельность в Российской империи их ожидала ссылка. Причём если речь шла о ссылке на Кавказ, то дело обычно заканчивалось принудительным включением в состав Отдельного Кавказского корпуса, воевавшего в то время с горцами. Это называлось «на Кавказ в солдаты» [3, стр. 727- 735].

По оценке современного польского исследователя Веслава Цабана число польских рекрутов в Отдельном Кавказском корпусе после подавления царскими войсками польского восстания 1830-1832 гг, называемого в Польше «ноябрьским» (от месяца начала восстания) достигало примерно 8900 человек [2]. Это количество представляется нам наиболее отвечающим реальному положению дел. В даль-

нейшем число сосланных на Кавказ «в солдаты» участников различного рода подпольных польских организаций, боровшихся за независимость Польши, могло сократиться по разным причинам до нескольких сотен человек.

По-разному складывались условия службы польских ссыльных. Один из наиболее плодовитых польских литераторов, Войцех Потоцкий (не путать с польским путешественником конца XVIII в., Яном Потоцким, также описывавшим земли Чечни) отправился служить на Кавказ вследствие отказа воевать против соотечественников вовремя упоминавшегося выше польского восстания. Войцех (в некоторых современных изданиях это имя транскрибируется на русский язык как Войчех, в то же время в изданиях XIX века вместо этого имени употребляется имя Альберт или Адальберт как более соответствующее канонам христианства) Потоцкий служил офицером по особым поручениям при наместнике Кавказа графе М.С. Воронцове. [1, стр. 86]. Во время своей кавказской службы Войцех Потоцкий создал ряд выдающихся литературных произведений на родном польском языке. Об одном из них следует сказать особо.

Речь идёт об опубликованном в периодическом литературно-публицистическом сборнике «Варшавская библиотека» в 1841 г. рассказе «Абдулла и Хоувальдт. Воспоминание 29 августа 1832 года в лагере под Герменчуком в земле чеченцев» [8, с. 376-382]. В начале своего повествования Потоцкий даёт развёрнутую картину пробуждающегося русского военного лагеря. Утро у его обитателей начинается с молитвы и тут перед читателем предстаёт поражающая воображение картина многоконфессиональности обитателей лагеря. Здесь и творящий утренний намаз мирной чеченец, и возносящий молитву к Пресвятой Деве Марии в Санта Мария де Компостелло испанец, и язычники из племени калюкай (галгай?), оплёвывающие своих идолов, совершая тем самым часть утреннего религиозного ритуала. Потоцкий насчитывает двадцать семь различных конфессий, представленных в лагере. На этом фоне вполне естественной выглядит дружба между двумя персонажами, чьи имена вынесены в заголовок рассказа. Есть основания предполагать, что Абдулла является представителем чеченского народа, хотя об этом на страницах рассказа и не говорится напрямую. Карл Хоувальдт же, являясь по национальности шведом, родился и вырос на польских землях среди поляков.

Обитателям лагеря предстоял тяжёлый день: большая их часть должна была выполнять боевое задание – сразиться с немирными че-

ченцами. Однако для двух друзей как будто не существует войны: на вечер того же дня они договариваются о встрече для совместного чаепития. Их планам не суждено было сбыться – оба были смертельно ранены в этот день в столкновении с немирными горцами.

Рассказ (или небольшая повесть), обладающий несомненными художественными достоинствами (оценить которые, впрочем, может лишь человек, владеющий польским языком), может рассматриваться как антивоенный.

Войцехом Потоцким создан был ряд других выдающихся произведений о Кавказе, в которых описываются земли других народов, а также переведены на польский язык ряд поэтических произведений А.С. Пушкина.

Польский поэт и ссыльный Викентий Давид (литературный псевдоним, настоящая фамилия – Давидовский) в 1853 г. создал поэму «Техе, или разорение аула Дубы». Помимо описания Кавказской войны и событий того времени в Чечне, Давид описывает в поэме традиции и обычаи чеченцев. Поэма увидела свет в 1859 г. всё в том же периодическом издании «Варшавская библиотека». Следует отметить, что у Давида в предисловии к поэме чеченцы в целом представлены крайне негативно, как народ дикий и агрессивный. [4, с. 323-358]. Здесь следует отметить, что большую часть своей ссылки Давид находился именно в Грозном. [7, с. 129-132].

С точки зрения цивилизованных отношений, в том числе во время войны, то ещё один польский мемуарист и литератор, Викентий-Гедеон Гедройц, рисует крайне критически поведение казаков в отношении чеченцев. Следует сказать несколько слов об этом, весьма интересном мемуаристе. Гедройц написал свои мемуары в стихах. Можно сколько угодно обвинять его в подражании другим польским поэтам, например, Адаму Мицкевичу, но подобный опыт создания мемуаров следует считать уникальным. Правда, почти половину книги занимают комментарии к мемуарам, написанные, естественно, прозой. Однако литературных заслуг Гедройца это не умаляет [5].

Среди польских мемуаристов, писавших о Чечне первой половины XIX в., имя Кароя Калиновского занимает особое место. Родившийся в дворянской семье в 1821 г., этот человек по окончании реального училища в Варшаве работал лекальщиком на заводах в Сольце. Дважды, в 1839 и 1844 годах, его арестовывали по различным обвинениям. Однако после первого ареста Калиновский, после четырёх месяцев в цитадели, был освобождён, а вот после второго

ареста, после девяти месяцев пребывания в заключении, был отправлен в состав Отдельного Кавказского корпуса [9, с. 255].

В своих мемуарах Калиновский подробно описывает города Северного Кавказа, в которых ему довелось побывать. В том числе первым из мемуаристов подробно описывает и доныне существующий католический храм в Пятигорске.

Местом службы Калиновского была определена крепость Таш-Кичу, располагавшаяся близ Кизляра, у границ Чечни и Дагестана [6, с. 11]. Служа в крепости, Калиновский во время одной из своих пеших прогулок, был похищен двумя разбойниками переправлен в Чечню. Будучи человеком мудрым и наблюдательным, Калиновский и в качестве пленника с живейшим интересом знакомился с жизнью и бытом чеченцев. Одним из первых его впечатлений был необычный вид чеченских печных труб, ранее нигде ничего подобного автору не встречалось.

Калиновский, находясь на положении раба, был определён помощником к одинокому татарину, в своё время дезертировавшему из рядов российской армии и ушедшему к единоверцам. Под влиянием этого человека Калиновский принял ислам и стал посещать намазы в мечети. Окружающие дали ему мусульманское имя Абубекир. В тот период Калиновский в первый и последний раз столкнулся в Чечне с соотечественником по фамилии Русецкий или Русальский. Этот сбежавший из рядов российской армии поляк обещал горцам и лично Шамилю наладить в Имамате производство артиллерийских орудий. Не встретив должного, как ему казалось, понимания, Русецкий бежал обратно к русским. Калиновскому-Абубекиру это стоило нескольких дней сидения под арестом в яме. Позднее ему объяснили, что, подумав, что два поляка были заодно, Калиновского хотели убить, но здравый смысл в этом случае взял верх, и его выпустили.

С переходом на ислам Калиновский обрёл большую степень свободы и стал жить среди чеченцев. Тут к нему пришла любовь. По его словам, это было взаимное чувство. Девушку звали Эзенд. Её отец Омар был известным на всю Чечню оружейником – делал прекрасные ружья. И сама девушка, и её семья приняли и полюбили Калиновского-Абубекира. Преграда заключалась в том, что у Эзенд оказался предназначенный ей с младенчества жених. Отец этого человека в своё время спас Омара от верной смерти, вынеся его, тяжело раненого, с поля боя с русскими войсками. Спаситель и спасённый договорились о том, что их дети станут мужем и женой. Спаситель

Омара умер рано. Росший без отца ребёнок стал распущенным и наглым – одним словом, бандитом. Поэтому Омар всецело одобрил выбор Эзенд и Абубекира в зрелом возрасте. Дело мог и должен был разрешить шариатский суд во главе с самим Шамилем. Выслушав Эзенд, её отца и Абекира-Калиновского, суд вынес решение оставить данный её отцом обет в силе.

Вскоре состоялась свадьба, сыгранная в отсутствии невесты – такое, по словам Калиновского, допускалось чеченскими обычаями того времени. На третий день после того, как Эзенд была взята в дом жениха, в этом доме раздался выстрел. Новоявленный муж попросту застрелил девушку, отказавшуюся, по его словам, исполнять супружеские обязанности.

Вызванным к Шамилю Омару и его сыну было объявлено, что жених и муж поступили правильно, и под страхом смертной казни было запрещено пользоваться правом кровной мести. Все эти события явно не способствовали интеграции Калиновского-Абубекира в сообщество чеченцев.

Получив впоследствии по амнистии для перешедших в ислам пленных полную свободу, объявленную по случаю рождения сына Шамиля, Калиновский принял решение бежать к русским. Накануне он получил от Омара подарок – прекрасной работы ружьё, в которое уже был вложен заряд. Побег прошёл успешно: Калиновский добрался до русских и впоследствии участвовал в заключительном этапе Кавказской войны уже как российский офицер. После занятии русскими войсками аула Ведено в 1859 г., Калиновский посетил дом Омара. Там он был принят как родной, несмотря на российскую форму. Вместе они вспоминали Эзенд и плакали. Когда Калиновский показал Омару его подарок – ружьё, то Омара очень обрадовало, что вложенный им когда-то в ружьё заряд так и остался неизрасходованным.

Вскоре Калиновский получил право вернуться домой. Описывая своё прощание с Чечнёй, он восклицает в своих мемуарах: «Будь благословенна, земля Чечни, текущая молоком и мёдом!»

Тогда же ему рассказали, что история его несчастной любви и трагическая судьба чеченской девушки не остались незамеченными народом: в горах Чечни есть скала Абубекира, из-под которой бьёт родник Эзенд.

Таким образом, жизнь Чечни и её народа в первой половине XIX в. находила в то время самое разное по своему характеру отражение в

произведениях польских литераторов и мемуаристов. Творчество этих людей было вызвано к жизни специфическими условиями принудительного включения в состав российской армии, воевавшей на Кавказе с горцами Имамата.

Заслуги этих людей перед народной памятью кавказцев, русских и поляков огромны, их труд заслуживает всяческого уважения и того, чтобы остаться навсегда в народной памяти.

Литература

1. Baranowski B., Baranowski K., Polaków kaukaskie drogi. Łódź, 1985.
2. Caban W., Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831-1873, Warszawa, 2001.
3. Caban W., Służba wojskowa Polaków na Kaukazie w latach 1831-1856, // W kraju i na wychodźstwie. Księga pamiętnikowa ofiarowana profesorowi Kalembce w sześćdziesięciolecie urodzin, red. Z. Karpus, N. Kasparek, L. Kuk, J. Sobczak, Toruń-Olsztyn 2001, s. 727- 735
4. Dawid W., Tehe, czyli zburzenie Aułu-Dubby. Powieść kaukaska, „Biblioteka warszawska", Том III, новой серии том VII, Warszawa 1859, ss. 323-358
5. Giedroyć G., Kilka wspomnień z kaukaskiego wygnania, Lwów, 1867.
6. Kalinowski K., Pamiętnik mojej żołnierki na Kaukazie i niewoli u Szamila od roku 1844 do 1854, Warszawa 1883
7. Mądzik M., Z Lublina na Kaukaz, „Kalendarz lubelski" 1985, ss. 129-132
8. Potocki W., Abdullah i Houwaldt. Wspomnienie 29 sierpnia 1832 r. w obozie pod Germenczukiem w ziemi Czeczeńców, Biblioteka warszawska", том. I, 1841, s. 376-382.
9. Śliwowska W. Zesłańcy polscy w imperium rosyjskim do 1861 roku, Słownik biograficzny, Warszawa 1998, s. 25

УДК 93/94. 930.1 (470.6)

ВКЛАД ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИСТОРИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ФОРМИРОВАНИЕ ШКОЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

Бурыкина Людмила Васильевна
кандидат исторических наук, доцент, Адыгейский государственный университет
mila.burykina @mail.ru

***Аннотация**: в статье анализируется проблема формирования школы отечественного кавказоведения, методологической базой которого в XIX – начале XX в. в основном выступал позитивизм. Несмотря на то, что развитие исторического кавказоведения сковывалось правительственной регламентацией, ограниченностью материальных средств, слабой координацией научных сил, отсутствием планомерности в изучении отдельных проблем, несомненным достоинством региональной историографии XIX – начала XX в. является накопленный ею колоссальный фактический материал, документальные тексты, порой не сохранившиеся до наших дней, что позволяет относиться к этой литературе не только как к историографическому факту, но и как к самостоятельному историческому источнику.*

***Ключевые слова:** историческая наука, кавказоведение, Северо-Западный Кавказ, историография.*

История изучения северокавказского региона является составной частью истории российского кавказоведения, которое имеет давние и фундаментальные традиции. Историческая наука всегда отличалась от многих других наук пристальным вниманием к собственной истории, проходя непростой путь развития и отражая как общие процессы, происходившие в историческом знании, так и своеобразие региональных историографий. «Поступательное движение науки, в том числе и кавказоведения, – справедливо подчёркивает П.А. Кузьминов, – невозможно без активного использования опыта, накопленного предшествующими поколениями исследователей, без осмысления глубинных процессов, происходящих в обществе и науки» [6, с. 7]. В XIX в. стала создаваться школа отечественного кавказоведения, ориентировавшаяся, главным образом, на военно-историческую и этнографическую проблематику. Одним из видных исследователей Северо-Западного Кавказа был историк, статистик, этнограф, краевед Иосиф Викентьевич Бентковский, более 25 лет своей жизни посвятивший военной службе на Кавказской линии и в Черномории, во время прохождения которой регулярно собирал материалы по истории, статистике и этнографии края. Но только после выхода в отставку в 1857

г. он получил возможность вплотную заниматься непосредственно историко-краеведческой работой.

Для публикаций И.В. Бентковского характерна полнота и многогранность источников и точность использования документов. Многие годы он находился в качестве добровольного «чернорабочего исторической науки», обладая обширным кругозором исследователя, упорно работал для будущего. «История покорения Кавказа, - писал он – дело потомства, подбор материалов для этой истории – дело современников» [10, с. 15]. Библиографический список трудов И.В. Бентковского по подсчетам В.В. Гогданкера достигает 157 [3, с. 59]. Из них обращают на себя внимание такие, как «Заселение Черномории с 1792 по 1825 г. Материалы по истории колонизации Северного Кавказа», «Заселение западных предгорий главного Кавказского хребта», «Колонизация низовья Кубани», «Смерть первого черноморского кошевого атамана Чепеги и последовавшие за этим события».

Иван Диомидович Попко, историк, генерал Кубанского казачьего войска, знавший около десятка иностранных языков, много лет посвятил военной службе, затем был губернским предводителем дворянства в Кубанской и Терской областях и в Ставропольской губернии [14, с. 67]. Он вошел в историю отечественного кавказоведения как автор трудов «Статистическое описание Черноморского войска», «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту» и др. Книга «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту», живописно отразившая жизнь и историю черноморцев, была удостоена престижной Демидовской премией, присуждаемой Петербургской Академией наук.

Прокопий Петрович Короленко, архивариус войскового архива Кубанского казачьего войска, был одним из самых известных краеведов Северо-Западного Кавказа. Он написал более 30 работ по истории Кубани: «Черноморцы», «Некрасовские казаки», «Атаманы бывшего Черноморского (ныне Кубанского) казачьего войска», «Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе», «Турецкие эмигранты в Кубанской области», «Горские поселенцы в Черномории», и др. В работах П.П. Короленко, базирующихся на обширном фактологическом материале, освещается история первых русских поселений в Закубанском крае, показан ход дискуссии царских военачальников по проектам колонизации региона, рассматриваются взаимоотношения армянских и греческих колонистов с местными властями, казачеством и адыгами, уделяется внимание выявлению

причин бедственного положения закубанских переселенцев. П.П. Короленко был одним из учредителей Общества любителей истории Кубанской области и заместителем правления общества с 1897 г. по 1900 г.

Евгений Дмитриевич Фелицын увлекался историей, археологией и коллекционированием предметов древности. В 1878 г. на антропологической выставке Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве, где впервые была представлена Кубанская область, предметы, присланные Е.Д. Фелицыным, составили третью часть всей этнографической коллекции этой выставки. Он также являлся автором первой археологической карты в России и на Кубани, составленной с обозначением памятников знаками, утвержденными Стокгольмским археологическим съездом и опубликованной в 1882 г. Императорским Московским археологическим обществом. В ней содержатся сведения о местонахождении курганов, древних укреплений, городищ, крепостей, древних христианских церквей и часовен, мусульманских часовен, каменных статуй, гробниц и дольменов [9, с. 154]. Итогом его археологических изысканий было учреждение в 1879 г. при Кубанском областном статистическом комитете Кубанского войскового этнографического и естественно-исторического музея.

В центре внимания Е.Д. Фелицына были и предметы быта адыгских племен. Он знал ряд черкесских наречий. К сожалению, Е.Д. Фелицын очень мало успел издать трудов по истории адыгов. Многие рукописи после его смерти так и не приведены в порядок. Была опубликована одна из его работ «Численность горских и других мусульманских народов Кубанской области, с распределением их по месту жительства и с показанием племенного состава жителей каждого аула». Е.Д. Фелицын – автор более 90 работ по истории, статистики и этнографии края, в том числе «Князь Сефербей Зан (политический деятель и поборник независимости черкесского народа)», «Статистические таблицы народонаселения в Кубанской области за 7 лет с 1871-77 гг.», «Краткий очерк заселения Кубанской области (Пояснительная записка к 20-верстной карте Кубанской области)».

Благодаря Е.Д. Фелицыну в 1879 г. был организован отдел Кубанской области для Московской антропологической выставки. В том же году он становится во главе организованного им Кубанского статистического комитета. С 1879 г. по 1892 г., Е.Д. Фелицын редактировал неофициальный отдел газеты «Кубанские областные ведомо-

сти», где издавались и становились достоянием широкой публики интересные материалы по истории и этнографии края. Под его редакцией с 1873 г. стали выходить «Памятные книжки Кубанской области» [13, с. 5]. До 1879 г. изданиям был присущ преимущественно справочный характер: сведения о военных и гражданских чиновниках, адреса и календарные факты, статистические приложения к Отчету начальника Кубанской области. Затем Е.Д. Фелицын и его коллеги по статистическому комитету начинают интересоваться публикациями и описанием архивных документов, монографическими обзорами, научными статьями. К 90-м гг. XIX в. эти работы занимают в «Памятных книжках» все больше пространства и комитет решил выделить научно-литературную часть в отдельное приложение, названное «Кубанским сборником» и имевшим главным образом исследовательский характер. Первый том «Кубанского сборника» под редакцией Е.Д. Фелицына был издан в 1883 г. Безусловно, индивидуальные научные интересы авторов влияли на тематику и содержание «Кубанских сборников». Здесь публиковались такие любители кубанской старины, как И.В. Бентковский, П.П. Короленко, Ф.А. Щербина, А.Д. Ламонов, Б.М. Городецкий, И.И. Кияшко; издавал свои обширные библиографические обзоры В.С. Шамрай; вышли в свет статистико-этнографические описания станиц и городов Северо-Западного Кавказа, выполненные по проекту Е.Д. Фелицына местными учителями. Последний, 21-й том «Кубанского сборника» вышел под редакцией Л.Т. Соколова в типографии Кубанского областного правления в 1916 г. Последующие революционные события в России и на Северо-Западном Кавказе привели к тому, что отдельные авторы «Кубанского сборника» вынуждены были попросту покинуть родину, другие не всегда вписывались в идеологические парадигмы советской власти. Невзирая на постоянную нехватку денежных средств, дореволюционные историки смогли заложить фундамент в сложную архитектуру современного кавказоведения.

Выдающийся историк, публицист, исследователь природных и экономических ресурсов Северо-Западного Кавказа, его этнографии и географии, литератор, общественный и политический деятель, идеолог казачества конца XIX – первой трети XX в. - Федор Андреевич Щербина оставил наследие, впечатляющее по количеству и качеству исследуемых им проблем, многоплановое по жанрам, богатству научных знаний. Один только перечень самых крупных работ занял бы много времени и места. Конечно, это – главнейший его труд «Исто-

рия Кубанского казачьего войска», «Очерки южно-русских артелей и общинно-артельных форм», «Кубанское казачье войско. 1696-1888 гг.» (совместно с Е.Д. Фелицыным), «История земельной собственности у кубанских казаков», «Рабочие на Кубани», «Колонизация Кубанской области», «История самоуправления у кубанских казаков», «Общинный быт и землевладение у кавказских горцев», «Беглые и крепостные в Черномории», «Майкопский подъездной путь», «История Армавира и черкесогаев» и др. Плодотворным был и заграничный период жизни Щербины, когда он опубликовал такие работы, как «Мировая сельскохозяйственная статистика» (Прага), «Законы эволюции и русский большевизм» (Белград).

Перу Ф.А. Щербины принадлежит до 30 монографий, более 70 научных и литературных произведений, опубликованных в солидных сборниках, журналах, ежегодниках в форме очерков и самостоятельных научных исследований [1, с. 83]. Его «История Кубанского казачьего войска» - своеобразная энциклопедия кубанской старины.

Один из самых трагических периодов, навсегда поселившийся в нашей исторической памяти, - многолетняя Кавказская война. Ф.А. Щербина описывает события на северо-западном театре Кавказской войны прежде всего, как патриот казачьей Кубани и России. Иное отношение с его стороны было бы абсурдным, так как он – казачий историк, писатель-идеолог. В его «Истории...» есть страницы, где противопоставлены героизм, отвага, благородство казаков – и «дикость», «варварство», «примитивность» горцев. Безусловно, в уничижительных характеристиках горцев Ф.А. Щербина не оригинален: он лишь повторил приемы официальной великодержавной политики и историографии. Горцы, сопротивляющиеся «колонизации», отстаивающие свою землю, - при этом поощряемые и поддерживаемые Османской империей, Англией, - были врагами самодержавия и при ином рисунке образов горцев труд Ф.А. Щербины вряд ли был бы опубликован, так как общий план, объем и содержание «Истории...» были и согласованы с военным министерством, и находились под его контролем.

Вместе с тем Ф.А. Щербина осуждает в своей «Истории...» разорительную войну казаков и горцев, их взаимную жестокость. Он с болью пишет о диких военных нравах, подавляющих чувство человечности. Ф.А. Щербина утверждал принципы созидательного развития и сотрудничества казаков и горцев.

В энциклопедическом труде «История Кубанского казачьего

войска» Ф.А. Щербина уделяет внимание миграционным процессам на Северо-Западном Кавказе в пореформенный период на базе комплексного подхода к освещению темы, позволившему ему дать обстоятельный анализ динамики колонизации, роли беглых крестьян в заселении черноморского региона, влияния Владикавказской железной дороги на размах и направление миграции. К тому же он приводит сравнительную характеристику районов Кубани по составу населения (казачьего, иногороднего) и степени экономического развития на обширной документальной базе. Часть документов носит уникальный характер, поскольку не сохранилась до настоящего времени и предстаёт для современных исследователей только в интерпретации Ф.А. Щербины. В силу данного обстоятельства его работы являются не только историографическим фактом, но и ценным историческим источником.

Ф.А. Щербина прожил большую и сложную жизнь. Его взгляды, жизненная позиция не были неизменны. Они трансформировались под влиянием социально-политической действительности. Возможность искать и утверждать подлинную правду истории позволила сегодня решительно отказаться от одномерной, негативной оценки творческого наследия Ф.А. Щербины, как и других дореволюционных историков, десятилетиями господствовавшей в советской историографии.

Василий Семенович Шамрай, историк, краевед, был одним из первых библиографов Северо-Западного Кавказа. Вместе с Е.Д. Фелицыным трудился над первым библиографическим указателем литературы о Кубанской области, Кубанском казачьем войске и Черноморской губернии, издававшемся в «Кубанском сборнике» с 1899 г. по 1903 г. После смерти Е.Д. Фелицына В.С. Шамрай продолжил работу над указателем, а также опубликовал четыре приложения к нему в «Кубанском сборнике» в 1908-1916 гг. В «Кавказском календаре на 1892 и 1893 гг.», издаваемом в Тифлисе, В.С. Шамрай поместил «Список статей и выдающихся заметок, помещенных в изданиях Кавказских ученых обществ, разных правительственных учреждений на Кавказе и в газетах, издававшихся в Закавказье, за время их деятельности по 1891 г.». С 1897 г. он стал действительным членом Общества любителей истории Кубанской области, а с 1901 г. – действительный член Кубанского статистического комитета [12. С. 19]. В.С. Шамрай написал серию очерков по истории Северо-Западного Кавказа, базирующихся на документальном материале, извлеченном авто-

ром из архивов Северного Кавказа. В 1900 г. им были опубликованы «Историческая справка об иногородних в Кубанской области по документам, извлеченным из дел Кубанского войскового архива» и «Историческая справка о крепостном праве на Кубани», а через год – «Краткий очерк меновых (торговых) сношений по Черноморской кордонной и береговой линии с закубанскими горскими народами с 1792 по 1864 гг.». В качестве приложения к этому очерку В.С. Шамрай издал найденную им в Кубанском войсковом архиве карту и дал к ней комментарий – «К карте Черноморской кордонной линии 1847 г.». В 1906 г. и 1910 г. в «Кубанских сборниках» поместил «Историческую справку к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу». «Хронология к важнейшим событиям и законоположениям, имеющим отношение к истории Северо-Западного Кавказа и Кубанского казачьего войска» (с древнейших времен по 1913 г.)», увидевшая свет в 1913 г., содержит ценный информационный материал по истории Кубанской области.

Лука Мартынович Мельников, кубанский публицист и общественный деятель, является автором ряда содержательных трудов по истории региона, среди которых выделяется работа «Иногородние в Кубанской области». В ней Л.М. Мельников анализирует воздействие закона от 29 апреля на социально-экономическое положение иногородних, выявляет масштабы их лепты в экономический прогресс Северо-Западного Кавказа, определяет причины неприязненных отношений казаков и иногородних и требует обеспечить иногородних равными правами с казачьим населением в экономической и политической сфере. К недостаткам данного труда, признанным самим автором, следует отнести то, что «...цифровые данные..., к сожалению, довольно далеки от абсолютной точности» [7, с. 84].

Алексей Севирович Собриевский, статистик, историк экономики Северного Кавказа был действительным членом ОЛИКО. Под его редакцией были опубликованы: «Кубанский календарь» на 1899 гг., «Кубанский сборник» (Т.4,5), «Сборник сведений о Северном Кавказе» (Т.1). Его перу принадлежит ряд статистических и историко-статистических работ, посвященных функционированию торговых и промышленных предприятий Кубанской области, развитию хозяйства местного населения.

Борис Митрофанович Городецкий – видный историк и библиограф, кавказовед и кубановед. Он обладает пальмой первенства во

многих начинаниях в сфере исследования истории и библиографии Северо-Западного Кавказа, а также популяризации научных знаний о регионе. Ему принадлежат такие работы, как «Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе», научно-популярный историографический очерк «Кто и как изучал Кубанскую область», историческая справка «Статистические учреждения на Северном Кавказе». Деятельность ОЛИКО скрупулёзно отражена в его обзорах и годовых отчетах о функционировании ОЛИКО и может служить полноценной - историей данного общества. Число подготовленных и изданных им библиографических указателей литературы о Северном Кавказе нелегко можно подсчитать в силу их обширности.

Б.М. Городецкому принадлежит приоритет в постановке на научную основу проблемы крестьянского землевладения и землепользования на Северо-Западном Кавказе. Анализируя обширный круг разноплановых по характеру источников, в числе которых имелись и циркуляры, распоряжения и ежегодные отчеты начальников Кубанской области, материалы архива Кубанской областной чертежной комиссии и местного нотариального архива, сведения, собранные областным статистическим комитетом, действительным членом которого он был, дела Центрального управления и кавказского отделения Крестьянского поземельного банка, материалы переселенческого управления, Б.М. Городецкий использовал их критически и после доскональной обработки и систематизации впервые ввел в научный оборот [2, с. 37]. По глубине постановки проблем, обширности библиографического материала, скрупулёзности методики экономико-статистического и демографического исследования его работы не имеют аналогов в дореволюционной научной литературе Северо-Западного Кавказа. Однако объявленные в годы сталинизма «лженаукой», не только имя Б.М. Городецкого, но и масштабное рукописное и печатное достояние ученого, как и наследие многих других краеведов, были в основном вычеркнуты из анналов советской историографии. Ныне имя Городецкого по праву возвращено российской науке и культуре [8, с. 133].

Таким образом, в XIX – начале XX в. складывается школа отечественного кавказоведения. Как отмечал академик Российской Императорской академии наук Н.Ф. Дубровин, «ни один уголок нашего отечества не имеет столь обширной литературы по всем отраслям знаний...» [4, с. 14]. В первой половине XIX в. достаточно обширные

исследования проводились по линии военного ведомства [11]. В пореформенный период изучение истории Северо-Западного Кавказа стимулируется деятельностью специальных учреждений – Кавказского отдела Императорского Русского географического общества, Кубанского областного статистического комитета, Общества любителей изучения Кубанской области. Наличие специальных и периодических изданий обеспечивало введение новых материалов в научный оборот, популяризацию научных знаний, формирование местных кадров ученых. Вместе с тем развитие исторического кавказоведения сковывалось правительственной регламентацией, ограниченностью материальных средств, слабой координацией научных сил, отсутствием планомерности в изучении отдельных проблем и т.д.

Методологической базой отечественных исследований XIX – начала XX в. выступал позитивизм, получивший широкое обоснование в немецкой антропогеографии. Кроме того, исходным для многих являлось концептуальное положение В.О. Ключевского о том, что «история России есть история страны, которая колонизуется» [5, с. 50]. Однако труды дореволюционных авторов, в основном, были ориентированы на охранно-монархическую историческую школу. Главным же преимуществом отечественной историографии XIX – начала XX в. является накопленный ею колоссальный фактологический материал, документальные тексты, порой не дошедшие до наших дней, что предоставляет возможность относиться к этой литературе не исключительно как к историографическому факту, но и как к автономному историческому источнику.

Литература

1. Галутво Л.М. Ф.А. Щербина. Основные вехи жизни / Л.М. Галутво // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода: Сб. науч.тр. / Кубан. гос. ун-т; [Редкол.: С.С. Минц (отв. ред.) и др.]. Краснодар: КГУ, 1991. С. 69–84.
2. Городецкий Б.М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе / Б.М. Городецкий. – Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. прав., 1914. – 54 с.
3. Госданкер В.В. Историк-кавказовед Иосиф Викентьевич Бентковский: (к 185-летию со дня рождения) /В. В. Госданкер// Ставропольский хронограф на 1997.– Ставрополь: Ставропольская краевая библиотека им. М.Ю. Лермонтова, 1997. С. 57–69.
4. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. / Н.Ф. Дубровин. Т.1. Кн. 1. Спб.: Тип. Департамента уделов, 1871 – 656 с.
5. Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти томах. Т. 1. Курс русской истории / В.О. Клю-

чевский. Ч.1. М.: Мысль, 1987. – 432 с.
6. Кузьминов П.А. Кавказоведение на грани веков / Кузьминов П.А. // Кавказоведение: опыт исследований: Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Владикавказ, 13-14 октября 2005 г.). Владикавказ: СОИГСИ, 2006. С. 5-31.
7. Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области. Исторический очерк / Л.М. Мельников // Кубанский сборник: Тр. Кубан. обл. стат. к–та / Под ред. С.В. Руденко. Екатеринодар: Тип. И.Ф. Бойко, 1900. – Т.6. С. 73–140.
8. Мошкович Г.Г. Вопросы развития крестьянского землевладения на Кубани в трудах Б.М. Городецкого (кон. XIX – нач. XX в.) / Г.Г. Мошкович //Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – нач. XX в.: Сб.научн. тр./ Кубан. гос. ун-т; [Редкол.: В.Н. Ратушняк (отв. ред.) и др.]. Краснодар: Куб. гос. ун-т, 1987. С. 128–138.
9. Он же. Е.Д. Фелицын – человек и ученый (1848-1903) Г.Г. Мошкович // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1994. С. 149–164.
10. Прозрителев Г.Н. Очерк жизни и деятельности И.В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета: Докл. д. чл. Ставроп. стат. ком. Г.Н. Прозрителева / Г.Н. Прозрителев. Ставрополь : тип. «Северокавк. газ.», 1908. - 55 с.
11. См.: Колесников В.А. Историография Хопёрского казачьего полка: от генерала И.Л. Дебу до отставного хорунжего П.Д. Юдина / В.А. Колесников // Кубанский сборник: Сборник научных статей по истории края / Науч. ред. и сост. О.В. Матвеев. Т. 1 (22). Ч. 1. Краснодар: «Книга», 2006. С. 32–57; Матвеев О.В. К историографии 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина Таврического полка Кубанского казачьего войска / О.В. Матвеев // Там же. С. 58–73.
12. Известия Общества любителей изучения Кубанской области: Вып.7 / Под. ред. Б.М. Городецкого. – Краснодар: 4-я типография Кубчерполиграфтреста, 1922. – 240 с.
13. Труды Кубанского областного статистического комитета, 1873-1916. Библиографический указатель / Сост. О.А. Репина, научная редакция, вст. ст. А.И. Слуцкого. Краснодар: Б/и., 1989. – 87 с.
14. Шевченко Г.Н. И.Д. Попко (1819-1893): историко-биографический очерк / Г.Н. Шевченко // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода: Сб. науч. тр. / Кубан. гос. ун-т; [Редкол.: С.С. Минц (отв. ред.) и др.]. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1991. С. 61–69.

УДК 93/94. 930.1 (470.6)

ЕКАТЕРИНА КУШЕВА – САМОБЫТНЫЙ И ВИДНЫЙ РОССИЙСКИЙ УЧЕНЫЙ - К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
(Вклад в историческую науку народов Северо-Восточного Кавказа)

Алиев Багомед Гадаевич
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала
Aliev.bagomed@list.ru

Иноземцева Елена Ивановна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала
inozemceva47@mail.ru

Аннотация. *Предлагаемая вниманию читателей статья посвящается 120-летию со дня рождения мастера отечественного кавказоведения Екатерины Николаевны Кушевой. Авторы, кратко освещая жизненный и творческий путь ученого, определяют уникальность и бесспорную ценность ее многогранной археографической деятельности, ее исследовательских трудов в становлении и развитии исторической науки народов Северного Кавказа XX века, дают характеристику ее фундаментального обобщающего исследования длительного, сложного процесса развития отношений народов региона с Российским государством, подчеркивают принципиальность и верность ученого исторической истине и непредвзятой объективности.*

Ключевые слова: *Россия, Северный Кавказ, Дагестан, Кабарда, Чечня, Ингушетия, археография, историческая наука.*

«Два историко-культурных мира – Россия и Кавказ – были основными объектами ее научных интересов, и имя исследователя запечатлено как в анналах россики, так и в истории отечественного кавказоведения».
Ю.Д. Анчабадзе

В апреле этого года исполнилось 120 лет со дня рождения Екатерины Николаевны Кушевой (21 мая 1899 г. - 19 ноября 1990 г.), чье имя принадлежит истории отечественного кавказоведения и занимает в нем достаточно почетное место. Ее труды стали ярчайшей страницей русского кавказоведения XX столетия.

После окончания в 1917 г. Саратовской женской гимназии, пробудившийся интерес к истории привел ее на историко-филологический факультет Саратовского университета. Но в соответствии с идеологическими реформами того времени высшей школы в отношении классического опыта преподавания исторических дисциплин ей пришлось завершить свое образование уже выпускницей факультета общественных наук. И, тем не менее, она получила прекрасное образование благодаря блестящему составу преподавательских кадров в Саратовском университете. В 1922 г., став научным сотрудником на кафедре русской истории университета, Екатерина Николаевна сразу окунулась в насыщенную исследовательскую работу под руководством заведующего кафедрой П.Р. Любомирова.

Научно-исследовательская работа для Екатерины Николаевны стала главным делом ее жизни, без чего она уже не могла существовать. Ее целеустремленность, величайшее чувство ответственности, присущее ей трудолюбие, неуемная жажда профессиональной деятельности определяли ее творческий путь. Широк был диапазон ее научных интересов. Она увлекалась археологией, палеографией, археографией, музееведением. Но, по справедливой оценке, Л.А. Бажановой и Н.Ф. Демидовой основными направлениями ее научно-исследовательских интересов являлось изучение социально-экономических отношений с одной стороны и история народов СССР в XVI–XVIII вв. – с другой [2, с. 151].

В 1935 г. она поступила на работу в Московскую группу базировавшегося в тот период в Ленинграде Историко-археографического института АН СССР, которая была создана для выявления в московских архивах и публикации документов истории народов СССР, в частности Кавказа, где Екатерина Николаевна впервые соприкоснулась с историческим материалом, ставшим впоследствии главным предметом ее профессионального интереса.

В тот период дружескую поддержку Е.Н. Кушевой оказал известный дагестанский государственный и общественно-политический деятель, историк и литератор А.А. Тахо-годи. По воспоминаниям Екатерины Николаевны, Алибек Алибекович, проявляя значительный интерес к ее археографическим изысканиям, убеждал ее в необходимости и своевременности такой работы, советовал продолжать кавказоведные изыскания. Доводы Алибека Алибековича придали уверенности Екатерине Николаевны и сыграли огромную роль в решении сделать историю народов Кавказа объектом своих дальнейших науч-

ных исследований [4, с. 141].

Как известно, в середине 30-х гг. Тахо-Годи был переведен на ответственную работу в центральные органы страны и приглашен в МГУ читать лекции по кавказоведению. К тому времени новое поле деятельности уже серьезно увлекло Екатерину Николаевну. Огромный, еще не тронутый исследованиями архивный материал увлекал и притягивал, открывая перед ней удивительный, ни на что не похожий, мир кавказской истории. Для нее было откровением подмеченная ею сочлененность исторического прошлого Кавказа с со страницами русской истории. «Новая, подсказанная мне судьбой тематика, стала предметом моего увлечения», – вспоминала она [4, с. 141].

В своих воспоминаниях Екатерина Николаевна писала, что в начале 30-х годов она была переведена в группу, готовящую публикацию по истории народов Дагестана XVI–XVII вв. Планомерные поиски дали выдающиеся результаты. Ею был обнаружен огромный массив документальных материалов, относящихся не только к истории Дагестана, но и других регионов Северного Кавказа. Оценивая историческое значение обнаруженных ею материалов, Екатерина Николаевна отмечала, что «их систематическое изучение даст возможность восстановить канву событий, известных до сих пор в отрывках, установить хронологическую путаницу и прямые ошибки» [7, №1].

На наш взгляд значимость ее творчества на ниве археографии Северного Кавказа как нельзя емко и справедливо оценил Ю.Д. Анчабадзе, подчеркнувший, что в контексте истории русского кавказоведения XX столетия археографические труды Е.Н. Кушевой имеют этапное, непреходящее значение. Источниковедческая база кавказоведческих изысканий, считает он, долгое время оставалась ущербной, так до этого основным источником сведений о Кавказе в XVI–XVII вв. оставались сочинения европейских авторов, в разные годы и с разными целями посетивших регион. Информативные возможности этой категории источников значительно низкие; так как они зачастую поверхностны, мимолетные, сиюминутные впечатления и поэтому не свободны от различного рода разных ляпсусов и ошибок.

Русские же документы выгодно отличаются от европейских. Для русских Кавказ был не экзотикой, а весьма практическим делом, с которым московской дипломатии приходилось постоянно сталкиваться, что привело к созданию хронологически непрерывного массива документальных сведений о народах региона, освещающих самые разные стороны их исторического прошлого [1, с. 407].

Е.Н. Кушева указала на конкретные проблемы истории народов Северного Кавказа, изучение которых обеспечено источниковедческими возможностями русских архивов. Это и дипломатическая история сношений Московского государства с Кавказом, и политическая история Северного Кавказа, и социальные отношения народов, его населяющих, и их динамика, а также международная обстановка в регионе в контексте геополитических устремлений Москвы, Оттоманской Порты и шахского Ирана.

Выявление документальных материалов из архивных фондов – это лишь одна очень важная и актуальная сторона многогранной археографической деятельности Екатерины Николаевны. Немаловажное место в ее творчестве занимала и публикаторская работа, которой кавказоведение обязано выходом в свет фундаментального собрания документов по истории Кабарды и кабардино-русских отношений в конце 50-х гг. [6].

В 1958 г. в Махачкале было осуществлено издания сборника документов «Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы», который охватывает период с 1614 по 1688 гг. и второй – с 1717 по 1825 гг. В редколлегию вошли: Е.Н. Кушева, Г.Д. Даниялов, М.М. Ихилов, О.А. Блюмфельд. Составитель – Р.Г. Маршаев. В сборник были включены выявленные Екатериной Николаевной в 1937-1939 гг. по поручению Института истории АН СССР и Правительства ДССР материалы, а также материалы, хранившиеся в Астраханском архиве.

Следует подчеркнуть, что Е.Н. Кушева никогда не оставляла исследовательской работы в области кавказской истории. Ее интересы, как уже отмечалось нами выше, концентрировались вокруг нескольких важных проблем, значительное внимание ею было уделено изучению социально-экономического развития народов, населявших регион в период позднего средневековья. Ее исследования зафиксировали неоднородность уровня социально-экономического развития у народов Северного Кавказа. Так, в Кабарде и равнинных районах Дагестана феодальные отношения были всеобъемлющими и глубокими, хотя и со своеобразными чертами, с сохранением патриархально-родовых институтов. В высокогорной части Дагестана, Чечне и Ингушетии уровень экономического развития определялся, по мнению Екатерины Николаевны, преобладанием элементов общинных отношений, слабо затронутых процессом феодализации [СЭ, 1978, № 6].

Однако главные исследовательские интересы Е.Н. Кушевой бес-

спорно фокусировались на истории взаимоотношений Российского государства с народами Кавказа, о чем красноречиво свидетельствует ее монография «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI-30-е годы XVII в.» (М., 1963). Акцентируя внимание на политических предпосылках русско-кавказского сближения, Екатерина Николаевна подчеркивала его экономические факторы. В ее концепции им отводилась значительная роль, без выяснения которой трудно понять глубинные причины русской активности на Кавказе. В пику доминировавшему в позднем советском кавказоведении представлению и объяснению этой активности «неким альтруистическим порывом» российских государей защищать местные народы от захватнических поползновений ближневосточных деспотий, Е.Н. Кушева усматривала это в результатах социально-экономических процессов, протекавших в России в XVI в.

Е.Н. Кушева, со свойственной ей увлеченностью и даже самоотверженностью, окунулась в эту многотрудную задачу – изучение народов Северного Кавказа, особенно в XVI–XVII вв. И она с честью справилась и уже в 1943 г. опубликовала работу «Северный Кавказ и международные отношения в XVI–XVIII вв. Обзор материалов русских архивов» (Исторический журнал, 1943. № 1).

Вскоре ею же была издана значимая для Адыгеи, Дагестана и др. работа, раскрывающая проблемы установления взаимоотношений между этими народами и Русским государством в конце XVI в. под названием «Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг.» (Исторические записки. № 34).

Как вспоминал профессор В.Г. Гаджиев, в 1954 г. на научной сессии Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР она выступила с докладом «Русско-дагестанские отношения XVI–XVIII вв.», который имел широкий резонанс, а положения, содержавшиеся в нем, получили дальнейшее развитие и стали широко использоваться кавказоведами. И не случайно редакция двухтомного издания «Очерков истории Дагестана» приняла решение включить ее доклад самостоятельным разделом в первый том этого издания.

Ею была также выполнена ответственная задача: она подготовила для «Очерков истории СССР» раздел «Народы Северного Кавказа».

В 1957 г. в Москве был издан однотомник «История Кабарды», в котором Е.Н. Кушевой в соавторстве с Т.Х. Кумыковым была написана IV глава, а в главе V были использованы выявленные ею мате-

риалы.

Как следует из всего вышеприведенного нами материала, изучением истории народов Северного Кавказа Екатерина Николаевна занималась не одно десятилетие, что позволило ей создать фундаментальное обобщающее исследование «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией». Важно отметить, что развитие отношений России с народами региона рассматривается ею как одна из сторон длительного процесса образования многонационального Российского государства. В первой части книги, опираясь на богатейший материал письменных, этнографических и вещественных источников, автор предложила детальный анализ общественно-экономического положения народов Северного Дагестана, Чечни, Ингушетии, Адыгеи, Кабарды, Осетии и Карачая. И, как подчеркивает профессор В.Г. Гаджиев: «… благодаря не только колоссальным затратам сил и энергии и, главным образом, своему недюжинному таланту, ей удалось определить уровень общественно-политического развития северокавказского населения. И, нужно сказать, отечественное кавказоведение приняло ее выводы». Далее в своем очерке, посвященном деятельности Е.Н. Кушевой, В.Г. Гаджиев продолжает: «Что касается второй части анализируемого труда, мы нисколько не ошибемся, если скажем, что со времени своего выхода в свет, он стал настольной книгой всех не только отечественных, но и зарубежных исследователей истории народов Северного Кавказа» [5, с. 238-239].

В.Г. Гаджиев не обошел вниманием в очерке, посвященном жизненному и творческому пути Екатерины Николаевны, деятельное участие ее в подготовке многотомной академической «Истории Дагестана» [5, с. 240]. Она участвовала также в подготовке к изданию первого обобщающего труда по истории Чечено-Ингушетии, написав один из самых сложных разделов IV главы, где освещено расселение вайнахов, описаны традиционные занятия населения, показано зарождение и развитие феодальных сословий в условиях высокогорной области Кавказа [5, с. 240].

Выйдя на пенсию, Екатерина Николаевна не оставила научную работу, продолжая заниматься выявлением документов, стараясь не отрываться от коллектива.

В 60-е гг. XX в. по просьбе Чечено-Ингушского института истории, языка и литературы она начала кропотливую работу по выявлению архивных документов в архивах Москвы и Ленинграда. Однако в тот период по ряду причин издательский проект сборника докумен-

тов не был осуществлен. В 1987 г. Чечено-Ингушский ИИЯЛ вновь обратился к ней с просьбой завершить работу и подготовить к публикации. Екатерина Николаевна была уверенна в необходимости, особой своевременности и актуальности выхода в свет такого сборника документов. Богатейшая информация, содержащаяся в собранных ею документах, предоставляла исследователям возможность воссоздать реальную картину политического, экономического, этнокультурного развития Чечни в позднее средневековье, осветить характер ее связей с Россией. Е.Н. Кушева внимательно наблюдала за успехами к тому времени расцветающей исторической науки в Чечено-Ингушетии, радовалась полновесным исследованиям ее представителей – Я.З. Ахмадова, Т.С. Магомадовой, Т.С. Исаевой и др., с которыми была связана узами плодотворного профессионального сотрудничества [8, с. 5].

В начале 70-х гг. по инициативе директора Института истории СССР академика А.Л. Нарочницкого было решено подготовить ряд региональных историй. Членом редколлегии одного из томов по истории народов Северного Кавказа была и Е.Н. Кушева. Она приняла участие в составлении проспекта и, тем не менее, затем подала в дирекцию заявление о своем выходе из состава коллектива по состоянию здоровья. На самом деле причины отказа были совершенно другими. Вот здесь принципиальность Екатерины Николаевны, верность ученого с большой буквы исторической истине, непредвзятой объективности, конкретной фактологии, наиболее ярко проявились.

Как отмечает Ю.Д. Анчабадзе, Екатерина Николаевна, будучи человеком мягким, добрым, отзывчивым, которому порой было трудно открыто выразить несогласие с научной концепцией коллеги, указать на его ошибки, неправоту или заблуждения. «Но это не значит, что она не могла отстаивать свою точку зрения, особенно если научной истине грозило попрание. В этом случае ее голос был крепок и настойчив, а сама она была готова противопоставить свою позицию глухой стене организованного единодушия коллег специалистов». Эти ее качества ярко проявились в период, связанный с перипетиями подготовки к празднованию 200-летнего юбилея «добровольного» вхождения Чечено-Ингушетии в состав России [1, с. 414].

Верная своему принципу «не погреши против истины», излагая свою позицию по этому вопросу, Е.Н. Кушева утверждала, что этот процесс был весьма длительным, сложным и многообразным, он не был одномоментным действием с конкретной хронологической при-

вязкой.

Как вспоминает проф. В.Г. Гаджиев, Екатерина Николаевна была уверенна, что это «движение» о добровольности вхождения произошло по инициативе В.Б. Виноградова. И с присущей ей откровенностью в ответ на очередное его послание она в январе1982 г. написала: «Вы считаете, что наши с Вами расхождения не носят антагонистического характера. Вы ошибаетесь, я расхожусь с Вами и в научном плане, и в плане, если можно так выразиться, «деловом» [3, с. 9]. Но при всем этом Екатерина Николаевна как человек высочайшей культуры, наследница высоких традиций потомственных российских интеллигентов свое научное расхождение не переносила на личность, не опускалась до грубости и оскорблений в адрес оппонента.

Однако, мнение Е.Н. Кушевой, также как и некоторых других авторитетных кавказоведов, не скрывавших своего резко отрицательного отношения к идее празднования юбилея, в расчет не были приняты. Была проигнорирована и позиция ряда чеченских историков (Я.З. Ахмадова и др.), а также непринятие этого юбилея в общественном сознании чеченцев и ингушей.

Последние годы своей жизни Екатерина Николаевна работала над подготовкой к печати сборника документов «Русско-чеченские отношения (вторая половина XV – XVII вв.)». Однако в разгар работы над сборником 19 февраля 1990 г. Екатерина Николаевна ушла из жизни. Как пишет ее соратница и близкая подруга, известный ученый, Наталья Григорьевна Волкова: «Чувствуя … на себе всю ответственность за судьбу рукописи, я взяла на себя смелость завершить оставшийся объем работ, строго следуя высказанным Е.Н. Кушевой пожеланиям и ее представлению о характере будущего издания. Выход в свет сборника «Русско-чеченские отношения. (вторая половина XV–XVII вв.)» является знаком уважения светлой памяти замечательного русского историка Екатерины Николаевны Кушевой» [8, с. 6].

Позволим себе заключить все сказанное нами выше как нельзя справедливыми и созвучными нашим чувствам словами Ю.Д. Анчабадзе: «Имя Е.Н. Кушевой принадлежит истории отечественного кавказоведения и занимает в нем достойное место, которое не будет утеснено ни временем, ни новыми научными идеями, ни памятью ученого мира» [1, с. 416].

Литература

1. Анчабадзе Ю.Д. Е.Н. Кушева и русское кавказоведение // Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в.: Сборник документов. М., Восточная литература, РАН, 1997. С. 396–416.
2. Бажанова Л.К., Демидова Н.Ф. К 90-летию со дня рождения Екатерины Николаевны Кушевой // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990.
3. Виноградов В.Б. Екатерина Николаевна Кушева. Армавир, 1999.
4. Воспоминания Е.Н. Кушевой // Отечественная история. № 4. 1992.
5. Гаджиев В.Г. Е.Н. Кушева – исследователь истории русско-северокавказских взаимоотношений // В.Г. Гаджиев. Мастера отечественного кавказоведения. Махачкала, 2005. С. 226–244.
6. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы / Под редакцией Е.Н. Кушевой, Т.Х. Кумыкова. Составители: Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. М., 1957.
7. Кушева Е.Н. Северный Кавказ в международных отношениях в XVI–XVIII вв. (обзор материалов русских архивов) // Исторический журнал. 1943.
8. От редактора // Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в.: Сборник документов / Е.Н. Кушева, выявление, составление, комментарии. М., Восточная литература, РАН, 1997. С. 4–6.

УДК 93/94. 340.141(470.66)

«ТОПОНИМИЯ ЧЕЧНИ» АХМЕДА СУЛЕЙМАНОВА КАК ИСТОЧНИК ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЧЕЧЕНЦЕВ

Хабаев Ибрагим Дагаевич

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Чеченского государственного педагогического университета, руководитель научно-образовательного Центра нахских исследований ЧГПУ
ibragim_habaev@mail.ru

Аннотация: *В данной статье автор рассматривает труд «Топонимия Чечни» А.С. Сулейманова как один из источников государственно-правовой терминологии чеченцев, что должно привлечь внимание современных юристов-правоведов занимающихся исследованиями в области обычного права и государственно-правового строительства Чечни на разных этапах истории.*

Ключевые слова: *топонимия, право, государство, термины, Мехк Кхел, Мехкан Кхеташо.*

Поиск и восстановление преданных забвению и стершихся из народной памяти государственно-правовой терминологии чеченцев и его источников в последние годы стало объектом научных изысканий ученых-правоведов Чечни. Первой ласточкой в этом направлении по праву можно считать издание в 2010 году «Чеченско-русского, русско-чеченского словаря юридических терминов» [1, с. 224] являющегося пока единственным в своем роде собранием правовых терминов обычного права чеченцев.

К сожалению, словарь Э.Д. Абдурашидова, несмотря на свою изрядную научно-практическую значимость, как для сотрудников правоохранительных органов, частнопрактикующих юристов, адвокатов, студентов юридических факультетов, так и для специалистов, занимающихся исследованиями в области обычного права Чечни не отображает всю цветовую гамму государственно-правовой терминологии чеченцев. Его существенным недостатком является калькирование инородных правовых терминов, что невольно наводит читателя на мысль об отсутствии в национальном праве чеченцев собственной правовой терминологии, что на самом деле не соответствует действительности.

По нашему мнению, деятельность общенахского органа законо-

дательной и представительной власти - Мехкан Кхеташо (Совет страны), а также судебная практика Мехк Кхел (Суда страны) и его региональных представительств на местах еще в позднем средневековье выработали собственную национальную государственно-правовую терминологию, которая в силу объективных причин была предана забвению.

Ввиду отсутствия архивных материалов и рукописных источников по национальному праву чеченцев исследователям часто приходится искать альтернативные источники государственно-правовой терминологии чеченцев. В ее поисках они обращаются в первую очередь к культурному наследию чеченцев – мифологии и эпосу, этнографии и топонимии Чечни. Так в сказаниях и мифах чеченцев, литературных текстах, героико-эпических песнях илли, в материалах полевой этнографии, в произведениях путешественников и исследователей, побывавших в Чечне в разные времена, нередко обнаруживаются слова и словосочетания, носящие государственно-правовой характер.

В частности, довольно богатый научный материал на эту тему изложен в фундаментальном труде Сулейманова А.С. «Топонимии Чечни» о чем мы и попытаемся рассказать в нашей статье.

Как известно в теории права государство понимается как «способ организации общества, основной элемент политической системы, организация публичной политической власти; распространяющаяся на все общество, выступающая его официальным представителем и опирающаяся в необходимых случаях на средства и меры принуждения» [2, с. 164].

О наличии в прошлом у чеченцев элементов публичной власти не раз подтверждается в вышеупомянутом нами труде. Так, при описании топонимии с. Центарой Ножай-Юртовского района Чеченской Республики Ахмад Сулейманович пишет: «Кхеташ-Корта «Совета Вершина» - холм расположен между ЦIоьнтара и Теза-Кхаьлла. На этом холме долгие годы собирался Совет Страны, где решались важные вопросы мира и войны» [9, с. 306]. Русский этнограф, И.В. Попов, придававший большое значение существованию у чеченцев «Совета Страны» считал, что этот орган власти «способствовал сплочению различных племен, процессу формирования чеченской нации» [7, с. 262-263]. Вот что он пишет по этому поводу: «Гора Кеттеш-Корт, по преданию ичкеринцев, служила сборным пунктом людей от всех обществ, для установления адата - обычая, вызванного стремле-

нием первых здешних обитателей к социальной жизни» [8, с. 225].

Нужно заметить, что аналогичный термин у Сулейманова встречается и при описании микротопонимии населенного пункта Чечана (Чечен-аул). Вот как он описывает его: «Кхеташ-Корта (Кхеташ-Корта) «Мудрости вершина», «Совета вершина» - вероятно, первоначально название было таково: «Кхеташонан Корта» (Совета вершина). Другое название Жемин барз – наивысшая точка хребта Суьйла-Корта» [9, с. 511]. По преданию «на этой вершине жил монах-отшельник по имени Жеми, которого приверженцы ислама считали святым. Мусульманские священники пытались использовать в народе известность этой вершины, но безуспешно. После принятия мусульманства, как и в период христианства, люди продолжали совершать жертвоприношения, чтить священную рощу. На ветках кустов, растущих вдоль дороги, ведущей на вершину, висели белые лоскуты. Вершина была переименована в «Суьйла-Корта», что по-арабски означает «Жертвенная вершина» [9, с. 512].

Однако, по мнению известного чеченского этнографа С.-М. Хасиева, Жеми являющийся одним из его дальних предков был реальным историческим лицом, которого в свое время «Мехкан Кхеташо» откомандировал в аул Чечана в качестве тамады местного органа Совета Страны. Решение о его направлении в Чечен-аул и создание здесь регионального отделения Совета Страны было вероятно продиктовано необходимостью формирования местных органов представительной власти на равнинной части страны, интенсивно заселяемой представителями различных чеченских обществ. Всего, по мнению чеченского историка Натаева С.А. опирающегося в своих работах на труды известного чеченского этнографа Саидова И.М., на территории Чечни установлено 23 [6, с. 359] пункта заседаний Совета Страны, перечень которых он приводит в своей работе «Чеченские тайпы». По мнению большинства исследователей, некоторые из них имели общечеченское значение, а «остальные временами становились местом проведения собраний горных или плоскостных чеченцев» [5, с. 24-25].

К примеру, среди тех, которым Саидов И.М. придавал общенародное значение, выделялись два наиболее влиятельных центра, первый из которых собирался на горе «Эртина (Эртина) - вершина «Ерди корта» - в системе гор Нашхойн-лам. Древнее культовое место периода язычества и христианства. Здесь долгие годы собирался Совет старейшин страны - «Мехкан кхел» - для решения вопросов мира и

войны, установления правил взаимоотношений, установления цен на продукты и скот, возмещение увечья при перемириях противников и т.д.» [9, с. 74-75]. Второй располагался в местности Муйта-кхера у аула ГIозана, в бассейне р. Фортанга, входящего в Аккинское общество, на описании которого мне бы хотелось остановиться более подробно.

Сулейманов А.С. пишет: «Муьйта кхиера (Мюйта кхиера) «Мюйти утес (скала) камень» - высокая вершина, видимая со всех сторон, на западной стороне ГIозана, общественное пастбище и сенокос. С этой скалы, которая была видна со всех сторон и во всех аулах, мудрец и святой проповедник знаменитый Муьйта выкрикивал свои нравоучения, изобличал преступников и тех, кто совершал безнравственные поступки, призывал людей к благонравию, послушанию родителям, уважению к старшим и пр.» [9, с. 49]. В данном описании вызывает некоторое сомнение антропоним Муьйта, так как в чеченском языке существует довольно распространенное и в наше время слово муьтIахь - «послушный», «покорный», «верноподданнический» [3, с. 483]. Более того в ходе очередного сбора полевых материалов сотрудниками Научно-образовательного Центра нахских исследований действующем при ЧГПУ, было установлено, что спикер чеченского парламента «Мехкан Кхеташо» которого обычно как нам известно именовали известным в горских языках термином тхьамда [3, с. 580] в более древние времена носил титул «мутIа». Возможно, что выражение «Хьо муьтIахь вуй?» - «Ты законопослушный?» у чеченцев означало не что иное как послушность спикеру, номинальному главе страны, парламенту, члены которого избраны народом и законам, исходящим от этого властного органа. Кроме того, нами установлено, что ни одна вершина, а тем более гора у чеченцев не носит имени отдельно взятого человека, а те, что названы именами в честь мифических персонажей и героев из чеченской мифологии. Данный аспект лишний раз показывает, что описанный А. Сулеймановым мудрец и святой проповедник Муьйта мог и не быть реальной исторической личностью.

Однако справедливо напрашивается вопрос, почему этот утес был назван Муьйти кхер? Для меня юриста ответ на этот вопрос прост. Дело в том, что с древнейших времен у всех народов мира существует практика, согласно которой новый закон, исходящий будь то от князя, царя, короля, народного собрания не имеет силы до тех пор, пока не будет предан всенародной огласке. У разных народов

мира бытовали различные формы их огласки. К примеру, у одних существовал специальный корпус глашатаев [4, с. 365], ходивших по рынкам и многолюдным местам, оглашая их. В Афинском полисе законы, вырезанные или выжженные на деревянных досках, выставлялись на центральной площади города Афин Агоре, для всеобщего обозрения. Таким же образом на римском Форуме были выставлены древнеримские Законы XII таблиц, а в Древнем Вавилоне с Кодексом царя Хаммурапи, статьи которого были выбиты на базальтовом столбе, мог ознакомиться любой гражданин, придя к храму бога Мардука.

Позже с изобретением бумаги, развитием письменности, книгопечатания и множительной техники эта задача намного упростилась. Теперь довести до граждан вступившие в силу новые правовые акты, а также отмену старых, действие которых приостанавливалось, стало возможным с помощью листовок, газет или иной печатной продукции.

У чеченцев, по всей вероятности, с древности существовала практика легитимизации правовых актов через их официальную огласку с какой-либо возвышенности, как в нашем случае с утеса Муьйта кхер. О том, что данная гипотеза имеет право на жизнь, красноречиво говорят многочисленные топонимы, встречающиеся в разных исторических регионах республики. К примеру, в чеченском обществе Хой существует топоним «Кхайкхачу», откуда в определенное время выкрикивали последние известия. Это особого рода «устный журнал» горцев. Бытование такого «журнала» отмечено в обществе ЧIебарла, ЧIохой, Гухой и др. местах» [9, с. 263]. В с. Центарой аналогичный хойскому топоним Кхойкхучу дукъа [9, с. 309] - «Извещательный хребет» встречается вновь. Ахмад Сулейманов пишет, что с этой возвышенности глашатаи оповещали близлежащие села Теза-Кхаьлла, ДаьргIа, БелгIата, Шоьна, Бена, ГIоьрдала о важных внутригосударственных решениях, внешнеполитических шагах и надвигающейся военной угрозе.

Особый интерес при исследовании микротопонимии населенного пункта Узмат-кхелли входящего в общество ЧIуо вызывает холм «Хьайра кхайкхочу коьрта (Хайра кхайкхочу кёрта) «Вершина, с которой говорит мельница» - таких вершин, было несколько: Мехкарийн корта, Мовхараш корта, Беданчу Кхиерие и др., с которых глубокой ночью начинали «говорить мельницы», где все «слышно» и все «видно». Специально для этой цели подготовленные группы молодых людей (не более трех) втайне изучали все криминогенные случаи,

происшедшие в течение месяца, а потом, поднявшись на одну из вершин, начинали стрельбой будить народ и говорить открыто обо всех преступлениях и поступках, подрывающих устои нравственности, нарушавшие общественный порядок - воровство, подлог, обман, легкое поведение девицы, кто, где и когда обманул, предал, продал, изменил. Все выходили на крыши своих домов, саклей (крыши плоские), слушали с большим вниманием. Это была своего рода устная «газета», в которой содержались сплетни, клевета, лесть, обман и т.д., которых люди воспринимали как истину. «Информаторы» оставались инкогнито, в глубокой тайне ото всех. Это была древнейшая школа нравственного воспитания [9, с. 133].

Таким образом, мы можем констатировать, что Муьйта не являлся реальной личностью, а утес получил свое название из-за необходимости каждому быть муьтIахь - послушным принятому адату, оглашенному с этой вершины. Поэтому видимо и появилась в народе формула «Хьо муьтIахь вуй» вопрошавшая гражданина не только о его согласии с принятым законом, но и о мнении по поводу законности принятого правового акта как важнейшего условия его качества и эффективности.

Помимо топонимов, отображающих наличие у чеченцев в прошлом таких общегосударственных органов представительной, законодательной и судебной власти как «Мехкан Кхеташо» и «Мехка Кхел» о которых как мне кажется достаточно сказано выше, «Топонимия Чечни» содержит большое количество терминов и топонимов касающихся вопросов таможни, налогов и обороны страны. Так при описании Кей-мохк автор приводит топоним «ИскотIа (Искота) «На девяти воротах» - своеобразная «таможня», где в прошлом находилось девять ворот, пропускных пунктов для путников. У каждого из девяти ворот круглосуточно стояла стража, которая проверяла путников: со злым или добрым умыслом идут они, и куда. Таможни эти давно ликвидированы, но название сохранилось до наших дней» [9, с. 104].

Важное место как явствует из исследуемого нами источника, чеченцы придавали охране внешних границ своей страны. Топонимы, отображающие оборонительные комплексы и дозоры существовали практически в каждом приграничном с соседними странами населенных пунктах Чечни. В обществе Беной граничащим с Дагестаном встречается такой топоним как «Ков тухучу»: «В ворота стучат где» - урочище на юго-востоке. Здесь, вероятно, находились ворота, охра-

няемые сильным дозором, через которые пропускали, спросив предварительно о цели приезда» [9, с. 338]. Такая же дозорная крепость находилась и на северо-востоке с. Гуьна получившая название «Куьпа-ке (Кюпа-ке) «Ворота квартала», название которого напоминает о тех временах, когда поселения были ограждены от проникновения неприятельских войск и имелись ворота, через которые пропускались путники, странники, путешественники и были сторожевые, сигнальные вышки и посты» [9, с. 286].

Недалеко от Гуьна в с. Дишни-Ведено мы вновь встречаем оборонительный топоним «Хехойн чардакхаш»: «Караульные вышки» - находившиеся по углам территории укрепления, которая была обнесена оградой из кряжа дуба и чинары, поставленного вертикально впритык [9, с. 282].

Дозорные пункты охраны были как видно и на территории нынешнего города Грозного. Так в районе современного поселка Ташкала, Ташхойн рагI - «Ташхоя хребет», стояло древнее чеченское село Таш-кхаьлла - родовое село давно исчезнувшего этнического общества ташхой. «Этноним ташхой сложился на тюрко-вайнахской языковой основе, «таш» - камень, «хой» - стража, воины, дозор. В районе урочища «Кхаа куьртие» постоянно находился дозорный пункт, который держали ташхойцы» [9, с. 498].

Важным пограничным пунктом по охране южных границ Чечни, по всей вероятности, было замковое укрепление Доьра входящее в этническое общество ЧIаьнта. Здесь к юго-востоку от Итон-Кхаьлла на левом берегу Доьрахойн эрк, правого притока р. Аргун, как непобежденный, безмолвный свидетель прошлого стояла массивная башня - Доьрахойн бIав, с единственной стрельницей. «Жители ТIера ЦIуьника, КIел ЦIуьника и Доьра составляли одну этническую группу и называли себя «доьрахойцы». Этническое название «доьра», «доьрахой» возникло на основе «дор/дар» - горный проход, ворота (перс). Действительно, «Доьра» напоминает горный проход и доьрахойцы вели наблюдение за Аргунским ущельем и ущельем Доьрахойн эрк [9, с. 170]. Предания гласят, что на юге современного Итумкале, на правом берегу р. Аргун в пределах родовой территории тех же доьрахойцев находилось мощное укрепление ЧIагIие - «Замок», «которое контролировало проход по Аргунскому ущелью и взимало подорожную плату со всех путников, которые проходили по ущелью» [9, с. 169].

Перечисленные нами топонимы это всего лишь малая часть ог-

ромного пласта государственно-правовой терминологии чеченцев, дошедшая до нас из глубин древности и сохраненная чеченским народом в названиях населенных пунктов, рек, холмов, хребтов, архитектурных сооружений, водоемов и т.д.

Кроме чеченской топонимии и чеченских авторов занимавшихся вопросами правовой и социальной терминологии надо смотреть к примеру работы дагестанских ученых. Так, например Т.М. Айтберов на основе источников доказывает, что Чеченское княжество на Аргуне сложившееся в середине XVII в. представляло собой «княжество-владение/княжество-государство» [10]. Он же кстати, рассмотрел некоторые источники формирования горской элиты Северо-Восточного Кавказа и некоторой терминологии, которая существовала и в период даже арабских завоевателей эпохи Омейядского халифата [11].

Учитывая, что наше изыскание, не преследовало цели фундаментального исследования поставленного вопроса, а заключалось всего лишь в стремлении привлечь внимание юристов-правоведов к столь важному источнику права чеченцев, как «Топонимия Чечни», хочется верить, что более глубокое исследование затронутой темы может способствовать выявлению неизвестных страниц истории чеченского народа, его государственности и права.

Литература

1. Абдурашидов Э.Д. Чеченско-русский, русско-чеченский словарь юридических терминов. Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий». 2010. - 224 с.
2. Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. (Серия «Профессиональные справочники и энциклопедии»). Москва: Книжный мир, 2010. - 960 с.
3. Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси. «Меридиани». 2011. - 734 с.
4. Даль В. толковый словарь живого русского языка. Т. 1. М.: 1880. - 808 с.
5. Лаудаев У. Чеченское племя. Тифлис. 1872. - 55 с.
6. Натаев С.А. Чеченские тайпы. Проблемы изучения природы, структуры и исторической динамики социальных институтовчеченцев.Махачкала: АЛЕФ. 2013.-414с.
7. Попов И. Ичкеринцы. ССТО. Вып. I. Владикавказ. 1878. С. 262-263.
8. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис. 1870.- 420 с.
9. Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. - 726 с.
10. Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа). Махачкала, 2006. – 94 с.
11. Айтберов Т.М. Мусульманская элита кумухского корня. Махачкала, 2008. – 191 с.

УДК 93/94. 930 (470/67)

НАУКА ДАГЕСТАНА В 90-Е ГГ. XX В.: ПРОБЛЕМЫ, УСПЕХИ, ОСОБЕННОСТИ

Османов Ахмед Ибрагимович
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН
Osmanov193@yandex.ru

Лысенко Юлия Михайловна
кандидат исторических наук, Институт истории,
археологии и этнографии ДФИЦ РАН
Ljuma78@mail.ru

Аннотация: *в статье анализируется деятельность научных учреждений Республики Дагестан в конце XX века. На примере развития Дагестанского научного центра - регионального отделения Российской академии наук рассматривается опыт и достижения, развитие научного знания; показаны проблемы в данной сфере, в первую очередь, связанные с недофинансированием отрасли. Проанализированы реорганизационные изменения, отмечена издательская деятельность институтов и расширение международного сотрудничества по ряду научных направлений.*

Ключевые слова: *наука, Дагестанский научный центр Российской академии наук, научно-исследовательские институты, учёные.*

Поступательное развитие науки и деятельность научных учреждений Дагестана в начале 90-х гг. XX в., столкнулись с объективными субъективными трудностями. В период радикальных реформ 90-х гг. в тяжелом положении оказалась вся отечественная наука. Резкое сокращение финансирования, коснувшееся всех аспектов деятельности научных институтов, налаженной за годы советской власти, включая заработную плату ученых, выдаваемую с задержками, принудило многих исследователей искать себе работу за рубежом или в других сферах.

В плохом материальном положении оказались дагестанские ученые, среднемесячная зарплата которых была ниже, чем в ведущих научных центрах страны. Среднемесячная зарплата работников, занятых в дагестанской науке, составила в 1997 г. 461 руб., в 1998 г. – 398 руб., в 1999 г. – 919 руб. и в 2000 г. – 1577 руб. От «академической» системы оплаты труда сотрудников НИИ государство перешло к «единой тарифной сетке» работников бюджетной сферы, что сказа-

лось на снижении окладов и зарплат. Институты прекратили получать финансирование на проведение различных «полевых» экспедиций, научных командировок, конференций, издание книг и т.д. Правда мало кто из дагестанских учёных покинул Дагестан, но частым явлением стал переход научных сотрудников на работу на полную или частичную занятость в дагестанские вузы и филиалы вузов других городов страны, где зарплата была несколько выше, чем в научно-исследовательских институтах.

В начале 90-х на волне всеобщих реформ произошли и структурные преобразования в главном научном центре республики. Дагестанский филиал Академии наук СССР постановлением Президиума АН СССР от 29 января 1991 г. № 34 был преобразован в Дагестанский научный центр Академии наук СССР, затем и в Дагестанский научный центр Российской академии наук. Дагестанский научный центр являлся структурным звеном Российской академии наук – региональным научным центром РАН. Основной целью деятельности ДНЦ РАН являлась организация и проведение научных исследований, а также прикладных работ, имеющих большое значение для социально-экономического и культурного развития региона; научные исследования выполнялись с разрешения соответствующих отделений РАН [5, с. 43].

В начале 90-х гг. в Дагестанском научном центре были созданы новые научные институты, некоторые из существующих научных подразделений были преобразованы в институты. На базе отдела биологии был создан Прикаспийский институт биологических ресурсов (1990 г.) и в 1992 г. – Горный ботанический сад. В 1991 г. на базе отдела экономики был создан Институт социально-экономических исследований и тогда же, на базе Института истории, языка и литературы были организованы два института – Институт истории, археологии и этнографии и Институт языка, литературы и искусства.

ДНЦ РАН объединил девять научных учреждений РАН, расположенных на территории Республики Дагестан: Институт физики им. Х.И. Амирханова, Институт геологии, Институт проблем геотермии, Прикаспийский институт биологических ресурсов, Горный ботанический сад, Институт социально-экономических исследований, Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Региональный центр этнополитических исследований ДНЦ РАН [11, с. 53; 16, с.144].

Дагестанский научный центр РАН успешно осуществлял свою

деятельность даже в самые трудные 90-е, когда сворачивались ведущие направления целых институтов, закрывались крупные научные учреждения. Научные сотрудники ДНЦ РАН продолжали трудиться над решением ряда значимых научных проблем. Так, Институт физики сконцентрировал свою деятельность на перспективных научных направлениях, таких как: физика сверхпроводимости и низких температур, нелинейной динамики и хаоса, физика фазовых переходов и критических явлений в конденсированных средах, физика полупроводников, теоретической и вычислительной физике, физика высоких давлений и др. [9, с. 325].

Институт физики расширил сотрудничество с известными научными институтами России и зарубежных стран. По исследованию квантово-размерных наноструктур ученые института проводили исследования с учеными Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе и Института физики университета Гумбольдта. Институт участвовал также в выполнении государственных конкурсных программ («Сверхпроводимость», «Физика конденсированного состояния вещества», «Образование и структура кристаллов», «Экология Каспия» и др.), а также в проведении научно-исследовательских работ по грантам Российского фонда фундаментальных исследований [11, с. 17]. За годы своей деятельности Институт физики ДНЦ РАН превратился в крупный центр физической науки на Северном Кавказе.

Основные усилия коллектива Института геологии ДНЦ РАН были направлены на изучение геологической структуры, закономерностей формирования и размещения полезных ископаемых Дагестана, изучение сейсмического режима Восточного Предкавказья и сопредельных районов, выявление предвестников землетрясений, проведение комплексных гидрогеологических, инженерно-геологических работ, исследование гидрогеологии, рудной и нерудной геологии, геоэкологии Дагестана и др.

Все большее место в тематике исследований института занимали вопросы, связанные с изучением полезных ископаемых, проблем нефтегазообразования и нефтегазонакопления на территории Восточного Кавказа и в прилегающей акватории Каспия, формирования и размещения подземных вод, рудного и нерудного сырья, новейшей тектонической активизации недр. Большое внимание институтом уделялось и вопросам охраны геологической среды и главного ее компонента- подземных вод.

Значительным вкладом в геологическую науку явилось издание

институтом совместно с ВНИГНИ серии тектонической и калеотектонических карт юга СССР, а также около 25 монографий и других работ, авторами которых стали многие ученые института.

Со времени своей организации в 1990 г., Прикаспийский институт биологических ресурсов занялся изучением экологических проблем освоения и рационального использования ресурсов почвенного покрова, растительного и животного мира, биоразнообразия экосистем и разработкой проблем борьбы с опустыниванием. [8]. Эти проблемы исследовались в тесной координации с ведущими исследователями как на федеральном, так и международном уровне. Бюро отделения общей биологии РАН в 1994 г. при институте создало секцию проблем изучения аридных экосистем и борьбы с опустыниванием. В нее вошли видные ученые России и зарубежных стран, работающие по проблемам аридных земель. Институтом были получены важные результаты по исследованиям, проведенным учеными по этой проблеме. В этой связи при организации секции было принято решение об учреждении и нового научного создании журнала «Аридные экосистемы» [6].

В 1999 г. ПИБР стал членом Международного союза охраны природы. При институте была создана Кочубейская биосферная станция, получившая международное признание. Важные эксперименты проводились и на ихтиологической станции института [11, с. 137].

Учеными института были опубликованы монографии, тематические сборники, сборники материалов научных сессий, конференций. Они участвовали в разработке международных программ: «Экологические проблемы Каспийского моря и окружающих его регионов», «Биологические ресурсы аридных экосистем и проблемы борьбы с опустыниванием и аридной деградацией», «Охрана и восстановление почвенного и биологического разнообразия», «Эколого-биогеохимические и медико-биогеохимические исследования основных компонентов биосферы в зоне распространения эпидемических заболеваний». Естественно-исторические условия Дагестана, многообразие биологических объектов обусловили многоплановый характер исследований, проводимых на высоком научном уровне [18, с. 498].

Учёные Горного ботанического сада ДНЦ РАН работали над перспективными направлениями горного растениеводства, проводили испытания многих видов и сортов растений самого разного происхождения. Здесь были достигнуты определенные успехи в теории ин-

тродукции, в изучении репродуктивных стратегий растений [18, с. 499].

В начале 90-х гг. сотрудниками Института языка, литературы и искусства были составлены и изданы краткие словари по шести литературным языкам. Основное же внимание языковедов Института в 90-е гг. XX в. было сосредоточено на изучении грамматических явлений и грамматической системы дагестанских литературных языков, учёными-филологами были выяснены и описаны их специфические особенности грамматического строя. По этим проблемам были опубликованы монографические исследования: Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка. Фонетика и морфология; Абдуллаев З.Г. Даргинский язык, Муркелинский Г.Б. Грамматика лакского языка» Ч. 1., Ханмагомедов Б.-Г.К. Очерки по синтаксису табасаранского языка, Атаев Б.М. Очерки по истории формирования аварского литературного языка; Талибов Д.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков и др. [7, с. 23].

Были изданы очерки фольклора: аварцев (М.Р. Халидова), даргинцев (Ф.О. Абакарова, Ф.А. Алиева), кумыков (А.М. Аджиев), лакцев (Х.М. Халилов), лезгин (А.М. Ганиева), табасаранцев (М.М. Курбанов), а также коллективный труд «Традиционный фольклор народов Дагестана», авторский коллектив которого: Г.Г. Гамзатов, А.М. Аджиев, Ф.О. Абакарова, М.Р. Халидова, А.М. Ганиева, Х.М. Халилов, М.М. Гасанов в 1995 г. был удостоен Государственной премии Республики Дагестан [5, С.280-283]. В 1999 г. была издана коллективная работа «Дагестанская литература: закономерности развития (1965-1985 гг.)».

Дагестанские литературоведы приняли участие в выполнении ряда крупных работ, осуществляемых под эгидой Института мировой литературы им. М. Горького. 90-е гг. – это период активного творчества Г.Г. Гамзатова, им был написан и издан цикл работ по истории и теории региональной литературы: «Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане», «Преодоление. Становление. Обновление. На путях формирования дагестанской советской литературы» [1; 2], «Дагестан: историко-литературный процесс. Вопросы истории, теории, методологии», «Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти» и др., явившиеся новым этапом в исследовании литературы [5, с. 284-285].

В 90-е гг. международные связи Института ИЯЛ значительно

расширились. Они носили обоюдный характер, немало ученых зарубежных стран стремились поближе познакомиться с историей и культурой дагестанских народов. С рядом зарубежных институтов и университетов Голландии, Германии, США, Венгрии, Азербайджана, Грузии институт наладил тесные связи, с отдельными из них заключил договоры о научном сотрудничестве [5, с. 293, 296].

Созданный в 1991 г. Институт социально-экономических исследований сосредоточил свои усилия в направлении решения проблем формирования северокавказского экономического рынка, использовании особых геополитических условий региона и развития его экономических связей с Россией. Главное внимание при этом отводилось рассмотрению проблем социально-экономического развития Республики Дагестан как приграничного региона, имеющего слабые стартовые параметры для построения рыночной экономики.

Небольшой коллектив института, насчитывающий 50 сотрудников, под руководством директора, доктора экономических наук Ю. М. Сагидова [21] принял участие в разработке 25 региональных и федеральных программ, представил в руководящие органы республики свыше 40 методических рекомендаций, 30 экономических обзоров и другие материалы, необходимые для разработки и принятия законодательными и исполнительными органами новых законов, положений, программ, ориентированных на вхождение в рынок. Среди них особо следует отметить разрабатываемую институтом целостную концепцию социально-экономического развития Республики Дагестан [5, с. 311-312, 317-319].

Созданный в июле 1992 г. Региональный центр этнополитических исследований, в мае 2000 г. был включен в состав Дагестанского научного центра. Инициатором создания и руководителем центра являлся доктор философских наук А.-Г.К. Алиев. С момента организации деятельность РЦЭИ была нацелена на решение реальных проблем Дагестана и Северо-Кавказского региона. Были проведены исследования современных этнополитических процессов, национально-культурного развития его народов и др. [10, с. 493].

В 90-е гг. коллектив Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, сохранив научный потенциал, вёл исследовательскую работу, готовились и издавались обобщающие исследования по истории Дагестана, в основном за счет грантов российских научных фондов, финансовой помощи Правительства РД, отдельных ведомств и спонсоров. После 1993 г. издание монографий было налажено, так ес-

ли в 1990 г. было издано 3 монографических исследования: Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства у народов Дагестана в XIX – нач. XX в., Рамазанова З.Б. Система питания народов Дагестана (XIX-XX в.) и Алиева В.Ф. Население и трудовые ресурсы Дагестана [18, с. 500], а в 1992 г. только две, то в последующие годы подготовка историко-этнографических исследований о народах Дагестана и их издание было весьма продуктивным. Один за другим выходили очерки о народах Дагестана: «Бежтинцы. XIX – нач. XX в.» (С.А. Лугуев, Д.М. Магомедов, 1994), «Годоберинцы. XIX – нач. XX в.» (Б.М. Алимова, С.А. Лугуев, 1997), «Кайтаги» (Б.М. Алимова, 1998), «Кумыки: историческое прошлое, культура и быт», (С.Ш. Гаджиева, 2000. Кн.1), «Лакцы. XIX – нач. XX в.» (А.Г. Булатова, 2000), «Дидойцы (цезы)» (С.А. Лугуев, Д.М. Магомедов, 2000) и т.д.

Кроме историко-этнографических очерков этнографами института было осуществлено издание ряда трудов, получивших положительные отзывы: это «Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана с древнейших времен до XX в.» (М.-З.О. Османов, 1996), его же – «Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху» (2002), «Духовная культура народов Дагестана в XVIII-XIX веках (аварцы, даргинцы, лакцы)» (Б.Б. Булатов, С.А. Лугуев, 1999) [7, с. 20] и др.

Достижением историков явилось издание труда «История Дагестана с древнейших времен до конца XV в.» (М.Г. Гаджиев, О.М. Давудов, А.Р. Шихсаидов, 1996), не потерявшего значимости и актуальности поныне. [20, с. 87]. Были изданы монографии, посвященные изучению дагестанской зарубежной диаспоры: Магомедханов М. Дагестанцы в Турции [14], Мусаева М.К., Магомеддадаев А.М., Курбанов М.Ю. Дагестанская диаспора Турции [15]. В 90-е гг. в Институте получило особое развитие такое направление как подготовка и издание сборников документов и материалов: Репрессии 30-х годов в Дагестане (1997), Книга воспоминаний о делах жителей Дагестана и Чечни (1997), Дагестанские исторические сочинения (1993) и др. [20, с. 79]. Издания института показывают многосторонний характер ведущихся исследований.

В 90-е годы были изданы обобщающие труды археологов, которые привлекли внимание научной общественности. Среди них нужно отметить такие работы как: «Археологическая карта Дагестана» (А.И. Абакаров, О.М. Давудов, 1992), «Материальная культура Дагестана албанского времени (О.М. Давудов, 1996), «Между Европой и Азией.

Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период» (М.С. Гаджиев, 1997), «Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы» (Р.Г. Магомедов, 1998) [20, с. 81; 7, с. 22].

В 90-е гг. археологом Л.Б. Гмырей были изданы две монографии, это материалы раскопок Паласа-сыртского могильника в книге «Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники» (Махачкала, 1993. – 367 с.), воспринятую специалистами как добротную, основательную публикацию материалов Паласа-сыртского курганного могильника; в 1995 г. – монография «Страна гуннов у Каспийских ворот». В этом исследовании воссоздана картина исторического развития племен Прикаспийского Дагестана в раннем средневековье. [4, с. 189].

Расширялись научные связи сотрудников ИИАЭ ДНЦ РАН с зарубежными учеными, которые сводились не только к проведению научных конференций, но и осуществлению совместных исследований. Учёные института принимали участие в зарубежных экспедициях, организуемых институтами РАН. В 1994 г. была создана Дагестано-Американская археологическая экспедиция, которой руководили М.Г. Гаджиев (затем – Р.Г. Магомедов) и Ф. Кол. [19, с. 121]. Экспедиция провела широкомасштабные полевые работы по изучению объектов Великентского комплекса, памятников эпохи ранней бронзы Кобаз-кутан, а также разведочные исследования в Южном Дагестане. На Великентских могильниках ДАЭ вскрыла ряд катакомбных захоронений, в которых были обнаружены коллекции инвентаря, которые наряду с неординарным погребальным обрядом позволяют совершенно по-новому взглянуть на уровень развития местного населения того времени и очертить круг их взаимоотношений с окружающим степным миром и с культурами и цивилизациями юга. В дагестано-американских археологических исследованиях в приморском Дагестане приняли участие антропологи, археозоологи, палеогеоморфологи и другие специалисты.

Большие полевые исследования были проведены Дербентской археологической экспедицией, которую в 1996 г. возобновил и возглавил М.С. Гаджиев. Экспедиция под его руководством вела и ведет планомерные исследования в Дербенте и его исторической округе, ознаменовавшиеся, прежде всего, открытием и изучением таких неординарных памятников, как средневековый зороастрийский скальный погребальный комплекс и средневековое мусульманское культо-

вое место «Кийамат-капы», стены «Даг-бары», городища Торпах-кала и др. [22, с. 196].

Вела работу Центрально-дагестанская археологическая экспедиция (начальник - Давудов О.М.), проводившая раскопки Шахсенгерского городища и Акярского могильника; Кумторкалинская новостроечная экспедиция, ведшая работу на крупном кургане Хумтуп, (руководитель – Магомедов Р.Г.).

Действовала также археографическая экспедиция, под руководством Шихсаидова А.Р., многие годы занимающегося выявлением, фиксацией и каталогизацией памятников письменной культуры народов Дагестана во многих районах республики.

В рассматриваемый период Институт выступил учредителем ООО «Археологическая служба Дагестана», был создан Музей археологии и этнографии, на территории Великентского комплекса археологических памятников создана археологическая стационарная база [20, с. 88] и т.д.

Немало ученых-дагестанцев своими усилиями вносили весомый вклад в развитие российской науки в научно-исследовательских институтах естественно-научного профиля РАН, работали дагестанцы в Институте археологии, в Институте философии, в филологических научных учреждениях РАН, в учреждениях науки и вузах в субъектах России [13, с. 164].

Кроме Дагестанского филиала АН СССР в республике имелись более десятка ведомственных и региональных научных учреждений, в которых были сосредоточены значительные научные силы, ведшие научные исследования: Дагестанский ветеринарный институт, Дагестанский научно-исследовательский институт сельского хозяйства им. Ф.Г. Кисриева и его опытные станции, Научно-исследовательский, проектно-технологический институт виноградарства, садоводства и мелиорации, Дагестанский филиал Научно-исследовательского института имени Г.М. Кржижановского, Дагестанский филиал Геофизической службы РАН и др. Так, благодаря настойчивой позиции НИИ педагогики имени А.А. Тахо-Годи родные языки с начала 90-х годов XX века приобрели новый статус и были включены в учебные планы всех общеобразовательных учреждений республики как обязательные. Родные языки вошли в инвариантную (обязательную) часть учебных планов, это положение по инициативе института было закреплено в Законе Республики Дагестан «Об образовании» [17, с. 3].

Ведомственным НИИ в рассматриваемый период пришлось вести работу в очень сложных условиях недофинансирования, некоторые филиалы НИИ ввиду административной реорганизации «головных» учреждений практически прекратили работу, «выживая» за счет сдачи в аренду своих помещений и территорий.

В тоже время появлялись в республике новые научные учреждения. Постановлениями президиума Российской академии медицинских наук (22.09.93 г. № 114) и Правительства Республики Дагестан (25.11.93 г. № 235) был создан Дагестанский научный центр РАМН, уже к 1998 г. в составе ДНЦ РАМН функционировали 9 лабораторий: экологии человека, медицинской генетики, эпидемиологии, инфекционной патологии, неинфекционной патологии, перинатальной медицины, клинической иммунологии, клинической микробиологии, питания населения, а также эндоскопической хирургии [12, с. 431].

Важные научные разработки по-прежнему велись в крупных ВУЗах республики: Дагестанском государственном университете, Дагестанской сельскохозяйственной академии, Дагестанском техническом университете и др.

В марте 1998 г. в Дагестанском государственном университете было создано Управление научно–исследовательских работ, объединившее Лабораторию биологии моря, научно-исследовательские лаборатории физики плазмы, твердотельной электроники, прикладной экологической химии, экоаналитики, научно-исследовательскую группу «Оптические и электрические явления в полупроводниках», кроме того, в научный комплекс университета входили НИИ биологии, НИИ социально-экономических и национально-культурных проблем народов Дагестана, Научный центр по проблемам Каспийского моря, Дагестанский Центр РАО, Региональный экологический центр, Центр по новым педагогическим технологиям гуманитарного образования, научно-методический центр по проблемам аудита, студенческий НИИ фольклора и литературы, инновационно-технологический центр и др. [16, с. 173].

В тесном сотрудничестве с Дагестанским государственным университетом и Дагестанским государственным техническим университетом крупные научные исследования проводились Объединенным научно-исследовательским и производственным центром по изучению и использованию нетрадиционных источников энергии (ОНИПЦ ОИВТ РАН). Ученые трех учреждений участвовали в разработке проекта «Научно-образовательный комплекс по подготовке кадров и раз-

витию фундаментальных исследований в области нетрадиционных возобновляемых источников энергии», выполняемого в рамках ФЦП «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки». В выполнении этой большой программы участвовали ученые Дагестанского государственного педагогического университета, Дагестанской сельскохозяйственной академии, Института высоких температур РАН, Института проблем геотермии и Института физики ДНЦ РАН и работники некоторых предприятий республики.

ОНИПЦ ОИВТ РАН проводились работы по исследованию и созданию активных и пассивных систем солнечного горячего водоснабжения и отопления в жилищном и гражданском строительстве, комбинированных систем энергоснабжения на основе солнечной и геотермальной энергии, созданию перспективных насосов и других уникальных установок для использования нетрадиционных источников энергии [11, с. 151].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что, начиная с 1999 г., финансовая помощь научным учреждениям республики со стороны государства возрастает. Немалая поддержка дагестанским ученым была оказана со стороны РФФИ и РГНФ, руководством Программы «Интеграция», зарубежными фондами. Все это благоприятно сказалось на плодотворной работе ученых Дагестана и развитии всей дагестанской науки в начале XXI в. [3, с. 59].

В соответствии с национальной научной доктриной Российской Федерации и приоритетными научными направлениями РАН научные учреждения Дагестанского научного центра в 1999 г. проводили исследования по 32 направлениям, которые объединяли более 110 тем, из них региональный характер носили около 60. Научный потенциал Дагестанского научного центра был активно задействован практически во всех государственных научно-технических программах Республики Дагестан. По ряду позиций ДНЦ РАН занимал ведущее место в исследовании ряда фундаментальных проблем истории, филологии, философии, физики, биологии, геологии, геофизики, геотермии [11, с. 234].

Дагестанский научный центр РАН оставался проводником передовой научной мысли и успешно осуществлял свою деятельность даже в самые трудные 90-е, когда сворачивались ведущие направления целых институтов, закрывались крупные научные учреждения. В конце XX в. в нем работало более 1000 человек, в том числе 78 докторов

и около 300 кандидатов наук. ДНЦ РАН (ныне – ДФИЦ РАН) – это важнейшая научная структура, которая успешно осуществляет свою деятельность по важным научным направлениям, активно участвует в разработке долгосрочных проектов науки республики на перспективу. Успехи в научной работе достигалось годами плодотворной работы, учёные вносили и вносят достойный вклад в развитие науки, культуры, экономики республики.

Литература

1. Гамзатов Г.Г. Дагестан: историко-литературный процесс. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. – 309 с.
2. Гамзатов Г.Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М.: Наследие, 1996. – 651 с.
3. Гебеков Г.Ф. Культура Дагестана на современном этапе: основные тенденции и противоречия развития (1992 – 2005 гг.) Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. – 194 с.
4. Давудов О.М. Замечательный ученый, археолог-кавказовед (к 70-летию со дня рождения Людмилы Борисовны Гмыри) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. № 1 (45). С. 185-193.
5. Дагестанский научный центр Российской академии наук. 60 лет. Составитель А. К. Алиев; под ред. И. К. Камилова. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2005. – 369 с.
6. Журнал «Аридные экосистемы» // https://aridecosystems.ru/index.php/ru/ (Дата обращения 01.09.2018).
7. Институт истории, археологии и этнографии и Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 1924-2014 гг. К 90-летию со дня основания Документы и материалы. Составители: Каймаразова Л.Г., Лысенко Ю.М., Чекулаев Н.Д. Махачкала, 2014. – 409 с.
8. История // URL: https://pibr-dsc-ras.ru/ob-institute/istorija.html (Дата обращения 01.09.2018).
9. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. [редкол.: А. И. Османов (отв. ред.) и др.]. В 2-х т. Т.2. – Махачкала: «Юпитер», 2005. – 657 с.
10. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150 –летию окончательного вхождения Дагестана с Россией. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. – 750 с.
11. Камилов И.К. Российская академия наук и наука Дагестана. (К 275-летию РАН и 50-летию ДНЦ РАН). Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 272 с.
12. Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2007. – 463 с.
13. Каймаразов Г.Ш. Россия и прогресс культуры народов Дагестана (80-е годы XX в. - 2010 г.). Часть третья. Махачкала: АЛЕФ, 2014. – 294 с
14. Магомедханов М. Дагестанцы в Турции. Махачкала: ИИАЭ, 1997. – 134 с.
15. Мусаева М.К., Магомеддадаев А.М., Курбанов М.Ю. Дагестанская диаспора Турции. (Историко-этнографические очерки). Махачкала: ДНЦ РАН. 1999. – 232 с.
16. Наука и высшая школа в Дагестане. 1941–2001 гг. (Документы и материалы). Том II. В 2-х частях. Часть 2. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. – 208 с.
17. Научно-методический центр республики // Дагестанская правда. 2009. 24 декабря.

18. Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х кн. Кн. 2: Общественно-политическая жизнь и социо-культурное развитие народов Дагестана. Махачкала: ООО «ДИНЭМ», 2007. - 622 с
19. Османов А.И. От берегов Терека и далее. Воспоминания историка. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2013. – 287 с.
20. Османов А.И. Очерки по истории Дагестана XX века: статьи, доклады, выступления по актуальным вопросам. - Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2012. - 494 с.
21. Петросянц В.З. История создания института социально-экономических исследований ДНЦ РАН //URL: http://www.iseiran.ru/ob-institute/istoriya.html (Дата обращения 10.10.2018).
22. Таймазов А.И. Видный представитель дагестанской археологической школы (к 60-летию со дня рождения М.С. Гаджиева) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. № 1 (45). С. 194-198.

РАЗДЕЛ II. РОССИЙСКО-КАВКАЗСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 93/94

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI-70-е гг. XVIII в.)

Панеш Аскер Дзепшевич
доктор исторических наук, доцент, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева
askerpanesh@mail.ru

Аннотация. *В статье рассмотрены предпосылки и характер взаимодействия народов Северного Кавказа с Россией на длительном временном отрезке (вторая половина XVI – 70-е гг. XVIII вв.). Показано геополитическое и геостратегическое значение региона в рассматриваемый период времени. Ситуацию на Северном Кавказе определяло военно-политическое взаимодействие трех основных сил – России, Турции и Ирана.*

Ключевые слова: *Россия, политика, Северный Кавказ, Турция, Иран.*

Существенной стороной российской истории является сложный процесс установления контактов, военно-политических отношений и интеграции в состав Российского государства прежде самостоятельных исторических субъектов. Дальнейший ход исторического процесса ярко показал, что именно на этой основе формировалось единое многонациональное российское общество и государство. Поэтому изучение истории взаимоотношений государственных образований Северного Кавказа с Россией на длительном временном отрезке (вторая половина XVI – 70-е гг. XVIII вв.) представляется сегодня особенно актуальным.

Северный Кавказ занимает особое место в российской истории. Этот регион занимает уникальное геополитическое и геостратегическое положение. В рассматриваемый период времени события на Северном Кавказе протекали на фоне сложной, неустойчивой и противоречивой внешнеполитической обстановки. Ситуацию в регионе оп-

ределяло военно-политическое взаимодействие трех основных сил - России, Османской империи и Ирана, которые традиционно оказывали глубокое влияние на судьбы Причерноморья, Прикаспия и Ближнего Востока.

Борьба за влияние на Северном Кавказе указанных держав представляла собой сложный, противоречивый и неоднозначный процесс, прошедший несколько фаз в своем развитии. Эти фазы определялись как соотношением военно-политических возможностей держав в тот или иной отрезок времени, так и менявшимися геополитическими задачами каждой из них. Политика каждой из этих держав в регионе предполагала втягивание в политическую орбиту и взаимодействие с этнополитическими объединениями и государствами Северного Кавказа. При этом важное значение имели формы и политико-правовая природа отношений этих государств с Россией, Турцией и Ираном. В то же время «сама по себе конфигурация геополитического треугольника России – Турции – Персии, где каждый имел острые противоречия с соседом и не доверял друг другу, не располагала к достижению прочных договоренностей о каких-либо формах совместного контроля над регионом» [1, с. 206].

В условиях сложной геополитической обстановки и в зависимости от внутренней социально-экономической обстановки причин отношения народов Северного Кавказа с указанными выше державами складывались по-разному и носили неоднозначный характер.

Немаловажное значение имели внешние и внутренние факторы, определявшие для государственных образований Северного Кавказа необходимость выбора определенной внешнеполитической ориентации и поворот к тесному сотрудничеству с той или иной державой.

С середины XVI в. начинается процесс постепенного сближения и политического взаимодействия этнополитических образований Северного Кавказа с Россией, обусловленный как международно-политическим контекстом эпохи, так и интересами внутренней и внешней политики сторон [2, с. 11].

В этот период Россия кавказское направление во внешней политике России не было приоритетным. Для Москвы главной проблемой на востоке и юго-востоке от пограничных черт было противоборство с татарскими ханствами. В борьбе с Казанским и Астраханским ханствами Россия стремилась овладеть волжским торговым путем и, следовательно, добивалась самостоятельности в торговле с государствами Среднего Востока. Противоборство с Крымским ханством было

обусловлено необходимостью обеспечения безопасности южных границ. Набеги крымских татар сначала XVI в. на русские приграничные области приобрели регулярный характер.

На рубеже 40-50-х гг. XVI в. международное положение Русского государства стало заметно укрепляться. Его показателем было прибытие в Москву посольства Сейид-Хосейна от иранского шаха. По сохранившимся данным, целью посольства являлось установление дипломатических отношений с Россией [3, с. 448].

Успехи Русского государства в борьбе с Казанью и Крымом сопровождались обращением ряда адыгских князей в Москву с просьбой об установлении политических контактов. Черкесские посольства к Ивану IV 1552, 1555 и 1557 гг. продемонстрировали решение значительной части адыгов ориентироваться на Русское государство [4, с. 112].

Весьма непростым является вопрос о перспективах русско-адыгских отношений после обращения адыгов к Ивану IV, не все здесь можно оценить однозначно. Трактовка этих событий является одним из принципиальных вопросов отечественной историографии. В трудах историков, написанных в течение последних полутора десятилетий наблюдается отход от прежнего апологетического подхода, учитываются как добровольные, так и насильственные формы присоединения [5, с. 155].

Адыгские посольства в Москву 50-х гг. XVI в. и переговоры с Иваном IV не означали немедленного вхождения Черкесии в состав России. Это в особенности относилось к западным адыгам. В этом контексте следует отметить, что взаимоотношения России с восточными адыгами (Кабардой) носили несколько иной характер. Обстоятельства, политический смысл Кабардинского посольства 1557 г., формы и политико-правовая природа русско-кабардинских отношений в последующий период основательно исследованы в монографии К. Ф. Дзамихова, вышедшей в свет в 2017 г. [6]. На основе солидного корпуса документальных материалов проанализировано содержание военно-политического сотрудничества Кабарды с Россией. В монографии показаны масштабы, особенности и значение практики выезда кабардинских князей в Москву как характерной формы политического взаимодействия социальных верхов традиционного кабардинского общества с Россией.

Важнейшей предпосылкой обращения местных правящих элит к Русскому государству явилась крымско - османская экспансия на Се-

верный Кавказ. Однако заключавшиеся тогда альянсы, как было выше сказано, не следует буквально воспринимать как переход народов региона в подданство царю. В зависимости от конкретной исторической обстановки речь может идти о совпадении интересов местной правящей элиты и российских властей. В сложной внешнеполитической обстановке местным правителям приходилось лавировать между Персией, Турцией и Россией. Немаловажную роль здесь играло и то, что Россия в силу многих причин далеко не сразу реализовала свои возможности потенциального противовеса агрессии Турции и Ирана.

Значительное влияние на политическую обстановку в северокавказском регионе оказала возобновившаяся в 1578 г. война между Турцией и Ираном за овладение Закавказьем. «Поскольку дорога из Крыма в Закавказье проходила через территорию Северного Кавказа, возникла реальная угроза захвата Кавказа Турцией и Крымом. Османское правительство стало оказывать сильное давление на северокавказские народы с целью обеспечения их подданства и помощи. Однако действия восточных диктатов были встречены серьезным протестом горских феодалов» [7, с. 40].

Таким образом, активные политические связи между Россией и этнополитическими образованиями Северного Кавказа начинаются с середины XVI в. Так, к 60-м годам этого столетия относятся первые контакты Москвы с тарковским шамхалом, которые не завершились тогда оформлением союза. В рамках европейской и российской международно-правовой практики того времени отношения Москвы с северокавказскими владетелями нередко оформлялись шертями и сопровождались заверениями в подданстве. Здесь следует обратить внимание на то, что в те времена представления о подданстве, покровительстве и сюзеренитете носили условный характер.

Москва развивала отношения и с осетинскими обществами, через земли которых пролегал путь в Россию посольств грузинских царей, искавших там помощи и покровительства в борьбе с персидской экспансией, тарковским шамхалом, набегами лезгин и аварцев.

В 1580-х годах началось сооружение Терской укрепленной линии. Одновременно начались и контакты русских военных с чеченскими и ингушскими обществами (Окоцкая слобода чеченцев-акинцев, шибутские аулы). Отношения с ними носили в этот период вполне мирный характер.

События Смуты начала XVII в. на долгое время сделали невозможной сколько-нибудь активную внешнюю политику России на юге

и юго-востоке. Однако она продолжала сохранять военное присутствие на северном побережье Каспия, что в условиях усиления персидской экспансии способствовало заключению политических соглашений с рядом дагестанских владетелей.

С середины XVII в. заметно усилилась турецкая экспансия в направлении Прикубанья, Приазовья и Предкавказья. В таких условиях существенной помощи христианам Кавказа Москва оказать не могла, как, впрочем, и расширять систему союзно-вассальных отношений в регионе. Не случайно, когда в 1651 г. представители североосетинских обществ заявили о своем желании вступить под покровительство России русскому послу Толочанову, следовавшему в Имеретию, предложение это было оставлено без внимания.

В эпоху петровских реформ вполне определилась система геополитических интересов Российской империи в целом. Именно в 20-40-е годы XVIII в. Восточный Кавказ оказался в эпицентре военных и политических конфликтов, порожденных обострившимся соперничеством между Ираном, Турцией и Россией [7, с. 148]. В это время обозначилось и стремление упрочиться в Прикаспии (Персидский поход Петра I). Это военное предприятие свидетельствовало о том, что на кавказском геополитическом пространстве появился новый самостоятельный игрок в лице Российской империи.

В то же время в 20-40-е годы XVIII в. значительно усиливается военное и политическое влияние Ирана на Кавказе. В 1773 г. Турция потерпела поражение в войне с Ираном и временно отказалась от претензий на Дагестан. В результате походов Надир-шаха 1734-1742 гг. были вновь завоеваны Закавказье и побережье Каспия. В этих условиях дагестанскими владетелями было направлено несколько посольств в Петербург, но они оказались безрезультатными.

Кавказское направление во внешней политике России становится второстепенным. Итоги войны с Османской империей в 1735-1739 гг. оказались для России весьма неблагоприятными. По Белградскому договору она признавала султана покровителем Западной Черкесии и «нейтралитет» Кабарды. По мнению К.Ф. Дзамихова, предоставленный Кабарде «нейтралитет» был «не более чем фикцией, сделавшей ее беззащитной перед любой агрессией [8, с.135]. Турция и Россия, выступив гарантами «независимости» Кабарды, получали теперь право контроля над внутренним положением кабардинцев и их внешними связями. В течение 40-50-х гг. XVIII в. турки при поддержке крымских татар периодически производили набеги на Северо-

Западный Кавказ, добиваясь вассалитета адыгов, впрочем, безуспешно.

Россия в этот период удерживала за собой лишь побережье Каспия между реками Яик и Терек. Одновременно в 30-х годах XVIII в. происходило усиление Терской линии.

Тем не менее, вплоть до 60-х гг. XVIII в. позиция России в развитии союзно-вассальных отношений на Северном Кавказе была пассивно-выжидательной.

В результате русско-турецких войн за выход в Черное море и военных действий против Персии в 1796 и 1804-1813 гг. с конца 60-х годов XVIII в. последовательно были установлены союзно-вассальные связи с осетинскими обществами, с вайнахскими народами, с дагестанскими владетелями и вольными обществами.

Условия Кючук-Кайнарджийского мира (1774) обеспечивали России свободу действий на Северном Кавказе. Строительство Азово-Моздокской укрепленной линии значительно усилило стратегические позиции России в Предкавказье. За этим последовала крестьянская и казачья колонизация края, поощрявшаяся русским правительством. К этому времени относится и начало формирования царской администрации в регионе. Все это вызвало негативную реакцию в горском обществе, вылившуюся в освободительное движение под предводительством имама Мансура в 1785-1791 гг. Его можно считать своеобразной предтечей борьбы народов Северного Кавказа за независимость в XIX в. [9].

Политические итоги борьбы России, Турции и Ирана за влияние на Кавказе окончательно определили такие международно-правовые документы как Бухарестский мирный договор с Турцией (1812) и Гюлистанский мир с Ираном (1813). В этих трактатах была определена зона влияния России на Северном Кавказе. Подписание этих документов положило начало новому этапу в развитии отношений России с народами Кавказа – периоду окончательной интеграции края в состав Российской империи.

Литература

1. Максим Чепелкин. Трудные судьбы «пограничья». Рец. на монографию: Айрапетов О.Р., Волхонский М.А., Муханов В.М. Дорога на Гюлистан. Из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в. М.: Кучково поле, 2016. – 512 с.
2. Дзамихов К.Ф. К вопросу о военно-политическом партнерстве Кабарды с Русским

государством в середине XVI в./Дзамихов К.Ф.// Вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. — 816 с.
3. Новосельцев А.П. Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в. / Новосельцев А. П. // Международные связи России до XVII в. – М: Издательство Академии наук СССР, 1961 – 582 с.
4. Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV- первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990. – 128с.
5. Трепавлов В.В. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. – 2007. №11.
6. Дзамихов К.Ф. «В службе и обороне…». Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е – начало 1770-х годов. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 356 с.
7. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1988. – 174 с.
8. Дегоев В.В. Северный Кавказ: исторические очерки. Кавказская война Надир-шаха //Дружба народов. №4. 2011.
9. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.) /Дзамихов К.Ф. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 412 с.
10. Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур /Ахмадов Ш.Б. – Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1992. – 288 с.

УДК 93/94 (470.67)

XVII ВЕК - ВАЖНЫЙ ЭТАП В СТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Гапуров Шахрудин Айдиевич
доктор исторических наук, профессор, президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории ФГБОУ ВО «ЧГУ»
academy_chr@mail.ru

Бугаев Абдула Махмудович
кандидат исторических наук, заведующий отделом гуманитарных исследований КНИИ им. Ибрагимова Х.И. РАН (г. Грозный), доцент кафедры истории ФГБОУ ВО «ЧГПУ»
yasma@bk.ru

Гапурова Мадина Шахрудиновна
Министерство образования и науки Чеченской Республики

Аннотация. *Рассматривается процесс зарождения и становления российско-чеченских, российско-горских отношений в конце XVI-первой половине XVII* в., *его этапы и особенности. Отмечается, что в конце XVI в. Россия и Чечня, в результате взаимной заинтересованности, устанавливают отношения военно-политического союза, которые активно развивались и в XVII в. Именно они стали тем фундаментом, на котором позже, в конце XVIII-XIX вв. возникло российско-чеченское государственное динство.*

Ключевые слова: *Россия, Чечня, горцы, взаимная заинтересованность, вассально-союзнические отношения.*

В административной, политической и социально-экономической системе Юга России Чечня, Чеченская Республика занимает весьма важное место. Политический кризис в Чеченской Республике в конце XX в. привел на рубеже XX-XXI вв. к обострению политической ситуации на всем Северном Кавказе. Разгром же террористов в Чеченской Республике, восстановление здесь мира и социально-экономической сферы под руководством Ахмат-Хаджи Кадырова и Р.А. Кадырова способствовали нормализации политической обстановки во всем регионе. В этом свете вопрос о зарождении и становлении российско-чеченских отношений представляется нам весьма актуальным.

Становление российско-чеченских отношений происходит в конце XVI века, как результат взаимного стремления обеих сторон. В 1588 г. в Москву отправилось первое чеченское посольство. В ста-

новлении и развитии российско-чеченских отношений (имеется в виду период XVI-XVIII вв.) XVII век занимает особое место: именно на это столетие пришлись наибольшее количество чеченских делегаций (посольств) в Москву и встреч представителей России и Чечни.

У истоков российско-чеченских отношений стояли окоцкие (чеченские, от названия чеченского общества аккинцев) мурзы Ушаром, Ших, Батай, Кохостров Байтимер (в декабре 1621 г. его принимал в Москве лично царь Михаил Федорович, которому Байтемир подтвердил, что чеченцы «навеки, неотступно и верно служат великому государю») [1, с. 100] Кохостров Албирь, Кохостров Чепан (последнего в апреле 1648 года принимал Московский царь Алексей Михайлович, подтвердивший покровительство России над чеченцами) [2, с. 152-153]. Они внесли большой вклад в укрепление российских позиций на Кавказе. Их взаимоотношения с российской администрацией, с московскими царями, их приемы в Московском Кремле в 1588, 1605, 1621, 1636, 1647 годах, свидетельствуют о том, что в сложных условиях политической жизни Северного Кавказа в XVI-XVII вв. они выбрали союз с Россией.

Но не только Окоцкая земля, их предводители и терские окочане оказались втянутыми в процесс российской политики на Кавказе. Российское правительство поддерживало связи преимущественно с феодальными слоями народов Северного Кавказа. Они, как правило, находились на службе у российского царя, получали жалованье. Однако большая часть Чечни состояла из десятков обществ – «землиц», куда входило несколько селений и где процесс феодализации был выражен слабо. В этих «землицах» не было владельцев – князей, мурз. Они возглавлялись, как свидетельствуют документы XVI-XVII вв., «выборными лутчими людьми», чей статус русской администрации представлялся не совсем четко. Держать под контролем общества, в которых «владельцев нет – живет всяк сам собою» и которые управлялись «старейшими», было затруднительно. Эти «землицы» неоднократно приносили присяги на подданство России. Но также часто и нарушали их. И хотя подданство носило формальный характер, в сложившейся ситуации, при осложняющихся отношениях России с Турцией, Персией и Крымским ханством, несомненно, имело определенный политический смысл не только для России, но и для народов Кавказа.

Российская администрация была заинтересована в привлечении на свою сторону всех чеченских обществ. Но прежде всего ее интере-

совали те «землицы», через которые проходили пути в Закавказье. Это были общества восточной Чечни, называемой в XIX в. Ичкерией, Аргунским и Ассинским ущельями.

Часть восточной Чечни, называемой в русских источниках Мичкизской землей, была довольно обширной и состояла из 36 селений. После окоцкой земли она была самой значимой в русско-чеченских связях.

Мичкизская земля располагалась в самой гуще активной политической и экономической жизни не только Чечни, но и всего Северного Кавказа. Она примыкала с севера к устью Сунжи, с востока – к владениям кумыкских мурз. Поблизости от Мичкизских селений по берегам Терека располагались станицы гребенских казаков. Через Мичкизы проходил важный участок Османовой дороги, идущей из Крыма, по Тереку, пересекая Сунжу у знаменитого Османового перевоза и далее в Дагестан и Иран. Эта дорога имела международное значение. Ею пользовались крымские ханы, иранские шахи, кабардинцы, кумыки, терские воеводы при сношениях с Грузией, Ираном, Дагестаном. Здесь же, недалеко, в устье Сунжи, начиная с 1567 г., строились первые русские опорные пункты – военные крепости. Именно здесь рядом проходил Османов перевоз, который и контролировался военным гарнизоном острога-крепости. Через Мичкизы шла дорога также в горную Чечню и Грузию.

Еще с 1593 г. московским послам в другие государства предписывалось среди других принятых в подданство России земель упоминать наравне с Окоцкой землей и «Мичкизы». На протяжении первой половины XVII в. жители Мичкизов неоднократно заявляли российской власти Терского города, «что они, мичкизские люди со всею Мичкизскою землею хотят быть под государевою рукою». Так, в сентябре 1647 г. терский воевода князь Оболенский докладывал царю в Москву, что представители 36 мичкизских «кабаков» (селений) «на Куране шертовали», т.е. принесли присягу («шерть») на верность России, и заявили, «что де оне, мичкизские люди, со всей своею землею у тебя, великий государь, в подданстве быть рады» [3, с. 164-165].

Подданство «новоприбылых» земель оформлялось присягой на Коране и установлением символического ясака – дани медом. Присягнувшие земли считались приверженными России, которая брала их под защиту от «недругов» и требовала от них верности клятве и помощи в ее политических целях на Северном Кавказе.

Нарушением клятвы считалось поддержка недружественных соседей, вылазка против государевых людей, т.е. терских и гребенских казаков, служилых людей Терского города.

Мичкизы постоянно оседали в Терском городе, находя первоначально приют у терских окочан. Их, как и других представителей народов Северного Кавказа, переселявшихся в русскую крепость, называли «нежалованными». Они, подобно окочанам, не были на государевой службе и не получали жалованье. Наравне с другими «прихожими» жителями Терского города, в числе которых были и шибуты (чеченцы из Аргунского ущелья), мичкизов предполагалось использовать в 1646 г. в походе против Крыма [4, с. 83-87].

Осложнение налаженных отношений русской администрации на Кавказе с мичкизами совпадает с периодами активизации иранских сил на Северном Кавказе. В середине XVII в. под влияние Ирана попала большая часть Дагестана. И уже во второй половине XVII в. внешние отношения Мичкизской земли зачастую определялись кумыкскими (эндерийскими) владельцами, которые установили контроль над ее частью.

Одним из самых динамичных чеченских обществ конца XVI-первой половины XVII в. были Шибуты, основная территория которого находилась в Аргунском ущелье. Это общество исследователи ассоциируют с чеченским тайпом Шотой. Местоположение шибутских людей отмечено не только в Аргунском ущелье, но и близ плоскостной Чечни и даже в Терском городе.

Аргунскому ущелью царская администрация уделяла большое внимание. Здесь проходил один из нескольких путей, соединяющих Терский город с Грузией, с которой Москва устанавливала активные отношения и обменивалась посольствами, нуждавшимися в удобных и безопасных дорогах. В середине XVII в. в Шибутской земле насчитывалось 19 селений и 240 крестьянских дворов.

В 30-е годы XVII в. представители шибутов и мичкизов были, как и окочане, жителями Терского города. В российской крепости они находили себе работу, жили бок о бок с русскими, кабардинцами, кумыками и т.д. Здесь же, в Терском городе, в «съезжей избе» - администрации города, в 1645 г. перед воеводами шертовали «лутчие владетельные люди и их уздени», в числе которых названы и «шибутяне».

В целом всех жителей Аргунского ущелья русские документы XVI-XVII вв. называют общим этнонимом «шибуты». Так, в 1647 г.

как шибутские упоминаются чеченские тайповые поселения, расположенные в бассейне реки Чанты-Аргуна – Варандой, Тумсой, Вашандарой, а также не поддающееся определению поселение Уйшево. Приведение их «под государеву руку» произошло обычным мирным договором. Так, князь Оболенский в ноябре 1647 г. доносил в Москву, что «шибуцкие начальные люди Алги, да Анак, да Ильдей с товарыщи с кабаками своими …учинились под твоею (царя Алексея Михайловича. – Авт.) государскою высокою рукою в прямом подданстве и тебе, великому государю, … на куране шерть учинили» [5, л. 2-3] . В 1656 году на верность России (Московскому царю) присягнули «Шибутской земли люди» - жители Аргунского ущелья [6, л. 56].

В 50-х годах XVII в. особенно актуальной становится путь в Грузию через Аргунское ущелье и безопасность его зависела от лояльности горцев, проживающих в бассейне р. Аргун и его притоков. В эти годы был приведен еще ряд «непослушников» в «совместничество» с царской властью: «государевы непослушники горские землицы кабаков Чатусовых, да Чизнаховых, да Зумсовых, да Вашандаровых великому государю учинились в холопстве и дали в Терский город в аманаты Зовсея». «Холопство» - обычный на Руси того времени термин при обращении подданного к царю. В данном случае – обязанный службою государю. Все указанные в документе этнонимы – это тайповые поселения, находившиеся в бассейне реки Чанты-Аргун Чанты, Чинхой, Вашандарой, а под Зумсовыми кабаками мог скрываться не только тайп Зумсой, но и находившиеся неподалеку тайповые поселения Дзумсой и Тумсой.

Как бы апогеем во взаимоотношениях терской администрации с шибутами является их посольство в Москву 1657-1658 гг. Трое шибутян Алихан, Сусло и Алгак вместе с тушинами и грузинским царем Теймуразом прибывают в Москву летом 1658 г. Они привозят с собой письмо царю Алексею Михайловичу о желании части жителей Шибутского общества добровольно войти в состав Русского государства. В письме царю Алексею Михайловичу говорилось: «Великому государю царскому величеству учинились мы, горские шубуцкие люди, в подданстве. Адиварантные, Чаты, Тонся (возможно, Варандой, Чанты и Тумсой – Авт.) улусы послали к вам, великому государю, своих трех послов и мы учинились великому государю холопи. А послали послов своих Алихана да Суслу, да Алгака и аманата на Терек дали ж. И нас бы великий государь пожаловал. …А иных горских многих людей приведем же под его великого государя высокую руку» [7, с.

185].

В Москве шибутские послы были приведены к присяге, как и тушины-христиане, в Успенском соборе Кремля.

В процесс русско-чеченских отношений были вовлечены и другие тайповые поселения горной Чечни. Русские источники первой половины XVII в. неоднократно упоминают «мулкинских людей» - население одного из горных тайпов Мулкой. Сюда, как и в Шибуты, неоднократно ездили из Терского города по государевым делам.

Вышеизложенное – это еще далеко не полный обзор отношений России с чеченцами в XVII в. Многие архивные данные Терского города – главного центра российской политики на Северном Кавказе в тот период – погибли. Но и изложенные материалы свидетельствуют о деятельном характере русско-чеченских политических связей с самого начала российского присутствия на Кавказе. Россия, взявшая неуклонный курс на укрепление своих позиций на Северном Кавказе, стремилась иметь здесь союзников и подданных, опорные пункты и безопасные пути передвижения. В заключении к вышеупомянутому сборнику документов Е.Н. Кушевой Ю.Д. Анчабадзе подчеркивал: «Анализируя приемы внешней политики Русского государства по отношению к народам Кавказа, Е.Н. Кушева приходит к выводу, что они были типичны для феодального государства. Сношения велись преимущественно с феодальными владельцами Северного Кавказа, которых русская сторона всячески поддерживала. Выезжавшие на русскую службу северокавказские феодалы включались в ряды русской феодальной знати, становились крупными землевладельцами. В то же время Е.Н. Кушева далека от идеализации московских правителей, которые, преследуя на Кавказе собственные политические цели, были достаточно разнообразны в выборе средств для их достижения» [8, с. 412].

В союзе с Россией, в добрососедских отношениях с ней кровно были заинтересованы и чеченцы. Так, в результате взаимной заинтересованности, и сложился в конце XVI-начале XVII вв. российско-чеченский военно-политический союз, ставший фундаментом, основой для последующего сближения России и Чечни [9, с. 114-130]. Е.Н. Кушева в предисловии к составленному ею сборнику документов о русско-чеченских отношениях в XVI-XVII вв. отмечает: «Установление сношений с вайнахскими народами было связано для русского правительства с общими вопросами русской политики на Кавказе и шире – на Востоке, с задачами борьбы с Крымом и Турцией.

Именно этим и объясняются упоминания вайнахов в дипломатических документах большого значения: о сношениях с Англией, Польшей, Ираном. Оживленные связи с Грузией в последние десятилетия XVI в. и в 1650-1670-е гг. ставили перед русским правительством и грузинскими царями вопрос о наиболее удобных путях сношений. Некоторые из них проходили по территории Чечни и Ингушетии…» [10, с. 10].

Важными событиями в политической жизни народов Северного Кавказа 40-х годов XVII в. было образование на землях низовий рек Аргун и Сунжа двух новых феодальных владений – Чеченского и Брагунского княжеств. Наследники аварского Черного князя («Каракиши») – Турловы стали переселяться из дагестанского владения Гумбет в низовье Аргуна, то ли по приглашению местного населения, то ли по праву первой заимки, как говорит о том фольклорная традиция. Ими был основан аул Чечен, ставший центром Чеченского владения. Несколько позже, в 1650 г., из состава Эндерейского княжества выделилась тюркоязычная этническая группа брагунцев («бораган») во главе со своими феодалами. Они ушли из Эндерея и поселились в районе слияния Сунжи с Тереком, в междуречье, основав аул Брагуны. Владельцы этих княжеств признавали себя подданными Российского царя.

Дружеские соглашения Москвы с северокавказскими горцами в этот момент были тем более важны, так как основные наличные силы Терского города (служилые вайнахи-окочане, татары, черкесы, стрельцы и казаки) были отвлечены в 1645-1647 гг. на военные действия с Крымом на Дону. Здесь терский отряд под командованием Муцала С. Черкасского совместно с русскими войсками сражался с крымскими отрядами. Боевые заслуги горцев были высоко оценены московским правительством. Можно сказать, что в целом российско-горские политические отношения этого периода носили объективно союзническо-оборонительный характер, а взаимные контакты и совместные действия отвечали интересам обеих стран [11, с. 97].

Взаимоотношения Чечни и России в конце XVI-первой половине XVII в. – почти «идеальная» для тех условий и того времени «модель» мирного сближения чеченцев с Московским государством. Российские власти не вмешивались во внутренние дела чеченских обществ, не навязывали им свои порядки и законы, довольствуясь выдачей аманатов, выплатой ясака и, в случае необходимости, временной воинской службой (например, в присяге для посланцев Ши-

бутской земли в 1658 г. указывалось: "А где велит нам царское величество быть на своей великого государя службе с своими царского величества московскими ратными людьми …на промысел имети и с его государевыми недруги битися заодно") [12, с. 199]. Судя по «челобитной окоцких людей» царю Михаилу Федоровичу от 26 июня 1614 года, служба чеченцев для Российского государства была весьма разнообразной. Они пишут: «И посылают нас …тви государевы Терскаго города воеводы на твои государевы службы в Грузинскую землю твоих государевых послов и грузинских послов встречать и провожати и в Кабарду и в Мирези и в Шибуты и в Окохи для твоих государевых подлинных вестей проведывать и в шикотниках и для вестей и для твоего государева медвяного ясаку. Да нас же, холопей твоих (обычный термин для того времени обозначающий подданных Московского царя. – Авт.), посылают твои государевы воеводы в Кумыки и в Дербень и твоих государевых Кумыцких князей, …Суркай Шевкалова сына и брата его Илдара-мурзу и шах-Басовых (персидский царь шах Аббас. – Авт.) послов встречаем и провожаем…» [13, с. 55].

Все это вполне устраивало чеченцев: они имели возможность торговать в русских пределах, надеялись на помощь России в борьбе с притязаниями кабардинских и дагестанских князей. Конец XVI-первая половина XVII в. – это период твердой и последовательной ориентации значительной части Чечни на Россию, в отличие от остальных частей Северного Кавказа, чьи владельцы постоянно меняли свою внешнеполитическую ориентацию. В то же время вряд ли можно говорить о вступлении части Чечни в российское подданство. Вопрос, скорее, стоял о внешнеполитической тенденции, внешнеполитической ориентации. По мнению Я.З. Ахмадова, "речь шла фактически о заключении соглашения о взаимных мирных связях, а не о каком-либо подданстве" [14, с. 307]. Однако и в этот период в русско-чеченских отношениях было немало сложностей, они развивались далеко не всегда прямолинейно и дело было прежде всего в непоследовательности политики российских властей, в игнорировании ими социально-экономических особенностей северокавказских горцев, и чеченцев в том числе.

С XVI в. дагестанские и кабардинские князья стремились установить свою власть над различными районами и обществами Чечни. Многие общества горной Чечни вынуждены были платить дань дагестанским (особенно аварским) феодалам. Архивный документ отме-

чает, что общества Тумсой, Чижнах, Чанти, Атага, Дишни, Ерлой, Шикарой, Чабуртлы, Макажи и Алестенжи платили аварскому хану "дань барантами, со ста одного, и обязаны были дать ему же вспомогательных войск" [15, л.65]. Равнинные чеченские селения были зависимы от кабардинских князей [16, л.104]. Стремление освободиться от гнета инонациональных феодалов и было одним из важнейших побудительных мотивов для чеченцев при принятии российского подданства. К сожалению, российское правительство в своей политике в Чечне не учло этот важнейший момент.

Острая междуусобная борьба была неотъемлемой частью феодального мира, в особенности восточного. Северный Кавказ XVI-XVIII вв. не был в этом плане исключением. Становление и укрепление российско-чеченских дружественных военно-политических и торговых отношений, рост политического веса и роли чеченских феодалов (в лице окоцких мурз) в глазах российских властей и в политической жизни Кавказа не отвечало интересам соседних феодалов. Успешное продолжение этого процесса могло привести к полной утере ими влияния в Чечне и, кроме того, чеченские феодалы могли стать главными союзниками и опорой России на Северном Кавказе. Дагестанских и кабардинских князей не устраивала роль "второстепенных" вассалов-союзников России в крае и, кроме того, они стремились сами возглавить развитие разносторонних связей северокавказских горцев, в том числе и чеченцев, с Россией, удержать контроль над чеченцами. В этом плане можно отчасти согласиться с утверждением М.М. Блиева: "Серьезным препятствием на пути к развитию русско-чеченских (полнокровных) отношений являлось отсутствие в Чечне собственной политической элиты, чем умело воспользовались соседние владельцы, стремившиеся поставить под свой контроль связи между Чечней и Москвой. Между кабардинскими и дагестанскими владельцами разворачивалась непростая политическая борьба за право на посредническую роль в русско-чеченских отношениях, в ожидании при этом получить не только денежные поощрения, но и сюзеренные привилегии в Чечне" [17, с. 69]. Этим обстоятельством после убийства Ших-мурзы немедленно и воспользовались феодалы-варяги.

Российские власти в распространении и укреплении своего влияния на Северном Кавказе в XVI-XVII вв., а позже – и в утверждении здесь своего господства пытались опереться прежде всего на местных феодальных владельцев, сделать из них свою политическую

опору. Московские цари были осведомлены, что в Чечне нет "своих", чеченских крупных феодальных владетелей. Когда такие были – Ушурма-мурза, Ших-мурза – царские власти с ними и "работали". Но после их смерти фигур равного им масштаба в Чечне еще не выявилось. Зато за власть над чеченскими обществами активно боролись кабардинские и дагестанские феодалы. Вот на них то российские власти и решили сделать ставку в XVII-XVIII вв. Причем сами эти феодалы усиленно искали поддержки российских властей, уже по своему опыту пребывания в Чечне зная, что удержать чеченское общество в повиновении собственными силами они не в состоянии. Так в борьбе за подчинение Чечни сложился союз России с феодалами нечеченского происхождения – "варягами". По нашему мнению, это была очень серьезная политическая ошибка российских властей, так как чеченцы готовы были признать "покровительство" России, но категорически не хотели установления над собой власти и гнета феодалов-"варягов". К сожалению, "Москве было не до таких тонкостей, как неприятие чеченцами зависимости от соседних феодалов, из-за чего, собственно, чеченцы нередко покидали горные места и отправлялись в неведомые для них районы, рассчитывая на российской границе получить защиту у царских властей" [18, с. 67]. Многочисленные жалобы чеченцев в Москву на притеснения со стороны кабардинских и дагестанских князей ("и велит нас в тюрьму сажати и кнутом бити", "без вины и великую тесноту и изгоню чинит" [19, с. 560-561]) не приводили к изменению ситуации: царизм не хотел освобождать чеченцев от гнета феодалов-"варягов". В этих условиях со второй половины XVII в. начинается охлаждение русско-чеченских отношений.

Конец XVI-начало XVII в. можно назвать "золотым периодом" русско-чеченских отношений. Между чеченцами и российской властью сложился тогда тесный военно-политический союз, активно развивались торгово-экономические связи. Царские войска не совершают походов на чеченские территории. В российских архивах (особенно много в Центральном государственном архиве древних актов – ЦГАДА) отложился очень большой массив документов, свидетельствующих о том, что в XVII веке между Москвой и чеченскими обществами происходил постоянный, регулярный обмен посольствами. Российские представители были частыми гостями в чеченских обществах, также, как чеченские делегации – в Москве и у терских воевод. Количество чеченских обществ, принимавших присяги о подданстве России, постоянно увеличивалось с начала XVII века и достигло сво-

его в середине этого столетия. Однако это вовсе не означало, что царизм проводил подобную политику во всех регионах Северного Кавказа, что он вовсе отказался от военных методов покорения отдельных частей края.

В период складывания российского государства в XIV-XVI вв. испытанным и успешным средством присоединения новых земель к Москве оказались отдельные походы российских войск. После покорения Казанского и Астраханского ханств в дальнейшем особого сопротивления российским властям не оказывали и народы Поволжья. Эту военную тактику царское правительство решило использовать и для покорения некоторых регионов Северного Кавказа. Первый такой поход был организован в 1560 г. под командованием воеводы Черемисинова. Его можно считать прологом военно-политической борьбы России за Северный Кавказ. Поход, однако, не принес России ни военных, ни территориальных выгод. В 1587 г. произошло нападение войск астраханского воеводы на владения шамхала Тарковского и захват ими побережья р. Койсу. Более лучше подготовленные, с использованием значительно больших военных сил были походы в Северный Дагестан, опять против шамхала Тарковского, экспедиций князей Хворостинина (1594 г.) и Г. Засекина (1596 г.), воевод Бутурлина и Плещеева (1604 г.). Эти военные предприятия, будучи эпизодами в выполнении стратегической задачи царизма на Северном Кавказе – установлении здесь его господства – преследовали и более конкретные цели. И прежде всего – разгром шамхальства Тарковского.

В XVI-XVII вв. наиболее крупными политическими образованиями на Северном Кавказе были Кабарда и шамхальство Тарковское. Между ними шла острейшая борьба за главенствующее положение в крае. Кабарда с конца XVI - начала XVII в. стала главным объектом захватнической политики Османской империи и Крымского ханства, что и вынудило ее в середине XVI в. обратиться за военной помощью к России. Именно то обстоятельство, что Кабарда на протяжении XVI-XVIII вв. подвергалась непрекращающимся нашествиям татар и турок и предопределило, что часть кабардинских феодалов более или менее постоянно ориентировалась на Россию, надеясь в ее лице найти политического союзника. Ю.Д. Анчабадзе отмечает, что в XVI-XVII вв. в орбиту военной конфронтации Ирана и Турции «был втянут и Северный Кавказ, который представлял исключительный интерес для стратегических планов турецкого командования в каче-

стве удобного пути в Дербент и далее в Астрахань, куда могли быть направлены войска, снаряжение, провиант для последующей переброски на театр боевых действий. Стремясь овладеть северокавказскими путями, турецкое правительство попыталось поставить народы Северного Кавказа, прежде всего адыгов, в зависимость от себя. Этот натиск и вызвал первые обращения адыгских князей к Москве. В 1552 г. в русскую столицу прибыло посольство, за которым последовал ряд других, оформлявших дипломатические сближение с россией сначала западных адыгов, а затем и кабардинцев» [20, с. 410-411].

Если бы царская Россия в XVIII-начале XIX в. проводила бы и дальше такую же взвешенную, гибкую тактику, как в XVI-первой половине XVIII вв., то она в лице кабардинских феодалов нашла бы, безусловно, весьма надежных и сильных союзников (как и в лице чеченцев). Но, как мы увидим далее, политика России в крае со второй половины XVIII в. станет весьма жесткой и будет осуществляться в большинстве случаев военно-феодальными методами.

Шамхальство Тарковское в рассматриваемое время преимущественно ориентировалось на Крымское ханство и Турцию, надеясь с их помощью одержать верх над Кабардой в борьбе за гегемонию на Северном Кавказе. Правда, и шамхал, стремясь обезопасить себя со стороны России, неоднократно присягал царю на верность и подданство. Шамхал, по характеристике Н.А. Бердзенишвили, иногда с мечом боролся против Москвы, иногда проявлял показную покорность и посылал послов и, заверяя о своем подданстве, всячески затягивал переговоры, выигрывал время, заключая союзы то с Ираном, то с Турцией [21, с. 55]. Но именно эта неустойчивость внешнеполитических ориентиров и частая смена сюзеренов и порождало в Москве недоверие к шамхалу и стремление подчинить его владение. Именно этим и были порождены походы русских войск в Северный Дагестан в XVI-начале XVII в. Покорение шамхальства, по мнению Т.Д. Боцвадзе, позволило бы тогда России "достигнуть трех больших целей: во-первых, она фактически присоединила бы к себе весь Дагестан и тем самым окончательно обеспечила бы безопасность Терско-Волжско-Астраханской торговой магистрали; во-вторых, для установления своего господства на всем Кавказе она создала бы надежную стратегическую базу своеобразного треугольника Кабарда-Кахети-Дагестан и, наконец, в третьих, улучшила бы свои позиции во взаимоотношениях с Ираном. Этим нужно объяснять причины походов России против шамхала в 1589, 1594 и 1604 годах…" [22, с. 96].

Стремление большинства горских народов к союзу с Россией с конца XVI в. стало общей, преобладающей тенденцией в политическом развитии северокавказского региона. Это, безусловно, общепризнанный факт, признаваемый многими историками. Так, М.Р. Гасанов отмечает: «Как свидетельствуют исторические источники, со второй половины XVI века феодальные владетели Северного Кавказа обращались к русским царям с просьбой принять их в российское подданство или заключать договора о союзе.

Заключение в 1557 г. союза Кабарды с Россией сыграло важную роль не только в истории Кабарды, но и во взаимоотношениях соседних горских народов Кавказа с Россией

В 1568 г. шамхал послал «своего внука в Москву служить государю, а сам бьет челом, хочет быть в его воле». С аналогичными просьбами к русским царям обращались владетели Северного Кавказа и Закавказья.

В связях с Россией находились чеченцы и ингуши. Верным союзником Русского государства был Ших-Мурза Окоцкий. Направляя в 1588 г. специальное посольство в Москву для заключения договора о подданстве, он писал: «И после того, как велел еси, государь, те городы разорити, - и мы тогда с твоими государевыми с терскими атаманы и казаки тебе, государю, служили и к туркоскому, и к крымскому не приставал и им которые прямили и тех с твоими государевы казаки воевал…».

Присяги на верность царю дал ингушский владелец Салтан-Мурза – хозяин Ларсова кабака, крупный феодал. Он обращается к России с просьбой о принятии под покровительство и в подданство, мотивируя свое желание так: «…Хочу государю служити по свою смерть, как служит брат мой Ших-Мурза Окоцкий». Первая Окоцкая делегация, посланная Шихом в 1588 г., положила начало длинной цепи дипломатических визитов вайнахов в столицу России» [23, с. 56].

Военные экспедиции России на Северном Кавказе в XVI-нач. XVII в. кончились практически безрезультатно. Военные методы не принесли Москве в тот период сколько-нибудь серьезных территориальных приобретений. К тому же с начала XVII в. и затем уже на протяжении всего этого столетия основное внимание царского правительства было направлено на отражение агрессии с Запада и решение собственных внутриполитических проблем. Крупных военных мероприятий на Северном Кавказе Россия в XVII в. уже больше не предпринимала. Все это, вместе взятое, показало Российскому правитель-

ству, что для укрепления своих позиций на Кавказе необходимо длительное время, и самое главное, необходимо широкое использование политических и экономических методов, прибегая к военной силе лишь в крайнем случае. Опыт русско-чеченских отношений конца XVI- XVII вв. также подтверждал это.

Дипломатическая деятельность в отношениях с горцами принесла России в ее кавказской политике в XVI-XVII вв. значительно больше успехов, чем военные экспедиции. Во второй половине XVI в. соглашения о вступлении в российское подданство подписали ряд адыгских, дагестанских и чеченских владетелей и обществ. В XVII в. обмен посольствами между горскими феодалами и Москвой принял регулярный характер. В результате российское влияние на Северном Кавказе значительно усилилось.

Разумеется, русско-северокавказские соглашения о подданстве горцев России носили во многом формальный характер. Каждая из подписывавших сторон выполняла их лишь в той мере, насколько это отвечало ее интересам. К тому же в XVI-XVII вв. Москва далеко не всегда имела возможность наказать горских владельцев, нарушивших подписанный ими с Россией договор. Да и горским владельцам вступление в российское подданство не обязательно гарантировало их защиту от Турции, Ирана и Крыма. Тем не менее дипломатические, политические и экономические методы кавказской политики России в XVI-XVII вв. обеспечили России последовательную или кратковременную верность некоторых горских феодалов и обществ или нейтралитет других. Московское государство всегда могло опереться в случае необходимости на военную поддержку своих сторонников в крае. И главное, российско-северокавказские соглашения о подданстве горцев, при всех их недостатках, подготавливали политическую почву для будущего утверждения России на Северном Кавказе, использовались в ее борьбе с Ираном и Турцией, укрепляли постепенно российские позиции на Кавказе.

Литература

1. 1.Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. Сост. Е.Н. Кушева. М., 1997. С. 100.
2. Русско-чеченские отношения… С. 152-153.
3. Русско-чеченские отношения… С. 164, 165.
4. Магомадова Т.С. Об одном из аспектов русско-чеченских отношений конца XVI-XVII вв. //Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2013, № 2. С.

83-87.
5. ЦГАДА. Ф. Кумыцкие дела, 1647. Л. 2-3.
6. ЦГАДА. Грузинские дела, 1656, № 1. Л. 56.
7. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XXII в. Сборник документов. Составитель Е.Н. Кушева. М., 1997. С. 185.
8. Анчабадзе Ю.Д. Е.Н.Кушева и русское кавказоведение XX столетия //Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. С. 412.
9. Магомадова Т.С. Чечня в политике России на Северном Кавказе в XVI-XVII вв. //Чеченцы в сообществе народов России. Назрань, 2008. С. 114-130.
10. Русско-чеченские отношения…
11. Ахмадов Я.З. Политические события на Северном Кавказе в конце XVI-40-х годах XVII века //Чечено-Ингушетия в политической истории России и Кавказа в дореволюционном прошлом. Грозный, 1990. С. 96, 97.
12. Русско-чеченские отношения:… С. 199.
13. Русско-чеченские отношения… С. 55.
14. Ахмадов Я.З. История Чечни с дреевнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 307.
15. РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 300. Л. 65.
16. РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 300. Л. 104.
17. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004. . С. 69.
18. Блиев М.М. Указ. соч. С. 67.
19. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С. 560-561.
20. Анчабадзе Ю.Д. Указ. соч. С. 410-411.
21. Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии. Т. IV. Тбилиси, 1967. С. 55.
22. Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974. С. 95-96.
23. Гасанов М.Р. некоторые вопросы политических связей Кавказа и России (XV-XVII вв.) //Чеченцы в сообществе народов России. Назрань, 2008. С. 56.

УДК 94(470.67)

ЗНАЧЕНИЕ ТЕРСКОГО ГОРОДА КАК ОПОРЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI – XVIII вв.

Чекулаев Николай Дмитриевич
кандидат исторических наук, научный сотрудник Института ИАЭ ДНЦ РАН
NikjlajNikiforov2020@mail.ru

Аннотация. *В статье на основе достижений отечественного кавказоведения рассматривается роль и место Терского города как форпоста России на её южных рубежах. Кроме того, немалое место уделено освещению внешнеполитического аспекта истории данного российского города-крепости. Также говорится о тесных политических и торгово-экономических контактах Терской крепости с политическими образованиями региона.*

Ключевые слова: *Россия, Турция, Иран, Кавказ, Дагестан, Чечня, окочены, политика, торговля, таможня*

Одной из важнейших задач внешней политики Русского государства XVI-XVII вв. была борьба за выход к морям. Разрешая эту задачу, правительство правящего феодального класса осуществляло и общенациональные интересы.

Тяжелая война за выход к Балтийскому морю в XVI в. не привела к ощутительным результатам. Более успешной была внешняя политика России на Востоке. В 1552 году войска Ивана Грозного разгромили Казанское ханство, а в 1556 году – Астраханское. После завоевания Казани (в 1552 г.) и Астрахани (в 1556 г.) к России перешли и низовья Терека, входившие до того в Астраханское ханство и открылся свободный волжский путь на восток, в Среднюю Азию, Южный Кавказ и Персию. Это расширяло сферу распространения феодального землевладения на Среднее Поволжье, с одной стороны, с другой - обеспечило выход к Каспийскому морю. Однако не была достигнута безопасность южных границ государства - борьба с набегами крымских татар растянулась на века.

В связи с развитием восточной торговли московское правительство предприняло ряд мероприятий для охраны волжского пути. С этой целью на Волге были построены города Самара, Саратов и Царицын, а в Астрахани воздвигнут каменный кремль. Россия была избавлена от постоянных набегов со стороны поволжских татар и получала выход в Сибирь и на Восток – к Персии и Индии [1, с. 17].

XVI век в истории Востока отмечен подъемом завоевательных

войн двух сильных военно-феодальных держав — османской Турции и шахского Ирана. Объектом завоеваний служили и народы Кавказа. Для Турции одним из плацдармов для наступления на Кавказ являлось Крымское ханство, правители которого находились в вассальных отношениях к турецким султанам. Именно со стороны Крыма осуществлялась агрессия Турции в сторону Северного Кавказа.

Выход русского государства к Каспийскому морю повлек за собою развитие русско-кавказских связей и расширение круга вопросов политических и дипломатических отношений России с Турцией и Ираном [2, с. 133 - 134].

В 1557 г. Русскому государству присягнул бий Исмаил – глава Большой Ногайской Орды. В 1557 г. Кабарда была принята в подданство России [3, с. 247]. Вот обстоятельства, предшествовавшие этому события: в июле 1557 г. в Москву, прибыло новое посольство во главе с Канклычем Кануковым с просьбой «чтобы русский государь принял их в вечное подданство и об оказании помощи не только против крымского хана, но и против османов, находящихся на Таманском полуострове в Азове». Снарядили его кабардинские князья Темрюк Идаров и Тазрют. Русское правительство, тщательно изучив предложение послов, взвесив все за и против, решило удовлетворить просьбу кабардино-черкесских князей и принять их со всеми своими подвластными в подданство России [4, с. 333].

С 1557 г. связи кабардинцев с Россией уже не прерывались, и последующая история кабардинского народа была процессом вхождения Кабарды в состав Русского многонационального государства. В последующие за 1557 г. десятилетия установились самые тесные связи кабардинцев русской ориентации с Москвою. В 1558 г. князь Темрюк прислал к Грозному своих сыновей Булгерука и Салнука (или Салтанкула) с просьбой оборонить его «от шевкальского государя». Салнук был крещен под именем Михаила, остался при дворе Грозного, был обучен грамоте и стал потом одним из видных опричников. Три другие сына Темрюка - Доманук, Мамстрюк и Матлов или Мазлов - также побывали в 1560-е годы в Москве. Ко двору Грозного выезжали для службы - одни временно, иные навсегда - и другие кабардинские князья. Кабардинские конные отряды включались в состав русских войск, действовавших в Ливонии, обычно в передовой полк. В 1560 г. из Москвы были посланы в Кабарду - как и к западным адыге - «попы крестианские».-.«по их обещанию и челобитью крестить их, кабартанских черкас» [5, с. 224].

В 1561 г. Иван IV Грозный женился на дочери кабардинского князя Темрюка Идарова-Кученей (Гошаней). В Москве она была крещена и стала русской царицею Мариею [6, с. 114]. Вслед за Иваном Грозным с кабардинскими князьями породнились предки династии Романовых – Василий Михайлович Юрьев выдал замуж своих двоих дочерей за 1) кн. Михаилом Темрюковичем и 2) замужем за кн. М.Т. Черкасским [7, с. 154]; а Никита Романович Юрьев (родной дед царя Михаила Федоровича Романова) – выдал свою дочь Марфу Никитичну за боярина кн. Бориса Канбулатовича Черкасского [8, с. 51, 55]. Женитьба Ивана IV на кабардинской княжне имела большое политическое значение. Она еще больше укрепила и расширила связи России и укрепила положение Кабарды [9, с. 334].

В 1566 г. с Северного Кавказа в Москву прибыл шурин царя Ивана IV, князь Матлов «бить челом государю для бережения от недругов». Он просил разрешения царя поставить город «усть Сююнчи реки» (на Тереке), где должно было постоянно находиться русское войско, которое могло бы оказать ему помощь и защиту в нужное время. Эта просьба была удовлетворена, и 2 февраля 1567 г. в Астрахань и на Терек были посланы вместе с Матловым воеводы — князь А.С. Бабичев и Петр Протасьев. «С ними пушки с огненным боем и многими людьми. Всего людей было послано тысячи две» [5, с. 239].

В 1567 г, был построен город на правом берегу Терека, у впадения в него Сунжи [11, с. 205-208]. Крепость стояла недалеко от перевоза через Сунжу, на пути, который в документах конца XVI—XVII в. называется Османовским шляхом, или Османовщиной. К городу сходились несколько путей — с запада по Сунже, по долине между Сунжанским и Терским хребтами, по правому берегу Терека и по левому берегу, так как в этом случае переправлялись через Терек до впадения в него Сунжи.

Создание русского городка на Тереке имело большое стратегическое, политическое и в какой-то степени экономическое значение. Усиление русских отрядов на Тереке, союз русских с кабардинцами сильно обеспокоили Турцию. Постройку крепости она рассматривала как серьезную преграду своим экспансионистским планам на Северном Кавказе. Турецкие послы даже требовали ее сноса. Назревал серьезный конфликт, к которому Русское государство не было готово. Во избежание конфликта крепость решено было снести.

После ухода стрельцов и детей боярских из городка его заняли без ведома московских властей гребенцы. Вскоре население городка

пополнилось многочисленными беглыми из России и 300 казаков с Волги. В дальнейшем количество казаков на Тереке продолжало расти.

В 1577—1578 гг. крепость была восстановлена в связи с русско-турецкой войной и настоятельными просьбами брата князя Темрюка Камбулата Идаровича [5, с. 243, 258].

В 80-е годы XVI в. усиливаются дружеские отношения Московского государства с народами Кавказа. В Москву направляются многочисленные посольства из Грузии, от кабардинских черкесов и других народов с просьбами о защите от недругов и о постройке новой русской крепости в устье Терека.

В Москве вопрос был решен положительно. Новый город был заложен в устье Терека, на его притоке Тюменке, в 1588 г. В первое время этот город называли: Теркою, Терским городом, Тюменским новым городом, Тюменским острогом на Тереке. Старый город на Сунже теперь стал известен под именем Сунши, Сунжина городища.

Ставили эту крепость сопровождавшие Мурат-Гирея в Астрахань Михайло Бурцев и Протасьев. Воеводой города был назначен А. И. Хворостинин. В городе имелась артиллерия. Основной воинской силой были стрельцы [12, с. 148; 13].

Постройка нового города на Тереке имела большое политическое значение: укреплялось положение Московского государства, взявшего под свою защиту народы Северного Кавказа от турок. Московское правительство в это время помогает традиционному сопернику Турции — Персии. Теперь для турок путь в Среднюю Азию через Северный Кавказ был наглухо закрыт, так как с постройкой города открывалась возможность контроля Северокавказского пути.

В Терском городе было смешанное население. В 1590 г. из Кабарды на Терек из-за феодальной войны выехали князья Куденек Камбулатов и Сунчалей Янглычев со своими узденями. Сунчалей Янглычев остался на службе в Терском городе.

К этому времени относится образование около Терского города Заречной, Черкасской и Новокрещенской слобод. В конце XVII в. появились слободы Окоцкая и Татарская. Жители этих слобод часто переселялись в казачьи городки. Воеводы города платили им окладное жалование [14, с. 101-103].

В 80-х гг. XVI – начале XVIII в. Терский город сохранял в основном облик, приобретенный в 1669 г. Административным центром города, был кремль, небольшая, но хорошо укрепленная деревянная

крепость. В 1669 г. он сооружался по присланному из Москвы чертежу и под руководством московских «горододельцев», которых возглавлял, английский полковник Т. Бейлис. В 1689 г. после сильного пожара, уничтожившего множество строений, кремль пришлось строить заново. Но из грамоты астраханскому воеводе А. Салтыкову и росписного списка Терского города видно, что новые стены были сооружены «по старой черте, в вышину в 10 бревен». По четырем углам кремля возвели 4 глухие башни («рублены о трех стенах»): Красную, Деловую, Угольную и Малый Роскат, проезжие башни Троицкую и Никольскую и 3 «малых ворот», одни из которых назывались Водяными.

В Кремле находились: воеводский двор, окруженный бревенчатым частоколом, с двухэтажными хоромами, избами для Челяди и хозяйственными постройками, приказная изба с колодничьей Палатой и застенком, пороховой склад, житница, 3 избы для аманатов, воротные караульни, «соборная церковь» и 149 жилых дворов. По Площади кремль был невелик и его часто называли «Малым городком».

К Кремлю примыкала земляная крепость с башнями, называемая Земляным, или Большим городом. В 1689 г., когда укрепления пострадали от пожара, фашинные стены Большого города восстанавливали, как и кремль, «по старой черте и округе, на трехстах на двадцати четырех же саженях... в подошве в ширину в 5 сажен, а вверху в ширину 3 сажен, а в вышину 4 сажен». В стенах Большого города были башни: Кузнечная, Окоцкая, Труба, Пригонная, Степная, Банная, Николаевская и Богородицкая. Кроме того, в состав укреплений входили Большой и Малый Роскаты, рогатки и вырытый с внешней стороны вала ров. Внутрь Земляного города вели ворота: Николаевские, Богородицкие, или Пречистинские, Степные, Песчаные и Калиточные. В 1697 и 1703 гг. стены и башни Большого города и кремля подновлялись, но опять без расширения площади. Упоминание о починке стен в 1703 г. есть в «перечневой отписке о терских делах» воеводы Д. Молостева, где значится, что в этом году всех жителей Терского города «заставили постица и трудитца, городы делать и воду проводить».

В стенах Земляного города располагались жилые слободы, базар с торговыми рядами, гостиные дворы, харчевни, отдельные лавки и 2 приходские церкви. Из административных зданий там находились: таможня, кружечный двор, торговая баня и полковые избы. К началу XVIII в. места уже не хватало и часть дворов, торговых и ремеслен-

ных заведений выстроили за валом.

В административном отношении Терский город бы подчинен астраханскому воеводе во всех областях управления, он же был и высшей местной инстанцией. В наказах терским воеводам предлагалось все дела вершить «по наказам и грамотам из приказу Казанского дворца и по астраханским отпискам». Отчетность терского воеводы вели двойную, посылая росписные списки, счетные, сметные, окладные и другие книги и в Москву, и в Астрахань. Астраханский воевода ведал и всеми вооруженными силами края, и денежным жалованием. Он мог пересматривать судебные решения городовых воевод и принимал жалобы на них. Кроме того, он имел право решать неотложные внешнеполитические дела, не дожидаясь указаний из Москвы. Фактически он был полным и почти неограниченным правителем огромного края, поэтому должность астраханского воеводы была одним самых важных в стране административных постов, ее получали только представители высшей аристократии.

Из-за постоянного вмешательства Турции, всячески тормозившей попытки России укрепить свое влияние в этом регионе, обстановка в районе Терского города была особенно сложной. В течении всего периода существования Терского города Турция восстанавливала против российского присутствия отдельных кабардинских владетелей, ногайских мурз и кубанских татар, поощряя и инспирируя их вторжение в пределы России. Колеблющиеся позиции по отношению к России занимали юго-восточные соседи Терского города – дагестанские кумыкские княжества, владельцы которых подвергались влиянию Персии и Турции. Эта обстановка заставляла сооружать мощные укрепления и содержать там значительные гарнизоны. Наказы городским воеводам 1667, 1689, 1698 гг. и более поздних лет всегда содержали статьи, которые предписывали им сугубую внимательность в отношении соседей. В частности, в 1697 г. терскому воеводе М.А. Волконскому предписывалось, осмотрев городские укрепления, «земляные порухи поделать земляным же валом и всякими крепостьми, чтоб все было прочно» и чтоб «в проходе воинских людей быть надежно и бесстрашно». Жить в городе предлагалось «с великим бережением неоплошно и вестей всяких проведовать от пограничных государств и от ногай и от кумык и от черкес и от всяких воинских людей... чтоб им безвестным быть, а на городе и на остроге в день и в ночь караулы б были крепкие и объезжие сторожи были по вся дни... чтоб воинские люди... к Терку городу безвестно не пришли и дурна

какова не учинили».

Велико было значение Терского города как главной военно-стратегической опоры кавказской политики Русского государства. Здесь была сосредоточена вся русская военная сила на Кавказе, не считая терско-гребенских казаков. Еще в середине XVII в. его крепостная артиллерия насчитывала 39 «больших и малых» пушек. Постоянный гарнизон Терской крепости по установленному для нее воинскому контингенту в XVII веке состоял из 2000 воинских людей. Однако из-за тяжелых условий жизни и службы на Тереке и связанной с этим высокой смертностью фактическая численность гарнизона Терской крепости была значительно меньше штатной.

Общее начальствование над ними осуществлялось терскими воеводами, являвшимися главными представителями царской власти на Тереке и соединявшими в своих руках гражданское и военное Управление. В состав терского гарнизона входил также конный отряд, состоявший из кабардинцев, чеченцев и др. жителей нерусских слобод. У Терской крепости. Численность этого отряда колебалась, достигая иногда до 500 всадников.

Несшее царскую службу рядовое нерусское население Терского города снаряжалось преимущественно в сопровождение посольств, торговых караванов, посылалось в разведку в шамхальские, кабардинские и ногайские земли, на Кубань и даже в Крым. Этим служилым людям выплачивалось «государево жалование» - хлебное и денежное. Они также освобождались от уплаты каких-либо налогов Русскому государству.

Терский город, выполняя пограничную службу, являлся форпостом восточной политики Русского государства, центром дипломатических связей с кавказскими феодальными владетелями, Грузией, Ираном, а позже с Индией и другими восточными государствами. Дипломатическую миссию выполнял воевода с небольшой группой людей, в которую входили дьяки, подьячие и толмачи-переводчики. Зачастую переводчиками бывали представители местных северокавказских народов. Все посольства, ехавшие из Русского государства в Персию и закавказские государства, а также из Северо-Восточного Кавказа в Москву, как правило останавливались в Терском городке. Одни посольства, согласно московским посольским инструкциям, могли сразу же пропускаться терскими воеводами в Москву, другие задерживались сношения со столицей, а третьи, по дипломатическим мотивам, возвращались обратно. Некоторые по-

сольства прибывали непосредственно в сам Терский город, где с воеводами решались пограничные, военные, а также торговые вопросы. Воеводами в Терский город обычно назначались родовитые бояре, которым предоставлялись широкие дипломатические полномочия.

При терских воеводах был целый штат «вожжей» - проводников, знавших хорошо прямые и запасные пути, по которым можно было безопасно провести послов в Закавказье, Иран и др. Они имели специальные отряды знающих стрельцов и горцев-окочан (ауховцев - Н.Ч.), которые встречали и провожали посольства. Чем весомее было посольство, тем большая ответственность лежала на воеводах. Еще большая ответственность ложилась за сохранность членов грузинских царских фамилий, направлявшихся через Терки в Москву, а иногда и подолгу живших в Терском городе. Как правило, их окружали именитые вельможи, многочисленные слуги, «няньки, мамки» и др. Всех их надо было достойно принять, разместить и содержать согласно их сану и чину. Кроме того, терские воеводы должны были постоянно информировать через дипломатических гонцов Посольский приказ, вести повседневную переписку с северокавказскими владетелями и выполнять различные дипломатические поручения.

В начале XVIII в. вооруженные стычки с кубанскими татарами происходили в районе Терок почти каждый год, а весной 1708 г. город был захвачен и сожжен. В 1720-1721 гг. участились набеги персидских подданных - ногайских татар и кумыков, которые, по выражению астраханского губернатора А.П. Волынского, начали «явную войну» против Терского города и гребенского казачества [14, с. 43 - 47].

Таким образом, к началу 20-х гг. XVIII в. от прежнего многолюдства Терского города оставалось не более одной трети. И хотя в военном отношении Терки представлял еще сильную крепость, все самое славное и героическое у него уже было позади. На всей его жизни лежала печать упадка и запустения.

Литература

1. Кизляр - столица Нижне-Терского казачества /Сост. Дубова Л.Н. Махачкала: ГУ «Дагестанское книжное издательство». 2010. – 520 с.
2. Гасанов М.Р. Дагестан: перекресток цивилизаций. Махачкала. 2007. – 456 с.
3. Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв. (проблемы взаимоотношений с сопредельными странами и народами). – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2000. – 532 с.
4. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. /

Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. – 544 с.
5. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI - 30-е годы XVII в.). М.: Изд. АН СССР, 1963. – 372 с.
6. Кидирниязов Д.С. Очерки истории ногайцев XV- XVIII вв. / Д.С. Кидирниязов, З.К. Мусаурова. – Махачкала: Народы Дагестана, 2003. – 248 с.
7. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 538 с.
8. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605) / РАН Ин-т рос. истории, Санкт-Петербург. филиал. – СПб.: Наука, С-Петербургское Отд-ние, 1992. – 278 с.
9. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.
10. Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Где стояли Сунженские городки? // Вопросы истории, 1972, № 7, С. 205—208.
11. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – нач. XX в. Грозный, 2017. – 400 с.
12. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР. 1957. - 478 с.
13. Кидирниязов Д.С. Роль северокавказских городов в развитии торгово-экономических связей местных народов с Россией // В сборнике: Провинциальный город в XVIII – XX вв. (история, экономика, культура). Материалы Международной научно-практической конференции. Кизляр, 2008. С. 99 – 115.
14. Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX века: проблемы политической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. – 275 с.

УДК 94(470.67)

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII века

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович
доктор исторических наук, профессор, Институт ИАЭ ДНЦ РАН
daniyal2006@rambler.ru

Аннотация. *в статье, на основе документального материала и научной литературы, освещается роль Северного Кавказа во взаимоотношениях России с шахской Персией, османской Портой и ее вассалом Крымским ханством. Кроме того, показано, что укрепление позиций Петербурга в этом регионе давало возможность контролировать всю западноевропейскую торговлю со странами Ближнего и Среднего Востока.*

Ключевые слова: *Россия, Иран, Турция, Северный Кавказ, Крым, политика, взаимоотношения, подданство, торговля, контроль*

Как известно в конце XVII – начале XVIII в. народы края оказались в орбите международных интересов султанской Турции, шахского Ирана и России. Россия твердо отстаивала свои интересы на Северном Кавказе, что было непосредственным образом связано с необходимостью обеспечения военно-политической и экономической безопасности на южных рубежах. Кроме того, стратегическое значение приобретало утверждение России на Каспии. Это дало бы возможность вести всю европейскую торговлю с восточными странами через российскую территорию.

Османская Порта, оставаясь из сильнейших военно-феодальных держав, усиливала свою военно-политическую экспансию на всем Кавказе и на юге России в связи с приходом к власти представителя наиболее агрессивных кругов турецкой знати – султана Ахмеда III (1703–1730 гг.).

Султан Ахмед III разослал своих эмиссаров во все регионы Северного Кавказа с целью проведения активно антироссийской агитации. Одной из ближайших задач османы ставили возврат крепости Азов. Потеря Портой в войне с Россией Азова и появление российского флота в Азовском море заставило турецкое правительство особенно усиленно добиваться захвата Северного Кавказа и подчинения своей власти народов региона. Северный Кавказ нужен был султанской Турции как опора для завоевательной политики, а также как противодействие росту влияния России в крае [1, с. 58].

Такая политика османского правителя Ахмеда III вызвала всплеск агрессивной активности крымцев. Правители Крымского ханства часто совершали разорительные набеги на Северный Кавказ (например, в Кабарду в 1700 и 1701 гг.) [2, с. 226].

В 1702 г. по приказу османского правителя был смещен в Крыму хан Девлет-Гирей. Это привело к вооруженному выступлению в Крыму и на Кубани против Порты. Восстание было подавлено, а Девлет-Гирей укрылся среди кабардинцев [3, с. 215].

Вскоре султан Ахмед III потребовал от нового правителя Крыма Салам-Гирея направить войско из крымских татар и ногайцев в военную экспедицию в Кабарду. Этот поход против адыгов состоялся летом 1703 г. во главе с калгой (второе лицо в Крымском ханстве – Д.К.) Гази-Гиреем [4, с. 704].

Между тем в 1704 г. ряд антироссийски настроенных чеченских и кумыкских владетелей намеревались заключить с Девлет-Гиреем союз с целью уничтожения российских укреплений на Тереке [5, с. 154].

Необходимо подчеркнуть, что с начала XVIII в. в условиях, когда Порта всячески старалась развивать свою военно-политическую экспансию на Северном Кавказе, вопрос о Дагестане и Кабарде имел большое значение, особенно в связи с тем, что через эти территории проходили важнейшие стратегические пути: дарьяльский, соединявший Северный Кавказ с Закавказьем, и региональный, связывавший Прикаспий с Причерноморьем. Поэтому еще Петр I потребовал у северокавказских правителей их обязательств о верности России. В это же время часть кабардинских владетелей во главе с Али-Мурзой обратились к азовскому губернатору Ф.Апраксину с предложением заключить военный союз против турецкого султана [6, с. 58].

Весной 1708 г. по требованию османского султана крымский хан Каплан-Гирей вторгся в пределы Кабарды с 20 тыс. войском, состоявшим из татар, ногайцев и турок. Поход завершился полным поражением крымского войска. В ходе нашествия крымского войска произошла Канжальская битва [7, с. 20 - 21].

В ходе ожесточенного сражения победу одержали адыги. Погибло почти все войско Каплан-Гирея, в Крым вернулось около 5 тыс. человек [8, Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. 1708 г. Л. 437.]. Необходимо указать, что поражение крымского войска в ходе Канжальской битвы было выгодно России. Воевавший с Россией шведский король Карл XII не мог уже в этих условиях привлечь на свою сторону крымцев, что

очень было важно в период Северной войны.

Слабость позиций Петербурга на Северо-Западном Кавказе дала возможность крымскому хану с помощью османского султана укрепить свое влияние среди различных адыгейских племен и кубанских ногайцев. Местное население вынуждено было платить Крыму дань (в том числе рабами), а также период военных действий обязаны были поставлять вооруженные отряды.

Что же касается Северо-Восточного Кавказа, то в 1707 г. близ Терека появились калмыцкие улусы. Чеченцы, совместно с ногайцами и кумыками выступили против калмыков – ойратов, но те успели перекочевать к Волге [9, с. 371].

Между тем, в 1708 г. около 700 ногайских ополченцев участвовали в восстании чеченцев. Вскоре вайнахи и ногайцы подверглись карательным акциям Петра I, обязавшего калмыцкого хана Аюку послать свои войска и разорить чеченцев и ногайцев в отместку за участие в восстании [10, с. 345].

В период Северной войны Петербург внимательно следил за развитием событий в Иране. В первой четверти XVIII столетия страна переживала глубокий экономический и политический кризис. Пользуясь сложившейся ситуацией, Порта решила осуществить свою давнюю мечту: прибрать Кавказ к своим рукам. Об этом хорошо знало и российское правительство.

Россия не собиралась уступать никому этот важный в стратегическом отношении регион, который обеспечивал безопасность границ юга России. Кроме того, Северный Кавказ служил надежным плацдармом для связи с народами Южного Кавказа. А укрепление своих позиций в Дагестане открывало возможность для России контролировать всю европейскую торговлю со странами Ближнего и Среднего Востока. Не случайно Петр I еще в 1700 г. дает указание астраханскому воеводе Мусину-Пушкину «завести дружественные и торговые сношения» с Дагестаном [11, № 147].

Понятно, что утверждение султанской Турции в регионе, в частности в Прикаспии, не только ослабило бы сильно позиции России, но и создало бы реальную угрозу ее юго-восточным границам. Поэтому совершенно очевидно, что основной целью похода Петра I на Кавказ было предотвратить овладение Портой Южного Кавказа и Западного Прикаспия. К тому же в планах Петербурга Прикаспию отводилась важная экономическая роль. Российское правительство с присоединением Прикаспийских областей надеялось обеспечить не-

обходимым сырьем развивающуюся мануфактурную промышленность России.

Россия, в полной мере оценивавшая важность Северного Кавказа в борьбе с султанской Турцией и разваливавшимся шахским Ираном, несмотря на занятость подготовкой к Прутскому походу, нашла возможность направить десятитысячный корпус в край, тем самым продемонстрировав нараставшую военную мощь государства.

Для усиления влияния России на Северном Кавказе в июле 1711 г. в Дагестан и Кабарду был направлен кабардинский князь А.Бекович-Черкасский, находившийся на русской службе. Следует отметить, что основной целью миссии адыгского князя была помешать враждебным действиям кубанских владетелей, подданных Порты [12, с. 122 - 123].

По пути следования на Северный Кавказ князь А.Черкасский побывал у калмыцкого правителя Аюки и вел с ним переговоры об участии калмыков в военных действиях против кубанцев [13, с. 66]. Кроме того, прибыв в северокавказский край, А. Бекович-Черкасский обратился к местным жителям с призывом объединения в борьбе против османов и крымцев [14, Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. 1711 г., л. 2–3.].

О пророссийской ориентации жителей региона красноречиво указывает тот факт, что летом 1711 г. представители местных народов месте с русскими войсками участвовали в военной экспедиции на Кубань против крымцев [15, с. 408].

В августе 1711 г. объединенный отряд северокавказцев во главе с князем А. Черкасским встретился в бою на Кубани с 15 тыс. войском крымского царевича Нурадина. Для северокавказцев эта битва закончилась успешно. После этого сражения отряд А. Черкасского углубился в Закубанье [16, с. 118]. Здесь кабардинский князь ждал вестей от казанского губернатора П.М. Апраксина, под командованием которого совместно действовали отряды казаков и калмыков. Князь А.Черкасский хотел договориться с П. Апраксиным о совместных действиях. По замыслам кабардинского князя, казанский губернатор должен был нанести удар по войскам крымского царевича Нурадина с северо-востока. Однако казанский губернатор не выполнил данного обещания и повернул обратно. Князь А. Черкасский почти год пробыл на Северном Кавказе [14, Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. 1711 г., л. 2–3.].

Между тем Османская империя и Крымское ханство продолжали вести в регионе подрывную деятельность, стремясь ослабить здесь влияние Петербурга, разобщить народы края, противопоставляя их

друг другу. Так, осенью 1712 г. кабардинские послы в посольском приказе сообщали о попытках крымского хана склонить дагестанских владетелей Султан-Махмуда, Адиль-Гирея и «других тамошних» кумыкских князей к совместному походу на Кабарду для приведения кабардинцев в подданства Крыма [17, с. 11].

В 1715–1718 гг. военно-политическое и экономическое обследование края, в частности Дагестана, произвел известный русский дипломат, ставший в 1719 г. астраханским губернатором А.П. Волынский. Он более полугода собирал сведения о регионе. Необходимо указать, что слабо исследованными оставались территории, находившиеся по дагестанскому побережью Каспия. По этой причине, Волынский направил «сухим путем» члена своей делегации А.Лопухина из Шемахи в Астрахань [18, с. 30 - 31].

В 1718 г. тарковский шамхал был принят в подданство России [19, с. 226 - 227].

Вслед за тарковским шамхалом Адиль-Гиреем с просьбой о принятии подданства России в 1719 г. обратились другие дагестанские владетели. Кроме того, активизировались взаимоотношения чеченцев с Петербургом [20, с. 60].

В этот же период за помощью к российскому правительству обратились и кабардинские князья. Адыгские владетели просили защитить их от частных набегов крымцев и закубанцев [17, с. 22].

Между тем политическая обстановка на Северо-Восточном Кавказе в начале 20-х гг. XVIII в. стала складываться в пользу Крымского ханства. Весной 1720 г. 40-тыс. войско крымцев во главе с ханом Саадет-Гиреем вторглось на территорию кабардинцев. Разорив несколько адыгских сел, крымский правитель потребовал, чтобы население Кабарды подчинялось его власти. Кроме того, крымский хан потребовал, чтобы кабардинцы выдали ему 4 тыс. пленных и возместили убытки, нанесенные ими во время похода Каплан-Гирея в 1707 г. [17, с. 30 - 31].

Адыги, находясь в невыносимых условиях, вынуждены были обратиться за помощью к России. Разумеется, поход крымцев во главе с ханом Девлет-Гиреем серьезно обеспокоил Петербург. Несмотря на продолжавшуюся Северную войну со Швецией, российское правительство решило предпринять ответные меры против Крыма, чтобы оградить интересы России на Северном Кавказе [17, с. 30-31]. Необходимо подчеркнуть, что эти решительные действия Петербурга укрепили положение адыгов пророссийской ориентации.

В начале января 1721 г. царь Петр I вручил адыгскому посланнику С. Салтаналееву грамоту. В ней государь обещал незамедлительно построить русскую крепость на территории Кабарды: Також де велено ему, губернатору (Астраханскому – Д.К.), по прошению вашему осмотря удобное место и город зделать, о чем брату вашему Саадет-Гирею (имеется в виду сам кабардинский посланник – Д.К.) словесно пространно объявлено» [21, Оп. 115. Д. 5. 1720–1721 гг., л. 153–155.].

Весной 1721 г. правитель Крымского ханства Саадет-Гирей III двинулся в северокавказский край, вглубь территории кабардинцев. Следует отметить, что к войску крымцев присоединились отряды ногайцев, чеченцев и др. «горских жителей» [22, Д. 5. 1722 г., л. 67], а также все кумыкские владетели [23, Д. 1. 1722 г., л. 4].

В следующем столкновении с неприятелем на р. Нальчик кабардинское войско под командованием князя А. Кайтукина одержало победу над крымцами [24, с. 145]. Осенью 1722 г. крымцы полностью покинули северокавказский регион. Необходимо отметить, что кабардинцы вынуждены были выплатить хану Саадет-Гирею III ясырей. Поход крымских татар нанес большой урон экономике населения Кабарды. В результате похода крымского хана был полностью уничтожен урожай 1720 г. [24, с. 24 - 25].

Между тем, прибыв весной 1721 г. на Терек, астраханский губернатор Артемий Волынский принял от кабардинских князей присягу на верность России. Кабардинский князь А. Кайтукин стал старшим князем Большой Кабарды. Довольный результатом миссии А. Волынский докладывал царю, что вся Кабарда «ныне видится под рукой Вашего величества» [17, с. 99]. Адыгский владетель Асланбек Кайтукин в своем обращении к российскому государю писал: «З братом нашел Саадгиреем беем здесь от вашего величества грамоту получили, в которой обнадежены, что нас губернатор Артемий Петрович будет оберегать, но от него нам ниже единой помощи не учинилось; и сказал нам, что де он не имеет такого указу» [17, с. 31].

Петербург не мог выполнить свое обещание о помощи Кабарде в войне против Крыма. После смерти шведского короля Карла XII мирные переговоры между Россией и Швецией окончательно зашли в тупик. Шведы добились того, что северные страны заключили с ними партикулярный мир (мир отдельный, с одной стороной, без участия союзников – Д.К.) с исключением Российского государства. Австрия и Англия предлагали султанской Турции также заключить партикулярный союз против России.

Таким образом, с начала 20-х гг. XVIII в. ведущее место в кавказской политике российского правительства занял Северо-Восточный Кавказ, в особенности Дагестан. Ослабление интереса к Кабарде отразилось и в решении российско-турецкого договора 1722 г. признать эти земли под влиянием Крыма [19, с. 58].

После ухода крымских войск с Кабарды астраханский губернатор пригласил донцов совместно с терскими казаками организовать поход в район Аграхани и реки Аксай против крымских отрядов и вайнахов [24, с. 98].

Между тем кумыкские князья не исключали возможности налаживания мирных отношений с Россией. Так, еще весной 1720 г. владетели Кумыкской плоскости обратились с просьбой к царю Петру I «о защите», но вместе с тем, в случае отказа о помощи, местные князья предупредили российские власти о том, что пойдут в Порту «поклонися. В феврале 1722 г. объединенный совет князей и узденей кумыков, ногайцев и чеченцев вновь обращаются к российскому правительству с изъявлением желания служить «царскому величеству» и просьбой наделить их жалованьем. По поручению Петербурга астраханский губернатор вступает в переговоры с владетелями Засулакской Кумыкии [28, с. 227–228, 235–236, 257–258].

Необходимо подчеркнуть, что в этот период международная обстановка на Северо-Восточном Кавказе резко обострилась. Новый курс Петербурга определялся тем, что к этому времени резко изменилась обстановка в шахском Иране. Развивавшийся с начала XVIII в. острый внутренний кризис в Персии при Сефевидах привел страну на грань катастрофы. Последствия кризиса сказывались не только в самой Персии, но и в подвластных областях, в том числе и в Дагестане.

Между тем в регионе вновь с огромной силой вспыхнули антишахские выступления. Руководителями движения стали Гаджи-Дауд Мюшкюрский и Сурхай-хан Казикумухский. Совместные отряды дагестанских и ширванских повстанцев летом 1720 г. захватили Шабран и Худат. В августе того же года они подошли к Шемахе, но захватить его повстанцы не смогли. После этого значительные силы повстанцев были направлены в Баку, а затем на Дербент, но взять их им также не удалось [19, с. 149].

Необходимо подчеркнуть, что кризисом в Персии поспешила воспользоваться султанская Турция, придавая решающую роль овладению Кавказом. Османская Порта, сохраняя видимость лояльных отношений с Ираном и Россией, пыталась использовать в своих инте-

ресах влиятельных дагестанских правителей – Гаджи-Дауда Мюшкюрского и Сурхай-хана Казикумухского [26, с. 61].

Между тем один из влиятельных дагестанских правителей шамхал Адиль-Гирей, приняв российское подданство и постоянно показывая примеры усердного и верного служения царю, в течение долгого времени пытался с помощью российских властей официального утверждения его прав над частью чеченцев. Кроме того, шамхал Адиль-Гирей, учитывая выгодное политическое и экономическое положение Терков, а также возможность сближения с ее администрацией, которая играла немалую роль в делах Северного Кавказа, пытался вытеснить оттуда адыгских владетелей и занять их лидирующее положение. Поэтому не один раз Адиль-Гирей обращался к российскому правительству с просьбой о предоставлении ему прав на владение всем мусульманским населением Терского города [28, с. 209 - 207]. Но Петербург отказал тарковскому шамхалу в его просьбе. Однако по указанию Петра I Коллегия иностранных дел предписала губернатору П.С. Салтыкову, чтобы последний дал задание коменданту Терков оказывать в случае необходимости оперативную военную помощь Адиль-Гирею при нападении на его владение неприятелей [19, с. 223].

Между тем, геополитическая обстановка в крае в связи с российско-османским противоборством за персидское наследство на Кавказе все более осложнялась[27].

С осени 1721 г., Гаджи-Дауд и Сурхай-хан стали добиваться поддержки уже со стороны Порты. Вскоре в российской столице узнали об этом от донесений адыгских владетелей [29, Ф. 9. Отд. II. 1721 г. Д. 54. л. 667]. Это же подтвердил в своем письме российский посланник в Стамбуле И.И. Неплюев, который сообщил, что османы втайне от иранского шаха ведут переговоры с Гаджи-Даудом и Сурхай-ханом о принятии в подданство Турции [29, л. 667 об.]. Неплюев также сообщал, что «дагестанцы и кумыки, но и вольные татарские народы (жители союзов сельских общин – Д.К.) претендуют якобы под их протекцию (османов – Д.К.) содержатца» [30, Ф. 9. Отд. II. 1721 г. Д. 59, л. 786].

Между тем в Дагестане произошло сражение между восставшими горцами и войсками крепости Святой Крест во главе с ген. Ветерани. Причиной военного столкновения явилось то, что российское командование в регионе было недовольно тем, что чеченские и эндиреевские владетели и их подвластные отказались принять подданство

России и поэтому комендант крепости Ветерани решил наказать горцев. В свою очередь, местное население объясняло свое недовольство жесткими условиями администрации Терского города по отношению к торговым людям из среды местных народов. Горцы были очень стеснены в своих торговых операциях в городе [9, с. 300-301].

Необходимо указать, что сложившаяся международная ситуация, в которой оказалась Россия во время Северной войны со Швецией, заставлял Петербург действовать с осторожностью, чтобы не спровоцировать еще одну войну на юге. Россия, заявляя не раз о своем невмешательстве в кавказские дела и успокаивая турецкого султана, в то же время обнадеживала пророссийски настроенных северокавказских правителей обещаниями не оставлять их в беде с агрессивным Крымским ханством.

Между тем, в 20-х гг. XVIII в. возникла реальная угроза захвата кавказских владений шаха османами в связи с экономическим и политическим упадком Персии. Пользуясь сложившейся ситуацией, турецкий султан решил «к себе присовокупить владения на Кавказе» [31, Оп. 89. Д. 4. 1722 г., л. 41]. Разумеется, активизация завоевательной политики османов не могла не встревожить Петербург. Петр I заявил о том, что «нам крайняя нужда будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже ... турок тут допустить невозможно» [32, Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 1. Д. 30. 1722 г., л. 75]. Российский царь дал указание правительству готовиться к походу в Прикаспий. Сообщая своему руководству о мерах, предпринимаемых Россией, французский посол Камредон отмечал: «Ему (Петру I – Д.К.) хочется предупредить турок... которые подали повод к этой войне» [27; 33, с. 218].

Таким образом, после окончания Северной войны Россия решила активизировать южное направление своей внешней политики. Основной задачей Каспийского похода российского государя было предотвратить овладение османами Южного Кавказа и Прикаспия. Кроме того, в планах российского правительства Прикаспию отводилось важное экономическое значение. Присоединив Прикаспийский регион, Россия надеялась обеспечить развивающуюся мануфактурную промышленность страны необходимым сырьем. Петр I также хотел превратить страну в посредника в торговле между Европой и Ближним и Средним Востоком.

Литература

1. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М.: Соцэкгиз, 1958. – 244 с.
2. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – начале XX в. Грозный: АН ЧР, 2017. – 400 с.
3. Кидирниязов Д.С., Мусаурова З.К. Очерки истории ногайцев XV – XVIII вв. Махачкала: Народы Дагестана. 2003. – 248 с.
4. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. – 772 с.
5. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середине XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала: АЛЕФ, 2016. – 490 с.
6. История Кабарды с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Н.А. Смирнов. – М., 1957. – 395 с.
7. Главани К. Описание Черкесии 1724 г. // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. XVII. С. 19–37.
8. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. 1708 г.
9. История Чечни. Грозный, 2008. Т. 1. – 828 с.
10. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2001. – 426 с.
11. Исторические сведения о местах, на которых основан город Петровск // Кавказ. 1869. 14 декабря. № 147.
12. Письма и бумага императора Петра Великого. М., 1962. Т. 2. Вып. 1. – 589 с.
13. Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Р. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996. – 352 с.
14. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. 1711 г.
15. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. – 547 с.
16. История многовекового содружества: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007. – 720 с.
17. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: Док. и мат. (Далее - КРО) – В 2-х т. Т. 2. М.: Изд-во АНСССР. 1957. – 424 с.
18. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722-1735 гг.) / И.В. Курукин. – М.: Квадрига: Объединённая редакция МВД России, 2010. – 381 с.
19. Русско-Дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: (Документы и материалы) / Ред. колл.: М.М. Ихилов (отв. ред.); сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала: Дагкнигиздат, 1958. – 336 с.
20. Чекулаев Н.Д. Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722-1735 гг.) – Махачкала: ДНЦ РАН, 2008. – 212 с.
21. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115. Д. 5. 1720–1721 гг.
22. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115. Д. 5. Д. 5. 1722 г.
23. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115.Д. 1. 1722 г. 23
24. Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20[е] гг. XIX в. Махачкала: АЛЕФ, 2013. - 456 с.
25. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни

Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала: АЛЕФ, 2008. – 192 с.
26. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722–1723 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1951. – 247 с.
27. Мустафазаде Т.Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку, 1993. – 237 с.
28. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские государственные образования в стратегических планах России на Северном Кавказе в XVII – первой четверти XVIII в. М.: Парнас, 2017. – 264 с.
29. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. 1721 г. Д. 54.
30. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. 1721 г. Д. 59.
31. АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89. Д. 4. 1722 г.
32. РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 1. Д. 30. 1722 г.
33. Кидирниязов Д.С., Мусаурова З.К. Очерки истории ногайцев XV – XVIII вв. Махачкала, 2003.

УДК 93/94(470.67)

КАВКАЗСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКО-ИРАНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ В 20-е гг. XVIII ВЕКА

Гапуров Шахрудин Айдиевич
доктор исторических наук, профессор, президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории ФГБОУ ВО «ЧГУ»
academy_chr@mail.ru

Магамадов Супьян Султанович
кандидат исторических наук, директор Института гуманитарных исследований АН ЧР, доцент кафедры музееведения и культурологии ФГБОУ ВО «ЧГУ»
directigi@yandex.ru

Саралиева Лиана Шахрудиновна
старший научный сотрудник. Института гуманитарных исследований АН ЧР

Аннотация. *В работе рассматривается вопрос о месте и роли Кавказа во взаимоотношениях России, Османской империи и Сефевидского Ирана в 20-е годы ХУ111 века. Отмечается, что Иран в данное время находился в состоянии глубокого политического кризиса, большая часть страны захвачена афганцами. Османская империя решила воспользоваться этой ситуацией и захватить прикаспийские территории Ирана, в том числе Дагестан. Это могло создать серьезную угрозу национальным интересам России на ее южных рубежах. Стремясь не допустить Турцию на Кавказ, Петр 1 в 1722 г. совершил поход в Дагестан, получивший в историографии название Каспийского (Персидского). Для закрепления успехов России в Дагестане и Азербайджане были заключены договорыс Ираном (Петербургский, 1723 г.) и Турцией (Стамбульский, 1724 г.). Статья написана на материалах зарубежных источников.*

Ключевые слова: *Россия, Османская империя, Иран, Кавказ, Дагестан.*

Кавказ – один из красивейших уголков земного шара, благодатнейшая и плодородная земля, богатая природными ресурсами, территория, по которой пролегали важнейшие торговые пути (сухопутные и морские –Каспийское и Черное моря) из Европы в Азию. С древнейших времен орды кочевников накатывались на кавказские земли (сарматы, скифы, гунны, аланы, хазары, монголо-татары и прочие, прочие). В новое же время главными соперниками на Кавказе стали Турция (Османская империя), Иран (Сасанидский, Сефевидский и Каджарский) и Россия. Турецко-иранские, русско-турецкие и русско-иранские войны в XVII-XIX вв. были проявлениями этой борьбы за Кавказ. Сюда же нужно прибавить и регулярные нашествия крымских татар на Северный Кавказ.

Кавказ долгое время, вплоть до завершения процесса присоединения его к России, был, прежде всего, объектом острой борьбы между двумя сильнейшими (имеется в виду новое время) государствами Среднего Востока – Турцией и Ираном. «Кавказ всегда был полем боя народов, культур и религий. Персы, греки, римляне, арабы, турки вторгались на Кавказ и боролись за него», - писал Фируз Каземзаде [1, с. 235]. Если прибавить к этому, что на Кавказе постоянно шла борьба между различными кавказскими феодалами, то станет понятным, сколько человеческих жизней и материальных потерь стоили эти века постоянных войн – междуусобных, против внешних захватчиков – кавказским народам и сколь велико было значение их присоединения к России, положившем конец этим явлениям и позволившем направить главные усилия кавказских народов на развитие производительных сил и культуры.

Основной ареной борьбы между Турцией и Ираном на Кавказе долгие годы оставалось Закавказье, но и Северный Кавказ не явился тут исключением. Наиболее привлекательной и значимой в военно-стратегическом плане на Северном Кавказе была ее северо-восточная часть – Дагестан, расположенная на Каспийском побережье. Кроме того, надо учесть, что проникнуть вглубь Северного Кавказа – в регион Чечни, Ингушетии, Осетии и т.д. со стороны Каспийского моря было невозможно без предварительного завоевания Дагестана. А здесь иноземные захватчики встречали сильнейшее сопротивление со стороны местных народов. Со стороны же Черного моря (турецкая угроза) и крымских татар Северо-Восточный Кавказ был прикрыт Кабардой.

XVIII век занимает особое место в истории народов Северного Кавказа и в кавказской политике России, Турции и Ирана. Это период все большего укрепления экономических и политических связей северокавказских народов с Россией, победы у них пророссийской ориентации и первые серьезные достижения в процессе присоединения их к России(последняя треть XVIII в.). Во внешнеполитическом плане XVIII век в кавказской политике России, Турции и Ирана – это время острейшей борьбы, многочисленных войн и в результате – окончательного укрепления России на Северном Кавказе, вытеснения отсюда Турции и Ирана (Кючук-Кайнарджийский и Ясский мирные договоры, бесславный провал попыток персидского шахаАга-Мохаммед-хана подчинить Кавказ Ирану).

Первая, наиболее серьезная попытка России в XVIII в. укрепить-

ся на Северном Кавказе, создать здесь плацдарм для дальнейшего проникновения на Кавказ, для торгово-экономических сношений с восточными странами связана с так называемым Каспийским (или Персидским) походом Петра I. Ряд зарубежных исследователей вообще считают, что «завоевание Кавказа» Россией «началось с кампании Петра Великого» [2, с. 243]. Дж.Я. Рахаев подчеркивает: «Победоносное завершение Северной войны предоставило правительству Петра I широкие возможности для жесткого противодействия османо-крымской экспансии на Кавказе и реализации собственных геополитических интересов в Азии, а именно, перевода всей восточной торговли с Европой на транзит через Россию, что, в свою очередь, категорически требовало недопущения Османской империи к берегам Каспия» [3, с. 159].

Каспийский (Персидский) поход Петра I, поставивший на грань войны русско-турецкие отношения и породивший целую серию дипломатических актов между Россией, Турцией и Ираном, подробно рассматривался как в русской дореволюционной, так и советской, (и в постсоветской) исторической литературе. В данной работе авторы попытались осветить интерпретацию персидского похода и вызванных им осложнений в русско-ирано-турецких отношениях, прежде всего, зарубежными авторами, имевшими доступ к английским, французским, турецким и иранским архивам. Они иногда приводят в своих работах ряд малоизвестных интересных фактов. В то же время, конечно, можно согласиться далеко не со всеми выводами этих авторов, зачастую тенденциозно толкующих те или иные события и факты.

К началу XVIII в. Дагестан и все Закавказье считались сферой влияния Ирана. Черноморское побережье Кавказа и все Прикубанье находилось в руках Турции. Россия же вплоть до 1721 г. была занята войной со Швецией и не имела возможности проводить на Северном Кавказе активную политику.

Сефевидский Иран в начале XVIII в. находился в состоянии глубочайшего экономического и политического кризиса, сотрясался от национально-освободительного движения покоренных народов. В 1709 г. происходит восстание подвластных Ирану афганских племен, которые весной 1722 г. во главе со своим вождем Мир МахмудомАшрафом заняли значительную часть Ирана и осадили его столицу – Исфаган. Было очевидно, что Сефевидская держава доживает последние дни. Одновременно в Дагестане против Ирана восстали фео-

далы Сурхай-хан и Дауд Бек. Они в 1721 г. захватили и разграбили г. Шемаху в азербайджанском Ширване, где были убиты и ограблены также и русские купцы. Боясь наказания со стороны российского царя и будучи в отношениях войны с Ираном, Сурхай хан и Дауд Бек обратились к Турции с просьбой принять их под свое покровительство. Для Турции создались чрезвычайно благоприятные условия для захвата кавказских владений Ирана, а затем и всего Северного Кавказа, создав, таким образом, сплошную цепь турецких владений от Каспийского до Черного морей. Естественно, Россия не могла допустить этого. Л.М. Кулагина пишет: «Политика России в отношении Ирана диктовалась, прежде всего, интересами ее безопасности и теми планами, на которых базировалась восточная политика Петра I: овладеть берегами Каспийского моря и не допустить усиления Османской империи за счет иранских земель на Кавказе» [4, с. 11].

Практически все зарубежные историки в основном согласны с мнением советских авторов о целях Каспийского похода Петра I: закрепиться на Кавказе, получить выход для России к Каспийскому морю, основать на его побережье торговые фактории, наладить через Каспийское море торговые отношения с Индией и другими восточными странами, повернуть персидский шелковый торговый путь в Европу, пролегающий до сих пор через Турцию и турецкие владения, на Россию, превратив Россию в перевалочный пункт персидской торговли с Европой и наконец, не допустить выхода Турции к Каспийскому морю, захвата ею Каспийского побережья, что создало бы серьезную угрозу южным границам России [5, с. 177].

Сам Каспийский поход Петра I, как известно, был весьма непродолжительным: 27 июля 1722 г. Петр I с армией высадился в устье Сулака, 23 августа без боя вступил в Дербент, а уже в начале октября вернулся в Астрахань, оставив русские гарнизоны в Дербенте, в крепостях Малакент и Инжу.

Отечественные историки считают основной причиной такого скорого возвращения Петра I гибель во время шторма русских судов с продовольствием и боеприпасами для армии. Единственно, О.П. Маркова отмечает, что «была и другая причина прекращения похода: Петр ушел с Кавказа, избегая преждевременной войны с Турцией» [6, с. 27].

Джон Бэддли, Сайкс Перси, Лоуренс Локкарт, МюриэльЭткинс отмечают, что одной из главных, если не самой главной причиной отказа Петра I от дальнейшего продолжения похода была угроза войны

с Турцией. Они пишут, что Петр I после занятия Дербента собирался с армией выступить на юг, в направлении Баку и Шемахи, когда в Малакент прибыл турецкий посланник, который заявил, что всякое дальнейшее продвижение русских войск на Кавказе будет рассмотрено Турцией как причина для объявления войны России» [7, с. 28].

Л. Локкарт отмечает: «Без сомнения, на принятие этого трудного решения (т.е. отказа Петра I продолжать поход. - Авт.) оказало влияние прибытие в Малакент турецкого посланника. Его прислал великий визирь Дамад Ибрахим, чтобы потребовать от Петра не продолжать наступление внутрь Ширвана, а также избегать каких-либо столкновений с турками и их подданными» [8, с. 187].

Видимо, можно согласиться с этими доводами. В противном случае трудно понять, почему Петр I, при его энергичности, умении преодолевать любые трудности, отказался от продолжения столь успешно начавшегося похода, имея под рукой огромную – свыше 100 тыс.чел. армию из-за гибели продовольствия и боеприпасов. Другое дело – угроза немедленной войны с Турцией. Этой войны Петр I не хотел, стремился избежать ее любой ценой, поскольку Россия совсем недавно вышла из Северной войны, сам Каспийский поход был подготовлен в спешке. Тем более, война эта была нежелательна, когда русская армия на Кавказе оказалась без достаточного количества продовольствия и боеприпасов. Л. Локкарт подчеркивает: «Каковы бы не были конечные цели Петра I, на данном этапе он не хотел войны с Турцией» [9, с. 219]. К тому же Петр I, как показали дальнейшие события, вовсе не отказывался от дальнейшего претворения в жизнь своих замыслов на Кавказе. В этом свете быстрое прекращение Каспийского похода можно рассматривать как вынужденный политический маневр со стороны Петра I.

У отечественных историков не вызывал и не вызывает сомнения вопрос о том, что одной из причин Каспийского похода Петра 1 была угроза захвата Закавказья и Северного Кавказа Турцией. К сожалению, сколько-нибудь серьезных аргументов в подтверждение этого тезиса они не приводили, не показывали конкретных практических шагов Турции в 1721-1722 годах, направленных на захват Кавказа или персидских территорий. Внешне же получалось, что турецкая экспансия на Кавказе и в Иране в 20-е годы ХУ111 века была вызвана деятельностью России в этих регионах. Как уже отмечалось выше, Каспийский поход Петра 1 состоялся в 1722 году, а вторжение Турции в Закавказье началось лишь весной 1723 года. Этими фактами

ловко манипулируют некоторые зарубежные ученые. Так, Р.К. Рамазани заявляет, что «турецкое вторжение» на Кавказ, а затем и в Иран в 1723 году «было вызвано русскими успехами в Иране», и что в условиях «русской экспансии» Турция «решила, что ей легче будет предотвратить дальнейшее наступление России в Иране собственным вторжением в Иран, опередив своего противника» [10, 24].Даже такой внешне объективный исследователь, как Л. Локкарт пишет, что турецкий султан Ахмед III и его великий визирь Дамад Ибрахим стремились к миру, не желали войны и турецкое вторжение на Кавказ и в Иран в 1723 году выглядят у него как ответная реакция Турции на действия здесь России, как стремление защитить дагестанских суннитов от «неверных русских» [11, с. 24]. Разумеется, данная точка зрения полностью поддерживается турецкими историками [12, с. 41-42].

В то же время ряд зарубежных ученых занимавшихся этим вопросом, считают, что Россия не собиралась выступать на Кавказ в 1722 г. И сделать это ее заставил слишком уж настойчивый интерес, проявляемый Турцией к Кавказу в целом, и к Каспийскому побережью, в частности. Очень интересные факты, свидетельствующие о намерениях Турции вторгнуться на Кавказ и в Иран еще весной 1722 года, т.е. тогда, когда Порта не могла даже догадываться о подготовке Каспийского похода российских войск, приводит Р.В. Ольсон. Он пишет, что 15 мая 1722 г. великий визирь собрал Диван (Государственный совет) для обсуждения иранских дел, где были приняты следующие решения:

- афганские племена под руководством Махмуда захватили большое количество персидских городов и осадили Исфаган (столица Ирана.- Авт.), который находится под угрозой падения;

- восстание, возможно, распространится до турецких границ;

- в создавшейся ситуации Османская империя должна захватить пограничные города Ереван, Тавриз, Гянджу, Тифлис с целью укрепления восточных границ;

- во имя укрепления мира на Востоке и освобождения городов, где мусульмане-сунниты считают себя угнетенными со стороны шиитов (к таковым были отнесены дагестанские территории.- Авт.) нет причин не объявлять войну Ирану.[13, с. 42-43].

Как видим, здесь нет ни одного слова об угрозе Кавказу и Ирану со стороны России. Тем не менее, Турция, воспользовавшись внутренним кризисом в Иране, решила захватить подвластные Сефевидам земли. Тезис о русской угрозе турецким интересам будет придуман

позже, для оправдания захватнической политики Турции на Кавказе и в Иране.

Сразу же после упомянутого заседания Дивана Дамад Ибрахим приказал пашам Басры, Багдада, Мосула, Шахризора, Вана, Эрзерума, Карса и Чилдира начать подготовку ко вторжению на Кавказ. В то же время им категорически было приказано не начинать военные действия до падения столицы Ирана Исфагана (осажденного афганцами). Однако и после захвата иранской столицы афганцами в октябре 1722 г. турки не осмелились вторгнуться на Кавказ. Тут были, как пишет Р.В. Ольсон, две причины:

- Порте не ясны были пока планы и намерения афганского правителя Махмуда (захватившего к осени 1722 года большую часть Ирана). Турки надеялись, что он, как мусульманин-суннит, признает турецкого султана как халифа и верховного сюзерена всех иранских территорий, подвластных ему. Преждевременное же вторжение на Кавказ и в Иран могло быть враждебно встречено Махмудом;

- Турция понимала, что захват ею Закавказья и Дагестана вызовет обострение русско-турецких отношений, поэтому она, усиленно готовя свою армию к военным действиям, в то же время выжидала, не зная еще, как Россия отреагирует на персидский кризис и ожидая удобного момента для завоевания Кавказа [14, с. 44-45].

И только лишь тогда, когда стадо очевидным, что Махмуд не собирается признаватьсебя вассально зависимым от Турции, и стали ясны планы русской стороны, Порта отдала приказ о вторжении своих войск в Закавказье весной 1723 г.

И Ольсон Р.В., и Л. Локкарт в своих работах явно преувеличивают мирные намерения турецкого султана Ахмеда III и его великого визиря Дамада Ибрахима. Оба пишут, что они не хотели в 1722–1723 гг. войны с Россией, не хотели вторгаться в персидские владения, а военные действия Турции в тот период представляют как результат давления на султана и великого визиря со стороны реакционных клерикальных и феодальных кругов, пашей пограничных с Ираном турецких провинций, янычар, требовавших войны и с Персией и с Россией, и особенно вторжения в Дагестан якобы для защиты тамошних мусульман [15, с. 460].

С подобным миролюбием турецкого монарха плохо сообразуются воинственные заявления Турции в 1722 г., ее приготовления к военным действиям на Кавказе (о чем пишет сам Ольсон), притязания Порты на покровительство кавказским мусульманам, и наконец, при-

нятие в турецкое подданство дагестанского феодала Дауд Бека (турки не могли не понимать, что этот акт вызовет недовольство России). Тем более, что «экспансионистские замыслы Порты и Крыма активно поддерживались Англией и Австрией, стремившимися спровоцировать новый русско-турецкий конфликт. Их представители в Константинополе внушали османским министрам, что поход Петра 1 положил начало завоеванию Кавказа Россией» [16, с. 167].

Важными вехами в развитии кавказской политики России, Турции и Ирана в рассматриваемое время явились русско-иранский (Петербургский) 1723 г. и русско-турецкий (Стамбульский) 1724 г. договоры.

Петербургский договор, по которому наследный Сефевидский принц Тахмасп, в обмен на русскую помощь в борьбе против афганцев, уступал России Дагестан, Азербайджан и 3 иранские провинции –Гилян, Мазен-даран и Астрабад, не был ратифицирован Тахмаспом и потому вряд ли может считаться – с точки зрения современного международного права – юридически валидным документом. Тем не менее, все упомянутые выше зарубежные авторы считают его полноправным дипломатическим документом, давшим России законное право овладеть уступленными по нему кавказскими и персидскими территориями.

Л. Локкарт, наиболее подробно исследовавший русско-иранские отношения рассматриваемого периода, пишет, что решение просить Россию о военной помощи против афганцев было принято шахом Султан-Хусейном (отцом Тахмаспа) после поражения своей армии под Гульнабадом (8 марта 1722 г.). Однако, последовавшая за тем быстрая осада Исфагана афганцами сорвала этот замысел. Вскоре после падения иранской столицы русский консул при Тахмаспе Аврамов уговорил наследного принца отправить посла в Петербург за военной помощью, наделив его полномочиями подписать любой договор. Посол Тахмаспа Исмаил Бек, отправленный из Ирана в конце 1722 г., из-за различных задержек в пути, прибыл в Петербург лишь в августе 1723 г. В сентябре того же года был подписан упомянутый выше Петербургский договор. Л.Локкарт заявляет, что Исмаил Бек подписал этот договор под сильным давлением русской стороны [17, с. 248]. Подпись Исмаил Бека под этим документом, пишет далее Л. Локкарт, «навела тонкий лоск законности на агрессивные действия Петра в Северной Персии» [18, с. 248]. Правда, и современные российские авторы также критически отзываются о русско-иранском Петербургском

договоре 1723 года. Так, С.А. Сухоруков отмечает: «…Впервые за почти двухтысячелетнюю историю Ирана весь север страны, в том числе Мазандаран и Гилян – передавался другому государству» [19, с. 42].

Несомненно, обвинение России в агрессивных действиях в Северном Иране является несправедливым. Петр I послал русскую армию в Решт (административный центр Гиляна) в конце 1722 г., во-первых, по просьбе жителей этого города, просивших защитить их от нашествия афганцев, и во-вторых, чтобы не допустить захвата северного побережья Каспийского моря Турцией. Если бы русская армия не вступила в декабре 1722 г. в Гилян, без сомнения, весной 1723 г. эта провинция была бы захвачена турками. Последние же в каждом захваченном персидском населенном пункте грабили и убивали местное шиитское население. Русская армия ничего подобного в Гиляне не допускала, и платила даже за дрова для топки кухонь. Наконец, Россия, хотя и имела юридическое право по Петербургскому договору (а позже – и Стамбульскому) занять еще Мазендаран и Астрабад, как известно, не сделала этого.

Однако вернемся к Петербургскому договору. Когда Исмаил Бек вернулся в Иран, Тахмасп отказался утвердить подписанный им договор. Опасаясь за свою жизнь, Исмаил Зек бежал в Астрахань в жил здесь на пенсию русского правительства вплоть до своей смерти в 1743 г. Все попытки русского правительства добиться утверждения Петербургского договора Тахмаспом окончились неудачей (миссии кн. Б. Мещерского в 1723 г. и Аврамова в 1724 г.) [20, с. 2].

В декабре 1725 г. Тахмасп понес тяжелое поражение от афганской армии и очутился в очень трудном положении, без союзников. В этих условиях, в марте 1726 г. он отправил посла в Россию, который должен был урегулировать спорные вопросы в русско-иранских отношениях. Однако к этому времени, после смерти Петра I, планы России относительно Персии изменились. Посол Тахмаспа был задержан в Гиляне князем Долгоруким, командующим русскими войсками в Иране. Л. Локкарт пишет, что Долгорукий имел от Екатерины I инструкции уступить Тахмаспу собственно иранские территории – Мазендаран, Астрабад и Гилянв обмен на признание Тахмаспом российского суверенитета над частьюДагестана и Ширвана [21, с. 345-346]. Этот факт показывает, что Россия, даже в изменившейся внутри – и внешнеполитической обстановке, даже ценой уступки весьма выгодных позиций в Иране, хотела удержать за собой кавказ-

ские земли – в Дагестане и Азербайджане.

Переговоры между кн. Долгоруким и послом Тахмаспа не привели в тот момент к заключению нового русско-иранского соглашения. Л. Локкарт считает, что этого не произошло из-за смерти Екатерины I, и, самое главное, из-за того, что положение Тахмаспа к весне 1727 г. улучшилось и он прервал переговоры, не желая делать России какие-либо территориальные уступки на Кавказе [22, с. 346]. Тем не менее, тесные дипломатические контакты между русским правительством иТахмаспом продолжались вплоть до конца 20-х гг.

Несколько тенденциозно в зарубежной исторической литературе рассматриваются русско-турецкий (Стамбульский) договор 1724 г. и связанные с ним события. По этому договору Турция признавала принадлежность России прикаспийских провинций, как (добровольно) уступленных шахом по Петербургскому договору 1723 г. Кроме того, за Россией закреплялись прибрежная полоса шириной 11 верст у Дербента и 43 версты у Шемахи. В свою очередь, к Турции отходили Закавказье и ряд иранских провинций, в том числе такие крупные города, как Хамадан и Керманшах. Турция добилась еще одной крупной победы по этому договору – на части территории южного Дагестана и Ширвана создавалось так называемое Шемахинское ханство во главе с Дауд Беком, находящееся под покровительством Порты [23, с.42-45]. Таким образом, Турция получила очень важный плацдарм для дальнейшего проникновения на Северный Кавказ. По этому же договору Россия и Турция обязывались помочь Тахмаспу в возвращении персидского престола и гарантировали независимость Ирана.

Л. Локкарт, Р.В. Ольсон, С. Хуревитц, Р.К. Рамазани называют Стамбульский договор соглашением о разделе Ирана. Л. Локкарт считает его предтечей разделов Польши в конце XVIII в. [24, с. 237] Р.К. Рамазани высказывается еще более резче: «В результате афганской, русской и турецкой оккупации Иран потерял свой территориальный суверенитет и политическую независимость», – пишет он [25, с. 22].

Как видим, Россия тут поставлена в один ряд с афганскими и турецкими захватчиками, действительно занявшими большую часть Ирана. Россия же из собственно иранских провинций заняла только одну – Гилян, да и ту оставила мирно в 1732 г., когда исчезла угроза захвата ее со стороны Турции. Излишне говорить, что русская армия не создала в Гиляни оккупационный режим, вопросы внутреннего

самоуправления были полностью оставлены в руках местных, иранских властей. Наконец, разграничение сфер влияния на Кавказе и в Иране между Россией и Турцией было в тех конкретно-исторических условиях единственной возможностью предотвратить новую русско-турецкую войну. Кстати, последнее признают и вышеназванные авторы, хотя тут же и отмечают,что инициатором «раздела Ирана» явилась Россия.

Почти все зарубежные историки-кавказоведы и востоковеды скептически относятся к персидскому походу Петра I, принижают значение деятельности России на Кавказе в 20-е гг. XVIII в. для ее последующего закрепления здесь, практически игнорируют тяготение кавказских народов к России уже в тот период. Джон Ф. Бэддли отмечал, что в результате действия русской армии на Кавказе и в Персии в 20-е годы XVIII в. «мало что было достигнуто», что они «содействовали мало или вообще не содействовали прямо завоеванию Кавказа» [26, с. 30]. «Цели, которые ставил перед собой Петр в персидском походе и цели его преемников были выполнены только частично, – пишет Л. Локкарт. Попытки Петра сделать Россию транзитным путем вместо Турции в торговле Персии с Европой были осуществлены только отчасти, в то время как его попытки наладить торговлю с Индией по Каспийскому морю вообще ничего не дали. Может быть, если бы Петр прожил дольше, результаты и были бы иными» 27, с. 349].

О результатах деятельности российской армии, администрации и дипломатии на Северо-Восточном Кавказе и Закавказье в 20-е годы XVIII в. нельзя судить, как это делают зарубежные историки, по тому, что Россия потеряла позже (вернула Ирану) (по русско-иранским договорам 1732 и 1735 гг.). Тем более, что все приобретенные в тот период территории, не имела прямых экономических выгод. «…Персидский поход Петра I, по сравнению с предшествующими походами российских войск на юг, был намного масштабнее и результативнее и фактически знаменовал собой начало широкого наступления России на Кавказ. С точки зрения отношений России с восточными деспотиями – Портою и Ираном, отмеченный поход, подобно предшествующим, по своему характеру был оборонительным, с той лишь разницей, что Петр I собирался более активно защищать то, что представляло для него наибольшую важность как для упрочения завоеванного, так и для обеспечения успеха последующей экспансии. Геополитические последствия похода как для России, так и

для Кавказа очевидны и бесспорны: он обеспечил безопасность юго-восточных границ России, содействовал оживлению национально-освободительного движения народов Кавказа, прочно оградил Дагестан от агрессии османов» [28, с. 171].

Но в целом, политика России на Кавказе в 20-е годы XVIII века, бесспорно, имела положительные итоги. Дагестан и прикаспийские провинции были избавлены от турецкого нашествия, значительно укрепились экономические, политические и культурные связи народов Северного Кавказа с Россией. Каспийский поход Петра I в значительной степени активизировал борьбу кавказских народов против турецких и иранских завоевателей.

Литература

1. Firuz Kazemzaden. Russian Penetration of the Caucasus // Russian Imperialism from Ivan the great to the Revolution. – New Jersey, 1974. P. 238.
2. John F. Baddeley. The Russian conquest of the Caucasus (914-1859). London-Calcutta, 1908. P. 23; Firuz Kazemzaden. Russian Penetration of the Caucasus. P. 243; Cemal Gökce. Kafkasya ve osmanli Imparatorlugu´num Kafkasyasiaseti. Istanbul, 1979. P. 30-31.
3. Рахаев Дж. Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в.М., 2012. С. 159.
4. Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX-начало XX в.). М.: ИД «Ключ-С». С. 11.
5. L. Lockhart. The fall of the Safavi Dynasty and the Afgan occupation of the Persia.Cambrige, 1958.P. 177; R.K. Ramazani.The foreign policy of Iran.A Developing Nation in World Affairs.1500-1941. Charlotteswill, 1966.P. 20; W.E.D. Allen. The Caucasus // The Baltic and Caucasian States. London, 1923.P. 193; Muriel Atkin.Russia and Iran. 1780-1826. Minneanolis,1980. P. 4; R.W.Olson.The Siege of Mosul and Ottoman-Persian relations.1718-1743. Bloomington, 1975.P. 45; C. Hurewitz.Diplomacy in the Near and Middle East.ADocumentaryRecords: 1535-1914. Vol. 1.NewYork, 1972. P. 42.
6. Маркова О.Л. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 27.
7. John F. Baddeley. The Russian Conquest of the Caucasus.914-1859. P. 28; L. Lockhart.The fall of the Safavi Dynasty ... P. 187; Sykes Percy.History of Persia. Vol. II. London, 1956.P. 233; M. Atkin. Russia and Iran.1780-1826. Minneanolis, 1980.P. 4.
8. L. Lockhart. The fall of the Safavi Dynasty ... P. 187.
9. Ibid. P. 219.
10. R.K. Ramazani. The foreign policy of Iran.A Developing Nation in World Affairs.1500-1941. Charlotteswill, 1966.P. 24.
11. L. Lockhart. The Fall of the Safevi Dynasty … P. 214.
12. Cemal Gökce. KafkasyaveosmanliImparatorlugu´numKafkasyasiaseti. Istanbul, 1979.P. 41-42 идр.
13. R.W. Olson. The Siege of Mosul and Ottoman-Persian relations.1718-1743. Bloomington, 1975. P. 42-43.

14. Ibid. P. 44-45.
15. Ibid. P. 46-47; L. Lockhart. The Fall of the Safevi Dynasty … P. 216-219.
16. РахаевДж.Я. Указ. соч. С. 167.
17. L. Lockhart. The Fall of the Safevi Dynasty … P. 248.
18. Ibid.
19. Сухоруков С.А. Иран между Британией и Россией: от политики до экономики. СПб.: «Алетейя», 2009. С. 42.
20. АВПРИ. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 77/1, 1723-1733 гг. Д. 18. Л. 2 об.
21. L. Lockhart P. 345-346.
22. Ibid. P. 346.
23. C. Hurewitz. Diplomacy in the Near and middle East... P. 42-45.
24. L. Lockhart. The Fall of the Safavi Dynasty ... P. 237.
25. R.K. Ramazani. The foreign Policy of Iran ... P. 22.
26. John F.Baddeley. The Russian conquest of the Caucasus.P. 30.
27. L. Lockhart. The Fall of the Safavi Dynasty ... P. 349.
28. Рахаев Дж.Я. Указ.соч. С. 171.

УДК 94(470)16/18

ТОРГОВЛЯ ЧЕЧЕНЦЕВ С КАЗАКАМИ ЛЕСОМАТЕРИАЛАМИ И ИЗДЕЛИЯМИ ИЗ ДЕРЕВА В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Хизриев Хаджи Ахмедович
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИГИ Академии наук Чеченской Республики и КНИИ им. Ибрагимова Х.И. РАН
hizriev41@mail.ru

Аннотация. *В предлагаемой статье исследуется вопрос торговли чеченцев с казаками лесоматериалами и изделиями из дерева в период Кавказской войны. Подчеркивается, что Чечню природа богато наделила лесом, а казаки, живущие на левом берегу р. Терек, не имели его. На этой основе завязались торговые связи лесоматериалами, выгодные обеим сторонам. Отмечается, что чеченцы не допустили у себя крепостное право и в изучаемый период оставались свободными производителями, и самостоятельными распределителями. Это дало мощный толчок для экономического развития Чечни и возможность для торговли не только хлебом, скотом, ремесленными изделиями с Россией, но и лесоматериалами и изделиями из дерева — досками, брусьями, столбами, плетнями, жердями, дровами, лодками (каюки), сохами, колодами, кольями, таркалами, слегами, арбами, колёсами. Эти товары пользовались большим спросом у терско-гребенских казаков, так как они нуждались в них для жилищного и хозяйственного строительства.*

Ключевые слова: *чеченцы, казаки, торговля, доски, брусья, столбы, дрова, сохи, лодки.*

Чечню природа богато наделила лесом, а казаки, живущие на левом берегу р. Терек, не имели его. На этой основе завязались торговые связи лесоматериалами, выгодные обеим сторонам. Лесоматериалы и изделии из дерева — доски, брусья, столбы, плетни, жерди, дрова, лодки (каюки), сохи, колоды, колья, таркалы, слеги, арбы, колеса и др. товары пользовались большим спросом у терско-гребенских казаков, так как они нуждались в них для жилищного и хозяйственного строительства. Чеченцы хотели сохранить давнишние куначеские и торговые связи с казаками, кроме того они на вырученные деньги за свои товары могли приобрести русские товары фабрично-заводского производства. Лесом были покрыты не только горы, но и Чеченская наклонная плоскость до р. Сунжи. Однако, в первой половине XIX в. шла Кавказская война и царские генералы, начиная с А.П. Ермолова, решили, что лес является большой помехой для ведения боевых действий. Они заставляли солдат уничтожать лес

прорубкой широких просек, а иногда сплошной рубкой. Эти действия в своих произведениях хорошо описал великий русский писатель Л.Н. Толстой в рассказе “Рубка леса” и повести “Хаджи-Мурат”.

Актуальность изучения торговых связей заключается в том, что они позволяют раскрыть причины и условия сближения чеченцев с русскими, а также показать прогрессивные последствия включения Чечни в состав России. Новизна изучения поднятых вопросов заключается в том, что через хозяйственное общение с русскими чеченское крестьянство втягивалось в сферу всероссийского рынка и мирового хозяйства. Источниками для изучения вопроса являются отчеты начальников меновых дворов, которые в свое время хранились в Госархиве ЧИАССР. Теперь, с гибелью местного архива, приходится пользоваться материалами Государственного архива Ставропольского края (ГАСК). По торговым связям Чечни имеются статьи Н.П. Гриценко [4], Ф.В. Тотоева [4], Г.А. Гантемировой [2] и Ш.Б. Ахмадова [1]. Некоторые сведения о торговле чеченцев имеются в работах А.В. Фадеева [10], Т.Х. Кумыкова [6], С.А. Чекменёва [11].

В предлагаемой статье исследуется вопрос торговли чеченцев с казаками лесоматериалами и изделиями из дерева в период Кавказской войны. В сборнике документов составленном К.Х. Кумыковым [9] приведены отчеты за 7 лет о товарах, привезенных для продажи из Малой Кабарды в Моздок, где нет не одной арбы, других изделий из дерева и лесоматериалов. Кабардинцы в основном свои лесоматериалы вывозили на продажу в Прохладненский, Известнобродский и Пятигорский меновые дворы. Поэтому чеченцы свои новые арбы, другие изделия из дерева и лесоматериалы привозили в Моздок ежедневно, ежемесячно и при том, большими партиями. Так как по арбам и запасным частям к ним нами издана отдельная работа они не будут рассматриваться в данной статье [13].

Например, **в 1849 г.** в Моздокском меновом дворе чеченцами было продано брусьев - 461 арба за 2035 р. 50 коп., дров - 1648 арб за 2472 р., досок - 236 арб за 994 р., каюков (лодок) - 38 арб за 264 р., кольев - 170 арб за 340 р., плетней - 1 арба за 2 р., слег (жердь) - 97 арб за 291 р., углей - 10 арб, за 30 р. **и выручено 6698 р. 50 коп.** [15]**. В 1850 г.** продано брусьев — 102 арбы за 510 р., дров — 1529 арб за 2968 р. 50 коп., досок — 140 арб за 700 р., каюков (лодок) — 34 арб за 510 р., кольев — 47 арб за 141 р., слег (жердь) — 212 арб за 636 р., турлуку — 26 арб за 104 р. **и выручено 5569 р. 50 коп.** [16]**. В 1851 г.** продано брусьев — 498 арб за 2490 р., дров — 2407 арб за 7221 р., до-

сок — 143 арб за 715 р., каюков (лодок) — 30 арб за 210 р., колод (короткое бревно) — 26 арб за 208 р., слег (жердь) — 286 арб за 858 р., сох — 33 арб за 132 р., столбов — 7 арб за 42 р. **и выручено 11876 р.** [17]**. В 1852 г.** продано брусьев — 325 арб за 1625 р., дров — 1874 арб за 5622 р., досок — 76 арб за 780 р., каюков (лодок) — 37 арб за 259 р., кольев — 186 арб за 558 р., слег (жердь) — 79 арб за 216 р., углей — 10 арб за 20 р. **и выручено 9342 р.** [18]**. В 1853 г.** продано брусьев — 369 арб за 1845 р., дров — 1796 арб за 5388 р., досок — 144 арбы за 720 р., каюков (лодок) — 21 арба за 147 р., колодов (короткое бревно) — 24 арбы за 336 р., кольев — 273 арбы за 819 р., плетней — 6 арб за 12 р., слег (жердь) — 39 арб за 117 р., столбов — 78 арб за 312 р., сох — 23 арбы за 92 р., турлуку — 205 арб за 615 р., хворосту — 17 арб за 17 р. **и выручено 10426 р.** [19].

За 5 лет от продажи лесоматериалов и изделий из дерева в Моздоке чеченцы получили доход в сумме 43911 рублей, не считая 34518 р. полученных от продажи арб и запасных частей к ним. Это значительная сумма того времени. Однако из 4 меновых дворов, где в основном чеченцы торговали не во все дворы доставлялись лесоматериалы. Например, в Амир-Аджиюртовский меновый двор - так как он располагался на территории Чечни. Мало лесоматериалов привозили и в Червленский двор. С Моздоком может сравниться только Кизлярский меновый двор. Рассмотрим его.

Ведомость показателей Моздокской карантинной заставы о товарах за 1853 г. [19, л. 263 об. – 266 об.].

Название товаров, привезенных на меновый двор		В 1853 г.		
		Количество, мера	На сумму серебром	
			Рубли	Коп.
1.	Брусьев	369 арб	1845	-
2.	Бурок	192 шт.	576	-
3.	Воску	17 пуд	306	-
4.	Горшков глиняных	9 арб	74	-
5.	Дров	1796 арб	5388	-
6.	Досок	144 арбы	720	-
7.	Каюков	21 арба	147	-
8.	Колодов	24 арбы	336	-
9.	Кольев	273 арбы	819	-
10.	Колес	478 арб	2868	-
11.	Крючьев	223 арбы	892	-
12.	Курпеев	328 шт.	328	-
13.	Козлов выделанных	375 шт.	375	-

Название товаров, привезенных на меновый двор		В 1853 г.		
		Количество, мера	На сумму серебром	
			Рубли	Коп.
14.	Масла коровьего	113 пуд	565	-
15.	Мёду	604 пуд	2416	-
16.	Ноговиц	579 шт.	289	-
17.	Новых арб	661 шт.	4626	-
18.	Осей	368 арб	2208	-
19.	Обручей	46 арб	184	-
20.	Овчин невыделанных	7158 шт.	1431	-
21.	Орехов крупных	210 пуд	420	-
22.	Орехов мелких	70 пуд	105	-
23.	Проса	928 мер	2724	-
24.	Плетней	6 арб	12	-
25.	Сукна	7777 арш.	777	-
26.	Сена	1621 арб	3256	-
27.	Слег	39 арб	117	-
28.	Сала говяжьего	139 пуд	417	-
29.	Столбов	78 арб	312	-
30.	Сох	23 арбы	92	-
31.	Турлуку	215 арб	615	-
32.	Туфлей	250 шт.	50	-
33.	Хворосту	17 арб	17	-
34.	Черкесок	1263 шт.	3789	-
35.	Шкур воловьих	870 шт.	2616	-
36.	Лисьих	273 шт.	819	-
37.	Куничьих	26 шт.	60	-
38.	Кошачьих	64 шт.	19	-
39.	Заячьих	94 шт.	19	-
40.	Шерсти овечьей	20 пуд	40	-
41.	Яблоков	30 пуд	90	-
Итого				-

В 1849 г. в Кизлярском меновом дворе было продано дров — 692 арбы за 4844 р., досок — 24 арбы за 240 р., бочек порожних — 154 шт. за 462 р., лопат деревянных — 125 шт. за 125 р., посуды деревянной — 2 арбы за 33 р., чашек деревянных — 140 шт. за 28 р. и еще одна арба за 25 р., таркалу— 49 ароб за 98 р. и выручено 7022 р. [20]. В 1850 г. продано лесу делового — 64 арбы за 256 р., посуды деревянной — 5 арб за 40 р., чашек деревянных — 1 арба за 10 р., сундуков — 2 шт. за 2 р., сёдел — 1 шт. за 5 р., трубок деревянных — 2816 шт. за 2816 р., угольев — 216 арб за 1090 р. и выручено 6699 р. [21]. В 1851 г. продано брусьев (лесу делового) — 200 арб за 1176 р., дров — 704 арб за 1271 р., кольев — 21 арба за 210 р., трубок деревянных — 4000 шт. за 350 р., бочек деревянных — 151 шт. за 667 р., углей — 72

арбы за 408 р. и выручено 4082 р. [22]. В 1852 г. продано дров — 713 ароб за 2139 р., лесу делового — 760 арб за 7137 р., трубок деревянных — 372 шт. за 1055 р., таркалу — 2040 ароб за 6120 р., угольев — 175 ароб за 1471 р. 50 коп., чашек деревянных — 500 шт. за 350 р., сёдел — 40 шт. за 150 р. и выручено 18422 р. [23]. В 1853 г. продано дров — 539 арб за 1617 р., угольев — 209 арб за 1254 р., лесу делового — 321 арб за 1605 р., сёдел 200 шт. за 1000 р., чашек деревянных — 290 шт. за 145 р., таркалу — 1235 арб за 2470 р., сох —196 арб за 980 р., лопат деревянных — 8 арб за 80 р., брусьев дубовых — 1136 шт. и 16 арб за 3408 р., трубок деревянных 2960 шт. за 400 р., кольев — 17 арб за 51 р., бочек порожних — 3418 шт. за 10254 р. и выручено 22864 р. [24].

От продажи лесоматериалов и изделий из дерева в Кизляре за 5 лет чеченцы получили доход в сумме 59089 р., что может быть сравнимо с доходом от продажи ремесленных изделий. Приведенный нами архивный материал убедительно показывает, что лесоматериалы и чеченские изделия из дерева пользовались большим спросом у терско-гребенских казаков, так как они остро нуждались в них. Этих товаров набиралось более 25 названий: лодки (каюки), сохи, арбы, колёса, деревянных трубок, деревянных чашек, деревянных лопат, бочек, деревянной посуды, сундуков, сёдел, доски, брусья, столбы, плетни, жерди, колоды (короткое бревно), колья, таркалы, слеги (жерди), арбы, колёса, спицы, ступицы, оси и др. Конечно, не все названия изделий из дерева попали в список меновых дворов. Значительная их часть пользовалась спросом во внутреннем рынке, и в собственном потреблении.

Из дерева делали многие хозяйственные орудия труда и изделия: деревянные сохи, лопаты, вилы, грабли, бороны, катки, ручные мельницы, кадушки, бочки, ступки, сундуки, лари, двери, окна, столы, стулья, сани, корыта, улья, седла, ярмы, приклады для ружей, лодки, ткацкие станки, токарные станки, шкафы, ящики, кровати, топчаны, скамейки и др. Домашняя посуда также в основном состояла из дерева: чашки, миски, тарелки, ложки, вилки, черпаки, шумовки, половники, кружки, подносы, доски для теста, кубки, бокалы и т.д. По всей линии Ачхой-Мартан – Гехи – Урус-Мартан – Чечен-аул – Шали – Гудермес – Ойсхар – Ишхой-юрт – Ножай-юрт – Зандак – Беной стучали топоры плотников по обработке дерева, особенно чеченских мастеров арб. Вереница арб ежедневно двигалась по Чечне в Моздок и Кизляр. Чечня была покрыта лесом разных пород. И было много

мастеров своего дела. Вообще изготовление арб и деревообработка в целом заслуживает диссертационного исследования наряду с оружейным и шерстяным производством [13, с. 341].

Торговым центрами в Чечне были Старый-юрт (Толстой-юрт), Брагуны, Старая Сунжа, Алды, Чечен-аул, Старые Атаги, Шали, Гудермес, Гехи, Ведено, Дарго, Шатой и др. [3,7]. Представляет интерес и количество чеченских торговцев, посещавших тот или иной меновый двор. Например, по Амир - Аджиюртовскому меновому двору за 1849 год о прибывших торговать сообщается: «от евреев и кумык до 45 человек и чеченцев до 2500 человек» [25, л. 5 об.]. Есть сообщение и о Червленском меновом дворе за 1848 год: «от чеченцев, евреев, брагунцев» – 4850 человек [26, л. 17 об.]. Моздок в разные годы посещали от 3,5 до 7,5 тысяч торговцев – в основном из Чечни и Кабарды. Однако основным торговым центром на Северном Кавказе в XVIII – 1 пол. XIX в. оставался город – крепость Кизляр. В 1849г. меновый двор Кизляра посетили 15 тысяч торговцев «от чеченцев и кумыков» [17, л. 26 об.]. Здесь половина торговцев были выходцы из Чечни.

Ведомость показателей Кизлярской карантинной заставы о товарах за 1849 г. [20, л. 2 об. – 3 об.].

Название товаров, привезенных на меновый двор		В 1849 г.		
		Количество, мера	На сумму серебром	
			Рубли	Коп.
1.	Бурок шерстяных	121 шт.	605	-
2.	Бочек порожних	154 шт.	462	-
3.	Воску	4 пуд	32	-
4.	Визиги	6 пуд	18	-
5.	Горохов	71 мерки	72	-
6.	Груш сушенных	19 ароб	190	-
7.	Дров	600 арб	1200	-
8.	Делового лесу	692 арбы	4844	-
9.	Досок	24 арб	240	-
10.	Дуль сушеных	5 мешков	25	-
11.	Замков ружейных	100 шт.	100	-
12.	Зипунов	44 шт.	88	-
13.	Икры	409 пуд	1227	-
14.	Извести	13 арб	39	-
15.	Камней надгробных	18 шт.	36	-
16.	Козлов горской выделки	5030 шт.	5030	-
17.	Курпеев	1500 шт.	1500	-
18.	Кож воловьих невыделанных	2313 шт.	6939	-
19.	Выделанных	9 шт.	45	-
20.	козлиных	205 шт.	102	50

Название товаров, привезенных на меновый двор		В 1849 г.		
		Количество, мера	На сумму серебром	
			Рубли	Коп.
21.	Клею рыбьего	7 пуд	21	-
22.	Краски корня марены	1060 чувал	4240	-
23.	Кинжалов	174 шт.	552	-
24.	Луку	211 мешков	422	-
25.	Луку	219 ароб	290	-
26.	Лопат деревянных	125 шт.	125	-
27.	Лобии	36 пуд	144	-
28.	Лобии	26 арб	832	-
29.	Масла коровьего	5 пудов	40	-
30.	Муки кукурузной	3 пуд	15	-
31.	Моркови	8 мер	16	-
32.	Мишины	20 шт.	20	-
33.	Нефти	25 бочек	750	-
34.	Ноговицы	224 пар	224	-
35.	Нефти	102 пуд	100	-
36.	Ножей азиатских	200 шт.	100	-
37.	Орехов грецких	169 арб	4380	-
38.	Орехов грецких	33 пуд	66	-
39.	Орехов грецких	1 мешок	6	-
40.	Овса	1 четверть	3	-
41.	Овчин	40 шт.	20	-
42.	Пшена сарачинского (рис)	843 мерок	5058	-
43.	Пшеница	98 саб	98	-
44.	Посуда глиняная	20 арб.	240	-
45.	Посуда деревянная	2 арб.	30	-
46.	Проса	37 мер	18	50
47.	Пистолетов	46 шт.	690	-
48.	Патронов деревянных приборов	36 шт.	36	-
49.	Парусины	190 аршин	47	50
50.	Паласов шерстяных	16 шт.	64	-
60.	Ружьев	34 шт.	782	-
61.	Рыба соленная	2 арб	60	-
62.	Рыба соленная	10 пуд	50	-
63.	Сало курдучьего	6 пуд	90	-
64.	Сапоги солдатские	108 пар	108	-
65.	Сумм переметных	18 шт.	36	-
66.	Сукно азиатское	98 концов	490	-
67.	Сукно азиатское	120 аршин	60	-
68.	Трубок черепяных	800 шт.	96	-
69.	Таркалу	49 арб	98	-
70.	Уздечек	24 шт.	24	-
71.	Угольев	65 арб	320	-
72.	Фруктов	76 арб	6080	-
73.	Черемши	5 арб	150	-
74.	Чехлов ружейных	40 шт.	40	-
75.	Чушек пистолетных	50 шт.	25	-
76.	Черкесок	371 шт.	1113	-

Название товаров, привезенных на меновый двор		В 1849 г.		
		Количество, мера	На сумму серебром	
			Рубли	Коп.
77.	Чевяк козловых	254 шт.	50	80
78.	Чашек деревянных	140 шт.	28	-
79.	Чашек деревянных	1 арб	25	-
80.	Шуб овчинных	314 шт.	942	-
81.	Шапок овчинных	249 шт.	249	-
82.	Шкур лисьих	338 шт.	676	-
83.	Шкур куньих	9 шт.	27	-
84.	Кошачьих шкур	49 шт.	8	40
85.	Шкур заячьих	40 шт.	6	-
86.	Шерсти овечьей	30 пуд	90	-
87.	Шашек азиатских	4 шт.	100	-
88.	Юфты	3 шт.	18	-
89.	Ячменя	133 мер	89	80
90.	Яблок свежих	15 арб	150	-
91.	Яиц куриных	500 шт.	1	25
92.	Курей	50 шт.	5	-
93.	Индюков	5 шт.	5	-
Итого				-

О значительных изменениях в общественном развитии чеченского общества, о проникновении товарно-денежных отношений в сельское хозяйство свидетельствуют отчеты меновых дворов о привезенных на продажу не только оружия, сельхозпродукции, нефти, шерстяных изделий, но и лесоматериалов и изделий из дерева. На меновых дворах чеченцы свои товары продавали и на вырученные деньги в большом количестве покупали русские товары фабрично-заводского производства, или которых у них не было. Это сахар, конфеты, пряники, соль, зеркала, ситец, тетради, бумага, платки, парча, чай, мыло, синька, нитки, иголки, наперстки, чулки, шелковые материи, хлопчатые материи, стеклянная посуда, туфли, часы настенные, фабрично-заводские изделия – косы, серпы, замки, утюги, гвозди, чайники, тазы, даже приобретали книги, картины, духи, свечи и другие товары. Русских товаров ежегодно привозилось и продавалось более чем на 100 – 300 тысяч рублей, т.е. 4-5 раз больше чем горских товаров, что свидетельствовало о неравноценности торговли. Тем не менее, в конечном итоге это способствовало к ускоренному вовлечению Чечни во Всероссийский рынок, несмотря на ее колониальный характер [12].

Как видим, развитие России по капиталистическому пути оказывало серьезное влияние на социально-экономическое положение Чеч-

ни и, вовлекая её во всероссийский рынок способствовало проникновению капиталистических отношений в Чечню во 2-ой пол. XVIII – 1ой пол. XIX века. Приведенный материал документально подтверждает, что чеченцы в основном занимались производительным трудом и торговлей, а война являлась защитной реакцией против колониальной политики царизма [14, с. 76].

Литература

1. Ахмадов Ш.Б. Роль меновых дворов в развитии торговли Чечни с народами Северного Кавказа и России в первой половине XIX века. // Известия ЧГПИ, Грозный, 2013, №1 (7). С. 100-108.
2. Гантемирова Г.А. Хозяйственное развитие народов Чечено-Ингушетии в первый пол. XIX в. и вопросы общественных отношений. // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.). Грозный, 1982. С. 31-41.
3. Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801–1815 годы). Нальчик «Эль–фа», 2003, 490 с.
4. Гриценко Н.П. Экономические связи России с Северным Кавказом в 40-х годах XIX в. // Известия ЧИНИИИЯЛ, т. II, вып. 1, Грозный, 1960. С. 20-30.
5. Гарсаев Л.М., Гарсаева М.М., Шаипова Т.С. Мужская одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX веков. Саратов, 2009, 192 с.
6. Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962, 200 с.
7. См.: Ахмадов Ш.Б., Гапуров Ш.А. Спорные вопросы истории Чечни XVIII – XIX веков // Чеченская республика и чеченцы: история и современность. М., «Наука», 2006. С. 411-434.
8. Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая пол. XVIII – 40-е годы XIX в.) // Известие СОНИИ, т. 25, Орджоникидже, 1966. С. 154 – 168.
9. Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40-50-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. (Составитель Т.Х. Кумыков). Нальчик, «Эль-фа», 2005, с. 91.
10. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. Изд-во АН СССР, М., 1957. 260 с.
11. Чекменёв С.А. Из истории меновой торговли с горскими народами на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Из истории Карачаево-Черкессии. Труды КЧНИИ. Вып. 6, серия историческая. Ставрополь (кн. изд.), 1970. С. 272-298.
12. Хизриев Х.А. Сельхозпродукты Чечни на торговых рынках России в первой половине XIX в. // Вестник Академии наук ЧР. Грозный 2018 с. 50-51
13. Хизриев Х.А. Значимость чеченских арб в торговом обороте на юге России в первой половине XIX в.// Материалы конференции ППС, посвященной 80-летию ЧГУ. Грозный, 2018. С. 338 – 344.
14. Хизриев Х.А. Вовлечение Чечни во Всероссийский рынок и эволюция чеченского общества первой половины XIX в. // Вестник Академии наук ЧР. Грозный 2018. С. 67-77.
15. Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК). Ф. 20. Оп.1.Д. 64. Л. 14 об.
16. ГАСК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 165. Л. 458 об.
17. ГАСК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 659. Л. 25 об. – 26 об.
18. ГАСК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 282. Л. 446 об. – 448 об.
19. ГАСК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 336. Л. 263 об. – 266 об.

20. ГАСК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 164. Л. 2 об. – 3 об.
21. ГАСК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 165. Л. 465-466.
22. ГАСК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 659. Л. 21 об. – 24 об.
23. ГАСК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 282. Л. 442-442 об.
24. ГАСК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 336. Л. 270-272 об.
25. ГАСК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 252. Л. 5 об.
26. ГАСК. Ф. 70. Оп. 2. Д. 306. Л. 17 об.

УДК 93/94

К ВОПРОСУ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ЧЕЧЕНЦЕВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Гарсаев Лейчий Магамедович
доктор исторических наук, профессор кафедры история Чечни ФГБОУ ВО «ЧГУ», г.н.с. КНИИ имени Х.И. Ибрагимова РАН, зав. отделом этнологии ИГИ АН ЧР
garsaev52@mail.ru
Гарасаев Ходжа-Ахмед Магомедович
исследователь-востоковед

Аннотация: *В статье рассматриваются причины, этапы переселения чеченцев на территорию Османской империи в 1865 г. Авторы считают, что основной причиной к переселению мусульманского населения Северного Кавказа, наряду с другими, послужило пленение Шамиля в 1859 г. с последующим покорением региона.*

Ключевые слова: *Кавказская война, Россия, Турция, чеченцы, российско-турецкие переговоры, мухаджирство.*

Переселения северокавказских горцев на Ближний Восток в XIX – начале XX в. представляют собой многоплановый процесс, имеющий большую актуальность, а также очень важное научное и практическое значение. В последнее время после падения известных барьеров, разделявших российский мир и зарубежный Восток, и пробуждение национального самосознания, проблематика исторических взаимосвязей Ближнего Востока с Северным Кавказом приковывает к себе все большее внимание. До сих пор она оставалась плохо изученной по многим причинам.

В советское время, особенно в нашем регионе, на изучение проблем зарубежного Востока в целом в кавказоведческой исторической науке функционирующими режимами было наложено табу, хотя эти регионы издавна имели тесные культурные, религиозные, политические и даже родственные связи. Общеизвестно, что Северный Кавказ еще в средние века входил в сферу основных интересов мощной Османской империи.

Как отмечают многие исследователи (Ш.А. Гапуров, А.А. Ганич, С.-Э.С. Бадаев, Л.М. Гарсаев, Х.-А. Гарасаев), в XIX в. народы Ближнего Востока и Северного Кавказа явились объектом колониальных притязаний. Окончательное насильственное присоединение Северного Кавказа к Российской империи происходило в ходе длительной и кровопролитной Кавказской войны XIX в., в результате которой зна-

чительная часть населения Северо-Западного Кавказа (и отчасти Северо-Восточного) вынужденно эмигрировала в Османскую империю. В результате на Ближнем Востоке сложилось новое крупное этнокультурное образование – т.н. «черкесская диаспора», в которую вошли и представители разных народов Северного Кавказа. В том числе немало и вайнахов, которые в арабских источниках часто упоминаются как ***шишане***.

Согласно полевому материалу и другим разнообразным источникам, больше всего в диаспоре адыгов (шапсугов, черкесов, бжедухов, кабардинцев, абазин и т.д.), более 4/5 которых переселились после окончания Кавказской войны за пределы Российской империи. В результате эмиграции (мухаджирства) историческая судьба северокавказских народов оказалась тесно связанной с Ближним Востоком, ставшим для многих из них новой родиной. Историческое развитие выше названных диаспор в силу разнообразных причин проходило в изоляции от «материнских этносов», – отмечает А.А. Ганич. Чеченская диаспора, как и черкесская, оказала немалое влияние и на развитие стран Ближнего Востока в конце XIX – начале XX в.

Тема формирования северокавказской диаспоры, включая чеченскую, на Ближнем Востоке обширна. В данной статье нет возможности осветить все связанные с ней проблемы. Если некоторые аспекты в истории черкесской диаспоры были затронуты в ряде исторических исследований как в нашей стране, так и за рубежом, то чеченская диаспора еще не являлась предметом специального исследования отечественными учеными. Однако здесь можно назвать исследование С.-Э. Бадаева, в котором, по нашему мнению, удалось весьма объективно осветить основные вопросы исследуемой темы.

Данная работа посвящена переселению чеченцев в Османскую империю после окончания Кавказской войны.

На сегодняшний день актуальность этой проблемы усиливается вследствие формирования взаимоотношений стран Ближнего Востока с мусульманскими регионами Северного Кавказа и с Россией в целом.

Особенно тесными и конструктивными являются контакты Главы Чеченской Республики, Героя России Р.А. Кадырова с руководителями арабских стран, что вселяет большую надежду на качественное улучшение всесторонних взаимосвязей нашего региона со странами Ближнего Востока, в которых проживают наши соотечественники.

Некоторые термины, используемые в работе, вызывают в научной среде споры, касающиеся их смыслового содержания. Прежде

всего это относится к понятиям «диаспора» и «мухаджирство». Чтобы избежать дальнейшей путаницы приведем толкования указанных терминов разными авторами.

Миграция народов – явление древнее, имевшее место в разные периоды истории и объясняемое многими причинами: экономическими, социальными, политическими, культурными, религиозными. Под термином же «мухаджирство» понимают массовое переселение мусульман из немусульманских стран в мусульманскую страну, чтобы не оказаться в положении религиозного меньшинства. «Мухаджиры» в буквальном переводе с арабского означает «переселенцы» или «эмигранты» – от слова хиджра – переселение. Само слово «мухаджиры» в переводе означает именно «переселенец-мусульманин из немусульманской страны». Во второй трети XIX в. так называли себя мусульмане, вынужденные покинуть места проживания, а позднее и Кавказ. Они приравнивали себя к героям раннего ислама, носящим в мусульманской традиции имя мухаджиров, – с пророком Мухаммедом (САС) и его сподвижниками, вынужденными совершить переселение (хиджру) из языческой Мекки в Ясриб (будущую мусульманскую Медину). Они находились на положении беженцев, и Пророк (САС) обратился к жителям Медины предоставить мухаджирам приют и защиту [1].

Предыстория мухаджирства уходит корнями в эпоху массовых внутренних миграций времен Кавказской войны (1817-1864). Понятие «мухаджир» получило в имамате – военно-теократическом государстве на территории Нагорного Дагестана, Чечни и Закубанской Черкесии под предводительством имама Шамиля (1834-1859) –значение почетного звания борца за веру. Во второй половине XIX в. оно распространилось на вынужденных переселенцев с российского Кавказа в Османскую империю, которых было немало бывших мухаджиров из имамата Шамиля [2].

Мухаджирство в нынешнем понимании – массовое перемещение коренного (в основном, мусульманского) населения с завоеванного Российской империей Кавказа в Османскую империю в конце Кавказской войны (1817-1864 гг.) и в последующие десятилетия (XIX – начало XX вв.). Как самостоятельное движение оно оформилось в последний период войны и послевоенное пятидесятилетие. В истории мухаджирства выделяют до шести этапов:

1. вторая половина 1850-х гг.;
2. первая половина 1860-х гг.;

3. вторая половина 1860-х –начало 1870-х гг.;
4. 1870-е гг.;
5. 1880-е и начало 1890-х гг.;
6. вторая половина 1890-х –1920-е гг.

От периода к периоду менялись не только численность эмигрантов и направление миграционных потоков, но и миграционная политика правительства. Во время войн границы между Россией и Османской империей закрылись и масштабы переселения уменьщались. Обширную диаспору северокавказских народов на просторах Османской империи и Ближнего Востока (Сирия, Иордания) составили переселенцы-мусульмане 1860-х годов, среди них численно преобладали адыги (черкесы) [3].

Переселение чеченцев, организованное русским царем в конце XIX в. и которое должно было закончиться в течение двух месяцев, превратилось для них в многомесячное мучение в условиях равнодушия и жестокости русской и турецкой администрации. Предварительная договоренность о будущем месте расселения «мухаджиров» позволила бы загонять их в бесплодные пустыни. Оба эти государства в равной степени были заинтересованы только лишь в осуществлении своих стратегических интересов на Кавказе.

Русско-турецкие переговоры по переселению горцев начались с поездки генерала М. Кундухова в апреле 1864 года в Константинополь, куда он «отправился в полной генеральской форме к министру иностранных дел Али-паше, у которого встретил очень ласковый прием, «передал ему на бумаге изложенную истину о положении дел всех кавказских горцев», об искреннем желании чеченцев переселиться в Турцию и просил милостивого их приема и удобного размещения[4]. Ему удалось добиться согласия турецкого правительства на переселение в Азиатскую Турцию пяти тысяч горских семейств, переведенных от Саганлукского хребта (в Карском пашалыке) через Топрих-кале, Манезгерд и Пашнос до озера Ван[5].

Названные выше места, безусловно, были наиболее приемлемыми для будущего поселения переселенцев. Однако это были приграничные земли, и российская власть опасалась, что размещение здесь чеченских мухаджиров может привести к нежелательным для России проблемам. По этому поводу М.Т. Лорис-Меликов писал в письме к российскому посланнику в Константинополе Н.П. Игнатьеву: «...Водворение пяти тысяч семейств в Сандунаках, ныне преимущественно населенных курдами, неминуемо отразится... на успехе бу-

дущих военных действий на них в случае войны»[6], выражая тем самым свои опасения.

Курдское население этих областей, в силу его враждебности к туркам, являлось неплохим подспорьем для России во всех военных столкновениях с Османской империей. Поэтому кавказская администрация опасалась изменения сложившегося баланса сил не в свою пользу.

Поэтому поводу М.Т. Лорис-Меликов в докладной записке Главнокомандующему Кавказской армией от 15 ноября 1864 года предложил свой план разрешения этого вопроса в трех вариантах:

Согласиться на выселение туземцев в места, обещанные генералу Кундухову турецким правительством.

2. Отклонив предложение турецкого правительства о водворении кавказских переселенцев в сопредельных нам областях Азиатской Турции, войти с ним (Фезат-паша - Авт.) в сношение: не согласится ли он водворить данных переселенцев за Эрзерумским пашалыком, в Арзингане, Диарбекире и далее, где народы эти уже не могут быть для нас опасны.

3. Если этого соглашения нельзя будет достигнуть в настоящее время, то отложить и сам вопрос о переселении горцев до более благоприятного случая...[7].

Анализ данного документа демонстрирует, что царские власти будущему месту проживания чеченцев уделяли очень серьезное внимание. Более приемлемым для России был второй вариант: поселить выходцев с Кавказа за Эрзерумским пашалыком, в районе Диарбекира, т.е. в некотором отдалении от русско-турецкой границы. 30 ноября Начальник Главного Штаба, генерал-адъютант Карцов в письме к М.Т. Лорис-Меликову сообщал: «Его императорское высочество, вполне соглашаясь с доводами, поручил мне просить посланника в Константинополе употребить все сказания к тому, чтобы склонить турецкое правительство на отвод для переселенцев из Чечни земель за Арзерумским пашалыком в окрестностях Эрзингана и Диарбекира и отнюдь не в соседстве с границей нашей»[8]. Чего и добивалась Российская сторона на переговорах с Турцией.

Получив разрешение от самых высоких инстанций, кавказская администрация начала осуществлять свой план, чтобы склонить турецкое правительство на отвод для переселенцев из Чечни земель за Арзерумским пашалыком в окрестностях Эрзингана и Диарбекира, но ни в коем случае не в соседстве с Российской границей[9].

Русскому посланнику в Константинополе Н.П. Игнатьеву было поручено употребить все старания, чтобы склонить турецкие власти к отводу земель чеченцам-переселенцам у Эрзингана и Диарбекира и он вступил в переговоры с турецким министром иностранных дел по осуществлению этой цели его российского варианта отправки чеченских переселенцев в окрестности Диарбекира сухим путем через Ахалцих. Министр иностранных дел Турции «Али-паша оставался при своем прежнем намерении», ссылаясь на большие издержки и «трудности столь долгого путешествия сухим путем по странам полудиким, где движение целого населения из пяти тысяч семейств произвело бы неизбежно столкновение с местными жителями...»[10].

Н.П. Игнатьев в этом же письме сообщал, что через некоторое время якобы Али-паша после некоторой затяжки переговоров дал свое согласие на условия России.

Помогла в этом и “тайная дипломатия” России, следствием чего стали дружеские отношения между некоторыми представителями Турции и Российской империи, выразившиеся в Указе об их награждении высшими российскими орденами[11].

Россия добилась на переговорах успеха, и переселение горцев должно было проходить по ее плану. Кавказской администрации был дан “зеленый свет” на депортацию чеченцев и карабулаков с их исторической родины. В письме Начальника Главного Штаба Кавказской армии на имя Наместника Кавказа сказано по этому поводу: ”Е.И.В. (Его императорское высочество - Авт.) изволит полагать, что с изъявлением турецким правительством согласия на водворение чеченцев в окрестностях Алеппо”, о чем уже имеется уведомление Н.П. Игнатьева..., данная мера (переселение - Авт.) не должна представлять тех существенных невыгод, с которыми было бы сопряжено поселение чеченцев и карабулаков в пограничных с нами областях османской Турции…[12].

Соглашаясь на российские условия, турецкие власти, видимо, не совсем отдавали отчет своим действиям, так как самый конец переселения 3 апреля 1865 года или от 19 зилькаде 1281 года хиджры, в письме министра внутренних дел Турции к эрзерумскому генерал-губернатору сообщалось, что чеченцы-переселенцы будут поселены внутри Анатолии, относительно же назначения им необходимых мест жительства будет особое распоряжение, о котором ему сообщалось позже[13]. Но, как показали дальнейшие события, данное распоряжение не было выполнено, так как бесплодные пустыни из песков и

камней не могли стать местом жительства переселенцев даже при всем желании и обрекали на гибель тысячи людей, хотя турецкий министр и просил в своем письме к Эрзерумскому губернатору переселенцев принимать “хорошо и приложить старание о спокойном и благополучном препровождении их в места, которые им будут назначены”[14].

Российская администрация, успешно для себя завершив подготовительную работу, приступила к выполнению самого процесса переселения горцев; решая технические вопросы, связанные с отправкой и принятием переселенцев, обеспечением их пищей, топливом и т.д.

Было все аккуратно распланировано: определили графики движения транспорта и их маршруты, пункты ночлега и питания людей и т.д.[15].

Для наблюдения за выполнением российско-турецких договоренностей в Турцию специально был направлен капитан Генштаба Зеленый. Ему было поручено “...обратить внимание на план, чтобы чеченцы при переходе их через границу вовсе не были поселены в пограничных с нами областях, а были бы направлены к тем пунктам, которые указаны для поселения чеченцев, за Арзерумом преимущественно, если окажется возможным, в окрестностях Эрзингана, Алеппо и Диарбекира, а в случае, если дойдут слухи и сведения о том, что чеченцы поселяются под разными предлогами в пограничных с нами пашалыках - Ванском, Карском, Трапезундском и Баязетском, то об этом безотлагательно заявить турецким властям и просить соответствующих с их стороны распоряжений о дальнейшем сопровождении переселенцев к местам их поселения...”[16].

По сегодняшний день спорным остается вопрос о причинах, сподвигших горцев Северного Кавказа покинуть свою родину и переселиться в чужую страну. Исследователи озвучили несколько основных: от неспособности малочисленных народов противостоять регулярной русской армии, насчитывавшей сотни тысяч солдат, до неопределенности в земельном вопросе (Х.О. Лайпанов, В.К. Гарданов). Зарубежные авторы основной побудительной силой к переселению называют ислам, желание горцев жить в стране правоверных и не подчиняться «гяурскому» царю.

По нашему мнению, основной причиной переселения явилась государственная политика Российской и Османской империй, имевших определенные планы относительно перспектив своих государств и места в нем горцев Северного Кавказа. Помимо причин, определен-

ных государственной политикой двух империй, существует ряд показателей, которые способствовали превращению эмиграции отдельных групп горцев в массовый исход некоторых северокавказских этносов. Мы выделяем следующие причины мухаджирства:

Мухаджирство являлось следствием колониальной политики Российской империи на Северном Кавказе, оно фактически выполнялось благодаря поддержке российского правительства, но частично обуславливалось и некоторыми независимыми от этой политики причинами – экономическими, социальными и религиозными. Ряд исследователей, изучавших этот вопрос, отмечают сложность и многообразие причин северокавказского мухаджирства (напр., Х.О. Лайпанов, 1966; Н.Г. Волкова, 1974; А.А. Ганич, 2003)

Политические причины. Одной из главных причин переселения мусульман Северного Кавказа послужило пленение Шамиля в 1859 году; Северо - Кавказский имамат, как залог будущего освобождения от российского ига, был повержен. Многие жители края «упали духом и решились покинуть землю, обреченную навсегда быть достоянием неверных». Российская власть считала, что выселение части пассионарных горцев ускорит покорение региона, «Кавказ избавится от населения беспокойного …» и всячески способствовала мухаджирству, иногда подталкивая к отъезду даже вполне «мирные» селения. Правительство Османской Турции также имело выгоду от этого переселения – в лице мухаджиров оно получало значительный воинский контингент, враждебно настроенный к России (в связи с чем мухаджиров старались расселять по русско-турецкой границе). Турецкая администрация давала согласие на прием крупных по численности партий беженцев и всячески поощряла мухаджиров прокламациями, содержащими различные обещания и религиозные лозунги [17, с.16].

Экономические причины. Для населения Северного Кавказа важнейшим был вопрос о земле – новая российская администрация либо урезала их личные наделы, либо вынуждала переселяться на указанные равнинные территории, что и послужило основной причиной переселения для многих северокавказцев. Российская сторона после выселения части местного мусульманского населения заимела огромные земельные пространства, необходимые империи для заселения казачеством и раздачи земли лояльной местной знати.

Социальные причины. Северокавказское население имело сложную социально-родовую структуру, различные по статусу и чис-

ленности общества имели тесные связи, игравшие огромную роль в жизни аборигенов. Это приводило к тому, что за влиятельными лицами общества часто поднимался для переселения весь род/фамилия.

Религиозные причины. Согласно российскому историку, генерал-майору Р.А. Фадееву, на смену мюридизму в общества мусульман Северного Кавказа проникли проповеди зикризма и именно благодаря их влиянию сформировалась тенденция переселения в Османскую Турцию; мухаджиры заявили, «что времена приближаются и им надобно быть ближе к Мекке». Среди населения распространялись различные мистические слухи, например, о том, «что намаз, совершаемый на земле, которой владеют христиане, не действителен и не ведет к спасению» или небеспочвенный слух о возможном крещении горцев [17, с.17].

В XIX веке мухаджирство значительно поменяло на этнополитическую карту Северного Кавказа, особенно в районах с наибольшим оттоком мусульманского населения. Этот процесс был очень важным для истории региона наряду с такими фатальными факторами, как войны Российской императорской армии в 40-60-е годы, различные реформы российского правительства, миграция малоземельных горских обществ на равнину, а также массовое переселение на Северный Кавказ представителей других национальностей [17, с.18].

Подводя итоги по исследуемой теме переселения вайнахов в XIX-XX вв. в Османскую империю, можно отметить следующее: Российская империя укрепила свои стратегические позиции на Северном Кавказе путем освобождения земель от их коренных жителей-горцев и заселения их русскими – переселенцами и казаками, ставшими опорой России в крае. Одновременно царизм привлек на свою сторону и горских феодалов, раздав им отнятые у горцев земли, и все это было возведено в ранг государственной политики. Это подтверждают слова наместника края князя Барятинского: «Надобно прежде всего стремиться к восстановлению высшего сословия там, где сохраняются еще более или менее следы его… По мере восстановления дворянства, правительство будет иметь в нем лучшее орудие к ослаблению исламизма».

Литература

1. Гарсаев Л.М. Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, 2018. Вып. X, С. 104.
2. Гарсаев Л.М. Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикав-

каз, 2018. Вып. X, С. 105.
3. Дидигова М. Мухаджирство // Нана, Грозный, № 151, 2016. С. 16.
4. ЦГИА РГ, ф.545, оп. 1, д.64, л.1. Переписка по поводу переселения чеченцев Терской области в Турцию 1864-1868 гг.
5. Кундухов М. Мемуары. Владикавказ, 2013 г. С. 10.
6. ЦГИА РГ. ф. 545. оп. 1, д. 64, л. 8-9 об.
7. Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Владикавказ, 1927. С. 12.
8. ЦГА РГ, ф. 77, д. 14, л. 101 об. // По исследованию сословного строя в горских племенах Терской области.
9. ЦГИА РГ, ф. 545, оп. 1, д. 64, л. 11.
10. ЦГИА РГ, ф. 545, оп. 1, д. 64, л. 10-11.
11. Бадаев С.-Э.С. Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем востоке: история и современность. Нальчик.2008. С.147.
12. ЦГИА РГ, ф. 77, д. 14, Л. об.
13. ЦГИА РГ, ф. 545, оп. 1, д. 64, л. 58 об.
14. Там же. л. 58.
15. Бадаев С.-Э.С. Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем востоке: история и современность. Нальчик.2008. С.148.
16. ЦГИА РГ. ф. 17, д. 9381, л. 60-61. Дело о переселении чеченцев из Терской области в Турцию. Март 1865 г. по декабрь 1867 г.
17. Гарсаев Л.М. //Таллам, Грозный, 2018 № 2 (15).

УДК 94 (5). 930

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ЭМИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ЧЕЧЕНЦЕВ И СЕВЕРНЫХ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ В СОСЕДНИЕ СТРАНЫ В XIX-НАЧАЛЕ XX в.

Сафаров Рафик Фируз оглу
кандидат исторических наук, доцент,
Институт археологии и этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана
rafiksafarov@mail.ru

Аннотация: *в статье анализируются причины выселения и изгнания мусульманского населения Северного Азербайджана и населения Чечни, характер и направление внешних миграций. Особое значение придается определению хронологических периодов миграционных процессов, численности и этнической принадлежности эмигрантов. Обозначены общие черты и выделены различия и особенности в переселении северных азербайджанцев и чеченцев в соседние страны в XIX-начале XX в.*

Ключевые слова*: Чечня, Азербайджан, Кавказ, мухаджирство, вайнахи, азербайджанцы*

В историко-географическом отношении Кавказ делится на северную и южную половину. Чечня расположена на Северном Кавказе между Кабардой с одной стороны и Дагестаном и Кумыкией с другой. В восточной половине Северного Кавказа территорию от левобережья верхнего Терека до реки Аксая на востоке занимали вайнахи (чеченцы, ингуши, аккинцы и карабулаки/орстхойцы). Чечня (позже Чечено-Ингушетия) граничила на Кумыкской плоскости и по Андийскому хребту с Дагестаном. Под Чечней и чеченцами в тот период часто подразумевались все вайнахи [13, С. 270, 296].

Северный Азербайджан исстари включал земли между Дербендом, Тифлисом, Иреваном и Сальяном. В целом до 1747-1750 гг. Азербайджан включал в свой состав Картиль и Кахит [14. С. 3-19] и целиком входил в состав Кызылбашской державы (чаще называемой Персией / Ираном). Кызылбаш – субэтническое название тюркиманшиитов, а тюркиман (по-арабски «терэкиме») – исторический этноним азербайджанского этноса (у русских с XIX в. – азербайджанские татары). Этническая территория азербайджанцев на Кавказе охватывала большую часть Южного Кавказа в пределах исторических областей Северного Азербайджана – Ширвана, Карабага и Чухурсаада. Чухурсаад состоял из провинций Иревана, Нахчывана и Шурагеля [33. С. 45-46]. Во времена правления хана, а затем шаха Надира Аф-

шара (1727/1736-1747) провинции Памбак, Борчалы и Казах-Шамшадиль, которые исстари являлись частью вилаета Карабаг, теперь числились в составе Картильского вилаета.

К началу русских завоеваний преобладающее большинство населения обеих территорий составляли мусульмане. Северный Кавказ был почти сплошь мусульманским, за исключением большей части осетин, а на Южном Кавказе 55% населения относилось к мусульманам, в основном азербайджанцам.

Присоединение Кавказа к России произошло, в основном, военным путем. Во второй половине XVIII в. наступил перелом в геополитическом соотношении сил между Кызылбашской державой, Российской и Османской империями. Этому способствовал, прежде всего, сокрушительный распад Азербайджана после смерти в 1747 г. шаха Надира Афшара, затянувшийся на полвека. В 1763 г. Россия создала Моздокскую укрепленную линию по Тереку напротив Чечни. В течение войны 1768-1774 гг. с Турцией русские войска находились в Картли-Кахетинском царстве. Так началась первая оккупация Россией (1769-1773) азербайджанских султанств Памбак, Борчалы, Казах и Шамшадиль. Не желавшие с этим мириться 1.900 семей шамшадильских азербайджанцев в течение 1770-1773 гг. перешли в соседнее Гянджинское ханство [2. С. 594]. Победоносная война позволила России организовать в 1777-1778 гг. Азовско-Моздокскую линию, аннексировать в 1783 г. османского вассала Крымское ханство и в том же году договориться с Картли-Кахетинским царством о принятии им русского протектората. Обустройство Россией южной границы по Тереку и Кубани превращало ее в базу для военного и демографического продвижения на юг. При основании в 1784 г. города Владикавказа были потеснены проживавшие там ингуши.

Накануне русского завоевания Северный Азербайджан оставался раздробленным на девять ханств, два султанства и один джамаат. Невзирая на нависшую угрозу порабощения Россией, не все правители в Северном Азербайджане поддержали призыв шаха Ага Мухаммеда Каджара объединиться вокруг восстановленного Кызылбашского государства (каджары – одно из семи основных тюркиманокызылбашских колен). Россия встретила разрозненное сопротивление отдельных ханств и в течение 1801-1813 гг. присоединила к своим владениям большую часть Северного Азербайджана.

Наступление России на Кавказ и связанные с ним частые притеснения мусульман и нежелание их подчиняться новой власти явилось

главной причиной бурных миграционных процессов. Начало первой волны эмиграции кавказских жителей в Кызылбашскую державу и Османскую империю было положено еще в конце XVIII-первой трети XIX в. при завоевании Азербайджана. Во время пребывания в 1783-1787 гг., а также начиная с 1799 г., русских войск в Картли-Кахетинском царстве часть борчалинских азербайджанцев переселилась в османский Ахалцих.

Определенный характер и направление внешних миграций зависели от военно-политического противостояния Кызылбашской державы, Российской и Османской империй. Поэтапное завоевание Северного Азербайджана в 1801-1804, в русско-кызылбашских войнах 1804-1813 гг. и 1826-1828 гг. обусловило три основные эмиграционные волны азербайджанцев и других мусульман Северного Азербайджана за границу. Во всех подсчетах и расчетах учитывались вернувшиеся обратно. В течение первой эмиграционной волны (1783-1787, 1799-1804) переселилось в Турцию приблизительно 1.670 семей в количестве 10.855 азербайджанцев Борчалы и Памбака [29. С. 290, 295]. Последующие две эмиграционной волны носили массовый характер. Вторая эмиграционная волна (1804-1813) заключалась в исходе 7.664 семей в количестве 49.816 азербайджанцев Карабагского, Гянджинского, Талышского ханств, султанств Памбака, Шурагеля [5. С. 132, 579; 4. С. 38-39; 7. С. 229; 6. С. 860, 862] и Сальяна [3. С. 299], подчиненного Ширванскому ханству, в том числе 6.364 семей или 41.366 чел. в Иран и примерно 1.300 памбакских и шурагельских семей или 8.450 чел. в Турцию. Третья эмиграционная волна (1826-1828) затрагивала уже в основном вытеснение азербайджанских мусульман из вновь завоеванных Иреванского и Нахчыванского ханств за пределы русской границы. Выселению подверглись 71.890 азербайджанцев, включая 23.400 курдов, составлявших 11.060 семей [34. С. 146]. Вместе с азербайджанцами Памбак-Шурагеля [28. С. 43, 56-57; 30. С. 209], Мугана и Карабага [16. Л. 253] общее число эмигрантов достигало 88.849 чел. в составе 13.669 семей. В апреле 1828 г. вышел приказ главнокомандующего на Кавказе Паскевича о запрещении возвращаться в русские пределы мусульманским переселенцам [8. С. 490]. Наконец четвертая волна эмиграции (1830-1913) затронула Карабаг, Муган, Талыш, а также Шеки и Кубу в количестве 1.403 семей и 9.120 азербайджанцев [17. Л. 7; 31. Л. 3; 18. Л. 1; 26. С. 259].

За весь эмиграционный период в Иран ушло около 17,7 тыс. се-

мей численностью 114,6 тыс. азербайджанцев и курдов, остальные в Турцию, в том числе более 6,7 тыс. семей численностью 44 тыс. азербайджанцев и курдов. Они нашли прибежище в приграничных областях: в Азербайджанском вилаете (Южном Азербайджане) Ирана и турецких эялетах, прежде всего, в Карсе и Баязиде. В общей сложности в течение 1783-1913 гг., но в основном в 1801-1828 гг. (145 тыс. чел.), примерно 159 тыс. чел. вынужденно покинуло Северный Азербайджан.

Весной 1785 года в Чечне появился мусульманский проповедник – шейх Мансур, или Ушурма, антиколониальная борьба с Россией которого приняла, по существу, общесеверокавказские масштабы. Это освободительное движение кавказских горцев некоторые авторы считают началом собственно Кавказской войны. Начинается многолетняя вооруженная борьба, вошедшая в историю под названием Кавказской, или Русско-горской войны [10. С. 38]. Со стороны горцев эта была справедливая война и велась она главным образом силами чеченцев, народов горного Дагестана и Закубанской Черкесии. Остальные народы Северного Кавказа, в том числе и ингуши, от участия в войне, в целом, воздержались. В боевых действиях против русских войск от них участвовали только отдельные лица или небольшие группы, а массовые вооруженные выступления, если и имели место, то носили эпизодический характер.

С назначением Ермолова главнокомандующим на Кавказе Россия в 1817 г., перейдя от приграничных операций к планомерному наступлению на горцев, начала собственно Кавказскую войну. После поражения в Крымской войне кавказское начальство ясно понимало, что наступило самое благоприятное время для окончания Кавказской войны. Для этого следовало «разгрузить» край от «ненадежных и непокорных» жителей, ослабить физически и духовно горское население, а также освободить земли для новых казачьих поселений. Желавшим остаться предлагалось, например, переселение на плоскость по левому берегу Кубани [15. С. 20], в болотистые местности или на правый берег Терека. Заселение предгорий Черкесии кубанскими казаками началось еще в 1857 г. [32. Л. 60].

Что касается Турции, то она никогда не изъявляла прямого согласия на переселение, хотя принимала горцев, уходивших с Кавказа под предлогом паломничества в Мекку и Медину. В начале 1859 г. она обнародовала правила по предмету колонизации кавказских выходцев и просила русское правительство, чтобы переселения эти совершa-

лись не разом, а малыми партиями [12. С. 342]. В связи с массовой эмиграцией крымских мусульман в 1860 г. Турция на время приостановила переселение кавказских горцев.

Успешно проведенное с точки зрения русского правительства выселение мусульман Крыма больше не сдерживало кавказскую администрацию в вопросе более широкомасштабного выселения кавказских горцев. Официальное выселение на Кавказе началось в 1862 г., когда 10 мая вышло высочайшее утверждение постановления Кавказского комитета о переселении горцев [9. С. 920]. «Переселение горцев в Турцию, – писал командующий войсками левого крыла Евдокимов, – без сомнения, составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок без большого напряжения с нашей стороны... и открывает свободный выход тем из них, которые предпочитают скорее смерть и разорение, чем покорность русскому правительству» [9. С. 1009-1010].

Вопрос о количестве кавказских эмигрантов в 1858-1865 гг. остается дискутируемым по настоящее время. В России пользуются обычно округленной цифрой в полмиллиона человек, составленной на основе официальной статистики главным редактором Кавказской археографической комиссии академиком Адольфом Берже. В опубликованных им официальных документах, приложенных к докладу Комиссии по делу о переселении горцев в Турцию, число кавказских переселенцев в 1858-1865 гг., составило 493.194 чел. [12. С. 167]. Это число охватывает хотя и большую, но только часть населения Закубанской Черкесии и меньшую часть от общего числа погибших и выселившихся жителей Чечни. Среди них по числу выселившихся первыми указаны черкесы, затем убыхи, абхазы (т.е. их этнические группы / субэтносы – абазины и джигеты вместе взятые), ногайцы. В этот же список выселившихся народов попали и чеченцы. В ведомость, составленную по официальным документам, включен 22.491чеченец. Приведенная цифра уточнена нами при подсчете соответствующих данных, приведенных А.Берже. Наряду с ней указывается несколько отличное число в 23.193 чеченца.

Комиссия по делу о переселении предупреждала в своих выводах, что «итогам этим не следует вполне доверять» [37. Л. 13]. Сам Берже также критически относился к этим данным, отвечая: «Сведения эти, хотя официальные, но, как видно, не точны... число выселившихся душ в действительности не только не менее, но должно быть значительно более показанного,...» [12. С. 165-166]. Дальнейшая

работа об уточнении численности переселенцев по каждому народу дала неплохие результаты [40. С. 691-696].

Центральные и кавказские власти для выселения чеченцев применяли такую же политику и методы, как и в отношении исхода горцев Черкесии. Путем потворства и принуждения власти добивались массового исхода, прежде всего, непокорных чеченцев. До 1865 г. в Турцию разновременно переселилось до 19.000 чеченцев [22. С. 10]. В 1865 г. покинули родину 5 тыс. семей чеченцев, в том числе 3,5 семей карабулаков [11. С. 157]. Наряду с ней фигурирует и другая цифра по карабулакам. Как явствует из архивных материалов, по официальным свидетельствам российской администрации, в 1865 г. изъявили желание уйти в Турцию 1.500 семей карабулаков и 3.502 семьи чеченцев, всего же 22.490 душ обоего пола [22. С. 24] или 5.002 семьи. Среди ингушей выселилось всего 70 семей [11. С. 151; 22. С. 25].

По этим данным среднее количество членов в семье составляет 4,5 чел., что явно мало для горской семьи того времени. Согласно правилам проведения исчислений населения на Кавказе с учетом специфики местных условий обычно определялось количество душ мужского пола. Количественные данные по чеченским переселенцам, по-видимому, скорее всего, отражают число душ мужского пола. Так М. Тотоев считал, что цифра по чеченцам не отражает подлинных масштабов переселения и должна быть почти в два раза больше: 40.000-50.000 чел. [35, С. 38]. В переселение тогда двинулось 4.989 чеченских семей [20. С. 4] по ведомости или, считая по среднему количеству членов в семье (8-9 чел.), примерно 45.000 чел.

28 мая 1865 г. выступила первая партия чеченских переселенцев в Турцию. Только в течение лета этого года в Турцию из Терской области переселилось 82.656 чел. В общей сложности получается, что из Терской области в Турцию эмигрировало приблизительно 90.000 чел., большинство из которых были чеченцы. В числе высланных в 1859-61 гг. было, например, от 7.000 до 10.343 кабардинцев [27. С. 114; 25. С. 11] и до 3.000 осетин [35. С. 30]. В течение 1900-1906 гг. всех кабардинцев переселилось примерно 8 тыс. За все годы переселилось в Турцию всего не более 8-10 тыс. осетин [27. С. 114]. Только по официальным данным, в 1900-1902 гг. из Кабарды ушел 781 балкарец [25. С. 26]. За все годы из Терской области эмигрировало от 93 до 98 тыс. чел., в том числе 64-69 тыс. чеченцев. Так английские источники относительно высланных из Терской области чеченцев приводили цифру в 100.000 чел. [22. С. 43; 21. С. 12]. Западные авторы

сильно искажают динамику эмиграции чеченцев в Турцию [39. P. 204; 19. С. 34]. Скорее всего они общее число эмигрантов Терской области принимают за чеченцев. В дальнейшие годы и десятилетия горцы повторяли этот путь, но уже в количествах значительно меньших [22. С. 48].

Переселение горцев можно разбить на три отдельных этапа: первый – в 1858-1862 гг., второй - в 1863-1864 гг., и третий - в 1865 г. На первом и втором этапе выселилось до 19.000 чеченцев. На последнем этапе выселилось в Турцию около 45 тыс. чеченцев. За этот период в Терской области погибло и выселилось примерно от 77 до 100 тыс. жителей.

Если выселение горцев Западного Кавказа явилось непосредственным результатом их военного разгрома, то несколько иначе обстояло дело с горцами Восточного Кавказа, в частности, с чеченцами [22. С. 14]. Для жителей Восточного Кавказа основной путь переселения лежал через Закавказье. Осетины и кабардинцы уходили по Военно-Осетинской дороге до Батума, оттуда в Карс или, морем, в Румелию [24. С. 89-94; 25. С. 11]. В грандиозных масштабах переселение ожидалось среди чеченцев в 1865 г. Однако, после того как закончилось черкесское переселение в апреле 1865 г., Турция официально уведомила Россию о том, что она отказывается принимать выходцев с Кавказа без предварительного согласования с турецким правительством. Тем самым Турция дала согласие на переселение не более 5 тыс. семей. В таком количестве в течение лета 1865 г. чеченцы направились несколькими партиями по Военно-Грузинской дороге на Александрополь к турецкой границе [38. Л. 1]. Всего через Закавказье в 1859-1865 гг. ушло до 114 тыс. чел.

Согласно турецким источникам Убичини и де Куртеиль считали, что в 1855-1866 гг. в Турцию прибыло 740.000 кавказцев [36. С. 32, 61]. В течение 1865-1866 гг., новые партии, направленные исключительно в Анатолию, увеличили цифру кавказских переселенцев до миллиона (600.000 в Европе, 400.000 в Азии) [36. С. 32, 61]. Однако, по поводу цифры «400.000» хотелось бы сказать, что, не вкралась ли ошибка в один лишний ноль у турецкого автора, как это, вообще, часто бывает с нолями. Ведь общеизвестно, что в 1865 г. в Анатолию переселилось именно до 45 тыс. чеченцев.

Прием грандиозного потока эмигрантов из Крыма (до 200.000) и Кавказа (не менее 740.000) в течение нескольких лет составлял для Турции очень сложную задачу. В апреле 1865 г. Турция официально

уведомила Россию о том, что она отказывается принимать российских мусульман без предварительного согласования с турецким правительством. В то же время взгляд русских властей на значение переселения горцев радикально изменился: предвидя, что этим путем весь Северный Кавказ превратится в совершенную пустыню, подобно тому, как это уже случилось с Крымом, местная власть стала всячески затруднять переселение черкесов в Турцию, а в 1867 г. безусловно запретила выезд горцев за границу. Стремление к выселению, однако, не исчезло среди горцев. Кавказская власть с 1867 г. в виде опыта установила «нормы ежегодного выпуска, по четверти процента всего населения, что составляло 250 семейств». Причем если ранее выезжавшие в Турцию горцы могли свободно продать принадлежащую им землю, то с 1867 г. власти запретили продажу земли, мотивируя это тем, что земля не является собственностью горца, а принадлежит казне. Кроме того, каждый горец, желающий переселиться в Турцию, должен был внести в казну единовременную денежную подать на десять лет вперед. Эти меры русского правительства сильно ограничили поток переселенцев. Но они разными путями все-таки выезжали в Турцию. Русское правительство предписало своим консулам в Турции и Персии и пограничной службе не допускать возвращения горцев на Родину [23. С. 143].

Постоянные, но не большие выселения горцев в Турцию, продолжались в 70-80-е годы XIX в. Только из Терской и Дагестанской областей ежегодно переселялось некоторое число горцев [1. С. 12]. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и связанные с ней восстания в Чечне, Дагестане и Абхазии явились толчком к новому массовому переселению горцев в Турцию. В 80-х гг. XIX в. прокатилась волна антиколониальных выступлений среди горцев, в том числе в Терской области (1887 и 1894 гг.).

История переселения из Северного Азербайджана и Чечни в соседние страны имеет много общих черт. Обе страны стали жертвой русской завоевательной политики. От активного сопротивления русскому завоеванию воздержалась часть населения в Северном Азербайджане (султанство Илису, ханства Шеки, Ширван, Карабаг, Нахчыван, Баку) и в Чечне (ингуши). Присоединение обеих стран к России совершалось в основном военным путем. В результате этого азербайджанцы и чеченцы подверглись массовому выселению. У обоих народов людские потери связаны с гибелью в военных действиях и эмиграцией. Переселение обоих народов происходила по су-

ше. Изменение этнической ситуации стало прямым следствием массовой гибели и эмиграции за пределы своей исторической территории и тем самым влиявшие на динамику этнических границ этих народов и этнополитические пределы их стран. Произошло значительное сокращение ареала расселения и этнической территории азербайджанцев и чеченцев. Именно войны и переселения коренным образом изменили этнодемографическую структуру Северного Азербайджана и Чечни.

Таким образом, в этнической ситуации, складывавшейся в Азербайджане с начала и в Чечне с 40-х гг. XIX в., выявляются несколько общих основных направлений: 1) изменения, происходившие в ходе военных действий в Азербайджане и Чечне; 2) людские потери, вызванные военными действиями и карательными экспедициями; 3) переселение азербайджанцев в Иран и Турцию, и чеченцев в Турцию; 4) миграция в Азербайджан и Чечню различных народов, происходившая и ранее XIX в., однако в том веке превратившаяся в целенаправленную политику, проводившуюся Россией. Часть таких переселений в широких масштабах осуществлялась русским правительством, часть – происходила стихийно под воздействием разнообразных социально-экономических и политических факторов. Подобные миграции за пределы и во владения России чаще всего не встречали препятствий со стороны государственного аппарата и всячески поддерживались последним [11. С. 143-144].

История эмиграции из Северного Азербайджана и Чечни имеет также немало различий и особенностей. Завоевание Северного Азербайджана Россией было завершено к 1828 г., а Чечни окончательно в 1859 г. Основное время эмиграции и подавляющая численность эмигрантов из Северного Азербайджана пришлась на первую треть XIX в., а переселение из Чечни охватывала 1859-1865 гг. Азербайджанцы и азербайджанские курды переселялись в основном в Иран и только около 28% в Турцию, тогда как все чеченцы направлялись только в Турцию. Азербайджанские переселенцы размещались как в Иране, так и в Турции, среди соплеменников, занимающих огромный ареал расселения в этих странах, тогда как чеченские эмигранты расселялись хоть и в однородной конфессиональной среде, но все же отличной в этническом отношении. Кроме того, азербайджанские переселенцы расселялись в приграничных округах Ирана и Турции, но чеченцам в отличии от них по русско-турецкой договоренности турецкие власти обязывались предоставлять места обитания подальше от

русской границы. Высвобожденные от азербайджанцев земли заселялись армянами, а на опустошенных чеченских землях поселялись русские. Следует отметить также одну немаловажную особенность: в отличие от информации о чеченских переселенцах данные о количестве азербайджанских эмигрантов сильно разбросаны и не имеют обобщающих итогов.

Последствия русского противоборства с кызылбашами, османами и кавказскими горцами оказались для Кавказа грандиозными. Полностью исчезла этническая территория азербайджанцев в Памбак-Шурагеле, южной части Борчалы – Лори, в северной и центральной части Иревана. Если в 1826 г. в Чухурсааде / Иреванской губернии проживало 240 тыс. (80,3%) мусульман, то в течение почти 50 лет их численность так и не превзошла этот демографический показатель, и достигла к 1873 г. лишь 234 тыс. (42,8%) азербайджанцев и курдов [34. С. 142-143, 157-158]. Эти и другие североазербайджанские земли заселялись иранскими и турецкими армянами. Более всего Кавказская война и выселение горцев затронули Черкесию и Чечню. В значительной степени, хотя и не настолько катастрофически как в Черкесии, изменилась этнографическая карта Северо-Восточного Кавказа, где этнические русские заселили значительные территории, очищенные от местного чеченского населения [11. С. 144]. Северные границы этнических территорий кабардинских адыгов и чеченцев были подвинуты к югу. Под непосредственным воздействием военно-политических мер Российской империи всего за период с 1801 по 1913 гг. Кавказ лишился в результате гибели и эмиграции в Кызылбашскую державу и Османскую империю более 1,3 млн. мусульман (без вернувшихся обратно). Однако эти цифры надо признать минимальными. Тем не менее, преувеличенное представление о количестве кавказских переселенцев XIX в., само по себе характерно и представляет интерес, поскольку, оно отражает значительность масштаба эмиграции.

Литература

1. Абрамов Я.В. Кавказские горцы. /Я.В.Абрамов. – Краснодар: Изд. ОИААО, 1927 (впервые издано в журнале «Дело» за 1884 г., № 1). – 35 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. I. Тифлис, 1866. X.- 816 с.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. III. – Тифлис, 1869. – VI, -760 с.

4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IV. – Тифлис, 1870. – 1012 с.
5. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. V. – Тифлис, 1873. – 1170 с.
6. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VI, ч. 1. – Тифлис, 1874. – XIV, 942 с.
7. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VI, ч. 2. – Тифлис, 1875. – 950 с.
8. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VII. – Тифлис, 1878. – X, 994 с.
9. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. – Тифлис, 1904. – 1558 с.
10. Анчабадзе Г.З. Вайнахи (чеченцы и ингуши): Монография / Г.З. Анчабадзе. – Тбилиси: Кавказский дом, 2002. – 87 с.
11. Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Народы Кавказа. Кн. 1. Этническая история Северного Кавказа XVI-XIX века. / Ю.Д. Анчабадзе, Н.Г. Волкова. – М., 1993. – 266 с.
12. Берже А. Выселение горцев с Кавказа в 1858-1865 годах. /А. Берже // Русская старина. – СПб., 1882. Т. XXXIII, январь-март. – С. 162-176, 337-363.
13. Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. /А. Берже / Кавказский календарь на 1858 год. – Тифлис, 1857. – С. 267-312.
14. Бурнашев С.Д. Описание областей Адребижанских в Персии и их политическаго состояния / Сделанное пребывающим при Его Высочестве Царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Темуразовиче Полковником и Кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786: Монография / С.Д. Бурнашев. – Курск, 1793. – 27,[1] с.
15. Всеподданнейший отчет наместника Кавказского за 1863-1869 года. – [Б. м.], [Б. г.]. – 28 с.
16. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики: Ф. 24, оп. 1, д. 142.
17. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики: Ф. 32, оп. 1, д. 3.
18. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики: Ф. 32, оп. 1, д. 189.
19. Данлоп Дж. Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта: Монография / Дж. Данлоп; Пер. с англ. Н. Банчик. – М.: Р. Валент, 2001. – 232 с.
20. Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов: Монография / Г.А. Дзагуров. – Ростов-на-Дону: Издательство Севкавкнига, 1925. – 202 с.
21. Ибрагимова З.Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860-1900): Монография / З.Х. 22. Ибрагимова. – М.: Пробел-2000, 2006. – 242 с.
22. Ибрагимова З.Х. Эмиграция чеченцев в Турцию (60-70 гг. 19 века): Монография / З.Х. Ибрагимова. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – 69 с.
23. История Дагестана. В 4-х т. Т. II. – М.: Наука, 1968. – 364 с.
24. Кануков И. Горцы-переселенцы /И. Кануков / Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876. – С. 84-112.
25. Касумов А.Х. Разные судьбы: Монография / А.Х. Касумов. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1967. – 89 с.
26. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в.

Ч. II. – М.; Л., 1937. – 478 с.
27. Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию /Х.О. Лайпанов // Карачаево-Черкесский НИИ истории, языка и литературы. Труды. Вып. 5 (серия история). Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1966. С. 111-131.
28. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 3-й. Персидская война 1826-1828 г., вып. I-IV. Изд. 2-е: Монография / В. Потто. – СПб., 1888. – 748 с.
29. Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов. Т. I (1801-1813). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1972. – 691 с.
30. Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов. Т. II (1814-1828). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978. – 679 с.
31. Российский государственный исторический архив: Ф. 1268, оп. 1, д. 114.
32. Российский государственный исторический архив: Ф. 1268. оп. 15, д. 56.
33. Сафаров Р.Ф. Ареал расселения азербайджанцев. /Р.Ф. Сафаров / Азербайджанцы: Историко-этнографический очерк. – Баку: Элм, 1998. – С. 45-53.
34. Сафаров Р.Ф. Изменение этнического состава населения Иреванской губернии в XIX-XX веках (этнодемографическое и этногеографическое исследование): Монография / Р.Ф. Сафаров. – Баку: Сада, 2009. – 254 с.
35. Тотоев М.С. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859-1866 гг.). /М.С. Тотоев // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. XIII, Вып. 1. – Дзауджикау, 1948. – С. 24-46.
36. Убичини А., де Куртеиль П. Современное состояние Оттоманской Империи. /А. Убичини, П. де Куртеиль; Пер. О.И. Бакст. – СПб: Изд. О.И. Бакст, 1877. - XI, 240 с.
37. Центральный исторический архив Грузии: Ф. 416, оп. 3, д. 154.
38. Центральный исторический архив Грузии: Ф. 545, оп. 1, д. 90.
39. Buchan, John. The Baltic and Caucasian States: Монография / John Buchan. – London: Hodder And Stoughton, 1923. – 269 p.
40. Safarov, Rafiq F. Kırım ve Kafkasya'dan Osmanlı İmparatorluğuna G□çler. /Rafiq F. Safarov / Osmanlı. 4. C. – Ankara: Yeni Türkiye, 1999. – S. 687-696.

УДК 93/94. 908.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАМКИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Гайтамирова Социта Абуевна
кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Чеченский государственный университет
gsocita@mail.ru

Аннотация: *в статье анализируется проблема реформирования системы управления, природно-географические, хозяйственные и общие процессы расселения и численности народов Терека. В процессе вхождения народов Центрального Кавказа в состав Российской империи отрабатывались различные схемы управления народами, которые реформировались, видоизменялись, вновь и вновь ища вариант, который бы создал нормальные, с точки зрения правительства, условия жизнедеятельности аппарата власти.*

Ключевые слова: *Терская область, Чечня, административно-территориальное деление, этнические границы, рельеф местности, климат*

Народы Центрального Кавказа сложно входили в состав Российской империи. Проблемы силового покорения региона привели к многолетней Кавказской войне. В процессе вхождения отрабатывались различные схемы управления народами, но найти такую форму управления властям так и не удалось. Но эти поиски меняли приоритеты, а вместе с ними изменялись правовые условия для развития предпринимательства в крае.

В середине 60-х годов XIX века территория Терской области занимала 44011 кв. версты. На относительно небольшом пространстве встречались не только вечно снеговые горные вершины и густые хвойные леса северного склона Главного Кавказского хребта и его отрогов, с бесплодными известняками и трахитовыми скалами, но и степные пространства с тучным чернозёмом предгорной и равнинной зоны, полупустыней восточной окраины, а также, песчаные и болотистые низменности, расположенные ниже уровня Каспийского моря.

Контрасты рельефа местности предопределяли особенности климата: умеренный, без резких колебаний в предгорных районах Кисловодска, Нальчика, Владикавказа, к югу, ближе к снежным вершинам Кавказского хребта, становится суровее и холоднее, к северу же и северо-востоку, наоборот, знойным и сухим, т. е. резко – континентальным.

Здоровый климат нагорных и предгорных местностей переходит по нижнему течению реки Терек в сырой, болотистый с почти никогда не прекращающейся малярией [22. С.1].

Композиции природных условий Терской области соответствовало такое же многообразие этнического состава населения, занимавшегося в зависимости от природно-климатических условий земледелием, скотоводством, торговлей, ремеслом, предпринимательством, охотой, рыболовством, бортничеством и находившееся на различных стадиях развития общественных отношений. Со второй половины XIX в., после проведения административно-судебных и аграрно-социальных преобразований сложились условия для вкладывания крупных капиталов в развитие горнорудной и нефтяной промышленности, торговлю, предприятия сельскохозяйственной переработки сырья.

Определение территории и границ расселения горских народов представляет сложную задачу. Она может быть решена лишь условно, поскольку простая констатация этнической территории одного из рассматриваемых народов в данный период, не объясняет претензии на эту же площадь соседних народов, которые часто приводятся в публикуемых документах и литературе. К тому же отдельные народности и этнические группы часто перемещались с места локализации под влиянием внутренних и внешних факторов.

Новым явлением этнической жизни народов Терека XIX – начала XX в. явился мощный приток русского населения в регион: сначала казаков и солдат, затем крестьян, ремесленников, купцов, предпринимателей. Более устойчивыми, по сравнению с равниной и предгорьем, были границы расселения народов горной полосы Терека. Здесь значительно слабее, чем на плоскости, сказывались последствия военных действий.

Наиболее многочисленным народом в бассейне реки Терек были чеченцы, распадавшиеся в XIX веке на ряд этносоциальных групп, связанных между собой территорией проживания, языком, религией, культурой.

Чтобы ясно представить себе территорию Чечни, необходимо взглянуть на карту. С севера Чечню ограничивают Терек и Качкалыковский горный кряж, отделяющий её от Кумыкской степи; с запада же Чечня граничит с Кабардой, на юге её границы – Андийский хребет и отроги Главного Кавказского хребта, а на востоке река Акташ отделяет Чечню от Дагестана. Река Сунжа, приток Терека, делит эту

территорию на две почти равные части: Большую или возвышенную Чечню (по правому берегу Сунжи) и Малую или низменную (по левому берегу) [18. С.119].

Это описание дополняется очерком известного военного историка: «Под именем Чечни известна обширная, – читаем мы у В. Потто, – малодоступная страна, которая лежала первой на пути распространения русского владычества не потому только, что она приходилась ближайшей к русским владениям, с которыми не могла не сталкиваться постоянно. Главнейшее значение её было в том, что она со своими богатыми горными пастбищами, с дремучими лесами, посреди которых издавна раскидывались роскошные оазисы возделанных полей, с равнинными, орошенными множеством рек и покрытыми богатой растительностью, была житницей бесплодного, каменистого Дагестана. Только, покорив Чечню, можно было рассчитывать принудить к покорности и мирной жизни горные народы восточной полосы Кавказа. Но ничего не было труднее, как подчинить какой-либо власти не столько полудикий чеченский народ, как дикую природу Чечни, в которой население находило себе непреодолимую защиту. И природа, и люди Чечни стояли крепко на страже своей независимости» [19. С. 59]. Этот сюжет известного официального историка России подчеркивает роль чеченского народа в жизни народов Терской области и ее борьбе за независимость.

В период позднего средневековья и нового времени этнические группы вайнахов жили высоко в горах: чеченские аулы занимали ущелья Хачаро, Хилдыхаро, Чанти, Чинаха, Маиста, Мелхиста; ингушские – Ущелья Джераха и Ассы [6. С. 117] Недостаток земельных угодий выталкивал горцев на равнину, причём этот процесс шёл как на юг, в Грузию, так и на север, на земли кабардинских и кумыкских князей. В горах запасов хлеба хватало всего на четыре – пять месяцев, поэтому жители вынуждены были ввозить муку и зерно из плоскостных районов. «Житель равнины нуждался в горах, горец же – в равнине. Они не могли, – справедливо подчёркивал академик И. Джавахишвили, – существовать друг без друга» [10. С. 31].

В горной зоне Чечни в XVIII веке существовали общества: Аъкхи, Маълхи, Нахч-Мохк, Чеберлой, Шарой, Шатой, Чаънты, Терлой, Пешхой, Шекарой, Майсты. Как результат инфильтрации отдельных групп в предгорные районы, образовались новые общества: Качкалык, Герменчук, Чеченское общество, Алдинское и Гехинское.

В ингушевском районе выделялись локальные группы джейра-

ховцев, цоринцев, галашевцев, назрановцев, мецхальцев, хамхинцев, веппинцев.

Карабулак распадался на общества: Цечой, Мержой и Орстхой. Каждое из названных обществ, по мнению Я.З. Ахмадова, имело свой кхел (совет) и выступало как единое целое по отношению к другим обществам и народам [1. С. 58]. Видимо, контроль общества над определённой территорией дал возможность Н.Г. Волковой назвать горные аулы «дистриктами», хотя в науке утвердилось иное определение этого термина.

В начале XIX века область расселения чеченцев занимала правый берег Терека, земли между Сунжей и Тереком, часть долины реки Сунжи, равнину между бассейном реки Гудермес и р. Фортангой, горные области верховьев рек Гехи, Мартана, Аргуна, Хулхулау и Аксая. Однако чеченские поселения встречались и западнее р. Гехи, в связи, с чем некоторые источники пограничную линию между чеченцами и карабулаками проводят по р. Фортанге. На востоке немало чеченских аулов располагалось на Кумыкской равнине. Помимо отмеченных выше причин, миграционный поток на восточные районы Кумыкской равнины обуславливался тем, что снежный покров в районе Эндери и Аксая сходит на 20-30 дней раньше, чем в горах. И хотя выходцам с гор приходилось платить тарковским и кумыкским владетелям определённую плату, всё же степные районы экономически лучше обеспечивали жизнь переселенцам. При этом процесс выселения шёл не только с гор на восток, но и из Ичкерии, с границ Дагестана на западную равнину – в Малую Чечню – и в Притеречье. Об этом свидетельствуют данные о тейповом составе селений Малой Чечни и западных селений Притеречья, введённые в научный оборот А.И. Шавхешвили [27. С. 122]. Процесс переселения резко усилился во второй половине XIX века, что обострило аграрный вопрос, который к началу XX века стал ведущим в экономике.

Западную часть территории Чечни составляли земли по р. Сунже, где от устья реки вверх по её течению располагались аулы Чанти, Шобет, Чабрилло, из которых два первых связаны с тейпами по р. Чанты – Аргуну, а последний – с Чеберлоем.

Восточные чеченцы составляли три общества: 1) горную Ичкерию, которая считается колыбелью чеченского народа, называемую Нохчемохк, т. е. место народа [5. С. 37]. Ичкеринцы занимают высокогорные долины Верхнего Аксая и юго – восточную часть Чечни. Их территория – это отвесные скалы, покрытые густым лесом; частично

заболочена из – за многочисленных источников и ручьёв, которые берут здесь начало [3. С. 356]. 2) Мичик – имя этого общества произошло от названия р. Мичик, на которой происходило первое столкновение горных чеченцев с кумыкскими князьями. Мигрируя позднее на запад, они встретились с жителями Малой Кабарды, которые стали их называть, как и кумыки, мичикиш или мизджеги [2. С. 36]. 3) Качкалык – или шесть деревень, переселились с гор на Кумыкскую равнину и стали данниками кумыкских князей. Позднее, усилившись новыми чеченскими выходцами, они овладели всем участком между реками Гудермес и левым берегом Аксая [5. С. 243].

Северная этническая граница чеченцев проходила по правому берегу Терека. Оседание здесь чеченских переселенцев происходило с начала XVII века. Поскольку это были земли кабардинских князей Сунчалеевичей (Черкасских), то выселенцы попадали под их протекторат, а тем самым, по мнению К. Дзамихова, оказывались в сфере российских военно-политических интересов [11. С. 144-145], что, надо полагать, способствовало их экономическому развитию. Но уже во второй половине XVIII века ситуация меняется. Рост численности чеченцев на плоскости, связанный с укреплением их хозяйств, меняет характер взаимоотношений кабардинских и кумыкских князей с подвластными чеченцами. Чеченцы, которые имели у себя владельцев, изгнали их. Кумыкские владельцы вынуждены были возвратиться в Аксай и Эндери, откуда пришли, другие, т.е. кабардинские князья, основали новые селения на плоскости между Сунжей и правым берегом Терека. Давлетгиреевцы, изгнанные из Герменчика и Шали, – по мнению П. Буткова, – имели в 1784 г. до 400 дворов; Росламбековцы, при Росламбеке Айдемирове, выгнанные из Большой Атаги, из Большой Чечни и из Топли, в двух селениях, 400 дворов; Кайтуковцы и Терловы, выгнанные из Топли же, против Наура основали два селения – Верхний и Нижний Наур; Казбулатовцы, из аксайских, выгнанные из Топли, основали селение около Наура, близ Терловых [4. С. 146]. Эти события произошли ориентировочно в начале 70-х гг. XVIII века, поскольку из приводимого К. Дзамиховым письма от 5 июля 1764 г. видно, что Давлет-Гирею Черкасскому в то время были ещё подвластны как равнинные герменчукские и алданские старшины и «простой народ», так и шибутские старейшины [11. С. 146]. Возникшие новые поселения располагались ещё севернее, усиливая миграционный вектор: юг – север, который определялся несколькими составляющими: 1) поиск земельных угодий; 2) социальным конфлик-

том чеченских общинников с кабардинскими и кумыкскими феодалами; 3) целенаправленной деятельностью русской администрации, поощряющей переселение горцев на плоскость [15. С.663].

В то время как одна часть чеченских общностей осваивала восточные районы современной Чечни, другая их часть двигалась на запад, в междуречье Терека и Сунжи, на берега Фортанги и Ассы. Освобождение чеченцами этих земель от инонациональных феодалов ещё на начальном этапе чеченской «реконкисты» позволило чеченцам-орстхоевцам в первой половине XVIII века завершить освоение территории в нижнем течении Фортанги и Ассы. Иногда к орстхоевским владениям относили территорию, расположенную между реками Фортангой и Шалажи, однако, как подчёркивает Горчханова Г.А. и др., ещё в 1762 г. там располагались только пастбища горных чеченцев [9. С. 82]. Но уже к 1772 г. они освоили низовья р. Ассы и местность Карасу – Яндырь и основали селения Большой и Малый Яндырь [**7.** С. 114] на территории современного Назрановского района.

Наиболее густо был заселён район р. Сунжа, где насчитывалось до 70 селений и в которых проживало до 13 тыс. человек. Около 80 селений и хуторов располагались на равнинной Чечне, известной под названием Большой и Малой. Малая Чечня занимала равнину от р. Гойты на запад до Карабулакской территории. На восток от р. Гойты до р. Гумса находилась область Большой Чечни. Общее число жителей здесь, по подсчётам Н.Г. Волковой, достигало 43 тыс. человек [8. Л.13].

Ауховцы расселялись по долинам рек Яман-су и Ярык-су до реки Акташ, отделявшей их от салаватовцев Дагестана. С юго-запада ауховцы граничили с ичкеринцами, а с северо-запада – с качкаликовцами. Основными их селениями были: Кишень-аух, Юрт-аух, Акташ-аух, Кочкар-аух, в которых проживало около 8 тыс. человек.

Ичкеринцы – одна из наиболее крупных этнических общностей – обитали до Андийского хребта по верховьям рек Ярык-су, Яман-су, Аксая и Хулхулау. Число их селений достигало 34, большинство из которых состояли из 10-60 дворов. Главным считалось аул Беной, а к наиболее крупным (50-60 дворов) относились Зандак, Аллерой, Центорой. По 30-40- дворов было в селениях Белетли, Ахшибатой, Ведень, Чермы. Численность ичкеринцев достигала 10 тыс. человек.

К западу от Ичкерии в ущельях рек Джалки и Аргуна жили чарбили (чабартлы), шубуды и шатоевцы. Большая часть их расселялась хуторами, причём несколько таких хуторов составляли одно селение

под общим названием. Чарбилойцев насчитывалось около 6 тыс. человек. В Аргунском ущелье было 14 селений с 876 дворами и около 6 тыс. человек.

Западнее шатойцев жили пшехойцы или шопоти около истоков р. Мартан и ближние кистины – в ущельях Макалдопа, впадающего в р. Терек. Число дворов и жителей не определено [21. Л. 22-26].

Вопрос «Как управлять – по-европейски или по-азиатски» народами Северного Кавказа, поставленный В. Иваненко в начале XX в. до сегодняшнего дня не решен однозначно, вызывая споры и дискуссии среди кавказоведов. Основываться на формально-бюрократических началах, характерных для российских чиновников и определяющих административно-управленческую деятельность государства, или ориентируясь на бытующие в кавказской среде собственные нормы самоорганизации и самоуправления? Не решенный в высших эшелонах власти этот вопрос определил половинчатость принимаемых решений, и, в конечном счете, реанимировал в 1905 г. регионалистские подходы к управлению краем, отделив Кавказ от основной территории империи границами наместничества.

Определившийся перевес над армией имама Шамиля в ходе Кавказской войны, поставил вопрос об изменении приставской системы управления качественно новыми структурами. Еще в начале 50-х гг. XIX в. правительство приступило к созданию военно-народных округов. Первый шаг в этом направлении был сделан М.С. Воронцовым в 1852 г., когда в крепости Грозной было создано военно-народное управление, получившее название «Чеченское управление» или Мехкеме.

Первым документом, закрепившим новую систему было «Положение о Кавказской армии» от 01.04.1858 г., включивший акт «Управление народами, не вошедшими в состав гражданского управления». До 1865 г. это отделение называлось «Канцелярией по управлению кавказскими горцами», а потом было переименовано в «Кавказское горское управление» [13. С.186].

По архивным документам, Терская область включала в себя: 1) «до 4534800 десятин всех земель, в том числе, принадлежавших гражданскому населению 108800, инородцам 1300000, Терскому казачьему войску 626000 и покорным горцам, в военном ведомстве состоящим 2500000; 2) Всего населения обоего пола душ по 453946; в том числе гражданского 21709, инородческого 49080, казачьего 83157 и покорных горцев 300000» [24. Л. 14 об.].

Для создания карты области были проведены топографическое обследование региона. Их результат изложил в служебной записке штабс-капитан Генерального штаба Маныкин в 1860 г. [25. Л. 7–8 об.]. Представленный план разграничения области с другими субъектами Кавказа был утвержден наместником Кавказа Вел. кн. Михаилом Николаевичем, но ее западные рубежи стали предметом резкой дискуссии между начальниками Терской и Кубанской областей. Важнейший вопрос – границы и землеустройство – оказались в непримиримом противоречии. Кавказская администрация была не в состоянии адекватно решить вопрос [16. С.64].

Вся полнота власти в областных, окружных и участковых органах власти находилась в руках российских офицеров. Но как показала практика, такое сочетание административных рычагов в одних руках, создавало серьезные трудности в налаживании мирной жизни.

В 1860-х годах «в регионе впервые возникли административные границы, легитимные для российской государственности. До этого существовали лишь этнические границы, установленные скорее по праву сильного, нежели освященные традицией или имеющие сколь-нибудь существенное формально-правовое закрепление. Новые этнические границы также появились по праву сильного, но теперь они сопровождались тем административным, государственным оформлением, которое послужило зачатком нынешней этнополитической конструкции региона» [26. С. 9].

Мирная жизнь в области быстро дала экономические «плоды». Наместник Кавказа, обосновывая необходимость совершенствования системы управления и создания единого гражданского управления для всего населения Терской области, отмечал, что «чеченцы показывают наклонность сделаться со временем очень промышленным населением. Для большей части обществ Терской области, частое общение с русским обуславливается самим соседством их и экономическими данными их территорий. В таких местностях потребность общения горцев с русскими становится ощутимее» [14. С. 645, 646].

В декабре 1869 г. происходит новое административное деление Терской области на семь административно-территориальных округов, из которых три пришлись на Чечню, что фактически отражало ее территориальное и численное доминирование в области. В Грозненский округ вошли земли из Моздокского, Гребенского и 2 Сунженского казачьих полков и Чеченского округа. В Аргунский – из Аргунского округа. В Веденский – из Ичкеринского округа и Западной части На-

горного округа [17. С. 168].

Следующим шагом административных преобразований стал Указ Александра III от 24 марта 1888 года «Об учреждении управления Кубанской и Терской областями и Черноморским округом». От имени командующего войсками Кавказского военного округа начальники областей наделялись неограниченными правами в отношении горских народов [23. С. 52]. Этот указ З.Х. Ибрагимова называет «Военно-казачьим» [12. С. 28].

В связи с этим положением устанавливались новые принципы управления Северным Кавказом. Теперь, помимо войскового сословия, гражданское население региона попадало под юрисдикцию командующего войсками Кавказского военного округа.

В годы первой российской революции (1905–1907 гг.) администрация Терской области инициировала выделение из Сунженского отдела ингушей и создание Назрановского округа. Соответствующий закон «Об образовании в Терской области Назрановского округа» был подписан Николаем II только 10 июня 1909 г. [20. Л. 67–68].

Появление новой административной единицы (1860 г.) привело к изменению ее внутренней структуры. Терская область состояла из округов, населенных горскими народами, и Терского казачьего войска. Сложное размещение тейпов и обществ в Терской области определило трудности административного управления населением региона.

Таким образом, исторический экскурс в административно-территориальные особенности Терской области наглядно показывает сложность сложившейся системы управления, которая оказывала существенное влияние на развитие ремесла, торговли и промышленности в Терской области.

Литература

1. Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX вв.). – Грозный, 1980. – С. 53-61.
2. Берже А.П. Чечня и чеченцы // ССКГ. Тифлис, 1872. Т. VII. 1–141 с.
3. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 492 с.
4. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год: в 3-х частях. - СПб.: Типография Императорской академии наук, 1869. – 621 с.
5. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII XIX вв. Архивные

материалы. – М.: ИВЛ, 1958. – С. 231–258.
6. Вахушти Багратиони. Описание грузинского царства. / Под ред. Т. Ломоури и Н. Бердзеншвили. - Тбилиси: Грузинское книжное изд-во, 1941. – 251 с.
7. Вехи единства: Сборник статей, посвященных 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. – Грозный: Грозненское книжное изд-во, 1982. – 274 с.
8. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М.: Наука, 1974. – 280 с.
9. Горчханова Г.А., Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Русско-вайнахские отношения в начале 60-х годов XVIII в. // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1989. – С. 82.
10. Джавахишвили И.А. Экономическая история Грузии. – Тбилиси, 1930.
11. Дзамихов К.Ф. Адыги и Россия. – М.: Поматур, 2000. – 288 с.
12. Ибрагимова З.Х. Annotation монографии «Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период». – М.: Пробел-2000, 2007. – 84 с.
13. История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. Учебник. / Отв. ред. Малахова Г.Н. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – 284 с.
14. История Чечни с древнейших времен до наших дней. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2016. Т. 3. – 656 с.
15. Кузьминов П.А. Этнодемографическая карта народов Терека: размещение, численность и миграция населения в конце XVIII – первой половине XIX века // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. – Нальчик: Эль-фа, 2004. – С. 641– 760.
16. Кузьминов П.А. Образование Терской области в 1860 г. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Третьей международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. – Армавир: Армавирское полиграф-предприятие, 2002. – С. 61–64.
17. Мужухоева Э.Д. О влиянии буржуазных реформ 60–70-х годов XIX в. в России на административное и судебное устройство в Терской области (на примере Чечено-Ингушетии) // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. – Грозный: ЧИИИСиФ, 1981. – С. 163–173.
18. Покорённый Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. – СПб., 1904. – 664 с.
19. Потто В.А. Кавказская война. Ермоловское время. – Ставрополь, 1994. Т. 2. – 688 с.
20. РГИА. Ф. 1152. Оп. 8. Д. 221. Л. 67–68.
21. СОИГСИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 35. Л. 13–16. Все данные по численности локальных этнических вайнахских групп взяты Волковой Н.Г. из записки: Д.А. Милютин. Материалы по истории Кавказа. Чечня. // Рукописный фонд ГБР. Ф.169. Кор. 81. Д.7. Л. 22-26.
22. Терский календарь на 1898 год. – Владикавказ, 1897. – 333 с.
23. Хасбулатов А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX в.). – М.: Русь, 2001. – 238 с.
24. ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1790. Л. 14 об.
25. ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1790. Л. 14 об.
26. Цуциев А., Дзугаев Л. Северный Кавказ 1780–1995: история и границы. – Владикавказ: Проект-Пресс, 1997. – 78 с.
27. Шавхешвили А.И. К вопросу о переселении чечено – ингушских племён с гор на равнину // Известия Республиканского Краеведческого музея. – Грозный, 1961. Вып. 10. – С. 113-132.

УДК: 94(47)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Холлиев Азизибек Гузалович
кандидат исторических наук, доцент, Национальный университет Узбекистана
azizbekholliev@gmail.com

Аннотация: *В данной статье рассматриваются основные направления развития экономических связей России с зарубежными странами в конце XIX - начале XX века.Основное внимание уделено изучению таких аспектов, как создание правовой базы деятельности иностранных предпринимателей в России, развитие внешних торговых отношений, привлечение иностранного капитала в российскую экономику.*

Ключевые слова: *Россия, экономические связи, внешняя торговля, иностранный капитал, законодательно-правовой база.*

Потребность в глубоком изучении истории внешних экономических связей страны вытекает из конкретных практических потребностей общества и, на наш взгляд, должно отвечать этим запросам.

Историческую эволюцию внешних экономических связей необходимо рассматривать на примере основных аспектов и направлений. Это, в первую очередь, имеет отношение к созданию законодательно-правовой основы осуществления внешнеэкономической деятельности, эволюции внешнеторговых связей, привлечению в отечественную экономику зарубежных инвестиций.

На протяжении многовековой истории можно увидеть сложный и противоречивый характер взаимодействия процессов мирового и российского экономического развития. Необходимо отметить, что периоды взаимного сотрудничества сменялись временами острой конкуренции. Несомненно, что это во многом определяет основные задачи и цели изучения истории внешних экономических связей России.

В рассматриваемый период Россия была интегрирована в процессы мировой истории. Геополитическое положение России предопределяло ее участие в мировой политике. По мощи финансового капитала она уступала «большой четверке», то есть Англии, Соединенным Штатам Америки, Франции и Германии.

В конце XIX века перед Россией стояла задача создания современной промышленности и ускорения развития сельского хозяйства. Однако страна не имела возможности для одновременного решения

обеих задач.

Нужно отметить, что российский промышленный и финансовый капитализм имел специфические характерные черты. Если смотреть на проблему с экономической точки зрения, то одна из главных особенностей заключалась в том, что Россия в гораздо большей степени ввозила капитал, чем вывозила его, причем в импорте особую роль играло государство.

Ускорение промышленного развития в 90-е годы, упрочение финансов и введение золотого рубля хотя и укрепили российскую экономику, но еще не позволяли ему на равных конкурировать с западными странами в борьбе за мировые рынки.

Изучение развития внешнеэкономических связей России в конце XIX – начале XX вв. необходимо проводить на основе определенных подходов. Рассмотрение истории внешнеэкономических связей должно базироваться во взаимосвязи основных аспектов эволюции внешнеэкономической деятельности страны в целом и с учетом условий конкретно взятого исторического периода.

Динамика внешних экономических связей, в том числе внешней торговли, сложный механизм становления и развития их ведущих форм, переплетения их на различных этапах. Специфика эволюции внешнеэкономической деятельности могут быть изучены и осмыслены лишь в исторической последовательности и преемственности.

Исследование состояния внешнеэкономических связей России с не должно ограничиваться только накоплением исторических фактов, превращаться в простое описание событий[5, с. 3]. Следует учитывать, что в историко-экономической литературе многие, нередко принципиальные вопросы российской внешнеэкономической истории носят дискуссионный характер.

В рассматриваемом периоде большое внимание уделялось формированию законодательно-правовой базы развития экономических связей России с зарубежными странами. Особое место, при этом должно было уделено созданию благоприятного климата для прямых иностранных инвестиций как наиболее дешевого источника финансирования модернизации российской экономики. Поэтому необходимо было создать такой механизм правовых гарантий финансовых и иных материальных вложений для иностранных предпринимателей в России, который был бы не только привлекателен для инвестора, но и полностью учитывал российские национально-государственные интересы[10, с. 3].

Законодательству принадлежит первенствующая роль среди институциональных норм предпринимательства, оно определяет отношения не только между государством и предпринимателями, но и между субъектами экономики. Именно поэтому одним из наиболее важных направлений работы правительства стало создание законодательной базы, регулирующей деятельность иностранных предпринимателей на территории Российской империи. Следует отметить, что законодательство о деятельности иностранного капитала лаконично вписалось в общую правовую среду предпринимательства России. Правительство было заинтересовано в привлечении иностранного предпринимательства в Российскую империю для содействия наиболее быстрому экономическому развитию. До конца XIX века иностранный частный производственный капитал шел в Россию с большой неохотой. Это объяснялось юридической необеспеченностью прав иностранных компаний и граждан и значительными ограничениями в их деятельности, а также валютными колебаниями курса бумажного рубля с тенденцией к обесцениванию. В 1897 году была проведена денежная реформа, обеспечившая Россию твердой валютой. В 1891 году был принят новый таможенный тариф, определивший невыгодность ввоза товаров по сравнению с ввозом капиталов. Это побудило иностранных предпринимателей к учреждению дочерних фирм зарубежных компаний, открытию их филиалов в России[1].

К первой группе можно отнести серию общих законов империи, которые включались в хронологическом порядке в Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ), а в отраслевом – в Свод Законов Российской Империи (СЗ). Специальные законоположения – указы императора, положения Комитета министров и мнения Государственного Совета – составляют вторую группу. К третьей группе можно отнести межгосударственные торговые трактаты, заключенные Россией с отдельными государствами, которые содержат нормы, определяющие положения иностранцев в империи, в общем, и регулирующие их права на торгово-промышленную деятельность, в частности. При этом необходимо отметить, что часто общее внутреннее законодательство о правах предпринимательства иностранных подданных в ряде случаев входило в противоречие с положениями о правах иностранцев, закрепленными в международных договорах, заключенных Россией. Общее правовое положение и статус иностранных подданных были определены в Законах о состояниях[10, с. 34].

Законы 1 января 1863 г и 9 февраля 1865 г. знаменовали собой

поворот в политике правительства не только по отношению к российскому предпринимательству, но и к иностранному. Отныне в России устанавливались принципы бессословности и равенства русских и иностранных подданных. Эти важнейшие принципы предпринимательской деятельности на практике не были выдержаны до конца. Только с принятием нового Положения о государственном промысловом налоге 1898 г. было окончательно отвергнуто сословное начало и право на занятие торговлей и промышленностью стало независимым от приписки к купеческому сословию. В 80-е годы правительство пересмотрело ряд законов, закладывавших основы предпринимательской деятельности. Все эти законы отразили изменившееся правовое положение иностранного предпринимателя. Основные законы страны зафиксировали принцип равенства русских и иностранных подданных в предпринимательской деятельности[4, с. 21].

Признание за иностранцами права на владение недвижимостью, в том числе землей, создавало благоприятные условия для предпринимательской инициативы. Ст. 830 Законов о состояниях разрешала иностранцам приобретать «как через куплю, так и по наследству, завещаниям, дарственным надписям, отводам из казны и т.п. всякого рода движимое и недвижимое имущество»[4, с. 21].

Привлечение средств из-за рубежа стало одной из основ экономической политики министра финансов С.Ю. Витте и его преемников.

Иностранный капитал поступал в Россию в двух главных формах — инвестиции в народное хозяйство и займы. Зарубежные капиталовложения в акции и облигации русских предприятий на рубеже веков приближались к 1 млрд., а ко времени мировой войны — к 2 млрд. руб. [2, с. 445]. Их удельный вес составлял примерно 1/3 совокупного акционерного капитала страны. Роль зарубежных капиталовложений в развитии российской экономики была неоднозначна. Их приток способствовал индустриализации страны. Быстрый промышленный рост России в 90-е годы XIX в. и в 1909—1913 годах был, несомненно, связан и с импортом капитала.

Параллельно с притоком инвестиций в народное хозяйство развивался другой, более важный с внешнеполитической точки зрения процесс роста финансовой зависимости царского, а с февраля 1917 года Временного правительства от иностранных держав в результате размещения за границей русских займов и ценных бумаг. Приток иностранного капитала в ссудной форме значительно превышал зару-

бежные инвестиции в экономику. На рубеже веков он составлял примерно 4 млрд., а в 1913 году — 5,6 млрд. руб. Резкое увеличение задолженности России — на 7,25 млрд. руб. — произошло за время мировой войны[9, с. 295].

Конверсия русских займов, приведшая к переходу русских ценных бумаг с немецкого на французский денежный рынок, подвела определенный экономический фундамент под здание союза с Францией. Самый крупный в истории России до мировой войны заем (апрель 1906 г.) сыграл заметную роль в последующей ориентации царского правительства на англо-французскую Антанту. Заем января 1909 года подкрепил недостаточно эффективное взаимодействие России с Францией и Англией в ходе боснийского кризиса. Французские займы России кануна мировой войны обусловливались развитием железнодорожной сети у западной границы в интересах ускорения развертывания русской армии против Германии. Наконец, военные займы 1914— 1917 годов консолидировали Тройственное согласие и подкрепляли недостаточный собственный экономический потенциал России, игравшей важную роль в совместной борьбе.

В конце XIX — начале XX века российская внешняя торговля развивалась быстрыми темпами, не уступавшими росту мирового рынка. За период с 1894 по 1913 год ее общий оборот вырос более чем в 2 раза. Однако удельный вес ее в мировой торговле увеличился за это время незначительно (с 3,2 до 3,6%). По объёму внешней торговли Россия занимала лишь восьмое место, уступая не только Англии, Германии, Соединенным Штатам и Франции, но и Австро-Венгрии, Голландии и Бельгии[3, с. 65]. А по оборотам внешней торговли на душу населения она отставала даже от таких стран, как Турция и Персия или Болгария и Греция. Это объяснялось не только недостаточно высокой конкурентоспособностью российских товаров, но и тем, что подавляющую часть производимой продукции (более 9/10) поглощал внутренний рынок.

Россия в конце XIX — начале XX века по-прежнему поставляла за границу преимущественно сельскохозяйственные товары на долю которых приходилось до половины общей суммы российского экспорта.

Структура российского импорта в этот период также оставалась в основном без изменений. Самыми крупными его статьями были машины, хлопок, шерсть, чай, химические продукты и уголь. По мере роста собственной промышленности потребность в импорте про-

мышленных товаров снижалась, и перед войной наибольшая зависимость русского рынка от заграницы наблюдалась в отношении машин и оборудования, станков, химических изделий и некоторых продуктов цветной металлургии.

Российская внешняя торговля страдала рядом существенных недостатков, которые в рассматриваемый период изживались медленно и постепенно. Так, ее зарубежная торговля не могла опереться на широкомасштабный вывоз капитала. Еще одним изъяном служила малочисленность русского торгового флота в условиях, когда удельный вес морских перевозок во внешней торговле России был преобладающим. Нехватка капиталов затрудняла кредитование торговых операций, организацию перевозок и хранение товаров.

Слабые стороны российской внешней торговли отчасти компенсировала энергичная поддержка ее со стороны государства — протекционистские таможенные тарифы, экспортные премии и пр.

Правительство России придавало большое значение развитию внешней торговли, в особенности экспортной. Суммы, полученные в результате превышения экспорта над импортом, позволяли иметь активный платежный баланс и послужили «одним из самых могущественных факторов экономического прогресса»[7, с. 313]. Действительно, только за десятилетие — с 1904 по 1913 год — внешнеторговый оборот влил в народное хозяйство страны около 3,2 млрд. руб.

Для России, вступившей на путь индустриализации, потребность в создании заградительных таможенных барьеров была особенно острой. Уже в 1891 году российское правительство ввело внешнеторговый тариф, невиданный по высоте таможенных ставок.

Уже в 1893 г. тариф 1891 г. сохранялся лишь для стран, наиболее благоприятствовавших России; для остальных действовали надбавки на 30% на готовую продукцию и на 20% на полуфабрикаты. В 1900 году были увеличены пошлины на предметы роскоши[8, с. 127].

В начале XX века тариф был пересмотрен и 13 января 1903 г., после утверждения императором, получил силу закона.

Из 218 статей прежнего тарифа по 91 статье пошлины были значительно повышены. Увеличение ставок коснулось в первую очередь химических продуктов, машин, станков, черных и цветных металлов и изделий из них. Новый тариф означал продолжение и укрепление прежнего протекционистского курса правительства.

Принятие нового тарифа было тесно связано с подготовкой к пересмотру заключенных в 90-х годах XIX в. конвенционных торговых

договоров.

Россия в наибольшей мере были вовлечена в товарооборот с развитыми, главным образом европейскими, странами. В годы, предшествовавшие мировой войне, на долю европейских стран приходилось 90% русского экспорта и 76% импорта[6, с. 24].

Характерная черта российской внешней торговли состояла в привязанности к крайне узкому числу традиционных адресатов.

Российская экономика почти неизменно на всем протяжении XIX века по своей природе могла добиваться превышения экспорта над импортом за счет стимулирования экспорта сельскохозяйственных продуктов, лесоматериалов и сырья с той целью, чтобы финансировать импорт промышленных товаров. Система этих торговых отношений имеет долгую предысторию, в ходе которой менялся ассортимент внешнеторгового оборота, но не его смысл.

Россия в рассматриваемый период выступала не только активным участником европейского и мирового рынка, но и была лидером по отдельным статьям экспорта.

В целом, развитие экономических связей России с зарубежными странами в конце XIX - начале XX века происходило достаточно успешно и характеризовалось определенной многовекторностью.

Литература

1. Васильева Л.В. Правовые основы деятельности иностранных предпринимателей в Российской империи в конце XIX – начале XX веков. // URL: http://nikolai2.ru/pravovye-osnovy-deyatelnosti-inostrannyh-predprinimatelej-v-rossijskoj-imperii-v-kontse-xix-nachale-xx-vekov.html
2. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. М.,1948.
3. Ден В. Положение России в мировом хозяйстве. Пг., 1922.
4. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М., 1997.
5. Ионичев, Н. П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века). –М.: Аспект-Пресс, 2001 // URL: https://docplayer.ru/35466965-Vneshnie-ekonomicheskie-svyazi-rossii-ih-nachalo-hh-veka.html#show_full_text
6. История внешней политики России. конец XIX-начало XX века. – М., 1997.
7. Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1903-1919. Кн.2, –М., 1992,
8. Самохин Ю.М. Экономическая история России. - М., 2001.
9. Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). – М.,1960.
10. Смирнов С.А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в России во второй половине XIX-начало XX веков: Дисс. канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.

УДК: 338.47(479)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРИКАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Гасанов Магомед Алиевич
доктор экономических наук, профессор, ФБГУ
Институт социально-экономических исследований
Дагестанского научного центра Российской академии наук
aida3259@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются экономические аспекты формирования и развития международных отношений в Прикаспийском регионе. Для обеспечения устойчивого функционирования производственной инфраструктуры предлагается сосредоточить усилия на разработке динамической радикальной модели инфраструктурной сферы. Полученные научно-практические результаты исследования обсуждены на годовом научном отчете и могут быть использованы для перспективного развития производственной инфраструктуры в международных отношениях в регионе.*

Ключевые слова*: развитие, экономические аспекты, инфраструктура, международные отношения, формирование.*

В устойчивом развитии международных экономических отношений в Прикаспийском регионе напрямую связаны развитием производственной инфраструктуры как важных артерий экономики. Недостаточный уровень развития производственной инфраструктуры РФ и ее регионов, несовершенство организации комплексного управления наносят существенный ущерб экономике и населению, замедляя темпы импортозамещения народнохозяйственной продукции. В связи с этим совершенствование управления отрасли является приоритетной задачей государственной политики. Производственно-информатизационный комплекс региона, являясь составной частью инфраструктуры, обеспечивает региональную связанность, свободу передвижения граждан, способствует укреплению федеральных отношений, социально-экономическому развитию территорий, росту предпринимательской активности.

При этом, особо хотелось отметить научные труды известного ученого федерального масштаба талантливого профессора, академика Академии наук Чеченской республики Явуса Зайидиевича Ахмадова легла в основу развития как исторических, так и гуманитарных наук страны и ее регионов.

Решение приоритетных задач регионов Северного Кавказа, в том числе и РД возможно только на основе коренного реформирования деятельности производственной инфраструктуры. В настоящее время главное состоит в том, чтобы обеспечить финансирование этой отрасли, добиться того, чтобы отраслевая инфраструктура, международных отношений соответствовали экономическим и социальным потребностям. Без развития инфраструктуры полноценная реализация и национальных проектов невозможна [5].

Следовательно переориентации экономики на рыночные отношения на первый план выдвигаются вопросы улучшения функционирования производственной инфраструктуры в стратегии устойчивого регионального развития. Укрепление рыночных отношений происходит по пути формирования и развития смешанной экономики, где взаимодействуют рынок и государственное регулирование. Роль и масштабы последнего определяются как общим состоянием экономики, так и особенностями развития международных отношений. В совокупности они позволяют определить цели и задачи, а также формы и методы воздействия государства на те или иные сферы экономики. Это в полной мере относится к производственной инфраструктуре, роль и значение которой неуклонно возрастает в ходе создания социально-экономических и организационных основ развития международных экономических связей России производства.

Непременным условием комплексного развития производственной инфраструктуры в экономическом развитии региона должно стать широкое развитие научных исследований, которые обеспечивают высокий уровень эффективности функционирования отраслевой инфраструктуры РД. Повышение организационно-технического уровня производственной инфраструктуры непременно потребует создания специального фонда для финансирования актуальных научных исследований и разработок государственной поддержки для устойчивого развития регионов Северного Кавказа. Формирование региональной инфраструктурной политики требует и совершенствования законодательной базы в этой области, разработки федеральных и региональных целевых программ по развитию производственной инфраструктуры, связанных с решением социально-экономических проблем страны в международных отношениях производства горных районов Дагестана.

Ввиду невозможности решения целого ряда насущных проблем инфраструктуры в рамках традиционных методов управления целе-

сообразна разработка и реализация региональных программ развития отдельных ее составляющих в структуре международных отношениях. Наряду с этим необходима разработка и реализация программы развития всего комплекса производственной инфраструктуры как в масштабе отдельного региона Северного Кавказа, так и РД. Реализация таких программ будет способствовать ускорению рыночных преобразований в отраслях производственной инфраструктуры, созданию благоприятных условий для развития бизнеса, производства и экспорта инфраструктурных услуг, а значит и комплексному региональному развитию. Кроме того, откроются возможности эффективной интеграции региона инфраструктурную систему, содействия реализации экспортного потенциала национальной инфраструктурной отрасли, надежного и эффективного инфраструктурного обеспечения экономических связей со странами СНГ, ближневосточного рынка и гарантированного использования их инфраструктуры для транспортировки внешнеторговых народнохозяйственных грузовых потоков.

В первую очередь, должна быть обеспечена связанность территории как в национальных границах, так и в региональном разрезе, исходя из возможности доступа к сети по подъездам с твердым покрытием, необходим учёт стратегических интересов Дагестана, а именно: бесперебойное движение вне зависимости от сезонности и погодных условий; доведение транспортно-эксплуатационных качеств дорог до уровня международных стандартов; повышение безопасности дорожного движения и сокращение числа происшествий по причине дорожных условий [7].

Действующая в настоящее время система государственного регулирования в отрасли инфраструктуры недостаточно эффективна и нуждается в реформировании в направлении, отвечающем стоящим перед регионом задачам и особенностям развития сложившегося в комплексе региона. При этом надо иметь в виду обстоятельства формирования отрасли, связанные с ломкой отживших экономических и социальных отношений, ошибками приватизации и либерализации экономики, недостаточным обеспечением проводимых реформ. В то же время следует учесть, что всё ещё отсутствует механизм экономической и социальной стабильности, а это резко снижает управляемость хозяйственными процессами импортозамещения и развития инфраструктурного сектора региона.

Обеспечить реализацию направлений развития инфраструктурного комплекса позволит разумная инвестиционная политика, преду-

сматривающая участие государства в финансировании в первую очередь тех инфраструктурных объектов, которые имеют особую государственную значимость. При этом важно наращивать инвестиционный потенциал как за счет самих предприятий и объектов, так и частных инвесторов. Исследование и прогнозирование производственной инфраструктуры в условиях импортозамещения и подъема экономики региона следует вести комплексно как одно целое, имеющее единое функционально-целевое назначение включающее развитие всех составляющих инфраструктуры.

Одно из приоритетных направлений совершенствования производственной инфраструктуры международных отношениях – усиление комплексности, переход к взаимосвязанной системе прогнозных расчетов. Это служит основой и инструментом реализации программы регионального развития. Дальнейшее существование этой отрасли экономики зависит от того, насколько быстро будут приняты меры для обеспечения условий ее устойчивого функционирования в условиях импортозамещения продовольствия. Формирующиеся рыночные механизмы должны сыграть существенную роль в структурной перестройке экономики в Прикаспийском регионе региона в результате которых составляющие производственной инфраструктуры наряду с прочими вторичными и третичными секторами экономики (обрабатывающая промышленность, строительство, интеллектуальная деятельность) займут одну из ведущих экономических основ. Отличительные черты инфраструктурного комплекса Прикаспийского региона приведены в рис. 1.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости увеличения объемов капвложений в развитие производственной инфраструктуры на территории Северного Кавказа с целью выравнивания уровней развития и обеспеченности основными фондами инфраструктуры. Данные анализа полезны региональным органам управления для разработки и реализации инвестиционных программ развития инфраструктуры с учетом интересов импортозамещения всех её составляющих как в производственной, так и в социальной сферах экономики в условиях импортозамещения народнохозяйственных товаров и развития рыночных механизмов, важны для разработки основных положений концепции развития объектов производственной инфраструктуры в международных отношениях.

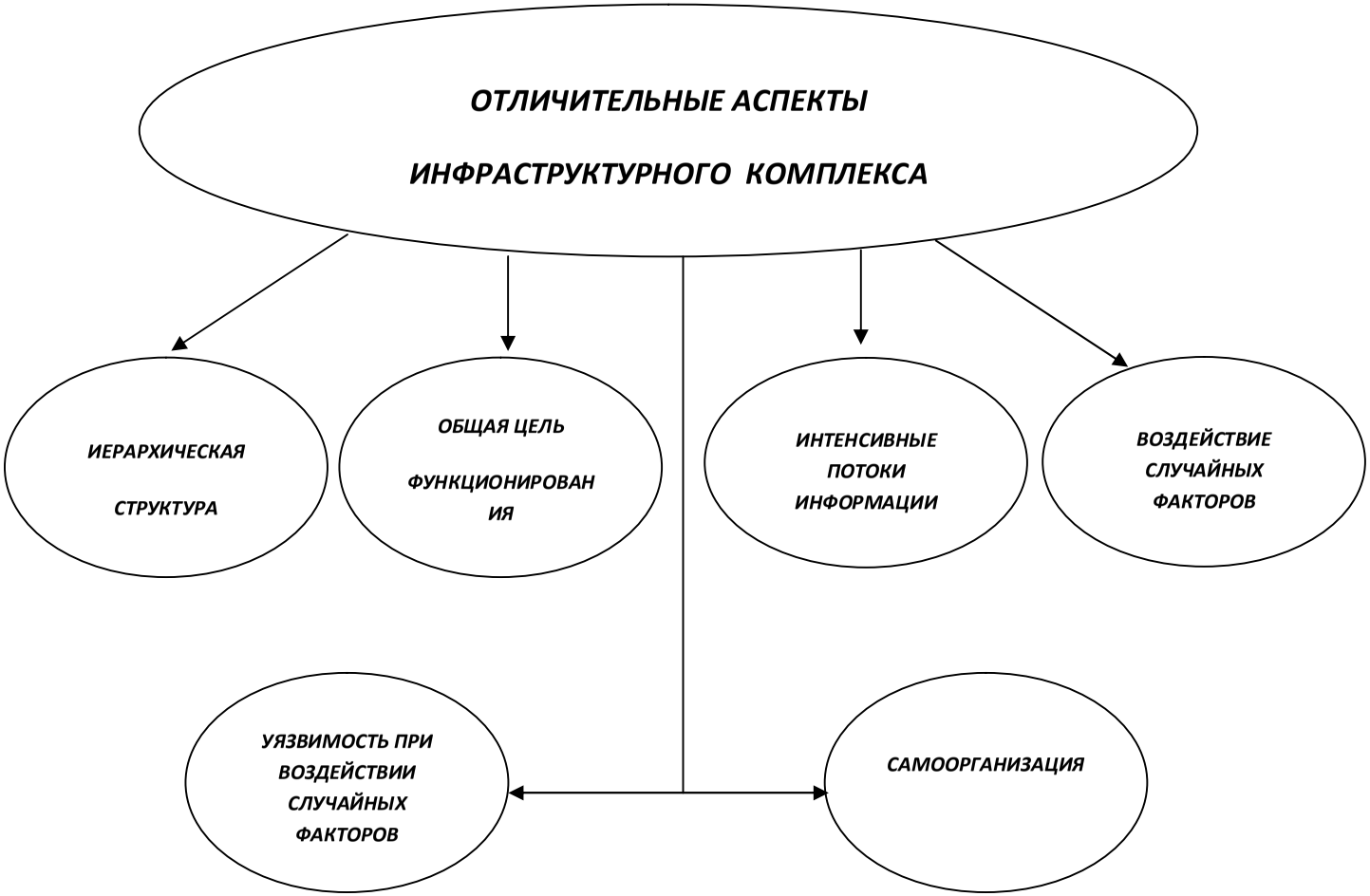

Рис. 1. Отличительные черты инфраструктурного комплекса региона

Необходимость проведения эффективной и целенаправленной государственной политики в сфере производственно-дорожной инфраструктуры продиктована временем. Стратегической целью её проведения должно стать формирование такой системы дорожной инфраструктуры, которая бы гарантированно удовлетворяла социальные, экономические и другие специальные требования. Однако вся структурная перестройка возможна при усиления государственного регулирования деятельности инфраструктурной сферы. Это должно быть органично увязано с общими направлениями и прогнозами социально-экономического развития Прикаспийского региона, отвечать требованиям экономической эффективности капитальных вложений и предусматривать существенное повышение технического уровня объектов инфраструктуры международных отношениях [6].

К числу важнейших приоритетов развития и реформирования системы инфраструктуры международных экономических отношениях следует отнести дальнейшее совершенствование ее и управляющих структур, чтобы обеспечить повышение управляемости предприятиями инфраструктурного комплекса и безусловное проведение государственной политики, осуществлять госрегулирование и контроль деятельности объектов инфраструктуры.

В рамках этого направления первостепенной представляется задача создания законодательно-правовой и нормативной базы, отвечающей новым условиям хозяйствования, обеспечивающей согласование интересов предприятий производственной инфраструктуры с общественными интересами, а также юридическое закрепление прав и обязанностей этих предприятий. Следовательно комплексное и взаимосвязанное решение поставленных вопросов позволит обеспечить более эффективное функционирование производственной инфраструктуры в условиях развития международных экономичнеских отношений в долгосрочной перспективе развития региона.

Экономика Прикаспийского региона состоит из множества отраслей. Каждая из них специализирована на производстве определенного вида товарно-материальных ценностей или оказании каких-либо услуг другим отраслям экономики и населению региона. Основу экономики составляют так называемые базисные отрасли: промышленность, строительства и АПК. Их эффективное функционирование в значительной степени зависит от обеспечения инфраструктурой. Услуги, оказываемые инфраструктурой базисным отраслям экономики, относятся к области материального производства, а услуги, ока-

зываемые населению и отраслям непроизводственной сферы, - к непроизводственной деятельности инфраструктуры [2].

Система управления производственно-информатизационной инфраструктурой в международных отношениях должна базироваться на принципах, обеспечивающих единство управления отраслью и устойчивость ее развития. В связи с этим важнейшей задачей развития системы управления инфраструктурой представляется разработка принципов построения и методов реализации управления, обеспечивающего целостность, безопасность и эффективность её функционирования, баланс интересов и координацию взаимоотношений собственников и менеджмента производственных компаний всех форм собственности между собой и другими заинтересованными сторонами Ключевым приоритетом создания такой системы управления инфраструктурой является автоматизация и интеллектуализация на основе инновационных решений новых информационных технологий, включая различные виды обеспечения автоматизированных систем: организационное, методическое, информационное, математическое, программное и техническое.

Проведенный анализ свидетельствует большие возможности содержатся в использовании потенциала производственной системы инфраструктуры региона. Пути решения проблемы предполагают реализацию инфраструктурного потенциала региона, который целесообразно строить на основе методологии формирования производственно-информатизационной сферы коридоров, развивая формы и методы организации грузо- и пассажиропотоков таким образом, чтобы реализовать принципы «от двери до двери», «точно в срок». Первоочередную роль в этих процессах должны сыграть формирование современной системы экспедирования, переход на новый уровень качества рынка операторских услуг в отраслях производственной инфраструктуры в международных отношениях.

При этом надо иметь в виду и такой важный фактор как формирование единого информационного пространства международных связях, организации эффективного электронного документооборота путём унификации и стандартизации соответствующего документооборота, объектов инфраструктуры на компьютерной географической карте свободно изменяемого масштаба. Это предполагает также внедрение принципа интеграции телекоммуникационных технологий связи и передачи данных с информационными (источниками и потребителями информации), что ведет к необходимости построения ин-

фотелекоммуникаций, обеспечивающих оптимальное функционирование единого информационного пространства (ЕИП). При этом глобализация и интеграция инфотелекоммуникаций определяют общее целенаправленное развитие информационного пространства международных отношений. Средством решения указанных проблем являются также новейшие компьютерные технологии, внедренные на основе современных математических методов и моделей, позволяющих успешно решать комплекс задач логистики, функционирования и взаимодействия различных видов производственной инфраструктуры. Важное значение в формировании единого пространства должны иметь глобальные информатизационные системы инфраструктуры связи.

Развитие информатизационных сетей позволяет предпринимателям достигать значительной экономии производственных ресурсов. Так, по данным опросов предпринимателей Дагестана, стоимость передачи и обработки информации в результате использования сетей связи сократилась в 40–45 раз. Это было достигнуто благодаря снижению расходов на рабочую силу, обслуживающую обмен информацией, более эффективному использованию имеющейся информатизационной техники. Структура объема информатизационных услуг связи РД на начало 2017 г. приведены на рис. 1.

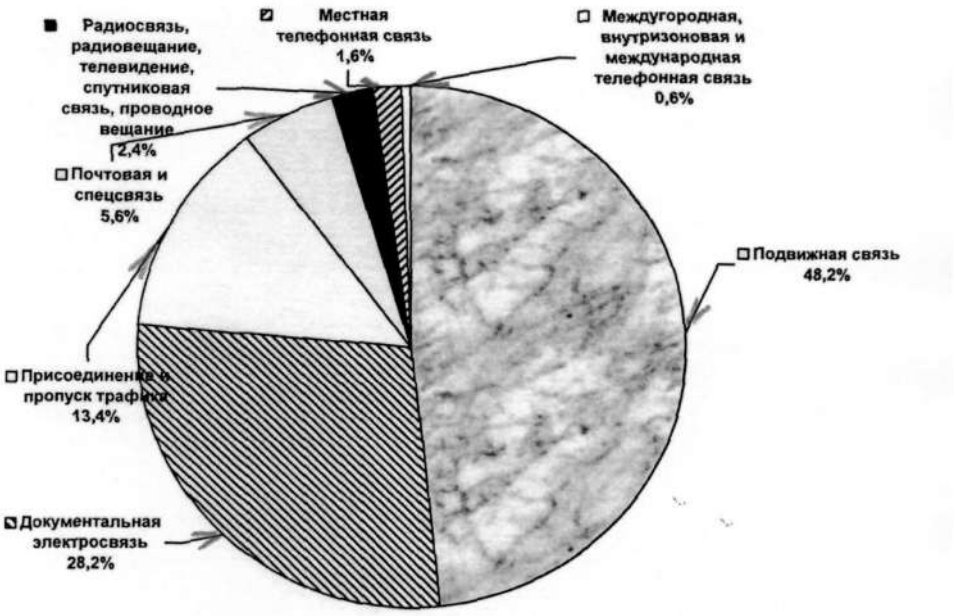

Рис. 1. Структура объема информатизационных услуг связи, %

В условиях формирования гражданского общества цифровая сеть и информатизация представляет огромную ценность, так как на ее основе принимаются оптимальные управленческие решения. Для того чтобы собрать информацию, аналитически обработать и выработать предложения по организации функционирования, предприятия и организации используют информатизационные технологии. Создание и внедрение современной системы обработки и передачи информации в сфере маркетинга для обслуживания рыночной экономики дагестанских связистов – единственный путь перехода к экономическим методам управления.

Для дальнейшего и устойчивого развития цифровой экономики отрасли и формирование единого рынка услуг желательно прежде всего – разработать программу комплексного развития всех новых видов инфраструктуры связи в условиях рыночного регулирования цифровой экономики Дагестана, Северо-Кавказского федерального округа. Следует обеспечить развитие инфраструктуры связи в сельской местности, повышение уровня жизни крестьян в регионе (решить проблему создания сельской системы инфраструктуры). Ввести льготные тарифы на агропромышленном комплексе, создать новую систему управления инфраструктуры связи в АПК с учетом государственной поддержки развития её составляющих. Таким образом, взаимосвязанное и комплексное решение поставленных вопросов и стратегические ориентиры развития позволит обеспечить более устойчивое функционирование и модернизация системы информатизации и средств связи в развитии экономики.

В нынешних условиях, когда Россия включена в общемировое телекоммуникационное пространство, успешное развитие отрасли возможно лишь при постоянной финансовой поддержке государством усилий региональных акционерных обществ связи и информатизации. Только такой подход ускорит проведение интегрирующей экономической политики развития цифровой экономики. Информация и связь для общества и каждого из нас – это не просто средство общения, но и насущная потребность, растущий спрос на доступ к международным информационным ресурсам.

Развитие системы инфраструктурной логистики осуществляется благодаря согласованию режимов производства и потребления с сервисным режимом подачи инфраструктурных услуг, пограничной и таможенной обработки, хранению, переработке и распределению продукции. Приоритетным направлением обеспечения эффективного

функционирования инфраструктуры служит формирование сети логистических центров. Для обеспечения устойчивого функционирования этих центров целесообразно сосредоточить усилия на разработке динамической модели инфраструктурной сферы, учитывающей текущее и прогнозируемое на планируемый период времени состояние производственной инфраструктуры (грузовые терминалы, аэропорты, склады грузоотправителей, предпортовые станции, порты, вагоны, суда и автотранспорт); грузовых потоков (род продукции, АПК, направление перевозки, сроки и объемы); связанной инфраструктуры (погранпосты, таможенные переходы и т.д.). Создание такой системной модели должно осуществляться на основе теории построения инфраструктурных систем с применением технологий распределенной обработки информации, удаленного мониторинга (архитектура «менеджер – агент», технология «клиент – сервер»), интеллектуальных систем различного назначения, геоинформационных систем, систем навигации и опознания, хранилищ знаний и данных, а также средств предметно-ориентированного описания информации управления для стандартизации обмена ею международных отношений в Прикаспийском регионе.

В целях оптимизации перевозок продукции для организации скоростного движения необходимо решить целый ряд проблем, а именно: провести реконструкцию производственных сетей, искусственных сооружений и систем связи, автоматики, телемеханики и электроснабжения; совершенствовать систему обслуживания отраслей инфраструктуры; также важно обеспечить безопасность инфраструктурных услуг путём строительства ограждающих и защитных сооружений и устройств в жилых зонах, на переездах; возведения шумозащитных экранов; оборудования опасных участков звуковой и световой сигнализацией; переустройства узких и низких платформ. Вместе с тем целесообразно совершенствовать организацию и управление перевозочным процессом в грузовом движении и повышение качества предоставляемых инфраструктурных услуг в международных отношениях.

Выполненный научно-практический анализ развития производственно-информатизационной инфраструктуры международных экономических условиях показал, что необходима координация для формирования новой научной технологии, позволяющей на основе передового мирового и отечественного опыта обеспечивать концентрацию ресурсов научных организаций инфраструктурного комплекса,

отраслевой академии и высших учебных заведений, в том числе и региональных, на следующих стратегических направлениях: научные основы прогнозирования и развития инфраструктурных сетей страны и ее регионов; теория управления системами производственной инфраструктуры; проблемы организации инфраструктурных процессов; энергетика производственно-транспортных (ПТ) систем; теория безопасности отраслевых систем и технологий; информационные технологии на производственной сфере; экологические аспекты инфраструктурных систем подотраслей экономики региона.

Таким образом, предлагаемая программа исследований позволит обеспечить научное обоснование и реализацию мероприятий, целью которых является формирование радикальной интегрированной инфраструктурной системы международных экономических отношений Прикаспийского региона, позволяющей оказывать высококачественные конкурентоспособные инфраструктурные услуги в глобальном масштабе.

Исследовательские рекомендации автора по реализации Послания Главы страны Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. с использованием социально-экономического потенциала международных отношений сводится к следующему: первоочередной актуальной задачей формирования современной производственной инфраструктуры в регионе является создание развитой системы сервисного обслуживания. Эта система может иметь индивидуальный (децентрализованный) характер, либо централизованное обслуживание специализированными центрами сервиса. Последняя, как показывает опыт, имеет большую перспективу.

Первоочередной актуальной задачей является разработка четкой, реальной производственно-инфраструктурной стратегии развития международных экономических отношений. Например по созданию единой инфраструктурной системы, транспортно-складской базы на основе экспортных коридоров или модернизации железных дорог. Стратегическое планирование должно быть крупномасштабным, общенациональным и конкурентно-ориентированным, создавая условия для стабильного экономического роста и появления новых возможностей в отраслевых сферах экономики региона. Россия должна увеличить объемы инвестиций в развитие подотрасли производственной инфраструктуры Дагестана, что будет являться признаком умелой экономической политики в рамках долгосрочной стратегии [3].

Предлагаемая концепция автора содержит ряд новых отраслевых

выводов и положений: федеральные целевые программы целесообразно принимать по приоритетным направлениям развития региона в соответствии с определенными ресурсными возможностями. В связи с этим первостепенное значение придается максимальному использованию внутренних резервов, а также совершенствованию экономических отношений внутри региона – созданию горизонтальных и вертикальных радикальных интегрированных структур; отрасли следует рассматривать не только как сектор экономики, но и как важнейшую составляющую жизни общества, и в этой связи оно должно быть объектом государственной политики; признается необходимость государственного регулирования функционирования продовольственных рынков как эффективного инструмента, от которого зависят результаты деятельности этой отрасли.

Роль производственно-инфраструктурного комплекса в обеспечении страны сырьем и продовольствием повышается. Поэтому инфраструктурная политика должна исходить из стратегических целей, направленных на обеспечение перехода к стабилизации и росту в международных отношениях. С реформированием отрасли заложены основы многоукладной экономики, осуществлены земельные преобразования, структурные изменения относительно роли места производственной инфраструктуры в экономике Дагестана, изменился состав, а также отраслевой и продуктовой структуры производства.

Весьма наглядна связь дорожной инфраструктуры с развитием международных экономических отношений. Неудовлетворительное развитие дорожной инфраструктуры ведет к существенным потерям продукции, что уменьшает конечную продукцию, значительно сужает возможности удовлетворения потребностей населения, тогда как развитие инфраструктуры (в первую очередь автодорожной сети) создает благоприятные условия для эффективного развития международных отношений, что является одним из важных приоритетов его интенсификации на современном этапе.

Необходимо отметить научную новизну исследования, которая состоит в том, что в результате разработки теории и практики по формированию стратегии долгосрочного развития и эффективного функционирования подотраслей региона международных экономических условиях дана комплексная оценка современного состояния и проблем развития региона, разработаны методические подходы и практические рекомендации к формированию стратегии развития предприятий, а также предложены научно обоснованные мероприятия

по разработке процесса управления формирования стратегии развития инфраструктурного комплекса.

Следовательно, автором получены не только теоретические, но и практические результаты, которые могут быть использованы для дальнейшего устойчивого функционирования и развития экономики региона в условиях международных экономических отношений, а также в разработке методических положений и практических рекомендаций по формированию долгосрочной стратегии развития производственно-информатизационной инфраструктуры международных отношениях в Прикаспийском регионе.

Литература

1. Багомедов М.А., Рабаданова А.А. Структурная политика государства в регионах СКФО в условиях геоэкономических вызовов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 12. С. 59-68.
2. Гимбатов Ш.М., Кутаев Ш.К., Дохолян С.В., Садыкова А.М. Формирование государственной политики занятости в трудоизбыточных регионах СКФО РФ // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 12. С. 177–188.
3. Дохолян С.В., Петросянц В.З., Петросянц Д.В., Курбанов К.К., Садыкова А.М. Механизмы формирования и реализации социально-экономической политики устойчивого развития региональной системы. Под общей редакцией д.э.н., проф. С.В.Дохоляна; РАН, ДНЦ ИСЭИ. – Москва: Перо, 2016. – 291 с.
4. Дагестан в цифрах. Краткий статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан. Махачкала, 2018. 445 с.
5. Идзиев Г.И. Региональные особенности развития институтов рыночной инфраструктуры // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 3. С. 81–88.
6. Курбанов К.К., Фейзуллаева А.Р. Системный подход в регулировании процессами развития экономики проблемных регионов СКФО (на примере регионов СКФО) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 11. С. 87–92.
7. Камалова Т.А. Качество и безопасность товаров и услуг. Научный журнал «Апробация». № 7. 2014. С. 59–61.
8. Социально-экономическое положение Республики Дагестан. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан. г.Махачкала 2018 г.
9. Кутаев Ш.К., Сагидов Ю.Н. Современное состояние и проблемы развития промышленности региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 6. С. 62–66.
10. Основное содержание Послания Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию. Москва, 1 марта 2018 г. 40 с.
11. Послание Президента России Федеральному Собранию «Ради достижения нового качества жизни» «Дагестанская правда», 21 февраля 2019 г.

УДК 94(47)

СОВЕТСКИЙ НЭП И КИТАЙСКИЕ АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ 80-х - 90-х ГГ. XX в.: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Алиев Ахмед Шерпудинович
кандидат исторических наук
КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН, г. Грозный
ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова, г. Грозный

Аннотация. *В статье сделана попытка рассмотреть нэповскую политику советской России в 20-е гг. в контексте аграрных реформ Китая 80-х-90-х гг. XX века. Отмечаются общие подходы и различия в аграрной стратегии двух стран. Даётся анализ причин провала советских аграрных преобразований и успехов аграрных реформ в Китае.*

Ключевые слова: *НЭП, кооперация, Н.И. Бухарин, А.В. Чаянов, Китай, Дэн Сяо Пин, аграрные реформы.*

Отец китайских реформ Дэн Сяо Пин как-то заметил, что, если бы А. Косыгину и его команде удалось осуществить задуманные им экономические преобразования, то сегодня мы изучали бы их опыт. Данное суждение не лишено основания. Однако нельзя не признать, что в истории советской России все же был отрезок времени, опыт которого, безусловно, взят на вооружение китайскими коммунистами и учёными. Это период советского НЭПа. Сегодня с сожалением приходится констатировать, что современные успехи Китая в аграрном секторе экономики показывают нашей стране кое-что и весьма существенное из её несостоявшегося будущего. Китайские реформы 80-90-х гг. XX века дали огромный социально-экономический эффект и буквально на глазах преобразили страну.

«Сталинский «термидор», напротив, отбросил Россию на столетие назад. Влачащее жалкое существование сельское хозяйство, вымирающие деревни, тотальная нищета населения - вот наглядный результат сталинской «революции сверху» и дальнейшей политики его многочисленных последователей-реформаторов. Поэтому необходимо вновь осмыслить и опыт НЭПа, и опыт китайских аграрных реформ последних десятилетий XX в., как наиболее приемлемый, на наш взгляд, для сегодняшней России.

Свои аграрные реформы, точкой отсчёта которых в Китае принято считать 1978 г., правительство Дэн Сяопина решило в качестве эксперимента начать в одной из провинций, где была ликвидирована

коллективная система хозяйства, а земля передана в аренду крестьянам. Так как новая система оказалась высокоэффективной, то ее перенесли и на национальный уровень. Вскоре в КНР была проведена земельная реформа с использованием «политики ответственности крестьянских хозяйств», введено свободное ценообразование для крестьян, которые, по мере того как становились богаче, начали покупать промышленные товары. Впервые с 1949 г. в Конституции были закреплены имущественные права граждан, что стало поощрять частную инициативу на селе. В результате с 1981 г. 98% сельскохозяйственных земель в Китае обрабатывается крестьянскими семьями.

Аграрная реформа в Китае доказала свой успех. В 1984 г. сбор зерновых в Китае превысил 400 млн. тонн, что на 30 % превысил показатели 1977 г. В 1985 г., впервые за 25 лет, Китай стал экспортером зерна. Почти в два раза возросло производство молока, в 2,5 раза производство мяса, более чем в 3 раза, производство масличных и сахаросодержащих культур. Эта страна к концу 90-х гг. XX в. более чем в 4 раза увеличила рост производства ВВП на душу населения [1, с.8-9].

Британский историк Теодор Шанин считает, что китайские аграрные реформы 80-90-х гг. XX века являются в своих базовых принципах, реализацией концепции экономиста А.В. Чаянова по возрождению сельского хозяйства в России в 20 - е гг. XX в. [2]. Общеизвестно, что и в России, и в Китае отправной точкой реформ были одинаковые (социалистические) производственные отношения. Россия и Китай - это страны, имеющие огромные территории, с большим многообразием почвенно-климатических и экономических условий. В Китае собственность отделена от землепользования, продается право пользования землей, то есть аренда. Платное землепользование на основе аренды обеспечило полную свободу и самостоятельность хозяйствования на земле. В арендаторе соединяются функции землепользователя и собственника результатов производства. Аренда не разрушает глубинных основ экономического строя, не меняет всего уклада деревенской жизни, а эволюционным путем обеспечивает развитие статуса хозяйствующего субъекта, формирует самостоятельных хозяев - партнеров по рыночным отношениям и создает предпосылки экономического равенства всех товаропроизводителей в условиях многообразных форм хозяйствования.

Сегодня в Китае местные органы заключают с каждой крестьянской семьей подрядный контракт на 15-30 лет на использование зем-

ли. В контракте предусматриваются порядок аренды, плата за землю и др. Каждая семья отдает часть своего дохода деревенскому комитету для создания фонда социального развития, улучшения условий проживания в деревне данной группы семейных арендаторов. Эти средства идут на строительство дорог, водопровода, предоставление льготного кредита для строительства жилья. Широкое развитие получило в Китае кооперативное движение. К началу 2007 гг. в Китае уже действовало более 150 тысяч сельскохозяйственных кооперативов различного профиля, которые объединяли 23 млн. чел. [3, с.51].

Однако всё это, в той или иной мере, уже было в годы советского НЭПа. Ни для кого не секрет, что 20-е гг. XX века в истории России были «опытным полем» для апробации многих аграрных идей и теорий. В середине 20-х годов в советской деревне было разрешено почти всё: аренда и субаренда земли, использование найма рабочей силы и др. Машинно-тракторные станции, прокатные пункты, поселковые товарищества, комитеты крестьянской взаимопомощи, контрактация и многое другое - отнюдь не являются изобретением китайских экономистов-аграрников.

Общеизвестно, что уже к середине 20-х гг. сельское хозяйство СССР по многим показателям достигло довоенного уровня, а в дальнейшем и заметно превысило его. Крестьяне восстановили разоренные гражданской войной хозяйства. Посевные площади в стране к концу 1926 г. увеличились на 5,3 млн. га по сравнению с 1913 г., а в 1928 г. – на 8 млн. га. Росли, хотя и медленно, сборы урожая. Средняя урожайность зерновых культур в 1900-1913 гг. составляла 6,9 центнеров с га., а в 1922-25 гг.-7,6 цен. В 1925 г. хлеба по стране было произведено на 1,7 млн. пудов (или в 1,6 раза) больше, чем в 1920 г. Ежегодный прирост сельскохозяйственной продукции составлял около 10 процентов. Наблюдался и рост благосостояния крестьян. За три года, с 1923 по 1926 гг. душевое потребление мяса сельским жителем увеличилось почти в 2,5 раза. Почти вдвое больше стали потреблять крестьяне молока и молочных продуктов [4, с.14-15.].

В 20 - е гг. XX века для наиболее дальновидных руководителей большевистского руководства становилось уже очевидным, что путь России к социализму лежит через использование рыночных механизмов и товарно-денежных отношений, через допущение всех форм собственности при государственном регулировании смешанной экономики.

Наиболее последовательным сторонником рыночного социализма

в партии большевиков были в этот период Н.И. Бухарин и его сторонники, позже обвиненные сталинским большинством в Политбюро в «правом уклоне». Нельзя не согласиться с точкой зрения американского историка Стивена Коена, что именно «правые», при всех их ошибках, были реальной программной альтернативой сталинизму в 20-е гг. XX века в СССР [5, с.18-19.].

Лейтмотивом через все бухаринские работы 20-х гг., которого в партии называли «Пушкиным нэпа», проходит мысль о том, что установленная в стране диктатура пролетариата держится, прежде всего, на интересах двух основных трудовых классов - рабочих и крестьян. Нарушение баланса интересов этих двух классов путем ускоренной индустриализации за счет грабежа деревни неизбежно приведет, по мнению Бухарина, к разрыву экономической смычки между городом и деревней и идейному краху диктатуры пролетариата [6].

Накануне XV съезда партии, 1927 г., Комиссия Политбюро обратилась к ряду видных учёных-аграрников и специалистов, которым было предложено подготовить материалы с изложением их видения возможных путей развития сельского хозяйства. Откликнулись на этот призыв ученые-экономисты А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев и другие представители экономической науки. Опираясь на объективные закономерности развития аграрной сферы народного хозяйства, строго учитывая специфику российской деревни, её отличительные особенности как исторического, так и природно-географического порядка, учёные сформировали действительно научно обоснованные идеи плана дальнейшего преобразования аграрного строя в нашей стране. По мнению А.В. Чаянова, именно кооперация представляла собой «весьма совершенный вариант крестьянского хозяйства, позволяющий мелкому товаропроизводителю, не разрушая своей индивидуальности, выделить из своего организационного плана те его элементы, в которых крупная форма производства имеет несомненные преимущества над мелкой, и организовать их вместе с соседями» [7, с.20]. Однако взгляды А.В. Чаянова на кооперацию, во многом совпадавшие с ленинским кооперативным планом, вступали в противоречие с той политикой, которая стала проводиться после XV съезда партии в советской деревне. Чем дальше, тем больше кооперативная модель не вписывалась во всё ускоряющийся темп преобразования деревни. А самого А.В. Чаянов с академических и партийных трибун всё чаще называют буржуазным или мелкобуржуазным профессором. Его взгляды квалифицируются как «неонароднические» и далёкие от

понимания задач социалистического строительства.

Несмотря на это, А.В. Чаянов продолжает отстаивать идею относительной устойчивости крестьянского хозяйства. Он писал: «В данной фазе строительства сельского хозяйства дело ещё далеко не в ломке крестьянского хозяйства как такового, а в совершенно других формах нарастания социалистических элементов, которые не только покроют собой нарастание элементов фермерских, но и с неизбежностью приведут к коренному социальному переустройству структуры земледелия». В середине 20-х годов учёные-аграрники убедительно доказывали, что, именно середняк является центральной фигурой советского земледелия. По данным статистики, 67% всех арендующих землю крестьян советской деревни были середняцкими, а на долю «высших групп приходилось лишь 13% арендаторов с концентрацией в них 30% всего арендного фонда. Аналогичная ситуация была и на рынке найма рабочей силы. В 1926-1927 гг. во всех категориях крестьянских хозяйств среднегодовое число работающих по найму составляло 1045,1 тыс. работников. И это примерно на 25 млн. крестьянских хозяйств. Таким образом, Число крестьянских хозяйств, применявших наёмный труд, было невелико. К примеру, в 1925 г. привлечённая рабочая сила использовалась лишь в 1,9 % крестьянских хозяйств. Причём, наибольшее количество наёмных работников было занято в середняцких хозяйствах - свыше 75%, в зажиточных хозяйствах применялось 15% батраков от их общего числа, а в бедняцких - около 9% [8, с. 114-160]. Таким образом, не из системы отношений к земле - главному средству производства в сельском хозяйстве, не из системы трудовых отношений никак не исходила политическая угроза от «кулака». В условиях полного отсутствия ясных критериев эксплуататорского хозяйства, поиски «кулака» в советской деревне напоминали поиски конфуцианского «чёрного кота в тёмной комнате».

Необходимо отметить, что негативный опыт сталинской коллективизации был учтён китайскими коммунистами при разработке и осуществлении своей аграрной политики. На XIII съезде КПК в 1987 году было принято решение о легализации частной собственности. Как бы апеллируя к бухаринскому лозунгу «Обогащайтесь!», Ден Сяо Пин заявлял, что «надо дать возможность части хозяйств разбогатеть раньше и быстрее других» [9, с. 20-21].

Важной заслугой А.В. Чаянова являлось и то, что в своих работах он уделял большое внимание не только теории семейного трудового хозяйства и характера его дифференциации, но впервые поднял во-

прос, затрагивающий теорию некапиталистических систем хозяйства [10].

Это было особенно актуально для национальных районов страны, где требовался более осторожный и более гибкий подход для социалистических преобразований в деревне. Учёный справедливо отмечал, что в условиях превалирования семейного трудового хозяйства при диктатуре пролетариата такие капиталистические категории как прибыль за счёт эксплуатации крестьянских хозяйств вообще не применимы.

Выводы А.В. Чаянова о путях социалистического преобразования деревни были близки представлениям «правой оппозиции» по данному вопросу внутри партии. А.В. Чаянов, Н.И. Бухарин и их сторонники отстаивали идею укрепления классового мира в советской деревне.

Но их взгляды шли вразрез со сталинской установкой «об обострении классовой борьбы» и росте «кулачества как класса». Используя лозунг «наступления на капиталистические элементы деревни», Сталин и его приспешники уничтожили сначала наиболее старательную и деловую часть крестьянства, дававшую значительную долю товарного хлеба, а затем самого крестьянина как самостоятельного производителя. В результате, российской деревне сталинская коллективизация нанесла непоправимый ущерб.

Успешный опыт аграрных преобразований в Китае, опиравшийся, в том числе, на принципы советского НЭПа 20-х гг. XX в. доказывает, что этот опыт не потерял своей актуальности и на современном этапе и может быть использован для модернизации аграрного сектора России.

Литература

1. Медведев Р.А. Аграрные реформы в Китае в 1978-1984 гг. 2012 [Электронный ресурс]. URL: https//www.litres.ru.
2. Шанин Теодор. Три смерти Александра Чаянова [Текст] / Социологический журнал. 1995. №1.
3. Юйсинь Я. Роль кооперации в преодолении отставания западных районов Китая [Текст] / Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2010. № 1.
4. Тепцов Н.В. Аграрная политика на крутых поворотах 20-х-30-х годов [Текст] / История и политика КПСС.1990. №7.С.14-15.
5. Коен Стивен. Н.И. Бухарин. Политическая биография. 1988-1938 гг. [Текст]. М.: Прогресс, 1988.
6. Бухарин Н.И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. Избранные произведения [Текст]. М.: Политиздат, 1989.
7. Чаянов А.В. Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации
8. Тепцов Н.В. там же. С.20-21.
9. [Электронный ресурс]. URL: http://works.doklad.ru.
10. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство [Текст]. М.: Экономика, 1989.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

БУНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: ЧЕЧЕНЦЫ И ИНГУШИ ПРОТИВ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ[2]

Шнирельман Виктор Александрович
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института этнологии и антропологии РАН,
действительный член Академии Европы (Academia Europaea)
shnirv@mail.ru

Аннотация. *Социальная память является сложным и неоднозначным предметом исследования. Она неустойчива и отличается как динамикой, так и гетерогенностью. В частности, в сложном по составу государстве социальная память доминирующего населения и меньшинств отличается. А в условиях авторитаризма государство сознательно подавляет память меньшинств, противоречащую взгляду на историю, культивирующемуся центральной властью. В то же время меньшинствам своя версия истории служит ценным символическим ресурсом, который используется для сопротивления дискриминации. Наглядным примером этой коллизии служит отношение к Кавказской войне, имевшее на Северном Кавказе свои особенности, существенно отличаясь от той версии, которая десятилетиями навязывалась властями. В статье анализируется борьба чеченцев и ингушей за право на свое понимание сущности Кавказской войны. Показано, что этот процесс был тесно связан с политической обстановкой и ее изменениями.*

Ключевые слова: *Чеченцы, ингуши, советская история, социальная память, Кавказская война, образ Шамиля*

История и социальная память

Ученые обычно проводят различия между социальной памятью как продуктом интеллектуальной деятельность всего общества или его отдельных групп и историей как специальным исследовательским полем, где господствуют профессионалы. Многие специалисты сходятся в том, что в центре социальной памяти находятся ключевые со-

[2] Настоящая статья была опубликована в 2006 г. в Японии: Shnirelman, Victor A. A Revolt of Social Memory: The Chechens and Ingush against the Soviet Historians // Reconstruction and interaction of Slavic Eurasia and its neighboring worlds / ed. by Ieda Osamu a. Uyama Tomohiko. Sapporo: Slavic researh center, Hokkaido univ., 2006. P. 273-307. Текст статьи любезно предоставленной В.А. Шнирельманом для нашего издания дается в авторском изложении.

бытия, тщательно отобранные, исходя из потребностей сегодняшнего дня [Шнирельман 2018]. Некоторые авторы различают два вида исторической памяти: а) память о лично пережитом и б) навязанные взрослыми и обществом в целом воспоминания о событиях, лежащих за пределами личного опыта [Schuman, Scott 1989. P. 378]. В данной работе речь пойдет именно о втором виде, и именно здесь возникают сложности со строгим различением «истории» и «социальной памяти». Ведь сама историческая картина, созданная профессионалами, нередко является итогом сложного взаимодействия научных и вненаучных побуждений. Поэтому исторические реконструкции зачастую не являются абсолютно объективными построениями. Их также следует причислять к категории «социальной памяти», если речь идет о ценном прошлом, лежащем за пределами индивидуальных воспоминаний или памяти ныне живущих поколений. Следовательно, на мой взгляд, инструментальность социальной памяти определяется не столько источником информации (например, письменные документы или устная история), сколько ее социальной ценностью.

Как отмечал Мишель Фуко, не только знание создает опору власти, но сама власть определяет, что следует считать знанием. Мало того, «власть создает реальность; она задает поля для объектов и создает ритуалы истины» [Foucault 1979. P. 27-28, 194]. По сути, это означает, что власть стремится устанавливать содержание знания и его рамки и выносить за эти рамки, т. е. объявлять вне закона, те знания, которые она считает для себя неприемлемыми или опасными. В области истории это позволяет несколько скорректировать фразу Маркса о том, что история пишется победителями. Официальная история пишется или контролируется теми, кто обладает властью.

Однако это вовсе не означает, что такая история полностью лишена конкурентов. Нередко у дискриминированных групп имеется свое представление о прошлом, получившее в литературе название альтернативной истории. Такая история обычно подвергается гонениям и поэтому тщательно скрывается от чужаков. Тем не менее, обращенная к определенной группе, она тщательно хранится и ждет своего часа. В условиях современности, когда униженные или дискриминированные в прошлом группы получают возможность говорить в полный голос, такие версии истории начинают заявлять о себе и становятся достоянием широкой общественности. Иногда они включаются в уже имеющиеся стандартные версии истории и дополняют их, а иногда заставляют их кардинально перерабатывать [Degler 1976].

Образ Шамиля и его превращения

В 1960-х гг. советское руководство провозгласило курс на формирование «новой исторической общности – советского народа», в чем интеллектуалы нерусского происхождения моментально усмотрели угрозу своей идентичности. С этого момента «культурные войны», и прежде нечуждые советскому пространству, необычайно обострились. Речь шла о борьбе за прошлое как важный символический ресурс, способный легитимировать политические, экономические, территориальные и культурные претензии отдельных этнических групп [Shnirelman 1996; Шнирельман 2003; 2006].

Современное государство нередко присваивает и поглощает прошлое входящих в него этнических меньшинств, и в борьбе за самобытность и идентичность им приходится развивать свои альтернативные версии истории. В ряде случаев люди ухитряются игнорировать возникающие при этом противоречия и сохранять лояльность обеим версиям истории, национальной (государственной) и этнической, даже если они расходятся по основным вопросам. Однако в других случаях этническая версия истории, являясь важной опорой в борьбе с дискриминацией, вступает в жесткую конфронтацию с общенациональной. Так и происходило на Северном Кавказе в последние советские десятилетия, когда местные интеллектуалы пытались опираться на образ прошлого для преодоления негативных стереотипов и предубеждений, навязываемых им режимом. О борьбе «наказанных народов» Северного Кавказа против последствий своей депортации и пойдет речь в настоящей работе. В число этих народов входили чеченцы и ингуши, депортированные 23 февраля 1944 г. в Киргизию и Казахстан и проведшие в ссылке около 15 лет. Лишь в начале 1957 г. они были реабилитированы, а их автономия восстановлена, и в конце 1950-х гг. большинство депортированных смогли вернуться на родину. Однако последствия депортации давали о себе знать в течение еще 30 лет: этим народам время от времени напоминали об их «вине» перед советской властью; их недавняя и более ранняя история искажалась; их заставляли отказываться от своих народных героев, которыми они хотели бы гордиться; власть не позволяла им публично обсуждать проблему депортации и всеми силами стремилась принизить значение Кавказской войны первой половины XIX в.

Между тем, Кавказская война и депортация служили ключевыми моментами их социальной памяти, отмечая вершину славы в первом

случае и глубину падения во втором. Важнейшим символом Кавказской войны была героическая фигура имама Шамиля, образ которого претерпел в советские годы головокружительные превращения [Дегоев 2001. С. 246-250, 290-292]. Будучи символом бескомпромиссной борьбы с царским режимом, Шамиль в 1920–1930-х гг. занимал почетное место среди великих предшественников Октябрьской революции. По воспоминаниям А. Авторханова, портреты Шамиля и его наибов развешивались по приказу властей во всех государственных учреждениях и школах еще во времена Горской республики [Авторханов 1991. С. 18]. Позднее в 1930-х гг. на Северном Кавказе сложился даже культ Шамиля как великого вождя национально-освободительного движения [Дегоев 2001. С. 244-246], и в 1936 г. московский Государственный исторический музей организовал специальную научную экспедицию для обследования резиденции Шамиля в Чечне около селения Ведено [Закс 1994].

Однако после депортации чеченцев, сыгравших важнейшую роль в его движении, образ Шамиля, использовавшийся чеченскими повстанцами в начале 1940-х гг., обрел двусмысленные черты и стал для советской власти неприемлемым. Поэтому в начале 1950-х гг. важнейший символ гонимого народа сам подвергся гонениям: из героя Шамиль был переквалифицирован в изменника и англо-турецкого шпиона, и его имя официально было предано анафеме [Tillett 1969. P. 133-147; Дегоев 2001. С. 246-250, 290-292]. Однако с наступлением после смерти Сталина оттепели Кавказская война на время вернула себе былой статус легитимного народно-освободительного движения. Вместе с тем, образ Шамиля сохранил определенную амбивалентность: советские ученые, с одной стороны, отдавали ему должное как главе народного восстания, но с другой, подчеркивали его связь с «реакционным мюридизмом» [Смирнов 1967. С. 96-114].

Но и это продолжалось недолго. Выдвинутая в 1960-х гг. доктрина построения «новой исторической общности» не нуждалась в героях, выступавших против Российской империи под лозунгами газавата, и требовала искать в прошлом основания для безоблачной «дружбы народов». Однако чеченцы и ингуши не спешили отказываться от своих героев. По воспоминаниям выросшего в Грозном ингушского бизнесмена М. Гуцериева, на рубеже 1960–1970-х гг. в пионерском лагере местные дети предпочитали петь песни о легендарном Шамиле и его борьбе с царскими войсками, переосмысливая это как борьбу с русскими [Поэгли 1996]. А еще раньше едва не был исключен из

школы девятиклассник Джохар Дудаев, представивший в своем сочинении Шамиля руководителем национально-освободительного движения [Умалатов 2001. С. 12]. Вряд ли он был такой один. Действительно, интерес к личности Шамиля и событиям Кавказской войны не оставлял горцев на протяжении всех последних советских десятилетий [Дегоев 2001. С. 279, прим. 61]. В Чечено-Ингушетии это становилось все более актуальным в связи с быстрым ростом численности коренного населения, постепенным отъездом русских из республики и прогрессивным изменением демографического баланса в пользу чеченцев и ингушей, происходившим в 1970–1980-х гг. Наряду с ростом образования, этот фактор заставлял чеченцев и ингушей стремиться к более активному участию в делах республики и требовать уважения к своей истории и ее героям. Еще в середине 1960-х гг. некоторые интеллектуалы выражали недовольство «колониальным статусом» своей республики, «русским засильем» и «эксплуатацией» со стороны Центра [Тишков 2001. С. 118-119]. В этом контексте образ Шамиля не мог не служить чеченцам вдохновляющим примером.

«Дружба народов» и «добровольное вхождение»

Чтобы снизить накал нарастающих межэтнических трений и воспитывать у местного населения лояльность к советской власти руководство Чечено-Ингушетии начало в 1970-х гг. усиленно выковывать дружбу народов. В этом контексте большое значение приобрел вопрос о «прогрессивности» вхождения Чечни в состав России. Впервые руководители Чечено-Ингушетии выказали свою заинтересованность в этой теме во время научно-теоретической конференции, посвященной обсуждению «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР», состоявшейся в Грозном в июле 1973 г. Там, говоря о недостатках этого издания, секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС по идеологии Х.Х. Боков отмечал, что авторы должны были четче показать смертельную опасность, нависшую над некоторыми народами Кавказа со стороны Турции и Ирана. По его словам, вхождение в состав России было для тех «спасением от физического уничтожения». Поэтому они «искали покровительства у России, а затем ставили вопрос о вхождении в нее». Кавказскую войну он предлагал объяснять провокационной деятельностью турецких и иранских агентов, а также интригами Англии и Франции. Действия русских экспедиционных сил были якобы лишь вынужденным ответом на эти враждебные происки. Фактически то, что советские историки прежде трактовали

как национально-освободительную борьбу, Боков объявлял происками агентов зарубежных держав. Ничего народного в таких движениях он не обнаруживал [Советский историк 1973. См. также: Повышать действенность 1974; Шерстобитов 1974. С. 13-14]. Во всем этом А.М. Некрич справедливо усмотрел попытки возрождения шовинистических подходов к истории Кавказской войны, практиковавшихся некоторыми советскими историками во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. [Некрич 1978. С. 135].

Однако для местных властей умелая манипуляция историческими документами открывала возможность отпраздновать круглую дату – 200-летие принятия Чечено-Ингушетии в состав России, тем более что в соседней Северной Осетии такую дату уже отметили в 1974 г., а Кабарда, Адыгея и Черкесия даже ухитрились в 1957 г. отпраздновать 400-летие вхождения в Россию. Поэтому Чечено-Ингушский обком КПСС не хотел упускать открывавшуюся ему возможность не только громко заявить о себе и своей республике, но и получить награды и щедрые финансовые вливания, обычно сопровождавшие такого рода чествования. Впервые о предстоящем юбилее публично заговорили на Всесоюзной конференции по историографии истории народов Северного Кавказа и Дона, состоявшейся в г. Грозном 21–22 сентября 1978 г. Выступая на ней с вступительным словом, первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС А. В. Власов подчеркнул необходимость более пристального внимания ученых к истокам «тесных связей русского народа с народами Кавказа», их «нерушимой дружбы» и, в частности, прогрессивному процессу вхождения местных северокавказских народов в состав России. Он посетовал на то, что в научных трудах все еще встречались противоречивые суждения о времени вхождения Чечено-Ингушетии в состав Российской империи [Власов 1978. С. 7-10].

Его поддержал директор Института истории СССР АН СССР, акад. А.Л. Нарочницкий, обративший внимание на большое политическое значение празднования юбилеев «добровольного присоединения» отдельных республик к России и заявивший о том, что «ныне встал вопрос о приближающемся юбилее 200-летия вхождения Чечено-Ингушетии в Россию» [Нарочницкий 1978. С. 23-24]. Однако ни Власов, ни Нарочницкий не решались назвать конкретную дату вхождения чеченцев и ингушей в состав России. За несколько дней до конференции это сделали грозненские историки В.Б. Виноградов и С.Ц. Умаров, объявившие, что оно произошло в январе 1781 г. [Вино-

градов, Умаров 1978. С. 3][3]. По свидетельству очевидцев, именно Виноградов стал главным инициатором кампании по празднованию 200-летия «добровольного вхождения» [Новосельцев 1993. С. 149; Кушева 1993. С. 149].

Концепция Виноградова получила полное одобрение Власова, и тот не только воспроизвел ее в своем выступлении на III Пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС 14 июля 1979 г. в подтверждение давнего сотрудничества чеченцев и ингушей с русскими, но дал указание широко пропагандировать ее в местных СМИ и положить в основу научной конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа» [Выше уровень 1979]. Такая конференция состоялась в г. Грозном 2–3 октября 1979 г., причем выступления там А.В. Власова и М.О. Бузуртанова, а также присутствие многих руководителей республики говорили о том, что ее значение выходило далеко за рамки рутинного научного диспута. Действительно, в своей речи Власов пытался на примере Чечено-Ингушетии показать, что «новая историческая общность – советский народ» имеет глубокие исторические корни; он говорил о вековой дружбе народов Северного Кавказа с русским народом, оказавшим им бесценную помощь в отражении иноземной агрессии. В заслугу Виноградову он ставил документальное обоснование тезиса о «добровольности» вхождения Чечено-Ингушетии в Россию, позволившее обкому рассмотреть вопрос о праздновании 200-летнего юбилея этого события [Власов 1979; 1982].

Основной доклад на конференции, осветивший этапы «добровольного вхождения», был сделан секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС по идеологии М.О. Бузуртановым. В подготовке этого доклада участвовали зам. председателя Совета Министров ЧИ АССР Н.К. Байбулатов (бывший директор ЧИНИИИЯЛ), а также такие ведущие северокавказские историки как М.М. Блиев, В.Б. Виноградов и В.Г. Гаджиев. Впервые этот текст появился в газете «Грозненский рабочий» [Бузуртанов 1979], но позднее он неоднократно дорабатывался и переиздавался [Байбулатов и др. 1980; Бузуртанов и др. 1982а] и был даже развит в нескольких книжных версиях [Виноградов, Умаров 1979; Бузуртанов и др. 1980; 1982б]. От имени АН СССР концепцию «добровольного вхождения» одобрил акад. А.Л. Нарочницкий

[3] В 2001 г. чеченский историк Я. З. Ахмадов назвал это отступлением от научной истины, ибо, по его мнению, подлинная интеграция горцев в состав России стала возможной только после присоединения к ней Восточной Грузии в 1799–1801 гг. [Ахмадов 2001. С. 332-334].

[Нарочницкий 1979]. Затем в Москве на базе Института истории СССР была создана научная межинститутская комиссия, куда, наряду с московскими историками, вошли и северокавказские авторы концепции. Там она также получила одобрение [Бузуртанов и др. 1980. С. 15]. Все это было сочтено достаточным научным основанием для празднования 200-летия вхождения в Россию, однако бюрократические причины заставили власти Чечено-Ингушетии совместить этот юбилей с 60-летием республики, и оба события были торжественно отмечены в 1982 г. [Бенкевич, Куприянова 1982]. По этому случаю республика была награждена орденом Трудового Красного Знамени; награды получили и ее руководители. В частности, Власову был вручен орден Ленина, а Виноградов за свои старания получил звание «Заслуженного деятеля науки РСФСР» [Алироев, Павлов 1985. С. 67; Дударев и др. 1998. С. 4].

Провалы в советской памяти

Оживленное обсуждение вопросов прошлого чеченцев и ингушей, связанного с указанными датами, почти полностью обходило своим вниманием события Кавказской войны. Авторы концепции писали даже об «изобретении понятия ‘Кавказская война’» [Бузуртанов и др. 1980. С. 7], о «мифе о ‘Кавказской войне’», будто бы созданном царскими историками и генералами [Виноградов 1988. С. 6] или даже о «так называемой ‘Кавказской войне’» [Виноградов 1987. С. 95]. Виноградов доказывал, что идея насильственного присоединения чеченцев и ингушей была якобы создана буржуазными националистами (к ним он причислял А. Авторханова! В. Ш.) «для взращивания ненависти к русскому народу» [Виноградов 1988. С. 7]. В учебном пособии, изданном под руководством Виноградова в 1988 г., вообще не нашлось места для понятия «Кавказская война» [Виноградов 1988]. Все это обнаруживало укоренившуюся в советской науке 1960-х – первой половины 1980-х гг. тенденцию избегать проблемы Кавказской войны, способной доставить историку одни лишь неприятности со стороны партийных и административных органов, о чем в один голос свидетельствуют очевидцы [Закс 1989. С. 168; Пикман 1990. Об этом см. Дегоев 2001. С. 252-255, 278, 293-294].

Стоит ли говорить, что такие публикации вовсе игнорировали проблему депортации? По словам ингушского писателя, в 1970–1980-х гг. существовал негласный запрет на тему депортации, и написанные о ней романы чеченских и ингушских писателей не печатались

[Чахкиев 1991. С. 56-57]. Правда, в книге чеченского историка М.А. Абазатова, специально посвященной периоду 1941–1945 гг., говорилось не только о героизме большинства чеченцев и ингушей, отважно и самоотверженно защищавших Родину, но и о борьбе с бандитизмом в горах Чечено-Ингушетии в 1942 г. Однако из раздела, описывавшего восстановление региона из разрухи в 1944–1945 гг., читателю так и не суждено было узнать о том, что чеченцев и ингушей тогда там уже не было [Абазатов 1973]. В свою очередь, знакомя подростков с героическими страницами истории вайнахов, ингушский писатель А.П. Мальсагов уделял много внимания героям гражданской и Великой Отечественной войн, но также избегал говорить о депортации [Мальсагов 1969]. Не было принято много говорить и о фактах героизма чеченцев и ингушей в годы Великой Отечественной войны. Когда известный чеченский писатель Х.Д. Ошаев, обнаруживший среди участников обороны Брестской крепости немало чеченских и ингушских имен, попытался опубликовать об этом книгу, ее издание всячески затягивали вплоть до того, что ее рукопись была выкрадена из стола редактора [Шайхиев 1993][4]. Самого престарелого Ошаева исключили из партии, заставили написать покаянное письмо и перестали публиковать [Сайдуллаев 2002. С. 44]. По словам известного московского историка Ю.А. Полякова, даже во второй половине 1980-х гг. при подготовке академического издания «История народов Северного Кавказа» его авторы ощущали сильное давление со стороны тех, кто полагал неуместным «ворошить прошлое» и писать о депортации народов [Меликянц 1988].

Виноградов отважился упомянуть о депортации лишь в 1989 г. [Виноградов 1989а. С. 10-11]. А до этого, не вникая в тонкости ингушской проблемы, он активно боролся с «претензиями на ‘свои земли’ с экскурсом в историю» и с рассуждениями о территориях, отторгнутых в пользу соседей [Виноградов, Мамаев 1985]. Тогда в своих работах он обвинял «горскую экспансию» в обострении русско-вайнахских отношений (так он теперь предпочитал называть Кавказскую войну). Памятуя о многолетней борьбе Чечено-Ингушского обкома с исламской религией, он добавил к этому такой фактор как «антирусские» действия исламского духовенства и «разгул мюридского террора» накануне выступления Шамиля. Пытаясь вычеркнуть из списка народных героев руководителей народно-освободительных

[4] Книга «Брест – орешек огненный» вышла лишь в 1991 г., когда ее автора давно уже не было в живых.

движений, он изображал шейха Мансура «проводником османской политики на Северном Кавказе», а имама Шамиля – реакционером, создателем «теократической деспотии». В то же время он призывал отказаться от терминов «колониализм» и «колониальная политика» при анализе действий царской администрации на Северном Кавказе и изобретал некое «боевое содружество» северокавказцев и русских «против реакционной политики имама Шамиля». Правда, одновременно Виноградов предупреждал от односторонних трактовок и подчеркивал справедливость борьбы горцев против царского гнета [Виноградов 1985; 1987. С. 95-98; 1988. С. 34-37, 41-47; Виноградов, Умаров 1983][5]. Однако это нисколько не уменьшало очевидного родства его концепции с худшими образцами дореволюционной шовинистической историографии и идеологическими подходами эпохи позднего сталинизма. И дело было не только в сомнительности ряда идей, присущих обсуждаемой концепции, но и в политике местных властей по дискриминации ингушей и чеченцев и их исламской религии [Bryan 1984; 1992. P. 211-212], которую она фактически прикрывала и оправдывала.

Сопротивление памяти

Все это хорошо сознавали многие местные интеллектуалы. В частности, ингуши, вряд ли, могли согласиться с утверждением Виноградова о том, что современные политико-административные границы служили «целям максимального обеспечения поступательного развития северокавказских народов» [Виноградов, Мамаев 1985]. Однако в 1980–1988 гг. концепция Виноградова находилась под жесткой опекой обкома; она наводнила СМИ и пропагандистскую литературу, ее широко популяризировало местное отделение Всесоюзного общества «Знание», возглавлявшееся Виноградовым [Ахмадов 1990. С. 80-81][6], и ее преподавали в вузах и школах. В эти годы Виноградов стал главным советником обкома КПСС по идеологии и общественным наукам, что фактически сделало его первым цензором научной и издательской деятельности в республике и позволило оказывать огром-

[5] Между тем, современные исследователи убедительно показывают, что в XVIII–XIX вв. царизм преследовал на Северном Кавказе колониальные цели и действовал там колониальными методами [Ходорковский 1999; Гапуров 1999].

[6] Например, в библиографии, помещенной в юбилейном издании, вышедшем в 1982 г., из 37 рекомендованных работ 15 принадлежали перу Виноградова лично или были написаны им в соавторстве с другими учеными, в особенности, с Умаровым [Виноградов 1982].

ное влияние на работу по отбору научных кадров [Андрусенко 1989; Костоев 1990. С. 50, 130-131; Музаев, Тодуа 1992. С. 33-34; Музаев 1995. С. 156; Боков 1994. С. 56; Ахмадов 1995. С. 57; Гакаев 1997. С. 133]. По признанию бывшего сотрудника газеты «Грозненский рабочий», Виноградов сам заказывал статьи ученым, редактировал их по своему усмотрению и сдавал в редакцию [Сайдуллаев 2002. С. 122]. Зато его оппоненты были лишены возможности открыто высказать свое мнение; наиболее активные из них обвинялись в национализме, отстранялись от научных исследований или же вообще теряли работу. Травле подверглись такие чеченские и ингушские историки как М.Н. Музаев, А.З. Вацуев, Я.З. Ахмадов, Х. Акиев, Я.С. Вагапов, Х.С. Ахмадов и др. [Музаев 1995. С. 156; Сайдуллаев 2002. С. 120-121; Лорсанукаев 2003. С. 181]. В этих условиях, под флагом «дружбы народов», по словам Я.З. Ахмадова, в республике осуществлялся настоящий этноцид [Ахмадов 1995. С. 57]. Одна из немногих публичных форм протеста в 1960–1980-х гг. выражалась в многократных попытках взорвать воздвигнутый на главной площади Грозного в 1949 г. по указанию Берия памятник генералу Ермолову или облить его красной краской [Джургаев, Джургаев 1989. С. 55]. У подножья этого памятника размещались чугунные плиты, на одной из которых можно было прочитать высказывание самого Ермолова о чеченцах: «Народа сего под солнцем нет коварней и подлее» [Джургаев, Джургаев 1989. С. 63-64]. Надо ли говорить, что необходимость 40 лет мириться с соседством такого символа царского империализма, встречавшего поддержку советской власти, вызывала у чеченцев гнев и возмущение?

Идеологический прессинг и преследования не только воспринимались негативно многими чеченскими и ингушскими интеллектуалами, но и заставляли их активно работать над созданием альтернативных версий исторического прошлого [Гакаев 1999. С. 150]. В частности, их идеи были представлены в школьных учебниках истории, изданных на чеченском и ингушском языках. Однако это встретило гневное осуждение со стороны руководителей Чечено-Ингушского обкома, нашедших там «искажение глубоких взаимосвязей исторических судеб братских народов» [Фотеев 1985]. Тем не менее, сопротивление концепции «добровольного вхождения» было столь велико, что и в 1988 г. Виноградов сетовал на трудности ее внедрения в общественное сознание. Он выражал сожаление тем, что пропагандировавшие ее издания стали во второй половине 1980-х гг. библиографической редкостью, и признавался, что наиболее интенсивно «история

добровольного вхождения» изучалась лишь в 1978–1982 гг., т. е. в преддверии празднования юбилея [Виноградов 1988. С. 5, 9]. Трудно придумать более красноречивое признание конъюнктурного характера такого «изучения».

Открытое обсуждение концепции «добровольного вхождения» и «горской экспансии» стало важным испытанием для эпохи гласности и перестройки. Еще в 1983–1984 гг. в печати появились весьма негативные суждения о концепции «горской экспансии», которую критики определяли как подрывавшую дружбу народов и превращавшую экспансионизм в якобы врожденное свойство горцев [Халилов 1984. С. 67-68; Абдуллаев 1983. С. 117-118]. Во второй половине 1980-х гг. такие гневные голоса все громче слышались из Дагестана [Гамзатов 1986. С. 37-38, прим. 49; 1989; Халилов 1988. С. 36-37] и Северной Осетии [Ортабаев, Тотоев 1988].

Важным переломным этапом стала конференция «Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана», проведенная в Махачкале 26–27 ноября 1987 г. Там концепции «добровольного вхождения» и «горской экспансии» были квалифицированы как попытка партийных чиновников оживить шовинистические взгляды 1940–1950-х гг. Авторы этих концепций были обвинены в необъективном, антинаучном и конъюнктурном подходе, в фальсификации горского народно-освободительного движения и пренебрежении научной этикой [Магомедов 1990а; Ибрагимбейли 1990а; 1990б]. АЯ. З. Ахмадов выражал тревогу по поводу размаха кампании, направленной на внедрение концепции «добровольного вхождения» в общественное сознание [Ахмадов 1990. С. 80-81]. Действительно, даже в 1988–1990 гг. Министерство просвещения Чечено-Ингушетии по-прежнему рекомендовало школе изучение концепции «добровольного вхождения», представлявшей школьникам мюридизм исключительно в образе «реакционной идеологии» [Ахмадов 1993].

Следующей вехой стала проведенная 20–22 июня 1989 г. в Махачкале представительная конференция, посвященная народно-освободительному движению горцев первой половины XIX в. Многие ее участники решительно высказались против основных постулатов рассматривавшейся выше концепции, видя в них оправдание царской захватнической политики на Кавказе [Рамазанов и др. 1990. См. также Кумыков 1994. С. 4-5]. Академик Г.Г. Гамзатов справедливо усмотрел в официозной концепции «горской экспансии» благоприятную почву для весьма сомнительных и опасных рассуждений о «гене-

тической несовместимости горцев и русских» [Гамзатов 1989; 1990а. С. 53-54. См. также Акаев, Хусаинов 1994. С. 127-128]. А дагестанский историк Р.М. Магомедов убедительно продемонстрировал связь таких взглядов с идеологической кампанией начала 1950-х гг., инициированной Сталиным и М. Багировым [Магомедов 1990; 1994. Ср.: Tillett 1969. P. 133-135]. В резолюции конференции подчеркивался освободительный, антиколониальный характер борьбы горцев и в то же время отмечалось, что она была направлена против царизма, а не против русского народа [Гамзатов 1990б. С. 7]. Встретив массовое публичное осуждение, Виноградов счел это «запрограммированной травлей» и покинул конференцию, не дождавшись ее окончания.

Вместе с тем, в первые годы перестройки в Чечено-Ингушетии несогласие с концепцией «добровольного вхождения» по-прежнему приравнивалось к «антисоветским выступлениям», и сторонники таких взглядов не имели публичной трибуны. Ведь, как отмечал В. В. Дегоев, взгляды многих северокавказских историков способствовали росту национального самосознания местных народов, но были направлены «против формирующейся государственнической державной доктрины на русско-православной основе» [Дегоев 2000. С. 241]. В любом случае дебаты о Шамиле и Кавказской войне не теряли своей высокой идеологической нагрузки [Дегоев 2001. С. 257-258].

Борьба с советским наследием

Между тем, перемены не могли обойти Чечено-Ингушетию стороной. Одним из их первых знаков было перенесение бюста генерала Ермолова с центральной площади г. Грозного в городской музей, осуществленное в январе 1989 г. по решению обкома КПСС республики[7]. Идеологический климат окончательно смягчился в июне 1989 г., когда первым секретарем Чечено-Ингушского обкома был впервые избран чеченец, Доку Завгаев, и во властных органах чеченские либералы начали теснить бывших партийных функционеров. И хотя Виноградов по-прежнему пользовался поддержкой секретаря Чечено-Ингушского обкома по идеологии П.Н. Громова, его монополия на историческую истину была основательно подорвана. Зато неограниченный доступ к идеологическим каналам получили его противники – ранее гонимые преподаватели ЧИГУ и созданного в 1981 г. Чечено-Ингушского педагогического института, которые принялись яростно

[7] В 1991 г. ненавистный памятник был полностью разрушен [Умалатов 2001. С. 51].

критиковать прежние официозные концепции, включая и концепцию «добровольного вхождения» [Крикунов 1989; Бугаев 1989. С. 88; Боков 1990. Об этом см.: Музаев, Тодуа 1992. С. 35; Гакаев 1997. С. 136-137]. По словам экспертов, в 1988–1989 гг. отмена последней и прекращение гонений на историков были одними из главных требований набиравшего силу национального движения [Ахмадов 1995. С. 56-58; Музаев 1999. С. 34].

9–10 сентября 1989 г. в г. Грозном прошел II съезд ингушского народа, где ингуши впервые публично и официально заявили о десятилетиями практиковавшейся против них дискриминации и потребовали от властей принять срочные меры по исправлению положения. Некоторые из выступавших квалифицировали концепцию Виноградова как «антинаучную, оскорбительную для чеченского, ингушского и других народов Северного Кавказа» и требовали лишить его и Умарова полученных ими наград [Костоев 1990. С. 130-131, 184]. Позднее на Съезде чеченского народа радикалы потребовали лишить Виноградова гражданства. Их в особенности возмущали его попытки объявить гребенских казаков «аборигенами чеченской земли», что давало казакам основания требовать отторжения Наурского и Шелковского районов от Чеченской республики [Шамаев 1992]. Перед домом Виноградова была проведена демонстрация, и он был объявлен «врагом чеченского народа».

Осенью 1989 г. состоялось заседание Общественного совета содействия Чечено-Ингушскому краеведческому музею, где известные чеченские и ингушские ученые с горечью вспоминали о тяжелом моральном климате в республике в недавнем прошлом и связывали его в первую очередь с монопольным господством концепции «добровольного вхождения». Они говорили о гонениях на диссидентов, о вреде, причиненном идеологическому климату, и об обострении межнациональных отношений [Гришин 1989]. Концепция «добровольного вхождения» обсуждалась и на собрании партийной организации ЧИГУ, где против нее высказались все выступавшие без исключения [Романов 1989]. В том же ключе эта тема звучала и на VIII съезде журналистов ЧИ АССР, проходившем 19 декабря 1989 г. в г. Грозном [Накал 1989]. В газете «Грозненский рабочий» появилась статья, где концепция Виноградова называлась конъюнктурной, созданной по заказу Чечено-Ингушского обкома КПСС. По словам журналиста, в этой концепции были «в наукообразную форму облечены стереотипы эпохи сталинизма во взглядах на историю». Признавая благие намерения

Виноградова, он писал, что «святая ложь во благо может обернуться бедой» [Андрусенко 1989].

Затем газета предоставила трибуну оппоненту Виноградова, философу Х. Магомаеву, жестко критиковавшему его подход, хотя все еще с позиций «марксистско-ленинской методологии». Используя такой часто звучавший из уст советских партийных идеологов фразеологический штамп как «идеализация и субъективизация истории», он теперь направил его против Виноградова, упрекая того в бестактности. Говоря, что вхождение одного народа в состав другого предполагает подчинение первого второму, он настаивал на том, что ни один народ никогда и нигде на это добровольно не соглашался. Поэтому, – утверждал он, – концепция «добровольного вхождения» принесла больше зла, чем пользы, вызывая у народа негативные эмоции. По его словам, «если ученые не только ошибаются, но откровенно ориентируются на политическую конъюнктуру, то это усугубляет отрицательную реакцию». Поэтому концепция, ориентированная на дружбу народов, оказалась «идеологической сказкой, идущей вразрез с исторической правдой», и привела, по сути, к прямо противоположному эффекту. Неумеренное восхваление этой концепции в республиканских СМИ больно ранило чувство национального достоинства чеченцев и ингушей, заставляя их помимо собственной воли отказываться от славных страниц своей истории и почитаемых национальных героев [Магомаев 1989. См. также Айдамиров 1989].

Обрушившийся на них девятый вал народного возмущения заставил авторов концепции оправдываться. Первым выступил Умаров, признавший, что авторам концепции приходилось тщательно сортировать факты, отказываясь от самых неудобных из них. Если ранее они с Виноградовым делали акцент на боевом содружестве русских с чеченцами, то теперь он показывал, что как в начале, так и в конце XVIII в. чеченцы вынуждены были неоднократно отбиваться от напора царских войск и что акты о «добровольном подданстве» фактически маскировали стремления российских властей захватить предгорные равнины. С этой точки зрения, вопреки официальной концепции, движение шейха Мансура 1785–1787 гг. вовсе не являлось кардинально новым феноменом, а продолжало непрерывную борьбу горцев за свободу и независимость [Умаров 1989. Также см.: Умаров 1994].

Со своей версией случившегося выступил и Виноградов. По его словам, до 1979 г. в историографии господствовал плюрализм мнений, но затем концепция «добровольного вхождения» была взята на

вооружение властями республики, объявлена «единственно верной» и использована для празднования юбилея в 1982 г. Она не только наводнила СМИ, но и активно внедрялась в сферу образования. По сравнению с ней тематика Кавказской войны находилась на отшибе и не пользовалась расположением руководства республики. По словам Виноградова, «кто-то принимал происходящее, искренне заблуждаясь, а кто-то самым грубым образом, из чисто конъюнктурных соображений ‘подпевал’, беспринципно заискивая перед ‘официальной историей’». Он сообщал, что теперь в условиях перестройки эта концепция не устраивала уже и его самого. Беря на себя определенную долю ответственности, он писал: «Я со всей строгостью стремлюсь изжить в себе и хотел бы предостеречь других от излишней поспешности, монопольной безапелляционности, партнерской глухоты, чуждых настоящей науке мстительности и истерии…». Между тем, о своей решающей роли в создании и отстаивании «официальной концепции» Виноградов благоразумно умалчивал [Виноградов 1989б]. Он попытался публично пересмотреть свою прежнюю концепцию [Виноградов, Дударев 1995], однако это уже не помогло ему изменить свой имидж в глазах местных историков. Примечательно, что в учебном пособии по этнографии чеченцев и ингушей, подготовленном им совместно со своими учениками, Виноградов уже не только не упоминал обстоятельства вхождения Чечено-Ингушетии в Россию, но вообще обошел свою излюбленную тему ранних контактов местных народов с русскими и полностью отказался от освещения событий последних 250 лет [Великая и др. 1990. С. 19].

В августе 1990 г. на сессии Верховного Совета Чечено-Ингушетии был поднят вопрос о «виноградовщине» и была сформирована депутатская комиссия «По правомерности присуждения В. Виноградову званий «Заслуженный деятель науки ЧИ АССР» и «Заслуженный деятель науки РСФСР», а С. Умарову – звания «Заслуженный деятель науки ЧИ АССР» и по оценке концепции 200-летия добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России». Комиссия предлагала, в частности, восстановить на работе уволенных из ЧИ НИИ и ЧИГУ в 1984–1985 гг. известных ученых. Тогда даже республиканская партийная конференция выступила против концепции Виноградова, и в ноябре 1990 г. это поддержал съезд чеченского народа [Осмаев 2019. С. 163]. Однако ВС ЧИР так и не рассмотрел предложения депутатской комиссии [Тишков 2001. 208; Сайдуллаев

2002. С. 117-120][8].

В 1989 г. наряду с Виноградовым резкой критике со стороны местной общественности подверглось руководство ЧИГУ во главе с ректором В.А. Кан-Каликом, также несшее ответственность за расцвет и преподавание концепции «добровольного вхождения» в стенах университета, за связанную с этим кадровую политику и за гонения на несогласных, среди которых было немало чеченских и ингушских ученых. Все это теперь воспринималось как злоупотребление властью [Андрусенко 1989; Костоев 1990. С. 48, 53-54; Сайдуллаев 2002. С. 125]. Руководство ЧИГУ отвечало на это гневными протестами и подчеркивало благотворность деятельности молодого ректора, занявшего свою должность лишь три года назад и, тем самым, не причастного к злоупотреблениям эпохи «развитого социализма» [Гришин 1989; Романов 1989]. Тем не менее, чеченские радикалы включили его, наряду с Виноградовым, в список «врагов народа», и в начале 1992 г. он был похищен, а затем убит неизвестными злоумышленниками.

Сразу после этого Виноградову, почувствовавшему реальную угрозу своей жизни, пришлось спешным порядком переехать подальше от Чечни в Армавир [Виноградов 1996. С. 37][9], где он стал профессором кафедры Отечественной истории Армавирского государственного педагогического института, а с 1993 г. заведовал кафедрой всеобщей истории, а затем кафедрой регионоведения и специальных исторических дисциплин. Туда же за ним потянулись и некоторые из его учеников. Там они создавали идейные основы для возрождения территориальных казачьих формирований для поддержания общественного порядка и охраны государственных границ России [Виноградов, Великая 2001. С. 153]. Пытаясь также вернуть казакам их «славное прошлое», они прославляли царских генералов, отличившихся своей патологической жестокостью во время Кавказской войны [Виноградов 1992; 2000а; 2000б; Матвеев 2001]. Свои такого рода брошюры они предназначали для «патриотической пропаганды» в кубанских школах и вузах.

[8] О проекте постановления, предложенном комиссией см. [Сайдуллаев 2002. С. 130-133].

[9] По словам Я.З. Ахмадова, Виноградов не подвергался преследованиям, и местные власти даже предоставили ему несколько грузовиков для переезда (из беседы Ахмадова с автором 27 марта 2019 г.).

Злоключения Шамиля в постсоветской Чечне

Со своей стороны, вайнахи тоже помнят о жестокости царских генералов, и те для них вовсе не выглядят героями [См., напр., Катышева, Озиев 1991. С. 21-22; Богатырев, Костоев 2000. С. 74-75]. В 1991 г. вышло в свет одно из первых, написанных самими чеченскими историками учебных пособий, посвященное истории родного края и предназначенное для учащихся 6 класса. Его авторы подчеркивали, что «завоевательная политика царизма привела к длительной и упорной Кавказской войне». Чеченцы рисовались не только авангардом освободительной борьбы северокавказских народов, но и фактором, основательно подорвавшим могущество императорской России: «Героическая борьба горцев Дагестана и Чечни основательно расшатала устои царизма, заставила его содрогнуться перед воинственными горцами». У авторов не было сомнений в том, что война имела «освободительный, антифеодальный, антиколониальный характер» [Ахмадов и др. 1991. С. 38, 47]. Стоит ли говорить, что ни о какой «горской экспансии» или «добровольном присоединении» в этом учебнике речи не было?

Между тем, в течение 1990-х гг. в умах чеченцев происходили качественные изменения, и среди них уже не встречалось столь однозначно доброжелательного отношения к имаму Шамилю, как это было прежде. Правда, для Дж. Дудаева и чеченских боевиков его имя по-прежнему звучало непререкаемым авторитетом, и в Чечне до сих пор слагают о нем песни. Продолжают выходить книги и учебные пособия, где он по-прежнему выступает в ореоле славы [Гаджиев 1992; Даниялов 1996; Доного 1997; 2016; Шамиль 1997; Казиев 2003; Кодзоев 2002; Ибрагимова 2007]. В июле 1997 г. в селе Ведено были устроены торжества по случаю 200-летия со дня рождения Шамиля.

Однако, как отметил В.А. Тишков, в Чечне во второй половине 1990-х гг. наблюдалось охлаждение к образу Шамиля [Тишков 2001. С. 153, 270]. Тогда появились и такие книги, где он подвергался жесткой критике. Одну из них выпустил в Москве бывший преподаватель научного атеизма и секретарь парторганизации Чечено-Ингушского государственного педагогического института С. Дауев. Как это ни парадоксально, он включил в список врагов чеченского народа таких его национальных героев как шейх Мансур, Кази-Мулла, Шамиль, – все они оказались отлученными от чеченского народа и были обвинены в попытках воссоздания Хазарии [Дауев 1999.

С. 65-135][10]. Автор доходил до того, что приписывал Шамилю стремление уничтожить чеченский народ [Дауев 1999. С. 131], – такого не позволяла себе даже шовинистическая пропаганда эпохи позднего сталинизма.

Откровенно враждебную к Шамилю позицию занимал и бывший вице-премьер в правительстве З. Яндарбиева, Хож-Ахмет Нухаев. Он утверждал, что чеченцы никогда не знали государственности, а все попытки ее им навязать, будь-то русскими или имамом Шамилем, вели к краху. Резко критикуя имамат Шамиля, Нухаев превозносил модель теократической безгосударственной нации во главе с вождем, что якобы изначально было свойственно чеченцам. В городах он видел яркий символ ненавистной ему цивилизации и приветствовал их уничтожение. Тем самым, как это ни парадоксально, он позитивно воспринимал разрушения, причиненные Чечне недавними войнами. Для него это было очищением, приближавшем Чечню к вожделенному «варварству» [Нухаев 2000; 2002. С. 158-159].

Со своей стороны располагавшийся в Назрани «Чеченский комитет национального спасения» выступил 20 декабря 2001 г. с заявлением о том, что «во-первых, имам Шамиль, не являясь истинным сыном чеченского народа, не принес этому народу ничего хорошего. Во-вторых, большинство чеченцев не считает имама Шамиля национальным героем, как это пытаются представить российские и иные СМИ. Его скорее воспринимают как человека, бросившего чеченский народ в тяжелую минуту, и как человека, в течение 25-ти лет помогавшего Российской империи истреблять чеченцев»[11]. Неожиданно резкую критику в адрес Шамиля высказал и анонимный ваххабит, давший интервью дагестанской газете «Диалог» весной 1998 г. Он осудил его за деспотизм, жестокость к своим подданным и поражение в войне с Россией. Но, похоже, более всего его раздражало аварское происхождение Шамиля, напоминавшее ему о доминировании аварцев в современном Дагестане. Поэтому для него образ Шамиля являлся, прежде всего, символом ненавистного аварского господства [Мы открыты 1998].

[10] О роли Хазарии в мифе русских националистов, которым пользовался Дауев, см. [Шнирельман 2012].

[11] URL: http://savechechnya.narod.ru/zajav/zajav23/htm

Инструментальная роль социальной памяти

Таким образом, если в 1920–1930-х гг. социальная память народов Северного Кавказа не вступала в противоречия с официальной версией истории, то с рубежа 1940–1950-х гг. между ними возник зазор, и началась отчаянная борьба за «символическую власть», по Бурдье. «Создание идей о социальном пространстве всегда подчиняется логике захвата власти, являющейся логикой мобилизации больших чисел». Фактически рассмотренные выше материалы служат хорошей иллюстрацией к рассуждениям Бурдье о том, что «те, кто доминируют в социальном пространстве, занимают ведущие позиции и в сфере символического производства». А инструментами их снабжают профессионалы, занятые в этом поле и находящиеся под влиянием самой логики культурного производства [Bourdieu 1992. P. 181, 244].

Вместе с тем, в Советском Союзе логика культурного производства была не столь однозначной. Ведь там социальное пространство было заполнено официально признанными этничностями, по советской логике обязанными опираться на свои собственные версии прошлого. Поэтому в задачу советских чиновников входило не столько подавление этих версий ради навязывания всему населению единообразной исторической догмы, сколько их согласование с этой догмой. Версии этнической истории могли даже допускать отклонения от нее, но лишь до тех пор, пока они не покушались на советские ценности и символы. Поэтому тотальность общесоветской версии истории заключалась в верности таким основополагающим ценностям и символам, но не более того. В то же время, придав легитимность этническим версиям истории, советская власть была не в силах полностью вытравить связанную с ними социальную память, расходящуюся с советскими ценностями. Мало того, очевидные лакуны или искажения истории в канонических исторических текстах вызывали у местных интеллектуалов не только возмущение, но и стремление восстановить историческую истину в том виде, как они ее понимали. В этом контексте «логика культурного производства» диктовалась «логикой антиколониальной борьбы» и настоятельно требовала создания альтернативной истории, придающей такой борьбе определенную легитимность. Важнейшими ее символами служили идеализированные герои прошлого, изображавшиеся бескомпромиссными борцами за свободу своего народа. Ведь, «если нынешние конфликты трудно разрешимы, то именно прошлое предоставляет экран, на который

можно проецировать стремление к единству и преемственности, т. е. идентичности» [Gillis 1994. P. 9].

Именно таким символом единства и сопротивления для чеченцев долгое время и был Шамиль. При этом сознательно забывалось о том, что он был дагестанцем (аварцем), что он строил не чеченское, а мусульманское государство, что, тем самым, он посягал на традиционные чеченские ценности (адаты) и что к концу своей жизни он полностью изменил свое отношение к России. Все это отходило на второй план перед отвагой Шамиля, в течение четверти века, мужественно сопротивлявшегося натиску империи. Именно упорство Шамиля в достижении своей цели долгое время служило той ценностью, которая культивировалась социальной памятью вначале (в условиях депортации) для сопротивления власти, а затем для успешного вхождения в советское общество[12].

Тем самым, пока главной задачей чеченцам казалась борьба против дискриминации, образ имама Шамиля единодушно воспринимался ими как символ сопротивления. Однако в 1990-х гг., когда перед ними встал вопрос о выборе дальнейшего пути, этот образ подвергся ревизии, и его интерпретация стала определяться их различными представлениями о будущем Чечни. Действительно, с одной стороны, Шамиль отчаянно сражался с царскими войсками, но, с другой, живя в Калуге после своего пленения, призывал горцев к миру и союзу с Россией. Кавказская война принесла горцам неисчислимые страдания и потребовала огромных жертв, но так и не привела их к желанной победе. Шамиль пытался строить независимое государство, но оно имело жестокий деспотический характер и подавляло свободу чеченцев. Оно вовсе не было «национальным государством», и в нем народные чеченские обычаи преследовались от имени ислама. Шамиль строил исламское теократическое государство, но это был ислам суфийского толка, против которого и выступают современные ваххабиты. Кроме того, Шамиль был аварцем, и это вызывает негативные чувства у современных чеченских националистов. Поэтому сегодня уже невозможно говорить о каком-то одном образе Шамиля или Кавказской войны. Сложный социальный и религиозный состав чечен-

[12] В.А. Тишков справедливо замечает, что в последние советские десятилетия чеченцы отнюдь не были настроены антисоветски [Тишков 2001]. Они вели борьбу не против Советской власти, а за достойное место в советском обществе. Это и объясняет тот факт, что выступавшие против России чеченские боевики вслед за Дж. Дудаевым нередко с ностальгией вспоминали о Советском Союзе.

ского общества требует их разных образов, и каждая группа выбирает себе тот, который более всего отвечает ее интересам.

Для чеченских боевиков Шамиль по-прежнему служит важным символом непримиримой борьбы с Россией. Сторонники традиционной исламской государственности также ссылаются на имамат Шамиля как опору своим политическим проектам. Зато ваххабитам, борющимся за «чистый ислам», фигура Шамиля представляется более чем спорной. А склонные к анархизму Нухаев и его сторонники рассматривали пример Шамиля как изначально обреченную на неудачу попытку привить государственность свободолюбивым чеченцам. В свою очередь чеченские беженцы, более других пострадавшие от жестокостей войны, видели в Шамиле злого гения, ответственного за все их мучения. Некоторые вспоминали о дагестанском происхождении Шамиля, плохо сочетавшемся с лозунгами современного этнического национализма.

Со своей стороны, президент В. Путин на состоявшемся в конце марта 2004 г. в Сочи заседании Общественного форума народов Кавказа и юга России напомнил собравшимся о том, что Шамиль завещал народам Кавказа хранить верность Российскому государству. Эту позицию разделяет руководство Дагестана: еще в июне 2001 г., давая интервью корреспонденту «Регионы (интернет)» Илье Максакову, тогдашний вице-премьер правительства Дагестана Гаджи Махачев напомнил, что «имам Шамиль завещал идти вместе с Россией»[13]. Между тем, аварское происхождение Шамиля вызывает критическое к нему отношение со стороны некоторых представителей других дагестанских народов, недовольных высоким политическим статусом аварцев.

Когда-то М. Хальбвакс подчеркивал инструментальный характер социальной памяти, радикально меняющей значение давно прошедших событий, исходя из злободневных потребностей текущего момента [Halbwachs 1952; 1992]. Напротив, Б. Шварц попытался доказать, что такие переосмысления не отменяют друг друга, а имеют кумулятивный характер и способны сосуществовать [Schwartz 1990; 1991; 2000]. Спор о той или иной интерпретации образа Шамиля и Кавказской войны скорее говорит в пользу Хальбвакса. Ведь если речь идет о борьбе дискриминируемой группы за свои права, которые грубо попираются властями, то ни о каком примирении конкури-

[13] Регионы, Интернет, 3 июля 2001.

рующих версий прошлого, использующихся обеими сторонами для легитимации своей позиции, не может быть и речи. Зато изменение социального положения дискриминируемой группы или изменение политики властей тут же ведет к важным изменениям прежнего взгляда на историю. Ведь именно новые задачи, возникающие перед обществом или отдельной его частью, заставляют переосмысливать прошлое, что и обнаруживается у чеченцев.

В 1990-х гг. чеченское общество утратило свою былую сплоченность, и отдельные социальные группы начали вырабатывать свои собственные взгляды на Шамиля, причем его функция как национального символа и «эпического героя» потеряла свое значение. Перефразируя Б. Шварца, можно сказать, что это произошло оттого, что люди «обнаружили новые данные о себе» [Schwartz 1990. P. 101]. Однако разные люди обнаружили разные данные! Отсюда различные интерпретации образа Шамиля, показывающие, что, подобно политическим ритуалам [Lukes 1975. P. 299-301], образ исторического героя может не только объединять, но и разъединять группу. Напротив, если изменения касаются общества в целом, не ломая его кардинальным образом, то возникает ситуация, описанная Шварцем, когда интерпретации прошлого, сформулированные в разных исторических обстоятельствах, способны бытовать параллельно и мирно уживаться друг с другом.

Литература

1. Абазатов М.А. Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1973.
2. Абдуллаев М.А. Отражение антифеодальной борьбы крестьянских масс Дагестана в общественно-политической мысли (XV-XIX вв.) // В.Г. Гаджиев (ред.). Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1983. С. 114-147.
3. Авторханов А.Г. Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР. М.: Вся Москва, 1991.
4. Айдамиров А. Люди, судьбы, нравы // Грозненский рабочий, 10 декабря 1989. С. 2.
5. Акаев В.Х., Хусаинов С.А. К вопросу о методологической несостоятельности версии о «горском экспансионизме» и «так называемой Кавказской войне» // В.Г. Гаджиев (ред.). Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства, 1994. С. 126-130.
6. Алироев И.Ю., Павлов М.П. Чечено-Ингушский государственный университет имени Л. Н. Толстого. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1985.
7. Андрусенко А. Как история писалась // Грозненский рабочий, 19 октября 1989.

С. 2.
8. Ахмадов Я.З. Российское повстанческое движение конца XVII – начала XVIII вв. и народы Дагестана // В.Г. Гаджиев (ред.). Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала: Институт ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1990. С. 79-83.
9. Ахмадов Я.З. Не спешите с выводами: учебные пособия по истории Чечено-Ингушетии // Голос Чечено-Ингушетии, 18 февраля 1993. С. 3.
10. Ахмадов Я.З. Проблема присоединения народов Чечено-Ингушетии к России // И.Д. Ковальченко (ред.). История и историки. М.: Наука, 1995. С. 56-59.
11. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. Пособие для изучающих историю родного края. М.: Мир дому твоему, 2001.
12. Ахмадов Ш.Б., Багаев М.Х., Ерещенко Г.А. Рассказы по истории родного края. Учебное пособие для учащихся 6 кл. Грозный: Книга, 1991.
13. Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России// История СССР, 1980, № 5. С. 48-63.
14. Бенкевич Н.Т., Куприянова Е.А. (ред.) В братской семье советских народов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1982.
15. Богатырев Б.Б., Костоев Б.У. Ингушский вопрос в «Независимой газете». М.: Гуманитарный фонд Ингушетии, 2000.
16. Боков Ф.П. По поводу концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный: Книга, 1990.
17. Боков Ф.П. О методологических основах «концепции добровольного вхождения» народов Северо-восточного Кавказа в состав России // В.Г. Гаджиев (ред.). Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства, 1994. С. 54-59.
18. Бугаев А.М. Выступление на круглом столе «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность» // Вопросы истории, 1989, № 5. С. 87-90.
19. Бузуртанов М.О. Основные этапы и закономерности вхождения Чечено-Ингушетии в состав России // Грозненский рабочий, 4 октября 1979. С. 3.
20. Бузуртанов М.О., Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. О добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России // А.Л. Нарочницкий (ред.). Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI-70-е годы XX в.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982. С. 47-61.
21. Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навеки вместе. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1980.
22. Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. На вечные времена // В.Б. Виноградов (ред.). Вехи единства. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982. С. 7-64.
23. Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чахкиев Ю.Д. Очерки этнографии чеченцев и ингушей (дореволюционный период). Грозный: ЧИГУ, 1990.
24. Виноградов В.Б. (ред.). Вехи единства. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982.
25. Виноградов В.Б. Выступление на IX пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС // Грозненский рабочий, 13 октября 1985. С. 3.

26. Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976-1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // История СССР, 1987, № 3. С. 89-101.
27. Виноградов В.Б. (ред.) История добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России и его прогрессивные последствия (материалы к изучению на уроках истории в средних школах Чечено-Ингушской АССР). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1988.
28. Виноградов В.Б. Народной памяти следы. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1989.
29. Виноградов В.Б. История с детективной «историей» // Грозненский рабочий, 29 ноября 1989. С. 3.
30. Виноградов В.Б. Генерал «Сипсо» // Кавказ, 1992. С. 10-11.
31. Виноградов В.Б. Генерал Г.Х. Засс: «отступления со мною нет и не будет». Армавир: АГПИ, 2000.
32. Виноградов В. Б. Н. П. Слепцов – «храбрый и умный генерал». Армавир: АГПИ, 2000.
33. Виноградов В.Б. Грозный-Армавир, 1986-1995: некоторые итоги археологических исследований // Г.Е. Афанасьев (ред.). Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. М.: ИА РАН, 1996. С. 35-38.
34. Виноградов В.Б., Великая Н.Н. Российское государство и Терские казаки: проблемы взаимодействия // Г.Г. Лисицына, Я.А. Гордин (ред.). Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб.: журнал «Звезда», 2001. С. 150-153.
35. Виноградов В.Б., Дударев С.Л. К вопросу о типологии и периодизации русско-вайнахских политических отношений // И.Д. Ковальченко (ред.). История и историки. М.: Наука, 1995. С. 129-134.
36. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Критерий истины // Грозненский рабочий, 26 мая 1985. С. 3.
37. Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вехи единства // Грозненский рабочий, 16 сентября 1978. С. 3.
38. Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный: ЧИГУ, 1979.
39. Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вместе – к великой цели. О пропаганде некоторых вопросов истории Чечено-Ингушетии в связи с последствиями добровольного вхождения в состав России. Грозный: Знание, 1983.
40. Власов А.В. Исторические исследования – на уровень современных требований // А.И. Тацитов (ред.). Истоки великой дружбы. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978. С. 5-15.
41. Власов А.В. Нет дружбы прочнее // Грозненский рабочий, 4 октября 1979. С. 2.
42. Власов А.В. В братской семье // А.Л. Нарочницкий (ред.). Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982. С. 11-21.
43. Выше уровень идеологической работы // Грозненский рабочий, 17 июля 1979. С. 2.
44. Гаджиев Б.И. Шамиль от Гимр до Медины. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992.
45. Гакаев Дж.Дж. Очерки политической истории Чечни (XX век). М.: Чеченский культурный центр, 1997.
46. Гакаев Дж.Дж. Путь к чеченской революции // Д.Е. Фурман (ред.). Чечня и Россия: общества и государства. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. С. 150-176.
47. Гамзатов Г.Г. Преодоление. Становление. Обновление (на путях формирования

дагестанской советской литературы). Махачкала: Дагестанское книгоиздательство, 1986.
48. Гамзатов Г.Г. Восстановить правду истории//Дагестанская правда, 19 мая 1989. С. 2-3.
49. Гамзатов Г.Г. Воссоздать правдивую историю Кавказской войны // Г.Г. Гамзатов (ред.). Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Махачкала: Дагестанское книгоиздательство, 1990. С. 50-58.
50. Гамзатов Г.Г. (ред.). Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. Махачкала: Дагестанское книгоиздательство, 1990.
51. Гапуров Ш. Методы колониальной политики царизма в Чечне в первой половине XIX в. // Д.Е. Фурман (ред.). Чечня и Россия: общества и государства. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. С. 113-127.
52. Гришин П. Как история делается // Грозненский рабочий, 4 ноября 1989. С. 3.
53. Даниялов Г.-А.Д. Имам Шамиль. Махачкала: Юпитер, 1996.
54. Дауев С.А. Чечня: коварные таинства истории. М.: Русь, 1999.
55. Дегоев В В. Проблема Кавказской войны XIX века: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества, 2000, т. 2 (150). С. 225-250.
56. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001.
57. Джургаев М.Ю., Джургаев О.М. Круги ада (о насильственном выселении чеченцев и ингушей в Казахскую ССР и о репрессиях 1930–1950-х в СССР). Грозный: Книга, 1989.
58. Доного Х.М. Имам Шамиль. Время. Судьба. Память. Махачкала, 1997.
59. Доного Х.М. Имам Шамиль. Последний путь. Махачкала: Эпоха, 2016.
60. Дударев С.Л., Нарожный Е.И., Приймак Ю.В. Виталий Борисович Виноградов. Био-библиографические сведения. Армавир: Армавирский гос. пед. ин-т, 1998.
61. Закс А.Б. Как я защищала диссертацию и пыталась ее опубликовать // Вопросы истории, 1989, № 6. С. 164-167.
62. Закс А.Б. В гостях у имама // Родина, 1994, № 3-4. С. 14-16.
63. Ибрагимбейли Х.М. Некоторые вопросы истории народно-освободительной борьбы горцев Северо-восточного Кавказа против царизма (20–50-е годы XIX в.) // В.Г. Гаджиев (ред.). Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала: Институт ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1990а. С. 36-51.
64. Ибрагимбейли Х.М. Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля против царизма и местных феодалов // Вопросы истории, 1990, № 6. С. 151-160.
65. Ибрагимова М. Имам Шамиль. М.: Белый город, 2007.
66. Казиев Ш.М. Имам Шамиль. М.: Молодая Гвардия, 2003.
67. Катышева М., Озиев М. (сост.). Сознавать меру ответственности // Ю. Тангиев (сост.). Трагедия ингушского народа. Грозный: Грозненский рабочий, 1991. С. 3-35.
68. Кодзоев Н.Д. История ингушского народа. С древнейших времен до конца XIX века. Учебное пособие для 7-9 классов общеобразовательных школ. Магас: Сердало, 2002.
69. Костоев А.У. (ред.). Второй съезд ингушского народа. Грозный: Книга, 1990.
70. Крикунов В.П. Выступление на круглом столе «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность» // Вопросы истории,

1989, № 5. С. 41-42.
71. Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик: Эльбрус, 1994.
72. Кушева Е.Н. Воспоминания // Отечественная история, 1993, № 4. С. 126-151.
73. Лорсанукаев С. Дожди меняют цвет. О бурных днях Чечни, о себе, о людях моего поколения. М.: Воскресенье, 2003.
74. Магомаев Х. Не просто в термины играя//Грозненский рабочий, 29 ноября 1989. С. 3.
75. Магомедов Р.М. Присоединение Дагестана к России – закономерный итог исторического процесса // В.Г. Гаджиев (ред.). Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала: Институт ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1990а. С. 4-14.
76. Магомедов Р.М. Народно-освободительная борьба горцев под руководством Шамиля в советской историографии // Г.Г. Гамзатов (ред.). Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. Махачкала: Дагестанское книгоиздательство, 1990. С. 29-42.
77. Магомедов Р.М. Народно-освободительная борьба горцев под руководством Шамиля в советской историографии // В.Г. Гаджиев (ред.). Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства, 1994. С. 6-17.
78. Мальсагов А.П. Край вейнахов – Чечено-Ингушетия. М.: Детская литература, 1969.
79. Меликянц Г. Не было готовых образцов в развитии национальных отношений // Известия, 21 марта 1988. С. 3.
80. Матвеев О.В. «Храбрый воин у нас Гейман» // В.Б. Виноградов (ред.). Вопросы северокавказской истории. Вып. 6, часть 2. Армавир: АГПИ, 2001. С. 37-51.
81. Музаев Т. Чеченская республика: органы власти и политические силы. М.: Панорама, 1995.
82. Музаев Т. Этнический сепаратизм в России. М.: Панорама, 1999.
83. Музаев Т., Тодуа З. Новая Чечено-Ингушетия. М.: Панорама, 1992.
84. Мы открыты для дискуссии, или исповедь ваххабита // Диалог, 1998. № 7. С. 2-3.
85. Накал публицистики – перестройке // Грозненский рабочий, 22 декабря 1989. С. 3.
86. Нарочницкий А.Л. Основные проблемы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней // А.И. Тацитов (ред.). Истоки великой дружбы. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978. С. 16-39.
87. Нарочницкий А.Л. В единую семью соединившись… // Грозненский рабочий, 4 октября 1979. С. 2-3.
88. Некрич А. М. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978.
89. Новосельцев А. П. Комментарий // Грозненский рабочий, 19 октября 1989. С. 2.
90. Нухаев Х.-А. Давид и Голиаф, или российско-чеченская война глазами «варвара» // Независимая газета, 10 декабря 2000. С. 12-13.
91. Нухаев Х.-А. Россия и Чечения: мир по формуле «победа – победа» // Звезда, 2002, № 10. 153-173.
92. Ортабаев Б.Х., Тотоев Ф.В. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности // История СССР, 1988, № 4. С. 78-96.

93. Осмаев А.А. Волкодлаки (Тайна гибели Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики). М.: изд-во МБА, 2019.
94. Пикман А.М. Полемики просто не было // Вопросы истории, 1990, № 2. С. 187-189.
95. Повышать действенность идеологической работы // Грозненский рабочий, 30 июня 1974. С. 1-2.
96. Поэгли В. Чеченский календарь на 1996 год // Московский комсомолец, 17 октября 1996. С. 3.
97. Рамазанов Х.Х., Шигабудинов М.Ш., Шихсаидов А.Р. Борьба горцев Дагестана и Чечни за независимость // Г.Г. Гамзатов (ред.). Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. Махачкала: Дагестанское книгоиздательство, 1990. С. 12-28.
98. Романов В. Страсти и рассудок // Грозненский рабочий, 2 декабря 1989. С. 3.
99. Сайдуллаев М.М. Чеченскому роду нет переводу. М.: ИПП Ковиан, 2002.
100. Смирнов Н.А. и др. (ред.). Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967.
101. Советский историк – боец идеологического фронта // Грозненский рабочий, 4 августа 1973. С. 2-3.
102. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.
103. Умалатов У. Чечня глазами чеченца. М.: Единство, 2001.
104. Умаров С.Ц. Долг памяти народной // Грозненский рабочий, 28 октября 1989. С. 2.
105. Умаров С.Ц. О роли исламского фактора в освободительной борьбе народов Чечено-Ингушетии // В.Г. Гаджиев (ред.). Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства, 1994. С. 198-200.
106. Фотеев В.К. Воспитывать патриотов, интернационалистов // Грозненский рабочий, 13 октября 1985. С. 2.
107. Халилов А.М. Развитие национального и интернационалистского сознания советских народов в период развитого социализма // Научный коммунизм, 1984, № 2. С. 61-69.
108. Халилов А.М. Шамиль в истории и памяти народа // Советский Дагестан, 1988, № 5. С. 32-37.
109. Ходорковский М.В королевстве кривых зеркал // Д.Е. Фурман (ред.). Чечня и Россия: общества и государства. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. С. 19-39.
110. Чахкиев С.И. Идрис Зязиков: верой и правдой. Грозный: б. и., 1991.
111. Шайхиев А. Этот горький огненный орешек // Ичкерия, 19 января 1993. С. 1-2.
112. Шамаев М. Народ устал. Открытое письмо президенту Чеченской республики Джохару Дудаеву // Республика, 11 января 1992. С. 9.
113. Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997.
114. Шерстобитов В.П. Проблемы интернационализма в исторической науке // История СССР, 1974, № 6. С. 3-20.
115. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ Академкнига, 2003.
116. Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006.

117. Шнирельман В.А. Хазарский миф: Идеология политического радикализма в России и ее истоки. Москва: Мосты культуры-Гешарим, 2012.
118. Шнирельман В.А. Социальная память – вопросы теории // В.А. Тишков, Е.А Пивнева (ред.). Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. С. 12-34.
119. Bourdieu P. Language and symbolic power. Oxford: Polity Press, 1992.
120. Bryan F. E. Anti-religious activity in the Chechen-Ingush Republic of the USSR and the survival of Islam // Central Asian Survey, 1984, vol. 3, no. 2. P. 99-116.
121. Bryan F. E. Internationalism, nationalism and Islam // M. Bennigsen Broxup (ed.). The North Caucasus barrier. The Russian advance towards the Muslim world. London: Hurst & Co., 1992. P. 195-218.
122. Degler C. Why historians change their minds // Pacific historical review, 1976, vol. 45, no. 2. P. 167-184.
123. Foucault M. Discipline and punish. The birth of the prison. New York: Vintage books, 1979.
124. Gillis J. R. Introduction. Memory and identity: the history of relationship // John R. Gillis (ed.). Commemorations. The politics of national identity. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994. P. 3-24.
125. Halbwachs M. Les cadres sociaux de la memoire. Paris: Presses universitaires de France, 1952.
126. Halbwachs M. On collective memory. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1992.
127. Lukes S. Political ritual and social integration // Sociology, 1975, vol. 9. P. 289-308.
128. Schuman H., Scott J. Generations and collective memories // American Sociological Review, 1989, vol. 54, no. 3. P. 359-381.
129. Schwartz B. The reconstruction of Abraham Lincoln // D. Middleton, D. Edwards (eds.). Collective remembering. London: SAGE, 1990. P. 81-107.
130. Schwartz B. Social change and collective memory: the democratization of George Washington // American Sociological Review, 1991, vol. 56, no. 2. P. 221-236.
131. Schwartz B. Abraham Lincoln and the Forge of National Memory. Chicago: Chicago University Press, 2000.
132. Shnirelman V. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington D. C., Baltimore & London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 1996.
133. Tillett L. The great friendship. Soviet historians on the non-Russian nationalities. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1969.

УДК 94 (470)

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Мусхаджиев Саид-Хасан Хамзатович
кандидат исторических наук, доцент, Майкопский государственный технологический университет г. Майкоп

Аннотация: *Статья посвящена историческим юбилеям Русской революции 1917 г. и Горской республики в контексте взаимосвязи политики и истории, исторической памяти и современности. В условиях постсоветской трансформации очень важно поддержать тенденцию всестороннего осмысления ключевых событий прошлого и способствовать популяризации качественного исторического знания для извлечения из них полезных уроков.*

Ключевые слова: *память, политика, юбилей, Россия, государство, история, революция, Горская Республика.*

Память и история всегда тесно взаимосвязаны друг с другом, память это непросто отражение «прошлого», но сложный процесс, происходящий в настоящем. Сегодня, когда историк теряет свое некогда монопольное право на интерпретацию прошлого и делит эту сферу с политиками, журналистами, общественными деятелями, любая история становится «историей во второй степени», то есть историей переосмысления всех состоявшихся репрезентаций исследуемого феномена на основе современных реалий. Исторический материал в реальной жизни является одновременно и научным, и эмоциональным аргументом. Именно это обстоятельство объясняет то, что использование «прошлого» может быть как политически эффективным, так и деструктивным.[1]

Рассмотрим это на примерах исторических юбилеев: Русской революции 1917г. и образование Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горская Республика) (май 1917 – май 1919).

С 2014 года мы вошли в период столетних юбилеев важнейших событий в истории России и Евразии, связанных с Первой мировой войной, революцией, распадом империй, провозглашением независимых государств и гражданской войной на территории бывшей Российской империи. Великая война, как многие современники характеризовали военные события 1914-1918 гг., вызвали величайшие изменения не только континентального характера, но и глобального мас-

штаба.

Столетний рубеж – знаковый период для исторической памяти. Один из основоположников советской исторической науки Михаил Покровский сказал, что «история – это политика, опрокинутая в прошлое». Невозможно игнорировать связь политики и истории, исторической памяти и современности. Именно сейчас в условиях постсоветской трансформации и необходимо поддержать тенденцию всестороннего осмысления ключевых событий прошлого и способствовать популяризации качественного исторического знания для извлечения из них уроков.

Россия и постсоветские государства относятся к числу стран, для которых прошлое, по выражению Э. Нольте, «так и не прошло», для которых исторические события остаются актуальными и актуализированными в политические, идейные и общественные битвы дня сегодняшнего. Историю по мере сил пытаются использовать власть и оппозиция, «левые» и «правые», «либералы» и «консерваторы». Прямое воздействие истории на сегодняшнюю ситуацию в России, да и на всем постсоветском пространстве, не так велико, как может показаться, но тем не менее требует специального исследования.

Мощным идеологическим инструментом современных государств является управление исторической памятью народа, которую философ А.М. Пятигорский выделил как «направление сознания человека на его прошлое». Она может быть позитивной и негативной, развиваться естественным путем изнутри мыслящей личности или направляться и регулироваться внешними факторами.

Моделирование исторического сознания и исторической памяти подданных и манипулирование ими и есть историческая политика государства. Явление старо, как само государство, хотя термин «историческая политика» вошёл в научный обиход относительно недавно. Он возник в ФРГ в начале 1980-х годов, получил широкое распространение в Польше и в Украине в середине 2000-х годов, прежде всего в процессе «отталкивания» от России и отказа от «наследства» социалистической эпохи. В отечественной литературе термин был актуализирован А.И. Миллером в статье 2009 г. «Россия: власть и история» и получил распространение в средствах массовой информации и в интернете. [2]

Миллер называет «историческую политику» новым явлением, принципиально отличающимся от «политизации истории», т.е. исторического сознания и исторической науки. Политизация историче-

ской науки и исторического сознания – процесс, идущий под воздействием многочисленных разнонаправленных факторов, в то время как историческая политика – комплекс мер власти, имеющих единое стратегическое направление, т.е. один из ключевых, но не единственный фактор политизации истории.

«Политика памяти», которую Миллер в той же статье определяет как «различные общественные практики и нормы, связанные с регулированием коллективной памяти», является лишь одной из форм исторической политики, нередко доминирующей. Чтобы понять в чём же состоит основная задача политики памяти, имеет смысл вспомнить известную формулу нации, которую Эрнест Ренан отчеканил в своей Сорбоннской лекции (1882):

«Нация - это душа, духовный принцип. Две вещи, которые в действительности являются лишь одной, создают эту душу, этот духовный принцип. Одна относится к прошлому, другая - к настоящему. Одна является совместным обладанием богатым наследием воспоминаний, другая есть актуальное согласие, желание жить вместе, воля продолжать пользоваться доставшимся неразделенным наследством». [3]

Иными словами, политика памяти является одним из важнейших инструментов по формированию макрополитической идентичности того или иного сообщества. Попутно в рамках политики памяти ее основные игроки реализуют и другие задачи, позволяющие не только консолидировать нацию, но и содействовать готовности жить вместе при определенной политической системе или режиме. Либо наоборот, выстраивать политику памяти таким образом, чтобы заодно стимулировать какие-либо политические изменения.

Для современной политической элиты России столетний юбилей революции – не самый удобный повод для формирования политики памяти. В нулевых годах концепция официального исторического нарратива, т.е. смысловой схемы, отражающей «логику» событий национального прошлого, существенно трансформировалась. Современная официальная историческая концепция сосредоточена на теме «тысячелетнего великого Российского государства». С этой точки зрения события 1917-го - и Февраль, и Октябрь - очевидно не являются поводом для триумфа. Скорее, это трагический момент кризиса, момент распада государства, которое затем удалось собрать в новой форме.

Российский лидер В.В. Путин, анализируя знаковые события

прошлого, отмечал: «революция — это всегда следствие дефицита ответственности. Как тех, кто хотел бы законсервировать, «заморозить» отживший, явно требующий переустройства порядок вещей, так и тех, кто стремится подстегнуть перемены, не останавливаясь перед гражданскими конфликтами и разрушительным противостоянием.

Сегодня, обращаясь к урокам столетней давности, к русской революции 1917 г., мы видим, какими неоднозначными были её результаты, как тесно переплетены негативные и, надо признать, позитивные последствия тех событий. И зададимся вопросом: разве нельзя было развиваться не через революцию, а по эволюционному пути? Не ценой разрушения государственности, беспощадного слома миллионов человеческих судеб, а путём постепенного, последовательного движения вперёд» [4].

В начале 2000 гг. было принято радикальное решение российской праздничного календаря - 7 ноября перестал быть праздником. При этом формально отмене подлежал не День Октябрьской революции, а День согласия и примирения — такое название праздник 7 ноября получил в 1996 году. Правда, за переименованием не последовало никаких изменений в праздничных практиках, церемониях и сценариях торжеств.

Отмена праздника 7 ноября позволила примерно на десятилетие исключить тему 1917 года из политики памяти, проводимой от имени государства. Однако столетие такого великого по всемирно-историческим меркам события, конечно, не может пройти незамеченным. Впервые эта тема всплыла еще в 2014 году, в связи со столетием Первой мировой войны: обсуждая тему войны, Путин дал критическую оценку действиям большевиков, чем спровоцировал очередной раунд споров о событиях 1917 года.

Эти исторические события получили нейтральное название – «революция 1917 года в России». Снимаются все споры об эпитетах - социалистическая или буржуазная, русская или российская и т.д., но точно не «великая». Кроме того, снимается вопрос о том, какую из двух революций мы собираемся отмечать: Февральскую, Октябрьскую или обе. Еще один важный момент: государство отказывается брать на себя роль организатора юбилейных событий, эта задача возлагается на Российское историческое общество (РИО), которое возглавляется министром культуры В. Мединским, ставший автором официальной формулы интерпретации этих событий - «примирения и

согласия». Всё это свидетельствует о явном понижении символического статуса юбилея.

Подводя итог год юбилею Русской революции, один из признанных специалистов по проблеме политики памяти А.И. Миллер отмечал, что в целом «имела место вполне свободная и интенсивная общественная дискуссия о событиях столетней давности. Мы не достигли единства в трактовке тех событий, но на это и не приходилось рассчитывать. Но эти дебаты не вызвали в обществе какой-то дополнительной напряжённости и взаимного отчуждения, и это важно. Профессиональные историки существенно продвинулись вперёд в изучении революции, и остаётся только пожелать, чтобы всплеск их активности не стал исключительно «юбилейным» [5].

В отличии от темы Русской революции, юбилей Горской республики остался практически не замеченным для официальных властей, научных центров и широкой общественности России и Северного Кавказа, несмотря на то, что исторически непродолжительный опыт существования этого государственного образования представляет серьёзный научно-практический интерес в свете взаимоотношений «центр – национальная периферия», а также актуальностью выработки на современном этапе эффективной и конструктивной политики Москвы в отношении национальных республик Северного Кавказа.

Союз Горцев Северного Кавказа и Дагестана (с мая по октябрь 1917), Горская республика (с 1918), — автономное государственное образование, провозглашённое на съезде северокавказских народов 1 мая 1917 года на территории Дагестана и горских округов Терской области. В апреле 1918 года ЦК Союза провозгласил независимость с трансформацией государства в Горскую Республику (Республику Горцев Северного Кавказа и Дагестана). Официально независимость провозглашена 11 мая 1918 года на мирной конференции в Батуми [6].

Горская Республика по своему устройству была демократическим государством, с парламентской формой управления, а ее правительство было представлено почти всеми народами, входящими в ГР. Столицей республики была Темир-Хан-Шура – город в Дагестане (ныне — Буйнакск).

Проект административно - территориального устройства Горской республики включал семь самостоятельных «штатов», выделенных по национальному признаку и объединённых по конфедеративному принципу на территориях: Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии,

Карачаево-Балкарии, Кабардино – Черкесии , Ногайских степей, Адыгеи и, в определённый период, Абхазии. Однако, он так и не стал политической реальностью.

Республика горцев была признана юридически Османским государством и Германией, а фактически ее также признали Австро-Венгрия, Болгария, не говоря уже о государствах, возникших на обломках империи - Польша, Украина, Грузия, Азербайджан.

В связи с поражением в Первой мировой войне Германии и Османской империи (бывшей гарантом независимости республики), и захвате Дагестана силами Деникина в мае 1919 года, Горское правительство объявило о самороспуске и эвакуировалось сначала в Тифлис, а затем часть эмигрировала в Европу, а некоторые представители - в Турцию. «Горская республика, хотя и получила определенную поддержку от Турции и Германии, на самом деле не имела ни сил, ни средств для ведения самостоятельной политики и вынуждена была искать поддержку различных политических сил как внутри страны, так и за ее пределами. Но осуществиться мечтам Горской республики не было суждено» [7].

Столетний юбилей ГР не был отмечен на Северном Кавказе торжественными мероприятиями, научными конференциями, телепередачами и издательской активностью. Одним словом, региональная власть и научные центры не сочли необходимым как-то обозначить эту немаловажную веху в истории Северного Кавказа.

Только лишь московское издательство «Центрполиграф» выпустило работу историка - кавказоведа, кандидата исторических наук М.М. Вачагаева, которая написана на основе большого архивного материала, в том числе на документах архивов Азербайджана, Грузии, Турции, Франции, России. Автор тщательно проанализировал перипетии короткой, но бурной истории государственного образования горцев, появившейся в результате революции 1917 г. и последующего краха Российской империи. В книге рассмотрены обстоятельства провозглашения Горской республики, ее статус и политическая ориентация в дипломатическом и военном противостоянии между основными факторами интервенции и Гражданской войны в России, персональный состав руководства Республики, причины и последствия краха «сепаратистского проекта» на Северном Кавказе [8].

Единственная республика, где в узком масштабе отметили исторический юбилей ГР, и то благодаря энтузиазму и профессионализму учёных, это Дагестан. Национальный музей Республики Дагестан им.

А. Тахо-Годи, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ и Дагестанский государственный университет совместными усилиями организовал научный семинар «СТРАНА ГОРЦЕВ КАВКАЗА», посвященный 100-летию Горской республики 1918-2018 гг. Семинар состоялся 20 ноября 2018г. в г. Махачкале, в конференц-зале Национального музея РД [9]. В самом музее была существенно обновлена экспозиция, приуроченная данному периоду, в которой тема Горской Республики получила солидное дополнение новыми артефактами (письма, фотоматериалы и печати деятелей ГР, денежные знаки, личные вещи, картины и др.). В Дагестане была изготовлена сувенирная продукция, посвященная юбилею Республики горцев.

Огромная личная заслуга в организации и проведении этих мероприятий в Дагестане принадлежит ведущему учёному-кавказоведу, доктору исторических наук, профессору ДГУ Хаджи Мураду Доного, который 10 декабря 2018 г. в лекционном зале «Smeetcenter» в Махачкале прочитал лекцию по теме 100-летия ГР.

Международный масштаб юбилею Горской республики придали представители северокавказской диаспоры Турции: KAFKASDER (ассоциация потомков кавказских мухаджиров в Турции), Федерация черкесских организаций, которые 11-12 мая 2018 г. провели в Стамбуле памятные мероприятия. В программу юбилея вошли Международная конференция (конференц-зал мэрии г. Стамбула), в которой приняли участие известные учёные, писатели и общественные деятели Турции (в основном, кавказского происхождения) и зарубежных стран — Азербайджана, Дании, оссии и Франции (специально приглашённые на данное мероприятие); фотовыставка, посвящённая лидерам и деятелям Горской Республики; а также церемония посещения кладбище «Ферик-кой», где похоронены 2-й президент Горской Республики Пшемахо Коцев и 3-й президент Микаэль Халилов [10].

Как мы знаем, история XX века является предметом серьёзных дискуссий, острота которых определяется не только плюрализмом идеологических позиций, но и современными геополитическими тенденциями. Имеет место сосуществование разных культурных парадигм политической работы с прошлым, которые нередко противоречат друг другу.

С одной стороны, актуальна парадигма критической проработки трудного прошлого. Такую политику памяти мы обнаруживаем в очень многих странах мира, в истории которых были революции и гражданские войны, политические репрессии и этнические чистки и

т.д.

Но с другой стороны, после распада СССР встала задача формирования идентичности макрополитического сообщества, стоящего за старыми и новыми государствами евразийского пространства. Это предполагает другой подход к использованию прошлого - тот, о котором так красноречиво писал Э. Ренан. Нарративы, полагаемые в качестве оснований национальных идентичностей, должны представлять позитивный образ нации. Как правило, они основываются на героических событиях, на истории вклада народа в сокровищницу человеческой культуры и прочих позитивных вещах.

Таким образом, историческая политика (политика памяти) в современных обществах - это намного более широкое явление, чем история на службе политики. Это нечто большее, чем просто формирование и закрепление нормативного или догматического мировоззрения, поскольку включает в себя политику формирования исторической преемственности, передачу самого разного рода воспоминаний и опыта, а также поиск забытых фактов и следов отвергнутых альтернатив. Историческая политика - это еще и тематика научных исследований с целью поиска ответов на вопросы о том, как исторические интерпретации превращаются в политические реалии и становятся частью проектов будущих социокультурных преобразований.

Литература

1. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. Москва. Круг. 2011; Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история.- 2004. N5.; Савельева И.М., Полетаев А.В. "Историческая память": к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М, 2005. С. 170-220. И.Н. Данилевский. Александр Невский: Парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005.
2. Миллер А.И. Россия власть и история./ Proet Contra 2009 май-август. 3-4 (46). Т. 13. С. 6-24.
3. Эрнест Ренан. Что такое нация? [Электронный ресурс]. URL: http://hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php
4. [Электронный ресурс]. URL: https://globalaffairs.ru/valday/Revolyutciya-1917-goda-istoriya-pamyat-politika-19383
5. [Электронный ресурс]. URL: http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/
6. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki
7. Гусейнова И.С. Проблема международного признания Горской Республики// Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7 №5 часть 1. С. 121 – 125.
8. Вачагаев М.М. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917 – 1920. М., 2018. Издательство: Центрполиграф. 351 с.
9. Электронный ресурс. Режим доступа: https://lezgigazet.ru/archives/55830
10. Информацию предоставил участник мероприятий Хаджи Мурад Доного.

УДК 94(479.24)

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Мамедова Назия
научный сотрудник Института Кавказоведения
Национальной Академии Наук Азербайджана
mamedovanaziya@mail.ru

Аннотация. *В статье анализируется политика памяти, проводимая в Азербайджане. Автор обратила внимание на советские и постсоветские места памяти в Баку, проанализировав их с современной политической системой Азербайджана, поиска и создания азербайджанской идентичности, политики памяти и новых символов. В настоящее время политика памяти становится активным элементом государственной политики.*

Ключевые слова: *Азербайджан, Закавказье, политика памяти, исторические и культурные памятники*

Любая нация и государство нуждается в проведении исторической политики и политики памяти. Она служит важнейшим средством самоидентификации. Проводимые с этой целью государством мероприятия называются *политической памятью* или *исторической политикой*. Историческая политика используется властями для легитимации своих действий. Для этого используются определенные интерпретации исторических событий, как доминирующие. А политика памяти – это одно из ведущих направлений исторической политики, целью которого является формирование национальной памяти о прошлом, отвечающей интересам настоящего.

Таким образом, *«ландшафт памяти»* становится отражением доминирующей политической системы и её ценностей. Собственно по этой причине осуществляется демонтаж и установка памятников, почитание исторических личностей, учреждение памятных дней и «места памяти» (термин, придуманный французским ученым Пьером Нора для обозначения мест национальной идентичности), проведение акций, использование государственных и национальных символик и т.д.

Проблема отношения к прошлому особенно остро ощущается во всех республиках, образованных на постсоветском пространстве, которые вынуждены переосмысливать свою историческую преемственность. То, как они конструируют образы прошлого, можно рассматривать на таких материалах, как законодательные акты и мемориаль-

ной деятельности (создание памятников). Некоторые памятники, которым нет места в новой системе ценностей, демонтируются. Другие проходят процесс переоценки. Также появляются новые.

Азербайджан оказался в числе тех 15 государств, которые обрели независимость в результате распада СССР. С тех пор, он находится в поиске своей идентичности, конструирование которого включает в себя и политику памяти. Как и большинство постсоветских государств, Азербайджан начал этот поиск с переосмысления своей истории. Переоценка истории так же проявилась в коммеморативных практиках и в ландшафте памяти. Этой работой занимаются представители различных профессий: профессиональные историки, культурологи, журналисты, политики и т.д. Таким образом, в создавшихся условиях формируются новые вызовы исторической политике и политике памяти.

Перед тем, как погрузиться в изучение памятников и мест памяти в Азербайджане, давайте взглянем на главные этапы новейшей истории Азербайджана, подтолкнувшие на переоценку истории:

1. 1918 – 1920 гг. – период АДР (Азербайджанская Демократическая Республика), сюда относятся события, повлекшие за собой создание АДР, его деятельность, личности, внесшие свою лепту и т.д. Эта республика просуществовала всего 23 месяца, но оставила в сознании азербайджанцев много национально-патриотического.
2. 1920 – 1991 гг. – советский период ознаменован в т.ч. утратой независимости, вхождением в состав СССР, репрессиями, Второй мировой войной, депортацией азербайджанцев из Западного Азербайджана (нынешняя Армения), Карабахским конфликтом, который продолжается и по сегодняшний день.
3. Начиная с конца 80-х годов по настоящее время – советский период уступает место этапу становления независимости и демократии, когда к людям начало возвращаться национальное самосознание.

Часто Советский Союз на сегодняшний день ассоциируется с Россией в большинстве постсоветских республик, и Азербайджан не исключение. Но Азербайджан имеет свои особенности. В Азербайджане, существует критика советского, в основе которой заложена концепция тоталитарного прошлого, которое, естественно, осуждается. Но наряду с критикой советского прошлого в Азербайджане сохраняются и позитивные атрибуты Советского Союза – в первую очередь, это сохранение русского языка и русской общины, динамичное развитие двусторонних российско-азербайджанских отношений

практически во всех сферах.

В Баку в советское время воздвигали памятники, несущие в себе отпечаток советской политической и общественной системы, к которым можно отнести, например, памятники С. Кирову, В.И. Ленину[14], которых сейчас нет. Естественно, после распада СССР, значение этих памятников и сам факт их возведения были пересмотрены.

Там где возвышался памятник С. Кирова, а точнее на Нагорном парке в Баку, сейчас находится Аллея шехидов[15], где похоронены невинные жертвы 20 января. 19 января Президиум Верховного Совета СССР принял, подписанный президентом СССР Михаилом Горбачевым, Указ о введении в Баку и ряде населенных пунктов Азербайджанской ССР чрезвычайного положения (расходившийся с действующим законодательством). В ночь с 19 на 20 января в Баку по приказу министра обороны СССР Дмитрия Язова были введены войска, которые расстреляли мирных жителей. 22 января 1990 года состоялась чрезвычайная сессия Верховного Совета АзССР, которая дала политическую оценку событиям 20 января. Была создана депутатская комиссия по расследованию произошедших событий. В заявлении комиссии было сказано: «Союзные органы власти, игнорируя законы страны и международно правовые нормы, пренебрегая суверенными правами Азербайджанской ССР, грубо нарушив условия Договора об образовании СССР, Конституцию СССР и Конституцию Азербайджанской ССР, без согласия высших органов государственной власти республики…, незаконно осуществили ввод войск в Азербайджанскую ССР и объявили в ее столице Баку чрезвычайное положение…».

По данным республиканской комиссии по расследованию обстоятельств и причин трагических событий, связанных с вводом войск в Баку, опубликовавшей свои результаты спустя два года, погибших было 131, раненых 744 человека. Некоторые источники приводят данные о 170 погибших и более. 22 января состоялись похороны погибших на Аллее в Нагорном парке, имени С. Кирова, который с того дня стал именоваться Аллей шехидов. Эти события вошли в историю Азербайджана как "Черный январь", а 20 января стал в рес-

[14] Одиннадцатиметровый бронзовый памятник Ленину скульптора Джелал Карягды был установлен в 1955 г. перед Домом Правительства. 27 августа 1991 года памятник был демонтирован. На его месте был установлен флаг Азербайджанской Республики, а главная площадь города была переименована в Азадлыг - площадь Свободы.

[15] В Азербайджане "шехидами" называют павших за Родину.

публике Днем всенародной скорби.

Аллея шехидов поистине стала «местом памяти» азербайджанского народа. Здесь покоятся не только невинные жертвы 20 января, но также похоронены Национальные герои Азербайджана и воины (шехиды), которые погибли в Карабахской войне, мужественно сражаясь и защищая Родину. А также здесь можно проследить все этапы новейшей истории Азербайджана. Рядом с Аллей шехидов установлен в 1999 г. памятник турецким воинам, которые в 1918 г. в составе Исламской Кавказской армии освобождали Баку от интервентов. Здесь же находится памятник дважды Герою Советского Союза Ази Асланову, который стал символичным местом почтения участников Второй мировой войны и где каждый год отмечается 9 мая и происходит встреча Президента Азербайджана с ветеранами.

Как и у всякого народа у азербайджанцев имеются яркие героические страницы в истории, а также трагические, наполненные болью и горечью, раны которые не заживают. Без преувеличения одной из таких ран является Карабахская война, которую нельзя считать оконченной, так как все еще 20% территорий Азербайджана оккупированы и продолжаются перестрелки в приграничных зонах. Все усилия во внешней политике Азербайджана направлены на разрешение конфликта, который возможен при безоговорочном выводе армянских вооруженных сил из Нагорно-карабахского региона и других оккупированных территорий Азербайджана.

Справедливая оценка была дана, когда Общенациональный лидер Гейдар Алиев стал президентом Азербайджана и политика памяти стала одним из главных институтов для построения нового, современного и независимого Азербайджана. По Указу Президента Азербайджанской Республики о геноциде азербайджанцев 1998 года, 31 марта отмечается как День геноцида азербайджанского народа с проведением мероприятий в мемориальном комплексе в Губе.

30 декабря 2009 года Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев, с целью сохранения национальной памяти для будущих поколений и увековечения памяти жертв геноцида подписал распоряжение о создании в городе Губа «Мемориального комплекса геноцида». 18 сентября 2013 года Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев принял участие в церемонии открытия Мемориального комплекса геноцида в г. Губе. Еще одной трагедией включенной в политику памяти является геноцид азербайджанцев в г. Ходжалы 26 февраля 1992 г. В 2008 г. началась кампания «Справед-

ливость во имя Ходжалы», организатором которой выступает Лейла Алиева. Международная информационная кампания «Справедливость Ходжалам» была инициирована 8 мая 2008 года. Кампания призвана повысить уровень осведомленности международного сообщества о Ходжалинском геноциде, а также основных причинах и последствиях армяно-азербайджанского, нагорно-карабахского конфликта. Задача этой кампании — отдать дань уважения памяти жертвам, сохранить и передать новым поколениям память о них, поддержать выживших и найти пути облегчения их страданий.

Мало кому известно, что процесс вытеснения азербайджанского населения с исконных закавказских земель, начался непосредственно после Второй мировой войны. Это было продолжением сталинской политики «народоубийства» когда в 30-40-х гг. ее жертвами стали до 14 народов. Так, Совет Министров СССР 23 декабря 1947 г. принимает за подписью И. Сталина постановление: «О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР». Таким образом 150 тыс. азербайджанцев в течении 1948 – 1953 гг. подверглись по существу насильственной депортации. 18 декабря 1997 года в указе, подписанном Президентом Азербайджанской Республики Гейдаром Алиевым, массовая депортация азербайджанцев из Армении 1948-1953 годов подверглась решительному осуждению как этническая чистка и политика геноцида.

В 1988 г. кульминацией конфликта между Азербайджаном и Арменией стали военные действия, в результате которых больше 250 тыс. азербайджанцев были депортированы, насильственно изгнаны со своих земель в Нагорном Карабахе и 7 оккупированных районах (Лачын, Кельбеджар, Губадлы, Зангилан, Джебраил, Агдам и Физули).

Начиная с 1988 г. проблемой политики памяти в Азербайджане становится не только защита своей истории от произвольной фальсификации со стороны соседних «исследователей», но и вместе с тем выстраивание единой политики памяти. Это приводило к выявлению тех образов прошлого, которые в последние годы стали элементами азербайджанского культурного пространства, их визуальной репрезентации в мировом сообществе.

Выше уже отмечалось о переоценке истории. Очевидность потребности в решении данной задачи в период обретения независимости стала осознаваться на государственном уровне. В силу идеологии, советская власть запрещала заниматься исследованием событий, по-

служивших образованию АДР (Азербайджанской Демократической Республики), деятельности исторических личностей, которые внесли свой вклад в развитие суверенного Азербайджана, и т.д. В период обретения независимости, историками была сделана колоссальная работа по выявлению архивных материалов и документов, доступа к которым в советское время не было.

На сегодняшний день независимая Азербайджанская Республика считает себя преемницей Азербайджанской Демократической Республики 1918 г. О чем свидетельствует Указ Президента Ильхама Алиева об объявлении 2018 года – годом 100-летия создания АДР, и в связи с этим проводились и проводятся общественные и культурные мероприятия.

Подводя итоги можно прийти к тому, что составной частью коллективной памяти азербайджанского народа являются памятные дни: сюда входит День всенародной скорби, День геноцида азербайджанцев, дни оккупаций районов Азербайджана карабахскими сепаратистами. В настоящее время историческая политика в Азербайджане включает в себя изучение и исследование этапов становления азербайджанского народа и государства.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что политический курс независимого Азербайджана привел к тому, что Азербайджан прошедший трудный путь развития, сумел стать сильным и процветающим государством - лидером региона, что должно способствовать установлению в Закавказье мира и справедливости для всех народов региона.

Литература

1. Политика армянизации Западного Азербайджана (современной Армении): история и современность // URL:www.newtimes.az/ru/processestrends/5659/
2. Ввод советских войск в Баку в ночь с 19 на 20 января 1990 года // URL:www.ria.ru/history_spravki/20110117/322647424.html
3. Памятник турецким солдатам в Баку // URL:www.kataloq.gomap.az/ru/all-poi/culture/monument/92d89810d56611e0ad4900226424597d
4. Указ Президента Азербайджанской Республики «О массовой депортации азербайджанцев с историко-этнических земель на территории Армянской ССР в 1948-1953 годах» // URL: www.erevangala500.com/page/252.html
5. Указ Президента Азербайджанской Республики о геноциде азербайджанцев от 26 марта 1998 года // URL: www.azerbaycanli.org/ru/page131.html
6. URL: www.justiceforkhojaly.org

УДК 94(479.24)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕССИЙ И ДЕПОРТАЦИЙ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

Алиева Севиндж Исрафил гызы
доктор исторических наук, зав. отделом «История российско-азербайджанских отношений» Института Истории им. А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана
a.sevemin.i@mail.ru

Аннотация. *В статье на основании опубликованных документов и литературы рассматриваются некоторые аспекты истории репрессий и депортаций в отношении населения Азербайджанской ССР. Автор рассмотрела идеологическую, экономическую и социальную подоплеку политического террора в отношении населения Азербайджана.*

Ключевые слова: *Азербайджанская ССР, репрессии, депортации, тоталитаризм, мусульманское население, реабилитация.*

Тема сталинских репрессий и депортаций всегда вызывает повышенный интерес. Начиная с периода «оттепели» много говорится об объективных и субъективных факторах этого предмета исследования. До сих пор ученых и общественность волнует вопрос, каким образом общество поощряло и само участвовало в этом жестоком процессе? Почему, несмотря на самые жесткие оценки и сегодня самые разные слои населения с трепетом относятся к памяти тирана, оправдывая его и даже воздавая славославия? Откуда такая тоска по «жесткой власти» и «сильной руке»? И если тоталитаризм и методы его поддержания: террор, репрессии, депортации были оправданы, почему же после смерти Сталина культ личности был развенчан и осужден самой властью, а сотни тысяч осужденных, репрессированных и депортированных по социально-сословному и национальному признакам граждан были реабилитированы?

При рассмотрении темы политических депортаций в тоталитарном государстве, попрания прав граждан, произвола, огромное значение имеют рассекреченные архивные материалы, опубликованные в сборниках документов, а также воспоминания непосредственных участников событий Они демонстрируют средства, к которым прибегало тоталитарное государство для удержания своей власти и достижения поставленных целей крайними, неоправданно жестокими ме-

рами.

Особый интерес вызывает большевистская политика в отношении мусульман. Она неуклонно эволюционировала в сторону ограничения и вытеснения традиционных институтов. Уже на X съезде коммунистической партии в 1921 г. тюркизм и исламизм были отнесены к проявлениям «буржуазно-демократического национализма». Лица, обвиненные в тюркизме, подверглись репрессиям. Усиление репрессивной составляющей большевистской политики в Азербайджане после прихода большевиков вылилось в преследование членов Правительства Азербайджанской Демократической Республики, мусаватистов и тех, кто подозревался в буржуазном национализме и в антисоветских настроениях. 28 апреля 1920 года Азревком выступил с обращением «Ко всему населению г. Баку и Азербайджана», объявив о ликвидации преступного правительства партии «Мусават» и утверждении рабоче-крестьянской власти [2. С. 11-12].

Ломка прежней системы, ликвидация сословий и привилегий, изменение системы образования, землепользования, отмена частной собственности, преследование духовенства, верующих, запрещение шариатских судов и т.д. - вызывали недовольство на местах. Одним из методов борьбы с «антисоветскими элементами» стал террор. Первый приказ, с которого начались репрессии, об арестах и конфискациях был издан 29 апреля 1920 г. Согласно этому решению была организована Азербайджанская Чрезвычайная Комиссия (АзЧека, АЧК). Приказ Азревкома от 2 июня 1920 года «О борьбе с контрреволюцией» дал обоснование многим дальнейшим приговорам. 17 мая 1920 года Политбюро КП(б) Азербайджанской ССР приняло постановление о создании в Баку трудового (концентрационного) лагеря [9. С. 44-45]. Этап массовых репрессий наступил в условиях перехода к так называемой «социалистической реконструкции».

Азербайджанская деревня была включена в орбиту экономических экспериментов большевиков, связанной с политикой продовольственной разверстки. В Азербайджанской ССР продразверстка охватила кратковременный период с сентября 1920 по май 1921 года. В это же время осуществлялся военный коммунизм, хоть и не в таких масштабах, как в России, т.к. социально-экономические, культурные, бытовые условия в Азербайджане сильно отличались. Несмотря на непродолжительность данной политики (всего семь месяцев), в уездах Азербайджана также были зафиксированы факты голода и крестьянские бунты. Причиной тому были, с одной стороны, засуха, на-

пример, 1925 года[10], с другой - усугубляющие тяготы крестьян бесконечные, бесконтрольные реквизиции со стороны продагентов, а также обязанность кормить и обувать дислоцированных в Азербайджане солдат XI Красной Армии.

Курс на индустриализацию, взятый со второй половины 20-х годов, проводился за счет крупных и состоятельных хозяйств деревни, что привело к снижению урожайности и ослаблению сельскохозяйственного производства. В 1929 году в республике появились продовольственные карточки. Была запрещена продажа хлеба, массово конфисковали зерно. По резолюции ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 года, коллективизация в Азербайджанской ССР должна была завершиться к весне 1932 года.

Переход к сплошной коллективизации стал настоящей драмой для народов Кавказа. 11-16 февраля 1930 года на совещании ЦК ВКП (б) по вопросам коллективизации и ликвидации кулачества как класса приняли участие секретари ЦК партии Азербайджана, Грузии, Узбекистана, Таджикистана, Армении, а также Дагестанского, Бурятского и других обкомов и райкомов. После принятия ими Постановления от 20 февраля 1930 года «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных, экономически отсталых районах», население, выражавшее недовольство на религиозной почве, неудовлетворенное аграрной политикой и образом правления, и к тому же классифицированное как кулаки, подверглось еще большим гонениям. Недовольство крестьян вылилось в ряд вооруженных выступлений в Нуха-Закатальском, Нахчыванском, Гянджинском регионах Азербайджанской ССР в 1930 году. Однако, 2 марта 1930 года вышла статья Сталина «Головокружение от успехов», которая призывала притормозить дальнейшую коллективизацию. После этого было разрешено крестьянам выйти из колхозов и содержать мелкое единоличное хозяйство. Распределение земельных наделов и скота между колхозниками привело к снижению показателей и заготовок. Массовые репрессии привели к выходу крестьян из колхозов. Ответственность возлагалась на командное управление партийно-советского руководства. «Кулацкие группы» обвинялись в убийствах, пожарах, потере поголовья скота, т.е. во «вредительстве» и «классовой мести».

По Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах» от 25 февраля 1930 года по Азербайджанской ССР ориентировочно предписывалось репрессировать 500 кулаков-активистов и за-

ключить их в концентрационные лагеря [15. С. 110, 119]. По Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О плане выселения кулаков в 1932 году» от 4 мая 1932 г., был принят план переселения 38300 семей кулаков в Среднюю Азию, по Азербайджанской ССР было утверждено переселение 1200 семей кулаков в Казахстан [11. С. 537].

В 1933 г. было принято решение о выселении из хлопковых и пограничных районов Южного Кавказа 1500 хозяйств, в частности, из Азербайджана 900 кулацких хозяйств с семьями [16. С. 605]. В следующем году было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О высылке из Азербайджана антисоветских элементов» от 25 декабря 1934 г., санкционировавшее высылку из Азербайджана в административном порядке в концлагеря с конфискацией имущества 87 семейств кулаков [12. С. 659].

Идеологической основой сталинских репрессий стал тезис об усилении и изменении формы классовой борьбы по мере развития социализма и диктатуры пролетариата. Выступая на Пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г., Сталин развивал этот ленинский тезис: «Не ясно ли, что все наше продвижение вперед, каждый наш сколько-нибудь серьезный успех в области социалистического строительства является выражением и результатом классовой борьбы в нашей стране?...Не бывало и не будет того, чтобы отживающие классы сдавали добровольно свои позиции, не пытаясь сорганизовать сопротивление. Не бывало и не будет того, чтобы продвижение рабочего класса к социализму при классовом обществе могло обойтись без борьбы и треволнений. Наоборот, продвижение к социализму не может не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы» [19. С. 171-172].

В разгар «большого террора» 3 марта 1937 г. в своем докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин еще раз вернулся к тезису обострения классовой борьбы по мере развития социалистического общества в условиях диктатуры пролетариата: «Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь

продолжать свои отчаянные вылазки. Так учит нас история. Так учит нас ленинизм. Необходимо помнить все это и быть начеку» [18. С. 166].

По Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах» от 10 июля 1937 г. по Азербайджанской СССР были утверждены тройки в составе т.т. Сумбатова, Теймуркулиева и Джангирахунзаде. В документе отмечалось утвердить намеченных к расстрелу кулаков 500 чел., уголовников - 500, высылке кулаков - 1300 чел., уголовников - 1700. Тройке разрешалось рассматривать дела контрреволюционных повстанческих организаций с применением расстрела к 500 чел., высылке 750 чел. и выселения в лагеря НКВД 150 семейств бандгрупп [5. С.241].

По Оперативному приказу народного комиссара внутренних дел Союза ССР за № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов от 30 июля 1937 г. выясняется, что в поисках антисоветских формирований было сфабриковано множество дел в отношении осевших в деревне бывших кулаков. Это были или ранее репрессированные, либо скрывавшиеся от репрессий, бежавшие из лагерей, ссылки и трудпоселков. Среди них были и бывшие активные участники антисоветских вооруженных выступлений. В Приказе перед органами безопасности прямо ставилась задача: «самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства» [4. С. 273]. С 5 августа 1937 г. во всех республиках, краях и областях началась операция по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников [4. С. 273].

С 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. по приказу НКВД № 00447 с 5 августа 1937 г. по 1 июля 1938 г. из 1420711 арестованных было репрессировано 13356 азербайджанцев. Арестованных «иранцев» (персидскоподданные азербайджанцы) насчитывалось 14994 человек (1,1%) [1, с. 18]. По Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) об иранских гражданах (69) от 19 января 1938 г., ЦК ВКП(б) и СНК Азербайджана было предложено в известность всех граждан приграничных с Ираном районов об оформлении советского подданства в течение 10 дней в том случае, если эти граждане считают себя подданными Ирана. «Иранцев», оформивших советское подданство, предписывалось в месячный срок переселить в Казахстан, также как и курдов из Нахи-

чеванской республики. «Граждане иранцы», отказавшиеся от перехода в советское подданство и желавшие остаться в подданстве Ирана, должны были вернуться в Иран, в противном случае подвергнуться аресту [13. С. 464]. Кроме того, и дагестанские азербайджанцы – потомки иммигрантов из Южного Азербайджана, как и большинство населения с иностранным гражданством на территории Советского Союза, ошибочно записанные в советской переписи персами, были выселены с мест своего проживания [8. С. 196-198].

По Справке НКВД о количестве осужденных за время с 1 октября 1936 г. по 1 ноября 1938 г., из 36906 чел, осужденных ВК Верхсуда, НКВД Азерб. ССР выслало 7894 иранскоподданных. В распорядительных документах НКВД СССР имеются два интересных документа. Меморандум от 29 января 1938 г. за №202, направленный в республиканские, областные и др. органы внутренних дел, и распоряжение, адресованное руководству НКВД Азербайджанской ССР. В Меморандуме № 2021938 г. об аресте иранских подданных и советских граждан, подозревавшихся в шпионской, вредительской, диверсионной, повстанческой, националистической и иной антисоветской деятельности определялись сроки и порядок проведения операции по аресту и следствию в отношении арестованных лиц. В Распоряжении №202 от 29 января 1938 г. предписывалось немедленно начать аресты и расследования дел всех иранцев - иранских подданных и иранцев, не имевших ни советских, ни иностранных паспортов (большинство иранских подданных были азербайджанцы) [17. С. 305, 573].

Трагедия заключалась в формализации и чрезмерно рьяном отношении к делу контролирующих и карательных органов. Дикий фарс заключался в установлении лимитов репрессируемых и тем более дополнительных лимитов [14. С. 34]. В советское время был установлен строгий лимит собственности не только на землю, но и на скот, растительность и т.д. На 1 января 1938 г. в личном пользовании колхозников в Азербайджанской ССР (без Нахичеванской АССР и Кельбаджарского района) сверх устава было зафиксировано большое количество скота. Поэтому по догмам того времени принцип правильного сочетания общественных и личных интересов в колхозе считался нарушенным. Насаждение правил, лимитов и квот сопровождалось непониманием или игнорированием со стороны населения, что влекло привлечение к ответственности и наказание [3. С. 94]. По выражению Сталина, Нахичеванская республика являлась «наиболее опасным пунктом во всем Закавказье» [20. С. 380].

По сводке 1 спецотдела НКВД СССР «О количестве арестованных и осужденных органами НКВД СССР за время с 1 октября 1936 г. по 1 июня 1938 г.», с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. всего было арестовано 1420711 чел. Из них в Азербайджанской ССР - 25222 чел., в том числе по приказу №00447 – 9972 чел (бывшие кулаки – 5399, уголовники – 2053, прочие контрреволюционные элементы – 2520). По национальному составу, всего было арестовано 13356 азербайджанцев. Из них по приказу № 9592 (бывших кулаков – 5156, уголовников – 2200, прочих контрреволюционных элементов – 2236). Под наименованием «иранцы» (большинство составляли азербайджанцы) - всего было арестовано 14994 чел. Из них по приказу 00447 – 811 (бывших кулаков – 101, уголовников – 409, прочих контрреволюционных элементов – 301 чел.) [6. С. 161-163].

Азербайджанская ССР, как и другие республики, входила в полосу ужесточения борьбы власти и общества, борьбы против инакомыслия. В СССР работал механизм беспощадной репрессии - карательных мер, применяемых государственными органами под предлогом защиты и сохранения существующего строя. Все эти мероприятия партии и советского правительства позже вошли в историю под названием сталинские репрессии, сталинские депортации, массовые репрессии, массовый террор, и стали составной и сопутствующей частью формирования и утверждение тоталитарного режима советского государства. Цель всех этих мер - уничтожение потенциальных и активных противников, а также устрашение народа. Репрессии и депортации служили средством наказания или методом устрашения, инструментом устранения реальных и потенциальных противников тоталитарного режима, а также способствовали физическому уничтожению реальных конкурентов Сталина. Именно так это и произошло после убийства С.М. Кирова. 10 июля 1934 г. в рамках реорганизации спецслужб был создан народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД). В ноябре 1934 г. был создан специальный отдел под названием «Особое совещание». Этот отдел получал широкие полномочия по борьбе с врагами народа. Сталин обратился к членам партии с заявлением о необходимости окончательного истребления всех врагов народа. В уголовный кодекс СССР были внесены изменения, согласно которым все дела по политическим заключенным могли рассматриваться в ускоренном порядке без адвокатов и прокуроров в течение 10 дней. В результате в СССР был установлен режим беспредельной власти Сталина. Созданный партийно-государственный аппарат вме-

шивался в решение всех экономических вопросов. Насильно осуществлялось отчуждение людей от собственности и от вмешательства в дела власти. С территории Азербайджана в ссылку были отправлены десятки тысяч представителей интеллигенции, военнослужащих, деятелей культуры и искусств, ученых, писателей, учителей, религиозных служителей. Народ подвергался психическому и моральному давлению.

В 1948-1953 гг. по Постановлению «О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР» депортации из родных очагов подверглись сотни тысяч азербайджанцев Западного Азербайджана. Все это мотивировалось потенциальной возможностью сочувствия мусульманского населения приграничных с Турцией районов. Фактически это означало, что советское руководство не доверяло мусульманскому населению Кавказа, видело в нем врага, «пятую колонну». Такое преувеличенно настороженное отношение, на наш взгляд, трудно оправдать или объяснить. Лишь с конца 1950-х гг. большинство репрессированных народов получили разрешение на возвращение в родные места. Декларация Верховного Совета СССР о признании незаконными всех направленных против них актов была принята 14 ноября 1989 г. Постановление об отмене всех юридических актов, направленных против репрессированных народов было подписано 7 марта, а 26 апреля 1991 г. был принят Закон РФ «О реабилитации репрессированных народов». Историческая справедливость была восстановлена, однако депортация целых народов на основе надуманных обвинений оставила тяжелый след в исторической памяти народов. Длительная задержка с реабилитацией способствовала консервации конфликтного потенциала проблемы [7. С. 295-297]. Следует учитывать и то, что реабилитированные народы возвратились на территорию, уже занятую представителями других этносов.

Сталинские репрессии и депортации были направлены на борьбу не только против тех, кто сопротивлялся советской власти, подозревался в инакомыслии, но и против предполагаемых, воображаемых врагов режима. В разное время массовым политическим репрессиям подверглись различные слои общества, но в годы Великой Отечественной войны от них пострадали целые народы. Неизгладима память о миллионах выселенных, погибших, изувеченных судьбах. Кроме того, репрессии и депортации, перекраивание административно-

территориальных единиц на Кавказе заложили основу этнотерриториальных споров и конфликтов, оставили горькую память.

Литература

1. Данилов В.П. Советская деревня в 1938-1939 годах//Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы. Т. 5. 1937-1939. Кн. 2. 1938 - 1939. М., 2006.
2. Декреты Азревкома 1920-1921. Сборник документов. Баку, 1989.
3. Доклад ЦУНХУ Госплана СССР об итогах переписи скота от 8 апреля 1938 г.// Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 - 1939: Док-ты и материалы. Т. 5. Кн. 2. 1938 - 1939. М., 2006.
4. Записка м.и. Фриновского в Политбюро ЦК ВКП(б) с Приложением оперативного приказа НКВД СССР № 00447//Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. М.: МФД, 2004.
5. Из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах» от 10 июля 1937 года// Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938/ Под ред. Акад. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2004.
6. Из сводки 1 спецотдела НКВД СССР «О количестве арестованных и осужденных органами НКВД СССР за время с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г.»// Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы. 1937 - 1939. Кн. 2. 1938 - 1939. М., 2006.
7. Исмаилов Э. Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане. Баку, 2003.
8. Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927 - 1940). Документы и материалы. Махачкала, 2007.
9. Назарли А. Э. XI Красная Армия в Северном Азербайджане: оккупация, расправы, бесчинства. Баку: изд-во «Elm və Təhsil», 2014.
10. Обзор политического состояния СССР за сентябрь 1925 г.// «Совершенно Секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.), т.3. 1925 г., М., 2002.
11. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О выселении кулаков по Закавказью». Из протокола заседания Политбюро №136, п.94/70// Политбюро и крестьянство: высылка, спецпереселение, 1930-1940: В 2 кн. Кн.1. М.: РОССПЭН, 2005.
12. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О высылке из Азербайджана антисоветских элементов». Из протокола заседания Политбюро № 17, п.256, от 25 декабря 1934 года, //Политбюро и крестьянство: высылка, спецпереселение, 1930-1940: В 2 кн. Кн.1. М.: РОССПЭН, 2005.
13. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об иранских гражданах (69)// Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938/ Под ред. Акад. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2004.
14. Постановление ЦК ВКП(б) об утверждении дополнительных лимитов на репрессии по приказу НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г.// Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы. Т. 5. 1937 - 1939. Кн. 2. 1938-1939. М.: РОССПЭН, 2006.

15. Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах» Из приложения к протоколу заседания Политбюро №118, п.44 от 25 февраля 1930 года// Политбюро и крестьянство: высылка, спецпереселение, 1930-1940: В 2 кн. Кн.1./ Отв. Ред. Н.Н. Покровский. М.: РОССПЭН, 2005.
16. Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О плане выселения кулаков в 1932 году» Из приложения к протоколу заседания политбюро № 98, п.57/33// Политбюро и крестьянство: высылка, спецпереселение, 1930-1940: В 2 кн. Кн.1./ Отв. Ред. Н.Н. Покровский. М.: РОССПЭН, 2005.
17. Справки НКВД о количестве осужденных за время с 1 октября 1936 г. по 1 ноября 1938 года// Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 - 1939: Документы и материалы. Т. 5. 1937 - 1939. Кн. 2. 1938 - 1939. М.: РОССПЭН, 2006.
18. Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б). 3 марта 1937 года// Сочинения. М., 1997, т.14, с.166.
19. Сталин И.В. Об индустриализации и о хлебной проблеме. Речь на Пленуме ЦК ВКП(б). 9 июля 1928 г. // Сочинения, т.11. М., 1949.
20. Шифротелеграмма И.В.Сталина в ЦК КП(б) Азербайджана об арестах руководства Нахичеванской АССР ЦК компартии Азербайджана Багирову от 26 сентября 1937 г. № 15566/ш // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. М.: МФД, 2004.

УДК 94(47).084.6; **9(С 166)**

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ ЧЕЧНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ)

Дендиев Казбек Геланиевич
соискатель, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН

Осмаев Аббаз Догиевич
доктор исторических наук, Чеченский государственный университет, ведущий научный сотрудник, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН
osmaev@mail.ru

***Аннотация**. По материалам газеты «Грозненский рабочий» сделана попытка осветить в контексте с московскими политическими судебными процессами региональные процессы второй половины 1930-х гг. Показательные судебные процессы с широким освещением в печати являлись частью общей программы унификации и управления социума на пути к тоталитарной власти И. Сталина. Публикации сельских корреспондентов, легшие в основу данной статьи, позволяют отобразить созданную в ЧИАССР подконтрольными СМИ атмосферу, консолидирующую партийно-карательные органы и бдительных трудящихся на выполнение установок ЦК ВКП (б).*

***Ключевые слова:** бдительность, «враги народа», судебные процессы, экономическая контрреволюция, вредительство.*

Судебные политические процессы в аграрной сфере во второй половине 1930-х гг., изученные по материалам региональной прессы, являются одной из малоизученных тем в истории Чеченской Республики. Жесткая цензура, административная система управления, партийный диктат делали еще в недавнем прошлом недопустимым обращение к данной проблеме. Указанные причины делают работу актуальной.

В современных условиях деидеологизации истории стало возможным использовать материалы газет, как источник исследования отдельных аспектов репрессивной политики с новых методологических позиций. Исходя из актуальности, поставлена цель – проанализировать по материалам региональной прессы деятельность судебных органов.

В соответствии с целью сформулированы задачи:

- изучить публикации газеты «Грозненский рабочий» за исследуе-

мый период**;**

- показать деятельность органов суда в репрессивной политике советского государства;
- раскрыть политическую подоплеку деятельности судебных процессов.

Политические репрессии советского государства красной нитью проходят через историю всей страны. Являясь основанием, заложенной В. Лениным в октябре 1917 г. системы, террор получил дальнейшее развитие в период установления единоличной власти И.В. Сталина. Показательно, что в сложившихся условиях возрастает роль «независимого» суда, в практической деятельности руководствовавшегося, помимо ведомственных предписаний, и директивами ЦК ВКП(б).

18 октября 1991 года Верховный Совет РСФСР впервые в стране сформулировал сущность дефиниция «политические репрессии»: «Политическими репрессиями признаются «различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселения, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававших социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решению судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями» [1, с. 848].

В этом судьбоносном для советских людей реабилитационном Законе, раскрыт широкий диапазон репрессивных мер, применяемых советской властью в 1920-1930-х гг. в отношении государственных (контрреволюционных) преступлений редакции УК РФССР 1926 года.

1930-е годы явились временем воплощения в жизнь смелых задумок инженерной мысли. Строительный бум становится олицетворением экономической мощи СССР, показателем его эффективности и стабильности. И это в стране, где отсутствовали необходимые усло-

вия для решения подобных задач, ощущался нехваток материального обеспечения и компетентных инженерно-технических служб. Издержки производственного процесса партийные органы привычно списывают на действия «вредителей», принимавших в соединении с именем Л.Д. Троцкого политическую окраску. Именно в этом контексте рассматриваются судебно-следственными органами правонарушения по статье 58-7 (экономическая контрреволюция и вредительство) [2, с. 959]. Как видим, перенос в политическую плоскость «преступных» деяний «врагов народа» вполне отвечал сталинской теории «классовой борьбы».

Первый московский процесс по делу «Объединенного антисоветского троцкистско-зиновьевского центра» завершился 24 августа 1936 года, вынесением смертного приговора Л.Б. Каменеву, Г.Е. Зиновьеву и еще 16 политическим деятелям. Он положил начало серии громких дел, как в центре, так и в регионах.

Судебные слушания регионального уровня проходили по той же схеме, что и в центре, отличаясь лишь конкретной направленностью. Так, в январе 1936 года в Старо-Юртовском районе Чечни, по сообщению прессы, была якобы вскрыта вредительская деятельность актива колхоза им. Евдокимова. Последовавшая проверка установила грубейшие нарушения колхозной демократии, факты администрирования и иные деяния, квалифицированные компетентными органами как контрреволюционные преступления.

По итогам работы комиссии были отданы под суд: Исаков (председатель), заместитель председателя Темуркаев, парторг Исмаилов, счетовод Голошапов и другие[3].

Осенью 1936 г. рабочие корреспонденты, осуществляющие служебное расследование качества работы, вскрыли "вредительскую" деятельность врагов народа в системе рабочего снабжения Грознефти. Выявленная, якобы хорошо законспирированная троцкистско-вредительская, организация, проводила против советской власти активную, подрывную работу с целью вызвать озлобление среди рабочих. Экономический ущерб, нанесенный государству группой начальника УРСа Шмаевского М.А., за 1935-1936 гг. составил 9 млн. рублей. В ходе оперативно-следственных мероприятий следственным органам удалось установить наличие связи Шмаевского с расстрелянными по делу первого московского процесса троцкистами Лившицем, Мураловым и Серебряковым [4].

Синхронное рассмотрение данных «дел» выявляет ряд особен-

ностей:
1. Апробацию «процессы» получают вначале в центре, затем уже в порядке распространения опыта переносятся в регионы.
2. Открытость и "беспристрастность" судебных слушаний, проведенных на высоком профессиональном уровне с соблюдением процессуальных норм.
3. Широкое освещение в печати.

Следовательно, обнаружение координирующего центра действий различных диверсионно-шпионских «групп» должно было утвердить советских людей в необходимости применения суровых санкций к «врагам народа».

Но одно бесспорно, с памятного февральско-мартовского пленума ВКП (б) 1937 г. на котором И. Сталин призвал сограждан разоблачать недостатки в работе руководителей [5], последние находились в состоянии перманентных чисток.

Согласно публикациям «Грозненского рабочего» только с апреля по ноябрь 1937 года выездная сессия Специальной коллегии Верховного суда, рассмотрела семь дел, связанных с диверсионно-вредительской деятельностью «врагов народа» на объектах народного хозяйства Чечено-Ингушетии (колхоз им. Кундухова (Шали), МТС, Чечингторг и др.). Например, в октябре 1937 года в ходе трехдневного разбирательства суд признал в умышленном заражении на Артемовском элеваторе клещом и амбарным долгоносиком 5075 тонн зерна бывшего директора Дмитриенко, технорука Яржемского и складчика Суровецкого. Приговор: Яржемскому – 10 лет лишения свободы, Дмитриенко – 8 и Суровецкому – 7 лет [6].

В исследуемое время дела, связанные с диверсионно-вредительской деятельностью «врагов народа», рассматривала Специальная коллегия при Верховном суде, образованная в соответствии с Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 года. Придание обвинению политизированного характера способствовала практика упрощенной процедуры рассмотрения дел.

Итак, со второй половины 1930-х годов, в связи с участившимися случаями вредительской деятельности «врагов народа» в аграрной сфере, возрастает роль постановления «О прямом и косвенном умысле при контрреволюционном преступлении», ратифицированного еще в январе 1928 года. В подзаконном акте понятие "контрреволюционное деяние" получает расширенную трактовку за счет косвенного умысла. При этом достаточно было признать намерение совершить

преступление или предвидеть общественно-опасный характер последствий своих действий [7, с. 100].

Процитированный источник наделяет судебные органы правом интерпретации статьи в зависимости от политической ситуации. Конъюнктурный подход, как видим, увеличивает вероятность привлечения к ответственности за «контрреволюционные деяния», даже если сам факт антигосударственного действия не доказан.

Подобная трактовка «умысла» в стадии подготовительного этапа и во время Большого террора обеспечивала репрессивным органам высокий процент «раскрываемости».

Анализ селькоровских статей - очевидное свидетельство использования парткомами в качестве механизма управления командно-административного ресурса. Укоренившаяся система исследуемого периода подразумевала не только административную, но и уголовную ответственность за срыв хозяйственно-политических кампаний, допущенные просчеты в работе и т.д. К примеру, только по Курчалойскому району по ст. 58-7 УК РСФСР «предстали на скамье подсудимых – 6 человек. 5 из них – бывшие ответственные работники. Мунаев Мухитдин, занимавший пост председателя РИКа, Мадаев Доку – второй секретарь РК, Мадаев Сайд-Хасан – инструктор райкома партии, Доктукаев Хизири – зав. райзо, Хатаев Ваха – председатель Курчалойского с/с, Бондаренко А.А. - быв. зав. совторготдела ВКП (б), затем зампредседателя Грозненского горсовета»[8].

Подобные мероприятия, осуществляемые властью в воспитательно-пропагандистских целях, диктовались не только общей политикой усиления репрессивных акций, но также требованиями их проведения. В этом плане интересна спущенная секретарям обкомов, крайкомов ВКП (б) и ЦК нацкомпартий сталинская директива от 3 августа 1937 года за № 1178/ш: «Считая совершенно необходимой политическую мобилизацию колхозников, – говорится в партийной установке, – ЦК ВКП (б) обязывает обкомы, крайкомы ВКП (б) и ЦК нацкомпартий организовать в каждой области по районам 2-3 открытых показательных процесса – вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы, широко осветив ход судебных процессов в местной печати» [9, с. 298].

Именно в контексте данной директивы, как нам представляется, следует рассматривать одно из громких в Чечено-Ингушетии судебных слушаний партийно-советского актива Урус-Мартановского рай-

она.

Поводом для возбуждения уголовного дела, по сообщению прессы, стали неоднократные сигналы колхозников с конца 1936 - первой половины 1937 года в прокуратуру ЧИАССР о безобразиях, творимых в Урус-Мартановском районе[10]. В партийных кругах отсутствие или игнорирование бдительности расценивалось как серьезная политическая ошибка. Поэтому любой «сигнал», в том числе и в газету, со стороны отдельных граждан подлежал немедленной партийной проверке и принятию соответствующих мер.

В случае с группой Абастова, по мнению селькоров, колхозники, исчерпав все средства добиться справедливости, вынуждены были обратиться с жалобой напрямую к председателю комиссии партийного контроля. Данный тезис свидетельствует о заказном характере формирования «преступной» группы.

Итоги работы КПК заслушиваются 15-16 июля 1937 года на бюро обкома партии. Форум признал правильными выводы парткомиссии, вскрывшей деятельность группы «контрреволюционных вредителей-националистов», захватившей при попустительстве и содействии партийного и советского актива власть в колхозах и сельсоветах. Поэтому один из пунктов постановления Бюро нацеливал районные парткомитеты извлечь соответствующие уроки из урус-мартановского дела и развивать большевистскую критику, невзирая на лица.

По результатам слушания бы освобождены от занимаемых должностей председатель РИКа Кебиев Магомед, директор Ермоловского элеватора Тучаев, районный прокурор Сардалов с последующей передачей дела в суд. Секретарь РК ВКП (б) Шамилев Маас с формулировкой «как не сумевший разобраться в политической обстановке района и неспособный обеспечить большевистского руководства партийной организацией» – был также снят с занимаемой должности. Привлечены к серьезной партийной ответственности председатели колхозов: Абастов М., Бексултанов А., Бексултанов М., Хакимов, Абуев, Сулейманов, Магомадов, Талхигов, Чендриков, Эдигов [11].

Итак, в 1930-х годах обвинения в политической неблагонадежности имели для человека тяжелые последствия. Не явился исключением и упоминающийся в рассматриваемых событиях партийно-советский актив Урус-Мартановского района, против которого было заведено уголовное дело.

Сфабрикованное судебное разбирательство по делу «буржуазно-националистической троцкистско-бухаринской контрреволюционной группы Абастова, Кебиева, Зармаева и др.» слушалось в открытом заседании с участием государственного обвинителя и защиты. «Группа Абастова» обвинялась в якобы враждебной деятельности, сориентированной на дискретизацию советской власти и курса партии (регулярный срыв плана сельскохозяйственных работ, допущение падежа лошадей, скота, организацию расхищения колхозного имущества, грубейшее нарушение революционной законности и т.д.)» [10].

Подобные предвзятые обвинения были характерны не только для Чечено-Ингушетии. Типичным, в целом для страны, явлением был низкий уровень производительности труда, падеж скотины от недостатка кормов и плохого ухода, отсутствие квалифицированных работников и достаточного количества техники. Отсюда и регулярные срывы выполнения рабочего графика.

В этой обстановке партийные органы возникающие трудности традиционно увязывают с происками «врагов народа». В действительности, подобные «преступления» были прямым результатом сталинской политики. Именно в этом ракурсе следует воспринимать преступление «группы Абастова», явившейся следствием чрезмерного служебного рвения в выполнении «соцобязательств». Можно представить чувства крестьян, искренне радовавшихся вынесенному приговору. Учитывая реалии времени допустимо, что порой в сознании другой части общества возникали справедливые недоумения, неверие в предъявляемые обвинения. Собственно, на психологическом эффекте строилась отрежиссированная постановка судебных процессов с заданным итогом.

Итак, власть, создавая ореол справедливости и наказывая зарвавших руководителей, на деле снимала с себя ответственность за проводимую в регионе непопулярную в народе политику.

Судебный «процесс» по делу Абастова (16 по 26 марта 1938 г.), показал полную незащищенность человека в условиях правового вакуума - следствия «справедливого» сталинского правосудия.

Данный аспект подтверждает региональная пресса периода Большого террора.

Инициированную прессой бурю общенародного негодования деятельностью «врагов народа», органично вписавшуюся в советскую действительность тех лет, выразил В. Гусев в своем стихотворение:

«Расстрелять

Во имя нашей жизни
И во имя счастья –
истребить!» [15].

«Выполняя волю трудящихся», выездная сессия Специальной коллегии Верховного Суда ЧИАССР под председательством Тумбинского на основании Постановления ЦИК СССР от 14 сентября 1938 г. вынесла судебное решение об окончательном и не подлежащем обжалованию приговоре.

Следовательно, на основании использованных источников можно сделать некоторые обобщения:

1. Сложившийся иерархический характер партийной власти ставит деятельность судебных органов в прямую зависимость от воли высшей политической элиты страны.

2. Первоначальную апробацию политические судебные «процессы» получают в центре, затем уже в порядке распространения опыта переносятся в регионы.

3. Показательные политические судебные слушания на выездных сессиях Специальной Коллегии Верховного Суда ЧИАССР проходили по той же схеме, что и в центре, отличаясь лишь конкретной направленностью.

4. Судебные процессы отражают общую тенденцию развития репрессивной политики. В аграрной сфере Чечено-Ингушетии объектом репрессий становится, преимущественно компетентная в хозяйственно-политических вопросах, часть среднего и низового советско-партийного актива власти.

5. Командно-административная система управления, представленная режимом И. Сталина, окончательно превращается в повседневную практику.

6. Планомерному формированию в обществе репрессивного сознания способствовали подконтрольные правящей партии СМИ.

Таким образом, указанные факторы позволяют рассматривать осужденных судебными органами в 1930 гг. по обвинению в экономической контрреволюции и вредительстве не как субъект преступлений, а как жертв политического террора.

Литература

1. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. – М.: Книжный мир. 2010. С. 848.
2. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года //СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 58/7. С. 959.
3. Колхоз в руках чужаков // Грозненский рабочий. 1936. 9 января.
4. Процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы из УРС Грознефти // Грозненский рабочий. 1936. 26 сентября.
5. Сталин И.В. О недостатках партийной работы о мерах ликвидации троцкистских и иных двурушниках // Грозненский рабочий. 1937. 29 марта.
6. Суд над вредителями с Артемовского элеватора // Грозненский рабочий. 1937. 12 октября.
7. Сборник постановлений, разъяснений и директив Верховного Суда СССР. М., 1936. С. 100.
8. Шайка бандитов перед судом // Грозненский рабочий 1937. 30 октября.
9. Шифротелеграмма ЦК ВКП (б) об организации открытых процессов о «вредительстве» в сельском хозяйстве / Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938 / В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова; под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2004. С. 298.
10. Обвинительное заключение по делу Абастова Магомеда, Кебиева Магомеда, Зармаева Салаутдина, Чондрикова Ахмада, Сулейманов Абузакара и Бексултанова Абдурахмана в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58 п. 7 и 11 УК РСФСР// Грозненский рабочий. 1938. 15 марта.
11. Егоров В.Г. Постановление бюро Чечено-Ингушского областного комитета ВКП (б) от 15-16 июля 1937 г. «О положении в Урус-Мартановском районе» // Грозненский рабочий. 1937. 20 июля.
12. Уничтожить гадов – таково требование советских женщин // Грозненский рабочий. 1938. 4 марта.
13. В. Гусев. Гнев страны // Грозненский рабочий. 1938. 11 марта.

УДК 94(47+57)

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ДЕПОРТАЦИИ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

Гайлаев Руслан Мамедович
кандидат исторических наук, Чеченский государственный университет
gaylaev@mail.ru

Аннотация. *«Политический бандитизм» в Советском Союзе и, в частности, в Чечено-Ингушетии, во многом был порожден государственной репрессивной политикой, жертвами которой стали целые социальные слои и миллионы людей. Однако репрессии, в форме депортации по национальному признаку, коснулись лишь незначительной части «советских народов», что лишний раз убеждает – миф о «народах-предателях» был создан с единственной целью – оправдать депортации целых народов в условиях тяжелейшей войны.*

Ключевые слова: *СССР, Чечено-Ингушетия, сталинские репрессии, депортация и ее причины.*

Споры о причинах депортации народов Северного Кавказа, в том числе чеченцев и ингушей, не утихают уже на протяжении нескольких десятилетий. Этот факт уже сам по себе убедительно свидетельствует, что подавляющее большинство историков и публицистов не верит официальной версии советских властей, согласно которой причиной депортации стало то, что «…многие чеченцы и ингуши изменили Родине» и «…создавали по указке немцев вооруженные банды для борьбы против Советской власти» [1].

Иными словами, причиной депортации названо массовое антисоветское сопротивление. Сегодня безоговорочно эту позицию разделяют разве что авторы, которых принято причислять к политическим маргиналам, как, например, И. Пыхалов (см. Пыхалов И. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? – М., «Яуза-Пресс», 2008 – 480 с.).

Как ни странно, с ними фактически солидаризируются некоторые чеченские авторы (например, Д. Хожаев), всячески подчеркивающие массовый (чуть ли не всенародный) характер антисоветского движения в Чечне на протяжении 20–30-х и первой половине 40-х гг. XX в. С другой стороны, этот же автор предлагал гордиться теми из вайнахов, которые проявили героизм, сражаясь в рядах Красной Армии. Помимо отсутствия последовательности во взглядах, это лишний раз подчеркивает, что любые попытки бороться против советско-

го идеологического наследия, оставаясь в рамках советской идеологемы, заведомо обречены на провал.

В целом у официальной версии депортации чеченцев и ингушей гораздо больше противников. Например, Н.Ф. Бугай не считал наличие бандформирований основной причиной депортации чеченцев и ингушей и предлагал искать более глубокие и достоверные причины [2].

В.Г. Шнайдер также не рассматривает наличие элементов повстанческого движения как одну из главных причин депортации северокавказских народов, но относит их к числу факторов, сделавших депортацию возможной. Что касается обвинений в «измене Родине» и «сотрудничестве с немецко-фашистскими оккупантами», то В.Г. Шнайдер рассматривает их скорее, как повод к выселению, но не его действительную причину [3].

Наличие в национальных республиках Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны ряда антисоветских организаций, таких как Карачаевский национальный комитет, Балыкская армия в Балкарии или «Особая партия кавказских братьев» Х. Исраилова в Чечено-Ингушетии – следует рассматривать в одном ряду с Русской освободительной армией (РОА) генерала Власова, Организацией украинских националистов (ОУН), сотнями тысяч добровольных помощников «хиви» из числа советских граждан в частях вермахта, национальными дивизиями и другими национальными частями СС и т.д. Например, из казаков в германской армии был сформирован кавалерийский корпус под командованием генерала Г. фон Панвица, но это не стало «фактором», сделавшим депортацию казаков возможной.

«Политический бандитизм» в Советском Союзе и, в частности, в Чечено-Ингушетии, во многом был порожден государственной репрессивной политикой, жертвами которой стали целые социальные слои и миллионы людей. У «религиозных авторитетов», «кулацко-мульских элементов», «буржуазных националистов», разного рода «уклонистов» от «генеральной линии» руководства ВКП(б), не пожелавших безропотно превратиться в «лагерную пыль» – не было другого выхода, кроме как перейти на нелегальное положение. В годы войны некоторая часть из них пошла на сотрудничество с оккупационными властями. Однако репрессии по национальному признаку коснулись лишь незначительной части «советских народов», что лишний раз убеждает – миф о «народах-предателях» был создан с единственной целью – оправдать депортации целых народов в усло-

виях тяжелейшей войны.

Значительное распространение (особенно среди антисоветски настроенных публицистов) получила точка зрения известного западного политолога А. Авторханова, который рассматривал депортацию как геноцид чеченцев и ингушей в ответ на «перманентную борьбу за независимость» и «непризнание советского колониального режима». В качестве причин выселения чеченцев и ингушей он называл также желание обезопасить Кавказ как тыл в грядущем столкновении с Западом, окончательно «взять в свои руки» кавказскую нефть и превратить Кавказ в базу для советской экспансии в Азии [4].

В той или иной мере эту точку зрения разделяют многие авторы. Например, ингушская исследовательница М.Д. Яндиева практически полностью признала точку зрения А. Авторханова: «Стратегические интересы сталинской империи на Кавказе, замаскированные ложью об ингушском «бандитизме и коллаборации», – самая главная причина депортации. Уничтожение ингушей и чеченцев как главных народов Восточного Кавказа было звеном большой человеконенавистнической политики Сталина по уничтожению и выселению всех кавказских народов с целью установления на Кавказе «колониально-колонизаторского и военно-полицейского корпуса» (А. Авторханов), призванного защищать интересы советской империи в свете кремлевской ближневосточной и азиатской политики» [5].

Чеченские же исследователи Муса и Мовсур Ибрагимовы ограничиваются признанием наличия у высшего советского руководства опасений, что активизация на Северном Кавказе оппозиционных отрядов, состоявших из открытых противников советской власти, может подтолкнуть Турцию к вступлению в войну на стороне Германии [6].

Однако подобные опасения могли иметь место лишь в период до середины 1943 г., когда грядущее поражение Германии в войне стало очевидным для всех, в том числе и для турецкого руководства. Соответственно, тогда же отпала угроза выступления Турции против СССР, но депортация чеченцев и ингушей все же состоялась и, следовательно, мнимая турецкая угроза не могла быть ее причиной.

Необходимо отметить, что точка зрения А. Авторханова о причинах депортации вайнахов не раз подвергалась критике. В частности, И.М. Сигаури считал большинство его доводов несостоятельными: «Антисоветские выступления в горной Чечне никак не могли поколебать советскую власть на ее территории. Более того, борьба за

национальную независимость, о которой говорит А. Авторханов, в то время велась лишь отдельными одиночками. Вряд ли Москва в то время боялась и образования в ближайшей исторической перспективе «общекавказского национального фронта против советской метрополии»… И уж точно не было необходимости «брать в имперские руки» грозненскую нефтяную промышленность – она из этих рук никогда не уходила» [7].

Немало авторов, склонных рассматривать депортации периода Великой Отечественной войны в рамках концепции о «неблагонадежных» народах, сложившейся еще в период активной внешней экспансии Российской империи. Благонадежным считалось преимущественно славянское население, а к числу «неблагонадежных» относились народы окраин России. Иностранное гражданство или этническая (конфессиональная) близость к стране, находящейся с Россией в состоянии войны, также были основанием для отнесения народа к числу «неблагонадежных». Другой мотив для отнесения к числу «неблагонадежных» – возможное препятствование колонизации Россией новых земель [8].

По мнению Д.М. Эдиева, Великая Отечественная война создала идеальные условия для реализации доктрины «неблагонадежных» народов, а также для оправдания любых действий машины депортаций, которая, будучи созданной, уже жила своей жизнью, своими интересами. В частности, он считает, что причина депортаций начального периода войны (немцы, финны, часть греков, румын и др.) кроется в теории априори неблагонадежности тех, кто этнически близок к стране-противнику [8].

Нельзя не признать, что дореволюционные, советские и современные российские «государственники» мыслят схожими категориями. Можно не сомневаться и в том, что многие из них действительно разделяют народы России по принципу «благонадежности». Как и то, что чеченцы уже традиционно относятся к числу «неблагонадежных» народов. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что писали о чеченцах многие вполне респектабельные издания еще царской России; сделанное на государственном уровне заявление, в котором, в частности, утверждалось, что именно чеченцы и ингуши являлись «…помехой для установления дружбы народов…» (См. постановление ЦК ВКП (б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» от 10 февраля 1948 г.) в период борьбы за установление советской власти на Северном Кавказе в 1918-1920 гг.; также см. современные сочине-

ния И. Пыхалова и К° или оголтелую античеченскую кампанию в российских СМИ на рубеже XX–XXI вв.

Иное дело балкарцы, ингуши, карачаевцы и тем более – калмыки, благонадежность которых не вызывала сомнения вплоть до 1943–1944 гг., следовательно, концепция «неблагонадежности» также не способна полностью объяснить решение советского руководства о депортации тех или них этнических групп.

Депортации и принудительные переселения в качестве коллективной репрессивной меры широко использовались еще российскими властями царского периода, например, изгнание в Турцию сотен тысяч черкесов на заключительном этапе Кавказской войны. Применялась эта мера и в отношении чеченцев. Так, можно вспомнить принудительное расселение горного беноевского общества, давшее толчок к восстанию 1860–1861 гг. Или спровоцированное властями единовременное переселение в Турцию примерно 22,5 тыс. чеченцев в 1865 г.

Депортации как инструмент подавления широко использовались и советскими властями, причем осуществлялись они как по социальному, так и по национальному признаку. В последнем случае, это придавало им характер этнической чистки и служило поводом к обвинениям в этническом геноциде. Например, Х.А. Гакаев считает, что целью депортации было «…окончательно «разрешить» чечено-ингушскую проблему, поставить чеченский и ингушский народы в такие жесткие политические и социальные условия, в которых они не выживут и исчезнут из истории страны как нации» [9].

Эту точку зрения разделяют и некоторые отечественные исследователи. Так, В.Н. Земсков считает, что депортации малочисленных народов проводились с целью ускорить ассимиляционные процессы в советском обществе и в перспективе ликвидировать их «…в основном за счет ассимиляции в более крупных этнических массивах и частично за счет завуалированного геноцида и ослабления их биологического потенциала, что достигалось многократным превышением смертности над рождаемостью при насильственном переселении и в первые годы жизни на спецпоселении» [10].

Предположение о стремлении запустить процесс ассимиляции депортированных народов представляется вполне убедительным, что нельзя сказать об изначально запланированном геноциде. Имеющиеся документы эту версию опровергают. Например, постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) СССР №5074сс от 31 янва-

ря 1944 г. предусматривалось не только принятие от депортируемых с Северного Кавказа имущества, включая скот и сельскохозяйственную продукцию с выдачей обменных квитанций, но и расчеты по ним для восстановления хозяйства в местах пребытия спецпереселенцев в соответствии с постановлением СНК СССР от 14 октября 1943 г. № 1118-342 сс. Также предусматривалось обеспечение эшелонов горячим питанием и кипятком, выделение на каждый эшелон одного врача и двух медсестер с необходимым запасом лекарств, подготовка пунктов санобработки и изоляторов для инфекционных больных [11].

Другое дело, что указанные распоряжения ГКО СССР не в полной мере выполнялось, но совершенно очевидно, что уничтожение депортируемых не только не планировалось, но и предпринимались меры, чтобы довести до места выселения как можно больше трудоспособных людей.

Тому как планировалось использовать депортируемых, посвящено другое постановление ГКО СССР №5073сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР», принятое в тот же день – 31 января 1944 г. Властям Казахской и Киргизской ССР поручалось «обеспечить прием, размещение и трудовое устройство прибывающих спецпереселенцев», а их расселение «производить с учетом трудоиспользования их, в первую очередь, в сельском хозяйстве и животноводстве (совхозы, подсобные хозяйства, колхозы), рабочих и служащих в предприятиях районов вселения с использованием по специальности». Кроме того, власти были обязаны наделять прибывающих приусадебными участками, а также оказать содействие по строительству собственных домов путем предоставления местных, а также получаемых для этой цели по фондам стройматериалов. Для обеспечения приема спецпереселенцев на республиканском и областном уровнях создавались соответствующие комиссии, а на районном уровне «тройки» в составе председателя райисполкома, секретаря райкома и начальника РО НКВД. К моменту прибытия эшелонов на станциях приема должны были находиться представители колхозов, совхозов и подсобных предприятий, куда вселялись спецпереселенцы, а также достаточное количество транспорта для перевозки вещей и детей прибывающих и подготовлены помещения для их размещения. Совнаркомам республик для перевозки спецпереселенцев предоставлялось право мобилизовать авто- и гужевой транспорт любых предприятий союзной и местной промышленности, а также колхозов и использовать в порожнем направлении

автотранспорт, работающий на вывозе зерна. Уже на месте должен был произойти расчет со спецпереселенцами по обменным квитанциям за оставленный скот, зерно и другие продукты, а Сельхозбанку дано распоряжение выдавать спецпереселенцам ссуды на строительство домов в размере до 5 тыс. рублей на семью с погашением в течение 7 лет. В штаты райисполкомов дополнительно вводилось по одному технику-строителю и по два десятника для оказания практической помощи по ремонту, восстановлению и строительству домов для спецпереселенцев [11].

Что депортируемых везли не «на убой», а для использования, кроме прочего, в качестве рабочей силы, видно и из воспоминаний некоторых непосредственных свидетелей тех событий. Так, из воспоминаний А. Газдиева, который в 1942–1943 гг. занимал должность заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), следует, что 21 февраля руководящих работников из числа чеченцев и ингушей собрали на совещание, на котором первый секретарь обкома В. Иванов и комиссар внутренних дел республики в Дроздов сообщили, что они будут командированы в распоряжение воинских частей «для выполнения особо важного правительственного задания», о котором им сообщат уже по прибытии в эти части. 22 февраля А. Газдиев с группой партийно-советских работников из Чечено-Ингушетии прибыл в г. Орджоникидзе (Владикавказ), где они были приглашены на заседание в спецпоезде. Совещание проводил Б. Кобулов, один из заместителей наркома НКВД Л. Берии, который сообщил о намеченном выселении. От вайнахских партийных работников требовалось помочь провести депортации «без эксцессов и крови». Кобулов предупредил, что сил для депортации достаточно, но на всякий случай у границ республики стоят танки. Но вот что интересно. По словам Б. Кобулова, переселенцев в местах выселения необходимо срочно включать в промышленное и сельскохозяйственное производство, так как фронту нужны продовольствие и оружие. Спецпоселенцы обязаны производить все это и поставлять фронту [12].

Во всем этом отчетливо просматривается своеобразная логика «государственников». С их точки зрения могли быть по определению виноватые не только социальные классы, но и целые народы. Но вот выбор наказания для «виновных» народов в виде депортации явно свидетельствовал о намерении использовать депортируемых с пользой для государства. Поэтому спецпереселенцы направлялись в мало-

населенные области с целью их скорейшего хозяйственного освоения, а органы НКВД внимательно следили за максимально эффективным использованием труда спецпереселенцев. Так, в июле 1944 г. Л.П. Берия в отчете перед высшим партийно-государственным руководством отмечал, что сама депортация и расселение спецпереселенцев в местах нового жительства были проведены удовлетворительно, однако республиканские и местные органы не уделили должного внимания вопросам трудового и хозяйственного устройства спецпереселенцев из Северного Кавказа. Семьи спецпереселенцев, расселенные в колхозах, не принимались в члены сельхозартелей; неудовлетворительно проходило наделение семей спецпереселенцев приусадебными участками и огородами, а также обеспечение жильем. Спецпереселенцев расселенные в совхозах и переданные в промышленные предприятия, слабо привлекались для работы на производстве, отмечены заболевания сыпным тифом, недостатки в хозяйственном и бытовом устройстве. Для наведения порядка в мае 1944 г. в Казахскую ССР был командирован заместитель Народного комиссара внутренних дел СССР С. Круглов с группой работников, что позволило в короткий срок улучшить хозяйственное устройство спецпереселенцев. Из 70296 семей, расселенных в колхозах, вступило в члены сельхозартелей 56800 семей, или 81%. Получили приусадебные участки и огороды 83303 семьи (73,3%), 12683 семьи проживали в собственных домах. Улучшилась занятость [13].

Насколько «достижения», описанные в докладе главы союзного НКВД, соответствовали реальному положению спецпереселенцев – другой вопрос. Но можно со всей ответственностью утверждать, что геноцид спецпереселенцев, наподобие «окончательного решения еврейского вопроса» в фашистском Третьем рейхе – руководством СССР не планировался.

Попутно необходимо признать несостоятельность версий о депортации народов как средства оправдания неудач первых двух лет войны или что руководители советских спецслужб (Л.П. Берия и др.) инициировали эти акции с целью укрепления своего влияния или ради получения наград, званий и т.д. (т.е. из соображений карьерного роста).

Еще менее убедительными выглядят доводы отдельных авторов, которые причины выселения ищут в особенностях психики И.В. Сталина и Л.П. Берия. В годы «хрущевской оттепели» на государственном уровне депортация народов объяснялась исключительно «проис-

ками» Л.П. Берии и его сообщников – тайных врагов советской власти, воспользовавшихся культом личности и обстоятельствами военного времени. С одной стороны, подобная трактовка исключала возможность массового национального сопротивления советской власти со стороны депортированных народов, поскольку признание народного сопротивления означало признание антинародного характера самой советской власти. С другой стороны, само ее появление стало свидетельством серьезной борьбы внутри самого высшего эшелона власти Советского Союза. Чем сразу же попытались воспользоваться спецпереселенцы. Так, группа ингушей-спецпереселенцев в своем обращении на имя Г.М. Маленкова и К.Е. Ворошилова от 18 июля 1953 г. охотно сваливала всю ответственность за депортацию на Л. Берию, у которого была, якобы, личная неприязнь к ингушам. При этом они поясняли, что угон грузинской баранты летом и убийство при этом племянника Берия в 1943 г. было совершено «…чеченцами и несколькими ингушами через границу ингушей» [14].

Нельзя, конечно, некоим образом отрицать роль И.В. Сталина и Л.П. Берия в проведении депортаций – их вина очевидна. Если Берия выступал в качестве непосредственного организатора и руководителя этих акций, то Сталину принадлежала решающая роль в принятии самих решений о депортациях. В тоже время совершенно прав Д.М. Эдиев, когда пишет, что попытки советских руководителей, например, Н.С. Хрущева или А.И. Микояна представить Сталина в качестве единственного виновника депортаций целых народов, являются не чем иным, как стремлением списать на него одного ответственность всей политической машины СССР военных лет [8].

Неубедительной выглядит и попытка связать депортации со стремлением все тех же Сталина и Берии расширить территорию Грузии за счет соседних горских народов. В этом смысле в качестве «благополучателей» (условно говоря) необходимо рассматривать, прежде всего, Северную Осетию и Дагестан. Обе эти республики не только значительно расширили свои территории за счет ликвидированной Чечено-Ингушской АССР, но и сумели, хоть и со значительными издержками, заселить и освоить приобретенные земли в хозяйственном отношении. В отличие от Грузинской ССР, которая так и не смогла ни заселить, ни включить в хозяйственный оборот присоединенные к ней высокогорные районы.

Именно этим объясняется готовность, с которой грузинское руководство согласилось вернуть все включенные в состав Грузии зем-

ли, в отличие от руководителей Северной Осетии и Дагестана. Первые сделали все возможное, чтобы удержать за собой хотя бы Пригородный район, а вторые отказались восстановить Ауховский район и тем самым вернуться к этническому балансу, существовавшему на этой территории до депортации чеченцев.

Не вызывает сомнения, что депортации народов являлись неотъемлемой частью национальной политики на определенном этапе становления и развития советского государства, что признается большинством отечественных и зарубежных исследователей. Например, Муса и Мовсур Ибрагимовы рассматривают депортацию чеченцев и ингушей как часть сталинской национальной и социальной политики [6].

Фактически о том же пишет М.Д. Яндиева: «…сама концепция по «изъятию» антисоветского, генетически контрреволюционного элемента, коими являлись для власти народы Северного Кавказа, и в первую очередь ингуши и чеченцы, вызрела еще в первой половине 30-х гг. Депортационный проект отнюдь не единовременное творение Сталина и Берии, а коллективное и долгосрочное предприятие, имевшее свои этапы «созревания» [Яндиева 2012: 27-28].

Но и в этом случае без надлежащего ответа остается вопрос о причинах депортаций по этническому признаку. Тем более, что некоторые исследователи видят существенную разницу между депортациями начального периода войны, которые осуществлялись по инициативе военного командования в качестве превентивной меры против потенциально «ненадежных» этносов (немцы, финны, корейцы Дальнего Востока и др.) и депортациями 1943 – 1944 гг., инициированных органами внутренних дел и получивших название депортаций «возмездия», поскольку официальным их объяснением было массовое пособничество врагу [8].

О несостоятельности официальной версии причин выселения целых народов уже говорилось. Вместе с тем движением в правильном направлении представляется стремление объяснить депортации «возмездия» провалом попыток выстроить жизнь высылаемых народов в рамках советской «марксистско-ленинской» идеологии.

Надо отметить, что установление советской власти в Чечне (как и в Ингушетии) стало результатом целого ряда отступлений от «генеральной линии» ВКП(б) в вопросах о государственном и национальном строительстве. Относительная стабильность в Чечено-Ингушской АССР обеспечивалась тем, что коренное население полу-

чило возможность сохранить важнейшие черты традиционного образа жизни, в том числе и в хозяйственной деятельности, скрытых за декором советских органов власти и показным торжеством коммунистической морали. Со стороны советской власти это был временный компромисс, как говорится, «до лучших времен», и одновременно демонстрацией прагматичного подхода к решению проблем, возникавших в ходе «строительства социализма в одной отдельно взятой стране».

М.Д. Яндиева права, когда пишет: «… «размышления» наверху по поводу возможной депортации еще в 1940 г. позволяют утверждать, что главная внутриполитическая причина ее [депортации] заключалась в том, что ингуши (как и чеченцы) …не поддались советизации,…» [5].

Но прав и П.М. Полян, считавший, что за депортациями народов стояло сочетание политических и прагматических факторов. Среди политических факторов он называет предотвращение восстаний, пресечение недовольства, создание районов с однородным в этническом плане населением и т.п. Эти факторы могут считаться приоритетными, но не менее важное значение имели и экономические факторы, прежде всего – дешевая рабочая сила, которую можно направить туда, куда власть посчитает необходимым [15].

Авторы сборника «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР» указывают, что депортация использовалась советской властью как метод разрушения особо устойчивых, сложившихся на протяжении столетий социальных и национальных общностей: «Решение о депортации чеченцев и ингушей, спровоцированное и обоснованное конкретными обстоятельствами места и времени, было лишь экстремальной попыткой справиться с проблемой, возникшей задолго не только до Второй мировой войны, но и до прихода к власти большевиков: высокая внутренняя устойчивость этноса, его «неудобность», способность противостоять не только имперской ассимиляции и «абсорбции», но и советской «атомизации» социальных и этнических общностей; высокий уровень открытого противодействия и готовность идти на насильственное обострение конфликта.

В довоенное время коммунисты так и не сумели «осоветить» вайнахов. Спущенные сверху организационные формы – колхозы и институты управления – успешно наполнялись старым содержанием и «переваривались». Местная власть выполняла свои функции лишь

постольку, поскольку это укладывалось в привычную норму, установленную вековыми традициями и обычаями. Побочным (а с точки зрения «имперского» алгоритма советской власти – основным) результатом депортации должно было стать «распыление» этноса, что в конечном итоге открывало путь к его «советизации», «интернационализации», замене этнической идентичности на самоидентификацию с властью, ее целями и ценностями. Оставить человека наедине с властью, вне этнической и социальной самоорганизации, – в этом и была суть советской версии патерналистской «имперской» утопии, в принципе недостижимой без насилия, но даже с насилием – невыполнимой» [16].

Можно добавить к этому, что именно тяжелейшая война, в которую был вовлечен Советский Союз, стала причиной нарушения хрупкого баланса интересов советской власти и вайнахского этноса. В результате оккупации германскими войсками значительной части европейской территории СССР, возник острейший дефицит продовольствия и сырья для промышленности, для покрытия которого власти Чечено-Ингушетии (под видом перевода сельского хозяйства на военный лад) попытались завершить коллективизацию и уничтожить индивидуальные крестьянские хозяйства, существовавшие под видом колхозов, создав тем самым условия для полной «советизации» села. По всей видимости, именно это имел ввиду В.И. Филькин, когда писал, что в январе 1942 г. в республике был утвержден план мероприятий «по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и улучшению культурно-бытового обслуживания колхозников горных районов», который в течение 2 – 3 лет должен был произвести крутой перелом в жизни колхозов [17].

В ответ чеченские крестьяне попытались защитить свои интересы самыми разными способами: массовый отказ от уплаты налогов и выполнения повинностей в пользу государства, выход из колхозов, «расхищение» колхозной собственности, а на деле попытка вернуть то, что формально считалось обобществленным, прямой отказ подчиняться распоряжениям властей и т.д. Все это однозначно расценивалось как «антисоветские выступления» и впоследствии было использовано для обоснования депортации.

Предыдущая попытка «советизировать» чеченские колхозы была предпринята республиканскими властями в апреле 1940 г. под видом кампании «по сокращению приусадебных участков колхозников, но в ряде сельсоветов это мероприятие было сорвано» [АУП ЧР. Ф.

1212. Оп. 3кс. Ед. хр. 594. Л. 38]. Позднее было признано, что в данном случае бюро обкома ВКП(б) «допустило серьезную ошибку» – при наличии в колхозах горных районов только 1600 га обобществленной земли был утвержден план весеннего сева в размере 46430 га. Райкомы Итум-Калинского, Шатойского и других районов для выполнения плана приступили к обобществлению всей пахотной земли, находившейся в индивидуальном пользовании колхозников, «не имея на то соответствующего решения ЦК ВКП(б) и Чечено-Ингушского обкома». Шатойский и Итум-Калинский райкомы вместе того, чтобы расширить посевные площади за счет передачи больших земельных массивов у небольшой части многоземельных колхозников (кулаков), «встали на путь голого администрирования и огульного подхода к обобществлению всех пахотных земель». В результате «антисоветские и антиколхозные элементы развернули антисоветскую работу вплоть до открытых выступлений при полном попустительстве со стороны райкомов ВКП(б), органов НКВД и прокуратуры» [19].

Но у депортации была еще одна причина, которую до сих пор полностью игнорирует подавляющее большинство исследователей. Это постоянно тлеющий конфликт внутри республиканской номенклатурной элиты между русскоязычным руководством Чечено-Ингушской АССР и частью партийно-советских работников коренной национальности. Первые опирались на многочисленную и хорошо организованную Грозненскую городскую партийную организацию и пользовались поддержкой союзного руководства, напрямую управлявшего грозненской нефтяной промышленностью. Претензии некоторых амбициозных чеченских партийных функционеров реально осуществлять власть в национальной автономии жестко пресекались. Достаточно вспомнить, например, дело о так называемом «буржуазно-националистическом центре», в результате которого в Чечено-Ингушетии произошел настоящий погром национальных кадров. Одним из неизбежных следствий не афишируемого конфликта внутри партийно-советского руководства Чечено-Ингушской АССР стал переход к открытой антисоветской деятельности таких видных представителей национальной партийно-советской элиты, как А. Авторханов, Х. Исраилов, М. Шерипов.

Однако с изгнанием из партийных рядов, названных и многих других лиц – конфликт внутри республиканской партийно-советской элиты не разрешился, благодаря чему сохранялось и стойкое (хотя и скрытое) недоверие между русскоязычными и национальными кадро-

выми работниками. Отсутствие единства в рядах республиканского руководства стала одним фактором, сделавшим возможной депортацию чеченцев и ингушей.

Именно это подчеркивал в своих воспоминаниях видный дагестанский партийный и государственный деятель А. Даниялов: «…я с полным основанием пишу – все было бы в Чечне нормально, если бы партийное руководство республики относилось к своим народам с полным доверием и ответственностью. Вместо этого с приближением фронта, те, кому было доверено воспитание населения и борьба с антиобщественными явлениями и их носителями, стали панически преувеличивать отрицательные факты, которые имели место среди местного населения – дезертирство, бандитизм и др.» [18].

В истории депортации чеченцев и ингушей есть еще один момент, требующий дополнительного рассмотрения. Дело в том, что сама эта акция не встретила открытого сопротивления, что прямо противоречит официальной версии причин депортации, в которой делается акцент на наличие в Чечено-Ингушетии многочисленных и хорошо вооруженных антисоветских банд. Это тем более странно, что по итогам операции «Чечевица» органы НКВД отчитались об изъятии более 20 тыс. единиц огнестрельного оружия [ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 64. Л. 161об.].

По мнению В.Г. Шнайдера, главная причина, по которой горцы «практически безропотно» подчинились выселению – страх, в основе которого, якобы, лежал целый комплекс причин, таких как: советская социально-политическая система находилась в фазе гармонии; условия военного времени; характер горских обществ с высоким уровнем ответственности за члена семьи или рода; жестокость войск НКВД в сочетании с хорошо организованной акцией выселения; отсутствие явного сочувствия и поддержки со стороны соседей [3].

В этом вопросе В.Г. Шнайдер оказался солидарен с маргинальным автором И. Пыхаловым: «Стоило властям продемонстрировать свою силу и твердость, как гордые джигиты послушно отправились к сборным пунктам, даже не помышляя о сопротивлении» [20].

Причина, по которой депортация обошлась без большой крови, хорошо известна и поведал о ней сам Л.П. Берия, доложивший союзному руководству об итогах своих встреч с руководящими работниками-националами и «религиозными авторитетами» Чечено-Ингушетии, от которых он добился обещания сделать все, чтобы акция прошла без эксцессов [19].

Но при этом мимо внимания исследователей прошло одно важное обстоятельство. Тот факт, что операция по выселению чеченцев и ингушей не встретила массового сопротивления доказывает: 1) чеченское и ингушское общества достаточно эффективно управлялись; 2) исламское духовенство, десятилетиями после завоевания Чечни выступавшее в роли национальной контрэлиты, еще в период революции 1917 г. и Гражданской войны нашло формы и способы взаимодействия с чечено-ингушской национальной партийно-советской элитой. С обеих сторон это был компромисс, необходимость которого диктовалась национальными интересами. Еще в самом начале его безуспешно пытались разрушить Н. Гикало и А. Шерипов, выступившие с яростными нападками на Т. Эльдарханова, ставшего ключевой фигурой, вокруг которой и произошло это объединение. На протяжении 20–30-х гг. на слом сотрудничества национальной партийно-советской номенклатуры и мусульманских духовных лидеров была направлена вся идеологическая мощь советского государства и усилия его сверхмощного репрессивного аппарата. Тем не менее, негласный союз чечено-ингушской партийно-советской элиты и духовенства выдержал и испытание депортацией.

Литература

1. Так это было: Национальные репрессии в СССР 1919 – 1952 годы: В 3 т. Т.2. – М., 1993.
2. Бугай Н.Ф. Л. Берия - И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...», М., 1995. С. 61.
3. Шнайдер В.Г. Причины депортации северокавказских народов: историография проблемы // Кавказский сборник. Т. 3 (35). – М., 2006. – С. 141-155.
4. Авторханов А. Убийство чечено-ингушского народа: народоубийство в СССР. – М., 1991.
5. Яндиева М.Д. Депортация ингушей. Причины. Обстоятельства. Последствия. – Тбилиси: Поларис Принт, 2012.
6. Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсар. Чечня: через круги ада. Войны, переселения и депортации чеченского народа. 2-е испр. и доп. изд. – Грозный, 2017.
7. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т.2. – М.: Изд-во «Русь», 2001. – 374 с.
8. Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов. – Ставрополь, 2003.
9. Гакаев Х.А. От депортации чеченского народа к его политической реабилитации // Восстановление Чечено-Ингушской АССР – решающий фактор реабилитации чеченского народа: материалы республиканской научно-практической конференции, 25 января 2007 года. – Грозный, ГУП «ИПК «Грозненский рабочий», 2007. – С. 5-20.

10. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930 – 1960. – М.: Наука, 2003.
11. АУП ЧР Ф.1212. Оп. 3кс. Ед. хр. 219. Л. 13-14
12. Исаев Э. Из «особой папки Сталина» // Чеченцы: история и современность: Сост. И общая ред. Ю.А. Айдаев. – М.: «Мир дому твоему». – С. 261-274.
13. Исаев Э., Терлоев З., Исаев З. Из особой папки Сталина (о депортации чеченцев и ингушей 23 февраля 1944 года). – М., 2004. – 212 с., ил.
14. Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953 – 1962 гг.). Сборник документов и материалов. Т.1. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2013.
15. Полян П.М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001.
16. Козлов В.А., Козлова М.Е. Патерналистская утопия и этническая реальность // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). – М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – С.679-836.
17. Филькин В.И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. – Грозный, 1960.
18. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 64. Л. 161об.
19. Абдурахман Даниялов. Воспоминания. – Махачкала, 1991.
20. Пыхалов И. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? – М., 2008.

УДК 94(47+57)

ДЕПОРТАЦИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В 1944 ГОДУ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА

Бегуев Сулейман Ахятьевич
старший преподаватель кафедры музееведения и культурологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»; старший научный сотрудник отдела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований АН ЧР
sbeguev@mail.ru

Бурзаканов Якуб Умарпашаевич
старший научный сотрудник отдела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований АН ЧР
burzackanow@yandex.ru

Гелиева Мата Нурулаевна
студентка 2-го курса исторического факультета дневного отделения направления подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет».
sbeguev@mail.ru

Аннотация. *Данная статья посвящена насильственной депортации чеченского и ингушского народов с Северного Кавказа на территорию Казахстана и Киргизии в феврале 1944 года и ликвидации их государственности. В данной статье особое место уделяется подготовке и реализации данного мероприятия, ужасным условиям транспортировки, убийствам стариков, женщин и детей, как на местах, так и по пути следования, катастрофической смертности из-за ухудшения здоровья по пути следования, а также из-за неприспособленности хотя бы удовлетворительных условий на местах.*

Ключевые слова: *депортация, выселение, «Чечевица», преступление, чеченцы, ингуши.*

Исследования истории чеченцев и ингушей периода Великой Отечественной войны, включая и депортацию в 1944 году, дает возможность более целенаправленно и акцентированно высветить депортацию чеченцев и ингушей как одно из проявлений преступности сталинского режима.

75 лет назад, 23 февраля 1944 года, началась одна из самых чудовищных акций в мировой истории – депортация чеченцев и ингушей в Казахстан и Среднюю Азию. В ходе операции «Чечевица», проведенной силами НКВД, НКГБ и «СМЕРШ» под руководством Л. Берия, почти 500 тысяч чеченцев и ингушей были вынуждены покинуть свои дома.

Морозным утром все мужчины взрослого поколения были созваны на места коллективных сборов: клубы, школы, а так как был день Красной Армии, люди не подозревая чего их ожидает, пребывали в праздничном настроении. Государственный праздник и был использован в качестве предлога для сборов. По всей территории Чечено-Ингушетии, на фоне нацеленных пулемётов и автоматов, оглашался Указ о депортации чеченцев и ингушей. На сборы давалось всего 10-15 минут. За проявление недовольства и за попытку к бегству предполагался расстрел на месте.

С первых же дней, на протяжении всей войны, население республики проявляло заботу о Красной армии, оказывало всестороннюю помощь семьям фронтовиков, непрерывно отчислялись денежные средства в фонд обороны страны от трудящихся республики, но при всем этом верховенство Советской власти, руководствуясь личной неприязнью, начинает чудовищную акцию по выселению с родных земель чечено-ингушского населения.

11 февраля 1943 года на совместном заседании Политбюро и ГКО, при рассмотрении вопроса по ликвидации Чечено-Ингушской АССР, было выдвинуто 2 мнения. А. Жданов, В. Молотов, Н. Вознесенский и А. Андреев предложили «… ликвидировать ЧИАССР и немедленно выселить всех чеченцев и ингушей с Северного Кавказа». Однако Г. Ворошиловым, Л. Кагановичем, Н. Хрущевым, М. Калининым и Л. Берией было предложено до полного освобождения Северного Кавказа от немецкой оккупации повременить с выселением, к мнению последних присоединился И. Сталин. Лишь А. Микоян, в принципе соглашаясь с тем, что чеченцы и ингуши должны быть выселены, высказал опасения, что данная акция может повлиять на репутацию СССР за границей [9, с. 547].

Сразу после освобождения Северного Кавказа от немецко-фашистской оккупации в феврале-марте 1943 года была начата подготовка к выселению чеченцев и ингушей. Изначально рассматривался вопрос о депортации чеченцев и ингушей в Алтайский край, Новосибирскую и Омскую области.

Однако в декабре того же года, был разработан второй, но окончательный план депортации чечено-ингушского населения в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР, под кодовым названием «Чечевица». В справке НКВД, составленной зам. наркома внутренних дел Союза ССР Чернышевым В.В., указывалось, что в разработке данного плана принимали участие от Казахской ССР заместитель председате-

ля СНК Тажиев и нарком внутренних дел Богданов [5. Л. 16]. По этому плану чеченцы и ингуши распределялись следующим образом: Казахская ССР – 400 тыс. человек, Киргизская ССР – в пределах 89 тыс. человек [12, Л. 110].

В 1943 году по приказу Л. Берия в Чечено-Ингушскую АССР были направлены картографы, топографы и геодезисты для проведения съемочных работ на всей территории республики [9. С. 547]. А также в начале июля того же года по указанию центра была проведена полная регистрация чеченского и ингушского населения по всей республике, что было необходимо для планирования и реализации депортации. Сведения о количественном составе народонаселения заблаговременно поступали также партийному и государственному руководству Казахстана и республик Средней Азии, для принятия необходимых мер по предстоящему размещению депортируемых [8, с. 25].

С лета этого же года начинается концентрация войск для реализации депортации на территории ЧИАССР и границах соседних республик. Первыми начали поступать охранные войсковые части НКВД. В соседних республиках на границе с ЧИАССР были дислоцированы авиационные части, задачи которых были наблюдательные и разведывательные полеты над горными районами ЧИАССР. Для этих работ также предполагалось использовать 105-ю и 126-ю авиационные дивизии, располагавшиеся на тот момент в Чечено-Ингушской АССР [9, с. 549].

Некоторые исследователи по данному периоду не исключают, что полагалось использование химического оружия в горных районах и лесных массивах.

К осени 1943 года приток воинского контингента в ЧИАССР заметно вырос. В октябре стали прибывать уже целые воинские части, отряды НКВД, началась непрерывная разгрузка воинских эшелонов на железнодорожных станциях, в Грозном, Назрани, Гудермесе, Самашках, Ермоловской, Джалке, Алхан-Кале и на других станциях, в том числе и соседствующих республик. Количественный состав которых насчитывал 19 тыс. работников НКВД, и 100 тыс. войск внутренних сил с боевой техникой. В частности, американские «студдебеккеры» предоставленные союзниками в помощь СССР для войны с фашистами, были задержаны на вокзалах городов Хасавюрт и Орджоникидзе для участия в выселении [13, с. 269].

В город Грозный было перебазировано Конотопское военное авиационное училище, летный состав которого также предполагалось

использовать для выполнения спецоперации [9, с. 548].

Для переселения жителей из труднодоступных высокогорных районов было сформировано 15 горновьючных рот, которые имели в своем распоряжении 1143 лошади, 503 мула и ишака (изъятых у самих чеченцев и ингушей, для их же депортации).

А в начале января 1944 года, все данные воинские подразделения, были расквартированы во всех чеченских и ингушских городах и селениях, в каждую семью. Оставаться не замеченными населением столь масштабные приготовления не могли, в связи с чем заранее была разработана правдоподобная версия о проведении крупномасштабных воинских учений, по разгрому в Восточных Карпатах немецких частей [1. с. 262].

29 января 1944 года Л. Берией была утверждена «Инструкция о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей», в которой говорилось, что «выселению подлежат все чеченцы и ингуши с Северного Кавказа». Выселению подлежало все народонаселение независимо от занимаемого социального и служебного положения [4. С. 70-71]. 31 января, на заседании ГКО было доложено о полной готовности к началу операции по поголовной депортации.

20 февраля в Грозный для непосредственного руководства операцией «Чечевица» по тотальному выселению чеченцев и ингушей, в специальном поезде прибыли Берия и его заместители генерал-полковник Кобулов, генерал армии Серов, начальник канцелярии НКВД генерал-лейтенант Мамулов и другие, к которым перешла вся полнота власти в республике на время проведения операции [14. С. 232]. За ходом подготовки операции «Чечевица», внимательно наблюдал и сам И. Сталин. Л. Берия практически каждый день докладывал о ходе подготовки лично Сталину.

Накануне депортации 22 февраля, председателю СНК Чечено-Ингушской АССР Моллаеву было доложено о готовящейся акции, но уже не в его власти было что-либо изменить.

В 2 часа ночи все населенные пункты были оцеплены, расставлены засады и дозоры. В 5 часов, под предлогом «Всенародного празднования» дня Советской Армии преимущественно мужское население во всех городах и селениях стали созываться на митинги и сходы, где были окружены войсками НКВД. После зачтения приказа ГКО о депортации, людей обыскивали и свозили на железнодорожные станции [10. С. 264]. Одновременно во все дворы были направлены солдаты, которыми на сборы отводились лишь по 10-15 минут. Решение

ГКО о депортации зачитывалось на русском языке, это при том, что в горных районах республики его практически не знали. Но при этом, неправильно принятый приказ – расстрел. Попытка к бегству – расстрел. В результате за несколько первых часов были расстреляно сотни человек.

В связи с крупным снегопадом, выпавшим накануне, особенно тяжкой оказалась участь горского населения труднодоступных районов республики. Приказ, требовавший полного освобождения горных районов в срок, оказался практически невыполнимым. Здесь, чаще, чем на равнине, пристреливали ослабевших, отставших, не понявших приказа, да и так просто – якобы «при попытке к бегству».

Старики, больные, беременные женщины и дети, все кто не был в состоянии передвигаться в условиях заснеженных гор, подвергались физическому уничтожению. Так, 27 февраля 1944 года, в сел. Хайбах Галанчожского района, в конюшне совхоза им. Л. Берия были сожжены и расстреляны более 700 человек. В Чеберлоевском районе людей топили в озере Казеной-Ам, в сел. Урус-Мартан более 150 больных людей было заживо закопано во дворе больницы. В Итум-Калинском районе дома с больными и стариками забрасывались гранатами и бутылками с зажигательной смесью. В Малхисте людей расстреливали в пещерах, в Ножай-Юртовском районе – засовывали в кукурузные сапетки и облив бензином сжигали. 29 февраля, по некоторым сведениям, были расстреляны и сброшены в озеро Галанчож 600 женщин, детей и стариков [8. С. 263].

Бесконечные вереницы «студдебеккеров» загруженные людьми, отъезжали от сборных пунктов и подъезжали к железнодорожным станциям, где под дулами автоматов забивались в неотапливаемые вагоны, предназначенные и использованные для перевозки скота [3, с. 132-133].

О невыносимых условиях, созданных для перевозки чеченцев и ингушей, подтверждается телеграммой, адресованной заместителю наркома внутренних дел СССР Б.З. Козлову, где докладывалось, «что на основе перевозок карачаевцев и калмыков проведены мероприятия, давшие возможность значительно сократить потребность в подвижном транспорте, и уменьшить количество – потребных поездов. Так, по расчету численности депортируемых первоначально требовалось для перевозки 15207 вагонов (272 состава, считая, как прежде, по 56 вагонов, в каждом эшелоне). А фактически было отправлено 12525 вагонов, или 194 состава, по 65 вагонов в каждом. Потребность

в вагонах была сокращена на 2652, или 41 состав. Плотность погруженных в вагоны чеченцев и ингушей составляла 40-45 человек» [1. С. 264].

Такой «уплотненный» метод перевозки, без всяких удобств, в холодные февральские дни, в неотапливаемых вагонах, антисанитарных условиях, который длился в среднем около 20-23 дней, привел к тому, что в пути следования погибли десятки тысяч человек от холода и голода, от различных болезней, разрыва мочевых пузырей и кишечников. Например: по плану размещения депортируемых чеченцев и ингушей в Карагандинскую область Казахской ССР, было отправлено для расселения и последующего размещения 10000 семей, численностью 50000 человек. Однако из данного числа спецпереселенцев прибыло в область 9036 семей в количестве 36707 человек. В пути следования эшелонов умерло 13293 человек. Данная ситуация обстояла по всем направлениям следования в области Казахской и Киргизской ССР [6. Л. 1]. А по официальным отчетным данным НКВД, всего в пути умерло из чеченцев и ингушей 1361 человек [9. С. 556-557].

1 марта 1944 года Берией торжественно было доложено Верховному Главнокомандующему что, на 29 февраля погружено в железнодорожные эшелоны 478479 человек, в т.ч. 91250 ингушей. Погружено 180 эшелонов, из которых, 159 уже отправлены к месту нового поселения [10. С. 82].

География расселения чеченского и ингушского народов в Казахской ССР охватила 154 района 15 областей, а в Киргизской ССР 35 районов из 4 областей [2. С. 75].

После выселения чеченского и ингушского народов, 7 марта 1944 года Президиум Верховного Совета СССР, принимает указ «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» [10. С. 87].

Но самым парадоксальным является Указ Верховного Совета СССР от 8 марта 1944 года «О награждении орденами и медалями работников Наркомата Внутренних дел и Наркомата Государственной безопасности» за образцовое выполнение поставленных задач. Офицеры и солдаты получили высокие награды, не смотря на то, что многие из них и в глаза не видели немецких фашистов.

В завершении данного доклада хотелось бы упомянуть некоторые данные о количестве умерших среди спецпереселенцев, расселенных на территории Казахской и Киргизской ССР за первые годы их на спецпоселении. Так, на территории Казахской ССР до 1 июля

1949 года умерло 101036 человек чечено-ингушской национальности, что составило 23%, к числу расселенных. Немаловажную роль в этой смертности сыграла среди переселенцев Казахской ССР, вспышка эпидемии тифа в апреле-мае 1944 года [7. Л. 2].

В Киргизской ССР по состоянию на 1 апреля 1946 года число умерших спецпереселенцев из числа чеченцев и ингушей – 27956 человек, что составило 31,8% от общего числа расселенных в Киргизской ССР [11. Л. 113].

Самый высокий пик смертности, как показывают документы, приходится на конец 1944 г. и начало 1945 года.

Против чеченского и ингушского народов, как и некоторых других народов страны, был осуществлен беспрецедентный геноцид, геноцид отношении собственных народов и отдельных лиц, не имевший аналогов в мировой истории.

Литература

1. Айдаев Ю.А. Чеченцы: история и современность. М., 1996.
2. Бурзаканов Я.У. Территория расселения и материально-бытовое обустройство чеченцев и ингушей в 1944-1946 гг. // журнал «Вайнах» №4. 2009.
3. Бурзаканов Я.У., Бегуев С.А. Подготовка и реализация акции по депортации чеченцев и ингушей 1944 г. // Народы чеченской республики в Великой Отечественной Войне: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Грозный, 2010.
4. Гакаев Х.А. Депортация вайнахов: правда и вымысел // Ичкерия 1998. №1.
5. ГАРФ. Ф. Р-9479 сч. Оп. 1. Д. 182.
6. ГАРФ. Ф. Р-9479 сч. Оп. 1. Д. 86.
7. ГАРФ. Ф. Р-9479 сч. Оп. 1. Д. 925.
8. Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Чеченская республика в период Великой Отечественной войны. Нальчик, 2007.
9. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008.
10. Так это было: национальные репрессии в СССР 1919-1952 гг. Т. II. М., 1993.
11. ЦГА Киргизской Республики Ф. 1642. Оп. 11. Д. 40130.
12. ЦГА Киргизской Республики Ф. 1642. Оп. 11. Д. 2130.
13. Яндарова С.Х. Депортация чеченцев в 1944 году и ее последствия // Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Грозный, 2007.
14. Яхъяев Л. Белая книга: из истории выселения чеченцев и ингушей 1944-1957 гг. Грозный – Алма-Ата, 1991.

УДК 94(47). 084.8

ПАТРИОТИЗМ ЖИТЕЛЕЙ ВЕДЕНСКОГО РАЙОНА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ибрагимов Мовсур Муслиевич
докторо исторических наук, зав. кафедрой истории ЧГПУ,
главный научный сотрудник КНИИ им. Ибрагимова Х.И. РАН

Садулаев М.Ю.
студент 4 курса исторического факультета
Чеченского государственного университета

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы участия жителей Веденского района ЧИАССР в Великой Отечественной войне. Показано с каким патриотизмом жители Веденского района уходили на войну. Каждый человек, который был годен к военной службе, без раздумий отправлялся на фронт. Приведены цифры отправленных на фронт и погибших на полях сражений.*

Ключевые слова: *Великая отечественная война, Веденский район, участие в войне, призыв, Брест, фронт, победа.*

Прошло 74 года со дня великой победы народов Советского союза в Великой Отечественной войне. В те грозные годы, в боях Великой Отечественной войны, ценой жизни двадцати семи миллионов людей из различных уголков страны и неимоверных усилий всего общества удалось разгромить немецко – фашистских захватчиков и их союзников, отстоять независимость Родины и спасти человечество от опасности коричневой чумы.

Потомки хранят светлую память о тех, кто на фронте и в тылу самоотверженно 1418 дней и ночей ковал великую победу над злейшим врагом человечества.

Несмотря на колебания политических настроений и взглядов элит страны и общества в целом, и независимо от меняющихся официально идеологических ориентиров в последние полвека, 9 мая – день победы, и на сегодняшний день остается поистине всенародным праздником для миллионов граждан различных республик, составлявших еще недавно единое государство – СССР.

На тему Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. написано тысячи книг, специальных монографий, художественных работ, опубликовано очень много научных, историко – публицистических и литературных статей, отдельных сборников и других материалов. [1]

Тем не менее, тема Великой Отечественной войны остается акту-

альной в ученой среде и на сегодняшний день. По прошествии стольких лет открываются все новые стороны и отдельные факты, событий второй мировой войны.

Работа по сохранению исторической памяти и вовлечению молодежи в изучение истории продолжается в том числе и через проект «История рассказов народов».

Патриотический подъем вызвала Великая Отечественная война так же в Чечено-Ингушетии. По повесткам, или добровольно на фронт уходило огромное количество людей. Не остались в стороне и жители горного Веденского района ЧИАССР.

Секретарь Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) В. Иванов в те дни говорил: «В час грозной опасности народы Чечено-Ингушетии едины и монолитны, как никогда. Одним горячим стремлением выполнить свой национальный долг, отстоять свою родную землю от немецких захватчиков, помочь героической армии разгромить врага у предгорий Кавказа наполнены сердца свободолюбивых горцев Чечено-Ингушетии». [2, с.42]

До начала войны в Красной Армии служили 290 человек из Веденского района Чечни. Среди них были гвардии старший лейтенант из села Дышне-Ведено Шахаб Садулаев, Саид Джабиров из хутора Зюрхи, Саид Гайсумов из села Эрсеной и др. С началом Великой Отечественной войны жители района добровольно или по повесткам уходили на фронт. Всего из района с 1941 по 1943 на фронт ушли более 1500 человек. В первые же дни войны ушли на фронт: Элинак Махмудов из села Тевзана, Юнади Бугаев и Араб Абдулкадыров из села Хаттуни, Анас Загалаев и Асхаб Алиев из села Дарго, Кузар Хакимов и Арсемик Магомадов из села Махкеты, Адам Мусаев и Мовсур Усиев из села Ширди-Мохк, Эдисолт Солтагиреев, Исмаил Исмаилов и Индарби Арсалиев из села Гуни и многие другие. Председатель колхоза из села Дарго Лом-Али Тахаев, который ушел на войну добровольцем, служил в знаменитом 255-м Чечено-Ингушском полку. Принял достойную солдата смерть под Сталинградом. Приближая победу, в боях за Родину отдали жизни более 900 солдат и офицеров из Веденского района. [3, с.40]

В обороне Ленинграда участие принимали и многие бойцы, прибывшие на фронт из разных селений Чечни, в том числе и из Веденского района. В 1940 году в Красную Армию был призван Исмаил Исмаилов. Исмаил начинал службу в 420-м строевом полку 202-й дивизии. После начала Великой Отечественной войны был переведен в

242-й стрелковый полк 104-й дивизии, занявший оборону на Кандалкшинском направлении под Мурманском. В одном из боев тяжело был ранен товарищ Исмаилова капитан Растамбеков- узбек по национальности, Исмаил вынес своего боевого товарища с поля боя, за этот поступок он был награжден орденом славы III степени. В честь своего боевого товарища Исмаил в будущем назвал своего сына Растамбеком. В середине 1942 года Исмаил, который на тот момент зарекомендовал себя метким снайпером и храбрым воином, был переведен в снайперский взвод. На личном счету снайпера Исмаилова было 17 уничтоженных фашистов- так воевал в рядах защитников Ленинграда уроженец села Марзой-Мохк Веденского района Исмаилов Исмаил Исмаилович. Несколько раз он был ранен, но снова возвращался в строй, смело и беспощадно уничтожал неприятелей. Он был награжден двумя орденами солдатской Славы, орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, многими медалями. [4, с. 66-67]

Из одного села Гуни (Марзой-Мохк, Меседой, Хьаьжи-Эвла) ушли на фронт и не вернулись 80 человек. Среди них: Тушалаев Сайд-Хасан Сайд-Альвиевич, Дилиев Хас-Магомед Дилиевич, Дилиев Магомед-Ширвани Дилиевич, Байалиев Байгири Байалиевич, братья Элса и Илес Магомадовы. О них, к сожалению, нет никакой информации. Но мы более чем уверены, что все они выполнили долг перед страной. Однако среди них есть и вернувшиеся живыми: Арсалиев Индарбай Бедигович, Гайсуркаев Магомед, Гунаев Джалал Махмутович, участник финской кампании, награжден орденом Славы. Инзиев Али Инзиевич, ушел на фронт добровольцем, принимал участие в битве за Кавказ. За проявленный героизм в Сталинградской битве награжден медалью «За оборону Сталинграда»; Лечиев Хаджибекар Лечиевич, награжден медалью «За победу над Германией»; Ибрагимов Сайд-Ахмед Ибрагимович, Хайдаев Дага Хайдаевич, Сайдальвиев Мукали Сайдальвиевич, Магомадов Одес были призваны в ряды Красной Армии. Маузов Ахъяд Маузович, ушел на фронт добровольцем, служил в 255-м кавалерийском полку до 1947 года. Награжден медалью «За отвагу» и др. медалями. [5, с. 68]

Старший лейтенант Садулаев Шахаб Хатеевич из села Дышне-Ведено был призван в Советскую армию в 1941 году. Наряду с ним, в разные годы из села Дышне-Ведено были призваны еще 77 человек, среди которых были рядовой Куразов Якуб Манаевич, который был награжден Орденом Отечественной войны 1-й и 2-й степени, рядовой Пашаев Бес, также награжденный Орденом Отечественной войны 1-й

и 2-й степени. Среди призванных в армию в том же 1941 году рядовые Исмаилов Анас Акбулатович, Нухаев Саид Нухаевич, Тасуев Салаудин Тасуевич, и Байсуркаев Магомед Байсуркаевич, которые были награждены Орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней. Житель села Ведено ефрейтор Мухатдинов Ибрагим ушел отдать долг Родине в 1941 году, награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией», «Орденом отечественной войны» 2-й степени. Ушли на фронт также житель Дарго Назаев Шайхи, Халимов Айнди и Саламов Мовсур из Хаттуни, Хизиров Умар из села Махкеты и Омаров Махма из Сельментаузена. Хадисов Нажмуддин из села Элистанжи проходил военную службу в период с 1938 по 1944 год, был награжден медалью «Жукова», орденом «Отечественной войны» 1-й степени. К сожалению, ничего неизвестно о рядовом Асхабове Доги, но мы уверены, что он выполнил свой священный долг перед Родиной. [6]

Саид Джабиров был призван в 1939 году. В 1941 году сражался под Москвой, а затем и под Сталинградом. Воевал в Европе и закончил войну в Порт-Артуре после победы над Японией. Награжден 2 орденами Красной Звезды и 9 медалями[7. С. 271].

Вахид Бийсултанов бился с врагом с 1941 года в составе 1137-го стрелкового полка 339-й дивизии[8. С. 271].

Пулеметчик Эдилхан Абдуллаев из Харачоя отличился ратными подвигами в 1943 году в Эстонии[9. С. 271].

В 1941 году добровольцем ушел на войну житель села Келой-юрт Веденского района Хамид Бисаев. В начале 1942 года прибыл в 111-й полк, где начал войну артиллеристом, а к концу войны стал командиром взвода. В составе Красной Армии освобождал Ставрополь, Орел, Белгород, Харьков, Тихорецк, Батайск, Сальск, Ростов-на-Дону, Таганрог, Днепропетровск. В ноябре 1943 года также участвовал в освобождении Киева. Дальше, путь его лежал через Одессу, Кишенев, затем - освобождение Болгарии и Румынии. Награжден двумя орденами и многочисленными медалями[10. С. 264].

5 сентября 1941 года в Красную Армию из села Хаттуни был призван Шервани Халадов. Участие в войне начал в Крыму, затем в составе 339-й дивизии воевал под Ростовом-на-Дону. Был награжден боевыми медалями и орденами. Завершил войну Халадов в составе 139-го полка под Бранденбургом, в Германии[11. С. 257].

В страшные годы войны громким призывом к защите Родины звучали стихи поэта Зайнди Муталибова «Вставайте, джигиты», написанные в июле 1941 года.

Над Родиной нашей могучей
Сверкает топор палача
Фашисты коричневой тучей
Нагрянули, как саранча.
Мы судьбами с партией слиты,
Сердцами навеки мы с ней!
Вставайте на битву, вставайте, джигиты!
Седлайте, джигиты коней!

Зайнди был 19-летним парнем, когда добровольно ушел на фронт. Вот как описывает начало его военных дорог журналист газеты «Известия» в корреспонденции из Чечено-Ингушетии «Джигиты»: «Из горного аула Ведено тронулся отряд всадников. Ему предстоял трудный путь. Перед всадниками поставлена цель: завтра к четырем часам дня они должны быть там, где формируется кавалерийская часть… Во главе отряда едут лучшие наездники: Зайнди Муталибов - пропагандист райкома ВКПБ, колхозник Шема Багаев из аула Агишты и другие. Чеченские джигиты готовят себя к жестокой схватке».

«В боях с фашистами - писал знаменитый командир 255-го Чечено-Ингушского кавалерийского полка М. Висаитов,- показали себя зрелыми, преданными родине политработниками: Зайнди Муталибов, Хамид Денилов, Билал Сапаев и др. Это были кадровые офицеры, имеющие опыт армейской службы, навыки воспитания солдат, в военном и политическом отношении достаточно подготовленные и участвующие в боях с первых дней войны». Многое пришлось испытать на войне З. Муталибову, который провел ее с первых дней и до самой победы над Японией в составе 255-м кавалерийского полка, позже в 61-м разведывательном кавалерийском дивизионе[12. С. 144-145]

В газетах описывались подвиги воинов из Чечни на Сталинградском фронте осенью и зимой 1942 года. Вот некоторые эпизоды: «Секретарь партийной организации политрук Б. Сапаев прибыл в роту накануне боя… Повел беседу о стойкости коммунистов в бою. Рано утром начался бой с фашистами. Когда фашисты вплотную подошли к нашим окопам, Б.Сапаев поднял взвод в контратаку. Воодушевленные личным примером политрука бойцы дрались мужественно. Атака врага была отбита, боевая задача выполнена» Билал Сапаев пал смертью храбрых в одном из боев[13. С. 242]

Из села Махкеты горного Веденского района на фронт ушли трое

братьев Юсуповых: Лечи, Мучар и Уйзур. Старший, Лечи Юсупов, отправился в армию по повестке в 1939 году. Принимал участие в боях финской кампании 1939-1940 годов, а когда началась Великая Отечественная война, мужественно бился с фашистами в составе 114-й дивизии Ленинградского фронта. Был награжден орденами и медалями. Средний брат семьи Юсуповых - Мучар отправился на фронт добровольно, в 1941 году. Служил в 28-м гвардейском кавалерийском полку. Погиб Мучар в 1945 году при освобождении стран Европы от фашистов. Имя отважного офицера занесено на мемориальную доску в Будапеште, где стоит памятник советским воинам-освободителям. Самый младший сын Юсуповых- Уйзур, ушел добровольцем на фронт, когда ему было всего лишь 17 лет. Воюя против фашистских захватчиков и освобождая Европу от них, Уйзур дошел до Берлина. Ему даже повезло принимать участие в параде встречи с американцами на Эльбе. В своем полку Уйзур был пулеметчиком. Его имя упоминается в документах, приведенных в книге «От Терека до Эльбы». Он был награжден американцами военным орденом[14. С. 262-263].

Магомед Гайсуркаев из села Гуни, стал известным благодаря своим подвигам под Старой Руссой. Начинал службу в войне с Финляндией в 1939. Был награжден орденами и медалями. Вместе с ним начинали боевой путь его земляки Б. Лалуев, Ш. Сайдиев, У. Юсупхаджиев, Н. Ахъядов и др. [15. С. 151]

Индербай Арсалиев из села Гуни Веденского района служил в Красной Армии с 1939 года на Дальнем Востоке. В 1941 году пехотный полк, в котором проходил службу Арсалиев был переброшен под Ленинград. В 1943 году Индербай Арсалиев получил тяжелое ранение в бою и был комиссован. Имел немало боевых наград[16. С. 282].

Учитель в сельской школе, простой веденский парень Шахаб Садулаев оказался в самом центре боевых действий. Как и его сверстники из Чечни, Шахаб отстаивал на фронтах Великой Отечественной войны свободу и независимость своей Родины. На момент начала войны, Шахаб Садулаев находился советско-финской границе, в 40 километрах от города Выборга, где он проходил военную службу в артиллерийско-пулеметном батальоне в составе Ленинградского военного округа. В октябре 1941 года батальон Садулаева был отправлен на оборону Ленинграда. Свое первое боевое ранение Ш. Садулаев получил в сражении в районе города Колпино. Вылечился, и опять вступил в бой - и снова ранение. После госпиталя, ставшего уже опытным солдатом Шахаба направляют на 3-й Украинский фронт,

где его назначают командиром взвода. Шахаб Садулаев принимал участие в боях за освобождение Донбасса, Запорожья, Одессы. На его воинском пути - участие в знаменитой Яссо-Кишеневской операции, бои за освобождение Югославии, Венгрии, Австрии. За свои славные подвиги Садулаев был награжден орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За освобождение Белграда» и многими другими[17. С. 234].

В рядах Красной Армии в 1941-1942 годах служил и знаменитый чеченский писатель, поэт и драматург Саидов Билал Саидович, из села Махкеты Веденского района[18].

По словам директора Веденского районного центра детско-юношеского туризма и экскурсии Лизы Арсанукаевой, в годы Великой Отечественной войны из Веденского района ушли на фронт 1500 человек, из которых вернулись лишь 126[19. 101 (2285)].

Администрацией и военкоматом Веденского района Чеченской Республики установлены имена 833 из них, 415 из которых объявлены пропавшими безвести[20. С. 50-84].

На сегодняшний день, имена 833 человек занесены в мемориальную доску памяти Великой Отечественной войны в центральном парке района[21].

Так, согласно данным районного военкомата, село Агишбатой отправило на фронт 38 человек, среди которых Абдулханов М.; Асуханов С.; Билалов Ж.; Висаитов А-А., и многие другие. Из села Ведено в разные года на фронт ушли 38 человек. Из села Гуни отправились отдать долг Родине 107 человек. Отважно сражались 78 человек из селения Дарго. Из Дышне-Ведено в разные годы ушли 80 человек, многие из которых награждены орденами и медалями. Из горного села Макажой ушли Исраилов А. и Салаев А. Из села Беной ушел на фронт Исрапилов М., Байсаров С-С.М., Висаев Т., Магомадов У.М., Магомадов Ш., Хамзатов А. ушли на фронт из селения Тезен-Кала. Помимо перечисленных сел и аулов, добывать победу на фронт ушли 22 человек из Белгатоя, 51 из Курчали, 48 из Махкеты, по 50 из Тевзана и Харачоя, 73 из Хаттуни и 22 человека из горного селения Хой и 72 из Элистанжи[22].

Из села Ца-Ведено ушли на фронт 46 челолвек, среди которых Абдулханов Х., Абдулханов, Абазатов С-М., Абубакаров С., Азиев В., Аласханов Ш., Алиев С., Алиев Х., Атабаев А., Ахмаев, Бельтиев Ш., Бельтиев Ш.Т., Бельтиев Э., Букмагомаев И., Дадашев З., Далаев Т., Исаев Х., Кукуев М., Магомадов К., Магомадов Ш-А. М., Магома-

дов Ш-А. М., Миталаев А., Муталипов, Саидов Х., Салаватов Х., Самкаев А., Сельмурзаев У., Сиражудинов А., Сугаипов Г., Сугаипов С., Сугаипов Ш.С., Усманов Э., Хасаев С.Г., Хазриев А., Хизриев Б., Цицигов С-А., Чемирзаев С-Э., Шахбулатов Ш., Эламбаев М.В., Эламбаев С-А. В., Эльдаров М., Юсупов М.Ю., Юсупов Ю-Х., Яхъхяев М. Из них вернулись домой 21 человек, Аласханов Им-Али., Абубакаров Себи., Абазатов Сайд-Магомед, Азиев Ваха, Аласханов Шида, Ахмаев Ильма, Дадашев Зиявдин, Каримов Шайгулла, Кукуев Мовсур, Магомадов Шайх-Ахмед, Саидов Хашим, Сугаипов Сетен, Хамидов Хасмагомед, Чемирзаев Сайтами, Юсупов Нурид, Юсупов Юсуп-Хаджи, Атабаев Аюб, Абдулханов Хамид, Абдулханов Халид, Далаев Тапа, Юсупов Дайди[23. С. 50-84].

Активное участие принимали жители Веденского района также в защите Грозного, захват которого входил в планы гитлеровцев, согласно операции «Эдельвейс».

Планируя захват Кавказа, немецкое руководство большие надежды возлагало на помощь предателей Родины. В Чечено-Ингушетии враждебные Советской власти люди объединились в бандитские группы. Всего таких групп насчитывалось 26-28 численностью 389 человек. Так, например, 22 ноября 1942 г. в селении Гуни Веденского района банда Мата Махмудова из 34 человек, вооружившись винтовками, напала на молочно-товарную ферму колхоза «Красный животновод», попыталась разграбить ее и увести скот. Простые колхозники и жители села во главе с Магомедом Вахабовым и Абубакаром Хамбахадовым дали отпор банде. Бой с бандой длился два часа, колхозники, встретившие врагов с вилами и топорами, убили или ранили более половины из них, другие были обращены в бегство. Один бандит был пленен участником Великой Отечественной войны Хутиевым Цорки. В этом бою пали смертью храбрых многие односельчане: Магомед Вахабов, Абубакар Хамбахадов, Абзаил Аюбов, Ваха Джамалаев и другие. За проявленное мужество и храбрость в этой борьбе несколько гунинцев было награждено медалями «За Отвагу» и «За боевые заслуги». 21 колхозника были награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ЧИАССР[24. С. 59].

Не предались забвению и подвиги жителей Веденского района при обороне Брестской крепости. Благодаря трудам Ошаева Халида, стали известны имена некоторых из них. Так, например, Бейтемиров Сайд-Ахмед Мучуевич из села Элистанжи Веденского района, служил в Бресте в звании старшего сержанта, в 333-м стрелковом полку

во взводе конных разведчиков. Умер в 1970 году. В разговоре с Ошаевым Халидом, Сайд-Ахмад упомянул что воевал в Брестской крепости. На вопрос Халида «Значит вы один из героев Бреста?», Сайд-Ахмад улыбнулся и ответил «О нет. Я совсем не герой. Герои погибли в Бресте»[25. С. 50-51].

Пашаев Бес 1919 года рождения, уроженец села Дышни-Ведено, Веденского района ЧИАССР. Призван в Красную Армию Веденским РВК в 1940 г. Рядовой. Служил в 333-м стрелковом полку Брестского гарнизона. Из крепости вышел. Войну продолжил в составе 119-го гвардейского стрелкового полка 39-й гвардейской стрелковой дивизии 31-го гвардейского стрелкового корпуса 3-го Украинского фронта. Разведчик. Награжден орденом Славы III степени, орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги». Демобилизован в 1945 г. Умер в 1980 г. [26. С. 218].

Сириев Усман Сайдулханович, житель Ведено служил в Бресте в составе 333-го полка[27. С. 219].

Еще один защитник Брестской крепости из села Гуни Веденского района Сайдиев Шайхи был призван в армию в 1939 году. Погиб при защите крепости в 1941 году[28. С. 218].

Уроженец Веденского района ЧИАССР Асаев Герман был призван в Красную Армию в 1939 г. Участник советско-финской войны. Служил в гарнизоне Брестской крепости. [29.]

Житель села Гуни Веденского района ЧИАССР Текиев (Гагаев) Абу- Солта, 1920 года рождения, был призван в Красную Армию в феврале 1941 г. Служил в гарнизоне Брестской крепости в звании рядового. Пропал безвести[30].

Бакраев Зелимхан Бакраевич, уроженец села Тевзана Веденского района ЧИАССР. Отправился на фронт 1940 г. Служил в гарнизоне Брестской крепости[31].

Война закончилась победно. Миллионы жителей СССР, не жалея жизней довели ее до победного конца. Оставшиеся в живых вернулись к своим очагам. А павшие в боях навсегда вписали свои имена золотыми буквами в историю. Маленький, горный Веденский район ЧИАССР отправил на эту войну одних из самых достойных сыновей, которые проявили мужество высшей степени и не содрогнулись перед ликом смерти. Каждый по отдельности, и все вместе взятые, уроженцы Веденского района, как и миллионы их сограждан совершили беспримерный подвиг во имя Родины. К сожалению, в районе сегодня не осталось живых ветеранов.

22 декабря 2015 года, скончался последний ветеран ВОВ из района, житель села Махкеты, рядовой Хизиров Умар, призванный в 1943 году и награжденный Орденом Отечественной войны[32].

Литература

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945 гг. в 6 – ти тт. – М, 1959 – 1965; История второй мировой войны, 1939 – 1945 гг. – в 12 – ти тт. – М., 1973 – 1982; Кирсанов Н.А. Народы СССР в Великой Отечественной войне Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., М., 1995; Гречко А.А. Битва за Кавказ, М., 1969; Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войны ВОВ; Сб. статей – СПб, 1998; Пятидесятилетие Великой победы над фашизмом: история и современность. Под общей редакцией В.С. Порохни. Смоленск, 1995 и др.
2. Ибрагимов М.М, Ибрагимов Мовсур М. Чечня: через круги ада. Войны, переселения и депортации чеченского народа. 2-е исправленное и дополненное издание. – Грозный: издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», 2017. - 308 с.
3. Там же. С. 40
4. Там же. С. 66-67
5. Там же. С. 68
6. Министерство обороны Российской Федерации. Военный комиссариат Чеченской Республики. Отдел по Веденскому району. Сведения о участниках Великой Отечественной войны, стоящих на учете в отделе в отделе военного комиссариата по Веденскому району по состоянию на 01.06.2013 года.
7. Ибрагимов Мовсур М., Хатуев И.З. Подвиг во имя Родины. - Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015. - 416 с.
8. Там же. С. 271
9. Там же. С. 271
10. Там же. С. 264
11. Там же. С. 257
12. Там же. С. 144-145
13. Там же. С. 242
14. Там же. С. 262-263
15. Там же. С. 151
16. Там же. С. 282
17. Там же. С. 234
18. ИА Чечня сегодня. Выпуск от 04.02.2014
19. Газета «Вести Республики» №101 (2285)
20. Память 1941-1945. Нальчик. ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». 2010. -751 с.
21. Министерство обороны Российской Федерации. Военный комиссариат Чеченской Республики. Отдел по Веденскому району. Сведения о участниках Великой Отечественной войны, стоящих на учете в отделе в отделе военного комиссариата по Веденскому району по состоянию на 01.06.2013 года.
22. Там же.
23. Память 1941-1945. Нальчик. ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.» 2010. -751 с.

24. Ибрагимов Мовсур М., Ибрагимов Муса М. Чечня: через круги ада. Войны, переселения и депортации чеченского народа. 2-е исправленное и дополненное издание. – Грозный: издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», 2017. - 308 с.
25. Ошаев Х.Д. Слово о полку Чечено-ингушском: сб. док.-худож. произведений / Ошаев Х.Д.; сост. М.Х. Ошаев; под общ. ред. М.Н. Музаева.- «Эль-Фа», Нальчик, 2004. - 493 с.
26. Там же. С. 218
27. Там же. С. 219
28. Там же. С. 218
29. Память 1941-1945. Нальчик. ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. -751 с.
30. Там же.
31. Там же.
32. Министерство обороны Российской Федерации. Военный комиссариат Чеченской Республики. Отдел по Веденскому району. Сведения о участниках Великой Отечественной войны, стоящих на учете в отделе военного комиссариата по Веденскому району по состоянию на 01.06.2013 года.

УДК: 94 (470.67)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА И ЕГО НАЦИОНАЛЬНО – ГОСУДАРСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Ибрагимов Муса Муслиевич

доктор исторических наук, профессор, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН; Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М.Д. Миллионщикова
Ibragimov95@mail.ru

Аннотация: *Статья посвящена проблеме реабилитации чеченского народа и его национально-государственного и конституционного развития во второй половине XX-начале XXI вв. Анализируется период восстановления автономии чеченского народа в конце 1950-х гг, процесс формирования республиканских и местных органов власти. Особое внимание уделено периоду разрушения Союза СССР и выходу Чечни из правового пространства Российской Федерации. Отмечается роль А.Х. Кадырова и его команды в стабилизации общественно-политической обстановки в Чеченской Республике, возвращении ее под юрисдикцию РФ как ее полноправного субъекта.*

Ключевые слова: *Политическая реабилитация, Чечено-Ингушская АССР, Чеченская республика Ичкерия, Чеченская Республика, Конституция, ОКЧН.*

Середина XX в. принесла чеченскому народу очередную трагедию. В феврале 1944 г. ложно обвиненный сталинско-бериевской кликой в сотрудничестве с немецкими фашистами весь народ был выслан с территории Чечено-Ингушетии в Казахстан и Киргизию. Долгих и тревожных 13 лет ждали чеченцы восстановления справедливости, и возвращения на родную землю. И только в 1956 году, после исторических решений XX съезда КПСС по осуждению культа личности Сталина, начался процесс реабилитации и восстановления государственности чечено-ингушского и других репрессированных народов Советского Союза.

9 января 1957 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области», увенчавший тринадцатилетнюю борьбу чеченского и ингушского народов за восстановление своих попранных прав.

Своеобразный итог процесса восстановления национальных автономий народов Северного Кавказа, был подведен на сессии Верховного Совета СССР в феврале 1957 года. Там, в соответствии с

принятой конституционной процедурой был утвержден Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 года.

После начала восстановления Чечено-Ингушской АССР первые выборы в органы власти состоялись 3 марта 1957 г. Это были выборы депутатов трудящихся в местные Советы. На 16 марта 1958 г. были назначены выборы депутатов в Верховный Совет СССР. С учетом этого ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР рекомендовали органам власти РСФСР и ЧИАССР провести в этот день и выборы в Верховный Совет ЧИАССР.

16 марта 1958 г, как и было запланировано, выборы состоялись.

Центральная избирательная комиссия зарегистрировала избранных в Верховный Совет республики депутатов по всем 116 округам. Национальный состав депутатов был следующим: русские – 52 (44,8%), чеченцев и ингушей – 51 (около 44%), прочие – 13 (около 11%). Из 31 женщины в составе Верховного Совета ЧИАССР 15 были чеченской и ингушской национальности[1].

15 апреля 1958 года начала свою работу первая сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР второго созыва. В день открытия сессии, после церемониальных процедур, был избран председатель Верховного Совета ЧИАССР. Этот почетный пост был доверен участнику Великой Отечественной войны, председателю Надтеречного райисполкома А.М. Мурдиеву. Его заместителями стали учительница Л.И. Шадыжева и заслуженный деятель науки и техники РСФСР, профессор Грозненского нефтяного института Г.М. Сухарев.

В связи с тем, что действующей Конституцией ЧИАССР была признана ее Конституция, принятая еще в 1937 г., депутаты внесли в нее соответствующие коррективы, обусловленные изменениями в Конституции СССР и Конституции РСФСР за прошедший период и текущими государственно-правовыми процессами, в основном связанными с формальностями национально-государственного устройства.

На первой сессии были сформированы высшие руководящие органы государственной власти и государственного управления Чечено-Ингушской АССР – Президиум Верховного Совета ЧИАССР и Совет Министров ЧИАССР. Председателем Президиума Верховного Совета ЧИАССР был избран И.А. Алмазов. Его заместителями – Е.А. Изварина и А-В.Т. Тепсаев. Секретарем был избран М.И. Комаров. Председателем Совета Министров ЧИАССР был назначен М.Г. Гайрбеков. Ему же, в соответствии с конституционным регламентом, было пору-

чено сформировать правительство – Совет Министров ЧИАССР. Сессия Верховного Совета ЧИАССР в установленном порядке утвердила состав Верховного Суда республики[2].

С формированием легитимных институтов власти завершился процесс конституционного возрождения национальной государственности чеченского и ингушского народов. Это был исторически и политически важный рубеж в многогранных процессах национально-государственного строительства в Чечено-Ингушетии, основным итогом чего являлась политическая реабилитация чеченского и ингушского народов.

Существенные изменения в конституционном развитии чеченского народа произошли в 70-е гг. XX столетия. В 1977 году была принята новая Конституция СССР. Как подчеркивалось в документах КПСС, страна к началу 1970-х гг. вступила в новый этап своего развития – этап развитого социализма, существенной характеристикой которого являлась функционирование общенародного государства. Это государство отличалось от государства диктатуры пролетариата, характерного для предшествующего этапа развития страны тем, что выражало интересы не только рабочих и крестьян, но всего народа, в управлении государством теперь принимали участие все слои советского общества, значительно расширились права и свободы граждан. Достижения страны в социально-экономическом и политическом развитии должны были быть закреплены в Основном Законе государства.

Вслед за Конституцией СССР были приняты и конституции союзных и автономных республик. В Конституции ЧИАССР 1978 года, по сравнению с предыдущей, значительно расширялись формы народовластия. Наряду, с осуществлением принадлежащей народу власти через Советы, предусматривалось также его участие в управлении государством и обществом через общественные организации и трудовые коллективы. Наиболее важные вопросы государственной жизни могли быть вынесены на всенародное обсуждение или голосование (референдум) (ст. 5,7-8). Экономической основой государства объявлялась социалистическая собственность на средства производства. Труд, как и прежде, являлся почетной обязанностью граждан. Он и его результаты определяли положение человека в обществе. Значительно был расширен раздел, в котором декларировались права и обязанности граждан. Теперь он назывался «Государство и личность» и состоял из 36 статей вместо 16 в прежней Конституции.

Учитывая особую роль Советов в жизни социалистического общества был введен четвертый раздел Конституции – “Советы народных депутатов в Чечено-Ингушской АССР и порядок их избрания”, который включал две главы – “Система и принципы деятельности Советов народных депутатов” и “Народный депутат”. В главе “Избирательная система” вводились новые положения: снижения возраста пассивного избирательного права до 18 лет (ст.80); право граждан и общественных организаций активно участвовать в подготовке и проведении выборов (ст.84), право избирателей на наказы своим депутатам (ст.86). Несмотря на то, что государственные органы Чечено-Ингушетии наделялись многими новыми полномочиями, в целом система органов власти не претерпела существенных изменений.

Следующий этап конституционного развития Чечни связан с периодом конца 80-х-начала 90-х гг. XX века, конституционными реформами в СССР и РСФСР. 23-25 ноября 1990 года в городе Грозный прошел Общенациональный съезд чеченского народа, на котором была провозглашена Декларация о государственном суверенитете Чеченской Республики Нохчичь и предложено Верховному Совету Республики принять ее на своем заседании. 27 ноября 1990 г. на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета ЧИАССР принимается Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики. К этому времени, практически, все другие автономные республики, входившие в состав РСФСР, объявили о своем суверенитете. “Поэтому при принятии Декларации были взяты во внимание многие моменты из практики других республик, в частности Татарстана, Башкортостана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и др.”[3]. Из названия Республики исчезли слова: “Автономная Советская Социалистическая”. Отныне она получала название: “Чечено-Ингушская Республика”. Декларация провозглашала Чечено-Ингушскую Республику как суверенное государство, устанавливала верховенство ее Конституции и законов на всей территории Республики. Кроме того, принятая Декларация рассматривалась как основа для разработки новой Конституции Чечено-Ингушской Республики. В Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики “содержался ряд важных фундаментальных положений, в частности, многопартийность, разделение властей, недопустимость дискриминации личности, необходимость вступления в договорные отношения с другими республиками на основе равноправия”[4]. Но позитивные идеи, заложенные в Декларации о государственном суве-

ренитете Чечено-Ингушской Республики, претворить в жизнь не удалось. Августовские события 1991 года в Москве и последовавший за ними распад Советского Союза оказали самое серьезное влияние на ход политических событий в Чечено-Ингушетии, приобретших в последующем драматический характер.

15 сентября 1991 г. под руководством прибывшего в Чечню и.о. Председателя Верховного Совета РСФСР Руслана Хасбулатова состоялась последняя сессия Верховного Совета ЧИР, принявшая решение о самороспуске. В результате переговоров между Р.Хасбулатовым и лидерами Исполкома ОКЧН в качестве временного органа власти на период до выборов был сформирован Временный Высший Совет ЧИР (ВВС) из 32 депутатов. Председателем Временного Высшего Совета ЧИР был избран заместитель председателя Исполкома ОКЧН Хусейн Ахмадов, а заместителем председателя ВВС — помощник Р.Хасбулатова Юрий Черный. 1 октября ОКЧН-овские сторонники ВВС ЧИР во главе с Х. Ахмадовым на основании документа, составленного ингушскими неформалами от лица, так называемого, Исполкома депутатов всех уровней Ингушетии, приняли решение о разделении Чечено-Ингушской Республики на суверенную Чеченскую Республику Нохчичьо и Ингушскую автономную республику в составе РСФСР [5].

27 октября 1991 г. Исполком ОКЧН провел выборы Президента и Парламента ЧР. Президентом ЧР был избран председатель Исполкома Джохар Дудаев. ВВС и его сторонники объявили выборы сфальсифицированными и отказались признать их итоги. Верховный Совет РСФСР также признал эти выборы незаконными.

Коренным образом расстановку сил изменил указ Президента РСФСР Б.Н. Ельцина от 8 ноября 1991 г. о введении чрезвычайного положения на территории Чечено-Ингушетии. Лидеры оппозиционных партий и движений заявили о поддержке президента Дудаева и его правительства, взявшего на себя ответственность по защите суверенитета ЧР. Временный Высший Совет и его ополчение прекратили свое существование в первые же дни кризиса.

В результате событий сентября-ноября 1991 года Чеченская Республика фактически вышла из состава Российской Федерации. 1 ноября 1991 года президент Джохар Дудаев подписал указ о государственной независимости Чеченской Республики.

В ноябре-декабре 1991 года были сформированы основные органы власти ЧР. Президент Джохар Дудаев, приведенный к присяге 9

ноября, одновременно являлся Главнокомандующим Вооруженными силами и председателем Кабинета министров.

На первом заседении Парламента ЧР состоявшемся 2 ноября 1991 г. Председателем Парламента был избран один из лидеров Исполкома ОКЧН Хусейн Ахмадов, его первым заместителем стал Бек Межидов. Заместителем председателя Парламента был избран Магомед Гушакаев, которого в декабре 1992 года сменил Ахъяд (Иса) Идигов).

12 марта 1992 года Парламент ЧР принял Конституцию Чеченской Республики, согласно которой Чечня провозглашалась “суверенным демократическим правовым государством, созданным в результате самоопределения чеченского народа” (ст. 1).

В Конституции декларировалось, что человек является высшей ценностью и главной целью политики государства. Утверждалось, что Чеченская Республика уважает и охраняет права человека, обеспечивает равные возможности для свободного развития личности, гарантирует социальную справедливость и защищенность личности (ст. 3). Утверждалось, что гражданам гарантируется защита от любых посягательств на жизнь, здоровье, личную безопасность (ст. 38).

Приоритетное значение придавалось межнациональным отношениям. Конституция гарантировала равноправие граждан различных национальностей. Прямое или косвенное ограничение прав либо установление привилегий и преимуществ по национальным признакам должно было наказываться по закону (ст. 23).

Но все эти провозглашаемые ценности и свободы ничего общего не имели с реальной политикой, проводимой одиозными лидерами новой Чечни. Как отмечал назначенный в ноябре 1999 года исполняющий обязанности прокурора Чеченской Республики И.И. Киселев «Все законодательство самопровозглашенной Ичкерии, как и политика её лидеров, производят впечатление «эффекта редиски». Снаружи для внешнего применения — конституция чуть ли не европейского образца, где провозглашены основные права и свободы человека и гражданина, декларированы нормы международного права, закреплены красивые постулаты о стремлении к всеобщему и справедливому миру, основанному на общечеловеческих ценностях, а внутри — террористический анклав, где процветают разбой, насилие, работорговля и подневольный труд, производство наркотиков и фальшивой валюты, геноцид граждан не чеченской национальности (и чеченской национальности тоже - М.И.)[6].

Высшим органом законодательной власти являлся Парламент,

избираемый гражданами ЧРИ сроком на 5 лет. Выборы производились по мажоритарной системе. Парламент утверждал Конституцию и законы, состав Кабинета министров, членов Конституционного, Верховного и Арбитражного суда, а также судей городов и районов. Парламент также назначал Генерального прокурора и контролировал работу исполнительных органов власти. В Конституции в разделе третьем "Система государственной власти и управления" говорилось, что парламент ЧР является единственным органом законодательной власти, а главой исполнительной власти является Президент. На деле же с июня 1993 года все права Парламента фактически перешли к Президенту ЧР. Тогда же, в 1993 году, был распущен Конституционный суд республики.

Вполне демократическими были положения Основного закона, касающиеся судебной системы. Судебная власть в Чеченской Республике должна была осуществляться только судом и действовать независимо от законодательной, исполнительной власти, а также от партий, иных общественных объединений и движений. Вводились также суды присяжных. С 1991 по 1996 годы в республике сохранялась светская судебная система. Весной 1995 года указом Дудаева в республике впервые появляются шариатские суды, а с 1996 года светские суды официально упраздняются и с 1997 года полностью заменяются шариатскими. Главным судебным органом являлся Верховный Шариатский суд Чеченской Республики Ичкерия.

Важное место в Конституции отводилось органам местного самоуправлении. Местное самоуправление должно было осуществляться представительными и исполнительными органами власти, а также в форме непосредственной демократии. Органы местного самоуправления в пределах своей компетенции могли действовать независимо от государственной власти в рамках Конституции и Законов Чеченской Республики (ст. 89, 90). На самом деле, местное самоуправление, также как и права человека, общечеловеческие ценности, справедливая судебная система и многое другое, оказалось фикцией, прикрывающей стремление ичкерийских лидеров к безраздельной и неконтролируемой власти. В 1993 году в соответствии с Указом Президента Д.Дудаева власть на местах уже официально перешла к префектам, назначаемым лично президентом ЧР.

Победившая в результате развернувшейся борьбы за власть новая политическая элита Чечни во главе с генералом Дудаевым вместе с неуклюжими политиками из Ельцинского окружения ввергли Чечен-

скую республику в вооруженное противостояние с Российским центром. Почти полтора десятилетия ЧР фактически находилась вне политического и правового пространства Российской Федерации.

Возвращение в это пространство началось с июня 2000 года, с момента назначения на пост Главы Администрации Чеченской Республики А.А. Кадырова. С первых же шагов своей деятельности А.А. Кадыров повел решительную борьбу за восстановление законности и порядка на территории Республики. Но для решения этой задачи требовалось создание легитимных органов власти на всей территории Чеченской Республики, пользующихся доверием и поддержкой населения. Однако не было нормативно-правовой базы для их функционирования. И тогда А.А. Кадыров выступил с инициативой проведения референдума по принятию Конституции Чеченской Республики и Закона о выборах в Парламент ЧР. Главе Чеченской Республики А.А. Кадырову пришлось преодолевать отчаянное противодействие не только со стороны сепаратистов, но и многих российских и западных средств массовой информации, а также влиятельных политических сил и высокопоставленных государственных чиновников Российской Федерации. Они не верили в возможность и целесообразность проведения референдума в условиях продолжающегося вооруженного противостояния на территории ЧР. Но чеченский народ вышел на этот референдум и абсолютным большинством проголосовал за Конституцию Чеченской Республики, продемонстрировав свое стремление к миру, стабильности, правопорядку, свое желание быть с Россией, в союзе и согласии со всеми народами Российской Федерации.

В принятой Конституции подчеркивалось, что «Чеченская Республика - демократическое социальное правовое государство» и что ее территория «является единой и неделимой и составляет неотъемлемую часть территории Российской Федерации» (ст.1,2). Особое внимание в Конституции уделялось правам и свободам человека и гражданина: «В Чеченской республике признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Конституцией Чеченской Республики и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Защита прав и свобод человека и гражданина-обязанность Чеченской Республики, ее государственных органов и должностных лиц» (ст.14).

Принятие Конституции явилось основой дальнейшего продвижения Чеченской Республики по пути политического возрождения и

стабилизации. В августе 2003 года был избран Президент Чеченской Республики – Ахмат-Хаджи Абдулхамидович Кадыров. После его трагической гибели дело первого президента ЧР продолжили его друзья и соратники, во главе которых встал сын А.А. Кадырова – Рамзан Кадыров, взявший на себя ответственную роль лидера чеченского народа. Были избраны депутаты Государственной Думы РФ, сформированы Правительство республики, местные органы власти, созданы нормативные основы для их деятельности, восстановлены судебные и правоохранительные органы.

В ноябре 2005 года при высокой политической активности населения прошли выборы Парламента Чеченской Республики. С его избранием практически завершился процесс создания легитимных органов государственной власти в ЧР, а также процесс интеграции Чеченской Республики в государственно-правовое поле Российской Федерации.

Достижения в нормализации общественно-политической обстановки позволили добиться существенного продвижения в социально-экономическом возрождении ЧР. Восстанавливались промышленные и сельскохозяйственные предприятия, транспорт, связь, жилье, больницы, работали высшие и средние профессиональные учебные заведения, школы.

Развивались институты гражданского общества, шел процесс стимулирования социальной мобильности и активности, у людей укреплялось чувство оптимизма и уверенности в завтрашнем дне.

Однако жизнь не стоит на месте. Появляются новые политические, социальные, экономические и иные реалии, которые требуют своего правового регулирования. Изменяется федеральное законодательство и в соответствии с ним должно меняться законодательство субъектов Федерации. Учитывая это обстоятельство, Президент Чеченской Республики Р.А. Кадыров внес Предложения о поправках и пересмотре отдельных положений Конституции Чеченской Республики. Эти Предложения были вынесены Конституционным собранием на республиканский референдум. Он состоялся 2 декабря 2007 года и на нем подавляющее большинство граждан поддержало инициативу Главы Республики.

Существенно изменился порядок выбора Президента Чеченской Республики. В соответствии с федеральным законодательством и Конституцией ЧР в редакции принятой на референдуме 2003 года, Президент ЧР избирался всенародным голосованием граждан на че-

тыре года и не мог избираться на указанную должность более двух сроков подряд.. В редакции Конституции 2007 года Президент наделяется полномочиями решением Парламента Чеченской Республики по представлению Президента Российской Федерации. Президент Чеченской Республики наделяется полномочиями уже на пять лет, и срок его пребывания на этой должности ничем не ограничен

Из текста Конституции изъято противоречащее федеральному законодательству понятие «Граждане Чеченской Республики». Некоторой корректировке подверглась статья 10. В прежней редакции она состояла из трех частей, в которой вторая часть, где говорилось о том, что «Языком межнационального общения и официального делопроизводства в Чеченской Республике является русский язык» вступала в противоречие с первой частью статьи признающей: «Государственными языками в Чеченской Республике являются чеченский и русский языки». Возникал законный вопрос: Почему чеченский язык, будучи государственным в Чеченской Республике, в то же время не может быть языком официального делопроизводства? Поэтому представляется вполне обоснованным предложение Президента об исключении из текста Конституции части второй статьи 10-ой.

Но самые кардинальные изменения были внесены в главу 5 «Парламент Чеченской Республики». Парламент первого созыва, как известно, состоял из двух палат – Народного Собрания и Совета Республики, в котором Совету Республики были даны довольно широкие полномочия. Законодательная компетенция Совета Республики включала в себя рассмотрение законов по утверждению республиканского бюджета, установление налогов и сборов, отнесенных к компетенции Чеченской Республики, установление порядка управления и распоряжения собственностью Чеченской Республики, утверждение договоров Чеченской Республики, утверждение соглашения об изменении границы Чеченской Республики.

Совет Республики мог рассматривать и другие законы, принятые Народным Собранием, одобряя или отклоняя их (без права внесения поправок в принятый Народным Собранием текст). В случае отклонения закона, Народное Собрание либо обязано было преодолеть вето Совета Республики двумя третями голосов, либо палаты образовывали согласительную комиссию и вырабатывали компромиссную редакцию закона. Законопроект, принятый обеими палатами, передавался Президенту Республики. Если Президент подписывал закон, тот вступал в силу, если нет – Народное Собрание и Совет Республи-

ки двумя третями голосов каждой палаты могли преодолеть президентское вето. Таким образом, Совет Республики, действуя в согласии с Президентом, в состоянии был не пропустить любой закон, принятый Народным Собранием, а вместе с Народным Собранием способен был навязать свою волю Президенту. В свою очередь, Президент и Народное Собрание вправе были принять любой закон «через голову» Совета Республики.

Кроме того, Совет Республики наделялся такими существенными полномочиями, как назначение судей Конституционного суда Чеченской Республики и мировых судей в Чеченской Республике, назначение и освобождение от должности заместителя председателя Счетной палаты Чеченской Республики, и половины состава ее аудиторов; назначение референдума Чеченской Республики и даты выборов в Парламент Чеченской Республики .

Практика более чем двухлетней деятельности Парламента Чеченской Республики показала, на наш взгляд, необходимость и полезность двухпалатной организации Парламента Чеченской Республики. Авторы Конституции, принятой на референдуме в марте 2003 года, во главе с А.А. Кадыровым глубоко изучили теорию и практику западного и отечественного парламентаризма и выбрали для воплощения в жизнь в Чеченской Республике именно двухпалатную форму парламента. При этом они учитывали мировую тенденцию к увеличению двухпалатности (бикамерализма) законодательных собраний ведущих держав мира. Ведь за последнюю треть XX века количество вторых палат в общенациональных законодательных собраниях выросло с 45 до 67. Еще примерно дюжина стран находится на различных этапах перехода к бикамеральной системе. По этой модели построены законодательные собрания государств-лидеров мировой экономики.

Однако, вместо двухпалатного Парламента, состоящего из Совета Республики (21 депутат) и Народного Собрания (40 депутатов), на следующих внеочередных выборах в октябре 2008 года был избран однопалатный Парламент в составе 41 депутата.

Существенно изменилось содержание Главы 9 Конституции. Теперь она называется «Внесение изменений и поправок в Конституцию Чеченской Республики». Если в прежней редакции Парламент не обладал правом принимать Конституцию Чеченской Республики и вносить изменения и поправки к ней, то принятые на референдуме предложения о поправках и пересмотре отдельных положений Кон-

ституции ЧР дают законодательному собранию Республики это право в полном объеме.

Внесенные изменения значительно улучшили редакцию многих статей Конституции, устранили некоторые внутренние противоречия, а также противоречия с федеральным законодательством, имеющиеся в тексте Основного закона Чеченской Республики. Но это не значит, что работа по совершенствованию Конституции ЧР на этом завершена. Жизнь еще не раз вызовет необходимость внесения изменений и дополнений в ее текст.

Литература

1. Заседания Верховного Совета ЧИАССР второго созыва (первая сессия). 15-16 апреля. Стенографический отчет. Грозный, 1958.С.21-23.
2. Ибрагимов Муса М., Ибрагимов И.М. Национально-государственное и конституционное развитие чеченского народа и вклад А.А. Кадырова в этот процесс//От беззакония и хаоса – к порядку и закону (Об исторической роли Ахмат-Хаджи Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики) Материалы региональной научно-практической конференции. Отв. ред.: Гапуров Ш.А., Магомадов С.С., Мамаев Х.М.. Грозный, Изд-во АН ЧР. 2010. С. 144-145.
3. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 2. История Чечни XX и начала XXI вв. Грозный, 2008. С. 724.
4. Гумашвили Л.Э. и др. Становление и конституционное развитие Чеченской Республики в постсоветское время. Грозный, 2009. С.35.
5. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 731.
6. URL: www. rg.ru›anons/arc_1999/1126/22.htm 10.03.2013 г.

РАЗДЕЛ IV. ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ И КУЛЬТУРЫ

УДК 93/94 (470.67)

БЕССМЕРТНЫЕ ИДЕИ В КАВКАЗСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО

Гапуров Шахрудин Айдиевич
доктор исторических наук, профессор,
Президент Академии наук Чеченской Республики,
заведующий кафедрой новой и новейшей истории ФГБОУ ВО «ЧГУ»
gapurov2011@mail.ru

Саралиева Лиана Шахрудиновна
с. н. с. отдела истории народов Северного Кавказа ИГИ АН ЧР

Гапурова Мадина Шахрудиновна
с. н. с. отдела истории народов Северного Кавказа ИГИ АН ЧР

Аннотация: *В статье рассматриваются вопросы гуманистических идей великого русского писателя и философа Льва Николаевича Толстого, оказавшего огромное влияние на развитие литературы и культуры народов Кавказа и России в целом.*

Становление Л.Н.Толстого как писателя началось на Кавказе, на территории современной Чеченской Республики. Именно Кавказ оказал огромное влияние на формирование Льва Николаевича, как писателя. Здесь, под влиянием жестокостей Кавказской войны, сложились основы его философского учения о ненасилии. Кавказских реалий середины XIX века приводят его к мысли отрицания войны и насилия, как способу решения проблем человеческого бытия. Идеи Л.Н. Толстого о мире и дружбе между людьми, о ненасилии получили поддержку не только в России; они разошлись по всему миру. Достаточно вспомнить идеологию гандизма в Индии, идеи Мартина Лютера Кинга в США. В их основе – теория ненасилия Л.Н. Толстого. Гуманистические идеи великого русского писателя актуальны и сегодня, они продолжают работать на дело мира и в сегодняшней России.

Ключевые слова: *Л.Н. Толстой, Кавказ, Чечня, Х. Загибов, гуманистические идеи, философское учение о ненасилии, куначество.*

Лев Николаевич Толстой. Великий русский писатель и философ. И в этом славном качестве широко известный во всем мире. Вершина русской литературной и гуманистической мысли. Писатель, оказавший огромное влияние на развитие литературы и культуры народов Кавказа и России в целом.

Становление Л.Н.Толстого как писателя началось на Кавказе, точнее, на территории современной Чеченской Республики. Кавказ оказал огромное влияние на формирование Льва Николаевича, как писателя. Именно здесь, под влиянием жестокостей Кавказской войны, сложились основы его философского учения о ненасилии. Именно под влиянием кавказских реалий середины XIX века он приходит к отрицанию войны и насилия, как способу решения каких-либо проблем. Идеи Л.Н. Толстого о мире и дружбе между людьми, о ненасилии получили поддержку не только в России; они разошлись по всему миру. Достаточно вспомнить идеологию гандизма в Индии, идеи Мартина Лютера Кинга в США. В их основе – теория ненасилия Л.Н. Толстого. Гуманистические идеи великого русского писателя актуальны и сегодня, они продолжают работать на дело мира и в сегодняшней России. В подтверждение этого нам хотелось привести отрывок из сочинения ученицы 10 класса СОШ № 6 Нефтекумского района Ставропольского края Лены Кисляковой, написанной вскоре после окончания второй «чеченской кампании», в начале XXI века: «Есть человек, который в течение двух Чеченских войн – среди крови, грязи и трупов, среди бесконечных бомбардировок, артобстрелов, терактов и зачисток – СОХРАНИЛ (так в тексте. – Авт.) невредимым музей Льва Толстого в станице Старогладковская. Именно в этой чеченской станице молодой русский офицер Лев Толстой, проходивший службу на Кавказе, написал «Детство», «Отрочество», «Юность». То есть – по сути – именно в этой станице он и стал писателем.

А теперь представим – ВОЙНА.

Ежедневные взрывы, кровь, грязь, развороченные трупы…
То боевики, то федералы… Звери – и те, и другие…
Есть ли кому-то какое-то дело до какого-то жалкого музея???
Ну, не стало бы его – никто бы и не заметил – война.

А этот человек – чеченец по национальности – Хусайн Хасуевич Загибов – десять лет – ДЕСЯТЬ лет спасал маленький музей русского писателя Льва Толстого. И – спас. Такое бывает. Когда в станицу

Старогладковская вошла наша Тульская дивизия, этот директор музея добился встречи с комдивом. Не знаю, что он ему рассказал, только генерал в тот же день звонил в Москву, орал, чуть ли не матом, и выбил хоть какие-то деньги для музея и гуманитарную помощь для села.

И еще. Во время войны, естественно, все учителя разбежались…

И чеченец Хусайн Хасуевич пошел в школу преподавать русский язык. Так что в станице Старогладковской не прекращались уроки русского языка ,даже во время войны. И нет в этой станице вражды между русскими и чеченцами.

А есть действующий музей Льва Толстого. И человек по имени Хусайн, влюбленный в русскую культуру. И – делающий свое дело. Несмотря ни на что. Вот так.»[1].

Низкий поклон этой девочке, Елене Кисляковой и руководителю ее реферата - И.В. Краюшкиной. Именно на таких людях (Х.Х. Загибов, Е. Кислякова, И.В. Краюшкина и их единомышленники) и держатся российская культура и межнациональный мир в России.

Геополитические, стратегические и национальные интересы привели Россию в середине XVI в. к рубежам Северного Кавказа. Россия и русские стали знакомиться с новым миром, с носителями совершенно иной культуры, иного мировосприятия. Регион Северного Кавказа, занимающий чрезвычайно важное стратегическое месторасположение, выходящий к берегам Черного и Каспийского морей, был для России «мостом» в Азию. Только укрепившись на Северном Кавказе, можно было «прорываться» в богатый восточный мир.

С середины XVI века, в силу взаимной заинтересованности России и северокавказских горцев, началось создание российско-горского военно-политического союза. Все это зародилось и развивалось благодаря ведущей тенденции (или идее) в политике России на Кавказе, которую так отразил русский философ Иван Ильин: «Не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем дыхание и великую Родину всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство»[2]. К сожалению, в проведении этого курса на Кавказе Россия не всегда была последовательной и тогда в российско-северокавказских взаимоотношениях возникали сложности и конфликты.

К концу XVIII в. позиции России на Северном Кавказе укрепились, одновременно ослабли позиции ее противников в борьбе за ре-

гион (имеются в виду Османская империя, Иран и Крымское ханство). В результате к концу XVIII века большая часть Северного Кавказа считалась уже в подданстве России. Однако после окончания войны с наполеоновской Францией Россия, с началом кавказского наместничества генерала А.П. Ермолова, стала ускоренно устанавливать свою власть жесткими, военными методами. Горцы ответили на это в 1818 году массовым восстанием, получившим название Кавказской войны.

Кавказ оказал огромное воздействие на творчество многих талантливых русских писателей и поэтов, особенно участников Кавказской войны. Белинский так писал об этом: «Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем их музы, поэтической их родиной! Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм - «Кавказского пленника», и одна из последних его поэм «Галуб» тоже посвящена Кавказу. Грибоедов создал на Кавказе свое «Горе от ума». И вот является новый талант (речь идет о М.Ю. Лермонтове, но эти слова равно могут быть отнесены и к Л.Н. Толстому. - Авт.) - и Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно любимой им; на недоступных вершинах Кавказа, венчанных вечным снегом, находит он свой Парнас; в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой Кастальский ключ, свою Иппокрену...»[3].

Великий русский писатель Л.Н. Толстой, совесть и честь русского народа, был непосредственным участником русско-горской трагедии XIX в., вошедшей в историю под названием Кавказская война. Величайший художник слова, глубоко совестливый человек, Лев Николаевич прежде всего обращал внимание на горе и страдания людей, которыми сопровождалась эта война, стремился философски осмыслить ее причины, дать ей объяснение, одновременно сопереживая страдающим. А Кавказская война в этом плане, увы, давала очень много «пищи», «материала» для размышлений.

Огромное впечатление на молодого писателя и офицера (ему было всего 23 года, когда он в 1851 году прибыл на Кавказ) произвела прекрасная кавказская природа, величавые горы, на фоне которых жестокая Кавказская война казалась непередаваемой дикостью, анахронизмом. В повести «Казаки» юный герой Л.Н. Толстого Оленин размышляет: «Все мечты о будущем соединялись с образами Амалат-беков, черкешенок, гор, обрывов, страшных потоков и опасностей. Все это представляется смутно, неясно; но слава, заманивая, и смерть,

угрожая, составляет интерес этого будущего. То с необычайной храбростью и удивляющего всех силой он убивает и покоряет бесчисленное множество горцев, то он сам горец и с ними вместе отстаивает против русских свою независимость»[4].

Но, «как бы ни были живописны кавказские пейзажи, как ни привлекательны горы, главный интерес для Толстого представляли люди: аборигены Кавказа – чеченцы, кумыки, даргинцы, аварцы и адаптировавшие с ними за два века добрососедства казаки, а также колонисты, осевшие здесь вместе с семьями солдат регулярных российских войск»[5].

Представления о Кавказе в российском обществе первой половины - середины XIX в. были довольно смутными. Это была далекая окраина, «теплая Сибирь», где вечно лилась кровь и военные действия шли, не прекращаясь, более полувека. Вот как писал об этом известный российский лингвист-кавказовед Х1Х в. П.К. Услар: «Горцев не могли мы себе представить иначе как в виде людей, одержимых каким-то беснованием, чем-то вроде воспаления в мозгу, - людей, режущих направо и налево, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся. И было время, когда эти неистовые чада нашей поэтической фантазии приводили в восторг часть русской читающей публики…»[6].

Вряд ли можно было говорить о каких-либо симпатиях к «немирным черкесам» в российском обществе в таких условиях. Просвещенная же часть общества больше знала о Кавказе по произведениям Пушкина, Бестужева-Марлинского, Лермонтова. Они же писали об этом крае в восторженно-романтическом духе. И у молодого Л.Н. Толстого представления о Кавказе были «бестужево-марлинскими». Одни русские офицеры и «вольноопределяющиеся» ехали на Кавказ за романтикой, за экзотикой, за чинами, весьма мало интересуясь собственно этой страной и ее жителями, их проблемами. И очень быстро теряли свой романтизм в тяжелых кавказских буднях, с их неустроенным бытом, постоянными военными стычками. В «Рубке леса», в разговоре с капитаном Розенкранцом, Л.Н. Толстой так описывает это «перерождение» «романтиков» в озлобленных, растерянных людей: «Для чего же вы пошли служить на Кавказ, - сказал я, - коли Кавказ вам так не нравится?

- Знаете, для чего, - отвечал он с решительной откровенностью, - по преданию. В России ведь существует престранное предание про Кавказ: будто это какая-то обетованная земля для всякого рода несча-

стных людей.

- Да, это правда, - сказал я, - большая часть из нас...

- Но что лучше всего, - перебил он меня, - что все мы, по преданию едущие на Кавказ, ужасно ошибаемся в своих расчетах, и решительно я не вижу, почему вследствие несчастной любви или расстройства дел скорее ехать служить на Кавказ, чем в Казань или в Калугу. Ведь в России воображают Кавказ как-то величественно, с вечными девственными льдами, бурными потоками, с кинжалами, бурками, черкешенками, - все это страшное что-то, а в сущности, ничего в этом нету веселого...

- Да, - сказал я, смеясь, - мы в России совсем иначе смотрим на Кавказ, чем здесь. Это испытывали ли вы когда-нибудь? Как читать стихи на языке, который плохо знаешь: воображаешь себе гораздо лучше, чем есть?

- Кавказ обманул меня. Все то, от чего я, по преданию, поехал лечиться на Кавказ, все приехало со мною сюда, только с той разницей, что прежде все это было на большой лестнице, а теперь на маленькой, на грязненькой, на каждой ступеньке которой я нахожу миллионы маленьких тревог, гадостей, оскорблений; во-вторых, оттого, что я чувствую, как я с каждым днем морально падаю ниже и ниже...»[7].

Но молодой «вольноопределяющийся» Л.Н. Толстой был из той плеяды русской интеллигенции, которая стремилась разобраться в сущности кавказских событий, относясь без изначального предубеждения к Кавказу и к самим кавказцам. Лев Николаевич прибыл на Кавказ, чтобы познать его, а не ради чинов и увеселений. С первых же дней пребывания на Кавказе (а жил он на территории современной Чеченской Республики) Л.Н. Толстой начал изучать кумыкский (как его тогда называли – «татарский») язык, бывший тогда языком межнационального общения в регионе, записывать чеченские народные песни и предания, знакомиться с чеченскими традициями и обычаями**.** Несомненно, в этом деле (т.е., в познании чеченской культуры) Л.Н. Толстому помогла его дружба с чеченцами, особенно с Садо Мисербиевым и Балтой Исаевым. В дневниковой записи от 25 августа 1851 г. он писал: «…Приехал Садо, я ему очень обрадовался. Часто он доказывал мне свою преданность, подвергая себя разным опасностям для меня; у них это считается за ничто – это стало привычкой и удовольствием». В другой дневниковой записи он пишет: «Ко мне приехал брат с Балтою», «Завтра – в Хамамат-Юрт (чеченский аул

близ Старого Юрта, где одно время жил Толстой. – Авт.): постараюсь внушить им (чеченцам.- Авт.) уважение», «После обеда писал, пришел Дурда…»[8]. Две чеченские песни – «Высохнет земля на могиле моей» и «Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой» - взятые из «Сборника сведений о кавказских горцах», Л.Н. Толстой ввел в повесть «Хаджи-Мурат».

Кавказ сыграл огромную роль в развитии русской культуры XIX-XX вв., особенно в развитии литературы. В творчестве гениальных художников слова отразились не только картины природы, пейзажи гор и степей, удивительные по своей красоте, но и образы людей, живших на древней кавказской земле, их обычаи и традиции, а также яркие исторические события, происходившие здесь.

Знакомство с Кавказом у Толстого начинается с гребенских казаков. История терско-гребенского казачества, этого уникального явления в истории России, по-настоящему увлекла молодого офицера. Для Толстого казаки стали порождением взаимодействия и взаимовлияния двух культур - русской и кавказской. Толстой глубоко заинтересовался терскими казаками и стал их настоящим этнографом. Особо интересно то, что по мнению писателя, беглые русские люди селились на чеченской земле, жили, по-соседски с чеченцами, перенимали их традиции и обычаи. «На этой плодородной лесистой и богатой растительностью полосе живет с незапамятных времен воинственное, красивое и богатое староверческое русское население, называемое гребенскими казаками, - пишет Л.Н. Толстой. - Очень, очень давно предки их, староверы, бежали из России и поселились за Тереком, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки переродились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру. Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими, и любовь к свободе, праздности, грабежу и войне составляет главные черты их характера. Влияние России выражается только с невыгодной стороны: стеснением в выборах, снятием колоколов и войсками, которые стоят и проходят там». А то, что Л.Н. Толстой пишет дальше, требует особого внимания, отражает философию самого писателя и особенно актуально в виду сегодняшних северокавказских реалий: «Казак, по влечению, менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу, но который закурил табаком его хату. Он уважает врага-горца, но прези-

рает чужого для него и угнетателя солдата. Собственно, русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо, которого образчик он видал в заходящих торгашах и переселенцах малороссиянах, которых казаки презрительно называют шаповалами. Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски»[9]. Очень хотелось бы, чтобы казаки (кубанские, терские) сегодняшнего Северного Кавказа почаще читали бы Л.Н. Толстого, чтобы не забыть историю взаимоотношений своих предков с горцами.

Подавляющая масса российской интеллигенции, офицерского корпуса, чиновничества поддерживала планы правительства относительно присоединения Кавказа к России. Тут сомневающихся практически не было. Но прогрессивная часть российского общества была против насильственных методов осуществления этого процесса, полагая, что это нужно делать через просвещение горцев, приобщения их к русской культуре, путем широкого применения экономических методов. Представители этой части русского общества считали, что горцам нужно на деле показать преимущества пребывания в составе Российского государства. Вполне понятно, что они были против кровавых реалий Кавказской войны. Л.Н. Толстой же, как известно, столкнувшись с ужасами российско-горского противостояния в первой половине XIX в., стал вообще отрицать убийства, войну как способ решения каких-либо проблем. Глядя на казака Лукашку, который радуется тому, что он убил чеченца, плывшего через Терек, Толстой рассуждает в повести «Казаки»: «Что за вздор и путаница? Человек убил другого (как видим, для Л.Н. Толстого чеченец - такой же человек, как и казак, имеющий такое же право на жизнь, как и другие россияне. - Авт.), и счастлив, доволен, как будто сделал самое прекрасное дело. Неужели ничто не говорит ему, что тут нет причины для большой радости? Что счастье не в том, чтобы убивать, а в том, чтобы жертвовать собой?»[10].

Будучи уже прославленным писателем, в зрелом возрасте, Л.Н. Толстой писал, что на Кавказе стал думать так, как только один раз в жизни люди имеют силу думать и что никогда, ни прежде, ни после не доходил до такой высоты мысли.

Видимо, именно с этой «высоты мысли», наблюдая за ужасами Кавказской войны, у Л.Н. Толстого и зародились идеи ненасилия,

превратившиеся позже в весьма стройную философскую теорию. «Война – такое несправедливое и дурное дело, - отмечает он, - что те, которые воюют, стараются заглушить в себе голос совести»[11]. И тут интересен тот факт, что отдельные элементы теории ненасилия Л.Н. Толстого совпадали с религиозным учением шейха Мансура, руководителя народно-освободительного движения в Чечне и на Северном Кавказе в конце XVIII в. Текст повести «Хаджи-Мурат» четко показывает, что Л.Н. Толстой был знаком с этим учением. Толстой описывает разговор горцев, которые сопровождали Хаджи-Мурата во время его пребывания у русских: «Святой был не Шамиль, а Мансур. - сказал Хан-Магома. - Это был настоящий святой. Когда он был имамом, весь народ был другой. Он ездил по аулам, и народ выходил к нему, целовал полы его черкески и каялся в грехах, и клялся не делать дурного. Старики говорили: тогда все люди жили, как святые, - не курили, не пили, не пропускали молитвы, обиды прощали друг другу, даже кровь прощали. Тогда деньги и вещи, как находили, привязывали на шесты и ставили на дорогах. Тогда и бог давал успеха народу во всем, а не так, как теперь, - говорил Хан-Магома»[12].

Л.Н. Толстой в «Хаджи-Мурате» выступает как исследователь Кавказской войны. Он показывает, что к началу 50-х годов XIX в. чеченское население безмерно устало от бесконечной войны и искало пути примирения с российской властью. Другой вопрос, что эта власть не особенно шла навстречу подобным стремлениям горцев, требуя безусловной покорности. «...Много аулов чеченских сожжены и разорены, и переменчивый, легкомысленный народ, чеченцы (Толстой передает размышления Шамиля. - Авт.) колеблются, и некоторые уже готовы перейти к русским...»[13].

Действительно, к началу 1850-х годов определенная часть чеченского населения, поставленная в чрезвычайно тяжелое положение и уже мало верившая в победу Шамиля, начала склоняться к прекращению сопротивления и признанию российской власти. Их «главнейшие старшины» начали вступать в переговоры с командующим Левым флангом Кавказской линии генералом А.И. Барятинским об условиях принятия российского подданства. Шамиль не мог допустить развития этой тенденции: она была чрезвычайно опасна для имамата. В марте имам созвал совещание чеченских старшин. «Хитрый дипломат» сумел их убедить в необходимости и возможности продолжения борьбы с Россией (да и кто посмел бы открыто возражать имаму: это было небезопасно для жизни). Было принято реше-

ние переселиться в горы. По приказу Шамиля по Джалке, Сунже и Гудермесу были расставлены сильные караулы, чтобы не допустить переселения чеченцев на подконтрольные российским властям земли (выходит, желающих переселиться было немало). Одновременно шамилевские отряды были отправлены в чеченские селения для переселения их жителей в горы. «...Сопротивляющихся приказано было предавать смерти». «Цветущая многочисленным населением и богатая произведениями природы плоскость Большой Чечни обратилась в пустыню и все пространство от большой русской дороги до Аргуна и Сунжи, по объявлению самого Шамиля, добровольно предоставлено нашей власти»[14]. Подобные действия усиливали недовольство чеченцев властью Шамиля. Они могли в какой-то мере оттянуть во времени гибель имамата, но предотвратить ее уже не могли. В целом же они лишь увеличивали страдания и жертвы чеченского населения.

Казалось бы, Крымская война, отвлекшая военные силы и внимание Петербурга с Кавказского фронта, должна была способствовать восстановлению и даже усилению позиций Шамиля на Северо-Восточном Кавказе. Однако этого не произошло. Чечня и Дагестан, предельно истощенные и ослабленные многолетней войной, уже не были способны на новый всплеск военной активности. Н.И. Покровский подчеркивал по этому поводу: «Ни Крымская война, ни смелые шамилевские вторжения в Грузию, ни наконец, предприятия имама в самой Чечне не могли спасти последнюю (имамат. - Авт.) от медленно, но верно приближавшегося падения ее обороноспособности. Для имамата это было печальным предзнаменованием»[15]. Р.А.Фадеев в свое время также отмечал:«. ...Решимость обществ, над которыми больше всего разражались наши удары, уже колебалась, особенно в Чечне, менее фанатической, чем другие племена»[16]. Внутри имамата уже действовали центробежные силы, разрушавшие его. Политика верхушечных слоев чеченского общества все сильнее порывала с демократией сороковых годов XIX в.; все ярче выступало на первый план своекорыстие, стремление усилить эксплуатацию, восстановить феодальные отношения. Недовольство у чеченцев вызывали и частые сборы продовольствия для нужд имамата, постои войск Шамиля в аулах, перемещения населенных пунктов с равнины в горы по приказу имама. В это же время все сильней становится стремление верхушки чеченского общества и окружения Шамиля к соглашению с российской властью. Виднейшие деятели имамата в Чечне и в Дагестане (Бота Шамурзаев, Хаджи-Мурат и др.) переходили на сторону Рос-

сии. К тому же в горском обществе все сильнее сказывалась необходимость восстановления экономических связей с Россией [17].

Л.Н. Толстой показывает в «Хаджи-Мурате», что Шамиль прекрасно понимал, какую опасность для его государства - имамата - представляет наметившаяся тенденция перехода равнинных чеченцев на русскую сторону - «все это было тяжело, против этого надо было принять меры»[18]. В качестве одной из мер было и обращение Шамиля к чеченцам, которое приводит Л.Н. Толстой: «Желаю вам вечный мир с Богом всемогущим. Слышу я, что русские ласкают вас и призывают к покорности. Не верьте им и не покоряйтесь, а терпите. Если не будете вознаграждены за это в этой жизни, то получите награду в будущей. Вспомните, что было прежде, когда у вас отбирали оружие. Если бы не вразумил вас тогда, в 1840 году, Бог, вы бы уже были солдатами и ходили вместо кинжалов со штыками, а жены ваши ходили бы без шаровар и были бы поруганы. Судите по прошедшему о будущем. Лучше умереть во вражде с русскими, чем жить с неверными. Потерпите, я с Кораном и шашкою приду к вам и поведу вас против русских. Теперь же строго повелеваю не иметь не только намерения, но и помышления покоряться русским»[19]. Однако никакие обращения и даже наказания со стороны Шамиля не могли остановить наметившийся процесс отхода уставших от войны горцев от имама. Проявлением этого процесса был и переход Хаджи-Мурата на российскую сторону.

Хаджи-Мурат, знаменитый наиб Шамиля, имел огромный авторитет в Дагестане и в Чечне. Наибы Шамиля Ташу-Хаджи и Юсуф-Хаджи, безосновательно снятые имамом от своих должностей, не стали вступать в конфронтацию с Шамилем, чтобы не нанести вред народно-освободительной борьбе горцев, не расколоть их ряды. Они отстранились от активного участия в делах имамата, принеся в жертву общему делу собственные идеалы и военно-политическую карьеру. Хаджи-Мурат по характеру был другой человек и он вступил в открытую борьбу с Шамилем. Хотя, объективности ради, следует отметить, что имам сам загнал этого наиба в угол. Когда Хаджи-Мурат, снятый с должности наиба, лишенный своего имущества, в поисках собственной безопасности, попытался уйти в чеченское селение Гехи, где жили родственники его жены (которые, безусловно, не дали бы его тронуть никому), Шамиль не разрешил ему и этого. Имам опасался, что Хаджи-Мурат, используя свои родственные связи, сумеет укрепиться в Чечне (где уже было немало недовольных диктатом Ша-

миля) и начнет борьбу против него. Хаджи-Мурат не захотел смириться. И имам решает уничтожить его. 20 ноября 1851 г. в чеченском селении Автуры Шамиль проводит собрание ученых-богословов. «По всей вероятности, для проведения съезда не случайно было выбрано чеченское село. Решать вопрос о судьбе известного дагестанца лучше и безопаснее было в окружении чеченцев. Любая попытка оправдать Хаджи-Мурада здесь была бы пресечена беспрекословно, в то время как в Дагестане Шамиль не мог бы рассчитывать на единодушие в решении данного вопроса»[20].

Имам обвинил непокорного наиба в пособничестве русским и в попытке захвата власти в имамате (говоря современным языком - в попытке государственного переворота). Делегаты собрания, с которыми, безусловно, была проведена соответствующая «предварительная работа», вынесли (по настоянию Шамиля) Хаджи-Мурату смертный приговор[21]. То есть имам буквально вынудил Хаджи-Мурата искать спасения на российской стороне. 25 ноября 1851 года этот наиб, один из наиболее авторитетных в горской среде, переходит на сторону российского командования. Раскол в лагере Шамиля углубляется все больше и больше.

В повести же «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстой приводит заседание Совета Шамиля по обсуждению вопроса о действиях против Хаджи-Мурата после его перехода к русским: «Дело это было очень важное для Шамиля. Хотя он и не хотел признаваться в этом, он знал, что, будь с ним Хаджи-Мурат со своей ловкостью, смелостью и храбростью, не случилось бы того, что случилось теперь в Чечне (речь идет об очередном поражении Шамиля от российских войск. - Авт.). Помириться с Хаджи-Муратом и опять пользоваться его услугами было бы хорошо; если же этого нельзя было, все-таки нельзя было допустить того, чтобы он помогал русским. И потому, во всяком случае, надо было вызвать его и, вызвав, убить его. Средство к этому было или то, чтобы подослать в Тифлис такого человека, который бы убил его там, или вызвать сюда и здесь покончить с ним. Средство для этого было одно - его семья, и главное - его сын, к которому, Шамиль знал, что Хаджи-Мурат имел страстную любовь. И потому надо было действовать через сына»[22].

Как известно, Хаджи-Мурат не поддастся на эту уловку Шамиля и попытается бежать из русского лагеря, надеясь спасти свою семью. Во время попытки бегства он будет убит.

Л.Н. Толстой, великий писатель, мечтавший сделать счастливы-

ми всех людей, делать добро, не просто пацифистски осуждает войну на Кавказе. Он пытается определить с нравственных позиций, кто прав в этом традиционном и жестоком способе решения спорных вопросов. В одном из вариантов «Набега», после явно рассчитанной для цензуры фразы о том, что «в войне Русских и Горцами справедливость, вытекающая из чувства самосохранения, на нашей стороне», он пишет: «Но возьмем два частных лица. На чьей стороне чувство самосохранения, и, следовательно, справедливость: на стороне ли того оборванца, какого-нибудь Джеми, который, услыхав о приближении Русских, с проклятием снимает со стены старую винтовку и с тремя, четырьмя зарядами в заправах, которые он выпустит не даром, побежит навстречу гяурам; который, увидев, что русские все-таки идут вперед, подвигаются к его засеянному полю, к его сакле, которую сожгут, и к тому оврагу, в котором, дрожа от испуга, спрятались его мать, жена, дети, подумает, что все, что только может составит его счастье, все отнимут у него, - в бессильной злобе, с криком отчаяния, сорвет с себя оборванный зипунишко, бросит винтовку на землю и, надвинув на глаза папаху, запоет предсмертную песню и с одним кинжалом в руках, очертя голову, бросится на штыки русских? На его ли стороне справедливость, или на стороне того офицера, состоящего в свите генерала, который так хорошо напевает французские песенки именно в то время, как проезжает мимо нас? Он имеет в России семью, родных, друзей, крестьян и обязанности в отношении их, не имеет никакого повода и желания враждовать с горцами, а приехал на Кавказ…так, чтобы показать свою храбрость… Или на стороне моего знакомого Адъютанта, который желает только получить поскорее чин капитана и тепленькое местечко и по этому случаю сделался врагом горцев»[23]. В продолжение этой своей мысли Л.Н. Толстой, как автор, после описания разрушения горского аула, грабежей, убийств местного населения, спрашивает карабинера, убившего чеченскую женщину с ребенком на руках: «Карабинер, зачем ты это сделал? Что бы ты сказал, если бы напали на твою жену и ребенка»[24].

Известный чеченский литературовед К.Б. Гайтукаев отмечает: «Есть имена, которые человечество хранит во времени и пространстве. Не будет преувеличением сказать, что среди них на почетном месте и имя великого русского писателя и мыслителя Льва Николаевича Толстого. …Страстный поборник правды и справедливости, проповедник гуманизма, мира и согласия между народами и столь же страстный борец с ложью, общественной и державной, Лев Николаевич

Толстой свой путь мастера художественного слова начинал на Кавказе, если еще конкретнее – в Чечне»[25]. Действительно, именно в период пребывания Л.Н.Толстого на территории современной Чеченской Республики в середине Х1Х в. написаны лучшие произведения писателя на кавказскую тематику. Именно тогда, наблюдая за дикими жестокостями Кавказской войны, у великого русского писателя и оформились основы его теории ненасилия, которая оказала огромное влияние на все дальнейшее развитие мировой литературы и философии.

Таким образом, Л.Н. Толстой, современник и участник Кавказской войны, в своих «кавказских» произведениях затронул ряд важных аспектов этой трагедии, выступив не только в качестве писателя, но и как этнограф, историк и философ.

Упомянутая нами в начале статьи Е. Кислякова в своем реферате пишет: «Отношение Толстого к чеченской культуре, его дружеские чувства к чеченцам остались в благодарной памяти народа. Уже несколько поколений в Чечне читают его произведения, которые начали переводиться на чеченский язык в 30-е годы прошлого столетия. А в станице Старогладовской, где жил Толстой, в школе, носящей его имя, действует и сейчас музей великого русского писателя»[26].

Включение горских народов в состав России наложило неповторимый отпечаток на русскую культуру – литературу, искусство, общественную мысль. Между культурой передовой России и народов Кавказа, и прежде всего, Северного Кавказа, происходило взаимообогащение. В то же время российская культура расширила горизонты познания, внесла мощную струю новых впечатлений в жизнь народов Кавказа, в том числе, конечно, и в духовную жизнь. В сложной и глубоко противоречивой действительности того времени многостороннее влияние русской культуры значительно усилило позитивные черты национальной культуры народов Северного Кавказа и ослабляло влияние феодальных порядков[27].

Литература

1. http://kaluqin.livejournal.com/23413.html?thread=730997.
2. Цит. по: Слова, меняющие мир. Ключевые цитаты Владимира Путина. М., 2015. С. 123
3. Белинский В.Г. Полн. Собр. Соч. Т. 4. М.-Л., 1953-1956. С. 543.
4. Толстой Л.Н. Повести и рассказы. Л.. 1969. С. 159.
5. Гайтукаев К.Б. Л.Н. Толстой и северокавказцы //Нана. Грозный, 2018, №3. С.

6. Услар П.К. Народные сказания кавказских горцев //ССКГ. Тифлис, 1886. Вып. 1. Отд. 3. С. 27.
7. Толстой Л.Н. Повести и рассказы. С. 144-145.
8. Там же. С. 631.
9. Там же. С. 394.
10. Там же. С. 463.
11. Там же. С. 461.
12. Там же. С. 594.
13. Там же. С. 629.
14. Егоров М. Действия наших войск в Чечне с конца 1852-го по 1854 год //Кавказский сборник. Тифлис, 1895. Т. 16. С. 404.
15. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 451.
16. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны //Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003. С. 75.
17. Покровский Н.И. Указ. соч. С. 452.
18. Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 629.
19. Там же. С. 631.
20. Вачагаев М. Чечня в Кавказской войне XIX в.: события и судьбы. Киев, 2003. С. 208.
21. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 410. Л. 1.
22. Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 631.
23. Цит. по: Кавказ и Л. Толстой. 1898-1923. Владикавказ, 1928. С. 234-235.
24. Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 395.
25. Гайтукаев К.Б. Л.Н. Толстой и северокавказцы //Нана. Грозный, 2018, №3. С. 6.
26. http://kaluqin.livejournal.com/23413.html?thread=730997.
27. Документальная история образования многонационального государства Российского. В 4 кн. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX вв. М., 1998. С. 78.

УДК 94(479.24)

ГОРОД БАРДА КАК ОДИН ИЗ КУЛЬТУРНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ КАВКАЗА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Гаджиев Гасым Ахад оглу
доктор исторических наук, заведующий отделом армяноведения
Института Кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана

Аннотация: *Анализируется проблема древних городов и средневековых памятников Азербайджанской Республики, которая имеет богатую историю и древнюю культуру. Это культура связывает государства и народы целых регионов, в частности Кавказа. Город Барда прошел большой исторический путь в политическом, экономическом и культурном развитии. Об истории Барды существуют многочисленные письменные источники, археологические и других материалы с IV в. до н.э. по XIX в. н.э.*

Ключевые слова: *Кавказ, Азербайджан, Карабахский регион, памятники, город Барда.*

В центральной части Азербайджанской Республики, на Карабахской равнине стоит город Барда, последняя столица древней Кавказской Албании (ныне Азербайджан), а сегодня прекрасный современный город.

Барда как город и регион, прошел большой исторический путь в ходе политического, экономического и культурного развития. Об истории Барды существуют многочисленные письменных источники, археологические и других материалы с IV в. до н.э. по XIX в. н.э.

1. Барда – один из древнейших городов Азербайджана, в том числе и всего Кавказа.

Город сформировался в античный период в центре провинции Ути - между реками Кура и Тертер. Становление города Барда базировалось на развитии сельского хозяйства, ремесленного производства, торговли и торговых связей. В средние века Барда имела важное стратегическое значение и соответственно мощные оборонительные сооружения. В V в. резиденция политико-административной власти большого региона была перемещена в этот город. Город Барда стала столицей Албанского государства. В те времена в городе жили и руководили государством Албании Вече II, Вачаган III, Вараз-Григор, Джаваншир; здесь также жили известные деятели того времени Виро, Нерсес и другие[22].

В общем и в целом, в средние века город Барда, находился в центре политической, экономической и культурной жизни страны. Государство Албания проводила независимую политику, имела конкретное административное деление, сложившиеся веками границы, внутреннюю государственную структуру, военную силу и денежную систему. Монеты Албанского государства чеканились в Барде и были распространены далеко за ее пределами. В тот период большое внимание уделялось также развитию языка, письменности, просвещению и другим сферам культуры.

В период развитого средневековья Барда имела богатую городскую культуру. IX в. - первая половина X в., являются периодом ее прогресса и процветания. Огромный город имел мощные защитные сооружения, плановую городскую структуру, одно-двухэтажные жилые и административные здания, дворцы, храмы, мечети, караван-сараи, бани, систему водоснабжения, канализационную систему и комплекс других коммунальных услуг. Все перечисленное свидетельствует о высоком уровне культуры градостроительства того времени.

Город Барда славился на Ближнем и Среднем Востоке как один из крупных ремесленных, торговых, культурных центров. Его называли «Матерью Аррана (Албания)», сравнивали с такими известными городами Востока, как Рей, Исфахан, Багдад и др. В те времена в Барде выросли целые поколения ученых и мыслителей. Выходцы из Барды обучались разным наукам в соседних мусульманских странах, где обогатили и усовершенствовали свои знания. Многие из них оставались в городах, где получали образование, творили под псевдонимом «Бардаи».

Барда, как город неоднократно подвергался разрушениям, терял былую славу, но быстро восстановливался как культурный и экономический центр.

2**.** Барда как один из экономическо-торговых и культурных центров всего Кавказа.

Большинство историков сходятся во мнении, что уже в начале I тыс. до н.э. смог сложиться племенной союз, послуживший основой обширного Албанского государства, границы которого на западе доходили до реки Алазани, на востоке – до Каспийского моря, на юге – до Аракса, а на севере – до Кавказского хребта.

Территория Кавказской Албании, лежавшей на Великом шелковом пути, была неизменно предметом завистливых притязаний других государств и прежде всего Римской империи, стремившейся кон-

тролировать эту международную торговую трассу.

Земли Кавказской Албании отличались плодородием, что отмечают многие античные авторы. Земледельцы временами собирали в год по два урожая пшеницы, ячменя и проса. Традиционным было и занятие скотоводством. Но особенных достижений жителям Албании удалось добиться на поприще ремесел. Здесь изготавливали изысканные украшения из золота, делали посуду из стекла. Славились и албанские ткачи, которые вырабатывали красивые шерстяные и льняные ткани. Кавказская Албания чеканила и свою монету. Изготавливаемые здесь товары вывозились в другие страны.

Раннюю Кавказскую Албанию можно с полным на то основанием называть «страной городов». Греческий географ и астроном Клавдий Птолемей, творивший в начале II века, на одной из своих карт на территории Албании указал 29 городов и больших поселений. К сожалению, практически все они были полностью разрушены, и теперь только кропотливая работа археологов может помочь хоть что-то узнать об их жизни. Столицей Кавказской Албании была Кабала (сейчас Габала). Здесь жили албанские цари, здесь же находился и религиозный центр страны. В VI в., когда Албания попала под власть персидской династии Сасанидов, столица была перенесена в Барду[8].

Новый, более высокий статус в немалой степени способствовал дальнейшему процветанию города. Его окружала высокая стена, сооруженная из обожженного кирпича и укрепленная мощными башнями. У подножия стен был выкопан глубокий ров. В самой Барде усилиями её правителей воздвигались общественные здания, мостились улицы, был проложен водопровод. Не редкостью в городе были двухэтажные дома. Ремесленники Барды изготавливали посуду и ювелирные изделия из драгоценных металлов, которые высоко ценились на рынках других стран.

Археологические данные говорят о тесных связях Барды с другими племенами и народами Закавказья, Переднеазиатского Востока, с Малой Азией, Сирией, Египтом, областями Эгейского мира, а также с Северным Кавказом, Предкавказьем, Поволжьем, Северным Причерноморьем и Восточной Европой [6, с. 15;8;14, с. 101;15; 21, с. 35; 25, с. 27-29;26].

Археологи обращают внимание на тот факт, что к концу I тыс. до н.э. на территории Кавказской Албании сложилась культура во многом родственная, а в некоторых элементах тождественная той, что была и на остальной территории современного Азербайджана. Её

следы и знаки можно обнаружить в орудиях труда и в формах оружия, в керамике, изображениях на сосудах, найденных в тех местах, где некогда стояли албанские города.

В средние века, в эпоху Халифата, в Барде было немало ученых, прибавлявших к своему имени слово «Бардеи», как указание на то, откуда они родом. Среди них были математики, историки, философы, правоведы, инженеры, врачи, поэты, знатоки хадисов, ораторы, астрономы и политические деятели. История сохранила для нас эти славные имена: Абу Саид Ахмад ибн Хусейн Бардеи, Мухаммад ибн Зейд Бардеи, Мекки ибн Ахмад Бардеи, Абу Бакр Мухаммад ибн Яхя Хилали аль-Бардеи, Саид ибн Амр Абу Осман аль-Азди аль-Бардеи, Ахмад ибн Омар Абу-ль-Хасан аль-Бардеи, Абу Бакр Ахмад ибн Харун Бардиджи аль-Бардеи, Абу Бакр Абду-ль-Азиз ибн Хасан Бардеи, Мухаммад ибн Халид Бардеи, Саид ибн Гасим Бардеи, Абу Али Хусейн ибн Сувфан ибн Исхак ибн Ибрахим Бардеи, Али ибн Абду-ль-Азиз Бардеи, Абу Бакр Мухаммад ибн Абдаллах Бардеи, Шейх Ибрахим ибн Шихабеддин Гюльшани Бардеи, Мухйиддин Мухаммад аль-Бардеи, Мухаммад ибн Зейд ибн Ядахдавайх аль-Гейсам аль-Бардеи, Садуллах аль-Бардеи [17].

В XIII в. все города, входившие в состав государства Хулагуидов (Ильханидов) образовавшегося после монгольского нашествия, были объединены под единой политической властью, в результате чего ускорилось развитие Барды. Арабские авторы писали о её огромных рынках, торговых караванах, направлявшихся сюда со всех концов света [1, с. 38; 17, с. 279].

В XIV в. Барда была захвачена войсками среднеазитского завоевателя Тимура, которого называли «бичом Божьим», однако жестокий завоеватель пощадил прекрасный город и даже приказал проложить новый арык для улучшения его водоснабжения.

Век спустя Барда стала одним из ремесленных центров Азербайджанского государства сефевидов, образованного под руководством шаха Исмаила I. В период правления шаха Тахмасиба I в Барде было построено немало мечетей и общественных зданий – бань, караван-сараев, были разбиты большие сады.

В конце XVI в. Карабахский регион, в том числе и Барда, оказались под властью османских правителей. В то время Гянджинско-Карабахская провинция состояла из 7 санджаков, разделенных на 36 округов. Бардинский санджак включал город Барду, а также округа Барда, Сир, Байат и Инджеруд. Бардинский округ находился в соста-

ве самой большой территориально-административной единицы, образованной османами на покоренных землях Кавказа.

После образования ханств на территории Азербайджана Барда вошла в состав Карабахского ханства (ок. середины XVIII в.), где, оставаясь ремесленным и культурным центром, играла роль важного пункта в обеспечении связей с северными странами.

Барда богата историческими и архитектурными памятниками, дошедшими до наших дней. Большинство из них относится к периоду средневековья. Это остатки старых городских стен (VI в.), мосты через реку Тертер (VII-IX и X-XI вв.), Бардинская усыпальница (XIV в.), сельская баня Ширванлы (XIX в.), мечеть Угурбейли, Джума мечеть (XIX в.), и др.

Особое место в этом списке занимает возведенный в XIX в. Кербелаи Сафханом Карабаги комплекс мечети Шейха Ибрагима с парными минаретами, известный как «Имамзаде». Эта мечеть имеет немало общих черт с памятником «Чар минар» в Бухаре, а также Джума мечетью в Агдаме.

Начиная с XIII в. Барда стала одним из центров ковроткачества. Бардинские ковры наряду со входящими в карабахскую группу агджабединскими, шушинскими и джебраильскими коврами выделялись своими необычными узорами, богатством цветов и высоким качеством работы. Арабский автор Якут-аль Хамеви сообщает о вывозе на зарубежные рынки бардинских ковров, которые там высоко ценились[1; 3].

Сегодня Барда – административный центр Бардинского района, куда помимо города входят еще 110 сел. На территории района функционирует Бардинский заказник.

Древний город, бережно хранящий славные традиции прошлого, живет и развивается. В нем возведены комплекс памяти погибших во Второй мировой и Карабахской войнах, олимпийский спортивный комплекс, музеи, средние школы, общественные здания, производственные предприятия, почты, гостиницы, торговые центры, рыночные центры, больницы и поликлиники, многоэтажные общественные здания и предприятия бытового обслуживания, обустроена Площадь государственного флага. Как и века ранее, Барда ждет гостей, чтобы принять их с тем же радушием, что и всегда.

3. Из истории материальной культуры Карабахского региона Азербайджана.

К концу VII в. южная часть современного Азербайджана оказа-

лась в составе Арабского халифата, а северная часть – Албания, стала его вассалом[11]. В стране распространилась новая религия – Ислам. Большая часть населения стала мусульманами, меньшая сохранила христианскую веру. Воспользовавшись создавшейся ситуацией, армянский католикос Илия донес халифу Абдулмелику о том, что якобы албаны–христиане Азербайджана готовят бунт против него, и халиф дал в 705 г. указание о подчинении Албанской Апостольской автокефальной церкви армянской григорианской. После этого в нагорной части Карабаха (в Нагорном Карабахе) начался процесс деэтнизации албан-христиан, формирование конфессиональных «армян» [2, с. 27;12].

Видимо потому, о населении Карабаха, отнесенном к армянам, дореволюционный исследователь В.Л. Величко писал: «… неправильно называемые (по отношению к прошлому) армянами жители Карабаха (Албании), исповедовавшие армяно-григорянскую веру, но происходившие от горских и тюркских племен и объармянившиеся лишь 3-4 века тому назад»[13. С. 154].

Принятие и утверждение ислама на территории Азербайджана стало началом нового этапа, когда в этой стране, в том числе в Карабахе, произошло резкое сокращение общин, придерживавшихся христианских и иных религиозных обрядов. Ислам взял верх над всеми местными религиями и верованиями. Это было связано в т.ч. и с тем, что Карабах был одним из важных центров на международных караванных торговых путях Халифата и потому он превращается в важный духовный центр Ислама. Потому в г. Барда начиная с VIII в., прекратилось развитие христианского архитектурного зодчества и строительство культовых сооружений продолжалось в соответствии с новым стилем мусульманского градостроительства[10, с. 16].

Причем, возникновение новых типов строительных сооружений в соответствии с требованиями ислама в т.ч. в Карабахе и Барда[9], нисколько не помешало развитию архитектурных традиций, сформировавшихся ранее [17, с. 59; 22, с. 62; 27]. Исследования показывают, что в азербайджанских городах, наряду с мусульманскими мечетями, сохранялись старые албанские христианские храмы. Об этом достаточно сведений имеется в средневековых арабских и персидских источниках [3; 27]. Это имело место, потому что, во-первых, ввиду благосклонного отношения ислама к монотеистическим религиям, почему памятники, относящиеся к этим религиям, не трогали. Во-вторых, эти памятники являлись материальным и духовным наследием мест-

ных народов, принявших в IV в. христианство, а с середины VII в. – мусульманство. Об этих явлениях наглядно свидетельствуют сохранившиеся в Карабахе христианские храмы албанского времени[16].

Прослеживая развитие культуры в Карабахе, мы обнаруживаем, что данные археологических раскопках свидетельствуют о высоком художественном оформление различных сооружений. Таковы капители, на углах которых имеются изображения голов баранов, художественно оформленые основания колонн, обнаруженных в Лачине, Губадлы, Ханкенди, Шуше, Агдаме, Барде. Их аналоги известны в других памятниках Азербайджана (Кабала, Мингечаур, Тезекенд, Шемаха).

Существующие в Карабахе памятники албанской христианской традиции и сменившие ее строительные сооружения мусульманского типа позволяют проследить связи между строительной культурой, формами архитектуры и искусства той эпохи, а также – последовательность их развития. Исследования показывают, что шел процесс переплетения архитектуры и искусства, сохранивших идеологические традиции эпохи мусульманства и отражающих национальные особенности и традиции автохтонов.

В тот период были построены по структуре простые, но с геометрическими и растительными узорами художественно украшенные здания. Таким образом, особенности исламской культуры, проделавшей в средние века определенный путь развития, нашли свое отражение в градостроительной культуре и бытовой обстановке городского населения.

Ряд городов Карабаха – Агдере, Кельбаджар, Ходжавенд, Шуша, Ханкенди, Тертер, Физули, Джабраил, Агджабеди, Лачин, Губадлы, Зенгилан – возникли в период мусульманства. В структуре этих городов можно наблюдать художественное воплощение национально–духовного и идеологического образа мышления в строительной культуре. Новые национально – идеологические особенности дают о себе знать в интерьерах жилых домов и административных зданий. Это подтверждается созданными, по всему средневековому Азербайджану, в том числе в Карабахе, архитектурными шедеврами.

В арабских источниках отмечается, что город Барда имел красивые дома из красного кирпича и крытые базары[4. С. 3-59; 27]. Специфика исторических и архитектурных памятников Азербайджана характерна и для Карабаха. Следует добавить, что подобные сооружения встречаются везде на мусульманском Востоке [7;10;19;23].

В XI-XII вв., в период широкого распространения архитектурных направлений Ширван-Апшеронской и Нахичеван-Марагинской школ функционировала и Карабахская архитектурная школа. И это определило дальнейшее развитие средневековой азербайджанской архитектуры в даннном регионе. В это время стали развиваться архитектура и градостроительство, декоративно – прикладное искусство, увеличилось количество памятников эпиграфики.

В Карабахской зоне отмечено свыше 2000 различных исторических и культурных памятников, большинство которых относятся к периоду мусульманства. Среди них жилые дома, общественные здания, а также религиозные, сооружения, некрополи и места поклонения.

В данной зоне можно назвать район Физули где имеются мавзолей Шейха Якуба (XII в.), мечеть Джума в селе Гоч Ахмедли, мечеть Гаджи Алескера, мечеть Мир-Али (XIV в.) и храмы в селе Ахмедаллар, относяшиеся к XIV в., мавзолей шейха Ибрагима (XVII в.), Ахмед Султана, Джалала (XIX в.), в Горадизе мечеть Джума. В самом Нагорном Карабахе можно указать крепость Аскеран, мавзолей в Ханкенди, в Джабраильском районе «Гыз галасы» («Девичья башня»), в Агдамской зоне, около сел. Хачын–Турбатлы 12-угольный храм, крепость Шахбулаг, мечеть Шахбулаг, Агдамская мечеть Джума (XIX в.), мавзолей Панах-Али-хана и его рода, баня в селе Абдал-Гюлаблы (начало XX в.). В городе Барда мавзолей Барда, Ахсадан баба (XIV в.), мечеть Имамзаде (XIX в.), мавзолей Бахман Мирза; в городе Шуша восьмиугольный мавзолей, крепость Панахабад (Шуша), дом поэтессы Натаван, мечеть Мамаи, мечеть-каравансарай Мешеди Шукюр Мирсияб, мечети Джулфалар, Гаджи Юсифли, Саатлы, Юхары (верний) Гёвхарага, Ашагы (нижний) Гёвхарага (XIX в.), Хан еви (Дом Хана), здание гимназии. В Лачинской зоне сооружения Гарасаггал, Солтан баба, Шейх Ахмед, Сары Ашыг (XV в.), в селах Джиджимли и Гушчу - памятники Ушаг галасы, Беюк булаг (XV в), крепость Баят в Агджабеди (XVIII в.), дворец Хамза Солтан (XVIII в.) являются ценнейшими историческими и культурными памятниками [5;18;20;24, с.81-96].

К большому сожалению, судьба многих исторических памятников Карабаха остается на сегодня, по известным причинам, неизвестной.

Литература

1. Ализаде А.А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв. Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1956. - 420 с.
2. Алиев И.Г. Нагорный Карабах (история, факты, события). Баку, 1989. 104 с.
3. Ал-Куфи. Китаб ал-футух. Баку, 1995. - 95 с.
4. Ал-Якуби. Китаб ал-булдан (Книга о странах). Перевод И.П. Петрушевского, НАИИ АНА, инв. N:531.
5. Архитектура Азербайджана. Баку, 1985. - 620 с.
6. Асланов Г.М. Древний Мингечаур. Баку, Изд. АН Азербайджанской ССР, 1959. - 191 с.
7. Ахмадов Я.З., Гумба Г.Д., Курумов Д.С., Хасмагомадов Э.Х. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времён до конца XV века // Отв. ред. Ахмадов Я.З. - М.: Литера, 2019. – 686 с.
8. Бабаев И.А. Города Кавказкой Албании (в IV в. до н.э.- III в.н.э). Баку, Элм, 1990. - 203 с.
9. Беляев В.И. Ислам и Арабский халифат VII-IX вв. // ИЖ, 1938, №7. С. 14-48.
10. Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока (VII-середина XIII в). М., 1984. - 343 с.
11. Буниятов З.М. Из истории Кавказской Албании VII-VIII в. // ВИКА. Баку, Изд. АН Азерб. ССР. 1962. С. 149-180.
12. Буниятов З.М. Азербайджан в VII-IX веках. Баку, 1999, гл. II.
13. Величко В.Л. Кавказ. СПб, 1904, С.154.
14. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии // АО 1973 г. М., 1974. С. 101.
15. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии (по материалам новых могильников) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
16. Гаджиев Г.А Материальная и духовная культура Карабаха. (на азербайджанском, английском и французском языках). Баку. Тахсил, 2010. - 152 с.
17. Гаджиев Г.А. История города Барда (III в.до н.э.-XVIII в.н.э.), Баку, «Т», 2000.- 240 с.
18. Гарабаглы Ризван. Мемар Кярбалайи Сяфихан Гарабаги. Баку, 1995.
19. История Бухары с древних времен до наших дней, Ташкент, 1981.
20. Карабах. ИРС-Наследие. Международный журнал, 2005, №2-3.
21. Крупов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936. Грозный, 1938. С. 35.
22. Мамедов Т.М. Кавказская Албания в IV-VII вв., Баку, Маариф, 1993. С.62.
23. Очерки истории культуры средневекового Ирана, М., 1984. - 263 с.
24. Пахомов Е.А. Башни-мавзолеи в Барде и их надписи //Труды Аз. ФАН ССР (серия историческая), т. XXV, Баку, 1936. С. 81-96.
25. Северо-Кавказская экспедиция // КСИИМК. Вып. 1. 1939, С.27-29.
26. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании X в. до н. э. - VII в. н.э. Москва-Ленинград, 1959. - 390 с.
27. Хамдуллах Казвини.Нузхат ул-кулуб. Архив Института Истории, инв. N:4960.

УДК 74.03.

ИСЛАМСКАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ (XVIII в.)

Шамаев Артур Мурадинович
старший преподаватель, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского Университета МВД России
Shomik788@mail.ru

Аннотация. *В статье анализируется мусульманское искусство, созданное этносами Северного Кавказа к XVIII столетию. Доказывается, что кавказская традиционная культура была целостной и самобытной. Она включила в себя не только обычаи и традиции, но и музыку, живопись, литературу. С принятием ислама во все сферы духовной культуры и искусства стали проникать мусульманские понятия о нравственности и вырабатываться исламское мировоззрение. Доказывается, что благодаря принятию ислама горцы достигают новых высот в искусстве и архитектуре, где монотеистическая религия способствует укреплению связи нравственной и эстетической красоты.*

Ключевые слова: *Северный Кавказ, мусульманское искусство, горские народы, исламское мировоззрение.*

Мировая наука всегда признавала огромную роль религии в развитии духовной культуры народа. Весьма распространены такие понятия как «христианская культура», «культура мусульман», «иудейская культура». Так, ислам придает большое значение красоте внешней и красоте внутренней. Конечно, нравственность стоит в исламе на первом месте, но в то же время, не принижаются и эстетические принципы. В искусстве и любом виде творчества ислам признает первенство нравственной красоты перед эстетической. В исламской культуре главенствует принцип: «Все что нравственно – прекрасно, все что безнравственно - ужасно» [8, с. 13]. Ни в коем случае нельзя утверждать, что ислам отрицает искусство и творчество. Единственным условием для искусства в исламе является то, что искусство должно содержать в себе призыв к нравственному совершенствованию.

Взаимоотношение искусства и ислама у этносов Северного Кавказа весьма показательно. У всех народов Северного Кавказа всегда была очень богатая и разнообразная традиционная культура. Поэтому и возникла идея о самобытной и целостной кавказской культуре, представленной не только обычаями и традициями, но и музыкой, живописью, литературой. С принятием ислама во все сферы духовной

культуры и искусства вплетаются исламские понятия о нравственности и исламские мировоззрение.

Наибольшее влияние на себе ощутила литература народов Северного Кавказа. Арабоязычная литература XVIII столетия на Северном Кавказе отличалась большим многообразием, но главное первенство в ней принадлежит Священной книге - Корану. Помимо нее в крае была распространена как научная, так и художественная литература из исламских стран. Просвещенная мусульманская элита Северного Кавказа широко пользовалась арабскими словарями, тафсирами, сборниками хадисов Пророка. Образованные мусульмане региона изучали также мусульманские законы - фикх, догматику ислама – калам и т.д. Широко изучались памятники арабской литературы, особенно относившиеся к адабу, приветствовалась поэзия [1, с. 23].

Принятие ислама на Северном Кавказе привело к широкому распространению арабского языка и арабской литературы. Ислам принес с собой в регион высокоразвитую культуру со своим языком – арабским. Влияние ислама на становление литературы народов Северного Кавказа нам предстоит еще изучить, так как в данном направлении нет значимых работ, исследовавших данный процесс на должном уровне. Мы можем лишь констатировать, что с принятием ислама широкое распространение получает арабский язык.

Первоначально на Северном Кавказе распространяется Коран, хадисы, тафсиры и различная кораническая литература. Следующим этапом становится популяризация литературы по мусульманскому праву, грамматике, лексикографии. Литература прибывала в регион не только из Арабского Халифата. Широкое распространение получило различное переписывание известных литературных сочинений. Первыми трудами, подвергшимися на Северном Кавказе широкому переписыванию, стали такие работы как: «ал-Гарибайн» Абу Убайда Ахмада ибн Мухаммада ал-Харави, «Макама» Абу ибн Хаммада ал – Джаухари, «Ихйа 'улумад-дин» («Оживление наук о вере») Абу Хамида ал-Газали, «ас - Сахих» Абу Насра Исмаила ибн Хаммада ал – Джаухари [13, с. 34].

Широкую известность на Северном Кавказе получил труд литератора и филолога Махмуда ибн Умара аз-Замахшари «Мукаддимат ал - адаб», посвященный лексикологии арабского, тюркского и персидского языков. Не менее значимым для горцев Северного Кавказа был повсеместно известный труд по мусульманскому праву Джамаладдина Йусуфа ал-Ардабили под названием «Ал - Анвар». Очень

много подобных переписанных рукописных книг содержатся и бережно сохраняются в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук.

На Северном Кавказе появляются и первые арабоязычные работы, написанные местными авторами. Это такие труды как: Дербент - наме, «Тарих Дагестан», «Тарих Аби – Муслим», «Ахты - наме» [7, 17, 18] и т.д. Однако следует заметить, что исторические сочинения местных авторов на арабском языке появились лишь в Дагестане. У других мусульманских народов края арабский язык использовался лишь для изучения коранических текстов и для ведения делопроизводства.

Касательно прикладного искусства, следует отметить, что в XVIII в. на Северном Кавказе получило развитие изготовление знаменитых тканей из парчи и муслина. Широко было развито изготовление металлической посуды с чеканкой, повсеместно усовершенствуется гончарное производство, появляются сложные формы обработки металла, художественное литье. Горцы украшают свои национальные костюмы орнаментной вышивкой и вязью, дома и культовые сооружения украшаются каллиграфическими надписями.

Ислам оказал влияние и на другие отрасли культуры народов Северного Кавказа. Причем это воздействие было неоднозначным. Помимо положительных тенденций, способствующих развитию культуры и приобщению к общемировой цивилизации горцев, имелись и негативные моменты, заключающиеся в наличии определенных запретов. Больше всего их было в изобразительном искусстве. Вместо людей и животных мусульманские художники изображали декоративные вязи, узоры, растительные и геометрические мотивы [4, с. 37-39].

Запрет изображения живых существ во имя избегания идолопоклонства в исламе способствовал бурному расцвету декоративно-прикладного искусства на Северном Кавказе. Однако данное воспрещение не всегда соблюдалось горцами, и они нередко создавали произведения народного прикладного искусства с изображением людей и животных.

В живописи главным вкладом исламских художников считается развитие такого вида живописи как миниатюра. Уникальным представителем подобного жанра считается Кемалледин Бехзад, нарисовавший в 1488 году иллюстрации к поэме «Бустан».

В исламской культуре высоко ценилась каллиграфия – искусство красивого письма. Считалось, что чистое письмо означает чистоту души. Буквы писались справа налево, и значение придавалось не скорости письма, а его красоте. С появлением ислама, на Северном Кавказе, как и во всем исламском мире, широко распространяется каллиграфия, развивается орнаментное искусство. Получает широкое распространение украшение зданий и сооружений выдержками из Корана и сунны.

Одним из примеров такого зодчества является Джума-мечеть в Дербенте. Историки до сих пор спорят о времени ее постройки. Л.С. Бретаницкий [3, с. 56] и М.И. Артамонов [2, с. 121] считают ее христианским храмом, переделанным арабами в мечеть. А.А. Кудрявцев [9, с. 45] также поддерживает подобную точку зрения, опираясь при этом на археологические данные. Есть и те [12, с. 202], кто считает, что здесь изначально была построена мечеть. Считается, что ее построил Тадж-ад-Дин из Баку [10, с. 102]. Джума-мечеть состоит из мечети, двора и медресе. Во дворе мечети была обнаружена надпись о том, что она построена ради довольства Аллаха и для того, чтобы мусульмане здесь обретали знание [13, с. 388]. Джума-мечеть являлась центром древнего Дербента. Здесь находилась резиденция главного кадия.

При этом мусульмане Кавказа разработали новые типы архитектурных сооружений, таких как: мечети, медресе, караван-сараи, мавзолеи, крытые рынки. Влияние новой религии при постройке архитектурных сооружений не ограничивалось политическими и этническими границами. Во всех областях, где распространился ислам, были построены особенные архитектурные сооружения.

Мечети мусульман Северного Кавказа отличаются богатой внутренней отделкой и большим количеством внутренних колон в совокупности с низкими плоскими потолками. В более поздние периоды XVIII века распространяется богатая роспись стен и строительство многочисленных куполов. Главное здание мечети украшали луковичными или стрелочными куполами. Вокруг куполов возвышаются минареты, с вершин которых муазин читает азан - призыв к молитве. Именно минареты делают мусульманские мечети такими величественными и своеобразными. Минареты возвышаются над городом, придавая ему особое величие и оригинальность [5, с. 23].

Минареты не только служили для оповещения о времени молитвы, но выступали и как сторожевые башни, с которых можно было

проследить за передвижениями неприятелей. Некоторые минареты даже были оснащены оружием. Такими минаретам были: севильский минарет Хиральда и маррокешский минарет Кутубийа.

В мусульманской архитектуре широко использовались арки различных форм как для оформления пространства между колоннами, так и для выделения окон. Двери были массивными и резными. Их делали из дерева, украшая металлическими вставками. Широко используется резьба по стуку, где в общий фон включают цитаты из Корана. Примером подобной резьбы служат мечети в Абаркуре и Исфахене, построенные в XIV в.

Запрет изображения живых существ в исламе привел к распространению орнаментного украшения архитектурных зданий. Орнаментом были украшены огромные плоскости. Также наблюдается бурный расцвет растительных и геометрических узоров в украшении архитектурных объектов. Первоначально мечети украшали растительным орнаментом, затем рисунки усложнились, и орнаменты стали выполняться в линейно-геометрическом стиле [16, с. 112], состоящем из многоконечных звезд и многоугольников. Подобные композиции получили наименование «арабеска». Существовал также и эпиграфический орнамент - эпиграфические надписи и фразы из Корана. Рисунки выполнялись в основном в сине-голубом и золотисто-охряной расцветках. Сине-голубой цвет символизировал цвет неба, а золотисто-охряной - цвет земли.

Еще одной особенностью мусульманских культовых сооружений является применение куфического письма – угловатого почерка, возникшего в VII веке и применявшегося как в архитектуре, так и в прикладном искусстве. Все соборные мечети отличает от других мечетей наличие минбара–своеобразной кафедры, с которой произносится проповедь. Эта традиция строительства минбара пошла еще со времен пророка. В начале, пророк Мухаммед читал свои проповеди, опираясь на пальмовый ствол, выполнявший в мечети роль колоны. Позднее для него соорудили специальный минбар со ступеньками и сиденьем. Минбары украшают богатым орнаментом и надписями из Корана [6, с. 116].

На Северном Кавказе также есть мечети, построенные в период халифата. Особенно много религиозных объектов было построено в Дагестане. Рибаты, построенные для оборонительных целей по мере распространения суфизма превращаются в суфийские центры обучения и пропаганды.

Кроме известной Джума-мечети, в XVIII в. храмовые сооружения возникают в разных поселениях: в Ихреке, Цахуре, Каракюре, Хиве, Хнове, Фите, Тпиг, Риче, Рутуле и т.д. Как и в других мусульманских религиозных объектах здесь использовались эпиграфические тексты и орнаменты, штуковые рельефы. Мечеть в Каракюре считается одной из самых древних в Дагестане. Она была построена примерно после Джума-мечети. Её не единожды разрушали и восстанавливали. В первичном варианте мечеть являла собой четырехугольное строение с двумя рядами пилястр. Она была построена из речного камня и кирпича и опиралась на квадратные базы [14, с. 14].

В XVI-XVIII вв. в Дагестане наблюдается бурное строительство мечетей, а вместе с ним рост количества мечетских школ и медресе. При мечетях часто создают общественные библиотеки, что способствует увеличению грамотности населения. Появляется большое количество ученых – алимов, считающих своим долгом обучение населения грамоте и умению читать Коран.

После Дагестана мечети на Северном Кавказе появляются на территориях, подвластных Золотой Орде. Особенно активизировалось строительство мечетей при хане Узбеке. Ибн Батута упоминает о мечети построенной в Центральном Предкавказье в 1334 г. в районе Бештау [11, с. 28].

К периоду золотоордынского правления относят и мечеть, обнаруженную археологами в Нижнем Джулате, на территории современной Кабардино-Балкарии. Археологами были найдены остатки минарета и погребальный склеп над полом. Сама мечеть была построена из кирпича. В XVIII в. соборные и приходские мечети и школы появляются во всех кабардинских селах.

Постепенно, с распространением ислама мечети и медресе появляются у всех народов Северного Кавказа. В отличие от Дагестана и в целом Восточного Кавказа территории адыгских и тюркских народов были недоступны для проникновения арабов и, следовательно, распространение ислама и строительство культовых сооружений здесь началось относительно поздно. Распространение ислама и строительство культовых сооружений было неравномерным. На равнинных землях строительство мечетей шло более интенсивно, когда в труднодоступной горной местности продолжалось господство языческих верований.

Таким образом, можно сделать вывод, что с принятием ислама изменились многие стороны культуры и быта народов Северного

Кавказа. Арабский язык, распространившись по Северному Кавказу, способствовал и распространению новейших достижений в искусстве, архитектуре и науке. Горцы украшают свои национальные костюмы орнаментной вышивкой и вязью, дома и культовые сооружения украшаются каллиграфическими надписями. Запрет изображения живых существ приводит к бурному расцвету орнаментных и растительных элементов украшений. Северный Кавказ приобщается к памятникам литературы мирового значения.

Среди всех мусульманских народов Северного Кавказа наибольшим изменениям подверглась культура народов Дагестана, как этносов имевших наиболее тесные взаимоотношения с арабами. За короткий срок здесь распространяется арабский язык и арабская культура, налаживаются связи с народами, принявшими ислам – с Ближним Востоком и Средней Азией, широко развивается гончарное производство, сложные формы обработки металла, художественное литье. В целом благодаря принятию ислама горцы достигают новых высот в искусстве и архитектуре, где религия способствует укреплению связи нравственной и эстетической красоты.

Литература

1. Айтберов Т.М., Абдушеримов М.М. Описание некоторых рукописных сведений Дагестана // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. - Махачкала, 1988. - 342 с.
2. Артамонов М.И. Древний Дербент // Советский архив, 1946. № 8. С. 121-144.
3. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана в XII-XV вв. М.: Наука. 1966. - 560 с.
4. Блейх Н.О. Начало становления просветительства на Северном Кавказе (первая половина XIX века) //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-1 (43). С. 37-39.
5. Блейх Н.О. Социокультурная парадигма становления просветительства на Северном Кавказе: монография / Федеральное агентство по образованию, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2009. 234 с.
6. Блейх Н.О. Культурологические предпосылки и социальные условия появления просветительства на Северном Кавказе: монография / North Carolina, 2015. - 265 с.
7. Дарбанд-нама. Сборная рукопись. Научный архив Института ИИАЭ Дагестанского научного центра РАН (далее НА ДНЦ РАН). Ф .1. Оп.1. Д.425.
8. Иванов В.В. Взаимосвязь искусства и религий у народов Северного Кавказа // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 2. С. 13-17.
9. Кудрявцев А.А. О христианстве в Дербенте //Проблемы истории чтения по археологии Северного Кавказа. М.1980. 156 с.
10. Марковин В.И. Дорогами и тропами Дагестана. М.: Искусство,1988. 341 с.

11. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т. 2. - 276 с.
12. Хан-Магомедов С.О. Джума-мечеть в Дербенте // СА 1970. № 1. С. 202-220.
13. Шихсаидов А. Р. Ислам и становление дагестанской исторической традиции. М.: Логос. - 198 с.
14. Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Дагестане.// Ислам и исламская культура в Дагестане. М.: Восточная лит. РАН, 2001. - 265 с.
15. Dorn B. Berich teiibereine wissenschaftliche Reiseindem Kaukasus und densudliche Kurstenlan dern des Kaspischen Meers. - Bulletin de I' Academie imperial des sciences de St.-Petersbourg, St.-Pt.t .XVIII,1973, p. 388.
16. Rabah Sound Muslim Architecture under Ottoman Patronage (1326-1924). - Manchester, 2004. - 165 s.
17. Ta'rich Abi Muslim ("The Story of Abu Muslim"). НА ИИАЭ ДНЦ РАН. F.1. Op.1. D.25.
18. Tarikh Dagistan (“History of Dagestan”). НА ИИАЭ ДНЦ РАН. F.1. Op.1. D.446.
19. Shikhsaidov A., Aitberov R., Orazaev, M. M. - R. Dagestan Historical Works, 1993. 132 s.

УДК 7:73(=470.661)+930.85

СКУЛЬПТУРНОЕ ИСКУССТВО ЧЕЧНИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ТЕМЕ

Месхидзе Джульетта
кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела европеистики
Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
giu.mes@gmail.com

Аннотация: *В статье идет речь о фрагментарных материалах, связанных с чеченским пластическим искусством, вызывавшим в 20–30-е гг. XX в. познавательный интерес исследователей и коллекционнионеров – музейных и частных собирателей. Благодаря зафиксированным фактам и сведениям, пополнялась источниковедческая и историографическая база, в настоящее время их ценность обретает новое звучание и осмысление, необходимое для последующего изучения истории культуры Чечни.*

Ключевые слова: *культура Чечни, Горная Чечня, Малхиста, пластическое искусство, круглая скульптура.*

Чеченская пластика – не самая популярная тема научных изысканий историков, и историков искусства в частности. Как правило, в работах, посвященных культуре Чечни, называются имена известных современных скульпторов Ильяса Дутаева, Илеса Татаева, Дарчи Хасаханова и постулируется, что «искусство ваяния по многим причинам и объективного, и субъективного характера не получило такого интенсивного развития, как живопись» [8. С. 151][16]. Развернутых же комментариев к этому заслуживающему внимания факту не приводится. В данной связи представляется логичным возвращение к «вопросу об изучении и популяризации национального искусства» [9. С. 40], сформулированному П.Л. Лысенковым в 1938 г., но поднятому еще его предшественниками. Непосредственным поводом к настоящему «возобновлению» угасшего в определенный момент интереса к предмету стал эпизод из «Итум-Калинского дневника» Алексея Владимировича Мачинского (1910–1942), который в августе 1939 г. возглавил Чеченский отряд Северо-Кавказской экспедиции Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра АН СССР.

[16] В публикациях, вводящих в курс изобразительного искусства Чеченской Республики, отмечаются произведения Дака Джабраилова [5. С. 84] и Саламбека Ахмадова [7. С. 43], а также ингушского скульптора-монументалиста Руслана Мамилова и русских скульпторов Александра Николаевича Сафронова (1922–1982) и Ивана Дмитриевича Бекичева [5. С. 92–93; 12. С. 50].

17 августа 1939 г. группа ленинградских археологов ступила на территорию Малхисты.

Рис. 1. Семья хозяина хутора Хайхечи. Фотоколлекция МАЭ РАН.

Проводником и информантом исследователей был житель селения Сахано[17] Магома Ецаев (рис. 2), сообщивший несколько примечательных фамильных и общинных историй, транслировавшихся в памяти поколений.

Рис. 2. Дом Магомы Ецаева, сел. Сахано. Фотоколлекция МАЭ РАН.

Среди них – зафиксированный в полевом дневнике А.В. Мачинского рассказ о жившем некогда в селении Цой Педе / *Цойн Пхьеде*

[17] Саханойский историко-архитектурный комплекс внесен в перечень объектов культурного наследия Чеченской Республики (Постановление Правительства Чеченской Республики от 3 сентября 2013 года № 231)

князе по имени Сепо. Согласно легенде, князь «всячески притеснял население, но победить его никто не мог, поскольку убить его можно было только его собственной шашкой. Однажды некий юноша пришел в дом князя, похитил шашку, отломал ее конец, а потом подошел к Сепо и, спросив, узнает ли он что это, убил его. Голова князя Сепо отскочила и прыгнула через реку на другую сторону, в тех местах, где она прикасалась к земле, образовывались глубокие ямы, которые видны и теперь. С тех пор князей в Цой Педе не было» [10. Л. 31-32]. С северной стороны селение было защищено боевой башней и – в момент обследования – хорошо сохранившейся стеной. Башня, у которой обвалилась лишь самая верхняя часть, имела вход с южной стороны, над ним – встроенный камень с несколькими углублениями округлой формы и вырезанным изображением креста. Несколько ниже от входа, с его левой стороны, был вмонтирован другой камень – с геометрическим рисунком. В верхней части западной стены башни, как передает А.В. Мачинский, находилось «изображение человека с раскинутыми руками и расставленными ногами». Его фигура была «выложена из белого камня», а голова «дана отдельным камнем с грубо намеченными чертами лица». Проходившие мимо жители сказали, что это изображение Сепо – последнего князя Цой Педе [10. Л. 49-50].

Вопрос об историчности и этнической принадлежности Сепо, как и датировке памятника, остается открытым. Неизвестно также, прижизненным ли был «скульптурный портрет» или посмертным. Являлся ли он неотъемлемой декоративно-художественной и функциональной принадлежностью архитектурного сооружения? Ни рисунка, ни фотографии изваяния обнаружить не удалось, но сам факт его «присутствия» на малхистинской башне – явление примечательное, побуждающее обратиться к малоизученной истории чеченской пластики, к условиям и этапам ее формирования и развития.

В качестве сопоставления можно указать на такой тип мемориальной культуры горной Грузии, в социально-экономическом отношении близкой к Малхисте [2. С. 121], как каменные плиты «с горельефами, на которых высечена фигура умершего в полный рост, с характерными для конкретной эпохи элементами одежды». Кроме того, широкое распространение там имели статуи, вполне реалистично передававшие внешний облик и прижизненные атрибуты покойного (одежду, боевое снаряжение, хозяйственные и ремесленные орудия) [6. С. 489-490, 491]. Служили ли каменные антропоморфные стелы из

междуречья Хулхулая – Аксая (селения Галайты, Замай-Юрт, Бети-Мохк), относящиеся к единому этнокультурному кругу и датируемые VI–V вв. до н. э. [3. С. 73-78, 275, 278, 285, 300, 302, 305, 310, 315, 360-361], основанием для изображений последующего периода – проблема дискуссионная. О богатых традициях камнерезного искусства Чечни и узкой специализации мастеров хорошо известно [2. С. 81]. К слову, названия тайпов *ТIулгхой* и *Чхьарой* обозначают камнедобытчиков и камнетесов, а *Оьргхой* – знатоков «оьрг», выбивания текстов и рисунков на камне [11. С. 205-207]. В данном случае, оставляя вне поля зрения петроглифы и рельефы, акцентируется внимание на круглой скульптуре, истоки которой восходят к эпохе бронзы. В источниках сохранился ряд свидетельств о существовании скульптурных образов древних божеств, например, Тушоли. Описание в тексте документа 1849 г. «Майстского Джвари», являвшегося объектом «давнишнего почитания и обожания кистинцев», также симптоматично: «истукан деревянный, лицо обитое серебром, вместо глаз вставлены два красных камня, обвернут лоскутками из разных материй белого и красного цвета» [1. С. 423-424].

Расширяя источниковедческий обзор скульптурного искусства Чечни, нельзя не привлечь полевые материалы Александра Юльевича Бальшина по итогам экспедиций 1923 г. в горные общества Майстой, Терлой, Чеберлой, Чиннахой, Шатой. Так, в них упоминается, что житель селения Юкер Келой / *Юкъер-Кела* Биза Абаев «при рытье ямы для картошки» обнаружил каменное изображение человеческой головы, размером чуть меньше естественной, и поднес ему «как диковинку»; она имела «два рога и фрагмент шеи, идущей столбиком от затылка». Недалеко от Нового Макажоя «на жилой башне Нурин гал» исследователь определил ее «законное место»: на верхней арке входной двери была воспроизведена «фигура мужчины в молитвенной позе с изображением солнца над ним», а по бокам арки из стены выдавались фрагментированные шеи-столбики, предназначенные, по его мнению, для подобных голов. В майстинском «городище» Фарендз Кхел, во входной нише одного из склепов, было найдено каменное изображение кошачьей головы из мягкого пористого камня, сидевшей на длинном столбике, а точнее – оговаривает автор – «вид столбика, немного утолщенный конец которого был обработан в виде кошачьей головы, сделанной настолько неискусно, что ее можно было принять и за голову льва, медведя и т.п.» [4. С. 182-183]. Другую зооморфную голову – лошади – разыскал житель селения Харкарой Бай-

мирза Обах. И что любопытно, А.Ю. Бальшин замечает: «Баймирза смеялся над моей страстью к собиранию тяжелых и ненужных вещей и дал мне ее в подарок» [4. С. 183]. Здесь всплывает проблема коллекционирования – и частного, и музейного, которое с открытием кобанской культуры (1869–1876) приобрело на Кавказе широкий размах. На территории же Чечни интерес к археологическим находкам начался с 1850 г., когда при строительных работах у крепости Воздвиженской были найдены бронзовые и железные артефакты [3. С. 10-11].

В своем дневнике ученый оставил еще одно воспоминание – о статуе в селении Кокадой / *Кхокхта*. Там, на вершине юго-восточного холма оказалась яма – по словам жителей, от фундамента бывшего святилища, перед которым «стояла лет 40 тому назад каменная фигура человека, почти в натуральный рост». Она была обращена к весеннему восходу солнца с поднятыми руками, аналогично некоторым наддверным орнаментам. По сведениям одних, это был женский персонаж, по словам других – мужской, «да еще с рогами» [4. С. 186]. Закономерный интерес вызывает информация А.Ю. Бальшина и об иных причинах исчезновения предметов скульптурного искусства, в частности – архитектурного декора. В Кокадое с правой стороны входа в двухэтажную башню Юсупа Эльдиева и с обеих сторон окна второго этажа, находились «торчащие столбики шеи со следами отбитых голов». Хозяин объяснил, что на концах были расположены изваяния голов баранов, которые он отбил. Стоявший рядом участковый комиссар Косум Зорабов поддержал беседу и прибавил, что подобная же баранья голова находилась с правой стороны входа в его башню и была уничтожена его старшим братом «весьма несложным техническим способом». А именно: «на выступавшее из стены изображение вплотную к стене накладывались камни до тех пор, пока голова, не выдержав, отламывалась начисто. По его словам, способ этот не являлся патентом его брата, а был общим для всей Чечни». Как полагал исследователь, «в этих головах мы имеем переживание анимистического периода, родовые тотемы, превратившиеся, возможно, в нечто вроде духов-хранителей, а возможно, отчасти в нечто вроде герба, – особых для каждого основного рода» [4. С. 187].

Интерпретация антропо- и зооморфной пластики требует отдельного рассмотрения. Здесь хотелось бы лишь дополнить источниковедческую базу сообщением австрийского ученого Бруно Плечке, который в 1910–1920-х гг. путешествовал по горной Чечне и, перехо-

дя из дома в дом, профессиональным взглядом всматривался в их убранство. В изобилующем «этнологически интереснейшими предметами» малхистинском селении Тертие, в комнате одной из жилых башен, Б. Плечке восхитился огромным шкафом (со спальным местом), высотой два с половиной метра, длиной четыре метра и глубиной более метра, занимавшим всю стену и полностью украшенным резным орнаментом, мотивы которого были взаимосвязаны единым изобразительным принципом. Кроме орнамента шкаф был декорирован искусно вырезанными тремя лошадиными головами – они использовались в качестве фурнитуры, поддерживая полку для домашней утвари [13. С. 101-102]. Что касается самой домашней утвари, то учитывая применяемые для ее создания зооморфные скульптурные образы, – стилизованные в виде голов волков, горных козлов, баранов, туров и других животных, – и рассматривая их в совокупности с ритуальной пластикой, монументально-архитектурным декором, позволительно говорить о сформированном круге мировоззренческих и эстетических представлений, об определившемся едином изобразительном стиле.

Среди первых исследователей изобразительного искусства Чечни был П.Л. Лысенков, изучавший пластику камня и дерева в районе Ведено летом 1931 г. и оставивший – насколько известно – единственную статью. Он сделал важное наблюдение, что в своих изделиях народные мастера преобразили дошедшие до них извне мотивы и технические приемы, создали собственный оригинальный стиль, что несмотря на заимствования арабских элементов и даже случаев, роднящих их искусство с искусством византийским, прочитывается то своеобразие выполнения, которое позволяет считать эти работы типично чеченскими. Взгляд П.Л. Лысенкова весьма индивидуален: «Интересно выяснить не столько привходящие в Чечню элементы художественного творчества, сколько влияние, оказываемое творчеством Чечни на соседние и другие более отдаленные от нее страны, с которыми у нее были те или иные точки соприкосновения». Вместе с тем, его тезис, что «в смысле выявления и изучения народного искусства Чечни сделано очень мало», и что «вопрос его изучения должен сойти с мертвой точки», остается актуальным и на сегодняшний день [9. С. 38, 40].

Благодаря активным изысканиям 20–30 гг. XX в., поднятой исследователями теме о чеченском пластическом искусстве, зафиксированным ими образам, фактам и сведениям, пополнялся фонд научных

знаний, расширялась источниковедческая и историографическая база. Их ценность для изучения истории культуры Чечни не только не утратила своего значения в современных условиях, но и обрела новое звучание и осмысление. Дальнейшее комплексное изучение скульптурной традиции, ее зарождения и бытования, соотношение с другими видами искусства позволит выявить взаимосвязи и взаимовлияния с другими культурами, дать ясную картину стилистических признаков и специфических особенностей, развитие которых отражало религиозно-идеологические, социальные и общекультурные трансформации в жизни общества. Все это вкупе даст возможность определить место чеченского культурного наследия в общемировом культурном пространстве.

Список иллюстраций

Рис. 1. Семья хозяина хутора Хайхечи. Чеченцы. Чеченская республика, Хайхечи. 1939. Музейный номер МАЭ И 1070-1/2. Коллекция МАЭ И 1070. Фотографии, негативы чечено-ингушского отряда Северо-Кавказской экспедиции 1939 г. (Чеченское название местности – *Доьхьалч Хьайхе*.)

Рис. 2. Дом Магомы Ецаева, селение Сахано. Чеченцы. Чеченская республика, селение Сахано. 1939. Музейный номер МАЭ И 1070-2/2.

Литература

1. *Акаев В.Х.* Христианство в Чечне // Чеченцы / отв. ред. Л.Т. Соловьева, З.И. Хасбулатова, В.А. Тишков. – М.: Наука, 2012. – С. 423–425.
2. *Ахмадов Я.З.* Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. – М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. – 423 с.
3. *Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н. э. – XII в. н. э. – М.: Наука, 2008. – 455 с.
4. *Бальшин А.* Разведка в Нагорной Чечне 1923 г. // Кунсткамера. Этнографические тетради. – 1998. № 12. – С. 178–197.
5. *Бойцова Т.И.* Изобразительное искусство Чеченской Республики. Грозный: АО Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.
6. Грузины / отв. ред. Л.К. Бериашвили, Л.Ш. Меликишвили, Л.Т. Соловьева. – М.: Наука, 2015. – 813 с.
7. *Есмирзаева Л.Л.* Развитие искусства в Чеченской Республике // Известия Чеченского государственного педагогического университета. – Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. – 2016. № 1 (13). – С. 39–48.

8. *Ильясов Л.* Культура чеченского народа. История и современность. – М.: Полиграфические мастерские, 2009. – 264 с.
9. *Лысенков П.Л.* Заметки о памятниках материальной культуры и об изобразительном искусстве Чечено-Ингушетии // Записки Чечено-Ингушского научно-исследовательского института языка и истории. Т. 1. Грозный, 1938. – С. 37–49.
10. *Мачинский А.В.* Дневник по археологическому обследованию Итум-Калинского района, записи легенд, поверий. Северо-Кавказская экспедиция ИИМК совместно с Чеченским научно-исследовательским институтом. Начальник экспедиции Круглов А.П. Чеченский отряд. Начальник отряда А.В. Мачинский // Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук. – Ф. 35. Оп. 1939. Д. 58. – 79 л.
11. *Натаев С.А.* Чеченские тайпы. Проблемы изучения природы, структуры и исторической динамики социальных институтов чеченцев. – Махачкала: АЛЕФ, 2013. – 413 с.
12. *Рассуханова А.Х.* Развитие и становление изобразительного искусства в Чеченской Республике // Известия Чеченского государственного педагогического университета. – Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. – 2016. № 1 (13). – С. 49-51.
13. *Plaetschke B*. Die Tschetschenen. Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf Grund von Reisen in den Jahren 1918–1920 und 1927/28 // Veröffentlichungen des Geographischen Instituts der Universität Königsberg Pr. Heft XI / Herausgegeben von Dr. Arved Schultz. – Hamburg: Friederichsen, de Gruyter & Co. m. b. H., 1929.

УДК 615.89(470.66)

ПОЛИЭТНИЧЕСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ ЧЕЧЕНЦЕВ

Ахмадов Тахуз Зайндиевич

доктор медицинских наук, профессор, Чеченский государственный университет
t.ahmadov@mail.ru

***Аннотация**: В статье рассматриваются вопросы генезиса народной медицины чеченцев. Феномен народной медицины очень органично вписывается, как в социальную среду, так и в природную сферу. Этническая самобытность формирования медицинских знаний у любого народа связана с географической средой обитания, зависит от региональной флоры и фауны. При этом, экологические особенности среды обитания во многом предопределяют специфику лечебных средств. Отмечены этнические и региональные особенности формирования медицинских знаний, роль и влияние медицины других народов*

***Ключевые слова**: Чечня, народная медицина, этнические особенности, генезис, этапы формирования.*

Народная медицина является историческим достоянием любого народа, одним из древнейших элементов бытовой культуры, и корни ее уходят вглубь веков. Как показывают этнографические исследования устойчивая, массовая традиционно-бытовая культура, обычно несет основную этническую нагрузку. Несмотря на достаточно развитую научную медицину современности, методы народной медицины используются, и будут использоваться. Особый интерес к народной медицине в значительной мере вызван тем, что еще далеко не исчерпаны все возможности использования многообразного и многовекового опыта народа в области медицины [6]. И это несмотря на то, что ведутся споры относительно эффективности и целесообразности применения тех или иных методов народной медицины.

Сегодня в России народная медицина имеет и правовое регулирование. Согласно ст.50 ФЗ от 21.11.2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" народной медициной являются методы оздоровления, утвердившиеся в народном опыте, в основе которых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здоровья. Кроме того, в Общероссийский классификатор занятий с января 2015 года включены профессии представителей народной медицины – целители, практики и лекари народной медицины.

Соответственно, важным является дальнейшее изучение и регламентации медицины любого народа России, более половины жителей которой, доверяют народной медицине. Предметом данной статьи будет исследование генезиса народной медицины чеченцев.

Чеченцы, самый крупный этнос Северного Кавказа, один из древнейших народов мира. Прачеченцы (нахи) входили в кавкасионскую группу т.н. кавказской подрасы балкано-кавказского типа европейской расы [2]. Первоначальное заселение нынешней территории Чечни шло в эпоху верхнего (позднего) палеолита с юга из регионов Передней Азии и Кавказа (ок. 40 тыс. лет назад – 10-е тысячелетие до н.э.). По внешнему облику это были люди современного физического типа – кроманьонцы; ранние представители современного вида людей.

Кроманьонский человек обладал не меньшим, чем современные люди, объемом мозга с развитыми долями и сформированными теменной частью и мозжечком, достаточными когнитивными способностями, ассоциативным мышлением и развитой речью, которая позволила выражать свои мысли и абстрактные понятия. Наблюдался переход к производящему хозяйству и социально-бытовой организованности. Кроманьонцы стали активно исследовать и экспериментировать, изобретать приспособления, направленные на облегчение их существования.

Рациональное миросозерцание, накопленные знания и наблюдения стали основой для возникновения у прачеченцев, как и у других народов, зачатков врачевания. Везде дикари в одинаковых жизненных положениях, как отмечал M. Bartels (1893), приходят к одним и тем же мерам и взглядам, все равно, живут они на дальнем севере или на экваторе [7]. Это подтверждается найденными археологами на неолитических стоянках древнего человека на Северном Кавказе артефактами, которые указывают на возможность существования в первобытном обществе навыков зачаточной, так называемой «формирующейся медицины»[5]. Формирующаяся медицина, как форма общественной практики и осознанной деятельности человека, зарождается по мере развития общества, его производственной сферы, когда помощь при болезнях и травмах превращается в средство сохранения жизни, здоровья и трудоспособности других членов коллектива. Первобытное врачевание и культовые обряды этого периода явились основой для дальнейшего развития народной медицины в последующие исторические эпохи.

Феномен народной медицины очень органично вписывается, как в социальную среду, так и в природную сферу. Этническая самобытность формирования медицинских знаний у любого народа связана с географической средой обитания, зависит от региональной флоры и фауны. При этом, экологические особенности среды обитания во многом предопределяют специфику лечебных средств. Народная медицина чеченцев тесно связана с ландшафтом, ей присущ местный, локальный характер, однако в рамках своей этнической культуры, с учетом межэтнических связей.

Истоки народной медицины чеченцев идут в глубину древности. На наш взгляд, у пришлых племен, заселивших Северный Кавказ, не позже 9-7 тыс. лет назад формирующаяся медицина имела, вероятно, ближневосточное происхождение (следует сказать, что позже в 4-1 тыс. до н. э. здесь сформируются культурные центры мирового значения – Шумер, Митанни (хурриты), Элам, Ассирия, Вавилон, Урарту). Кстати медицина здесь по многим оценкам была высокоразвитой для своего времени. Известно и более позднее зороастрийское (персидское) влияние на развитие народной медицины [1]. «Зороастризм» – одна из самых древних религий, которая по данным различных исследователей появилась в I–II тысячелетии до н.э. в Иране, и затем распространилась в некоторых странах Средней Азии, Ближнего Востока и в Закавказье. Древняя медицина была отражена в Авесте – священной книге зороастрийцев. В ней рассказывают о трех категориях целителей: исцеляющих молитвами и религиозными ритуалами, особым питанием и лекарствами, специальными инструментами.

Местные нахские горские племена Кавказа в период VII в. до н.э. – IV в. н.э. контактировали, в т.ч. и в области медицины, на юге с Парфией (затем с Сасанидским Ираном), Арменией, Кавказской Албанией, эллинскими государствами Причерноморья, Византийской империей и т.д. На севере, в приазовских и прикаспийских степях происходило знакомство коренного населения региона со скифами, затем с сарматами, которые сменили ослабевших скифов, а еще позже добавляются в этих землях аланы [3]. Возможно, что и эти кочевые ираноязычные племена принесли на Северный Кавказ некоторые достижения своей народной медицины, которые могло заимствовать местное население.

Первобытное врачевание и культовые обряды формировались, развивались и изменялись в течение всего исторического процесса под действием различных эндогенных и экзогенных факторов. Одна-

ко, практически до XV века народная медицина на территории нынешней Чечни, оставалась на уровне эмпиризма и проявлений религиозно-мистических представлений. При этом нахский этнос к концу средневекового периода сохраняется на территории «чеченского кластера» – от реки Акташ и Андийского хребта на востоке, до Дарьяльского ущелья и реки Терек на западе, где, как и на всем Кавказе, господствовали культурно-исторические процессы в рамках т.н. «горской цивилизации» [3].

В данный исторический период эмпирические знания накапливались, обобщались и постепенно становились основой культовой практики врачевания. Примитивные медицинские знания сохранялись путем устной передачи из поколения в поколение, при этом традиционно-устный способ (вербальный путь) передачи знаний не всегда отличался полнотой и точностью, и не было системы знаний. К этому времени процесс лечения болезней становится индивидуальным и появляются народные целители, знахари, которые своей «специальностью» избрали врачевание.

Следующий этап становления народной медицины чеченцев связан с утверждением в XVI веке на территории Чечни мировой исламской религии и распространением арабского языка, во многом определившие дальнейшее развитие чеченского этноса. Арабский язык являлся не только языком Корана и Ислама, но и медицины. Народные лекари стали пользоваться арабскими письменными источниками врачевания – карабадинами (карабадин, китаб, жайна), что привело к существенному пополнению и совершенствованию медицинских знаний. Важным источником медицинских знаний для чеченцев, как и для других мусульман Северного Кавказа, была классическая историко-медицинская литература "Ат-Тыбб аль-Науаби" ("Медицина Пророка", "Пророческая медицина"). Медицина Пророка – прежде всего послание (сунна), которое содержит множество советов и наставлений по таким вопросам, как гигиена, очищение организма, лечение болезней при помощи лекарств. Основополагающим в Пророческой медицине было сохранение хорошего здоровья, профилактика, выведение из организма вредных для него веществ (очищение).

По данным Я.З. Ахмадова (2019) формирование чеченской нации с единым национальным лицом, героическим народным эпосом, военно-политической и религиозной элитой и развитым общественно-национальным самосознанием, основанных на положениях ислама – закончилось к XVIII столетию [3]. На данном этапе развития чечен-

ского общества на становление и развитие народной медицины, ее совершенствование, оказали влияние торговые связи народов. Ведь по Северному Кавказу проходили важнейшие торговые пути между Европой и Востоком, в т.ч. и Великий Шелковый путь. Народная медицина чеченцев развивалась и обогащалась также в результате взаимовлияния и взаимообмена с народной медициной всех горских народов. Чеченский народ с глубокой древности связан многочисленными узами с другими народами Кавказа и со странами, входившими в VII–XIII вв. в сферу влияния арабского Халифата, которые отличались достаточно высоким для того времени динамическим социально-экономическим и культурным развитием.

Не осталась без взаимовлияния и народная медицина казаков, которые стали селиться по реке Терек с середины XVI века. При этом медицина казачества сложилась в Древней Руси и Московском государстве, а также в регионах, откуда пришли казаки. Казаки, используя и совершенствуя опыт народных знаний метропольных территорий, с учетом достижений горской медицины создали оригинальную этномедицинскую традицию [4].

Кроме того, значительное развитие медицинских знаний уже в XIX в. было связано с периодом длительной Кавказской войны, когда медицина народов Северного Кавказа накопила значительный опыт лечения травм и ранений. Чеченские лоры («лекарь») хорошо умели лечить раны и переломы, удалять застрявшие пули, устранять вывихи, делать трепанацию черепа, кровопускание (пхьатохар, ц1ий даккхар). Однако хирургия была сберегательная, так называемая неактивная, консервативная. И как утверждают современники, слава горских лекарей в этом деле была так велика, что не только солдаты Кавказской Армии, но и офицеры обращались за их помощью, и нередко знахари предпочитались европейским докторам.

Арсенал средств народной медицины чеченцев не представлял собой ничего изолированного, а явился сплавом из опыта, переданного по наследству, собственного стихийного опыта и данных, почерпнутых из опыта и информации соседних народностей. Но при этом нельзя говорить о полном заимствовании или подобии, речь идет о некоторой схожести или об использовании в практике отдельных способов и средств, взятых из медицины других народов. Наряду с этим в народной медицине чеченцев встречаются приемы и методы лечения, имеющие в специфике употребления как существенные, так и незначительные различия.

Несмотря на некоторое влияние на народную медицину чеченцев в средневековье соседних народов Кавказа, арабской медицины археологические и этнографические исследования сегодня позволяют утверждать, что народная медицина чеченцев самобытна, так как этническая культура горных зон Чечни и других нахских районов региона конца раннего средневековья, да и позже, несет сугубо местные черты, а древность горных аулов и обществ и неразрывность проживания здесь населения подтверждается топонимическими данными и народными преданиями[3]. Кроме того, в лексиконе чеченцев содержится около 400 медицинских, в том числе анатомических терминов.

Таким образом, археологические находки и данные антропологических исследований на территории нынешней Чечни, отдельные сообщения европейских авторов XIII—XIX вв. позволяют нам считать, что народная медицина существует у чеченцев, как и у других народов, с колыбели человечества. Истоки народной медицины чеченцев кроются в древних государствах Междуречья, в влиянии зороастризма и кочевых ирано-язычных племен. Дальнейшее становление народной медицины чеченцев связано с определенными историческими этапами развития человечества, соответственно социально-экономическому и культурному развитию чеченского общества. Она развивалась и обогащалась в результате влияния арабской медицины, взаимовлияния и взаимообмена с народной медициной всех горских народов и казаческого сословия.

Несмотря на то, что народная медицина чеченцев развивалась во взаимодействии с медициной других народов, она имеет свой самобытный облик, обусловленный своеобразием исторических судеб нахского народа в целом, а также особенностями географической среды обитания с региональной флорой и фауной.

Литература

1. Ахмадов Т.З. Истоки народной медицины чеченцев // Здравоохранение Российской Федерации, 2013, № 4. С.51-54.
2. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М.: «Мир дому твоему», 2001. – 426 с.
3. Ахмадов Я.З., Гумба Г.Д., Курумов Д.С., Хасмагомадов Э.Х. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до конца XV века. Москва: Литера – 2019. – 686 с.
4. Василенко В.Г., Ктиторов О.В., Хлудова Л, Н., Цыбульникова А.А. Использование народной медицины для оказания помощи населению Северного Кавказа в дореволюционный период развития, 2013, №9, С. 196-198.
5. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960. – 519 с.
6. Хасбулатова З.И., Мадагова З.А. Народная медицина чеченцев. Элиста: ЗАО «НПП Джангар», 2012. – 176 с.
7. Bartels M. Die Medicin der Naturvolker. Ethnologische Beitrage. Leipzig, 1893.

УДК 93/94

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ

Демелханов Сулейман Магомедович
старший научный сотрудник Центра нахских исследований ЧГПУ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы, связанные влиянием экономических факторов на особенности протекания социально-политических процессов в историческом прошлом в таком сложном и многонациональном регионе как Северо-Восточный Кавказ.*

Ключевые слова: *кобанская культура, Нартиада, яйлажное скотоводство, Алания, Сарир, нуцал, шамхальство Тарковское.*

Историки на основе данных археологии и этнографии высказали предположение, что «в зоне контактов со степными инокультурными племенами Предкавказья мог существовать своеобразный пограничный кордон из представителей разных племенных групп кобанской культуры». И далее исследователи пишут: «Эта группа видится нам как военизированная часть мужского населения, выделявшаяся среди родичей определенным социальным статусом, обусловленным необходимостью поддержки нормального функционирования яйлажной системы горного скотоводства – основы жизнеобеспечения местного горского сообщества. Постоянный характер самой системы хозяйствования такого типа требовал во все времена, от самых ранних этапов существования культуры до самого позднего, пополнения для пребывания на границе ареала отборного людского контингента, воинов-пастухов, на основе своеобразной кооперации, предполагавшей постоянное выделение таких отрядов из среды отдельных племенных групп. Некое подобие такого института засвидетельствовано и этнографией горских народов Кавказа».

Такие группы, по мысли ученых, являлись также своеобразными культурными ретрансляторами: «По сути, посредством подобных престижных групп кобанского военизированного авангарда осуществлялись разнообразные – мирные и немирные – контакты со всеми чужеземцами, проникавшими в Предкавказье, велись переговоры, осуществлялся взаимный обмен вещами и идеями». Исследователи еще раз подчеркивают их особое место и роль в кобанском обществе:

«В образе жизни этого военизированного авангарда, несмотря на следы синкретичности в культуре, все же просматривались черты узколокальной культуры, искони присущие именно этой группе и выделяющей последнюю среди родственного населения» [1, с. 17]. Особенности хозяйственной деятельности, как видим, способствовали выделению в кобанском обществе особых социальных групп.

По данным исследователей, вплоть до эпохи позднего средневековья у нахских племен существовала своеобразная воинская каста, куда входили представители многих тайпов [2, с. 185-188].

Здесь следует отметить, что по мнению многих исследователей одним из основных центров формирования ядра Нартиады было кобанское общество. Исследователь чечено-ингушского героического эпоса отмечает: «Тема набега пронизывает многие сказания как об отдельных героях, так и группах героев (нарт-орстхойцев либо нартов). Нарт-орстхойцы – не хлебопашцы и не скотоводы, они постоянно охотятся либо совершают набеги. Во всех сказаниях эти эпические персонажи предстают сильными богатырями, гордыми и независимыми. В их отношениях наблюдается своеобразный коллективизм» [3, с. 117]. Помимо этого, нарт-орстхойцы «наделены воинской доблестью, хитры, храбры и очень воинственны» [3, с. 111].

Одной из основ экономической жизни горцев Чечни было скотоводство, которое с глубокой древности носило яйлажный (отгонный) характер.

Скот у чеченцев делился на рабочий (дойный) и гулевой. Первый тип представлял собой разновидность придомного скотоводства. Но, по сведениям исследователей, в хозяйстве чеченцев «преобладал в основном скот второго разряда (гулевой), который почти круглогодично находился за пределами пастбищ населенного пункта – баца бууш» [4, с. 144]. Для сезонных перегонов скота на далекие расстояния горцами на сезон или на несколько лет создавались родственные или соседские скотоводческие объединения – *матт*.

Как пишет С.-М.А. Хасиев, специально занимавшийся изучением этого вопроса «в теплое время скот второго разряда двигался на юг, поднимаясь в горы, занимал там строго отводимые для каждого из расчлененного подразделения ярус. Маршруты определялись меридионально вытекающим из гор рекам и каждому из таких ущелий соответствовал на р. Терек свой брод. Так, например, перегоняемый на равнину скот по Дарьяльскому ущелью в районе г. Орджоникидзе направлялся в две стороны: один уходил в Кабардино-Балкарию и да-

лее в степи, а другой переправлялся через р. Терек в районе нынешнего г. Моздока и далее на север, чтобы с наступлением жары или холода повернуть на юг в сторону гор. Точно такое же перемещение скота происходило по всем ущельям: скот, двигавшийся по р. Ассе, переходил р. Терек в районе с. Знаменское, по р. Аргун у станицы Червленной, по р. Гумс и Хулло по броду у нынешнего с. Брагуны, из ущелья Ясси у г. Кизляра» [4, с. 144-145].

Итак, один из подобных маршрутов, по данным С.А. Хасиева, пролегал по долине р. Аргун. Особенно хорошо были известны и славились альпийские пастбищные луга Пешхойского и Аккинского обществ. На равнине маршрут заканчивался в районе бродов через Терек, расположенных напротив возникшей в XVII в. станицы Червленная, ведущих в обширные затеречные степи. Интересно, что вдоль этого «аргунского» маршрута возникли довольно значительные населенные пункты – Ойзаг-Юрт (Узек-Юрт), Старые Атаги, Чечен-Аул, Девлет-Гирей-Аул и др.

В 1628 г. казачьи городки на Тереке уже испытывали нападения «шибуцких людей». Мало того, терские воеводы на имя царя писали, что «и прежде де, государь, те шибуцкие люди твоих государевых людей побивали ж и городки разоряли ж» [5, с.111-112]. А в 1647 г. «учинилось, что блиско Терских гребней сидят кабаками кумыцкие шибуцкие люди и твоим государевым терским и гребенским атаманом и казаком чинят тесноту и до смерти их побивают» [5, с. 166].

Нападения «горских шибутских людей» на вновь основанный аул Девлет-Гирея Черкасского в 1750-х гг., также как и нападения на казачьи городки, были вызваны, на наш взгляд, желанием не допустить взятия под его контроль конечного участка этого маршрута. И естественно думать, что шибутские люди принимали в этих нападениях активное участие, поскольку действия казаков, а позже и Девлет-Гирея, ограничивая сферу их влияния, затрагивали непосредственно их экономические интересы.

Я.З. Ахмадов пишет, что у горцев Чечни «особенную неприязнь вызывал Червленский редут, построенный на правом берегу Терека. Дело в том, что Червленский редут был сооружен царизмом в целях контроля над передвижениями горцев у переправ через Терек и Сунжу в месте, где пересекались торговые пути. Вследствие серьезной угрозы разрыва отношений с чеченскими обществами коллегия иностранных дел России предложила кизлярскому коменданту Фрауендорфу снести Червленский редут, который якобы «заведен там пона-

прасну и ничему иному не служит, как к побуждению тамошних варварских народов к подбегам под оной…» [6, с. 65-66].

Однако, командование Кавказской линии очень хорошо понимало значение затеречных степей в хозяйственной жизни горцев и в дальнейшем предпринимает меры к усилению их экономической блокады. С подачи кавказских военных администраторов Екатерина II в 1770 г. распорядилась основать новую казачью линию от Моздока до Червленной, закрыв таким образом для чеченцев затеречные степи непрерывной цепью казачьих станиц по левому берегу Терека от Моздока до Кизляра.

Экономическая составляющая была основой многогранных тесных связей народов Чечни и Дагестана.

Единодушное мнение почти всех исследователей, что уже в XVI-XVII вв. в равнинной зоне Чечни земледелие достигло достаточно высокого уровня развития [7, с. 379; 8]. Подтверждением этому служат и исследования дагестанских ученых, установивших, что деградация террасного земледелия у аварцев, объясняется «появлением дешевого кумыкского и чеченского хлеба», вследствие чего «с XVII в. в высокогорной части Аварии отмечается преобладание роста товарности скотоводства над земледелием» [9, с. 22].

Тесные связи между Чечней и Дагестаном имеют давнюю историю. Так, арабский географ и историк аль-Масуди в X в. писал, что между царями Алании (Восточной), располагавшейся на территории современной Чечни, и Сарира, располагавшегося на территории нынешней Аварии, существует союз, закрепленный династическими браками: «каждый из них женился на сестре другого» [10, с. 204]. Интересно, что древний титул правителей Аварии *nucál* (pl. *nucábi*) восходит, в частности, к чеч. *nuc* □зять, жених□ [11, с. 66] (в аварском языке □зять□ – *durc* – см.: 12, с. 58).

Подобный союз имел в своей основе, несомненно, и экономическую подоснову, поскольку даже авторы XIX в. отмечали: «В Аварии грунт земли вообще каменистый, требуется много труда для обрабатывания земли к посеву хлеба, коего недостает на прокормление самих жителей, не только на продажу» [13, с. 277]. Между тем, о соседней и союзной Сариру Алании тот же аль-Масуди пишет как о густозаселенной земледельческой стране: «Его царство состоит из непрерывного ряда поселений: когда утром запоют [где-нибудь] петухи, ответ им доносится из других частей царства ввиду чересполосицы и смежности селений» [10, с. 205]. Известно, что, когда в XIII в. в Ита-

лии был голод, «благородные венецианцы разослали корабли всюду» и в числе народов, у которых был закуплен хлеб упоминаются аланы. Как пишут Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, и в более поздние времена, «в XIV и XV вв. итальянские колонисты [черноморского побережья] покупали хлеб в Алании и Черкесии» [14, с. 94].

Власть тарковских шамхалов, по данным письменных источников, носила в значительной мере экономический характер. Так, о горцах Нагорного Дагестана («лезгинах»), Н.Н. Муравьев-Карский писал: «Те из них, которые живут в горах, не могут существовать без помощи прибрежных к морю лезгин. Имея большие стада овец, они принуждены сгонять их на зимнее время к морю, в шамхальские и каракайдакские земли, где климат несравненно теплее, и потому они платят дань шамхальцам за луга их овцами, из числа пригоняемых ими, и занимают хутора или зимовки, однажды ими выстроенные. Сие самое содержит их в некоторой зависимости от шамхальцев, а в теперешнем времени от нас…» [15, с. 337].

Немаловажное значение в экономической жизни населения Северо-Восточного Кавказа имела добыча соли. Самыми крупными соляными озерами были Туралинские озера близ селения Тарки. Соль отсюда шла не только на удовлетворение нужд местного населения, ею снабжалась также большая часть жителей горного Дагестана. Это давало возможность тарковским шамхалам вплоть до нач. 2-й пол. XIX в. активно вмешиваться во внутренние дела многих местных обществ, оказывая на них свое политическое влияние. Путешествовавший по Кавказу Х.Х. Стевен в 1811 г. писал, что «всего важнее как в хозяйственном, так и в политическом отношении соляные озера, под самым городом [Тарки] находящиеся; кроме того, что шамхал имеет от них знатный доход, необходимость, в коей находятся лезгины и чеченцы, покупать у него соль для себя и своих стад, содержит их во всегдашней зависимости от сего владельца» [16, с. 37].

Итак, подводя итог краткому и неполному анализу исторических источников мы можем сделать вывод, что доступ к тем или иным экономическим ресурсам являлся одним из важных рычагов военно-политического давления и влиял на характер взаимоотношений между различными группами населения и политическими образованиями Северо-Восточного Кавказа с глубокой древности вплоть до недавних времен.

Литература

1. Козенкова В.И., Сосранов Р.С., Черджиев Э.Л. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // Материалы и исследования по археологии России, № 1. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997.
2. Натаев С.А. Чеченские тайпы. Проблемы изучения природы, структуры, и исторической динамики социальных институтов чеченцев. Махачкала: Алеф, 2013.
3. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М.: Наука, 1972.
4. Хасиев С.А. Скотоводство у вайнахов по этнографическим материалам // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990.
5. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII вв. Сборник документов. М.: Восточная литература, 1997.
6. Ахмадов Я. З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991.
7. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. СПб., 1871.
8. Властов. Война в Большой Чечне // Газ. «Русский инвалид», №№ 159, 160, 164, 165, 166, 167.
9. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.
10. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
11. Николаев С.Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985.
12. Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М.: Восточная литература, 2003.
13. Скалон Ф.П. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. М.: Издательство восточной литературы, 1958.
14. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. Т. 3. М., 1938.
15. Муравьев-Карский Н.Н. Записки. 1822 и1823 годы // Русский архив,1888. № 7.
16. Выписка из замечаний К.С. Стевена, сделанных в путешествии во вновь приобретенные кавказские области // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. V. Тифлис, 1873.

УДК 74.03

«ИСЛАМСКИЙ РЕНЕССАНС» В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (XIX В.)

Блейх Надежда Оскаровна
доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
nadezhda-blejjkh@mail.ru

Аннотация. *В статье на основе архивных и документальных материалов анализируется «исламский ренессанс» в контексте российской конфессиональной политики. Доказывается, что главным фактором «исламского ренессанса» является вхождение северокавказских народов в правовое и социокультурное поле России. В его показатели входили: легитимация традиционных исламских институтов и их функционирование, учреждение мечетей, при которых проходило отправление религиозного обучения. Делаются выводы о том, что разрабатываемая Российской империей на Северном Кавказе в XIX столетии социально-духовная модернизация способствовала консолидации исламизма в горской среде. Однако многие проекты проводимой реформы оказались имперфективными, и потому по сей день порождают полемику. Данное обстоятельство призвано акцентировать внимание нынешних российских властей в выработке взвешенной политики в решении «мусульманского вопроса».*

Ключевые слова*: Российская империя, Северный Кавказ, реформирование, исламский ренессанс, иноэтнический социум.*

Введение. В Северокавказском регионе не найдется ни одной политической или социальной проблемы, в которой не присутствовал бы исламский элемент, поскольку большинство иноэтнических групп, проживающих на Кавказе, составляют мусульмане (их в крае насчитывается около 5 млн.). В настоящее время, анализируя роль ислама, нам приходиться обращаться к истории взаимоотношений России и Кавказа, которые исследователями не всегда оцениваются однозначно. Однако ни у кого из ученых не порождает сомнения то обстоятельство, что взаимодействие Северного Кавказа с Россией на протяжении нескольких столетий наложило отпечаток на политико-экономическую и социально-духовную жизнь горских народов. Причем, в сторону позитива.

Особо эта тенденция стала проявляться в XIX веке, когда в крае набирает силу исламское возрождение. Одним из звеньев его является политизация ислама, от результата которого зависело последующее развитие событий в регионе, его позиция по отношению с Центром. В ходе этого процесса определялся менталитет мусульман, их

идентичность, на перемену которой Россия никогда не претендовала. То, что мы наблюдаем сегодня, является отражением процессов, начавшихся не один век назад. Это снова и снова заставляет нас обратиться в прошлое для того, чтобы правильно расставить акценты по поводу исламского вероисповедания, так как оно до сих пор остается не просто конфессией, а мощным фактором, формирующим этническую тождественность мусульманских общин, имеющих огромное влияние на ценностные ориентации ее членов. И чтобы эти нравственные императивы не приобрели негативные тенденции, российская власть обязана обратиться к истории, чтобы выработать правильную стратегию и тактику своих действий в крае. В этом нам видится актуальность и ценность настоящей статьи.

Обсуждение. В процессе постепенной инкорпорации северокавказских территорий в тело российского государства, проживавшие на них этнические сообщества, стали выражать надежду не просто на защиту своих социально-экономических запросов надежным государственным установлением, но и на веротерпимость. Такой вывод исходил из имеющейся практики конфессиональной политики, проводившейся Российской империей до XIX века. Данный тезис подтверждает высказывание известного просветителя И. Гаспринского. Он говорил следующее: «Российские мусульмане по законам нашего Отечества пользуются равными правами с коренными русскими и даже в некоторых случаях, во уважении их общественного и религиозного быта, имеют кое-какие преимущества и льготы» [6, с. 23].

Действительно, ислам на Северном Кавказе имел паритетный статус, а исповедующие данную религию люди официально считались гражданами единого Отечества. Это нашло своё отражение на законодательном уровне. Так, в «Своде законов Российской империи» провозглашалось: «…все присягающие царю на верность подданства по своей вере и закону, становятся русскими подданными, независимо от национальности и вероисповедания» [8, с. 11]. Как видим, в стране соблюдался принцип религиозной веротерпимости, который предполагал её непреложное выполнение.

Либерализм Российской империи по отношению к исламу восходит к временам известного предписания 1773 года императрицы Екатерины Второй: «…общее заведование различными конфессиями передавалось светской, а не религиозной власти, что оградило иноверные исповедания от какого-либо влияния православной церкви» [1, с. 289]. Хотя существуют более ранние источники, датируемые

1584 годом, которые повествуют о том, что и во времена Федора Ивановича «не было никаких притеснений магометан в России» [4, с. 37-39]. Причина такой лояльности нам видится в еще более раннем периоде – во времени набегов Золотой Орды на Русь. Как известно, монголы, будучи мусульманами, никогда не притесняли иноверцев и даже оказывали им свое покровительство. Такого рода «цивилизационный компромисс» имел весьма широкое применение и в других странах. Однако в отличие от многих европейских государств, где веротерпимость допускалась лишь отчасти, многие документы свидетельствовали, что «русские никогда не доказывали своего религиозного превосходства» [9, л. 287].

Путешественники, наблюдавшие политику русских чиновников в только что присоединенных районах Северного Кавказа в впервой половине XIX в., отмечали отличия российских чиновников от деятельности европейцев в подвластных им странах Востока. Они утверждали, что «русские покушались строить мечети, поставлять мулл и проч.» [13, л. 47].

Этот факт нашел свое подтверждение и в ходе русско-иранской конфронтации (1826-1828 гг.), когда персидский предводитель Гассан-хан хотел сравнять с землей Эчмиадзинский монастырь, советники ему напомнили, о том, что даже «русские два раза побывав в Эриванском ханстве и оба раза потерпев поражение, при отходе, никогда не оскорбляли магометанской святыни» [12, л. 23].

Императив толерантности являлся главенствующим и при формировании внутренней политики Империи в процессе Кавказской войны (1817-1864 гг.). Не смотря на то, что главным ее лозунгом была «борьба за веру», уважительное отношение к исламу со стороны России не менялось. Хотя многие исследователи до сих пор считают политику государства XIX века «антиисламской». Одним из них является профессор Тельавивского университета М. Гаммер, который в своих трудах неоднократно заявляет, что такая политика «грозила кавказским народам потерей своей самобытности». Однако автор иногда противоречит сам себе, иногда давая фактам оценочные суждения. Так, в своей работе «Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan», он вынужден был отметить: «...даже в ходе ожесточенных сражений мечети оберегались русскими войсками» [14, с. 88, 112, 267].

Об отношении к мусульманству в период становления «российского владычества» на Северном Кавказе говорит и такой факт, что

самая большая мечеть в ауле Герменчук была построена на деньги, выделенные А.П. Ермоловым [5, с. 287].

В процессе Кавказской войны поиск противодействия религиозному фанатизму побуждал российских чиновников делать упор на традиционализм, основанный на стереотипах функционирования «туземных обществ» [2, с. 289]. Этот способ, как предполагалось, должен был создать некое препятствие на использование исламской веры в антирусских целях, однако он ни в коей мере не был направлен против самой религии. При этом создавались взвешенные и весьма сдержанные подходы, так как цивилизационные преимущества в ходе длившейся конфронтации в регионе имели большое значение.

Повышенный же интерес к религиозному фанатизму во второй половине XIX в. со стороны царских чиновников наблюдался в областях, которые входили когда-то в имамат Шамиля и служили главными зонами военных действий. В этом аспекте особо отметим чеченские племена, проживающие в нагорной полосе. Менее восприимчивыми к антирусской пропаганде оказались кабардинские общества. Этот факт также нашел отображение в российской конфессиональной политике, проводившейся на Северном Кавказе [11, с. 67].

Однако на возникшую политическую ситуацию оказывали влияние не только внутренние, но и внешние факторы. «Риск религиозных противоречий был обусловлен не столько идеологическими столкновениями двух конфессий – христианской восточно-европейской) и мусульманской (восточно-исламской), носившими ранее антагонистический характер, сколько доктринальными расхождениями в самом исламе», - отмечает исследователь Р.М.Гичибекова [7, с. 72].

В среде мусульман Восточного Кавказа они появились благодаря влиянию Ирана, где был распространен шиизм, а Западный Кавказ оказался под воздействием Османской империи, благодаря которой утвердился суннизм. Сунниты и шииты обвиняли друг друга в несоответствии «древним установлениям Мухаммеда» [3, с. 03-07]. Шииты считали неправильной практику учета «мнения общинников» по поводу религиозных отправлений и отдавали пальму первенства при принятии таких решений духовному вождю (имаму), считая его «глашатаем непогрешимой мудрости высшей религиозной власти». Сунниты же, в свою очередь, считали шиитов «экстремистами и провокаторами». Вследствие этого идеологического раскола в исламе существовала вероятная опасность общерегионального конфликта,

что отмечал французский писатель А.Дюма при посещении Кавказа в 1858 году. Он писал, что из-за религиозных противоречий исповедующие суннизм и шиизм «ненавидят друг друга так искренне и глубоко, как в XVI веке католики и гугеноты» [9, л. 287]. Однако и между самими суннитами сложилось разделение на ханифатский и шафиитский мазхаб. Приверженцами первого направления являлись адыги, абазины, балкарцы, кабардинцы, ногайцы, туркмены, черкесы, адептами второго – дагестанские народы, чеченцы, ингуши.

Как видим, продвижение Российской империи на Северный Кавказ в ареалы с мусульманским населением осуществлялось при помощи самой религии. В этом аспекте нельзя не упомянуть мухаджирство, возникшее вследствие агитации Турции в 60-х годах XIX столетия, до сих пор являющееся предметом дискуссий.

Вопреки заверениям османских властей о якобы обеспеченной жизни, иммигранты столкнулись с запретами на использование родного языка и своей культуры, т.е. невозможностью своего духовного развития. «В результате оказались обезличенными, лишились своей этнической принадлежности, даже отправление религиозных обрядов должно было совершаться на турецком языке. С этой целью во все мечети кавказской диаспоры направлялись представители местного духовенства» [1, с. 293]. С течением времени многие иммигранты осознали, что их статус в христианской России был намного выше, чем в мусульманской Порте [12, л. 32], так как в последней всегда учитывались этнические и религиозные факторы, особое внимание обращалось на духовность горских народов.

Имперская власть взяла курс на развитие мусульманского образования. Весьма поощрялось открытие новых мектебе (средних) и медресе (высших) духовных учебных заведений. В итоге к концу XIX столетия на Кавказе их числилось более 2 тысяч. Однако они располагались неравномерно: 47 % находилось в восточных областях края и лишь 3 % приходилось на западные области [11, с. 67]. Поэтому проводимая Россией просветительская политика нуждалась в существенном реформировании.

Мектебе являлись образовательными учреждениями начальной ступени. Для их открытия не нужно было официального разрешения, а только наличие учеников и желания учителя. Поэтому они были в каждом ауле. Медресе являлись учебными заведениями высшего порядка и потому существовали только в крупных городах. Важным недостатком образовательной политики было то, что в вышеупомяну-

тых учебных заведениях зачастую преподавателями являлись эмиссары из мусульманских стран (Турции, Афганистана, Ирана), зачастую культивирующие антирусский настрой среди молодых людей, что, естественно, приводило к сепаратизму. Однако такие учебные центры со временем не стали пользоваться спросом у населения, и лишенные всяческой финансовой поддержки со стороны государства, они постепенно стали исчезать. Но говорить о том, что существовал в целом запрет на учреждение и функционирование духовных учебных заведений, было бы неверно.

Более того, вся богословская литература стала переводиться на русский язык и языки этнических групп (полностью арабский язык, являющийся доминантным при преподавании духовных дисциплин, был ликвидирован после 1917 года).

Параллельно классическим мечетьским, повсеместно в крае стали открываться государственные «казенные» школы, в которых также обучали основам духовного вероучения. При этом в областях, где имелась поликонфессиональность (например, в Ставрополье, Осетии), в школах преподавался Закон Божий и Ислам (по выбору). Что интересно, право преподавания принципов мусульманства было предоставлено резидентам от самого населения, имеющих духовный сан. Такие школы являлись объектами административного наблюдения.

Уважительно относились в Российской империи и к традиционным исламским институтам, одним из которых явился обычай хотя бы раз в жизни совершить хадж (паломничество) в Мекку с целью поклонения «гробу пророка Магомета». Для желающих посетить мусульманские святыни создавались все условия: выделялась помощь от казны, имелись специально оборудованные «паломнические пароходы» со всем необходимым «для господ совершения хаджа». В случае если отдельные паломники по святым местам возвращались на Родину с антирусскими настроениями, их отслеживало Министерство внутренних дел, но в целом на паломничество правоверных запрет не устанавливался.

Также поощрялось строительство новых мусульманских храмов. Для их застройки использовались добровольно собираемые населением пожертвования. Из своей среды общины выбирали себе и духовных наставников. Администрация в эти решения не вмешивалась, поэтому «приговоры горских обществ» обычно не встречали препятствий [13, л. 47].

Заключение. Главным атрибутом «исламского ренессанса» яв-

ляется упрочение основ мусульманской конфессии в XIX столетии. Оно стало возможным лишь после вхождения северокавказских народов в правовое и социокультурное поле России. Этого не смогли добиться за вышеназванный период в мусульманских районах России заинтересованные зарубежные страны. Вследствие правильно проводимой конфессиональной политики Империи на Северном Кавказе, исламизация населения стала возрастать, причем даже в тех областях, которые до инкорпорации были подвержены данному процессу весьма поверхностно. Признаками же «исламского ренессанса» в теле Империи являлись легитимность исламских классических институтов, беспрепятственное отправление религиозного обучения.

Консолидация основ вероучения предпринималась русскими властями преимущественно для «повышения гражданственности и нравственности» на западных и восточных окраинах, однако на последних цивилизационное тяготение было более ярко выражено. Проводившаяся на Северном Кавказе реорганизация в экономико-политической и социально-духовной сферах способствовала укоренению авторитета ислама в жизни иноэтнического общества, содействовала мусульманизации горцев.

Мусульманская вера вследствие этого упрочила свои позиции, постепенно обретая конструктивные для эволюционной целостности российской государственности резервы. Она перестала играть агрессивно-негативную роль, трансформируясь на северокавказской периферии в элемент общегосударственной консолидации. Однако многие российские прожекты по апгрейду Северокавказского края остались только на бумаге. Коснулось это и отношения к исламу, в результате чего у современных политиков и ученых осталось много загадок. Поэтому мусульманский вопрос и сегодня стоит в центре внимания и требует выработки более взвешенного решения исламской проблемы.

Литература

1. Арапов Д.Ю. Мусульманский мир в понимании правительства Российской империи // Вопросы истории. № 4. 2005. С. 13-18.
2. Блейх Н.О. Социокультурная парадигма становления просветительства на Северном Кавказе. Монография / Н.О. Блейх; Федеральное агентство по образованию, ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова». Владикавказ, 2009. – 214 с.
3. Блейх Н.О. Проблемы мусульманского образования сквозь призму истории //Психология. Социология. Педагогика. № 2(45). 2015. С. 03-07.
4. Блейх Н.О. Начало становления просветительства на Северном Кавказе (первая

половина XIX века) //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5-1(43). 2014. С. 37-39.
5. Блейх Н.О. Исторические вехи становления и развития просветительства на Северном Кавказе в русле российской цивилизационной политики. Т. 1. Москва, 2017. - 265 с.
6. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. — Симферополь, 1881. – 213 с.
7. Гичибекова Р.М. Некоторые особенности самодержавия в отношении ислама на Кавказе //Научное обозрение. - Махачкала, 2012. - Вып. 51. С. 72-78.
8. Обозрение исторических сведений о Своде законов Российской империи. Изд. 2. СПб.: Типография 2 Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837. - 204 с.
9. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1406 [Фонд генерала А.П. Ермолова]. Оп. 1. Д. 313. Л. 287.
10. РГИА СПб. (Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга). Ф. 1268 [Кавказский комитет]. Оп. 1 Д. 545. Лл. 5-16.
11. Хачидогов Р.А. Российская политика в области мусульманского образования конца XIX – начала XX веков на Северном Кавказе //Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. N 5.Часть 1. 2015. С. 67-72.
12. ЦГА РСО-А (Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания). Ф. 290 [Управление начальника Владикавказского военного округа]. Оп. 19. Д. 2. Лл. 23-56.
13. ЦГИА РГ (Центральный государственный исторический архив Республики Грузия). Ф. 229 [Канцелярия наместника на Кавказе по военно-народному управлению. 1883-1908 гг.]. Оп. 1. Д. 1078. - Л. 47.
14. Hammer M. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. London, 1994. P.512.

УДК 74.03.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИСЛАМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX ВЕКЕ

Хачидогов Руслан Асланович
старший преподаватель, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского Университета МВД России
ruslan.khachidogov.88@mail.ru

Аннотация. *В представленной статье проведен анализ эволюции исламской религии на Северном Кавказе в XIX веке. Особое внимание уделено процессам становления исламав регионе. Доказывается, что распространение ислама на территории российского государства носило региональный характер. Автором сделан вывод о том, что XIX век является основным этапом установления мусульманства, так как в указанный исторический период происходит становление правового статуса мусульман не только в рамках отдельного региона, но и на территории российского государства в целом.*

Ключевые слова*: религия, ислам, Российская Империя, Северный Кавказ, государственно-религиозная политика.*

В научной литературе существует множество исследований, посвященных религии и ее распространению в российском государстве. Одни ученые анализируют генезис отдельных религий, другие исследуют государственно-религиозное взаимодействие и правовое регулирование деятельности религиозных объединений, третьи акцентируют внимание на религии как факторе развития экстремизма и терроризма. Однако, по нашему мнению, особый интерес приобретает историко-правовой анализ становления отдельных религий на территории российского государства.

Отметим, что до принятия христианства на территории Руси повсеместно было распространено язычество, что отнюдь не способствовало единению племён с собственными, отличными друг от друга пантеонами богов. Крещение Руси в 988 году стало отправной точкой исторического процесса становления православия доминирующим религиозным течением на территории будущей России. В период существования Киевской Руси, Российской империи вплоть до 1917 года формально существование иных кроме православного вероисповеданий не отрицалось. Однако, христианская вера, православие в частности были замкнуты на себе, прозелитизм был однонаправленным, переход в православие поощрялся, выход из него — наказывался.

Следует согласиться с В.Е. Чиркиным, который отмечает, что

«религия является одной из форм общественного сознания, в основе которой находится идеализированное отражение действительности. Суть её заключается в том, что все существующие процессы и явления в природе и обществе, в личной жизни человека объясняются влиянием или действием сверхъестественных сил. Вера в сверхъестественные силы, богов, святых, духов, чудеса, «потусторонний мир» составляет существо любой религии» [1, с. 278].

Российское государство и его история неразрывно связаны с христианской религией, однако, по нашему мнению, учитывая современный многонациональный состав российского народа особый интерес представляет изучение процесса становления религии ислам на территории Российского государства. В первую очередь отметим, что под исламом (от араб. – покорность) принято понимать монотеистическую религию, одну из мировых религий (наряду с христианством и буддизмом). Возникла данная религия в Аравии в VII веке и складывалась она под значительным влиянием христианства и иудаизма [2, с. 15].

Важно отметить, что распространение ислама на территории российского государства носило региональный характер. Данный регион российского государства не стал исключением из мировой практики и появление ислама среди религии народов Северного Кавказа связывают с арабскими походами VII-VIII веков. Позднее целый ряд факторов как внешних, так и внутренних повлиял на активное развитие указанной религии именно в этом регионе. Внешними в данном случае выступали воздействия со стороны Ирана и Османской Империи, а внутренними – дагестанские правящие верхи и мусульманское духовенство. Таким образом, исламизация Чечни и в некоторой степени Ингушетии осуществлялась из Дагестана, среди адыгских народов ислам распространялся с побережья Черного моря [3, с. 19].

По нашему мнению, особый интерес представляет не только региональный аспект распространения ислама на территории российского государства, но и отдельный исторический период – XIX век, так как именно в это время происходит масштабное распространение и государственно-правовое признание ислама в российском государстве. Тем не менее и в этих условиях российские власти одновременно занимались привлечением местного мусульманского духовенства к управленческим процесса и активной миссионерской христианской деятельностью. Отметим, что с начала XIX века мусульмане на Северном Кавказе получили следующие права и обязанности:

«1. Право почетных мусульман Кавказского края посылать детей на учебу в кадетские корпуса;

2. Право муллы военной крепости Анапы на государственное жалованье;

3. Право северокавказских горцев на муллу при прохождении обучения в российских военных учебных заведениях;

4. Право военных-мусульман на получение муллы и лекаря для Дагестанского конно-иррегулярного полка» [4, с. 45].

Данные права и обязанности касались исключительно лиц, исповедующих исламскую религию, и закреплялись специальными актами. Таким образом, с начала XIX века происходит становление правового статуса мусульман. Важно также отметить, что данный правовой статус закреплялся не на всей территории Российской империи, а лишь для отдельных небольших регионов, что напрямую связано с региональным аспектом распространения исламской религии в тот период времени.

Помимо того, что происходило правовое закрепление статуса мусульман на Северном Кавказе, первая половина XIX века также характеризуется созданием соответствующих органов контроля и надзора за жизнью мусульман России. Контроль распространялся, например, на содержание и характер мусульманских проповедей, произносимых во время «пятничных хутб» в аульных мечетях. Поддержка местной администрации оказывалась имамам только в том случае, если они не критиковали деятельность Российской империи. Если же они прямо или косвенно намекали на какие-то проблемы в данной сфере – деятельность таких проповедников, как правило, заканчивалась.

Следует также согласиться с мнением И.Л. Бабич о том, что нормативные акты второй половины XIX – начала XX веков с одной стороны сохраняли правовое закрепление ранее провозглашенных на государственном уровне прав и обязанностей мусульман, а с другой стороны – регламентировали новые. При этом большинство нормативных актов возникало в процессе государственного разрешения конкретных ситуаций, т.е. данная деятельность властей носила не плановый характер, а прецедентный. При этом особенностью нормативного регулирования правового статуса мусульман во второй половине XIX века является тот факт, что данные права и обязанности стали распространяться на значительную группу мусульман, либо на всех мусульман России [5, с. 13].

С точки зрения изменения правового статуса следует отметить, что мусульмане во второй половине XIX века обладали следующими правами и обязанностями:

1. Право освобождения единственного сына от воинской службы. Согласно Уставу о воинской повинности 1897 года;

2. Обязанность выплаты воинского налога;

3. Право военных мусульман на исполнение мусульманских треб;

4. Право на судебную деятельность по нормам шариата.

Таким образом, XIX век является основным этапом становления религии ислам на территории Северного Кавказа. Географические особенности расположения данного региона и подверженность влияниям иных государств сопровождаются внутренним развитием ислама на территории Северного Кавказа. Происходит не только религиозное развитие ислама, но и его популяризации. В этот же исторический период происходит становление правового статуса мусульманина, что происходит как посредством специальных актов, затрагивающих лишь данную религию, так и посредством государственно-религиозного взаимодействия в целом.

Литература

1. Чиркин В. Е. Конституционная терминология: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. - 272 с.
2. Порохов А.М. Большой Энциклопедический словарь: 4-е изд., перераб. и доп. 2014. - 1456 с.
3. Блейх Н.О. Исламский фактор в конфессиональной политике российской империи XIX века // Политика и общество. 2017. № 5 (149). С. 19-26.
4. Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М.: ИКЦ Академкнига, 2001. - 440 с.
5. Бабич И.Л. История государственно-религиозного взаимодействия в мусульманских регионах России в конце XVIII - начале XX в. (на примере народов Кавказа) // История государства и права. 2009. № 13. С. 12-16; № 14. С. 13-18.

УДК 74.03.

НАРОДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ДВИЖЕНИИ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН (начало XX в.)

Курмансеитова Аминат Хасановна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований
akseit@yandex.ru

***Аннотация**. Автор в статье рассматривает мусульманское просветительское движение в регионе на базе историографии второй половины XX – начале XXI вв. Это движение оказало позитивную роль в развитии духовной культуры мусульман Северо-Западного Кавказа. В программу новометодных школ включили светские дисциплины, открыли женские школы, стали развиваться издательское дело и периодическая печать.*

***Ключевые слова:** духовная культура, издательское дело, новометодные школы, периодическая печать, просветительское движение, Северо-Западный Кавказ.*

В начале XX в. движение джадидизма (обновленчество, идеология исламского модернизма) оказало позитивную роль в развитии духовной культуры мусульман Северо-Западного Кавказа. В научных трудах Т.Ш. Биттировой, А.И. Караевой, Т.Х. Кумыкова, А.Р. Наврузова, В.Б. Тугова, Р.Т. Хатуева имеются отрывочные сведения о включении в программу школ светских дисциплин, открытии женских школ, издании книг на родных и восточных языках, публикациях местных мусульман в восточной и русской печати. Однако данная проблема до сих пор не стала объектом комплексного монографического исследования. Автор в статье рассматривает мусульманское просветительское движение в регионе на базе отрывочных сведений в историографии второй половины XX – начале XXI вв.

В последней четверти XIX в. в среде российских мусульман постепенно увеличивалось число лиц, получивших светское образование не только в России, но и за границей. Некоторые из них осознавали необходимость модернизации духовной культуры мусульманской общины России. Многие проблемы, разрешенные для русского населения, российским мусульманам было сложно реализовать в связи с ограничением их конституционных прав. Прогрессивная интеллигенция неоднократно ставила перед царским правительством наряду с вопросами развития культуры и социально-политические про-

блемы мусульманского общества.

В 1880-х гг. зародилось просветительское движение российских мусульман, значительно активизировавшееся после Первой русской революции. Первые шаги модернизации в духовной культуре мусульманского общества были сделаны в области народного образования. Просветительское движение российских мусульман непосредственно было связано с педагогической и издательской деятельностью Исмаила Гаспринского. Именно он провозгласил «программу толерантности и взаимопонимания между народами, союза и взаимодействия цивилизаций и культур», и его идеалы общетюркской солидарности («Единство в языке, мыслях» (вере и делах) – «*Dilde, Fikirde, iste Birlik*») и концепция «русско-восточного соглашения», «тюркославянского союза» стали «важнейшими ступенями на пути к утверждению подлинного интернационализма» [1, 15].

Для реализации данной программы Исмаил Гаспринский провел модернизацию народного образования и организовал издательское дело и развитие периодической печати российских мусульман. 10 апреля 1883 г. в Бахчисарае И. Гаспринский начал издавать газету «Терджиман» («Переводчик»), выходившей на литературном *тюркӏ* и частично на русском языке.

Славу и известность Исмаилу Гаспринскому принесла не только газета «Терджиман», но и азбука, составленная им по европейскому звуковому методу, по этому букварю обучали в новометодных школах. Название этих слов происходит от арабского *«усуль джадид»* – «новый метод», в основе слова «*усул*» – арабское слово «*асл*», что означает «основа, корень, метод» [2, 137]. Мусульманская интеллигенция России назвала этот метод *«жэдитчелек»* – джадидизм [3, 128], в связи с этим и общественное движение мусульман получило это же название.

Переход мусульманской школы от схоластического метода обучения к европейскому звуковому методу способствовал активизации распространения знаний в российской мусульманской общине. Учащиеся мусульманских школ, обучавшиеся по новой методике, уже через полгода овладевали техникой чтения, в то время как в старометодной школе этот процесс длился несколько лет. В новометодных школах была обновлена программа, введены светские дисциплины, изучались родной и русский языки.

16-21 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде проходил III Всероссийский съезд мусульман России, на котором из принятых 72 резо-

люций – 33 были посвящены школьному вопросу. Значимыми в жизни российских мусульман являлись решения, принятые на форуме, касающиеся полного преобразования начальных мусульманских школ – мектебе и медресе – о передаче их из рук мусульманского духовенства в руки общества. Делегаты приняли решение об обязательном обучении мусульманских детей в возрасте от 8 до 15 лет, начальное образование было обязательным для каждого мусульманского мальчика и девочки.

В программу мусульманской школы должны были быть включены светские дисциплины, а в круг чтения обязательно должна была войти не только классическая восточная литература, но и научно-популярная книга, что предусматривало расширение сети восточных типографий.

В 32 пункте резолюции III Всероссийского съезда мусульман России была дана рекомендация: «Желательно открытие возможно большего числа читален при медресе». В регионах проживания мусульман стали открывать читальные залы, не только в медресе, библиотеках и книжных магазинах, но и в частных домах российских мусульман.

На страницах «Терджиман» освещались идеи модернизации культуры мусульман России в сфере образования, книгопечатания, издания периодической печати и газета содействовала распространению идей джадидизма в России. Газета получила широкое распространение среди мусульман России, её выписывали и читали во многих регионах, некоторые ногайцы являлись не только подписчиками, но и корреспондентами «Терджиман».

Необходимо отметить – развитие духовной культуры мусульман России не могло получить интенсивного развития, так как царское правительство запрещало мусульманам открывать типографии, издавать книги, периодические издания, развивать художественную литературу. Первая русская революция способствовала активизации деятельности джадидов в области книжного дела и развития периодической печати. Манифест «Об усовершенствовании Государственного порядка», провозглашенный 17 октября 1905 г. императором Николай II, даровал народам России основы гражданской свободы. Мусульмане России воспользовались полученными правами: стали создавать свои партии, союзы и общества, в регионах проживания мусульман начали открывать типографии, печатать газеты и журналы, издавать большими тиражами книги по доступной цене.

Просветительское движение Исмаила Гаспринского было поддержано мусульманами Северо-Западного Кавказа, его книги были в круге чтения местных мусульман. Например, рукопись книги И. Гаспринского «Мусульманская вера» в переводе на кабардинский язык, поступила в мае 1886 г. в Кавказский цензурный комитет, что свидетельствует о популярности творчества Исмаила Гаспринского среди адыгов.

В конце XIX – начале XX в. последователи прогрессивного движения Исмаила Гаспринского, поддержавшие идею образования, развития книжного дела и периодической печати, были и на Северо-Западном Кавказе.

Исмаил Акбаев учился в мектебе в Балкарии в Верхнем Баксане, продолжил учебу в медресе в Казани, а затем учился в Бахчисарае в новометодном медресе Исмаила Гаспринского, в Тифлисской учительской семинарии, в Баку и Стамбуле [4, т. 2, 72]. Он был сторонником просветительского движения российских мусульман. В 1898-1917 гг. Исмаил работал учителем в Тебердинской школе и ввел в программу обучения в мектебе естествознание, математику, географию, произведения восточной классической и русской литературы [5, т. 2, 73]. Он в 1916 г. вместе с Саидом Халиловым был инициатором открытия в Теберде первой женской школы для обучения карачаевских девочек.

Абазинский просветитель Татлустан Закерьяевич Табулов (1879-1956) родился в ауле Бибердовском (ныне аул Эльбурган), учился в школе известного арабиста Умара Микерова в ауле Бибердовском, позже он продолжил учебу в Ардонской духовной семинарии [6, 77], однако семинарию не окончил [7, 65].

В разных источниках и публикациях фамилию Т.З. Табулова писали: «Таболов, Тобылов, Тобылъ, Тоболь, Тоболэ». Отчество Татлустана Табулова исследователи указывали: Закиреевич, Закеряевич, Закириевич». Лингвист С.Х. Ионова полагает, что надо писать: «Закерьяевич», как указано в его личных документах [8]. Вышеуказанные разночтения возникли вследствие неверной транслитерации фамилии и отчества Т.З. Табулова с арабской графики и латиницы на кириллицу.

Татлустан Табулов «в 1915 г. на учительской конференции Баталпашинского отдела, состоявшейся в поселке Теберда, выступил с резкой критикой политики царизма в области народного просвещения и поставил вопрос об обучении не только мальчиков, но и девочек [9,

77-78]. Данный факт свидетельствует о том, что Т.З. Табулов поддерживал резолюцию по школьному вопросу III-го мусульманского съезда (Нижний Новгород, 1907 г.) об обязательном начальном обучении мусульманских мальчиков и девочек.

Мусульмане Карачая, Черкесии, Кабарды, Балкарии и Адыгеи выступали на страницах восточной и русской печати со статьями, посвященными не только вопросам культуры, но и социально-политическим, экономическим проблемам горцев. Профессор Т.Х. Кумыков, анализируя публикации Б. Шарданова, отметил: «Батырбек проявил себя как историк и публицист, этнограф и общественный деятель. По специальности он был инженером путей сообщения, служил в Кубанской области» [10, 141].

Действительно, Б. Шарданов принимал активное участие в разработке истории и этнографии кабардинцев и черкесов. Он опубликовал в периодической печати ряд статей по истории черкесов, освещавших злободневные вопросы, связанные с развитием культуры и общественной жизни. «Шарданов вскрыл стремление царизма обмануть народные массы Манифестом 17 октября 1905 года, – Т.Х. Кумыков отметил, – Статья Батырбека «Забытый народ», опубликованная в газете «Кубань» за 1906 г., является обличительной. В ней подвергается критике политика царского правительства на окраинах, грубый режим и произвол, установленный царизмом на Северном Кавказе. Он придавал большое значение роли просвещения и науки в горском обществе, в открытом письме к мусульманам Кубанской области на страницах газеты «Кубанский край» (1911, № 142) Б. Шарданов писал: «Теперь главная сила народов, бесспорно, только в просвещении. Побеждает теперь не физическая сила, а наука и знание» [11, 143].

Адыги выступали с острыми социально-экономическими проблемами и на страницах дагестанской газеты «Джаридат Дагистан» («Газета Дагестан». 1913-1918 гг.), выходившей на арабском языке в Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск). Газета освещала общественную и культурную жизнь Дагестана, рассматривала внутреннюю и внешнеполитическую жизнь, культурный уровень, многосторонние контакты дагестанского народа [12, 6]. В советской историографии газете дается противоречивая оценка. Наиболее объективной является характеристика М.А. Абдуллаева, полагавшего, что «Джаридат Дагистан» – «основной очаг мусульманского просветительского движения в Дагестане» [13, 9]. В статьях адыгских просветителей Яхья аш-Шафари,

Тут ал-Баруки, Гамзат ал-Черкеси и Хаджи Фисан ал-Кафасджи, опубликованных в газете «Джаридат Дагистан», были поставлены социально-политические вопросы и проблемы модернизации народного образования в горском обществе [14, 29-30, 36-37, 49].

В первом десятилетии XX века просветительское движение российских мусульман, направленное на модернизацию мусульманской школы и становление книжного дела на родных языках, выдвинутое Исмаилом Гаспринским, было поддержано интеллигенцией Дагестана. М.М. Мавраев, А. Акаев и Абуисхак из Шулани с целью развития национального книгопечатания и изучения типографского дела, в 1902 г. поехали в Бахчисарай и устроились на работу в типографию Исмаила Гаспринского [15, 16]. В г. Темир-Хан-Шуре в 1903 г. М.М. Мавраев открыл паровую типолитографию «ал-Матба-ал-Исламийа» («Исламская типография») и приступил к реализации заветной цели – к организации издания книг на языках народов Дагестана и Северного Кавказа. Следует отметить, что в этой типографии печатали книги также на карачаевском, балкарском, кабардинском (черкесском) и адыгейском языках. Издания, вышедшие на данных языках в Темир-Хан-Шуре, были зарегистрированы в библиографических указателях Р.У. Туганова [16] и А.А. Исаева [17]. В типографии М. Мавраева были изданы: на адыгейском – 1, кабардинском (черкесском) – 6, карачаевском – 2, балкарском языке – 1 книга.

Востоковед А.А. Исаев выявил несколько книг на карачаевском и балкарском языках, напечатанные в типографии М.М. Мавраева [18, 142-144]. В 1909 г. на балкарском языке вышла в свет книга «Книга по нравственно-этическим вопросам для женщин», переводчик на балкарский язык издатель Л.-Х. Асанов. В книге издана поэма Кязима Мечиева на широко распространенный в мусульманском мире сюжет «Иман-ислам» [19, т. 1, 7].

В Рукописном отделе Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН сохранилась книга И.Я. Акбаева [Учебное пособие для первоначального обучения детей письму и чтению. Темир-Хан-Шуре, 1910]. Этот экземпляр имеет дефект, так как «отсутствуют первые и последние страницы» [9, 144]. И.Я. Акбаев издал также и учебник «Иман-Ислам» под названием «О вероучении ислама на карачаевском языке» [20, т. 2, 73].

В Тифлисе в 1916 г. И.Я. Акбаев (1874-1937) издал на основе арабской графики букварь на карачаевском языке. Об этом учебнике А.И. Караева писала: «Она представляла собою свободную переделку

азербайджанского букваря, составленного преподавателем закавказской учительской семинарии Рашидбеком Эфендиевым. Но заветное желание карачаевских автодидактов распространить грамотность среди карачаевцев было весьма далеко от их практического осуществления» [21, 47].

Т.Ш. Биттирова о печатной книге на арабской графике пишет: «Можно с уверенностью сказать, что арабописьменная литература дооктябрьского периода имела широкий круг читателей, переписчиков, авторов. Однако в довоенный период не могло и быть и речи об археографических изысканиях – все, что было написано арабским шрифтом, предавалось анафеме и подвергалось сожжению. Уцелевшие от репрессий 30-х годов книги были утеряны в годы сталинского геноцида против карачаево-балкарского народа. Арабописьменные памятники Карачая и Балкарии до сих пор не исследованы» [22, т. 1, 8].

Первая русская революция потерпела поражение, в целях предотвращения новой революции царским правительством был предпринят ряд мер и разработана целенаправленная программа борьбы против течений панисламизма и пантюркизма. Было созвано особо секретное совещание по «Выработке мер для противодействия мусульманскому влиянию на инородцев Поволжья», разработавшее программу для борьбы против мусульманской культуры, печати, просвещения [23, 211]. Именно в этот период наиболее активные деятели прогрессивного просветительского движения российских мусульман были подвергнуты арестам, провели по несколько лет в тюрьмах и ссылках.

В российском мусульманском обществе просветительское движение развивалось неравномерно, в одних регионах мусульмане активно проводили модернизацию духовной культуры, в других регионах этот процесс был пассивным. Тем не менее, духовная культура российских мусульман развивалась в едином социуме и в просветительском движении принимали участие жители всех регионов Российской империи. Прогрессивная мусульманская интеллигенция из среды ногайцев, адыгейцев, кабардинцев (черкесов), карачаевцев и абазин поддержала движение джадидизма и провела реформу народного образования, включилась в становление издания книг и периодических изданий на родных и восточных языках, печатала политические и социально-экономические статьи на страницах российских газет. Модернизация мусульманской школы способствовала широко-

му распространению грамотности и развитию литературы, журналистики и книжного дела. В настоящее время необходимо провести комплексное монографическое исследование, посвященное роли движения джадидизма в формировании духовной культуры мусульман Северо-Западного Кавказа.

Литература

1. Ванслов В.В. Выдающийся просветитель народов Востока Исмаил Гаспринский и задачи современных гуманитарных наук //Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока. М., 2001. С.14-20.
2. Ибрагим Т.К., Султанов Ф.М., Юзеев А.Н. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002.- 239 с.
3. Очерки истории татарской общественной мысли /Науч. ред.: Р.М. Амирханов. Казань: Татарское кн. изд-во, 2000. -190 с.
4. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в.: избранное. 2 т. /Сост., авт. предисловия, статей об авторах и комм. Т.Ш. Биттирова. Нальчик: Эльбрус, 1993 – 1996. Т. 1. 1993. 262 с.; т. 2. 1996. - 245 с.
5. Карачаево-балкарские деятели культуры…
6. Тугов В.Б. Жизнь и творчество Т.З. Табулова. (1879-1956) //Просветители. Черкесск, 1981. С. 73-94.
7. Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX – начало (20-е годы) XX в. М.: Новый хронограф, 2011. - 680 с.
8. Информант Ионова Сара Хасанбиевна, 73 г., образование высшее, а. Псыж, Прикубанский район, КЧР. П.З. 27.06.2016 г.
9. Тугов В.Б. Жизнь и творчество Т.З. Табулова …
10. Кумыков Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1996. - 325 с.
11. Кумыков Т.Х. Культура …Там же.
12. Наврузов А.Р. Газета «Джаридат Дагистан» (1913-1918) как историко-культурный памятник /РАН, ДНЦ Ин-т истории, археологии и этнографии. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2007.- 212 с.
13. Наврузов А.Р. Газета «Джаридат Дагистан» …
14. Тугов В.Б. Жизнь и творчество Т.З. Табулова …
15. Исаев А.А. Магомедмирза Мавраев – первопечатник и просветитель Дагестана /РАН ДНЦ, Ин-т истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2003. - 239 с.
16. Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи (с древнейших времен по 1917 г.) /Сост.: Р.У. Туганов. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1967. -- 678 с.
17. Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период) /Сост.: А.А. Исаев. Махачкала, 1989. - 298 с.
18. Каталог печатных книг и публикаций …
19. Карачаево-балкарские деятели культуры…
20. Карачаево-балкарские деятели культуры…
21. Караева А.И. Очерк истории карачаевской литературы. М.: Наука, 1966. - 318 с.
22. Карачаево-балкарские деятели культуры…
23. Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. Казань: Татарское кн. изд-во, 1974. - 316 с.

УДК 930.85

ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ ЭТНОЭКОНОМИКИ ЧЕЧЕНЦЕВ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ)

Джамирзаев Ваха Салманович
м.н.с. лаборатории историко-этнологических исследований КНИИ РАН
lab_etniarh.ras@mail.ru

Аннотация. *Актуальность данной темы обусловлено тем, что тот ценный исторический опыт наших предков в земледельческой культуре (культурные реалии или бренды) должен быть сохранен, приумножен и внедрен в практику для решения современных проблем занятости населения, продовольственного обеспечения и безопасности, а также преодоления экономического кризиса. Основная цель данной статьи – это через традиционные культурные реалии (бренды) этноэкономики чеченцев показать важность и необходимость возвращения трудоспособного населения к земледелию, т. е. сельскохозяйственному производству.*

Ключевые слова: *этноэкономика чеченцев, культурные реалии, бренды, культура земледелия, занятость населения, этнология.*

Актуальность данной темы обусловлено тем, что тот ценный исторический опыт наших предков в земледельческой культуре (культурные реалии или бренды), который должен быть сохранен, приумножен и внедрен в практику для решения современных проблем занятости населения, продовольственного обеспечения и безопасности, а также преодоления экономического кризиса. Данная тема на междисциплинарном уровне рассматривается впервые. Созидательный труд (культурно-хозяйственная или этноэкономическая деятельность человека) как культурный феномен остается важной отраслью этнологической науки [2]. Основная цель данной статьи – это через традиционные культурные реалии (бренды) этноэкономики чеченцев показать важность и необходимость возвращения трудоспособного населения к земледелию, т. е. сельскохозяйственному производству. В рассматриваемом контексте необходимо выделить и следующий важный аспект проблемы, которая характеризует связь земледелия с садоводством и огородничеством. Наши предки издревле «выращивали яблоки, груши, сливы, из овощей – лук, чеснок, тыкву и пр.» [5, с. 24]. А также земледелие имеет важное значение для развития человеческого общества.

Многие важные проблемы традиционного земледелия чеченцев освещены в работах некоторых чеченских ученых: Абдулвахабовой Б.Б-А., Ахмадова Ш.Б., Гарсаева Л.М., Джамирзаева С.М., Хасбулатова А.И., Хасбулатовой З.И., Хасиева С.А. и др.

В своем историческом развитии чеченцы накопили огромный производственный опыт в создании, приумножении и творческом использовании культурных реалий: образы, символы, знаки и др. (бренды), т. е. семиотику культуры. Именно в таком контексте нам представляется этнологическое осмысление этноэкономики чеченцев. Соответственно, сегодня одна из важных составляющих этноэконимики чеченцев является земледелие. По мнению большинства научного сообщества, именно земледелие способствовало возникновению термина культура. Так, например, термин культура этимологизируется от латинского cultura, т. е. «возделывание, воспитание, почитание», которая в современных условиях используется в значении искусственных объектов, включающие в себя идеальные и материальные предметы, созданные человечеством в процессе освоения окружающей среды. Вместе с тем, «культура изучается комплексом гуманитарных наук, в первую очередь культурологией, философией культуры, этнографией, культурной антропологией, социологией, психологией, историей» [8].

Как известно, «Кавказ явился одним из древнейших очагов земледелия мира, давший человечеству важнейшие зерновые культуры (просо, ячмень, овес, пшеница, кукуруза), сорта плодов, овощей, винограда» [6, с. 3]. Вместе с тем, считаем правомерным отметить еще один важный тезис о том, что «традиции земледелия формировались на Кавказе в течение многих веков, от неолита до средневековья» [3, с. 98]. Причем, земледелие развивалась в равнинных и горных зонах со своими особенностями. Что, касается горной зоны Кавказа, то здесь ведущей культурой был ячмень. Это было связано с тем, что «в горах поздно наступала весна и рано начинались холода, кроме ячменя, здесь ничто не созревало. Кроме того, сравнительно неприхотливый к почвенным и климатическим условиям ячмень не требовал особого ухода и, видимо, давал хороший урожай» [9]. По мнению д.и.н. Ахмадова Ш.Б. ландшафт Чечни вынуждал жителей регулировать целесообразные сорта культурных растений земледелия. По его утверждению «для высокогорной зоны характерно было возделывание ячменя; для горной – яровой пшеницы и ячменя; для предгорной с прилегающими равнинами – кукурузы, а для зоны су-

хой степи – проса. Оно лучше, чем какая-либо другая культура, было приспособлено к переложно-залежной системе земледелия, давая одновременно высокие и устойчивые урожаи. Посевы проса производились, как правило, поздно – в мае, а уборка урожая производилась осенью – в сентябре и даже иногда в начале октября. Эти же сроки подходили и для таких культур, как полба и ячмень, которые так же, как и просо, вовсе не боялись осенних холодов». [1, с. 80-81].

Вместе с тем, считаем необходимым отметить, что традиционными земледельческими культурами чеченцев являются: пшеница (к1а), ячмень (мукх), фасоль (кхоьш), топинамбур (балг), рожь (1аржа к1а), свекла (бурак), лен (виета), овес (кена, сула, канберг), тыква (г1абакх), репа (хорсам), чеснок (сорамсакх), лук (хуох), рис (дуга), виноград (кемс), подсолнечник (маьлханан хуш), кукуруза (хьажк1а), фасоль (кхоьш) и др. История возделывания многих из них уходит в глубокую древность [2, с. 572]. Приведенный перечень культурных реалий чеченцев характеризует о широком их возделывании в земледелии. По свидетельству к.и.н. Хасиева С.А. многие дореволюционные авторы свидетельствовали о том, «что, Чечня является житницей всего Северо-Восточного Кавказа» [7, с. 3].

К великому сожалению, культурно-хозяйственному развитию чеченцев негативное воздействие оказали прошедшие две военные компании XX в., особенно это касается земледельческой отрасли, включая и скотоводство, где было задействовано основное население республики. Более того, вооруженный конфликт «способствовал» ухудшению состояния окружающей среды и земли в целом. Кроме перечисленных объективных факторов, отхода чеченского населения от земледелия, имеются причины субъективного характера. Связаны они с т. н. рыночной экономикой. Это переход основного населения на чисто рыночные (торговые: купля-продажа) услуги с максимальным отходом от производства продуктов. Соответственно, занятие производством сельскохозяйственной продукции стало немотивированным занятием. С другой стороны, как отмечено в специальной работе, «в условиях глобального изменения климата и засилья рынков генно-модифицированным продовольствием проблема охраны и рационального использования земель сельскохозяйственного назначения приобретает иную, более высокую значимость, поскольку при все более учащающихся из года в год экострессовых ситуациях именно от того, насколько государство сумеет сохранить плодородие этих земель, будет зависеть его жизнеспособность, возможность самого

биологического выживания человека. В этом контексте земли сельскохозяйственного назначения представляют собой ценнейшее национальное достояние и природное наследие, требующего иного, чем в настоящее время, более бережного отношения» [4, с. 39]. В этих условиях, именно этноэкономика чеченцев, как культурно-хозяйственный процесс, выступает как теоретико-прикладной контент, т. е. становится перспективным направлением науки и производства, исследующие важные проблемы потенциала республики с позиции этнических особенностей людей, проживающих на данной территории. Подобный подход исследования проблематики экономического развития Чеченской Республики, дает возможность специалистам оперировать не только статистическими данными или экономическими моделями производства, но этническую ментальность жителей и их склонность к определённым отраслям производства. Вместе с тем, необходимо «учитывать то, что Россия многонациональная страна, этот подход выглядит вполне перспективным» [11].

Как известно, сегодня незначительная часть чеченских дворов в селениях занята личным подсобным сельскохозяйственным производством, основанным преимущественно на разведении местных пород коров, овец, лошадей, и очень малым количеством коз. Половина произведенной продукции перерабатывается с использованием традиционных технологий с последующей реализацией в торговых точках.

В настоящее время в Чеченской Республике в определенной степени исторические формы культурно-хозяйственной деятельности, отражающие культурные реалии этноэкономики чеченцев заменяются современными технологиями выращивания сельскохозяйственных продуктов. Несмотря на это, традиционная этноэкономика чеченцев при умелом ее внедрения в практику могла бы успешно конкурировать или интегрироваться в производство экологически чистых продуктов питания. Причем, влиться «в новую систему хозяйствования и тем самым сохранить самобытность народной экономики и национальной материальной культуры» [10].

Следовательно, этноэкономика чеченцев (как культурные реалии, т. е. бренды) должна стать юридически равноправным сектором культурно-хозяйственного комплекса нашей республики. В этих условиях, мы должны заимствовать ценные рекомендации других республик Российской Федерации, в частности, опыт татарского народа. Вместе с тем, для этноэкономики чеченцев важным представляется

тезис о том, что «необходимо разработать комплекс мер по созданию институциональной, в том числе правовой, базы, организационных форм, экономического механизма, системы государственной поддержки и других условий формирования благоприятного климата для интеграции этноэкономической компоненты в современную систему хозяйствования» [10], не умоляя значение культурно-хозяйственного наследия в современных условиях.

Литература

1. Ахмадов Ш.Б. Общественно-политический строй чеченцев в XVIII веке. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников), 2012. С. 80-81.
2. Джамирзаев В.С. Некоторые аспекты этноэкономики традиционной культуры чеченцев (земледелие). Наука и образование в Чеченской Республике: состояние и перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию со дня основания КНИИ РАН. – Грозный, 2011. С. 572.
3. Джамирзаев С.М. Древняя история чеченцев (нохчий). К древней истории нахских племен III-I тысячелетия до новой эры. Москва: «Альтекс», 2002. С. 98.
4. Ибрагимов К.Х. Административно-правовой режим земель сельскохозяйственного назначения в условиях изменения климата. Грозный: КНИИ РАН, 2013. С. 39.
5. Очерки этнографии чеченцев и ингушей (дореволюционный период): Учебное пособие / Н.Н. Великая, В.Б. Виноградов, А.И. Хасбулатова, Д.Ю. Чахкиев / Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, кафедра истории народов Северного Кавказа. Грозный, 1990.
6. Хасбулатов А.И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX – начало XX века). М.: Издательство МГОУ, 2006. С. 3.
7. Хасиев С.А. Из серии «Хозяйство и хозяйственный быт чеченцев и ингушей» Культура полеводства чеченцев и ингушей. Часть первая. Издательский цент «Эль-Фа». Нальчик, 2004. С. 3.
8. Понятие и смысл культуры // URL: http://studopedia.org/1-24640.html (дата обращения 29.05.2016).
9. Техов Б.В. Основы хозяйства и общественного устройства племен центрального Кавказа в XVI—X вв. до н.э.// URL: http://budetinteresno.info/kraeved/skif_4.htm (дата обращения 21.05.2016).
10. Шагибалова Г.И., Бердникова Г.И. Значение этноэкономики в экономическом развитии региона // URL: http://www.be5.biz/ekonomika1/ r2009/1426.htm (дата обращения 3.05.2016).
11. Этноэкономика: проблемы и перспективы // URL: http://tuvapravda.ru/?q=content/ etnoekonomika-problemy-i-perspektivy (дата обращения 19.02.2016).

УДК 930

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА В ЧЕЧНЕ в 20-40-е гг. XX века

Исакиева Зулай Сулимовна
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,
Чеченский государственный педагогический университет
Zulai-787@mail.ru

Аннотация: *данная статья посвящена проблемам культурного развития Чечено- Ингушетии после установления советской власти. Советское общество формировалось не только в процессе экономических и политических реформ в стране, но и через духовно-нравственное развитие личности и культурного уровня. Форсированное развитие индустрии, формирование национальных отрядов рабочего класса, неразрывно связано с развитием культуры.*

На примере Чечено-Ингушетии рассматривается политика центра в отношении северокавказских народов в XX в.

Ключевые слова: *национально - языковое строительство, ликвидация безграмотности, культурная революция, чечено - ингушский алфавит.*

По теме развития культуры северокавказских народов, в том числе Чечни в разные периоды XXв. вышли труды таких исследователей как Абраменко М. Андреева А.А., Алиевой З.В., Бекижева М.М. Бондарева Д.А., Бугаева А.М., Вагиной В.Ф., Врублевский Ф.И., Газулова А.И., Гадиева А., Т.У. Кадыровой и др.

Деятельности КПСС по созданию и развитию советской школы в национальных республиках Северного Кавказа посвятили свои научные работы Губарев С.Ф., Гусев Д.И.

Джамбулатова З.К. исследовала культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920-1940 гг.). Осуществление ленинской программы хозяйственного и культурного строительства в Чечено-Ингушетии проследил Зоев С.О.

Чеченские исследователи Муса Ибрагимов, А.Р. Балаева, А.Х. Нуридова оценили вклад русской интеллигенции в культурное развитие ЧИАССР в годы советской власти в монографии «Вклад русской интеллигенции в социально- экономическое и культурное развитие Чечено-Ингушетии в годы советской власти». К проблемам культурного развития и взаимодействия кавказского региона обратился Волков Ю.Г. Культурное строительство ЧИАССР было объектом исследования Левицкого Д.В.

Этнополитическим и этнокультурным процессам в XX в. на Се-

верном Кавказе посвящена монография московских ученых В.А. Тишкова, С.В. Чешко. Особенности становления и развития национальной школы Чечено-Ингушетии в 1930 гг., проблемы подготовки квалифицированных рабочих кадров и ликвидации неграмотности взрослого населения северокавказских республик, особенности становления и развития общеобразовательной школы и формирования национальной интеллигенции в Чечне и Ингушетии в XXв. – такова тематика научных изысканий Эльбуздукаевой Т.У, которые опубликованы в монографиях: «Чечня и Ингушетия в 20-30 годы XX века: опыт модернизации» и «Культура Чечни: XX век».

Развитие экономики и культуры в Чечне в отличие от других национальных областей Северного Кавказа было сопряжено специфическими трудностями. Прежде всего, они были вызваны, что город Грозный вплоть до 1 апреля 1929 г. являлся самостоятельной административной единицей.

Весьма низким был уровень культурного наследия. Отсутствие письменности, литературы, светской школы, органов печати на родном языке сказывалось на грамотности населения Чечня, которая представляла регион всеобщий неграмотности. Настолько, что по переписи 1920 г. Чечня, будучи самой крупной по численности населения территорией Северного Кавказа по уровню грамотности была на последнем месте среди остальных горцев края.

Одним из необходимых условий социалистической модернизации стало проведение культурной революции. В марте 1921 г. решениями X съезда РКП (б) были определены важнейшие направления культурной революции направленные на: развитие школьного образования, подготовку квалифицированных рабочих и интеллигенции из состава национальных кадров, развитие печати, расширение сети культурно-просветительных учреждений, ликвидация неграмотности среди взрослого населения, охватить образованием женщин.

На X съезде РКП (б) было принято постановление «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», в котором намечалось о необходимости быстрейшего выравнивания уровня отставших народов и центральной России. Добиться этой цели невозможно было без помощи русского центра, содействовавшего формированию местной системы образования[1, с. 326].

С утверждением советской власти на территории Чечни культурно – просветительные учреждения были признаны повышать культурный уровень, заниматься политической пропагандой и агита-

цией населения. В Грозном начали строиться культурно – просветительные учреждения: клубы, дома культуры, красные уголки, библиотеки, избы - читальни, музеи, радио, для политико-просветительной и культурно - массовой работы среди населения.

Особый акцент делался на работу среди сельских жителей Чечни. Еще в начале 20 - х гг. XX в. кампания по оказанию помощи сельскому населению Чечни была начата силами частей Кавказской армии труда. Так, в 1923г. на грозненских заводах, предприятиях и учреждениях были созданы группы помощи аулам Чечни. Возглавил эту работу Добровольное шефское общество (ДШО).

В первом же году создания шефством было охвачено 5 округов Чечни с 21 аулом, население которых составляло 101 тыс. человек[2].

Со второй половины 20-х гг. населенные пункты, колхозы и совхозы Чечни были прикреплены к районам, предприятиям, культурно- просветительным предприятиям Грозного. Шефская работа проводилась также с чеченцами, проживающими в Дагестане (в с. Хасав - Юрт). К этой работе привлекались рабочие - чеченцы промышленного производства. В 1923 г. политпросвет Грозного открыл там Дом крестьянина. Для женщин открывались промысловые артели, школы кройки и шитья, в которых велась культурно - просветительная работа. В 1926 г. активистка Т. Джанаралиева в с. Алхан - Юрт организовала первый женский клуб в Чечне.

При клубах Грозного было организовано 163 кружка с охватом 3156 человек. В 1924 г. здесь было проведено около 500 мероприятий, которыми было охвачено 112 тыс. человек[3, с. 3]. На 1941 г. в ЧИАССР работало 343 клубных учреждения.

7 ноября 1924 г. в Грозном городским отделом народного образования был открыт окружной музей по истории культуры и религий краеведческого характера. 21 июня 1925 г. решением Северо - Кавказского крайкома ВКП (б), музей получил статус областного с выделением специального здания для его размещения. В июне 1925 г. Ленинградское отделение Государственного музейного фонда РСФСР передало 105 предметов музейной коллекции. Весной 1926 г. фонд музея пополнился коллекциями кавказоведческих книг и 200 ценнейшими экспонатами из Московского отделения Государственного музейного фонда РСФСР, Третьяковской галереи, тбилисского и дагестанского музеев и др., что позволило открыть при музее художественный отдел.

К 1940 г. в музее были 4 отдела: природы, истории, социалисти-

ческого строительства, художественный отдел[4, с. 244].

В начале 20-х гг. XX в. новые власти в Чечне приступили к налаживанию книгоиздательского дела. На первых порах ввиду отсутствия типографии и финансовых средств Чечоблоно организовал выпуск книг литографическим способом. Поскольку в Чечне, как и во многих национальных областях Северного Кавказа, отсутствовали материально- техническая база и специалисты для создания собственной печати, в 1925г. было создано Северо - Кавказское отделение Центроиздата – Крайнациздат. Им была проделана значительная работа по изданию литературы на горских языках.

1927 г. было создано Чеченское книжное издательство «Серло», которое в том же году выпустило 25 книг объемом 94,5 п. л., в том числе и чечено-русский словарь, составленный А. Мациевым. С 1927-1932 гг. издательством было издано 257 наименований книг и брошюр общим тиражом 736 тыс. экземпляров[5, с. 106]. Это был самый высокий показатель среди автономных областей Северного Кавказа.

С 1930 г. произведения национальной литературы занимают постоянное и значительное место в плане книгоиздательства. Однако при пересчете их на душу населения Чечня оказалась на последнем месте среди других республик и областей Северо - Кавказского региона. С середины 30-х гг. XX в. увеличивается выпуск литературы на русском языке, прежде всего произведений чеченских и ингушских авторов. Переход от переводной литературы к оригинальной, несомненно, улучшил содержание книги, повысил ее роль. Начали расти ассигнования на развитие книгоиздания.

К 1940 г. из бюджета республики на развитие печати и книгоиздания было выделено 1 млн. 198 тыс. рублей, в том числе издательство получило 458 тыс. рублей [6].

Важную роль в культурно - просветительной работе играла периодическая печать. Существенную роль и помощь в подъёме культурного уровня населения оказали газеты «Неделя просвещения» и «К свету», издававшиеся в Грозном с 1921 г. Особое внимание уделялось созданию национальной печати. Первые издания, рассчитанные для читателей – чеченцев, - «Чеченские трудящиеся» (1920) и «Советская автономная Чечня» (1923)-выходили на русском языке[7, с. 244, 263].

После принятия чеченской письменности стали выходить первые издания на чеченском языке. 18 марта 1925 г. выходит в свет первый номер газеты «Серло» на чеченском языке, с 1934 г. «Лени-

нан некъ». Первым редактором «Серло» был назначен С. Арсанов. Большую помощь в создании и развитии периодической печати в Чечне оказали коллективы грозненских газет. С. Федоров, Л. Фрейман и другие бывшие сотрудники газеты «Советская автономная Чечня» приняли активное участие в создании и налаживании работы газеты «Серло». Газеты, отраслевые многотиражки стали создаваться как в районных центрах Чечни, так и в промышленных районах г. Грозный. Большим событием в жизни чеченского народа явилось издание в 1933 г. литературно - художественного журнала «Советская Чечня».

В 1940 г. в ЧИАССР издавалось 17 газет на русском, чеченском и ингушском языках, из них 5 республиканских: «Грозненский рабочий», «Ленинан некъ», «Ленинец», «Серло» и «Техника нефти»[8]. Общий тираж всех газет, выходивших в республике в 1940 г., составлял свыше 55 тыс. экземпляров [9, с. 56].

В рассматриваемый период широкое развитие в Чечено - Ингушетии получило библиотечное дело. К 1940 г. в республике имелось 248 библиотек с 506,4 тыс. экземпляров книг, а также 211 избчитален. К 1941 г. почти вся территория Чечено-Ингушетии была охвачена библиотечным обслуживанием[10, с. 68].

Новыми формами культурно – просветительной работы явились радио и кино. Первые радиоточки задействовали в Чечне в 1925 г. 1 мая 1928 г. начала свою работу Грозненская радиостанция с отдельной редакцией вещания на чеченском языке.

К 1940 г. в Чечено – Ингушской АССР почти все районы республики были радиофицированы, насчитывалось 99 киноустановок и 2 стационарных кинотеатра[11, с. 326]

Важнейшее значение новые власти придавали литературе и искусству. Выдвинув лозунг «Искусство - народу», они рассматривали его как одно из средств партийного влияния на массы, их просвещения и воспитания в духе коммунистических идей. Литература и искусство должны были быть подчинены «задачам строительства социализма» и демонстрировать свою верность социалистическому реализму. Создаются различные творческие союзы.

Вопрос национально - языкового строительства в Чечне являлся одним из важнейших направлений культурных преобразований начала 20 – х годов и вместе с тем сложной научной и общественно - политической проблемой. Начинать надо было с создания алфавита. До 1920 г. дети в Чечне обучались по букварю С. Гойсумова, составлен-

ным им в 1910 г. на основе арабской графики.

На состоявшемся в 1920 г. в Пятигорске съезде горских деятелей просвещения горским народам в качестве основы своей письменности было рекомендовано принять проект латинизированного алфавита. Представители Чечни высказались за сохранение арабской основы письменности. Съезд в тот переходный период в условиях Чечни утвердил алфавит на основе арабской графики, несколько приспособленной к чеченскому языку. В 1921 г. был принят алфавит, составленный Т. Эльдархановым и А. Тучаевым на основе арабской графики.

В 1922 г. был предложен новый проект реформированного алфавита на арабской графической основе Ш. Сугаипова, который внес в него некоторые изменения и дополнения. В таком виде он просуществовал до 1925 г.[12, с. 38].

В том же году Оргбюро ВКП (б) и Чеченский облисполком приняли решении о введении латинизированного алфавита. Проект нового алфавита был составлен Сальмурзаевым М.С. и Ошаевым Х.Д. После обсуждения он был утвержден на II - м съезде Советов Чечни в 1926 г.[11, с. 430].

Работа по совершенствованию чеченской письменности продолжалась и в последующие годы. При Чеченском научно - исследовательском институте национальной культуры в октябре 1932 г. была создана терминологическая комиссия под председательством Магомеда Мамакаева.

Во второй половине 30 - х гг. XX в. по «многочисленным просьбам трудящихся» было принято постановление Совета национальностей ЦИК СССР о переводе письменности всех новописьменных языков на русскую графическую основу. Бюро Чечено - Ингушского обкома ВКП (б) от 3 января 1938 г. заслушало вопрос о реализации решения ЦК ВКП (б) от 27 декабря 1937 г. «О переводе чечено - ингушской письменности с латинизированного алфавита на русскую основу». Было решено ввести новый алфавит в школах республики к 1 сентября 1938 г.[14, с. 8].

В разработке нового алфавита принимали участие педагоги, сотрудники Наркомпроса ЧИАССР, национального издательства, научно - исследовательского института, местные языковеды, представитель Института языка и письменности народов СССР профессор Яковлев Н.Ф. Совещание по обсуждению проекта нового алфавита длилось с 1 января по 8 февраля 1938 г. Составление и окончательное

оформление чеченского проекта нового алфавита было возложено на Гугиева Х.Г, Дукузова Х.Н. и профессора Яковлева Н.Ф. За ингушский проект ответственными являлись Оздоев И.А., Озиев С.И. и Яковлев Н.Ф.[15, с. 37].

После долгих дискуссий проект нового алфавита был представлен на рассмотрение АН СССР с последующим утверждением его НКП РСФСР. Новый чечено - ингушский алфавит на русской графике окончательно был принят в 1939 г.

Таким образом, культура служит материальным свидетельством исторического развития чеченской нации. Вопрос национально - языкового строительства в Чечне являлся одним из важнейших направлений культурных преобразований начала 20–х годов и вместе с тем сложной научной и общественно - политической проблемой.

В рассматриваемый период в Чечено-Ингушетии после установления советской власти в условиях восстановления автономии республики происходило развитие культуры. Этот процесс характеризовался важными количественными и качественными изменениями.

Литература

1. Эльбуздукаева Т.У. Чечня и Ингушетия в 20-30 годы XX века: опыт модернизации. М.,2011.- 337 с.
2. Яндарова С.Х. Работа культурно – просветительных учреждений в Чечне (20-30 гг. XXв.) // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2016.
3. Пономарева И.З. Из истории Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Вып.11. Грозный, 1975. С. 3-15.
4. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920-июнь 1941 г.). Сб. док. и матер. Грозный: Чеч. - Инг. кн. изд., 1979. - 244 с.
5. Джамбулатова З.К. Развитие печати в Чечено-Ингушетии (1920-1940) //Известия ЧИНИИИЯЛ.Т.6. Грозный, 1965. - 106 с.
6. РГАЭ, Ф. 1562, Оп. 41, Д. 113, Л. 1-291 URL: http://istmat.info/node/18453 [дата обращения 17.08.2019]
7. Турпалов Л.А. К вопросу об установлении хронологических рамок зарождения и развития прессы на чеченском языке//Известия южного федерального университета. Филологические науки. С. 244-263.
8. Культурное строительство в СССР. М.-Л., 1940. URL: http://istmat.info/node/22545[дата обращения 17.08 2019]
9. Литвиненко Н.И. Борьба за подготовку национальных кадров // Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940). Чечено-Ингушский НИИИЯЛ. Т. IV. Вып. 1. Грозный, 1964. - 226 с.
10. Джамбулатова З.К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920-1940 гг.). Чеч. - Инг. кн. изд.: Грозный, 1974. - 235 с.
11. История Чечни с древнейших времен до наших дней Т.1. Грозный: ГУП «Книж-

ное издательство», 2008. - 830 с.
12. Чентиева М.Д. История чечено - ингушской письменности. Грозный, 1958.- 78 с.
13. Даудов, А.Х.; Мамышева, Е.П./ Из истории латинизации национальных алфавитов СССР. Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 2: история. 2011; № 2. С. 7-12.
14. Проект чеченского и ингушского алфавита на русской основе и орфографии [Текст] / Наркомпрос Чечено-Ингушской АССР. Грозный: Тип. Чечинггосиздата, 1938. - 74 с.

УДК 371 Э-53

ПОДГОТОВКА РАБОЧИХ КАДРОВ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ПРОФТЕХОБРАЗОВАНИЯ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР В КОНЦЕ 50-х - 70-е гг. XX ВЕКА

Эльбуздукаева Тамара Умаровна
доктор исторических наук, доцент, Академия наук Чеченской Республики;
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»,
Комплексный НИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН
telbuzdukaeva@mail.ru
Хазбулатов Чингиз Лечиевич
аспирант лаборатории историко-этнологических исследований,
Комплексный НИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН
khazbulatov.87@mail.ru

Аннотация: *Научно-техническая революция вызвала необходимость качественных изменений в системе подготовки квалифицированных рабочих кадров, где главную роль должен был играть их культурно-технический уровень. В основе своей эти изменения приходились на 50-е годы XX века. Именно тогда формировались условия для дальнейшей перестройки многих составлявших системы профессионально-технического образования страны, достаточно ярко проявились прогрессивные тенденции, но также не менее отчетливо обозначились недостатки и просчеты в этой сфере.*

Ключевые слова: *профессионально-техническое образование; трудовые ресурсы; управление трудовых резервов; квалифицированные рабочие.*

С 1958 г. происходит пересмотр роли профтехобразования и изменение положения органов его управления во властном механизме страны. Принятый Верховным Советом СССР 24 декабря 1958 года закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» положил начало коренному преобразованию системы государственных трудовых резервов[3].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1959 года преобразовал Главное управление в Государственный комитет по профессионально-техническому образованию при Совете Министров СССР [8, с. 216].

В конце 1950-х гг. система Государственных трудовых резервов развивалась в направлении специализации подготовки рабочих по отраслям промышленности, транспорта, строительства, сельского хозяйства, повышения уровня специальной и общеобразовательной подготовки учащихся. В связи с развитием общего среднего образо-

вания были созданы технические училища для молодежи, окончившей среднюю общеобразовательную школу. Для подготовки сельских механизаторов организованы училища (по типу ремесленных) механизации сельского хозяйства. Теоретическое обучение включало цикл специальных и общеобразовательных (в т.ч. общественно-политических) дисциплин, необходимых для овладения изучаемой профессии. В процессе производственного обучения учащиеся овладевали профессиональными знаниями, умениями и навыками, необходимыми для выполнения всех операций по специальности, учились работать, используя современную технику и передовые методы труда.

Постановление Совета Министров РСФСР от 26 октября 1957 г. о мерах по хозяйственному и культурно-бытовому строительству Чечено-Ингушской АССР в 1958-1960 гг. предполагало реализацию комплекса мер в сфере социальной адаптации и трудоустройства репатриантов[5], которые осуществлялись в едином русле с задачами по обеспечению кадрами растущего индустриального комплекса республики.

С восстановлением Чечено-Ингушской АССР в республику возвратилось более полумиллиона человек, практически не имевших никакой квалификации. Это создавало большие трудности в трудоустройстве и подготовке квалифицированных рабочих из лиц коренных национальностей.

Промышленные предприятия, нуждающиеся в дополнительных рабочих кадрах, были в основном сосредоточены в г. Грозном, а прибывшие после выселения чеченцы и ингуши стремились поселиться в горных и предгорных районах республики, где они проживали до 1944 года. В результате - в одних районах имелись излишки в рабочей силе, в других ощущался острый ее недостаток.

Развитие новых промышленных центров – Гудермес, Малгобек, Аргун, и густонаселенных сельских районах, в определенной степени решало проблему трудоустройства незанятого населения, способствовало численному росту рабочего класса за счет лиц коренных национальностей, так как значительная часть коренных жителей, не занятых в общественном производстве, проживала именно в сельской местности.

Распределение рабочих коренных национальностей по отраслям народного хозяйства было неоднородно. Так, на предприятиях легкой, пищевой промышленности, в строительной индустрии Чечено-

Ингушетии рабочие коренных национальностей составляли более 60-70 процентов от общего числа занятых, в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслях - 10 процентов, в приборостроении и радиотехнической промышленности, химической отрасли и нефтяном машиностроении он составлял - от 6 до 16 процентов[**7**, с. 12].

В республике, где имелись свободные трудовые ресурсы, ощущался острый дефицит квалифицированных рабочих. Потребность народного хозяйства в ЧИАССР в рабочих кадрах на семилетку составляло более 20 тысяч человек. Рабочих готовили в 16 профтехнических учебных заведениях, в которых обучалось 4300 человек. Ежегодно для народного хозяйства республики выпускалось свыше двух тысяч человек молодых рабочих, квалифицированных юношей и девушек. В 11 учреждениях сосредоточено более трех тысяч человек в возрасте 15-17 лет, из них девушек 570 человек [2, л. 40].

В процессе количественного и качественного обновления системы профессионального образования Чечено-Ингушской АССР необходимо было решить несколько взаимосвязанных задач:

- существенное повысить уровень школьного обучения, в том числе, за счет совершенствования подготовки национальных педагогических кадров и направления на работу в школы ЧИАССР выпускников педагогических вузов из других областей страны;

- расширить сеть профессионально-технических училищ и увеличить численность выпуска рабочих кадров по специальностям, необходимым республиканской промышленности;

- создать систему переобучения и повышения профессиональной квалификации инженерных и рабочих кадров [12, с. 133].

Учебные заведения профтехнического образования республики готовили рабочих машиностроительной, нефтяной, деревообрабатывающей промышленности, транспорта, строительства и сельского хозяйства. Профтехнические училища республики подготавливали молодых рабочих по 34 профессиям: токаря, электросварщиков, электромонтеров, электроаппаратурщиков, машинистов компрессорщиков, помощников машинистов тепловозов, мастеров виноградарского дела машинистов и многих других профессий, с сентября 1959 г. приступили впервые по подготовке поваров-кулинаров, продавцов промышленных и продовольственных товаров.

За 1958-1960-е годы в училища было принято на обучение свыше 650 человек молодежи коренного населения. В августе 1960 года был первый массовый выпуск из ремесленных училищ, технического, же-

лезнодорожного училища. Все 350 человек успешно сдали выпускные экзамены и переданы в народное хозяйство. В 1959 г. учащиеся профтехнического училища изготовили в процессе производственного обучения продукции на сумму 900 тыс. руб. на базовых предприятиях на 3 миллиона 330 тыс. рублей [2, Л. 41].

В 1960 г. в Чечено-Ингушетии действовало 16 профессионально-технических училищ, в которых обучалось 4,3 тысячи человек. В целях пропаганды индустриальных профессий среди молодежи в республике велась профориентационная работа среди школьников. По данным на 1962 г. в 80 школах республики проводилось производственное обучение, охватившее 70 тысяч учащихся [1, с. 34]. За период 1962-1972 гг. системой профтехобразования ЧИАССР было подготовлено в общей сложности свыше 72 тысяч квалифицированных рабочих [10, с. 5]. Тем не менее, среди молодых рабочих в возрасте до 29 лет включительно, занятых в промышленности, строительстве и на железнодорожном транспорте республики, только 18% прошли подготовку и получили квалификацию в профтехучилищах [4, с. 9].

Данные различных отчетов - от республиканских управлений трудовых резервов до государственной санитарной инспекции – свидетельствовали о плачевном состоянии материальной базы и обустройства быта учащихся. Количество мест в мастерских не соответствовало контингенту, зачастую остро стояли проблемы организации питания, жилищно-бытовых условий подростков, нехватки учебных пособий, замены производственного обучения подсобными работами и др.

Качество обучения и социальная инфраструктура в профессионально-технических училищах в этот период также не всегда соответствовали задачам подготовки квалифицированных индустриальных кадров и не способствовали повышению престижа рабочих профессий среди чеченской и ингушской молодежи. Например, в марте 1976 г. на заседании актива Чечено-Ингушского обкома и Грозненского горкома КПСС специально обсуждали вопрос о состоянии профтехучилиш № 24 (Гудермес), № 30 (Аргун) и № 28 (Грозный), в которых наблюдался недобор учащихся. Проведенные опросы молодежи показали, что нежелание обучаться в данных ПТУ объяснялось отсутствием при них общежитий и морально устаревшим учебным оборудованием[9].

Остро стояли вопросы повышения качества подготовки рабочих в ПТУ. Для улучшения качества подготовки квалифицированных рабо-

чих новая система профессионально-технического образования требовала совершенствования учебно-производственной базы, направления на работу в училища высококвалифицированных мастеров, инженерно-технических работников.

Учебные заведения профтехнического образования, исходя из задач, выдвинутых перед промышленностью, транспортом, сельским хозяйством, составили конкретные мероприятия по выполнению решений пленума. Главным в этих планах является повышение качества учебы молодых рабочих путем дальнейшего укрепления и поднятия материальной базы в учебных кабинетах, лабораториях, мастерских, путем внесения изменений в учебную программу.

С целью дальнейшего развития базы для подготовки квалифицированных рабочих, в том числе и рабочих коренных национальностей, в Чечено-Ингушетии быки открыты несколько училищ на промышленных предприятиях. Соединение обучения с производительным трудом давала возможность получить общетехническую и специальную подготовку, а также законченное среднее образование.

В 1958/59 году учебные мастерские пополнились новейшим станочным оборудованием. За полтора года было получено 15 станочных единиц, внесено изменение связи с автоматизацией и механизацией. В курсе электротехники стали изучать электромеханику, в курсе черчения введено обоснованное конструирование. По различным профессиям учащиеся обучались передовой технике, технологии и передовым методам труда. Учащиеся получали знакомство с телемеханикой и автоматизацией.

На предприятиях «Красный молот», химзаводе, нефтеперерабатывающем заводе, НПУ Октябрьнефть, локомотивном депо, станции Гудермес и других предприятий учащиеся учебных заведений получали хорошую практику по теории и по производственному обучению. Кроме того, свыше 600 человек слесарей-монтажников, электрогазосварщиков, помощников буровиков, сантехников, слесарей по промышленной вентиляции выезжали на производственную практику в передовые предприятия Сталинграда, Саратова, Астрахани, Москвы, Рязани [2, л. 43].

Июльский пленум КПСС 1960 г. поставил перед учебными заведениями задачи расширить на предприятиях, транспорте, в строительстве, сельском хозяйстве сеть вечерних учебных заведений, сеть вечерних отделений, в которых рабочие и работницы могли бы иметь возможность без отрыва от производства подучить профессиональное

образование.

Госкомитет по профтехническому образованию при Совете Министров СССР и главное управление профтехобразования РСФСР в 1960 г. поручили местным управлениям профтехобразования организовать вечерние училища по подготовке, повышению квалификации и переподготовке производственных квалификаций, кадровых рабочих на предприятиях со сроками обучения от одного до трех лет, в зависимости от сложности профессий.

По предварительной оценке Республиканского управления трудовых резервов и совнархоза был определен контингент рабочих, которых надлежало переподготовить и подготовить. Были получены первые заявки от управления пищевой промышленности на 105 человек, управления деревообрабатывающей промышленности.

Сложности были с поступлением в училища чеченцев и ингушей. Так, за 1958/59 год поступили 605 человек, а в 1960 г. - на добровольных началах всего 300 учащихся из молодежи местной национальности. Особое значение для республиканского управления трудовых резервов имело открытие трех женских училищ. В Алпатово функционировало женское училище по подготовке мастеров виноградарства, решался вопрос об открытии женского училища по подготовке строителей широкого профиля, хлебопеков, продавцов. Однако, решение обкома партии о вовлечении 120 девушек-горянок в учебные заведения не было выполнено [2, л. 44].

В учебном процессе большинства средних профтехучилищ не была достигнута органическая связь общеобразовательных, специальных, общетехнических предметов и производственного обучения; не были решены полностью вопросы внедрения эффективных методов обучения. Преобразование профтехучилищ в средние зачастую происходило без учета реальной обстановки - необходимой материальной базы, квалифицированных инженерно-педагогических кадров и других условий.

Наряду с подготовкой кадров в системе профессионально-технического образования, потребность народного хозяйства в квалифицированных рабочих кадрах восполнялась обучением рабочим специальностям и профессиям непосредственно на производстве. Это было вызвано тем, что высокие темпы и масштабы развития народного хозяйства республики требовали ежегодно дополнительно тысяч новых квалифицированных рабочих, которых система профессионально-технического образования не в состоянии была подготовить.

Кроме того, с восстановлением автономии Чечено-Ингушетии и возвращением коренных жителей в республику многие поступали на производство, не имея специальности и производственной квалификации. Их обучение на производстве, а затем закрепление на предприятии во многом способствовало дальнейшему развитию национальных кадров рабочего класса. Внедрение в производство новой техники, механизация и автоматизация производственных процессов также вели к высвобождению рабочих, занятых неквалифицированным трудом. Необходимо было здесь же, на предприятиях, организовывать их обучение новым профессиям, проводить работу по переподготовке и повышению квалификации.

В 1961-1965 гг. новые профессии получили 9,9 тысяч человек. Программами повышения квалификации было охвачено в первой половине 1960-х гг. более 26 тысяч человек [11, с. 73].

В качестве одного из путей решения данной проблемы руководство республики видело в развитии институциональной структуры профессионально-технического образования. В частности, проект Постановления Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры Чечено-Ингушской АССР» от 25 июля 1972 г. предусматривал создать новые профессионально-технические училища в различных районах республики, в том числе, два училища для подготовки работников легкой промышленности и специализированного училища по подготовки кадров для промышленных животноводческих комплексов. Хотя эти предложения не встречали принципиальных возражений со стороны центральных властей, открытие профтехучилищ в середине пятилетки оказалось невозможным из-за отсутствия резервных средств на балансе соответствующих ведомств. Так, Министерство легкой промышленности в мае 1972 г. сообщало в Госплан РСФСР, что по плану 1974-1975 гг. строительство ПТУ в Грозном и Назрани (как предлагали партийно-хозяйственные органы Чечено-Ингушетии) не предусмотрено, и «из-за ограниченных капиталовложений на развитие легкой промышленности включить эти объекты дополнительно в план текущей пятилетки Министерство не может»[6].

На 1974-1975 гг. была запланирована разработка проектно-сметной документации на постройку двух профессионально-технических училищ на 300 учебных мест каждое для подготовки квалифицированных рабочих кадров для трикотажной, швейной и обувной промышленности; с этой целью лимит на проектирование

зданий выделялся Назрановской фабрике бельевого трикотажа и Грозненскому швейному объединению; постройку училищ предполагалось осуществить в 1976-1977 гг. Однако в середине 1970-х гг. количество профессионально-технических училищ в Чечено-Ингушетии было сокращено до 28, одновременно принимались меры по улучшению качества обучения и повышению численности учащихся чеченской и ингушской национальности[12, с. 148].

Анализируя проблемы подготовки кадров на производстве, авторы приходят к выводу, что производственно-техническое обучение кадров непосредственно на предприятиях через индивидуальную, групповую, курсовую подготовку в изучаемый период играло определяющую роль. Так, на предприятиях Чечено-Ингушетии в начале 1960-х гг. было подготовлено более 60 процентов рабочих кадров от общего числа пришедших на производство.

Таким образом, в ЧИАССР объективно существовали и развивались как подготовка кадров в системе профессионально-технического образования, так и профессиональная подготовка непосредственно на производстве. Эти две формы подготовки рабочих кадров взаимно дополняли друг друга.

Литература

1. Александров Н.Ф. Партийная организация Чечено-Ингушетии в борьбе за осуществление семилетнего плана. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. – 70 с.
2. Архивное управление Чеченской Республики (АУП ЧР) Ф.1. Оп.17. Д. 3546.
3. Закон ВС СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» от 4 декабря 1958 г. // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5337.htm
4. Зоев С.О. Распределение и использование трудовых ресурсов Чечено-Ингушской АССР // Трудовые ресурсы Чечено-Ингушской АССР и их рациональное использование: Сборник статей преподавателей кафедры политической экономии Чечено-Ингушского государственного университета. Грозный, 1976. С. 3-30.
5. ГАРФ. Ф. А-340. Оп.1. Д.136. Л.1-3.
6. ГАРФ. Ф. А-262. Оп.16. Д.201. Л. 59.
7. Дьяченко Л.Н. Подготовка рабочих кадров в республиках Северного Кавказа в 1960-е – первой половине 1980-х гг. (на материалах Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). Автореферат дис…. кандидата исторических наук. М., 1992. - 21 с.
8. Педагогическая энциклопедия. Том 1. Гл. ред.- А.И. Каиров и Ф.Н. Петров. М., «Советская Энциклопедия», 1964. – 832 с.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.145. Д. 1358. Л. 86.
10. Чечено-Ингушская АССР за 50 лет: Статистический сборник. – Грозный, 1967. – 184 с.
11. Чечено-Ингушская АССР за годы одиннадцатой пятилетки: Статистический сборник. Грозный, 1986.
12. Юсупов Т.Р. Исторический опыт модернизации промышленности Чечено-Ингушской АССР В 1957-1991 гг.: специфика и реализация. Дис. канд. истор. наук. М., 2016. -198 с.

УДК 929.5 (Чеч.)
О-74

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОМ БАЛАНСЕ В ЧЕЧЕНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Мовла Камилович Осмаев
кандидат экономических наук, доцент, Чеченский государственный университет,
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
osmaev.movla@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена вопросам гендерного равенства в чеченском обществе и во временном отношении охватывает довольно длительный период – от традиционного общества до настоящего времени. Отмечается, что гендерный баланс в традиционном чеченском обществе складывался в соответствии с экономическими реалиями, а также существовавшими морально-нравственными нормами и представлениями о предназначении женщины. В советское время государство оказывало заметное влияние на процесс естественной трансформации гендерного баланса, что создавало определенное напряжение в чеченском обществе. На изменение роли женщины серьезно повлияли и трагические события рубежа XX – XXI вв. В настоящее время в Чеченской Республике складывается новое представление о равенстве полов, в котором сохраняется традиционный взгляд на женщину как главную нравственную опору семьи.*

Ключевые слова: *гендерный баланс, чеченское общество, равенство полов.*

Несмотря на то, что уже более десяти лет общественно-политическая ситуация в Чеченской Республике характеризуется прочной стабильностью – не ослабевает интерес к реальным и мнимым «проблемам» чеченского общества со стороны российских и зарубежных СМИ. Среди прочего систематически поднимается и проблема якобы существующего в чеченской среде гендерного неравенства. Например, время от времени в медиа-пространство вбрасывается информация о чеченских девушках якобы насильно отдаваемых замуж.

Особенно преуспели в этом т.н. «либеральные» СМИ и правозащитники, буквально в штыки встречающие любые начиная республиканских властей, например, создание комиссий по примирению супругов, собирающихся развестись.

Нельзя не признать наличие определенных гендерных проблем в современном чеченском обществе, но не стоит и преувеличивать их масштаб. Тем более что с гендерными проблемами сегодня сталкиваются буквально все страны мира – от западных «демократий» до

африканских племенных сообществ. Связано это с серьезной трансформацией современного мира и каждое этническое сообщество пытается найти свой баланс равенства полов. И чеченское общество не является исключением.

Но одно дело, когда гендерные проблемы становятся предметом научного социологического исследования и совсем другое, когда они используются для дискредитации государственного строя Чеченской Республики и расшатывания общественно-политической стабильности в ней.

Нельзя не отметить, что позиция современных сторонников либеральных ценностей в гендерном вопросе, делающих упор на якобы правовом бесправии чеченской женщины, ее экономической зависимости в семье, ограничении ее прав и свобод традиционным укладом жизни и принятыми в обществе нормами поведения – очень близка к советской идеологии. Точно также и советские идеологи важнейшим моментом, определяющим положение женщины в обществе, считали ее роль в производстве, а в ее «бесправном» положении винили патриархальные обычаи и религиозный фанатизм. Чеченская женщина в их представлении вынуждена была «…трудиться день и ночь, не имея ни политических прав, ни прав принимать участие в сходах, высказывать свое мнение, выступать в качестве свидетеля»[4, с. 10-11].

Что касается «угнетенного» положения женщины в традиционном чеченском обществе, то апологетами этой точки зрения совершенно упускается из виду, что в истории чеченского народа роль женщины занимает более значительное место, чем это принято во всем исламском мире. У чеченцев исстари женщины пользовались особым уважением, потому что они несли людям жизнь, мир и покой. Об этом говорят фольклорные и литературные источники. О культе матери у чеченцев говорит и присутствие компонента «нана» («мать») в словосочетаниях, являющихся святыми для народа: «нанамохк», «ненан мотт», «хIусамнана» [5].

Необходимо также напомнить, что в традиционном обществе социальная и половая регламентация определяется принятыми морально-нравственными нормами и обычаями. Причем эти нормы в отношении женщин определялись исходя из существовавшего в то время взгляда на особенности женской натуры и ее роль в жизни общества. Главным предназначением женщины считалось сбережение семьи и обеспечение будущего рода. Именно поэтому любое посягательство на жизнь, здоровье и честь женщины в чеченском обычном

праве (адатах) расценивалось как посягательство на жизнь и будущее семьи и рода. В соответствии с этим адаты акцентируют внимание на личной неприкосновенности женщины, а также наличие у нее особых прав, в которых отказано мужчинам. Например, насильственное похищение женщины считалось более тяжким преступлением, чем убийство мужчины, а за убийство женщины кровной мести подлежали двое мужчин из семьи виновника. Одновременно женщине предоставлялись широкие права по защите своей неприкосновенности, вплоть до убийства покушавшегося.

Кроме того, на всех взрослых мужчинах без исключения лежала обязанность в случае необходимости оказывать помощь любой женщине, включая вооруженную защиту ее чести и достоинства.

Именно представление о различной природе мужчины и женщины лежало в основе принятого в традиционном чеченском обществе разделении мужских и женских обязанностей. На взрослых мужчинах лежала обязанность обеспечивать материальный достаток семьи, защиту и безопасность ее членов. В тоже время женщина являлась нравственной опорой семьи. Производственные обязанности также четко делились на мужские и женские. Например, обязанностью мужчин являлась пахота, сев и уборка урожая, сенокос, строительство террас на горных склонах, строительство дома и хозяйственных построек, выпас скота, стрижка шерсти, обработка шкур и т.д. Соответственно женщины должны были выполнять определенные виды полевых работ (прополка), заниматься обмазкой и побелкой стен, поддерживать чистоту в жилище, ухаживать за домашними животными и птицей, обрабатывать шерсть, прясть домашнее полотно, шить одежду и т.д.

Нельзя забывать, что за традиционным разделением труда стояли древние представления о сакральном значении таких мужских работ как вспашка земли, посев и т.д., обеспечивающих благополучие семьи в течение года. В сочетании с ролью мужчины как воина-защитника это обстоятельство лежало в основе доминирования мужчин в общественной и частной жизни [2, с. 20-21].

В то же время женщина доминировала в таких важных сферах как внутренняя жизнь семьи, ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, поддержание внутрисемейных отношений. Достаточно сказать, что в традиционной чеченской семье отец во многих случаях обращался к своим детям не напрямую, а через жену. Как подчеркивают ученые-этнографы, у чеченцев внутрисемейное разделение тру-

да было менее выражено, чем у большинства других народов Кавказа, а старшая женщина в доме (цIеннана – «мать/хозяйка дома») имела право голоса на общесемейном совете. Она же занимала одно из почетных мест у семейного очага. Отмечались случаи, когда после смерти отца семейства цIеннана оставалась главой семьи до ее разделения [6, с. 28]. Ей же принадлежал решающий голос при выдаче дочерей замуж [7, с. 35].

В отличие от соседних народов, в случае отсутствия в доме главы семейства, чеченской женщине дозволялось самостоятельно принять гостя.

Права женщины в чеченском обществе были ограждены еще и тем, что крайне предосудительным считалось вмешательство мужчин в «женские дела», например, в порядок ведения домашнего хозяйства. Но в то же время женщины в определенных случаях имели право открыто влиять на поведение мужчин, например, требовать материального обеспечения со стороны мужа и т.п. Кроме того, женщина могла напрямую влиять на исполнение такого чувствительного компонента жизни традиционного чеченского общества как кровная месть. При этом женщины могли влиять как на совершение акта кровной мести, так и на ее прекращение. Например, старшая женщина могла прекратить кровную месть, дав согласие на усыновление кровника своей семьи. В чеченском обществе допускалось также, что при отсутствии в семье дееспособных мужчин, женщина могла взять на себя исполнение кровной мести, что считалось проявлением особой доблести.

В экстремальных случаях (война, мор, природный или социальный катаклизм) допускалось вовлечение женщин в общественную жизнь, вплоть до личного участия в военных действиях. Например, в чеченских преданиях воспето имя женщины-воительницы Таймасхи из селения Гехи. Не меньшим уважением пользуются имена Айбики, дочери Дады и Зазы, дочери Амара, своими песнями укреплявшими дух защитников Дады-Юрта. Предания сообщают также, что после сожжения Ермоловым села Дади-Юрт в сентябре 1819 г. солдаты решили переправить через Терек 46 плененных девушек, но на середине реки они стали сообща бросаться в реку, увлекая за собой конвоиров, чтобы не попасть в их руки. Они достойно погибли, но не дали себя опозорить.

Дочь известного чеченского шайха, видного религиозного и политического деятеля Северного Кавказа XIX в. Гази-Хаджи Зандакского – Теа (Тоа), не успев еще выйти замуж, стала бок о бок со

своими братьями на газават во время Чеченского восстания 1877 г. под руководством ее двоюродного брата Алибек-Хаджи Алдамова. Она погибла в сражении в окрестностях с. Симсара Ножай-Юртовского района в начале октября 1877 г. и там же похоронена. Ее могилу – «Теи каш» – знает любой житель Симсара от мала до велика. Она стала чеченской Жанной д'Арк, национальной героиней, имя и подвиг которой потомки должны знать и помнить [3, с. 109].

Много позднее, уже в годы Гражданской войны, Абадат Асабаева из с. Дуба-Юрт вместе с мужем вступила в отряд красного командира Н. Гикало и принимала непосредственное участие в боях, была семь раз ранена. В этом же отряде сестрой милосердия состояла Фатима Арсанова, принимавшая участие в «Стодневных боях» за Грозный в 1918 г. [4, с. 14-15].

В традиционном чеченском обществе женщина обладала правом собственности не только на свои личные вещи. Так, ее собственностью считалось приданное, с которым она вышла замуж, в состав которого могли входить драгоценности, предметы обихода, деньги, мелкий и крупный рогатый скот. Кроме того, личной собственностью женщины считалась часть калыма, остававшаяся за ней в случае развода, подарки от родственников (в том числе родственников мужа), а также деньги, самостоятельно заработанные ею.

А существовавшие ограничения в праве наследования компенсировались тем, что содержание замужней женщины полностью возлагалось на мужа, а незамужней – на отца или братьев.

Что касается насилия над женщиной со стороны родственников-мужчин или мужа, то в чеченском обществе оно не только порицалось, но и в ряде случаев влекло для насильника реальное возмездие.

Таким образом, чеченская женщина в традиционном обществе обладала не только достаточно широкими правами, но и определенной экономической самостоятельностью. Ее правовой статус находил отражение не только в нормах обычного права, но и в принятых обществом правилах поведения и горском этикете, согласно которому мужчины и женщины демонстрировали взаимное уважение. Например, женщины в целом должны были уступать дорогу мужчинам, но молодые люди, наоборот, уступали дорогу старшей по возрасту женщине; при встрече с пожилой женщиной всадник обязан был спешиться и т.д.

Строго регламентировались и внутрисемейные отношения, где у старших и младших были свои права и обязанности: «…было бы

ошибкой видеть в патриархальной регламентации личных отношений в старокавказской семье произвол старших по отношению к тем, кто считался младшими. Построенная на патриархальных началах семья должна была отвечать практическим потребностям своего времени, а следовательно, быть достаточно рациональным механизмом хозяйственной деятельности, детопроизводства, социализации и других функций всякой семейной жизни. …ни адаты, ни шариат не лишали женскую половину дома или младших членов семьи определенных прав и привилегий… Патриархальный быт даже в …его крайних выражениях, …никогда и нигде не низводил статус женщин и младших до уровня, угрожавшего дальнейшему прогрессивному развитию семьи и общества» [6, с. 36, 37].

Можно утверждать, что в традиционном чеченском обществе в соответствии с его реалиями сложился приемлемый для него баланс в гендерных отношениях, что важно для существования и развития самого общества. При этом «…женское и мужское располагается на разных концах одной оси, которая, впрочем, не столько и не только отделяет их друг от друга, сколько объединяет, ибо без одного из составляющих пару теряет смысл и наличие второго» [2, с. 9].

Естественный процесс трансформации гендерного баланса в новых исторических условиях, начавшийся в конце XIX в., был нарушен в период советской власти в результате целенаправленно проводимой властями политики по «раскрепощению женщины-горянки» и широкому вовлечению ее не только в производство, но и в общественную жизнь. С этой целью при органах государственной власти была создана целая система учреждений: женские отделы (женотделы), делегатские собрания, женские профорганизации, сектора по работе среди женщин. Одновременно государство ввело уголовную ответственность за «нарушение прав женщины». Широко практиковались и меры принуждения, вынуждавшие «…чеченских женщин отказываться от выношенных народом веками обычаев, регулирующих поведение мужчины и женщины в обществе, в семье, во всех сферах жизнедеятельности» [1, с. 566].

Еще одним ударом для традиционного уклада жизни стала депортация чеченцев в 1944 г. Но даже в этих нечеловеческих условиях чеченские женщины показали множество примеров стойкости духа и верности народным обычаям. Так, известен случай, когда молодая женщина, младенец которой не выдержал суровых испытаний и скончался у нее на руках, желая похоронить свое чадо согласно обы-

чаям – скрывала постигшее ее горе и каждый раз, когда в вагон заходили солдаты, имитировала кормление грудью и качала на руках своего ребенка, будто пытаясь его успокоить. Так продолжалось до самого приезда в места спецпоселений, где малыш и был похоронен.

Эта трагическая история в то же время является примером матери с большой буквы, примером чеченской матери! Именно о таких матерях говорил Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует): «Рай находится под ногами ваших матерей».

В конечном итоге вмешательство государства привело к тому, что естественный по сути процесс трансформации гендерного баланса в советский период порой приобретал конфликтные формы и порождал известное напряжение в чеченском обществе. Но, несмотря на все усилия государства, феномен «советской женщины» так и не стал массовым явлением в чеченском обществе.

Большое влияние на состояние гендерного баланса в чеченском обществе оказали и трагические события конца XX – начала XXI вв., когда женщинам пришлось поневоле взять на себя часть функций, традиционно считающихся мужскими. Это они спасали детей и стариков во время бомбовых ударов, не разделяя на своих и чужих. Это они, рискуя жизнью, перевозили через федеральные блокпосты раненых. Это им пришлось спасать от голодной смерти мирное население, брошенное на произвол судьбы. Именно наши женщины снабжали всем необходимым республику, зажатую в тиски безысходности. А в период послевоенной разрухи они без устали трудились наравне с мужчинами, восстанавливая республику, причем в самых различных отраслях: на стройках и в библиотеках, в торговых рядах и на сцене, в правительстве и жилищно-коммунальной сфере, в медицине, образовании, сфере социально-бытового обслуживания.

Сегодня в чеченском обществе объективно сложился новый гендерный баланс, при котором женщина играет более значимую роль в общественной и духовной жизни общества. Нельзя сказать, что этот баланс является оптимальным, но самое главное – в чеченском обществе сложился консенсус по вопросу о политическом и социальном равенстве полов. При этом чеченские женщины, как правило, остаются всегда сдержанными и скромными, ни на минуту не забывая о своем изначальном предназначении и необходимости существовать в гармонии с заветами предков. В этом особенность чеченской женщины, в этом ее ценность и достоинство. И сегодня в глазах абсолютного большинства чеченцев женщина, прежде всего, – мать, потому что

она сеет и взращивает семена добра в детях, семье. От уровня ее добропорядочности зависит степень нравственного воспитания детей, поэтому она считается сердцем нации, ее духовным образом.

Литература

1. Заурбекова Г.В. Гендерный аспект войны в Чечне // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апр. 2005 года. М., 2006. С. 566-570.
2. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. С. 9.
3. Мусхаджиев С-Х.Х. Гази-Хаджи Зандакский: пространство и время героя. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг». 2009. С. 109.
4. Новикова В.Л. Женщины Чечено-Ингушетии в борьбе за свое раскрепощение и социализм. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1966.
5. Осмаев М.К. Слово о чеченской женщине. URL: www.grozny-inform.ru (дата посещения - 8.03.2017).
6. Смирнова Я.С. Положение «старшей» женщины у народов Кавказа и его историческое истолкование // Кавказский этнографический сборник. Вып. VIII. М.: Наука, 1984. С. 22-37.
7. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX – XX в. – М.: Наука, 1983. С. 35.

УДК 321.74:93(470.661)

«ЧЕЧЕНСКИЙ КРИЗИС»: К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИЯХ

Осмаев Амин Ахмедович
депутат Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики в 1990-1995 гг., председатель Палаты представителей Народного собрания Чеченской Республики в 1996-1998 гг., член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в 1996-1998 гг.
aminos@list.ru

Аннотация. *Рассматривается распространение в последнюю четверть XX в. таких дефиниций как: «Чеченский кризис», «Чеченский конфликт», «Чеченский узел», «Чеченские войны», и т.д. С использованием их многие российские и зарубежные государственные деятели, ученые, журналисты, периодически делали и продолжают делать попытки дать развернутый анализ драматических событий, происходивших на территории Чечни в 90-х годах XX века. Но к сожалению, большинство авторов публикаций, так и не смогли вырваться из «паутины» конъюнктуры, мифов и откровенных фальсификаций, а тем более установить истинные причины произошедшей катастрофы.*

Ключевые слова: *Российская Федерация, Чечено-Ингушская Республика, «Чеченский кризис», «Чеченский конфликт», «Чеченские войны», Декларация о суверенитете, историография Чеченской Республики*

После распада Советского Союза в средствах массовой информации, в политической литературе получили широкое распространение такие дефиниции как: «Чеченский кризис», «Чеченский конфликт», «Чеченский узел», «Чеченские войны», и т.д. С использованием их многие российские и зарубежные государственные деятели, ученые, журналисты, периодически делали и продолжают делать попытки дать развернутый анализ драматических событий, происходивших на территории Чечни в 90-х годах XX века. Но, к сожалению, большинство авторов публикаций, так и не смогли вырваться из «паутины» конъюнктуры, мифов и откровенных фальсификаций, а тем более установить истинные причины произошедшей катастрофы. В результате, «Чеченская трагедия» - гуманитарная катастрофа, одновременно являющаяся трагедией для России и всего мира, до настоящего времени остается предметом острых научных споров и всевозможных политических спекуляций.

Как представляется, главная ошибка этих исследователей состоит в том, что они, по различным причинам, вместо всестороннего рассмотрения основных составляющих проблемы, «выпячивают» от-

дельные фрагменты, делая акцент на словах «Чеченский» и «война»; тем самым искусственно раздувают этническую «природу» и силовую составляющую взаимоотношений российского государства и чеченского народа.

Хорошо известно, что помимо военной составляющей, мирного характера взаимовыгодные русско-чеченские связи были действенными на протяжении длительного времени. Например, в XVI-XVII вв. и на значительном отрезке XVIII столетия. Но, к глубокому сожалению, об этом пишут и говорят очень мало, хотя все это есть в работах чеченских и русских историков.

Благодаря этому, складывается впечатление, что многочисленные труды на тему «Чеченского кризиса» написаны под сильным влиянием русской литературы периода прямого завоевания Кавказа в XIX в., способствовавшего формированию в массовом сознании определенных стереотипов о регионе и населяющих его народах. В этом отношении показательно стихотворение М.Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня»:

«…По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;

В поэме «Измаил-Бей» описывая жизнь горцев М.Ю. Лермонтов пишет еще более выразительно:

«…И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага – не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро – добро, и кровь – за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь…»

А вот фрагмент из повести Л. Толстого «Хаджи-Мурат» о чеченском ауле после кровавого набега царских войск: «…Старики хозяева собрались на площади и, сидя на корточках, обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которое ис-

пытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти…».

Читая эти строки, нужно помнить о том, что великие русские поэты и писатели создавали свои произведения с глубоким сочувствием к чеченскому народу, оказавшемуся в эпицентре «Кавказских войн». В тоже время, сегодня, в эпоху глобализации, как никогда важно, чтобы драматические события из истории российско-чеченских отношений не заслоняли то положительное, что накоплено за многие годы межкультурного и межэтнического взаимодействия чеченцев с русским народом и другими народами в составе единого государства.

Реальная жизнь показывает, что односторонний подход и фольклорное восприятие, являются плохими советчиками при анализе проблем, подобных «Чеченскому кризису». Превалирование т.н. «исторической памяти» над научным знанием – это прямой путь в ловушку заблуждений. Как следствие, в обществе быстрыми темпами растет ксенофобия, государственные деятели выдают желаемое за действительное, принимают ошибочные решения, которые потом дорого обходятся простым и законопослушным гражданам.

В качестве конкретного примера, иллюстрирующий поверхностный подход к ситуации в Чечне могут служить слова секретаря Совета Безопасности РФ, генерала А. Лебедя, который выступая на парламентских слушаниях в Госдуме РФ 15 октября 1996 года, как всегда авторитетно заявил: «… что чеченский кризис, возник не вчера, не год назад, а гораздо раньше – 27 ноября 1990 года, когда была принята Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской республики…. Документ был принят руководителем республики Завгаевым и его премьер-министром… Согласно декларации, Чечено-Ингушская республика есть суверенное государство…». Аналитики и советники генерала, видимо, очень торопились на то время, в создании образа проницательного государственного деятеля - спасителя Отечества, который видит суть явлений «насквозь и даже глубже». Для этого они нашли простое решение, возложить всю ответственность за провалы планов центральной власти по урегулированию «чеченского кризиса» на местные органы власти.

При этом, А. Лебедь и его «группа поддержки», утаили тот факт, что Верховный Совет Чечено-Ингушетия активно участвовал в подготовке Союзного договора, а в марте 1991 года внес в Верховный Совет России свой проект Федеративного договора. Он также не сказал о том, что за время, прошедшее после принятия Декларации о го-

сударственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики 26 ноября 1990 г., ни одно частное лицо, ни одна общественная организация или государственная структура не оспорили ее положения в судебном порядке. И такая декларация отнюдь не была на тот момент сенсацией. Потому первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатова спокойно относился к «заявкам автономных республик, которые говорят о своем суверенитете». Здесь говорил он «нет никаких противоречий, между прочим. Но о чем идет речь конкретно, когда мы говорим о суверенитете любой бывшей автономной республики? О пределах полномочий, законодательно закрепленных российским парламентом, новым Федеративным договором, который уже разработали вместе со всеми субъектами Федерации. То есть о конкретных полномочиях, которые действительно должны полностью перейти к ведению местных властей» [1].

Генерал А. Лебедь, вероятно, из-за корпоративной солидарности, не стал в 1996 г. говорить и о том, что руководство России образца 1991 г. опираясь на ошибочные представления о «демократическом движении» в ЧИР, под предлогом борьбы с ГКЧП и остатками коммунистического режима на местах, фактически помогли лидерам национал-радикальных организаций ОКЧН (Общенациональный конгресс чеченского народа) - Д. Дудаеву и ВДП (Вайнахская демократическая партия) - З. Яндарбиеву, совершить государственный переворот в Чечено-Ингушской Республике.

В то время как принятие подобной Декларации в ноябре 1991 г. объяснялось не только ростом оппозиционных советской системе настроений и движением за самостоятельность, сколько реалиями внутренней политики – республики, автономии и области СССР стояли на «пороге принятия» нового Союзного и Федеративного договоров[2].

Однако, как мы помним во второй половине августа 1991 г. разразился ГКЧП, с детонировавший политический кризис и противостояние в Чечено-Ингушской Республике, а 6 сентября 1991 г. вооруженные боевики советского отставного генерала Д. Дудаева штурмом взяли Дом политического просвещения, где проходила сессия Верховного Совета Чечено-Ингушетии. Пролилась первая кровь, попытавшихся сопротивляться депутатов жестоко избили, пусть случайно, но именно в ходе противоправных действий погиб депутат республиканского парламента, председатель Грозненского Совета народных депутатов В. Куценко[3].

Есть все основания считать, что именно это политическое собы-

тие, а не принятие Декларации о государственном суверенитете ЧИР является точкой отсчета человеческой трагедии, получившей название «Чеченский кризис».

Как бы то ни было ошибочная трактовка А. Лебедем Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики имела неожиданные последствия: она была «на ура» подхвачена национал-радикалами сепаратистского толка причем как русскими, так и чеченскими. Для последних она стала «фиговым листком» для прикрытия массовых нарушений прав человека, геноцида в отношении инакомыслящих жителей республики, несогласных с политикой сепаратизма. По логике национал-радикалов получалось, что Россия напала на независимое государство, а раз это так, то они герои национально-освободительного движения, ведущие борьбу с оккупантами.

Этот миф, в угоду врагам России, до настоящего времени используется ими для обмана неискушенных в политическом отношении людей. Так недавно, Ахмед Закаев, так называемый «телефонный» руководитель диванного «правительства Ичкерии в изгнании», выступая в эфире радио «Свобода» изложил ичкерийскую вольную трактовку событий в Чечне: «…Не Дудаев провозгласил независимость Чечни, это произошло еще до появления Дудаева в республике. 26 ноября 1990 года по указанию Верховного совета тогдашней Чечено-Ингушской Республики собрался первый чеченский съезд, на котором и была принята декларация о государственном суверенитете. Сделано это было даже не по прихоти Доку Завгаева, тогдашнего главы республики, а фактически по указанию Верховного Совета СССР. В апреле 1990 года принят был закон о союзных и автономных республиках, уравнивавший автономные республики в правах с союзными республиками. Чечено-Ингушская Республика оказалась едва ли не последней из автономий, которые, в соответствии с этим постановлением, приняли декларацию о своем государственном суверенитете. Завгаев получил прямую инструкцию из Кремля, из Москвы – привести местное законодательство в соответствие с законодательством центра.

27 ноября Верховный совет ЧИАР во главе с Завгаевым и принял Декларацию о государственном суверенитете, то есть о независимости Чечено-Ингушской Республики. Чечено-Ингушская Республика просуществовала какое-то время как независимое государство. Потому что поправки, которые были внесены в Конституцию, говорили о

том, что Чечено-Ингушская Республика – независимое суверенное государство». Вот так вот, ни много ни мало!

Вернемся снова к 1990 г. когда 12 июня 1990 г. Первый съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. В этот же день состоялось заседание Совета Федерации (СССР. - А.О.), посвященное проблемам национально-государственного устройства, Союзному договору и т.д. Выступления его участников, главным образом руководителей союзных республик, свидетельствовали о том, что усиливаются центробежные тенденции. 20 июля 1990 г. Верховный Совет Северо-Осетинской АССР принял Декларацию о государственном суверенитете республики. Татарстан принял свою декларацию 30 августа 1990 года. Башкирия - 11 октября 1990 года.

Таким образом процесс, метко названный «парад суверенитетов» в СССР охватил практически все автономии РСФСР. Таким образом, поводом для реализации этой идеи о Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушетии, витавшей в воздухе, явилась сама политическая обстановка, сложившаяся к лету 1990 года как в стране, так и в Республике. В г. Грозном к этому времени уже прошли два съезда ингушского народа (на которых фигурировали карты будущей ингушской автономии, включавшей как не странно Сунженский и Малгобекский районы собственно исторической Чечни). Прошел съезд казачьих и ногайских представителей с требованием создания ногайско-казачьей автономии в Затеречье. Активно заявляла о своих требованиях и армянская община г. Грозного. То есть практически все национальные группы населения Чечено-Ингушетии определились со своими пожеланиями и видением переустройства республики.

В той сложной обстановке, инициаторами проведения съезда собственно чеченского народа выступила группа народных депутатов - А. Осмаев, Л. Умхаев, Ю. Эльмурзаев, Х. Цобаев, Р. Цокаев и другие. Огромную работу по подготовке и проведению съезда провел его оргкомитет во главе с Л. Умхаевым, куда входили лучшие представители чеченского народа. Он действительно прошел 23-25 ноября 1990 г. и формально провозгласил «создание нового государства – Чеченская Республика Нохчичьо».

В целом перипетии связанные с историей принятия помянутой здесь не раз Декларации подробно рассматривались нами в работе «Между Сциллой и Харибдой: "сенсационная" Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики" от 27.11.1990

г.), которую рекомендую вниманию читателя[4].

26 ноября 1990 г. свою работу начала внеочередная четвертая сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР девятого созыва с ключевой повесткой по Декларации о государственном суверенитете ЧИР. И как правильно уже отмечено: «Такая последовательность событий не являлась результатом каких-либо предварительных согласований. Решение о проведении внеочередной сессии принимал Президиум Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР в соответствии с официальным регламентом. После опубликования в республиканских СМИ даты ее созыва - 26 ноября - Оргкомитет по проведению съезда чеченского народа в спешном порядке определил дату созыва национального форума - 23-25 ноября» [5].

В действительности, ни в Декларации, ни в поправках Конституции Чечено-Ингушетии нет ни единого слова о независимости и о выходе республики из состава СССР и России. Желающие могут проверить, обратившись к тексту Декларации о государственном суверенитете ЧИР, размещенному в интернете. Таким же образом они могут ознакомиться с информацией о состоявшейся 15 августа 1991 г. сессии Верховного Совета республики, на которую был вынесен вопрос: «О проекте Договора о Союзе суверенных государств».

В принятом парламентом постановлении констатируется, что «Верховный Совет Чечено-Ингушской Республики, рассмотрев и обсудив проект Договора о Союзе суверенных государств, учитывая волеизъявление народа Чечено-Ингушской Республики, высказанное в ходе референдума СССР по вопросу сохранения Союза СССР,

Постановляет:

1. Одобрить в целом проект Договора о Союзе суверенных государств и утвердить состав делегации для подписания Договора в следующем составе: Завгаев Доку Гапурович - Председатель Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики, руководитель делегации. Члены делегации: Айдамиров Абузар Абдулхакимович – народный писатель Чечено- Ингушской Республики, народный депутат СССР; Беков Сергей Мажитович - Председатель Совета Министров Чечено-Ингушской Республики, народный депутат Чечено-Ингушской Республики; Гебаев Арби Ахмадович - бригадир тракторно-полеводческой бригады совхоза «Красноармейский» Урус-Мартановского района, народный депутат Чечено-Ингушской Республики; Храмченко Лидия Александровна - председатель постоянной комиссии Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики,

народный депутат Чечено-Ингушской Республики.

2. Чечено-Ингушская Республика как равноправный субъект Союза участвует в Договоре о Союзе суверенных государств непосредственно и считает необходимым ускорить процесс заключения Договора.

3. Утвердить предложение по внесению изменений в проект Договора о Союзе суверенных государств и направить его в Верховный Совет СССР и Совет Федерации СССР для рассмотрения.

Предложение по проекту Договора о Союзе суверенных государств, Статью 3 проекта изложить в следующей редакции:

«Статья 3. Территория Союза суверенных государств состоит из территорий всех республик участников Договора. Границы между республиками могут изменяться только по соглашению между ними. Территории республик, отторгнутые в период насильственного переселения народов, подлежат возврату».

В связи с этим возникает вопрос: чего добивались народные депутаты, принимая такого рода решения? Ответ на него очень прост и очевиден: они стремились законным путем получить права, которыми обладали союзные республики, чтобы с их помощью решить накопившиеся проблемы политического, социально-экономического и культурного развития и строить отношения с другими республиками и государствами на равноправной основе. Также они стремились предотвратить распад Чечено-Ингушетии в связи с упорно выражаемым желанием ингушских лидеров о выходе из состава единой Республики, хотя в Декларации специально подчеркивалось (статья 14) что «…Договоры о содружестве, сотрудничестве с суверенными республиками, государствами, союзом государств Чечено-Ингушская Республика будет заключать только на основе интересов народа Чечено-Ингушетии…».

В Декларации была также статья 16, которая непосредственно касалась тех, кто стремится к экстремистским действиям: «Любые попытки неконституционным путем изменить государственный строй в Чечено-Ингушской Республике являются тягчайшим преступлением против ее народа». Поэтому не должно быть никаких иллюзий – деятели дудаевской Ичкерии не имели никакого политического мандата, они не герои национально-освободительной борьбы, а палачи чеченского народа, злодеи, которые должны быть осуждены законом и обществом за преступления против человечности.

Вместе с тем, было бы большой несправедливостью не упомя-

нуть о точке зрения Президента России Б. Ельцина на отдельные аспекты «Чеченского кризиса». В мае 1997 года, после подписания Договора о мире и принципах взаимоотношений между Россией и Чеченской Республикой Ичкерия он торжественно объявил: «Ставится точка четырехсотлетней давности, когда в Чечне все время какая-то война. Теперь будем вести все наше сотрудничество мирным путем. Тут один пункт — мирный договор. Вот вся его главная начинка».

В свою очередь, сепаратист Аслан Масхадов позиционировавший себя «президентом Ичкерии» продолжил: «Народы России и Чечни устали от этих проблем, от этой войны. Сегодня я думаю, что лидеры Чечни и России сделали самый разумный шаг, который ждут от нас наши народы».

Возможно, что они были искренни и верили в то, что говорили. Но все дело в том, что в августовском Хасавюрте 1996 г. и в Москве в мае 1997 г. была поставлена «точка» лишь на бумаге. Вопреки словам Б. Ельцина и А. Масхадова, негативные процессы продолжали развиваться и набирать силу, приобретая характер общенационального бедствия. Поэтому, образно говоря, не успели высохнуть чернила на подписанном Договоре о мире, как началась вторая Чеченская война и Чечня вновь превратилась «горячую» точку России. Почему это произошло - ключевой вопрос, на который предстоит ответить каждому, кто хочет разобраться в истинных причинах «Чеченского кризиса».

Обращаясь к теме «Чеченского кризиса» рядовой российский обыватель, сразу же задается вопросом – почему этот кризис называется «Чеченским»? Первое, что, возможно, приходит ему на ум – такое название сложилось в результате действий непокорных чеченцев, известных «смутьянов» и «разбойников», подрывающих устои государства. Конечно, в составе Российской империи чеченцы оказались отнюдь не добровольно, в советское время они подвергались репрессиям и были незаконно депортированы, но, и перестройка, гласность, новое мышление, наряду «суверенизацией» зародились не Грозном, а в Москве. И весь этот «Чеченский кризис» есть ни что иное, как «горькие плоды» национальной политики, проводимой российскими «власть предержащими» со средних веков до наших дней.

Вызывает удивление и то, что до настоящего времени в российской науке нет ни только научного определения «Чеченского кризиса», но и точной хронологии этих событий если не считать нескольких монографических работ моего однофамильца, профессора Аббаза

Осмаева [6].

Одни, как Б. Ельцин и А. Масхадов в недалеком прошлом, утверждают, что «Чеченскому кризису» более 400 лет, другие вслед за А. Лебедем берут за точку отсчета 29 октября 1990 года – день принятия Верховным Советом Чечено-Ингушетии Декларации о государственном суверенитете республики.

Между тем, верхоглядство и разнобой во взглядах на «Чеченский кризис» на государственном и бытовом уровнях не просто вредны, но и опасны, так как Северный Кавказ представляет собой регион «замороженных» конфликтов, которые в определенной ситуации могут привести к явлениям драматического порядка.

Литература

1. В ответе за Россию. Интервью с Р. Хасбулатовым - первым заместителем Председателя Верховного Совета РСФСР // Газ. Правда. 26 ноября 1990.
2. Бугаев А.М. Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики: политически неизбежный шаг или политический демарш // Теория и практика общественного развития: Научный журнал: Scientific Journal N. 22 /2015. С. 153-157.
3. Осмаев А.А. Волкодлаки: (тайна гибели Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики). М.: МБА, 2017. - 123 с.
4. Осмаев А.А. Между Сциллой и Харибдой: «сенсационная» Декларация: (субъективные заметки народного депутата Чечено-Ингушской АССР о «Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики» от 27.11.1990 г.). М.: МБА, 2016. - 122 с.
5. Бугаев А.М. Указ. соч. С.55-56.
6. Осмаев А.Д. Чечня в 1999-2002 гг.: хроника войны. Грозный, 2005; Его же. Чеченская Республика в 1996-2005 гг. Общественно-политическая и повседневная жизнь в условиях войны и мира. Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012; Его же. Чеченская Республика в 1996-2005 гг.: трудный путь к миру. Грозный, 2014.

УДК 32.001

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Манкиев Абубакар Ахмедович

кандидат философских наук, профессор, заведующий лабораторией социально-политических, правовых и духовных процессов КНИИ РАН (г. Грозный), ведущий научный сотрудник ИГИ АН ЧР
mankiev_lab@mail.ru

Аннотация: *На основе характеристики приоритетных стратегических документов государственной национальной политики Российской Федерации акцентировано внимание на их потенциале формирования российской гражданской идентичности. Отмечены результаты его реализации, обеспечившие реальное равноправие и поразительные успехи в развитии всех сфер бытия каждого российского гражданина, этноса и субъекта, что создало прочную основу для формирования и упрочения у людей общероссийского гражданского самосознания и идентичности. Отмечены существующие в этом вопросе проблемы.*

Ключевые слова: *национальная политика, этнос, российская гражданская идентичность, стереотипы.*

Президент России В.В. Путин в своей известной статье «Россия: национальный вопрос» пишет: «Для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер. Любой ответственный политик, общественный деятель должен отдавать себе отчет в том, что одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие»[8, с. 1].

Понимание этого воплощено в официальных документах национальной политики Российской Федерации. Они многочисленны и разнообразны по приоритетным вопросам и статусу и охватывают все сферы российского общества, государства и управления, ибо национальный (этнический) фактор так или иначе присутствует во всех этих реалиях, органично вплетен в них. К стратегическим из этих документов относят, прежде всего, Конституцию Российской Федерации (1993 г.), Концепцию государственной национальной политики Российской Федерации (1996 г.), Стратегию государственной нацио-

нальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012 г.), Концепцию миграционной политики Российской Федерации до 2025 года (2012 г.) Каждый из этих документов утвержден Указом Президента Российской Федерации.

Основополагающим, базовым документом национальной политики Российской Федерации является ее Конституция. Она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории страны. Её обязаны соблюдать все – органы государственной власти и местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения (Ст. 15, пп. 1, 2).

Согласно Конституции, «Российская Федерация – Россия» состоит из *равноправных субъектов* и основано, в том числе, на *равноправии народов* (Ст. 5, пп 1. 3). По определению Конституции, «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её *многонациональный народ*» (Ст. 3, п. 1).

Конституция устанавливает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (Ст. 2). В ней дано их развернутое изложение и утверждены такие фундаментальные права человека и гражданина, как право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства на территории Российской Федерации, право на защиту своей чести и доброго имени, право на труд и жилище, которого никто не может быть лишен произвольно, и др.

Конституцией запрещаются: а) «разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» (Ст.13, п.5); **б)** «любые формы ограничения прав гражданина по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» (Ст. 19, п. 2) [4].

Президентом страны в 1996 году была утверждена соответствующая конституционным положениям Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Она, в частности, предусматривала: равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям; запрещение любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой или религиозной принадлежности; запрещение деятельности, направленной на возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни, ненависти, либо вражды; развитие национальных культур и языков народов Российской Федерации,

укрепление духовной общности россиян; утверждение принципа равноправия граждан различных национальностей и вероисповеданий, укрепление взаимопонимания между ними; обеспечение правовой защиты национальной чести и достоинства граждан, усиление ответственности за разжигание межнациональной розни; решительную борьбу с любым проявлением агрессивного национализма; выравнивание уровней социально-экономического развития субъектов Российской Федерации; формирование и распространение идей духовного единства, дружбы народов, межнационального согласия, культивирование чувства российского патриотизма; формирование сознания российской идентичности; использование федеральных, региональных и местных средств массовой информации как инструмента обмена духовными ценностями народов России; принятие исчерпывающих мер по обеспечению равенства прав граждан любой национальности в соответствии с Конституцией Российской Федерации, исключив случаи дискриминации по национальному признаку в той или иной форме; осуществление мер по разрешению проблем репрессированных народов. Также было заявлено, что «национальный вопрос не может занимать второстепенное место или быть предметом спекуляций в политической борьбе»[6].

В 2012 году Указом Президента РФ В.В. Путина была утверждена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 год» (далее – Стратегия). Она заменила Концепцию национальной политики РФ и действует по настоящее время.

Стратегия подтверждает, что Российская Федерация является многонациональным (полиэтническим) государством – одним из крупнейших в мире. По приведенным в ней данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированным на основе самоопределения граждан, на территории РФ проживают представители 193 национальностей. В государственной системе образования страны используется 89 языков, в том числе 30 – в качестве языка обучения, 59 – как предмет изучения. Всего в РФ используется 277 языков и диалектов.

Известно, что многонациональность современного Российского государства отрицается некоторыми «патриотами». Поэтому её подтверждение в таком государственном документе, как Стратегия, является в современных условиях принципиальным фактором защиты конституционных основ Российской Федерации. Оно встречено с

удовлетворением этническими общностями нашей страны и служит формированию и укреплению у них российской гражданской идентичности.

Стратегия, как отмечено в ней, разработана «с учетом преемственности основных положений Концепции 1996 года» и охватывает вопросы, требующие и сейчас особого внимания государственных и муниципальных органов.

Это составляет прочную основу и надежный ориентир для того, чтобы, двигаясь по пути приоритетных направлений национальной политики (совершенствование управления в сфере национальной политики, обеспечение равноправия и реализация конституционных прав граждан в этой сфере, обеспечение социально-экономических условий для эффективной реализации национальной политики, укрепление единства и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации), сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России, гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения и др.), успешно решать стоящие перед ней задачи. Они многообразны, обширно изложены в Стратегии и в сущности своей идентичны идеям её приведенных положений и приоритетных направлений.

Решение задач государственной национальной политики направлено на достижение её целей, к которым, по определению Стратегии, относятся: упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России; гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений; обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов[7].

Последней из указанных целей посвящена специальная Концепция, отмеченная выше, в которой представлена охватывающая широкий круг вопросов система мер по ее (этой цели) достижению[5].

Не трудно видеть, что приведенные базовые для государственной национальной политики предписания Конституции Российской Федерации, а также положения названных приоритетных документов по этой политике нацелены на утверждение в государстве и обществе высоких политических, гуманистических, духовно-нравственных

ценностей на уровнях федерации, ее субъектов, народов и отдельных граждан, равноправия всех граждан, народов и субъектов России и т.д., что выраженно соответствует интересам каждого субъекта России, каждого ее народа и гражданина независимо от расы, национальности, вероисповедания и других обстоятельств, повышает привлекательность Российской Федерации, служит формированию и укреплению российской гражданской идентичности у людей.

Этому вдвойне служит воплощение предписаний государственной национальной политики в жизнь. Его результаты поразительны, особенно если не забывать о былом и в каких сложнейших условиях (политических, социально-экономических, геополитических и т.д.) они достигнуты. В республиках, во всех субъектах Новой России осуществлена колоссальная работа по модернизации и развитию их политических, экономических, социокультурных и духовных сфер, созданию рабочих мест, улучшению материального положения и условий жизни людей, профилактике проявлений экстремизма и терроризма и разгрому их носителей, борьбе против коррупции и других преступлений и т.д.

Люди, естественно, все это видят, ощущают на себе, оценивают и одобряют, что укрепляет в их глазах авторитет Российского государства и его руководства, чувство патриотизма и гордости за свою страну, российскую гражданскую идентичность, осознанное и убежденное определение ими себя как граждан Российской Федерации, поднявшись выше местничества и понимая соотношение последнего и федерального.

В реальной жизни, однако, действуют и другие факторы, и формирование общероссийского гражданского сознания и российской гражданской идентичности не всегда и не везде происходит гладко и охватывает всех. Оно порой осуществляется в условиях весьма серьезного противодействия антиподных сил. В отношении северокавказцев это подтверждается, например, результатами массового опроса молодежи СКФО, проведенным в 2015 году ИСПИ РАН (г. Владикавказ). Ответы опрошенных на вопрос чувствуют ли они себя гражданами Российской Федерации выглядят следующим образом:

	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы
Безусловно, да	66.7	59.5	70.7	50.5	48.6	61.7	58.2
Скорее, да, чем нет	27.0	31.1	20.7	29.8	42.9	23.4	29.6
Скорее нет, чем да	3.6	6.8	8.6	10.7	8.6	10.6	8.2
Безусловно, нет	2.7	2.7		7.1		4.3	1.0
Затрудняюсь ответить				2.4			3.1
	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

[2].

Как видно, подавляющее большинство опрошенной молодежи Северного Кавказа чувствует себя гражданами РФ. Не чувствуют себя таковыми: русские и русскоязычные – 6,3 %, кабардинцы и балкарцы – 9,5%, карачаевцы и черкесы – 8,6%, народы Дагестана - 17,8%, ингуши - 14, 9%, осетины -14,9%, чеченцы - 9,2%.

Такой расклад ответов респондентов, хотя и рельефно в пользу заявивших, что чувствуют себя гражданами Российской Федерации, все же не дает основания для политического благодушия, ибо речь идет о вопросе чрезвычайной значимости. Он, этот расклад ответов, лишний раз наглядно подтверждает актуальность и важность преодоления негативных факторов, влияющих на развитие национальных, межнациональных (межэтнических) отношений. К ним в Стратегии, в частности, отнесены: «Высокий уровень социального и имущественного неравенства, региональной экономической дифференциации; сохранение проявлений дискриминации по отношению к гражданам различной национальной принадлежности в правоприменительной практике; недостаточность образовательных и культурно-просветительских мер по формированию российской гражданской идентичности, воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций народов России, их опыта солидарности в укреплении государства и защиты общего Отечества; распространенность негативных стереотипов в отношении некоторых народов; недостаточный уровень межведомственной и межуровневой координации в сфере реализации государственной национальной политики Российской Федерации, включая профилактику экстремизма и раннее предупреждение межнациональных конфликтов в субъектах Российской Федерации; недостаточная урегулированность миграционных процессов…»[7].

Не трудно видеть, что для преодоления некоторых из этих нега-

тивных факторов не требуется ни заметных финансовых затрат, ни длительного времени. Результат же их снятия вполне предсказуем: он несомненно был бы позитивным и весьма ощутимым, служил бы гармонизации межэтнических отношений, укреплению межнационального взаимопонимания и согласия, формированию и упрочению российской гражданской идентичности, общероссийского гражданского самосознания.

Представляется, что в этом отношении особо следует выделить из приведенного перечня следующие два фактора: сохранение проявлений дискриминации по отношению к гражданам различной национальной принадлежности в правоприменительной практике; распространенность негативных стереотипов в отношении некоторых народов.

Вряд ли оспорим их прямой и ощутимый вред отдельным гражданам, их группам по национальному признаку, межнациональной (межэтнической) приязни, формированию и упрочению российской гражданской идентичности, чувству принадлежности к воспеваемому в Гимне Российской Федерации вековому союзу ее братских народов. Примеров, не оставляющих сомнения в этом, к сожалению, множество. Они широко известны в российском обществе и, безусловно, в других странах, что ущербно политическому имиджу и упрочению Российской Федерации и на руку различным деструктивным силам и ее недругам. Еще свежи в памяти потрясшие страну организованные деструктивными элементами массовые шествия с антироссийскими требованиями: «Россия - для русских!», «Москва - для москвичей!», «Хватит кормить Кавказ!», прямыми оскорблениями кавказцев и угрозами в их адрес.

Подобного ряда и «вклад» в науку, содействие власти в реализации государственной национальной политики историка, пишущего об «уступках большой России своим северокавказским партнерам, которые вызывают серьезное недовольство в стране и не могут быть бесконечными. Ситуация обостряется в связи с колонизацией многих районов юга России, других территорий страны кавказцами, сопровождающейся известными эксцессами (Кандапога, Ставрополь, Зеленокумск, Пугачев и др.)»[3, с. 78].

Это, по нашему мнению, трудно не признать провокационными инсинуациями, предписанием проявить «серьезное недовольство в стране» в отношении северокавказцев, исключенных автором из состава «большой России» и ее граждан и превращенных в ее колониза-

торов на том основании, что они вынужденно (из-за дефицита рабочих мест в «их» республиках) воспользовались конституционным правом выбора места пребывания и жительства на территории Российской Федерации. Причем в массе своей они работают пастухами, чабанами, строителями, престижных должностей у местных жителей не оспаривают, территориально их не ущемляют. Однако автору, судя по всему, очень не нравится, что Конституцией и основанными на ней документами национальной политики Российской Федерации северокавказцы не выведены за рамки равноправия ее народов, и он, ничтоже сумняще, присвоил себе эту миссию. А чтобы спровоцировать в отношении северокавказцев «серьезное недовольство в стране», изобрел страшилки в виде опасных уступок им «большой России» и «колонизацию» ими «многих» ее территорий, попутно возложив на них всю вину за перечисленные «известные эксцессы», хотя ни их инициаторами, ни их организаторами они не были, а многие из них, годами и десятилетиями проживавшие и трудившиеся в местах, где произошли «известные эксцессы», стали их жертвами, запланированные деструктивными, криминальными элементами. Они в одночасье лишились жилья и имущества, превратились в нищих изгоев. В основе своей эти «эксцессы» были криминальными разборками, которых некомпетентные и заинтересованные люди классифицировали как «выяснение межнациональных отношений». А наш автор помог им «научным» объяснением причин данных «эксцессов» неприемлемыми уступками «большой России» северокавказцам и колонизацией ими многих российских территорий.

Таков в данном случае «вклад» этого автора в науку и в помощь осуществляющим государственную национальную политику Российской Федерации. Представляется, что предельная прозрачность его несовместимости с сущностью этой политики делает излишними дополнительные комментарии по этому вопросу.

В ряд приведенных примеров вписывается и такой памятный красноречивый факт: российский гражданин, уроженец Дагестана, чемпион мира М., попав в Москве в какую-то передрягу, просил российский суд не судить его как кавказца. Это транслировалось по федеральному телеканалу и мог слышать и видеть весь мир. И это в условиях, когда в Стратегии национальной политики РФ впервые в официальном документе сказано, как о ее цели, о «российской нации», а также воспроизведено предписание ее Конституции обеспечить «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от

расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств». Какие силы довели до такой кавказцефобии, подтачивающей конституционные основы Российской Федерации и чуждой целям ее национальной политики?

Этот естественный вопрос напоминает, прежде всего, о вице-спикере Госдумы РФ В. Жириновском с его бредовыми предложениями по «кавказскому вопросу», в том числе, с откровенно фашистскими требованиями запретить северокавказским народам популяцию, заключить их за колючую проволоку и т.д. Ведет он себя так, судя по всему, не опасаясь негативных последствий и не испытывая их. Не индульгенция ли это для рядовых творцов и распространителей негативных стереотипов в отношении северокавказцев? Думается, что производство последних стимулируется, в частности, востребованностью их некоторыми обладателями высоких ученых регалий и должностей в научной сфере (понравиться им важно для соискателей ученых степеней, а также жаждущих их похвалы), низкой себестоимостью, личностной мотивацией. Но несомненно одно: искоренение рассматриваемых факторов (подчеркнем еще раз, не требующее особых финансовых затрат) однозначно в интересах Российского государства, ибо они действуют в направлении, противоположном его упрочению, укреплению межнационального согласия и мира, формированию российской гражданской идентичности.

Приведенные примеры вряд ли составляют и каплю в море им подобных. Полагаем, однако, что их достаточно для цели настоящей статьи. Вместе с тем, как представляется, необходимо сказать еще о следующем факте. В «Методических материалах» «Вопросы реализации государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации», изданных под грифом «Федерального агентства по делам национальностей» и «МГУ имени М.В. Ломоносова» в 2018 году довольно многочисленным коллективом авторов (13 человек), при перечислении отмеченных в Стратегии негативных фактов почему-то опущена «распространенность негативных стереотипов в отношении некоторых народов»[1, с. 42]. Это обращает внимание на себя не только как обеднение Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации пропуском важного фактора, но и потому, что авторы указанного весьма полезного издания сообщают о работе по внесению изменений в данный документ[1, с. 54]. Как представляется, такая осведомленность авторов может свидетельствовать о том, что они и привлечены к этой работе. Если в результате

из Стратегии исчезнет констатация распространенности негативных стереотипов в отношении некоторых народов, она лишится одного из ключевых ориентиров работы по реализации национальной политики Российской Федерации в части гармонизации межнациональных отношений, обеспечения межэтнического согласия и мира, упрочения нашего многонационального государства. Также это будет отступлением от принципиального требования Стратегии учета реального состояния национальных отношений, что не может не сказаться негативно на реализации задачи укрепления межнационального согласия и мира, общероссийского патриотизма, гражданского самосознания и российской гражданской идентичности. Хочется надеяться, что наше опасение не сбудется, и интеграционные процессы в полиэтническом российском обществе будут неуклонно прогрессировать, как на это нацелена государственная национальная политики Российской Федерации.

Литература

1. Буданов М.А., Квашонкин А.В., Коньков А.Е. и др. Вопросы реализации государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации: методические материалы. М.: «КДУ». «Университетская книга». 2018.– 210 с.
2. Гадаев В.Ю., Гадаев Р.В. Молодежь в поисках смысла жизни. Грозный-Махачкала: АЛЕФ, 2017. - 488 с.
3. Дударев С.Л. «Добровольное вхождение» и «российскость»: судьба дефиниций // URL: Материалы международного форума историков-кавказцев (14-15 октября 2013 гг. Ростов-на-Дону) Отв. ред. Черноус В.В. – Ростов-на-Дону. 2013.
4. Конституция Российской Федерации. Грозный «Издательский полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2013. - 64 с.
5. URL: http://legalacts.ru/doc/kontseptsija-gosudarstvennoi-migratsionnoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-na/
6. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // URL: https://scicenter.online/voprosy-politologii-obschie-scicenter/kontseptsiya-gosudarstvennoy- natsionalnoy-124596.html
7. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации // URL: http://base.garant.ru/70284810/
8. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012.

РАЗДЕЛ V. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ ЧЕЧНИ И КАВКАЗА

УДК: 39+94 (470.62/.67)

ГАРБИ, СЫН СУЛЫ – ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ ИЗ НАШХИ (ГОРНАЯ ЧЕЧНЯ)

Тесаев Зелимхан Адамович
научный сотрудник Института гуманитарных исследований АН ЧР

***Аннотация**. В статье публикуется часть текущих результатов работы по составлению реестра и биографий средневековых героев в рамках деятельности республиканской комиссии (ЧР) по вопросам истории чеченского народа. В данном конкретном случае мы рассматриваем личность Гарби (чеч. ГIарби) – одного из народных предводителей XI–XII веков, сыгравшего, согласно легендам, важную роль в этногенезе чеченцев, а также считающегося основателем ряда фамилий чеченских обществ. Проводится краткий анализ, представляющий собой сопоставление этнографических сведений с данными исторических источников. В выводах определяется ориентировочное время деятельности героя.*

***Ключевые слова**: Галанчож, Гарби, греки, джелты (греки-византийцы), Дурдзукия, Кавказ, Нахчо, Нашха, Сула, Чечня.*

Полулегендарный ГIарби – сын Сулы, считается первым поселенцем в западночеченском обществе Нашха (Горная Чечня), эпохи раннего средневековья. Башня *ГIарби-гIала*, носящая его имя, расположена близ главного нашхойского поселения Моцарой и встроена в отвесный склон горы *Нашхой-Лам*, представляя собой неприступное укрепление. Взобраться в нее можно лишь по веревочной лестнице, сброшенной с самой башни[1; 2, с. 67].

Согласно сведениям членов рода ГIарби-некъе, их эпоним ГIарби был основателем сигнально-оповестительной системы, протянувшейся с места выхода реки Гехи на плоскость (урочище Зарган-чу, близ с. Гехи-чу) вверх через ущелье Гехи к месту слияния речек Хилахой-Гиха и Хайбахой-Гиха и далее до горы *Хьалха-Лам* южнее аула Хайбах. Всего речь идет о 13 укреплениях (сигнальных башнях). Как сообщают легенды, отмеченные и в письменных источниках, строителями этих башен якобы были некие *джелты* [1; 2, с. 79; 3; 4],

название которых, по-видимому, – это искаженная передача этнонима *эллины* (греки); надо отметить, Византийская империя издавно играла немалую роль на Кавказе – особенно в Армении, Цанаретии, Картлии, Абхазии и Черкесии.

Причиной сооружения сигнальной системы, разумеется, были соображения безопасности и защиты. Возможно, что угроза с плоскости для поселенцев *Галанчожа* была связана не только с местными феодальными кругами (как известно, Чеченская равнина входила в зону влияния т.н. «Аланского царства», в XI–XII вв. погрузившегося в состояние тяжелейших междоусобных войн) [5, с. 52, 55], но и с опасностью вторжения степняков с севера – кипчаков, или половцев, подошедших в то время даже к Сунже [6, с. 124]. Они вели войны как с плоскостными жителями Центрального, Северо-Восточного Кавказа и Закавказья, так и с горцами. Возможно, именно они именуются в ряде текстов раннесредневековых грузинских авторов “хазарами” [7, с. 7, 11, 13, 18][18].

К концу эпохи раннего средневековья грекам (джелты; предположительные византийцы) и грузинским Багратидам было крайне важно обеспечить оборону своих закавказских и причерноморских земель на дальних рубежах, оказывая посильную помощь своим естественным союзникам аланам и горным народам, включая чеченцев. Последние путем укрепления северных покатостей Кавказа замками у входов в ущелья гор становились щитом, которым те же закавказцы защищались от кочевников [6, с. 45, 112]. Примечательно также, что в Аргунском ущелье, в районе села Улус-Керт, обнаруживается микротопоним Зурзакъа и городище[5, с. 62], что, по-видимому, отсылает нас к истории Дурдзукского царства или союза племен.

Вместе с тем, достоверно известно, что сама башенная культура Чечни, представляя собой исконно чеченское средневековое каменное зодчество, несло, однако, следы некоего влияния извне. Потому легендарные упоминания о “джелтах” или грузинах как участниках строительства неких каменных сооружений в горах Чечни не должны остаться без внимания.

ГIарби якобы был женат на черкесской или кабардинской княжне (названной в одном из преданий калмыцкой ханшей, похищенной им в *Бештаге* – Пятигорье), а также на ее прислужнице. Путаница с

18. “Хазария” фигурирует как «команская», т.е. кипчакская область у *Марко Поло* (XIII в.), *Франческо Пеголотти* (XV в.), *Иоанна де Галонифонтибуса* (XV в.), *Иосафата Барбаро* (XV в.) и др.

“кабардинским” и “калмыцким” происхождением соответствует духу более позднего времени: в ногайской песне, посвященной временам золотоордынского владычества (XIV–XV вв.), сообщается о некоем “калмыцком хане Кабардыне” [8, с. 40]. А в чеченских преданиях по отношению к кабардинцам применяется термин “калмыки” для описания событий, по крайней мере, 1-й половины – середины XVI века [9, с. 137–138].

ГIарби (прозванный турпалом – богатырь, герой, рыцарь; *тур+пар = турпар > турпал*, т.е. меч и щит, согласно А.С. Сулейманову) [2, с. 65] был якобы отцом семерых (сакральная цифра) сыновей, и их “имена”, по-видимому, представляют собой топонимы, т.е. названия местностей, где они поселились; порядок перечисления как в рукописи Мударовых): ЦIечо, Нашхо, Ирберд, ЧIебарло, МIайсто, Гуно и Окхло. Согласно имеющимся преданиям [10, с. 124–128], которые мы сопоставляем со сведениями наших информаторов, Гуно, Нашхо, Окхло, ЦIечо и ЧIебарло были детьми от одной, а Ирберд и МIайсто – от другой жены ГIарби. Из них Гуно якобы ушел далеко на восток Чечни и поселился в *Нохчмохке*, Нашхо (в действительности – Нашо, он же Турпалан Нахчо, или Турпал-Нахчо) – в *Галанчоже* (западная часть Чечни), ЧIебарло – в *Чеберлое* (юго-восточная часть Чечни), а Окхло и ЦIечо ушли на запад от Нашха, в ущелья Ассы и Фартанги, соответственно. МIайсто и Ирберд ушли к подножью снеговых гор на юг, причем Ирберд перешел Кавказский хребет и обосновался на его южных отрогах, а МIайсто – устроился у горы *Туьлой-Лам*, или *Дакуох-Корта* (Тебулос-Мта).

Деятельность легендарного ГIарби вероятно относится ко времени существования в горах Кавказа некоего племенного союза, называемого Л. Мровели – Дурдзукия / Дзурдзукетия, находившегося в тесных отношениях с с Цанарским (Кахетинским) и Абхазским (включавшем Картлию и Имеретию) царствами, которые после нашествия сельджуков на Переднюю Азию и Закавказье в начале XI в., сохраняя связь с Византией, стали союзниками алан и северокавказских горцев. В целом страны Закавказья не только поддерживали союзные отношения с чеченцами Дурдзукии, но и, вероятно, помогали ей в проведении оборонительных мероприятий. И здесь, по всей видимости, обозначилась деятельность героя-эпонима раннего средневековья – турпала ГIарби [5, с. 52, 53, 58, 62; 6, с. 14, 132, 134].

На сегодня в черте аула ТIийста в *Нашхе* по-прежнему существуют башни, которые имеют совокупное название *ГIарби-гIаланаш*,

не считая другой упомянутой выше башни близ Моцароя – *ГIарби-гIала*, или *ГIараби-гIала*. Кроме того, в пределах владений аула Муши-чу известен микротопоним *ГIараби хьаькханчоь*, что вновь указывает на некоего реального человека по имени ГIарби [2, с. 67, 82; 3].

Таким образом, деятельность ГIарби, вероятно, приходится на конец XI – первую половину XII в. и частично совпадает со временем правления цанарских царей Квирике III Великого, Гагика I, Квирике IV, Агсартана II (с 1010–1004 гг.) и абхазо-грузинских царей начиная с Георгия I и до Давида IV Строителя (1014–1155 гг.), и связана с чеченским образованием Дурдзукия / Дзурдзукетия. Причем именно в период деятельности *сына Сула, ГIарби,* в *Нашхе* возникает некий центр притяжения, который позволил данному региону возвыситься в качестве влиятельного центра Чечни на протяжении последующих веков [11].

Литература

1. Записал З.А. Тесаев со слов С.Д. Гаева (1939 г.р.). из Гехи-чу, 2013 г.
2. Сулейманов, А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание / А.С. Сулейманов. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. – 726 с.
3. Записал З.А. Тесаев со слов С.А. Мударова (1953 г.р.). из Рошни-чу, 2019 г.
4. Записал З.А. Тесаев со слов А.Х. Амагова (1929 г.р.). из Рошни-чу, 2016 г.
5. Тесаев, З.А. Антифеодальная борьба чеченцев в период раздробленности Аланского государства (2-я пол. XII – XIII в.) / З.А. Тесаев // Рефлексия. № 6. 2017. С. 51–64.
6. Шавхелишвили А.И. Грузино-чечено-ингушские взаимоотношения (с древнейших времен до конца XVIII века). Тбилиси: «МЕЦНИЕРЕБА», 1992. – 233 с.
7. Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост.: В. Аталиков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. – 304 с.
8. Тесаев, З.А. Чеченская “География” XV века, составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара. Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2018. – 256 с.
9. Тесаев, З.А. Мехк-Дай: народные правители Чечни (XVI – 1-я четв. XVIII в.). Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2019. – 432 с.: ил., карт.
10. Берже, А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1859. – VIII, 140, [1] с., [1] л. карт.
11. Тесаев, З.А. Турпал Нахчо и антифеодальная борьба чеченцев в период раздробленности Аланского государства (2-я пол. XII – XIII в.) // Архивный вестник (АУП ЧР). №5. 2017. С. 33–47.

УДК: 39+94 (470.62/.67)

«С НИМИ Я НАЖИВУ ЗДЕСЬ БЕДУ СЕБЕ И НАРОДУ» ИЗ ДОНЕСЕНИЙ КН. ГЕОРГИЯ ЕВСЕЕВИЧА ЭРИСТОВА

Халаев Захид Алиевич
научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, кандидат исторических наук
za120778@mail.ru

Аннотация: *В статье проанализированы донесения генерала-майора кн. Георгия Евсеевича Эристова из Актов кавказской археографической комиссии, позволяющие рассмотреть вопросы связанные с политикой Российского государства в Восточном Закавказье, в частности в Джаро-Белоканах в первые десятилетия XIXв. Автор освещает социально-политические процессы в Джаро-Белоканах, характеризует методы управления царской администрации. Анализ материала показывает, что политика России в рассматриваемом регионе в рассматриваемый период формировалась на основе общности политических интересов, обусловленные целями, стоящими перед российским государством.*

Ключевые слова: *Россия, Восточное Закавказье, Джаро-Белоканы, администрация, система управления, Эристов, XIX век.*

Георгий Евсеевич Эристов родился в княжеской грузинской семье в 1769 году. Служил в Кабардинском пехотном полку, в 1807 г. получил чин полковника, а в самом конце 1812 г. был произведён в генерал-майоры. Командовал резервной гренадерской бригадой и занимал должность окружного начальника в Кахетии. Опуская подробности военной карьеры кн. Георгия Эристова, отмечу, что в середине второго десятилетия XIX века, в Восточном Закавказье, особенно в Джаро-Белоканах на некоторое время воцарилось спокойствие.

Новый главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами в Грузии А.П. Ермолов осторожничал в отношении с горцами, всячески избегая конфликтов с ними. В своем предписании Джарскому и Белоканскому обществу от 27 октября 1816 г. он напомнил их обязательства, призывая «не поддаваться на измену, и доказать, что умеете хранить присягу, на Алкораном вами данные...» [1. С. 788]. В другом письме от 9 декабря 1816 г. он отмечал, что «…будьте честны и верны своему слову, не покушайтесь обманут меня. Когда-же вы станете себя вести таким образом, то, верьте со слово моему: Вам будет очень хорошо: я буду уважать Вас, как добрых своих людей и приятелей» [7.С.790].

Такая тактика Ермолова объясняется политическим положением

в Восточной Кахетии и в Джаро-Белоканах, где еще были сильны антироссийские настроения. Естественно, царская администрация, не располагая силами для покорения Джаро-Белокана, пробовала разные методы ослаблении их позиции, натравливая против них, то подвластных им ингилоев и мугалов, то горцев западно-дагестанских обществ.

В январе 1818 г. управляющим гражданской частью в Грузии был назначен Иван Александрович Вельяминов, который по словам военного историка В. Потто был «истинным выразителем идей Ермолова, его предначертаний и планов»[9. С. 148]. С назначением Вельяминова начинается ряд крупных мероприятий Ермолова. Однако в начале 20-х гг. XIX века обстоятельства в регионе изменились к худшему. Среди горцев ходили слухи о разрыве отношения между России и Османской империей. Участились также походы горцев Нагорного Дагестана в Заалазанские деревни, которые вызывали в Джаро-Белоканах широкий отклик и резонанс. В этих условиях Вельяминов желал воздержаться от всяких военных действии против Джаро-Белокана, и ограничиваться оборонительными действиями. Главнокомандующий Ермолов также был против военного похода в Джар, рассчитывая на обещания джарских старшин и родовой знати. В своем письме к джарскому обществу от 18 августа 1821 г. Вельяминов писал: «Из многих ко мне жалоб на разные хищничества, дагестанцами, известно мне, в подданстве России еще не состоящими, находят единственное средство въезжать сюда через земли Джарского и Белоканского обществ, с коими имеют связь по торговле. Желая положить конец злу сему, необходимо обратится к почтенному джарскому обществу, чтобы оно для достижения желаемого спокойствия прекратило свое торговые связи с разными дагестанскими народам, в подданстве России не состоящими»[8. С. 790]. Далее он отмечал, что «я, ныне же предписал окружному начальнику ген.-м. кн. Эристову, дабы все давние претензии грузин на грабежи и хищничества, произведенные джарцами на границе Грузии, оставить без всякого взыскания и предать вечному забвению» [8. С. 791].

Однако окружной начальник Кахетии генерал-майор Эристов как командующий резервной гренадерской бригадой планировал наказать горцев и готовил планы для полного покорения Джаро-Белокана. 23 февраля 1822 г. он с 12 тыс. войском прибыл в низменную зону современной Закаталы. Часть населения изъявила покорность, другая ушла в с. Катех говоря, что «они не нуждаются в вели-

кодушии царя и царской администрации и что в ущелье их никто показаться не осмелится» [2. С. 27]. Эристов тремя батальонами и сорок первым егерским полком двинулся к с. Катех, который был встречен ружейным огнем из завалов, устроенных в подступах селения. Под прикрытием первого батальона, он с полковником Ермоловым и подполковником Симоновичем занял с. Катех без боя. После взятия с. Катех, горцы Джаро-Белокана решили временно уйти от военных действий.

Осенью 1825 г. с возникновением чеченского бунта усилились и волнения и в Джаро-Белоканах. Генерал Вельяминов писал князю Эристову: «По нынешним обстоятельствам ничего другого не остается, как терпеливо усмотреть на действия джарцев. Вы не настолько сильны, чтобы могли предпринять что-либо решительное, а я не вправе предписать вам пойти с ничтожным отрядом против неповинующихся лезгин»[9. С.и179].

В начале декабря жители с. Катех совершили рейды на Алазанское левобережье, и угнали их скот, а горцы Нагорного Дагестана узнав, что в Кахетии меры осторожности повсюду ослаблены, совершили поход в Залазанье, во время которого было разрушено двенадцать домов, восемь человек взяты в плен. Князь Эристов объявил старшинам Джара и Белокана, что «если скот, отогнанный катехцами, не будет возвращен и виновные наказаны, то вся вина падет исключительно на них, как на народ сильнейший, и они ответят за катехцев всем своим достоянием» [9.С. 181].

Война с Ираном в 1826г. создала новую политическую обстановку в регионе. Вступление персидских войск в Закавказье и их переменные успехи на первых порах, оживили антироссийские настроения в Джаро-Белоканах. И главноуправляющий и шахский двор придавали немалое значение политической ориентации политической элиты Джар-Белокана. Царская администрация старалась избегать конфликтов с ними и удержать от враждебных выступлений, а шахский двор предпринимал меры склонить джарцев к выступлению против царских войск. А «беглый» царевич Кахетии Александр, давно уже живший в Персии был предназначен к посылке в Джар для возмущения горцев. В своем сообщении от 19 сентября 1825г. кн. Эристов к генералу Ермолову: «сейчас дали мне знать, что весь вчерашний день джарский народ был собран царевичем Александром с намерением, чтобы переправится через Алазань и атаковать, наш лагерь. С ними я наживу здесь беду себе и народу» [11. С. 793]. Часть

жителей региона была готова против царя и отправила к Аббас-Мирзе посланников с просьбой направить войска в сторону Джаро-Белокан. Такое же послание было направлено и сыну Селим-хана Шекинского. «Эти акты были, по-видимому, делом рук антироссийски настроенной группы кевхов, как и приглашение известного врага русских, Сурхай-хана, бывшего хана казикумухского.» — пишет дореволюционный источник.[5. Л. 164].

Главнокомандующему генералу Ермолову ничего не оставалось, как держаться примирительной линии, пытаясь отговорить джарцев от нападения, не имея возможности снарядит войска против них, он вынужден был делать вид, что не замечает антирусское настроения в обществе. В своей прокламации от 21 ноября 1825 г. джарским и белоканским обществам Ермолов писал: «известился я, что персидское правительство послало к вам бывшего Сурхай-хана Казикумухского для возбуждения вас к войне против великого моего Государя. Посему для собственного благо вашего, я предупреждаю вас не внимать обольщению Сурхай хана. Вспомните времена прошедшие: всякое возмущение ваше имело для вас гибельные последствия»[10.С. 792].

Между тем, положение в регионе все ухудшалось. Царским командованием было перехвачено письмо персидского шаха к джаро-белоканскому обществу, в котором выражалось недовольство тем, что они еще не начали военных действий. Настроение в Джаре к сентябрю 1826 г. имела такую расстановку: часть населения оставалась враждебным царскому правительству, которая вместе с новым элисуйским султаном Бала ага беком были готовы совершить действия против царских войск, другая часть во главе джарской знати, и царевича Александра высказывалась против решительных действий, считая их преждевременными.

В документе говорится, что: «в 1826 г., когда персияне столь вторглись в Кахетию, чарские общества первые пристали к стороне наших неприятелей и, приняв к себе тогда беглого грузинского царевича Александра, немало действовали ко вреду России»[5. Л. 166]. Политическое влияние России в Закавказье оказывалось под угрозой. Напуганные перспективой крестьянского бунта кахетинская (грузинская) элита и генерал-майор Эристов требовали от Ермолова организовать военную экспедицию в Джаро-Белокан. В записях генерала Ермолова говорится: «Чарские (Джарские,- З.Х.) лезгины надеясь на силы свои и некоторые прежде удачи, начали выходить явно из послушания, принимать других горцев и способствовать им в нападени-

ях на Кахетию. Когда требованы были от них захваченные пленные, они не возвращали оных, посланным к ним с приказанием причинили побои и оскорбление»[6. с. 249]. В своем Всеподданнейшим рапорте генерал Ермолов, от 19 ноября 1826 г. писал: «джарские лезгины по известиям преданных нам людей из их общества, не намерены обратится к покорности и по внушениям Аббас мирзы и обещаниям наград пригласили к себе горцев. Я дал приказание ген.-л кн. Эристову с полками 20-й пехотной дивизии, которые намеривались на зиму остаться в Шекинской и Ширванской провинциях, вступить во владения Джарских лезгин, и без всяких действии стараться обратить их к покорности. Если-же окажут сопротивление, понудить их к тому и слою оружия»[3. С. 793].

Далее, Ермолов писал, что «наши войска расположены у с. Гогами, отрезывая сообщения джарцев со всеми, принадлежащими им селениями, откуда бы они могли меть продовольствие. Оставить джарцев без наказания невозможно.., поэтому 5 полков вступят в джарские владения. Я предписал, Эристову стеснить джарцев и, пришедшие к ним народы в их убежище. Я следую сам в земли Джарскую, дабы видеть там полки 20-й пехотной дивизии и вообще расположении войск и удостоверится в способах продовольствия[4. С. 794]. Прибыв в Джар во второй половине декабря, Ермолов не решился предъявить жителям Джара чрезмерные требования. Он принял джарских старшин, изъявивших покорность, и объявил амнистию, ограничившись тем, что на джарцев была возложена обязанность, доставлять продовольствие четырем русским полкам в течение всей зимы. Белоканские старшины также выразили покорность. По этому поводу Ермолов писал: «по прибытии моем, ко мне явились старшины джарские, и признаваясь в своих действиях, они просили прощения. Они представили мне аманатов из лучших фамилий. Я даровал им прощения священным именем В.И.В, но приказал им разрубить сады и леса, дабы впоследствии времени могли войска иметь расположения ближе к с. Джары»[4. С. 794]. Вслед за этим население всех вольных обществ послал к Эристову с предложением заключить мир на следующих условиях: выдают аманатов из знатнейших семейств и возмещают убытки, причиненные во время набегов в Кахетию с тем, чтобы Эристов объявил полную амнистию и отвел войска к деревню Алиабад. К концу 1826 г. антироссийское движение в Джаро-Белоканах затихло. Как писал В.А. Потто: «В то время как на Северном Кавказе раздавались беспрерывные громы войны, войска,

расположенные в Кахетии, пользовались отдыхом после многолетней беспрерывной брани, изредка участвуя лишь в небольших стычках с мелкими шайками»[10. С. 231]. В следующие годы до конца персидской войны джарцы не доставляли больших неприятностей русским. Благоприятный ход войны укрепил положение России на Южном Кавказе. Для России исход персидской и турецкой войн привели к новому изменению тактики русских властей по отношению к горским народам.

Литература

1. Акты собранные Кавказской Археографической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказского (под редакцией А. Берже) (далее АКАК). /Предписание генерала Ермолова Джарскому и Белоканскому обществу от 27 октября 1816 г. Т. VI. Док. №. 1172. Тифлис, 1867. С. 788.
2. Берзенов Н. Краткий исторический и географический указатель достопримечательных местностей по Кахетии, Закатальскому округу и частию по Бакинской и Тифлисской губерниям. Тифлис, 1864.
3. Всеподданнейший рапорт генерала Ермолов от 19 ноября 1826 г. //АКАК. Т.VI. Док. №.1184. С. 793.
4. Всеподданнейший рапорт генерала Ермолова от 16 декабря 1826 г. // АКАК. Т.VI. Док. №.1186. С. 794.
5. Выдержки из описания лезгино-джарских вольных обществ. 1830 г. // ЦГВИА, Колл. 414. Д. 301. ЛЛ. 165-180. Копия.
6. Генерал Ермолов: покорение Кавказа. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / Составитель, подготовитель текста, вступительная статья, комментарий В.А. Федорова. М.: Высшая школа, 1991. С. 248.
7. Письмо генерала Ермолова к джарцам и белоканцам, от 9-го декабря 1816 г. // АКАК. Т.VI. Док. №.1174. С. 789.
8. Письмо генерала Вельяминова к Джарскому обществу, от 18 августа 1821 г. //АКАК. Т.VI. Док. № 1177. С. 790.
9. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. От древнейших времен до Ермолова. СПб., Т.II. 1887.
10. Прокламация генерала Ермолова джарским и белоканским обществам от 21 ноября 1825 г. // АКАК. Т.VI. Док. № 1181.
11. Рапорт кн. Эристова к генералу Ермолову № 264 от 19- го сентября //АКАК. Т.VI. Док. №.1183. С. 793.

УДК: 39+94 (470.62/.67)

ПОРУЧИК ЭКСАН-ХАН АЛИЕВ: СТРАНИЦЫ ВОЕННОЙ БИОГРАФИИ (1883−1908 гг.)

Арсанукаева Малика Султановна
доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент
az1man2@mail.ru

***Аннотация**: в статье предпринята попытка раскрыть основные этапы жизни и военной карьеры одного из представителей кадровых офицеров в Чечне − Эксан-хана Алиева − сына генерала артиллерии, героя русско-японской и Первой мировой войн Эрис-хана Алиева, внука генерал-майора Арцу Чермоева. Участник русско-японской войны, проявивший отличные способности и боевые качества, был награжден военными наградами. Эксан-хан Алиев − первый и единственный известный нам чеченец, который в начале 20-го века учился в Николаевской академии Генерального штаба.*

***Ключевые слова:** Россия, Чечня, офицер, династия, академия, Алиев Эрис-хан.*

В последние годы значительно возрос интерес со стороны ученых разных научных направлений к изучению роли горских народов Северного Кавказа в истории Российского государства, включая военную. Все большее число научных публикаций появляется в связи с годовщинами войн, в которых Российская империя принимала участие. В частности, в русско-турецкой 1877−1878 гг., русско-японской 1904−1905 гг. и Первой мировой 1914−1918 гг.

На протяжении столетий среди горцев Северного Кавказа, включая чеченцев, формировались целые военные династии, представители которых преданно и верно служили интересам Российского государства, получая за это титулы, высокие чины, награды и пожалования [3, 5, 8, 11, 12].

Предлагаемый материал является продолжением исследования боевого пути офицеров императорской армии из семьи генерал-лейтенанта Эрис-хана Алиева. Автором изучены основные вехи военной биографии его старшего сына − молодого поручика Эксан-хана Алиева. Источниками послужили нормативные правовые акты Российской империи, архивные документы, воспоминания военных деятелей, научные труды, сообщения в печати.

Поручик Эксан-Хан Алиев родился 14 июня 1883 г., как указывалось, в семье будущего генерал-лейтенанта Эрис-хана Султановича Алиева, ставшего в начале XX в. хорошо известным в связи с его уча-

стием в русско-японской и Первой мировой войнах [18, лл. 1-1 об.]. В послужном списке молодого поручика Эрисхана Алиева было записано, что его отец является уроженцем Терской области. В другом документе – «Краткой записке о службу командира полубатальона армейской батареи Михайловского артиллерийского училища капитана Алиева, представляемого к назначению и.д. штаб-офицера, заведывающим обучающимися в Михайловской артиллерийской академии» (январь 1895 г.) – происхождение отца Эрис-хана Алиева указано следующим образом: «из дворян Кавказа» [19, л. 34]. Так часто в личных документах обозначали горцев – принадлежащих к сословию узденей (благородных).

Следует отметить, что в отличие от некоторых представителей народов Северного Кавказа, включая чеченцев, принимавших православие для успешного продвижения по карьерной лестнице военной карьеры, сам генерал Эрис-хан Алиев, его жена и сыновья до конца оставались мусульманами. Данный факт указан в послужном списке самого генерала, а также его сыновей: Эксан-Хана, родившегося 14 июня 1883 г. и Эглар-Хана, родившегося 14 июня 1887 г. [19, л. 34; 20, л. 61 об.]. В вышеуказанной записке, датированной январем 1895 г., из детей значится только Эксан-хан, старший сын [19, л. 35]. В этом нет ничего странного. Нередко в личных документах офицеров отсутствует полная информация о всех членах семьи.

Супругой Эрис-хана Алиева и матерью сыновей, как указано в его послужном списке, была княжна Селима Чермоева, дочь известного генерал-майора Арцу Чермоева [19, л. 35], чеченца «белгатоевского рода». Из этого следует, что Эксан-хан приходился племянником известному на Северном Кавказе промышленнику и политическому деятелю Тапу (Абдул-Межиду) Чермоеву. Интересно отметить то, что разница в возрасте между дядей и племянником составляла всего лишь на один год [21, л. 96]. Словом, Эксан-хан по линии отца и линии матери принадлежал к семьям, чьи заслуги перед российским государством были отмечены многими наградами, почестями, включая дворянский титул.

Эксан-хан Алиев воспитывался в Александровском кадетском корпусе [20, л. 2]. В то же время его младший брат Эглар-хан, как и многие выходцы с Кавказа, – в Тифлисском [20, л. 61 об.]. Их отец, будущий генерал Эрис-хан Алиев, – во 2-м Константиновском училище [6, л. 2 об.].

Александровский Императора Александра II кадетский корпус

вел свое начало от 3-й Санкт-Петербургской военной гимназии, созданной по предложению военного министра Д.А. Милютина в 1873 г. В 1882 г. гимназия переименована в кадетский корпус, который в честь императора Александра II получил название Александровский кадетский корпус [1, с. 253−254]. Здесь обучались многие молодые горцы. В частности, балкарец Басият Абаевич Шаханов, родившийся во Владикавказе в семье известного врача Абая Шаханова, в 1889 г. поступил в Александровский кадетский корпус как наиболее доступный для детей разночинцев [7, с. 32].

Правительство уделяло большое внимание воспитанию кадетов, что подтверждается разработкой и применением специальной «Инструкции по воспитательной части для кадетских корпусов» (издана в 1886 году и переиздана в 1905 году). В соответствии с высочайше утвержденным 14 февраля 1886 г. Положением о кадетских корпусах [25, с. 59-77] главной их целью стало «подготовление воспитывающихся юношей к будущей службе государю и отечеству, посредством постепенной, с детского возраста выработки в кадетах тех верных понятий и стремлений, кои служат прочной основой искренней преданности Престолу, сознательного повиновения власти и закону, чувства чести, добра и правды» [13].

В российских кадетских корпусах того времени преподавались следующие предметы: Закон Божий, русский язык с церковнославянским и русская словесность, французский язык, немецкий язык, математика, начальные сведения из естественной истории, физика, космография, география, история, чистописание, рисование. Кадеты, показавшие хорошее поведение, способность к военной службе, рекомендовались к поступлению в военные училища: пехотные, Николаевское Кавалерийское, Михайловское Артиллерийское и Николаевское Инженерное училища[26].

Эксан-хан Алиев поступил в Михайловское артиллерийское училище [18, л. 1 об.]. Еще в XVIII в. подготовке артиллерийских кадров высшей квалификации стало уделяться большое внимание. Особое внимание ей придавал генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Павлович, 25 июля 1819 г. вступивший в должность начальника управления артиллерийским ведомством. Весной 1820 г. он представил императору Александру I развернутый доклад «Об образовании артиллерийского училища», как учебного заведения нового типа. 9 мая 1820 г. император одобрил этот документ. В открытом 25 ноября (7 декабря) 1820 г. Артиллерийском училище готовили

опытных офицеров [17]. Так, в изданном уже на следующий день после открытия училища приказе великого князя Михаила Павловича, указывалось: «…Артиллерийское Училище… открыто. С удовольствием видя, сколь успешно оно приняло свое действие, уверенным остаюсь в полной мере, что заведение сие, утвержденное щедротами Его Императорского Величества, доставит… отличных и сведущих офицеров» [30].

Известно, что в указанном авторитетном военном учебном заведении учился и некоторое время преподавал штабс-капитан Эрис-хан Алиев, который пользовался уважением и авторитетом не только у начальства, но и воспитанников училища [19, л. 34; 12]. Его прикомандировали к училищу 31 января 1887 г. в особых целях – для «усиления воспитательного персонала» [19, лл. 34−34 об.]. Надо признать, что это крайне редкий случай, возможно, даже единственный, когда выходцы из горцев Северного Кавказа преподавали в военных учебных заведениях Российской империи.

В Михайловское училище сын Эрис-хана - Эксан-хан, вступил в военную службу 31 августа 1900 г. юнкером рядового звания, как и многие другие слушатели того времени [16]. Через год, 8 мая 1901 г., его произвели в унтер-офицерское звание, а 9 апреля 1902 г. – в портупей-юнкеры. Таким образом, его рост как кадрового офицера не имел каких-либо препятствий и происходил достаточно быстро [18, л. 2].

По окончании двухлетнего курса наук в Михайловском артиллерийском училища по I разряду, 10 августа 1902 г. Высочайшим приказом Эксан-хан произведен в подпоручики с назначением на службу в 20-ю артиллерийскую бригаду со старшинством с 13 августа 1901 г.

Данная бригада была сформирована 19 июля 1846 г. в результате реорганизации артиллерии Кавказской армии [24, с. 135−136.]. С 19 мая 1899 г. она входила в состав 1-го Кавказского армейского корпуса и к моменту службы в ней Эксан-хана Алиева располагалась в г. Ахалцых (Грузия). Командовал бригадой с 29 декабря 1899 г. генерал-майор В.Н. Никитин, тоже выпускник Михайловского артиллерийского училища (1868 г.), участник русско-турецкой 1877−1878 гг., а впоследствии – русско-японской и Первой мировой войн [9, 442−443].

Следует отметить, что в соответствии с высочайшим приказом от 25 февраля 1900 г. отец Эксан-хана – генерал Эрис-хан Алиев – занимал тогда же должность командира 2-го дивизиона 20-й артилле-

рийской бригады [6, лл. 4−4 об.]. с Кавказом он был связан давно: 10 августа 1876 г. после окончания Михайловского училища будущий генерал Эрис-хан Алиев нес службу в составе Кавказской гренадерской артиллерийской бригады [19, л. 34 об.].

Здесь же, на Кавказе, окончив Николаевское инженерное военное училище по первому разряду, в составе 2-го Кавказского саперного батальона служил также младший сын генерала – Эглар-хан (с 6 августа 1909 г.) [20, л. 62]. Объясняются эти факты достаточно просто. Подавляющее большинство выходцев с Кавказа после окончания военных училищ отправлялись в воинские части, дислоцированные в данном регионе.

На основании ст. 762 кн. XV Свода Военных Постановлений 1869 г. (изд. 2) каждый молодой офицер, получивший военную подготовку в военном училище, обязывался прослужить на действительной службе за полученное им воспитание по полтора года за каждый учебный год, проведенный училище [27, с. 154]. Эксан-хан закончил училище по первому разряду, то есть в числе лучших выпускников. Тогда же Высочайшим приказом его произвели в звание подпоручика. При выпуске из училища 21 октября 1902 года как одному из лучших выпускников Александровский Комитет о раненых постановил выдать ему Михайловскую премию в размере 150 руб. и сверх того пособие на экипировку 100 руб. [18, л. 2 об.].

Даже не воспользовавшись положенным ему 28-дневным отпуском, он 20 августа 1902 года прибыл по назначению в 20-й артиллерийскую бригаду с прикреплением к 5-й батарее. Приказом от 29 мая 1903 г. за № 97 утвержден в должности делопроизводителя батареи. Очередным приказом от 19 октября 1904 г. за № 224 его назначают и.д. 2-го старшего офицера. Однако молодой офицер не собирался отсиживаться в штабе. Его дальнейшая военная служба связана с русско-японской войной 1904−1905 гг., на фронтах которой проявили себя не только его отец генерал Эрис-хан Алиев, но и дядя − подъесаул Терско-Кубанского конного полка Магомет-хан Алиев [19, л. 34 об.; 16; 20].

В дальнейшем телеграммой Главного Артиллерийского Управления за № 43040 Эксан-хан командирован в г. Харбин в распоряжение инспектора артиллерии 1-й Маньчжурской армии генерал-майора А.С. Михеева, будущего наказного атамана Терского казачьего войска и начальника Терской области. Отправился к месту назначения 23 октября 1904 г. и границу Маньчжурии пересек 20 ноября 1904 г. [18,

л. 7].

Маньчжурской армией на тот период командовал генерал от инфантерии Н.П. Линевич, в прошлом участник Кавказской и русско-турецкой войн 1877–1878 гг. Как известно, в тех же войнах участвовал и дед Эксан-хана по матери – генерал-майор Арцу Чермоев. В частности, в русско-турецкой войне он находился в должности заведующего Чеченским полком на правах отдельной бригады [22, лл. 1−4 об., 18, лл. 1−2]. Воевал против турок также отец Эксан-хана, тогда еще поручик Эрис-хан Алиев. В этой войне, Эрис-хан Алиев получил не только очередной чин, награды, но и первое боевое ранение [19, лл. 34 об.- 35;6, лл. 11 об. - 12.]. Представляется, что все перечисленные офицеры вполне могли знать друг друга.

Приказом Главного Инспектора Артиллерийской части при Главнокомандующем от 8 декабря 1904 года за № 1080 Эксан-хан Алиев получает новое назначение: он прикомандирован к 26-й артиллерийской бригаде, которой командовал генерал-лейтенант П.К. Ранненкампф, с которым в одно время служил генерал Эрис-хан Алиев [28, 10].

Эксан-хан прибыл в бригаду и 20 декабря 1904 г. причисляется в качестве младшего офицера в 8-ю батарею. Впоследствии, 2 января 1905 г. из отряда П.К. Ранненкампфа перешел в состав 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. С 13 февраля 1905 г. находился в отряде командующего дивизией генерал-майора В.Н. Данилова, назначенного на эту должность 21.09.1904 г. [9, с. 188].

Во время Мукденской операции Эрис-хан с 14 февраля по 24 февраля 1905 участвовал в бою у деревни Сыдяза [18, л. 2 об.]. По имеющимся данным, там же находились всадники из горцев Северного Кавказа, воевавшие в составе Кавказской конной бригады, в том числе чеченцы.

Весной высочайшим приказом от 16 марта 1905 г. переведен в 26-ю артиллерийскую бригаду. 2 апреля 1905 г. снова вошел в состав отряда генерал-лейтенанта П.К. Ренненкампфа [18, л. 7]. Следует отметить, что с 13 ноября 1903 по 13 августа 1905 гг. всей бригадой командовал «генерал-майор Алиев Эрис Хан Султан Гирей» [13, с. 19].

В дальнейшем, после окончания войны, 14 декабря 1905 г., Эксан-хан был прикомандирован к Управлению начальника артиллерии 7-го армейского корпуса в ранге и.д. старшего адъютанта. Высочайшим приказом за выслугу лет произведен в поручики 21 августа 1905 г. со старшинством с 13 августа 1905 г. [18, л. 3].

В годы войны проявил себя как храбрый офицер и неслучайно приказом главнокомандующего всеми сухопутными и морским силами действующими против Японии от 5 мая 1905 г. за № 698 награжден орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость» за отличие в делах против японцев в период с 14 по 25 февраля 1905 года. Осенью, 12 октября 1905 г., приказом по войскам 1-й Маньчжурской армии № 839 за разновременные отличия в делах против японцев его награждают орденом Св. Станислава III степени с мечами и бантом. Награда утверждена Высочайшим приказом 25 марта 1907 г. Кроме того, он получил светло-бронзовую медаль в память Русско-японской войны 1904−1905 гг. [18, л. 1 об., 3].

Война не прошла бесследно для семьи Алиевых. Получил тяжелое ранение генерал Эрис-хан Алиев. В январе 1905 г. от ран умер его сын, подъесаул Терско-Кубанского конного полка Магомет-хан Алиев [29; 4].

После окончания войны 10 апреля 1906 г. Эксан-хан был откомандирован от Управления начальника артиллерии 7-го Сибирского корпуса обратно в 26-ю артиллерийскую бригаду. «Для пользы службы». 19 июня 1906 г. прикомандирован к 7-й батарее. 12 июля 1906 г. откомандирован обратно в 8-ю батарею. С 3 по 18 сентября 1906 г. командирован в Бобруйский артиллерийский склад для сдачи артиллерии образца 1900 года. С формулировкой «для пользы службы» 1 ноября 1906 г. прикомандирован к 2-й батарее. С 30 ноября 1906 г. по 14 мая 1907 г. состоял 1) заведующим ремонтной конюшней, 2) музыкантской командой и 3) делопроизводителем бригадного суда. В дальнейшем откомандирован от 2-й батареи в 8-ю с освобождением от всех занятий [18, лл. 3−3 об.].

Новый этапа развития военной карьеры Эксан-хана Алиева связан с поступлением в высшее военное учебное заведение, готовившее генералитет для русской армии – Академию Генштаба. В системе военных академий она занимала ведущее место [27, с. 1]. А.И. Каменев объясняет данный факт следующим образом: во-первых, это в академии «разрабатывались и преподавались главнейшие военные науки — военная стратегия и тактика, являвшиеся базисными для развития других отраслей военного дела (артиллерии, фортификации и др.); во-вторых, выпускники этой академии занимали ключевые посты в военной организации России; в-третьих, здесь был сосредоточен самый подготовленный профессорский состав; в-четвертых, именно эта Академия была связана теснейшим образом с генеральным штабом,

то есть учреждением с большими полномочиями и возможностями; в-пятых, особым образом поставленная служба офицеров генерального штаба позволяла обеспечивать постоянный приток в академию свежих сил» [15].

Отбор слушателей производился самым тщательным образом. Для поступления предстояло сдать в первую очередь предварительные экзамены, а лишь потом вступительные. Как правило, в Академию поступали лучшие офицеры полков [27, с. 4−5]. С целью сдачи предварительного экзамена 25 февраля 1907 г. Эксан-хан отправился в г. Вильно. Выдержав его, 13 августа 1907 г. был командирован в г. Санкт-Петербург, где успешно сдает вступительный экзамен в Академию Генерального Штаба. Как пишет А.А. Игнатьев, русский военный дипломат, обучавшийся в Академии несколько ранее Эксан-хана Алиева, «для большинства результат экзаменов был вопросом жизни или медленного томительного умирания в глухих гарнизонах. Армейские офицеры подобострастно раскланивались при встрече с офицерами генерального штаба, в которых видели будущих экзаменаторов. Так и чувствовалось, что их мысли то и дело переносятся в глухую провинцию, где с замиранием сердца ожидают результата экзаменов их жены и дети» [14]. Приказом от 1 сентября 1907 г. Эксан-хана Алиева зачисляют в младший класс Академии [18, л. 4].

Обучение в Академии Генерального Штаба длилось два года и шесть месяцев. В первый год изучались как военные, так и общеобразовательные дисциплины. Из них главными считались следующие: тактика, стратегия, военная история, военная администрация, военная статистика, геодезия с картографией, съемкой и черчением [27, с. 12]. Кроме этого, ежедневно проводились конные занятия в манеже. По мнению выпускников, основным недостатком обучения являлось то, что мало внимания уделялось выработке личной инициативы и практических навыков, необходимых для офицера [14].

Через год после поступления в Академию по неясным нам причинам жизненный путь молодого Эксан-хана Алиева обрывается. В его послужном списке сделана последняя запись: «Высочайшим приказом от 11 числа декабря 1908 года исключен из списков бригады умершим» [18, л. 4]. Причины его смерти не указаны. Однако, как вспоминает генерал Б.М. Шапошников, наиболее ответственным из всех выпускных испытаний в Академии считался экзамен по военной стратегии. Получить по нему ниже десяти баллов считалось недопустимым. Один из сокурсников, «некто Алиев, сын командира корпуса,

хороший и умный, но самолюбивый офицер, получив по стратегии шесть баллов, застрелился» [31]. Похоже, в военных кругах неудачи, связанные с поступлением и окончанием академии, нередко рассматривались как позор. Смыть его можно было самоубийством, которое было нередким явлением в офицерской среде того времени [14]. Имеется большая вероятность того, что речь, идет об о Эксан-хане Алиеве. Однако действительную причину смерти его предстоит еще выяснить, изучив соответствующие архивные документы.

Так преждевременно закончилась жизнь Эксан-хана, молодого, но уже опытного боевого офицера, прошедшего все трудности службы в годы Русско-японской войны, способного стать гордостью не только своей большой семьи, но и всей российской армии. Безусловно, его готовили к блестящей военной карьере, и она вполне могла состояться самым успешным образом.

В военной истории Российской империи Эксан-хан Алиев остался поручиком 26-й артиллерийской бригады, боевые заслуги которого заслуженно отмечены наградами, о которых упоминалось выше. Кроме того, он имел право на ношение нагрудного знака, установленного в память 50-летнего юбилея великого князя Михаила Николаевича в должности генерал-фельдцейхмейстера [18, л. 1 об.], бывшего наместника на Кавказе.

Данная тема, безусловно, далека от законченного исследования. Необходимо изучить новые архивные документы и другие источники, которые позволят восстановить реальную историю жизни и боевого пути офицеров из семьи Алиевых – отца-генерала и двух его сыновей. Погиб не только поручик Эксан-хан. Генерала Эрисхана-Алиева и его младшего сына Эглар-хана, как указывается в некоторых публикациях, по приказу Ревтрибунала расстреляли в Грозном. Вместе с тем есть информация, что они успели эвакуироваться вместе с белогвардейскими войсками в Тифлис, а затем перебрались в Турцию [9, с. 19].

Литература

1. Александровский (ныне Императора Александра II) кадетский корпус // Военная энциклопедия / под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб. : Тип. Тов-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 253−254.
2. Алиев Магомет-Хан // URL: http://www.ria1914.info/index.php?title= D0%90%D0%BB% D0%B8%D0%B5%D0%B2_%D0%9C%D0%B0%D0%B3% D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%82-%D0%A5%D0%B0%D0%BD (дата обраще-

ния: 24.07.2019).
3. Арсанукаева М.С. Возникновение прослойки кадровых военных у чеченцев и ингушей (конец XVIII – начало XIX в.) // Военно-юридический журнал. 2008. № 8 // URL: http://zzz.center-bereg.ru/e845.html [Дата обращения: 21.11.2014].
4. Арсанукаева М.С., Батаева Р.Б. Генерал Эрисхан Султан-Гирей Алиев – генерал Российской армии // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Выпуск VII: сборник статей. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. С. 238-247.
5. Арсанукаева М.С., Биттирова Т.Ш. Присяжные поверенные из горцев и их роль в развитии правовой культуры народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX века) // Правовая культура. 2015. № 3(22). С. 30−38 // URL: http://ilmu.su/prisyazhnye-poverennye-iz-gortsev-i-ih-rol-v-razvitii-pravovoj-kultury-narodov-severnogo-kavkaza-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-veka/ (дата обращения: 24.07.2019).
6. Архивное управление Чеченской республики (далее — АУП ЧР). Ф. 244. Оп. 1. Д. 1\15.
7. Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней. М.: X-History, 2002 // URL: http://nozdr.ru/militera/science/batushin_ns/index.html (дата обращения: 20.04.2017).
8. Великая Н.Н. Военные династии в Чечне (конец XVIII – начало XX века) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». Т. 13. 2015. С. 491–495 // URL: https://e-koncept.ru/2015/85099.htm (дата обращения: 24.07.2019).
9. Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М. : Астрель АСТ, 2003. - 896 с.
10. Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991. 300 с. // URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai/04.html
11. Джабиров И.Х. Генерал Алиев. Грозный: Изд-во «Грозненский рабочий», 2014. - 604 с.
12. Знаменитые чеченцы: исторические очерки. В 4 кн. Кн. 2. Ночь перед казнью / автор-сост. М. Гешаев. М.: Мусаиздат, 2005. С. 421–459 // URL: https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=6393 (дата обращения: 23.07.2019).
13. Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб., 1886 // URL: http://www.ruscadet.ru/history/doc/instr-0.htm (дата обращения: 20.04.2017).
14. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986 // URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/ignatyev_aa/07.html (дата обращения: 20.04.2017).
15. Каменев А. И. История подготовки офицерских кадров в России. М.: ВПА им. Ленина, 1990 // URL: http://militera.lib.ru/science/kamenev2/09.html
16. Михайловское Артиллерийское Училище. – Полковник Шляхтин // URL: http://lepassemilitaire.ru/mixajlovskoe-artillerijskoe-uchilishhe-polkovnik-shlyaxtin/ (дата обращения: 24.07.2019).
17. Новожилов В.Ю., Кричевский В.Г. Становление и развитие практики подбора, подготовки и деятельности преподавателей артиллерийских военно-учебных заведений России в XVIII – начале XX вв. // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-praktiki-podbora-podgotovki-i-deyatelnosti-prepodavateley-artilleriyskih-voenno-uchebnyh-zavedeniy-rossii-v (дата обращения: 20.04.2017).
18. Российский государственный военно-исторический архив (далее − РГВИА). Ф.

409. Оп. 1. Д 25020 «Послужной список 1909 г. № 12−89.
19. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 28371.
20. РГВИА. Ф. 400. Оп. 13. Д. 86.
21. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 21462.
22. РГВИА. Ф. 14505. Оп. 1. Д. 6.;
23. РГВИА. Ф. 14505. Оп. 1. Д. 21.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 21. Отд. 2. 1846 год. СПб. : В Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1847.- 739 с.
25. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. 1886 год. Т. 6. СПб., 1888. -595 с.
26. Положение о кадетских корпусах //URL: http://www.ruscadet.ru/history/doc/1886-2.htm#5 (дата обращения: 20.04.2017).
27. Свод военных постановлений 1869 года. СПб.: Гос. тип., 1879 Ч. 4: Военные заведения. Кн. 15. Заведения военно-учебные: (По 1 января 1896 г.). 1896. 428 с.
28. Севенко А. 26-я артбригада в Русско-японской войне // URL: http://www.proza.ru/2009/06/16/1071 (дата обращения: 20.04.2017).
29. Телеграммы с Дальнего Востока (с фронтов Русско-японской войны), февраль 1905 года // «Проблемы местного самоуправления». 2011. № 43 // URL: http://www.samoupravlenie.ru/43-16.php. (дата обращения: 20.04.2017).
30. Чернухин В.А., Юркевич Е.И., Вапилин Е.Г., Рипенко Ю.Б. История отечественной артиллерии в лицах: военачальники, возглавлявшие артиллерию (ракетные войска и артиллерию) в 1700-2019 гг. СПб., 2019. - 558 с.
31. Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974 // URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shaposhnikov/index.html (дата обращения: 24.07.2019).

УДК 130.2

РОЛЬ АХМАТ-ХАДЖИ КАДЫРОВА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ (К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ)

Бетильмерзаева Марет Мусламовна
доктор философских наук, доцент, Чеченский государственный педагогический университет, Чеченский государственный университет
maret_fil@mail.ru

Аннотация: *в аналитическом обзоре об Ахмат-Хаджи Кадырове в новейшей истории России, который раз перед исследователем встает проблема о роли личности в истории. Осмысление роли личности в истории и в социальных трансформациях конкретного этноса или нации весьма актуально в свете наблюдаемых нами социокультурных метаморфоз глобализационных процессов конца XX – начала XXI веков. Вся известная история современной цивилизации свидетельствует о том, что именно люди вершат исторический промысел бытия. Проблема личности в истории продуктивно может быть рассмотрена в рамках вопроса о соотношении закономерного и случайного, сознательного и стихийного в социальных процессах.*

Ключевые слова: *Ахмат-Хаджи Кадыров, роль личности в истории.*

Соотношение закономерного и случайного в истории. Процессы, наблюдаемые в природе, принято определять, как стихийные, потому что их свершение обусловлено действием собственно внутренних интенций бытия без вмешательства человека. Не зря еще древние греки в поисках первоначала обращались к великим стихиям природы (вода, воздух, огонь, земля), в которых видели основополагающие элементы многообразия бытия. История общества отличается от истории природы именно тем, что общество есть продукт творческой деятельности человека, а природа первична в своей данности. В рамках философии мы можем поставить вопрос о том, насколько закономерны или случайны процессы истории и какова роль сознательного и стихийного в социальных трансформациях? Можно ли говорить о логике истории? Естественно, что ответы будут иметь разноплановый характер, но принципиально важно принятие точки зрения, что закономерность движет общественным становлением и развитием. И в том, что мы можем отнести к случайному в цепочке событий, в последующем обнаруживается закономерное ожидаемое, то есть, все-таки жизнь общества и индивида есть не хаос случайных нагромождений, но упорядоченная система, чье функционирование обусловлено в первую очередь действием диалектических законов разви-

тия. Вне общественной закономерности не рассмотришь ни единичную жизнь, ни процессы, переживаемые вкупе всем обществом.

История вершится всегда с определенной целью, которая мотивирует к тем или иным действиям в социальном пространстве. Вершителем истории является субъект. Субъектом может быть как конкретный индивид, так и группа или весь народ, или человечество. Из того, что история вершится субъектом, не следует, что ее закономерности имеют субъективный характер: законы общественного развития, будучи продуктом сознательной деятельности людей, объективируются в общественных отношениях, становясь независимыми от воли и сознания отдельных людей. Таким образом, законы развития общества – это объективные, существенные, необходимые, повторяющиеся связи явлений общественной жизни, характеризующие основную направленность социального развития.

Жизнь и деятельность Ахмад-Хаджи Кадырова представляет собой один из ярких образов места и роли личности в истории новейшей России. Вехи жизни Ахмад-Хаджи Кадырова охватывают ключевые моменты как в истории России, так и чеченского народа: трагические годы депортации; долгожданное возвращение на родину, о которой слышал столько пленительного для детского сознания; отдающая теплом и сытостью безбрежность родных полей; как и многие свои современники, испытал труд рабочего в строительных организациях Нечерноземья и Сибири; и, как должно было быть, предопределение привело его в Бухарское медресе Мир-Араб; потом был еще Ташкентский исламский институт, после окончания которого А.-Х. Кадыров уже надолго связал свою жизнь с богословской деятельностью. Если бы не очередная трагедия, нежданно нагрянувшая на страну и народ, А.-Х. Кадыров имел перспективу стать известным и уважаемым богословом и работать на пути спасения человеческих душ от смятения и заблуждений.

Если подходить к дискурсу о роли личности в истории общества в данном контексте, мы должны обратить внимание на то, что, с одной стороны, жизнь человека складывается из множества случайных в его жизни моментов, но, исходя из мировоззренческой позиции автора, необходимо уточнить, что есть понятие «предопределение», чья реализация носит закономерный характер трансцендентной данности становящегося бытия, но трансцендентный образ вещей и явлений, имманентный нашему сознанию в ограниченности своих возможностей, воспринимает их содержание как случайный ряд в цепочке со-

бытий. Поэтому как случайное есть закономерное в рамках длительного пространственно-временного континуума, так субъективное сознательное приобретает формы стихийного в конкретном пространстве и времени. При таком подходе к экспликации закономерного и случайного становится понятно, что случайность, свершившаяся, уже не случайность; стихийные процессы или уже ведомы сознанием сценариста, свершающейся истории, или используемы находчивым свидетелем-субъектом истории.

Таким образом, в череде неслучайных событий, пережитых чеченским народом на стыке двух тысячелетий, закономерным и востребованным стало принятие А.-Х. Кадыровым на себя ответственности за будущее своего народа, который не менее чем в духовном, нуждался в физическом защитнике своих интересов.

В своих воспоминаниях А.-Х. Кадыров отмечал, что не родился политиком, не думал стать государственным деятелем, что и тем и другим его сделало смутное и беспокойное время, перевернувшее сознание целого поколения, подвергшее переосмыслению понятия и ценности, казавшиеся до этого незыблемыми и не подвергаемыми сомнению. «Мое вхождение во власть, писал А.-Х. Кадыров, было обусловлено суровой необходимостью. Той самой необходимостью, которая состояла в том, что на моих глазах народ и республика стремительно и неудержимо катились в бездну, в пропасть» [5].

Основные вехи жизни Ахмат-Хаджи Кадырова в начале XXI века. 12 июня 2000 года Указом Президента Российской Федерации назначен Главой Администрации ЧР. В том же году 22 августа сложил с себя полномочия муфтия Чечни, которыми он обладал еще с 1995 года.

5 октября 2003 года был избран президентом ЧР большинством голосов.

Жизнь и деятельность Ахмат-Хаджи Кадырова в это время достигла своего апогея ответственности, решительности, политической мудрости и служению своему народу.

Великий сын многострадального народа. Ахмад-Хаджи Кадыров – Герой России, Первый Президент Чеченской Республики, человек, остановивший войну в Чечне, создавший фундамент для восстановления республики и отдавший свою жизнь во имя единства России и мира на чеченской земле, как в свое время отметили Д.Б.

Абдурахманов и Ш.А. Гапуров, в новейшей истории России, безусловно, «самая яркая личность, наделенная мудростью, талантом дипломата, политика, государственного деятеля» [1, с. 6]. Стержневым моментом во весь период деятельности Ахмат-Хаджи Кадырова в должности Главы Администрации, а затем и Президента Чеченской Республики было четкое осознание им личной ответственности перед народом, причем это чувство нарастало по мере постижения глубины тех проблем, с которыми приходилось сталкиваться [1, с. 35]. Время, в которое привелось Ахмат-Хаджи Кадырову руководить республикой, было непростым, оно требовало от него быстрых решений животрепещущих проблем своего народа, который с избранием Ахмат-Хаджи Кадырова на пост Главы Администрации и в последующем Первым Президентом Чеченской Республики, получил надежду на лучшее будущее.

Перед Ахмат-Хаджи Кадыровым после его назначения Главой Администрации стояли огромные задачи: наладить диалог, найти общий язык с российскими военными в Чеченской Республике, которые далеко не всегда, по сведениям очевидцев и исследователей, выполняли приказы даже своего прямого начальства, создать хотя бы элементарные условия жизни для жителей республики, начать процесс по возвращению к мирной жизни обманутой части участников незаконных военных формирований. На пути решения перечисленных проблем Ахмат-Хаджи Кадыров «сделал упор на то, чтобы добиться права самостоятельно решать местные проблемы и самому распоряжаться поступавшими из центра финансовыми средствами» [1, с. 35]. Ахмат-Хаджи стремился минимизировать вмешательство в дела республики федеральных силовых структур. Ахмат-Хаджи Кадыров был убежден, что проблемы чеченцев могут решить только сами чеченцы [1, с. 35].

Как свидетельствуют аналитические публикации Ш.А. Гапурова, в деятельности Ахмат-Хаджи Кадырова четко прослеживается политика национального примирения, на основе которой «началось возрождение, восстановление разрушенной войной, раздираемой внутренними противоречиями Чечни в начале XXI века, а затем – и ее быстрое развитие» [3, с. 4].

В.Х. Акаев и С.С. Магамадов размышляют над тем, что «регулярные встречи А.-Х. Кадырова с В.В. Путиным, обсуждение проблем войны и мира в Чечне, способствовали установлению доверия между ними», что, в свою очередь, являлось следствием политиче-

ской мудрости Первого Президента ЧР, который еще с первых дней второй войны в Чечне «не почувствовал в речах и действиях Путина какую-то кровожадность, озлобленность и неприязнь к чеченскому народу» [2, с. 31]. «При поддержке президента России А.-Х. Кадырову удалось укрепить доверие между военными и гражданским населением» [2, с. 31]. И это было важным направлением его миротворческой деятельности.

Роль сознательного и стихийного в социальных трансформациях. В философском дискурсе о роли А.-Х. Кадырова в истории новейшей России продуктивно посмотреть на социальные процессы с точки зрения соотношения в них сознательного и стихийного. В повседневной жизни в своих действиях человек руководствуется сознательным выбором между должным и желаемым, потенциальным и актуальным. Но в масштабных социальных процессах сознание отдельного субъекта нивелируется под влиянием коллективного бессознательного, которое, во-первых, будит в нем собственное индивидуальное бессознательное, во-вторых, способствует тому, что его индивидуальное «Оно», скрещиваясь с множеством других подобных себе «Оно», уподобляется природным стихиям. Поступки индивида приобретают неподконтрольный собственному сознанию характер, и человек как элемент большей социальной группы приобретает признаки «мутированного» сознания, под которым автор понимает, такое изменение социального типа человека, происходящее под влиянием внешних и внутренних сред. Мутагенез сознания как отдельного человека, так и целого коллектива способствует тому, что субъект-индивид, субъект-толпа превращается в удобное орудие, чье довольство или недовольство может быть использовано в качестве орудия «против» или «за» отстаивание или свержение каких-либо материальных или идеальных лозунгов социально-политической сферы.

Возможно, именно такой мутагенез сознания был пережит многими лидерами чеченского народа 90-ых годов, которые по закономерному для их уровня духовности, религиозности и образованности стечению обстоятельств оказались в ловушке собственного сребролюбия и честолюбия, жертвами которых стал весь народ, чьей «болезненной» памятью о недалеких событиях воспользовались сомнительные «сыновья» чеченского народа. В ряду этих событий личность А.-Х. Кадырова выделяется в первую очередь тем, что он получил высшее духовное образование, обладал глубокими нравственными

императивами, и в политической прозорливости своевременно увидел, что сохранение народа требует остановить кровопролитный конфликт и это возможно лишь в составе Российской Федерации: «В рамках единого и целостного государства» [5]. Именно в здравом выборе между идеей «вечной» свободы и гражданского права, А.-Х. Кадыровым выбор был сделан в пользу гражданина, который изначально, как прописано в Конституции РФ, обладает естественным правом на жизнь и свободу.

Жизнь и судьба А.-Х. Кадырова – это промысел Божественного предопределения. Согласно Гегелю, призвание «всемирно-исторических личностей» заключается в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа, они появляются не для спокойного наслаждения, вся их жизнь является тяжелым трудом [4, с. 83]. Вот почему Гегель считал, что великая личность не может сама творить историческую реальность, а лишь раскрывает неизбежное будущее развитие. А.-Х. Кадыров выполнил свою миссию, предначертанную Аллахом. Дело великих личностей – понять необходимую ближайшую ступень в развитии их мира, сделать ее своей целью и вложить в ее осуществление свою энергию.

Стихийные процессы представляют собой коварную силу в переломные моменты исторических метаморфоз, но сознательная деятельность А.-Х. Кадырова оказалась решающей силой в истории народа, которая способствовала тому, чтобы спала пелена с глаз целого общества и появилась надежда на лучшее будущее. Выводы автора однозначно свидетельствуют о том, что роль А.-Х. Кадырова в новейшей истории России имеет закономерный характер сознательного выбора, предопределенного Богом.

Литература

1. Абдурахманов Д.Б., Гапуров Ш.А. Великие личности в истории Чечни: Бей-Булат Таймиев и Ахмат-Хаджи Кадыров // Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 230-летию со дня рождения Бей-Булата Таймиева (г. Грозный, 13 ноября 2014 г.). – Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015.
2. Акаев В.Х., Магамадов С.С. Миротворческая деятельность Ахмат-Хаджи Кадыров в сохранении единства чеченского народа и целостности России // Миротворческие процессы на Кавказе: уроки и перспективы (4-е Кадыровские чтения). (Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 65-летию первого Президента Чеченской

Республики, героя России А.А. Кадырова). (г. Грозный, 8 сентября 2016 г. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2016.
3. Гапуров Ш.А. Политика национального примирения Ахмат-Хаджи Кадырова и ее историческое значение // Послевоенная реконструкция в Чеченской Республике и ее мировой опыт (1-е Кадыровские чтения). Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Дня Республики (Дня гражданского согласия и единения), г. Грозный, 3-4 сентября 2013 г. Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2011.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.
5. Кадыров А.А. Выбор пути (б/м и г/и).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список научных/научно-методических трудов главного научного сотрудника Института гуманитарных исследований АН ЧР и КНИИ РАН (г. Грозный), д.и.н., профессора, академика АН ЧР Я.З. Ахмадова (с 1974 г. по 2019 г.)

№ № п/п	Название работы, ее вид (статья, тезисы, доклад, монография и т.д.)	Печатное или на правах рукописи	Выходные данные (название книги/журнала; для книги - город, название изд-ва (если есть), год издания; для журналов: серия, выпуск, №, год., №№ страниц публикации	Объем (п.л. и/или кол-во стр.)	Ф.И.О. соавторов
1	2	3	4	5	6
1.	Статья: К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии	Печ.	Вопросы истории Дагестана: досоветский период. Тем. сб. статей. Вып. 1. Махачкала: Изд-во Даг. Филиала АН СССР, 1974. С. 220-224.	0,3 п.л.	
2.	Статья: Вайнахи в кумыкских княжествах	Печ.	Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Тем. сб. статей. Вып.XI. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1975. С. 57-65.	0,8 п.л.	
3.	Статья: Из истории чечено-русских отношений.	Печ.	Вопросы истории Дагестана: досоветский период. Тем. сб. статей. – Махачкала: Изд-во. Даг. филиала АН СССР. Вып. 2. Махачкала, 1977. С. 297-300.	0,3 п.л.	
4.	Статья: К вопросу о характере движения в Чечне в 1757-1758 гг.	Печ.	Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI-нач. XX в.) Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1979. С. 95-101.	0,5 п.л.	
5.	Доклад: Об освещении политического положения народов Северного Кавказа в трудах европейских авторов XV-XVI века.	Печ.	Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Материалы всероссийской научной конференции. 21-22 сентября 1978 г. Вып. 2. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1980. С. 165-168.	0,3 п.л	

6.	Тезисы: Феодальная фамилия Турловых в XVI-XVIII вв.	Печ.	Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Региональная научная конференция. 11-12 июня 1980. Тезисы докладов. – Махачкала: Изд. Даг. филиала АН СССР, 1980.	0,2 п.л..	
7.	Статья: К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии XVIII в.	Печ.	Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI-нач. XX в.). Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1980. С. 53-61.	0,8 п.л.	
8.	Статья: Из истории классовых отношений и антифеодальной борьбы карабулаков в XVIII в.	Печ.	Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI-нач. XX в.). Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1980. С. 45-53.	0.7 п.л.	Т.М. Айтберов
9.	Статья: Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в.	Печ.	Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI - начале XX в. Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1981. С. 57-69.	1 п.л.	
10.	Статья: Ориентация на Россию	Печ.	Вехи единства. Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982.	0,3 п.л.	
11.	Статья: О роли мусульманского духовенства в общественной жизни Чечни (по материалам XVIII-первой половины XIX в.)	Печ.	Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII-нач. XX в.). Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982. С. 56-61.	0,5 п.л.	
12.	Статья: Известия арабоязычных документов XV-XVII вв. об общественных отношениях у вайнахов	Печ.	Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII-нач. XX в.). Тем. сб. статей. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982. С. 61-67.	0,6 п.л.	Т.М. Айтберов

13.	Тезисы: Правовое оформление вассальных отношений северокавказских владельцев с русскими царями в XVI в.	Печ.	Общество, государство, право России и других стран Европы. Нормы и действительность. Тезисы докладов и сообщений. Москва 25-27 октября 1983 г. М.: Изд-во Института истории СССР АН СССР, 1983. С. 114-117.	0,3 п.л.	
14.	Статья: Первое вайнахское посольство в Москву (1588-1589 гг.).	Печ.	Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII-нач. XX в.). Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1983. С.18-30.	1 п.л.	
15.	Статья: К истории политических связей Чеченского феодального владения с Россией в XVII-XVIII вв.	Печ.	Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII-нач. XX в.). Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1983. С. 30-41.	0,9 п.л.	Г.Р.-М. Оразаев
16.	Статья: Исторические реалии в героических песнях илли	Печ.	Поэтика чеченских героических песен илли. (Опыт комплексного исследования). Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1983. С. 32-48.	1,2 п.л.	
17.	Тезисы: Социально-экономическое развитие, политический строй Чечено-Ингушетии в XVI-XVIII вв. Классовая борьба.	Печ.	История Чечено-Ингушской АССР. Т.I. (Проспект). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1983.	0,5 п.л.	Т.А. Исаева
18.	Тезисы: Политическая обстановка в Чечено-Ингушетии и ее развитие.	Печ.	История Чечено-Ингушской АССР. Т.I. (Проспект). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1983.	0,2 п.л.	Э.Д. Мужухоева
19.	Тезисы: Состояние изученности в исторической литературе русско-северокавказских политических отношений начала XVII в	Печ.	Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 3. Грозный, 1983. С. 188-190.	0,2 п.л.	

20.	Тезисы: Политика Османской империи, Ирана и России на Северном Кавказе в 40-х гг. XVII в.	Печ.	Вклад молодых ученых и специалистов ЧИАССР в развитие общественных наук. Тезисы докладов. – Грозный: Изд-во Чеч.-Инг. госуниверситета, 1984. С. 70-73.	0,3 п.л.	
21.	Статья: Европейские авторы XV-XVI вв. о горских народах Северного Кавказа (Вопросы исторической географии и политической истории).	Печ.	Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1984. С. 40-56.	1,2 п.л.	
22.	Статья: Мир вещей и «хонс» в героико-исторических илли.	Печ.	Вопросы поэтики и жанровой классификации чеченских героико-исторических песен илли. Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1984. С. 50-63.	1 п.л.	
23.	Тезисы: Состояние изученности в исторической литературе русско-северокавказских отношений начала XVII в.	Печ.	Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Материалы Всероссийской научной конференции (10-12 мая 1982 г.). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1985. Вып. 3. С. 188-190.	0,2 п.л	
24.	Тезисы: Феодальное владение (лен) князей Черкасских в системе русского пограничного города Терки в XVII веке	Печ.	Феодализм в России. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 30 октября -1 ноября 1985 г. М.: Изд-во Института истории СССР АН СССР, 1985. С. 106-110.	0,3 п.л.	
25.	Статья: К внутриполитиче-ской обстановке в Чеченском феодальном владении первой половины XVIII в.	Печ.	Вопросы истории Чечено-Ингушетии (XVIII-начало XX в.). Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1986.	0,7 п.л.	
26.	Тезисы: Российское повстанческое движение конца XVII-начала XVIII вв. и народы Дагестана.	Печ.	Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Региональная научная конференция (26-27 ноября 1987 г.) Махачкала, 1987.	0,2 п.л.	

27.	Тезисы: Шихмурза Ишеримов и Окоцкое владение в документальных известиях.	Печ.	1588 год – важная веха на пути становления русско-вайнахского историко-государственного единства. Тезисы докладов и сообщений республиканской научно-пропагандистской конференции. Грозный: Изд-во Чеч.-Инг. госуниверситета, 1988.	0,2 п.л.	
28.	Тезисы: Россия и Османская империя на Северо-Западном Кавказе в середине XVI в. (к экспедиции Д. Вишневецкого).	Печ.	Тезисы докладов научной конференции "Из истории русско-кавказских связей" (К 1000-летию первого упоминания летописи Тмутаракани). Краснодар: Изд-во Краснодарского ун-та, 1988. С. 33-34.	0,2 п.л.	
29.	Монография: Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв.	Печ.	Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1988. - 176 с.	12,43 п.л.	
30.	Статья: Документальные материалы по истории русско-вайнахских отношений в XVIII веке.	Печ.	Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Тем. сб. статей. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1988. С. 78-86.	0,7 п.л.	
31.	Статья: Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII-XVIII вв.	Печ.	Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1988. С. 71-78.	0,7 п.л.	Т.М. Айтберов
32.	Статья: Вопросы историографии средневековой Чечено-Ингушетии в трудах советских исследователей 80-х гг.	Печ.	Вопросы историографии дореволюционной Чечено-Ингушетии. Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1988. С. 68-79.	0,9 п.л.	
33.	Тезисы: К вопросу о взаимосвязях героя с боевым скакуном "дин" в героико-исторических песнях илли.	Печ.	Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1988. С. 123-124.	0,2	

34.	Статья: К вопросу о феодальной фамилии Турловых в Чечне (XVI-XVII вв.).	Печ.	Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Тем. сб. статей. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1988. С.218-221.	0,3 п.л.	
35.	Статья: Российское повстанческое движение конца XVII - начала XVIII в. и народы Северного Кавказа.	Печ.	Известия СКНЦВШ. Серия общ-х наук. № 1. Ростов-на-Дону: 1989. С. 81-92.	1 п.л.	
36.	Тезисы: Архивные источники о политике Ирана и Турции на Северном Кавказе в XVI – XVIII в.	Печ.	Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценки и использования. 12-13 октября 1989 г. Тез. докладов и сообщений. Махачкала: Изд-во Даг. филиала АН СССР, 1989. С. 50-52.	0,2 п.л.	
37.	Статья: Политика России на Северном Кавказе между Прутским (1711 г.) и Персидским (1722-1723 гг.) походами.	Печ.	Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии. Тем. сб. статей. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1989.	1 п.л.	
38.	Статья: Русско-вайнахские отношения в начале 60-х годов XVIII в. (Архивный источник о миссии представителя российских властей в Карабулаке).	Печ.	Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии. Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1989.	0,8 п.л.	Г.А Горчханова, Т.М. Айтберов
39.	Доклад: Классики марксизма-ленинизма о характере внешней политики великих держав на Кавказе в первой половине XIX в.	Печ.	Краткое содержание докладов научной конференции по итогам работы за 1989 г. (Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт ИЭСФ). Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1990. С. 12-14.	0,3 п.л.	

40.	Статья: Политические события на Северном Кавказе в конце XVI – 40-х годах XVII века.	Печ.	Чечено-Ингушетия в политической истории России и Кавказа в дореволюционном прошлом. Тем. сб. статей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1990.	1 п.л.	
41.	Тезисы: Политическая обстановка на Северном Кавказе на рубеже XVII-XVIII вв.	Печ.	Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Региональная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1990.	0,2 п.л.	
42.	Публикация источника: Сборник материалов: Чечня и чеченцы в материалах XIX в. (материалы по истории и культуре народов Северного Кавказа).	Печ.	Элиста: Изд-во "Санан", 1990. – 110 с.	10 п.л.	И.Б.Мунаев
43.	Статья: Российское повстанческое движение конца XVII — начала XVIII в. и народы Дагестана		Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана / Под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: Ин-т ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1990. С. 79-83.	0,4 п.л.	
44.	Учебное пособие: Северный Кавказ в международных отношениях в XVII в. Программа спецкурса и методические указания.	Печ.	Грозный: Изд-во Чеч.-Инг. госуниверситета, 1991. - 30 с.	2 п.л.	Т.А. Евлоев
45.	Публикация источника: Берже А.Л. Чечня и чеченцы.	Печ.	Грозный: Изд-во "Книга", 1991. - 112 с.	10 п.л.	И.Б. Мунаев
46.	Статья: К вопросу о государственном устройстве имамата Шамиля.	Печ.	Социально-политические процессы в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Тем. сб. статей. – Грозный: Изд-во "Книга", 1991.	0,8 п.л.	

47.	Монография: Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке	Печ.	Грозный: Изд-во "Книга", 1991. - 112 с.	8 п.л.	
48.	Учебное пособие: История Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Учебное пособие для учащихся 7-8 кл.	Печ.	Грозный: Изд-во «Книга», 1991. - 160 с.	10 п.л.	Ш.Б.Ахмадов, М.Х. Багаев, Х.А. Хизриев
49.	Учебное пособие: Из истории народно-освободительных движений в Чечено-Ингушетии в XVII-XIX веках. Учебное пособие для студентов.	Печ.	Грозный: Изд-во Чеч.-Инг. госуниверситета, 1991. -76 с.	5 п.л.	В.А. Асталов, Ш.Б. Ахмадов, Т.А. Евлоев
50.	Тезисы: Чечня в международных отношениях XVIII века: политические предпосылки движения имама Мансура.	Печ.	Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. – Грозный: Изд-во «Книга», 1992.	0,2 п.л.	
51.	Учебное пособие: История Чечено-Ингушетии. Учебное пособие для учащихся 9 классов.	Печ.	Грозный: Изд-во "Книга", 1992. - 176 с.	10,5 п.л.	Ш.Б. Ахмадов, В.А. Асталов, Э.А. Исаев
52.	Статья: Международные факторы в формировании политической обстановки на Северо-Восточном Кавказе в XVIII - начале XIX века.	Печ.	Евразийская политика (научная информация). М., 1992. № 3.	1 п.л.	Ильясов В.Ю.
53.	Статья: Правовые аспекты взаимоотношений Чечни и России: история и современность.	Печ.	"Справедливость" (еженедельник). Грозный: февраль 1994. №1.	0,7 п.л.	

54.	Статья: Северный Кавказ: народно-освободительные движения прошлого, современный национал-радикализм и интеллигенция.	Печ.	"Справедливость" (еженедельник). Грозный: февраль 1994. № 4	0,8 п.л.	
55.	Тезисы сообщения: Объединительные тенденции в освободительных движениях народов Северного Кавказа (XVIII-XIX вв.).	Печ.	Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Материалы Всесоюзной научной конференции 20-22 июня 1989 г. Махачкала: 1994. С. 67-69.	0,3 п.л..	М.Б. Мужухо-ев
56.	Доклад: О характере народно-освободительного движения горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.		Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Материалы Всесоюзной научной конференции 20-22 июня 1989 г. Махачкала: 1994. С. 91-97.	0,6 п.л.	
57.	Энциклопедическая статья: Чеченцы	Печ.	Народы России. Энциклопедия / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 399-403.	0,4 п.л.	А.И.Хасбулатов, С.А. Хасиев, Х.А. Хизриев, Д.Ю., Чахкиев; и др.
58.	Тезисы: "Мир империи Кремля" Абдурахмана Авторханова и некоторые вопросы геополитики.	Печ.	Абдурахман Авторханов и политическая история Кавказа. Авторхановские чтения 30-31 мая 1994 г. – Грозный: 1994.	0,3 п.л.	
59.	Статья: Проблема присоединения народов Чечено-Ингушетии к России.	Печ.	История и историки /Под ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1995. С. 55-59.	0,3 п.л.	
60.	Тезисы: Традиционная чеченская дипломатия: отдельные аспекты истории.	Печ.	Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления. Тезисы докладов международной конференции. Москва, 19-20 января 1995 г. М.: 1995.	0,2 п.л.	В.Ю. Ильясов

61.	Статья: Краткий очерк истории	Печ.	Чеченцы: история и современность / Сост. и ред. Ю.А. Айдаева. М.: «Мир дому твоему», 1996. С. 139-144.	0,5 п.л.	
62.	Статья: Взаимоотношения Чечни и России (вторая половина XVI-середина XIX вв.)	Печ.	Чеченцы: история и современность / Сост. и ред. Ю.А. Айдаева. М.: «Мир дому твоему», 1996. С. 145-150.	0,5 п.л.	
63.	Статья: Имамат Шамиля – государство горцев Чечни и Дагестана	Печ.	Чеченцы: история и современность / Сост. и ред. Ю.А. Айдаева. М.: «Мир дому твоему», 1996. С. 177-184.	0,6 п.л.	
64.	Статья: Карабулаки (арштхойцы)	Печ.	Чеченцы: история и современность / Сост. и ред. Ю.А. Айдаева. М.: «Мир дому твоему», 1996. С. 208-209.	0,2. п.л.	
65.	Статья: Терско-гребенское казачество (происхождение и расселение)	Печ.	Чеченцы: история и современность / Сост. и ред. Ю.А. Айдаева. М.: «Мир дому твоему», 1996. С. 216-220.	0,3 п.л.	
66.	Статья: The export of the Iranian silk to Western Europe from the 16th to the beginning of the 17th century (the place of Russian and North Caucasian transit).	Печ.	The Annual of the society for the study of Caucasia. Vol. 6-7. Chicago: 1997. P. 39-50.	0,8 п.л.	
67.	Тезисы: Северный Кавказ и великие державы: прошлое и настоящее.	Печ.	Кавказская война. Спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов международной научной конференции. – Махачкала: 1998.	0,3 п.л.	
68.	Тезисы: К истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с адыгами и Кабардой в XVI-XVIII вв.	Печ.	Мир, согласие и сотрудничество.Тезисы докладов научной конференции, посвященной 60-летию ЧГУ. Грозный: 1998. С. 198-200.	0,2 а.л..	

69.	Рецензия на: Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов Международной научной конференции. Махачкала, 1998.	Печ.	Северо-Кавказский юридический вестник. Научно-практический журнал. №3. Ростов-на-Дону, 1998.	0,6 п.л.	М.Р. Гасанов, В.В. Черноус
70.	Статья: К изучению исламской идеологии в Чечне конца XVIII в. (Воззвания имама Мансура)	Печ.	Научная мысль Кавказа. Научный и общественно-теоретический журнал. Ростов н/Д., 1999. № 1 (17). С. 58-63.	0,8 п.л.	
71.	Энциклопедическая статья: Чеченцы	Печ.	Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 2000. С. 622-624.	0,3 п.л.	З.И. Хасбулатова, С.А. Хасиев, Х.А. Хизриев, Д.Ю. Чахкиев
72.	Статья: Российские документальные источники истории народов Северного Кавказа XVI-XVII вв.	Печ.	История: научные поиски и проблемы (Памяти д-ра ист. наук, проф. А.П. Пронштейна). Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦВШ, 2000. С. 108-115.	0,7 п.л.	
73.	Статья: Северный Кавказ в политике великих держав: прошлое и настоящее.	Печ.	Донской юридический институт: ученые записки. Т.14 – Ростов-на-Дону: Изд-во ДЮН, 2000. С. 147-150.	0,3 п.л.	
74.	Статья: Kunta-Hadji and the kunta-hadjists. The Kunta-Hadji Chechen Religious Movement.	Печ.	Religious Brotherhoods in Chechenya. Their Relevance for the Chechen Conflict. William R. Nelson. Justitute for Pubeic Affairs. – Harrisonburg: June 2000. С. 12-22.	0,8 п.л.	

75.	Монография: Çeçen - İngusya Halkıyla Rusya Arasındaki İlişkiler / Translated by: Tarik Cemal Kutlu	Печ.	Publisher: Sorun Yayınları. Istanbul, Eylül. 2000 (на тур. яз.) -148 с.	10 п.л.	
76.	Kunta-Hadji and the Kunta-Hadjists. The Kunta-Hadji Chechen Religious Movement	Печ.	Religious Brotherhoods in Chechnya Their Relevance for the Chechen Conflict. Conferinta Internationala: Conflictele in Caucazue de Nord influenta for asupra echilibrului social -political regiune/ The William R.Nelson Justitute - Moldova for public affairs at James Madison Universitu. – Chisinau: 7-8 oktombre, 2000. С. 12-22.	1 п.л.	
77.	Статья: Illegal military formations in the North Caucasus	Печ.	Conference on conflicts in the North Caucasus: social and political balance in the region. Center for Security and Science, Chisinau, october 7-8, 2000. С. 9-18.	0,8 п.л.	
78.	Статья: Religious Brotherhoods in Chechnya	Печ.	The Journal of Social, Political, and Economic Studies, Vol. 26, No. 3 (Fall 2001). С. 110-124.	1 п.л.	Stephen R. Bowers, Marion T., Doss, Jr
79.	Статья: Islam in the North Caucasus: A People Divided	Печ.	The Journal of Social, Political, and Economic Studies, Vol. 26, No. 3 (Fall 2001). С. 126-140.	1 п.л.	Stephen R. Bowers, Marion T., Doss, Jr
80.	Статья: Григол Великий – объединитель Восточной Грузии.	Печ.	"Вестник ЛАМ". №2. Грозный, 2001.	0,3 п.л.	
81.	Статья: Складывание Картлийского (Иберийского) государства (конец IV-II вв. до н.э.) и нахидурдзуки.	Печ.	«Вестник ЛАМ». №7. Грозный, 2001.	0,4 п.л.	

82.	Рецензия: Чечня и Россия: общества и государства. Публикации музея и общественного центра им. А.Сахарова.	Печ.	"Этнографическое обозрение". М., 2001. №6. С. 130-132	0,5 п.л.	
83.	Статья: Сползание Российской Федерации и Чеченской Республики Ичкерия к конфликту.	Печ.	Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции) / Под ред. Дж. Дж. Гакаева, А.Д. Яндарова. М.: ИЭА, 2001. С. 112-125.	1 п.л.	
84.	Монография: История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века.	Печ.	М.: Изд-во «Мир дому твоему», 2001. - 426 с.	27 п.л.	
85.	Статья: Русско-чеченское этнокультурное и хозяйственное взаимовлияние на Тереке в XVI-XVIII вв.	Печ.	Культура Чечни. История и современные проблемы / Отв. ред. Х.В. Туркаев. М.: Изд-во "Наука", 2002. С. 64-70.	0,6 п.л.	А.Д. Осмаев
86.	Раздел: Чечня: вчера, сегодня, завтра	Печ.	Россия и мусульманский мир: бюллетень реферативно- аналитической информации. N 6 (120). М., 2002. - 74 с.	5 п.л..	
87.	Доклад: Чеченское общество на перепутье: к проблеме внешнеполитического выбора.	Печ.	Вестник ЛАМ. 2003. №3. С. 35-38.	0,3 п.л.	
88.	Статья: К взаимоотношениям России и Чечни: от феодального лена к субъекту Федерации.	Печ.	Центральная Азия и Кавказ. CA&CC Press AB (Швеция), 2003. №2 (26). С. 32-41	0,9 п.л.	

89.	Статья: Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты.	Печ.	«Вестник ЛАМ». Грозный: 2003. №19.	1 п.л.	Э.Х. Хасмагомадов
90.	Статья: Islam in Ingushetia and Chechnya	Печ.	Liberty University, Faculty Publications and Presentations. (Publication Date 1-1-2004 Comments Published in The Journal of Social, Political and Economic Studies, 29:4, Winter 2004). С.395-407.	1 п.л.	Bowers, Stephen R.; Ashley Ann Derrick,
91.	Энциклопедическая статья: Аккинцы.	Печ.	Энциклопедия культур народов Юга России: в 9 т. Т.1. Народы Юга России. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. С. 48-49.	0,2 п.л.	Х.А. Хизриев
92.	Энциклопедическая статья: Брагунцы (барагунцы)	Печ.	Энциклопедия культур народов Юга России: в 9 т. Т.1. Народы Юга России. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. С. 76.	0,2 п.л.	
93.	Энциклопедическая статья: Двалы.	Печ.	Энциклопедия культур народов Юга России: в 9 т. Т.1. Народы Юга России. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. С. 94.	0,2 п.л.	
94.	Энциклопедическая статья: Дурдзуки (дзурдзуки, цанары, санары)	Печ.	Энциклопедия культур народов Юга России: в 9 т. Т.1. Народы Юга России. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. С. 96	0,2 п.л.	К.З. Чокаев
95.	Энциклопедическая статья: Чеченцы.	Печ.	Энциклопедия культур народов Юга России: в 9 т. Т.1. Народы Юга России. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. С. 232-235.	0,5 п.л.	В.Х. Акаев
96.	Энциклопедическая статья: Шатойцы (шуотой)	Печ.	Энциклопедия культур народов Юга России: в 9 т. Т.1. Народы Юга России. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. С. 237-238	0,2 п.л.	

97.	Монография: История Чечни в XIX-XX веках.	Печ.	М.: Изд-во «Пульс», 2005. -996 с.	87 п.л.	Э.Х. Хасмагомадов
98.	Статья: Чеченский вопрос в современной литературе и средствах массовой информации	Печ.	Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. М: Изд-во «Наука", 2006. С. 116-120.	0,4 п.л.	
99.	Тезисы: Терроризм в России	Печ.	Терроризм: политический миф или реальная угроза. Круглый стол. М: 2006.	0,2 п.л.	
100.	Монография: История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2-х т. Т.1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века.	Печ.	История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный, ГУП "Книжное издательство", 2006. - 827 с.	66,75 п.л.	Ш.Б. Ахмадов М.Х. Багаев Ш.А. Гапуров, Х.А. Хизриев, и др.
101.	Учебное пособие: Рассказы по истории Чечни. Учебное пособие для учащихся 5 кл.	Печ.	Грозный, изд-во "Глобус". 2006. - 176 с.	12 п.л.	Ш.Б.Ахмадов, М.Х.Багаев, Х.А.Хизриев
102.	Учебное пособие: История Чечни (XIX век). Учебник для 8 класса общеобразовательь-ных школ	Печ.	Грозный: ГУП "Книжное издательство". 2006.- 380 с.	28 п.л.	Ш.Б. Ахмадов, В.А. Асталов, А.И. Хасбулатов
103.	Статья: Русско-чеченское этнокультурное и хозяйственное взаимовлияние на Тереке в XVI-XVIII в.	Печ.	Культура Чечни: история и современные проблемы /Отв. ред. Х.В. Туркаев. Изд. 2-е доп. М.: Наука, 2006. С. 64-70.	0,6 п.л.	А. Д. Осмаев

104.	Тезисы: Межнациональные отношения в России.	Печ.	Экстремизм – угроза государственности России. М., 2006.	0,2 п.л.	
105.	Рецензия: Новая «Сказка Востока» (Исторический роман К. Ибрагимова)	Печ.	«Чеченское общество сегодня» №1 (17). М., 2008.	0,3 п.л.	
106.	Статья: Международные и региональные политические предпосылки установление добрососедских русско-чеченских связей в XVI веке	Печ.	Сборник: Чеченцы в сообществе народов России. Т.1. Назрань, 2008. С. 26-52.	2 п.л.	
107.	Статья: Актуальные проблемы истории Чечни в XVI-XVIII вв. и вопросы историографии	Печ.	Вестник Академии наук ЧР. Т.2, № 2(9). Грозный, 2008. С. 36-48	1 п.л.	
108.	Тезисы: Мусульманское духовенство Чечни XVIII в. по сведениям документальных источников	Печ.	Ислам в Чечне: история и современность, Сборник материалов научно-практического семинара. - Грозный, 2008. С. 21-22.	0,2 п.л.	
109.	Раздел: Русско-чеченские взаимоотношения в XVI-XVIII вв.	Печ.	Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы /Отв. ред. Х.В.Туркаев. М.: Наука, 2008. С. 37-74.	2,5 п.л..	
110.	Тезисы: Русские документальные источники по истории Чечни в XVI-XVIII вв.	Печ.	Чеченцы в российской истории. Сборник материалов научно-практического семинара. Грозный, 2008. С. 46-48.	0,2 п.л.	
111.	Монография: История Чечни с древнейших времен до наших дней в 2-х т. Т.2. История Чечни XX и начала XXI веков		История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный, ГУП "Книжное издательство", 2008. - 832 с.	67 п.л.	Д.Б. Абдурахманов, А.М. Бугаев, Ж.Ж. Гакаев, и др.

112.	Статья: Географическое, этнотерриториальное и демографическое положение Чечни в XVI-XVIII вв.	Печ.	Сборник научных трудов /Комплексный научно-исследовательский институт РАН. Вып.2. М.: «Комтех-принт», 2009. С. 465-483.	1,3 п.л.	
113.	Статья: Международные и региональные политические предпосылки установления добрососедских русско-чеченских связей в XVI веке	Печ.	Чеченцы в сообществе народов России: материал научной конференции.Т.1. Назрань, 2008. С. 26-52.	1,8 п.л.	
114.	Монография: Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках	Печ.	М.: Молодая гвардия, 2009. 423 с.	22 п.л.	
115.	Учебное пособие: Islam in the North Caucasus: A People divided (2009).	Печ.	Liberty University. Faculty Publications and Presentations. 20. Liberty Uvenersitiy? Helms School of Govermment, January 2009. – 33 с.	2,3 п.л.	Bowers, Stephen R.; Doss, Jr., Marion T.; and Kurnosov, Yulii.
116	Статья: Курорты Чечни: из истории становления и развития.	Печ.	Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 1 (12). Грозный, 2010. С. 90-97.	0,8 п.л.	Т.З. Ахмадов.
117	Статья: Становление медицинской службы Терского казачьего войска на территории Чечни (до 1917 г.)	Печ	Вестник Чеченского государственного университета. Вып. 1. Грозный, 2010. С. 54-60.	0,8 п.л.	Т.З. Ахмадов
118	Статья: Об освещении «кавказоведческой школой» академика В.Б. Виноградова вопросов истории народов Северно-	Печ.	Вестник Академии наук Чеченской республики. №2 (13). Грозный, 2010. С. 78-84.	1 п.л.	Ш.А. Гапуров

	го Кавказа				
119	Статья: К вопросу о климатических факторах в истории Чечни в XIII-XVII вв.	Печ.	Наука и образование в Чеченской Республике: состояние и перспектиы развития. Материалы конференции. 7 апреля 2011г. г. Грозный. Грозный, 2011. С. 526-529.	0,5 п.л.	
120	Статья: О горской медицине в период Кавказской войны	Печ.	Ахмат-Хаджи Кадыров и актуальные проблемы истории Чеченской Республики и России: Сборник материалов научно-практической конференции. Грозный, 2011. С. 117-133.	1 п.л.	Ахмадов Т.З.,
121	Статья: Ислам как консолидирующий фактор в чеченском обществе.	Печ.	Ахмат-Хаджи Кадыров и актуальные проблемы истории Чеченской Республики и России: Сборник матеериалов научно-практической конференции. Грозный, 2011. С.65-86.	. 1,5 п.л.	
122	Рецензия: на книгу М.М. Зязикова «На рубеже столетий. Ингушетия в конце XIX – начале XX веков»	Печ.	Журнал «Жизнь национальностей». №2. М., 2012.	0,8 п.л.	Е.Л. Рябова, Л.О. Терновая
123	Монография: Чеченцы	Печ.	Чеченцы /Отв. ред. Л.Т. Соловьева, В.А.Тишков, З.И. Хасбулатова). - М.: Наука, 2012. – 622 с.	54,5 п.л.	В.А. Тишков, А.Л. Устаев, С.-М.А. Хасиев, и др.
124	Сообщение: Складывание первого казачьего сообщества на Тереке	Печ.	Россия и Кавказ: история и современность материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. Грозный, 2012. С. 102-109.	0,6 п.л.	
125	Статья: Из истории складывания первого казачьего сообщества на Тереке	Печ.	Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. №1 (18). С. 94-97.	0,8 п.л.	

126	Статья: К вопросу о нахском этномассиве на Кавказе (I-XШ вв.)	Печ.	Труды Комплексного научно-исследовательского института РАН. №36. - Грозный, 2013. С. 299-307.	0,8 п.л.	
127	Статья: Вопросы историографии Чечни (советский период и современность)	Печ.	Труды Комплексного научно-исследовательского института РАН. №6. Грозный, 2013. С. 308-315.	0,8 п.л.	
128	Доклад: Чеченское княжество и общества Чечни в политике России на Кавказе во второй половине XVII века	Печ	Конституционное и государственное строительство на Юге России: история и современность (2-е Кадыровские чтения). Материалы Всероссийской научно-практической конференции/ Грозный, 2013.С. 140-149.	0,7 п.л.	
129	Монография: История Чечни с древнейших времен до наших дней в 4-х т. Т.3. История Чечни. XIX в.	Печ.	История Чечни. XIX в. Т.3 /Отв. ред. Я.З. Ахмадов. Грозный, 2013. – 656 с.	53 п.л.	Д.Б. Абдурахманов, Ш.А. Гапуров, А.И.Хасбулатов, и др.
130	Тезисы: О дружбе народов	Печ.	Размышления о формуле Дружбы народов России: Материалы Круглого стола «О формуле Дружбы народов России». Московский Дом национальностей 19 сентября 2013 г. М., 2013.	0,4 п.л.	
131	Статья: Медицинская служба Кавказской туземной конной дивизии в 1914-1917 гг.	Печ.	Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. №106, октябрь 2014. С. 1-4.	0,4 п.л.	Ахмадов Т.З.
132	Статья: Чечня и Северный Кавказ в политике России, Ирана и Османской империи в первой половине XVIII в.	Печ.	Вестник Академии наук Чеченской Республики. №2(23), 2014. С.42-52.	1 п.л.	

133	Рецензия на книгу: Е.И. Иноземцева. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014. – 298 с.	Печ.	Вестник Института истории, археологии и этнографии. ДНЦ РАН. 2014. №3(39). С. 162-163.	0,2 п.л.	
134	Рецензия на книгу: Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром / Научн. ред. и сост. И.Г. Косиков. М., 2012.	Печ.	Этнографическое обозрение. 2014. №2. С. 179-183.	0,5 п.л.	
135	Раздел: Русско-чеченские взаимоотношения в XVI-XVIII вв.	Печ.	Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы /Отв. ред. Х.В. Туркаев. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2015. С. 38-78.	2,7 п.л.	
136	Статья: Горские народы, сарматы и аланы в поздних античных источниках (к постановке проблемы)	Печ.	Труды КНИИ РАН. Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН. Грозный, 2015. С. 379-389.	1 п.л.	
137	Доклад**:** Личность имама Мансура и его время в новой книге профессора В.В. Дегоева. Видение или видения?	Печ.	Роль личности в становлении и развитии российско-кавказских отношений, Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 230-летию со дня рождения Бей-Булата Таймиева. Грозный, 2015. С. 177-189.	0,9 п.л.	
138	Статья: Исторические и географические факторы формирования единого чеченского народа в XVI-XVIII вв.	Печ.	Электронный ресурс: Грозный-информ. 20.02. 2015. grozny-inform.ru›Книги›593821	0,3 п.л.	

139	Монография: Битва за Чечню: «Война историографий» или информационная война	Печ.	Грозный: АО «ИПК Грозненский рабочий», 2015. – 432 с.	27 п.л.	Абдурахманов Д.Б.
140	Статья: Скончался Дукуваха Абдурахманов - Председатель Парламента Чеченской Республики.		Грозный-информ. 29.06.2015; Электронный ресурс: grozny-inform.ru›news/society/61877/	0,3 п.л.	
141	Доклад: Использование проблематики Кавказской войны в дезинтеграционных целях	Печ.	Миротворческие процессы на Кавказе: уроки и перспективы. 4-е Кадыровские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 8 сентября 2016 г. Грозный, 2016. С. 53-61.	0,7 п.л.	
142	Статья: Нахский этномассив Закавказья:дзурдзуки/ дурдзуки, ваыппи	Печ.	Вестник Академии наук Чеченской Республики. №2 (31). 2016. С. 20-30.	1 п.л.	
143	Статья: Герой России Абдулхаким Исакович Исмаилов – дагестано-чеченский курейшит	Печ.	Электронный ресурс: ИА Грозный-Информ. 05. О5. 2016 grozny-inform.ru›news/express/72127/	0,3 п.л.	
144	Монография: История Чечни с древнейших времен до наших дней в 4-х т. Т.2. История Чечни. XVI-XVIII вв.	Печ.	АО «ИПК «Грозненский рабочий». Грозный, 2016. - 624 с.	50 п.л.	Ш.Б. Ахмадов, Ш.А. Гапуров, и др.
145	Рецензия на книгу: Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (1 тысячелетие до н.э.) / Научн. ред. Т.А. Ачугба. Сухум, 2016. -544 с.	Печ.	Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. №4 (192). 2016. С. 95-98.	0,6 п.л.	В.Х. Акаев

146	Доклад: От гражданской войны до коллективизации и «Большого террора»: судьбы горцев и терских казаков	Печ.	Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Материалы II Международной научной конференции. ФГБУН. Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук. 2016. С. 10-14.	0,4 п.л.	
147	Статья: Вопросы исследования коллабарации чеченцев и ингушей в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.	Печ.	Вклад народов Чечено-Ингушетии в Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (III Кадыровские чтения) Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Грозный, 2016. С. 67-89.	1,5 п.л.	
148	Крах «великих» информационных операций – «Остенде», «Кондопога»: к новой внутренней политике.	Печ.	Эдектроннвй научный журнал APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. WWW.APRIORI-JOURNAL.RU 2017. № 2. С. 1-20.	1 п.л	И.Ч. Бауди-нов
149	«Битва за Чечню…»: вынужденное послесловие (Б.В. Виноградов, Ю.Ю.Клычников, В.А. Матвеев, И.М. Скибицкая).	Печ.	Электронный научный журнал APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. WWW.APRIORI-JOURNAL.RU 2017. № 3. С. 2-12.	1 п.л.	
150	Доклад: Некоторые дискуссионные вопросы современной историографии: проблемы восстановления автономии Чечено-Ингушетии	Печ.	Восстановление автономии Чечено-Ингушетии - торжество исторической справедливости. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию восстановления Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 2017. С. 10-16.	0,6 п.л	
151	Статья: Здравоохранение Чечено-Ингушской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.	Печ.	Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2017. № 4 (37). С. 22-26.	0,8 п.л.	Т.З. Ахмадов

152	Статья: Город Грозный – чеченское чудо. Назревшая задача написания истории города – феномена	Печ.	Грозный: история и современность. Историко-этнографический сборник статей, посвященный 200-летию основания г. Грозного. Грозный, 2017. С. 111-116.	0,4 п.л.	Магамадов С.С.
153	Доклад: О некоторых итогах и вопросах в исследовании раннесредневековых городов Северо-Восточного Кавказа	Печ.	Роль северо-кавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа. Материалы Всероссийского историко-этнографического форума, посвященного 200-летию основания г. Грозного. 2017. С. 3-15.	1 п.л.	
154	Рецензия: Война, политика и чеченская государственность в книге Ш.А. Гапурова о Чечне во времена Кавказской войны	Печ.	Новый исторический вестник. №57 (3). 2018. С. 156-173.	0,5 а.л.	А.Д. Осмаев
155	Доклад: Вооруженные формирования Чеченской республики Ичкерия: отрицательные уроки	Печ.	Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 45-58.	1 п.л.	
156	Статья: Страбон и некоторые вопросы этногеографии нахов Кавказа	Печ.	Сборник научных трудов АН ЧР и КНИИ РАН, № 7/ Под ред. Ш.А. Гапурова, Д.К.-С. Батаева. Грозный: Грозный: Изд-во АН ЧР, 2018. С. 325-334.	0,8 п.л.	
157	Статья: Великий Страбон и амазонки Кавказа: еще одна попытка прочтения сведений о древних народах России	Печ.	Родная Ладога. №3 (45) 2018. С. 164-167.	0,6 п.л.	

158	Статья: К истории нахского этномассива Передней Азии и Кавказа: древность, античность, средневековье	Печ.	Этногенез и этническая история народов Кавказа. Сборник материалов I Международного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.). // Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2018. С. 68-85.	1,4 п.л.	Э.Х. Хасмагомадов
159	Статья: Начало формирования цанарского государства (хорепископство) и первые нахо-арабские контакты на Кавказе (VI–VII вв.)	Печ.	Этногенез и этническая история народов Кавказа. Сборник материалов I Международного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.). // Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2018. С. 192-201.	0,8 п.л.	
160	Монография: История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до конца XV века	Печ.	М.: Изд-во Литера, 2019. – 686 с., карты	43 п.л.	Г.Д. Гумба, Д.С. Курумов, Э.Х. Хасмагомадов
161	Статья: Древние народы России в известиях Гомера и Эсхила	Печ.	Родная Ладога. №3 (45) 2019. С. 109-115.	0,6 п.л.	

КРАТКАЯ СПРАВКА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА АКАДЕМИИ НАУК ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЯВУСА ЗАЙНДИЕВИЧА АХМАДОВА

За почти 50 с лишним лет научной деятельности Я.З. Ахмадова в области истории России, Кавказа и Чечни им опубликовано до 160 научных работ, в т.ч. 20 монографий и учебных пособий. Общий объем листажа – 690 п.л. Одна монография была опубликована в Турции, 7 статей в США, одна статья в Швеции и несколько статей в Молдавии и Казахстане (на русском, английском и турецком языках). Ахмадов Я.З. принимал участие в десятках всесоюзных, всероссийских и международных конференциях (включая Оксфорд в 1990 г.).

Научные заслуги Я.З. Ахмадова заключаются в развитии российской историографии за значительный временной период с использованием достигнутых научных результатов в практической работе – написании обобщающих академических «Историй…» и учебных пособий по истории народов России для школ и вузов. Его труды закрыли значительные лакуны в истории региона всего российского Северного Кавказа и чеченского народа - практически за весь XVI, XVII, XVIII и начало XIX века, а последние статьи и монографии охватывают уже позднеантичный и средневековый периоды в истории горских народов Кавказа и Чечни. Отдельного слова заслуживает глубокое изучение историком русско-чеченских связей в XVI- XIX вв., которые он считает приоритетными для истории Чечни. В текущем году Я.З. Ахмадов (в соавторстве и под своей научной редакцией) выпустил монографию «История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни» (М., 2019) в объеме 43 п.л. Также запущен в издательстве сборник материалов и документов - «Чечено-русские отношения в XVIII веке», который является итогом исследовательских усилий автора последних 30 лет.

Ахмадов Я.З. активно участвует в подготовке коллективных исторических трудов, выпускаемых Институтом этнологии РАН, КНИИ РАН и Академией наук Чеченской Республики.

Наряду с научно-исследовательской и образовательной деятельностью Я.З. Ахмадов проявил себя активный участник военно-политических событий в Чеченской Республике в 1991-2003 гг., защищал конституционный строй и территориальную целостность Российской Федерации, являлся министром информации и печати Пра-

вительства национального доверия ЧР (С.Н. Хаджиев), выполнял важные государственные задачи в период работы в Государственной Думе и Администрации Президента Российской Федерации в 2002-2010 гг.

Ныне, Я.З. Ахмадов - академик Академии наук Чеченской Республики, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований АН ЧР и Комплексного научно-исследовательского института имени Х.И. Ибрагимова РАН (г. Грозный), доктор исторических наук, профессор, государственный советник Российской Федерации I класса, Заслуженный деятель науки Чеченской Республики.

АВТОБИОГРАФИЯ
АХМАДОВА ЯВУСА ЗАЙНДИЕВИЧА

Ахмадов Я.З. родился 3 октября 1949 г. в Семипалатинской области Казахской ССР в семье ссыльного священослужителя (отец – Ахмадов Зайнди, мать – Юсупова (Ахтаханова) Хамисат). В начальную школу пошел в г. Джамбуле (Тараз). С 1961 г. в гражданстве Российской Федерации.

В 1966 г. закончил среднюю школу (с. Гойты Урус-Мартановского района ЧИАССР), высшее образование получил в 1966-1970 гг. в Чечено-Ингушском государственном педагогическом институте; диплом по специальности «история и обществоведение». Вторая специальность - «Государственное управление и национальная безопасность», получена в Российской академии государственной службы при Президенте РФ (2006 г.).

Очную аспирантуру в 1972-1975 гг. проходил в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (г. Махачкала). Диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 защитил 25 января 1978 г. по теме: «Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке». Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук была подготовлена без отрыва от производства в 1980-1989 гг. и защищена в начале 1990 г. по теме: «Народы Северного Кавказа во внешней политике России, Ирана и Османской империи (XVI – первая четверть XVIII в.)».

Решением ВАК от 27 июня 1990 г. присвоено ученое звание старшего научного сотрудника, а решением Госкомитета СССР по народному образованию от 29 января 1992 г. присвоено ученое звание профессора. В апреле 2001 г. избран действительным членом Академии наук Чеченской Республики. Имеет на данное время свыше 160 научных публикаций, включая 20 монографий и учебных пособий (часть работ издана в Турции, США, Швеции и странах СНГ).

С 1970 г. работал учителем, заместителем директора СШ, с 1978 г. старшим научным сотрудником Чечено-Ингушского НИИЭСФ при Совете Министров ЧИАССР, с 1990 гг., и далее профессором Чеченского госуниверситета по 2003 г. С осени 1994 г. по февраль 1996 г. — руководитель республиканской информационной службы, министр информации и печати Чеченской Республики. В 2000-2001 гг. руководитель Территориального управления Министерства печати

Российской Федерации по Чеченской Республике. С октября 2002 г. руководитель аппарата Комиссии Государственной Думы по содействию политическому урегулированию и соблюдению прав человека в Чеченской Республике. С мая 2004 г. по июнь 2010 г. работал в Администрации Президента Российской Федерации (заместитель начальника департамента); классный чин - государственный советник РФ I класса. С 2001 г. и по настоящее время работает главным научным сотрудником Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики и Комплексного научно-исследовательского института имени Ибрагимова Х.И. Российской академии наук (г. Грозный).

Заслуженный деятель науки Чеченской Республики (2003).

Женат. Имеет 5 детей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ПУБЛИКАЦИЙ

1. **Айтберов Тимур Магомедович,** кандидат исторических наук, профессор Дагестанского государственного университета
2. **Алиев Ахмед Шерпудинович,** кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. академика М.Д. Миллионщикова», Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН
3. **Алиева Севиндж Исрафил гызы,** доктор исторических наук, заведующий отделом «История российско-азербайджанских отношений» Института Истории им. А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана
4. **Арсанукаева Малика Султановна,** доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент
5. **Ахмадов Тахуз Зайндиевич,** доктор медицинских наук, профессор, Чеченский государственный университет
6. **Алиев Багомед Гадаевич,** доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
7. **Байдаев Ислам Чихаевич,** соискатель кафедры истории Чеченского государственного университета
8. **Бетильмерзаева Марет Мусламовна,** доктор философских наук, доцент, Чеченский государственный педагогический университет, Чеченский государственный университет
9. **Блейх Надежда Оскаровна,** доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
10. **Боголюбов Александр Александрович,** доктор гуманитарных наук в области новейшей истории (учёная степень Республики Польша), заведующий сектором ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей»
11. **Бугаев Абдула Махмудович,** кандидат исторических наук, заведующий отделом гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН (г. Грозный), доцент кафедры истории ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»
12. **Бегуев Сулейман Ахятьевич,** старший преподаватель кафедры музееведения и культурологии ФГБОУ ВО «Чеченский государст-

венный университет»; старший научный сотрудник отдела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики

13. **Бурзаканов Якуб Умарпашаевич,** старший научный сотрудник отдела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики
14. **Бурыкина Людмила Васильевна,** кандидат исторических наук, доцент, Адыгейский государственный университет
15. **Гаджиев Гасым Ахад оглу,** доктор исторических наук, заведующий отдела армяноведения Института Кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана
16. **Гайлаев Руслан Мамедович,** кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
17. **Гайтамирова Социта Абуевна,** кандидат исторических наук, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
18. **Гапуров Шахрудин Айдиевич,** доктор исторических наук, профессор, президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
19. **Гарасаев Ходжа-Ахмед Магомедович,** историк-востоковед
20. **Гарсаев Лейчий Магамедович,** доктор исторических наук, профессор кафедры истории Чечни ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», главный научный сотрудник КНИИ имени Х.И. Ибрагимова РАН, заведующий отделом этнологии ИГИ Академии наук Чеченской Республики
21. **Гапурова Мадина Шахрудиновна,** старший научный сотрудник отдела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики
22. **Гарунова Нина Нурмагомедовна,** доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет
23. **Гасанов Магомед Алиевич,** доктор экономических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук, Грозненский государственный нефтяной технический университет им. академика М.Д. Миллионщикова, г. Грозный
24. **Гелиева Мата Нурулаевна,** студентка 2-го курса исторического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный универси-

тет»

25. **Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович,** доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный университет
26. **Демелханов Сулейман Магомедович,** старший научный сотрудник Центра нахских исследований ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»
27. **Дендиев Казбек Геланиевич,** соискатель, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН
28. **Джамирзаев Ваха Салманович,** младший научный сотрудник лаборатории историко-этнологических исследований КНИИ им. Ибрагимова Х.И. РАН
29. **Джамирзаев Салман Мирзакаевич,** доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики
30. **Ибрагимов Мовсур Муслиевич,** доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», главный научный сотрудник КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН
31. **Ибрагимов Муса Муслиевич,** доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. академика М.Д. Миллионщикова», главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук
32. **Иноземцева Елена Ивановна,** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала
33. **Исакиева Зулай Сулимовна,** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»
34. **Кидирниязов Даниял Сайдахмедович,** доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН
35. **Курмансеитова Аминат Хасановна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований
36. **Лысенко Юлия Михайловна,** кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН

37. **Магамадов Супьян Султанович,** кандидат исторических наук, директор Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, доцент кафедры музееведения и культурологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
38. **Мамедова Назия,** научный сотрудник Института Кавказоведения Национальной Академии Наук Азербайджана
39. **Манкиев Абубакар Ахмедович,** кандидат философских наук, профессор, заведующий лабораторией социально-политических, правовых и духовных процессов КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН (г. Грозный), ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики
40. **Месхидзе Джульетта,** кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела европеистики Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
41. **Мусхаджиев Саид-Хасан Хамзатович,** кандидат исторических наук, доцент, Майкопский государственный технологический университет, г. Майкоп
42. **Оздамирова Элиза Мусатовна,** кандидат исторических наук, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
43. **Осмаев Аббаз Догиевич,** доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», ведущий научный сотрудник, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН,
44. **Осмаев Амин Ахмедович,** депутат Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики в 1990-1995 гг., председатель Палаты представителей Народного собрания Чеченской Республики в 1996-1998 гг., член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в 1996-1998 гг.
45. **Осмаев Мовла Камилович,** кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», Заслуженный работник культуры Российской Федерации
46. **Османов Ахмед Ибрагимович,** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН
47. **Панеш Аскер Дзепшевич,** доктор исторических наук, доцент, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева

48. **Садулаев М.Ю.,** студент 4 курса исторического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
49. **Саралиева Лиана Шахрудиновна,** старший научный сотрудник отдела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики
50. **Сафаров Рафик Фируз оглу,** кандидат исторических наук, доцент, Институт археологии и этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана
51. **Тишков Валерий Александрович,** доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии наук, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Чеченской Республики
52. **Туркаев Хасан Вахитович,** доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН ЧР, главный научный сотрудник отдела языка и литературы Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Заслуженный деятель науки Российской Федерации
53. **Тесаев Зелимхан Адамович,** научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики
54. **Хабаев Ибрагим Дагаевич,** старший преподаватель кафедры правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», руководитель научно-образовательного Центра нахских исследований ФГБОУ ВО «ЧГПУ»
55. **Хазбулатов Чингиз Лечиевич,** аспирант лаборатории историко-этнологических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук
56. **Халаев Захид Алиевич,** научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, кандидат исторических наук
57. **Хасмагомадов Эдильбек Хамидович,** кандидат исторических наук
58. **Хачидогов Руслан Асланович,** старший преподаватель, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского Университета МВД России

59. **Хизриев Хаджи Ахмедович,** кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, ведущий научный сотрудник лаборатории историко-этнологических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук
60. **Холлиев Азизибек Гузалович,** кандидат исторических наук, доцент, Национальный университет Узбекистана
61. **Чекулаев Николай Дмитриевич,** кандидат исторических наук, научный сотрудник Института ИАЭ ДНЦ РАН
62. **Шамаев Артур Мурадинович,** старший преподаватель, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского Университета МВД России
63. **Шнирельман Виктор Александрович,** доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, действительный член Академии Европы (Academia Europaea)
64. **Эльбуздукаева Тамара Умаровна,** доктор исторических наук, доцент, заведующая отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», главный научный сотрудник лаборатории историко-этнологических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИИ НАУК ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

№ 8

Посвящается 70-летию известного историка,
доктора исторических наук, профессора, академика АН ЧР,
российского и чеченского государственного деятеля
Ахмадова Явуса Зайндиевича

Формат 60х84 1/16. Бумага офсет 1. Печать ризографная. Гарнитура Таймс.
Усл.п.л. 33.2. Заказ № 061-19. Тир. 500 экз. Отпеч. в тип. ИП Тагиева Р.Х.
г.Махачкала, ул. Батырая, 149. Тел.: 8 928 048 10 45
“ФОРМАТ”